

Н О Я Б Р Ъ . 1864.

РУССКОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- Воспоминанія дѣтства (Окончаніе). . . . . *Ө. М. Рьшетниковъ.*
Долина скорби. (Стихотв. изъ Гейне). . . . . *П. И. Вейнбергъ.*
Историческіе очерки (XVIII столѣтія.) . . . . . *Н. В. Шелуновъ.*
Два поколѣнія. (Романъ Шпильгагена, XVIII.—XXXII).
Эпизоды изъ романа „Старое старится, молодое раететь“. I. Длинногубовъ. II. Быть большаго барина. III. Барскія проказы. . . . . *Г. Н. Потанинъ.*
Виновата-ли она? (Англійскій романъ. Продолженіе).
Письмо Юліи къ Донъ-Жуану. (Стихот. Изъ Байрона) . . . . . *Д. Д. Минаевъ.*
Степанъ Рулевъ. (Черты изъ жизни хорошихъ людей) . . . . . *Н. Холодовъ.*
Мосьтъ. (Стих. изъ Лонфелло) . . . . . *Д. Д. Минаевъ.*
Андреевка. (Очерки быта пригородныхъ селъ). . . . . *А. Молчановъ.*
Историческое развитіе европейской мысли. . . . . *Д. И. Писаревъ.*

(См. на оборотѣ).

Последняя (декабрьская) книжка выйдетъ вслѣдъ за ноябрьской.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное Обзоріе.

Нерѣшенный вопросъ. (Статья третія и послѣдняя).

Библиографическій Листокъ.

Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой полковника, состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаремъ, Адриана Моисеевича Грибовскаго. Изд. второе, съ дополненіями. М. 1864.—Краткій учебникъ физиологіи Л. Германна. Перев. съ нѣмецкаго, просмотрѣнный и дополненный Н. Стѣеновымъ. Изд. В. Ковалевскаго. Спб. 1864.—Начала міра — Жуванселя. Перев. подъ редакціей Н. А. Брюллова и А. Н. Матвѣева. Спб. 1864.—Практическій Словарь или легонькій курсъ философіи и морали для свѣтскихъ людей составилъ Не—свѣтскій. Спб. 1864.—Положеніе женщинъ въ Америкѣ, Адольфа Колачека. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1864.

Отшельница. (La Religieuse, par l'abbè X.

Paris. 1864). . . . . Э. Рекло.

ОТДѢЛЪ III.

Современное Обзоріе.

Политика. . . . . . *Жакъ Лесбурень.*

ФРАНЦІЯ. — Процессъ Тринадцати. — Явное желаніе правительства уничтожить избирательные комитеты и тѣмъ окончательно сломить оппозицію. — Мнѣніе императорскаго прокурора о правѣ собираться. — Какими правами пользуется правительственный кандидат и какому безправію подвергается оппонентъ? — Неудавшаяся рѣчь министра Дюрюи въ аудиторіи медицинскихъ студентовъ. — Лекція объ императорской ассоціаціи профессора Батби. — Циркуляръ префекта графа Мишеля, запрещающій учить латинскому языку. — АНГЛІЯ. — Внѣшняя политика ея въ отношеніи слабыхъ и сильныхъ. — Казнь Франца Миллера. — ГЕРМАНІЯ. — Насколько возвеличился она послѣ датской войны? — Образчики нѣмецкаго патріотизма. — ИСПАНІЯ. — Испанскіе либералы и послѣдніе выборы въ Мадридѣ и Барселонѣ. — Ссылка принца Донъ-Эврика на Канарскіе острова. — АМЕРИКА. — Избраніе Авраама Линкольна на новое четырехлѣтіе и послѣднія событія съ театра сѣверо-американской войны.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 декабря 1864 г.

Въ типографіи Рюмина и Комп.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.

(Окончаніе).

Въ теченіи одного года, послѣ моего бѣгства на заводъ, я предоставленъ былъ рѣшительно самому себѣ. Сдѣлавши по силамъ что нужно у дяди, я забивался въ уголъ и тамъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока меня не вызовутъ оттуда зачѣмъ-нибудь. Мнѣ скучно и тяжело было сидѣть тамъ; я много думалъ, но думы мои были нерадостныя; я ничего не видѣлъ хорошаго въ своемъ положеніи и не могъ представить ничего утѣшительнаго въ будущемъ. Когда мнѣ становилось очень тяжело, я плакалъ. Кромѣ этого, меня укоряли отцомъ, моими поступками, и съ утра до вечера никуда не выпускали, да я и самъ никуда не шелъ: мнѣ почему-то стыдно было людей. Теперь я ужъ не дѣлалъ никакихъ пакостей. Одно только было у меня удовольствіе—это когда меня отпускаютъ рыбачить. Лодки мнѣ не давали; а когда отпускали, то дѣлали строгія внушенія, чтобы я не посмѣлъ бѣжать; но я рѣшительно не имѣлъ этого намѣренія, зная по опыту, что десятилѣтнему бѣжать очень трудно и очень глупо. И куда бѣжать? Рыба меня мало занимала, и я больше думалъ. И богъ знаетъ о чемъ я думалъ.... Я нисколько не винилъ воспитателей въ томъ, что они строги; я даже благодарилъ ихъ, что они содержатъ меня, и мнѣ досадно было только за то, что они сердятся на меня во всѣхъ своихъ неудачахъ, какъ будто въ ихъ неудачахъ я одинъ виноватъ.

Вотъ какъ я понималъ тогда своихъ воспитателей: дядя сѣтуетъ на судьбу, что онъ бѣденъ. При своей бѣдности и своемъ грошовомъ воспитаніи, онъ не могъ, конечно, выставиться передъ начальствомъ и получить хорошее доходное мѣсто, хотя и чувствовалъ способность къ такому мѣсту. Я полагалъ, что дядя умный человѣкъ, и заключалъ это изъ того, что съ нимъ говорилъ ласково начальникъ, который служащихъ отличалъ по своему... Дядю я считалъ простымъ и добрымъ человѣкомъ, потому что всѣ отзывались о немъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ, и онъ ни на кого не сердился. Вскричитъ онъ, а потомъ смягчится и скажетъ: «а богъ съ нимъ! Если онъ мнѣ зло дѣлаетъ, Богъ накажетъ его, а мнѣ дѣла нѣтъ.» Если у него были лишнія деньги, онъ давалъ ихъ тѣмъ, кто былъ очень бѣденъ; и знаю я, что онъ рѣдко получалъ долги. Онъ до того былъ простъ при своей должности, что игралъ въ бабки съ почтальонами, чего бы, конечно не сдѣлалъ другой человѣкъ при его должности; а это я зналъ изъ того, что надъ нимъ смѣялись люди старше его по должностямъ. Сколько я ни сличалъ его обращенія со мной и съ другими, и находилъ, что все-таки онъ добръ ко мнѣ: онъ взялъ меня къ себѣ, хотя у меня есть какой-то отецъ, принялъ черезъ меня много неприятностей... Я сознавалъ, что я глупъ и мнѣ должно любить его, потому что онъ держитъ меня, какъ сына; а это я зналъ изъ того, что все, что на мнѣ, пища, чистый уголь — все его. Чего-же мнѣ-то надо? Отчего-же я-то такой?

Тетка была капризная женщина, но добрая и уступчивая; она даже была мягче дяди. Своимъ врагамъ она сгоряча готова была богъ знаетъ что сдѣлать, но потомъ плевала на все и на другой-же день говорила съ ними, какъ и прежде. Ее называли всѣ доброй и часто совѣтовались съ ней. Она была только ворчалива; любила, чтобы все дѣлалось скоро и такъ, какъ она хочетъ; не любила, чтобы ей говорили на перекоръ и исполняли все то, что ей хочется, и ей было обидно, что все выходило иначе; а больше всего было обиднѣе, что тотъ, кого она лелѣяла ребенкомъ, не хочетъ такъ сдѣлать... Она думала, что она выкормила какого-то врага себѣ и это ей было обидно; она и высказывала это, какъ умѣла...

Впослѣдствіи мнѣ приходило на мысль, что ей скучно и потому она рада поворчать и потѣшиться надо мной. Будь она образованнѣе, она не мучила бы меня крикомъ, бранью и разными ужасами... Теперь ей всячески хотѣлось сдѣлать изъ своего воспитанника хорошаго человѣка, такого, чтобы онъ не сказалъ послѣ объ ней ничего худого, и былъ на зависть людямъ; но она не умѣла растолковать это мнѣ, приучить меня къ тому, что ей хочется, и она пзлагала свое ученье какъ было ей лучше и какъ она умѣла. Вѣдь говорили же мнѣ чужіе люди, что она хорошая женщина и желаетъ мнѣ добра; говорили они, что рѣдкія дѣти воспитываются такъ!... Да, я ѣлъ хорошо, одѣвался чисто и она нерѣдко давала мнѣ даже пряники и конфекты, говорила ласково, въ такомъ родѣ: «ты думаешь мнѣ не жаль тебя!.. Ты ноги мои долженъ мыть да воду пить.— Ну что-бы ты былъ безъ насъ, скотина ты эдакая?». Хотя мнѣ и больно приходились эти слова, но я молчалъ, смотрѣлъ на нее, утирая слезы, и готовъ былъ богъ знаетъ какъ благодарить ее...

Дядя каждый день говорилъ теткѣ объ моемъ отцѣ въ это время. Онъ говорилъ, что мой отецъ проситъ похлопотать на счетъ мѣста почтальонскаго; потомъ говорилъ, что это мѣсто онъ выхлопоталъ ему въ одномъ уѣздномъ городѣ и только ждетъ его сюда. Я очень радовался, узнавъ о томъ, что наконецъ-то увижу настоящаго отца. Но меня брало раздумье: какъ мнѣ встрѣтить отца, что говорить съ нимъ? а спросить объ этомъ тетку я боялся; я даже боялся того, что испугаюсь его. Тетка мнѣ только говорила: «погоди, ужъ вотъ, какъ пріѣдетъ отецъ, мы отдадимъ ему тебя. Поживи-ко съ нимъ, узнаешь гдѣ лучше. Тогда поневолѣ побѣжишь. Подожди!.. Ужъ тогда, братъ, на насъ не пеняй, и мы тебя ужъ къ себѣ не воземъ.» Мнѣ досадно и больно было слышать эти слова. Я думалъ: чѣмъ же виноватъ мой отецъ, что дядя взялъ меня къ себѣ? Вѣдь отецъ могъ бы, кажется, содержать меня, коли онъ до сихъ поръ еще живъ, или онъ ужъ такъ бѣденъ, что постоянно нуждается въ дядѣ и самъ собой не можетъ прокормить самого себя? Эти мысли я развивалъ еще тѣмъ, что дядя и тетка постоянно говорили мнѣ, и между собой, и знакомымъ, что дядя воспиталъ моего отца,

женить и во всю жизнь помогаетъ ему такъ, что онъ сидитъ у него на шеѣ, или, сказать проще, дорого стоитъ ему. Я такъ и рѣшилъ, что мой отецъ, вѣроятно, также росъ, какъ и я; и ужасался, чтобы такая же участь не постигла меня въ будущности... А вѣдь я очень могъ быть такимъ же, какъ и мой отецъ. Но какъ я ни думалъ объ отцѣ, все же мнѣ было жаль его, жаль потому, что онъ мой отецъ. Мнѣ приходила въ голову и такая мысль: неужели ему не жалко меня; неужели онъ забылъ, что у него есть сынъ? или онъ радъ, что избавился отъ своего дѣтища, поручивъ его тому, кто воспиталъ его. Думалъ ли онъ обо мнѣ скольконибудь? Зналъ ли онъ то, что будетъ со мною въ будущемъ? Вѣроятно онъ думалъ, что я буду или почтальонъ, или сортировщикъ въ губернской конторѣ... Вѣроятно онъ не допускалъ мысли, что я могу быть и хуже его... Ничего я этого не зналъ, а только представлялъ себѣ его положеніе; мнѣ жалко было моего бѣднаго отца и я горько плакалъ, моля Бога, чтобы моему отцу онъ далъ счастья и всякаго благополучія... Не знаю почему, а въ это время я сильно задумывался объ отцѣ, и даже хотѣлъ, если-бы у меня было богатство, отдать ему все мое богатство и жить только съ нимъ однимъ.

Я представлялъ себѣ отца измученнымъ, избитымъ человекомъ въ самой худой, никуда негодной одеждѣ, такимъ, какими я представлялъ себѣ нищихъ. Это я представлялъ потому, что я видалъ много людей. Всѣ, кто скольконибудь имѣютъ денегъ, живутъ, не жалуясь на свою судьбу, ходятъ не оборванные, и хотя просятъ въ долгъ, но все-таки живутъ такъ, что объ нихъ не говорятъ ничего худого... А подобныхъ людей я видалъ въ почтальонскихъ семействахъ и эти семейства сравнивалъ съ мѣщанами и рабочими людьми въ городѣ; по моему мнѣнію, каждый человекъ въ изодранной одеждѣ, едва прикрывающей тѣло, уже былъ пьяница, нищій, и я злился почему-то и на кого-то, самъ не зная причины бѣдности. Мнѣ только казалось, что эти люди сами виноваты; а это я заключалъ изъ того, что мой дядя и люди, которыхъ я привыкъ уважать, ходятъ лучше такихъ людей, что они все-таки умѣютъ какънибудь пріобрѣсти себѣ что нужно, работаютъ и не пьютъ водку такъ, какъ эти оборванцы. Наконецъ, мнѣ

противно было смотрѣть на этихъ людей потому, что я самъ жила въ обществѣ нищихъ и слышался много такого, чего я никогда не слыхалъ у дяди, у его родственниковъ и знакомыхъ; а по однимъ ругательствамъ я считалъ въ то время человѣка за самого отчаяннаго, отъ котораго не можетъ быть никакой пользы и которому можетъ быть очень скоро придется быть *утишникомъ*... При этомъ мнѣ опять представлялись картины нищенства со всеѣми ужасами, и я удивлялся, какимъ это образомъ дядя не боится держать меня у себя?..

Почты часто приходили по ночамъ и я нисколько не интересовался тѣмъ, что дядя уходилъ въ контору и приходилъ домой ночью. Меня не тревожили въ это время и я спалъ спокойно. Но одинъ разъ дядя приползъ съ кѣмъ-то. Было очень темно, когда вошелъ дядя и съ нимъ какой-то человѣкъ, присутствіе котораго я узналъ изъ шороха и кашля.

— Вотъ ты гдѣ живешь! сказала другое лицо грубымъ голосомъ и закашлялось.

— Это ты, братъ? сказала тетка; голосъ ея дрожалъ.

— Я, сестра. (Я подумалъ: что это онъ все кашляетъ и какъ будто сопить.)

— Ну, зажигай свѣчку. А тотъ спитъ? проговорилъ дядя.

— Что ему... сказала тетка.

Я догадался, что это вѣрно мой отецъ пріѣхалъ. Я задрожалъ, самъ не знаю почему, и сталъ вслушиваться.

— Ну, что онъ?.. говорилъ посторонній.

— Смучились братъ, смучились, сказала тетка, зажигая свѣчку.

— Она избаловала, проговорилъ дядя.

— А вы бы его хорошенько утюжили... заправски.

Я приподнялъ немного голову и сталъ смотрѣть на посторонняго человѣка, который, стоя у стола въ комнатѣ, закуривалъ дяднну папирску, между тѣмъ какъ дядя снималъ съ себя сперва сергукъ, потомъ жилетку и брюки. Гость былъ въ почталъонской одеждѣ; лицо его запухло и видно, что давно не брито; самъ онъ роста средняго, не толстъ, — а видно, что тѣлосложенія здороваго! Онъ ничѣмъ не отличался отъ

обыкновенныхъ разбѣздныхъ почтальоновъ. На видъ ему было годовъ двадцать восемь.

— А меня, братъ, просто измучили!.. говорилъ онъ. Я даже слышать сталъ плохо.

— Слышалъ я.

Тетка подошла ко мнѣ и сказала тихо: вставай! отецъ прѣхалъ...

Меня опять какъ будто обдало морозомъ; я не могъ пошевелиться, не могъ вымолвить слова.

— Вставай! Экой безстыдникъ... Тебѣ говорятъ, отецъ прѣхалъ? И тетка толкнула меня ногой. Я нехотя сѣлъ на войлокъ, который былъ посланъ на полу и на которомъ я спалъ.

— Я боюсь, сказалъ я.

— Ну, ну, не съѣсть.

Я всталъ; надѣлъ халатъ. Тетка потащила меня въ комнату и подвела къ моему отцу, который оглянулся въ мою сторону и сталъ смотрѣть на меня какъ-то дико. Послѣдовала нѣмая сцена.

— Большой выросъ; женихъ... сказалъ отецъ.

— Что-же ты не здороваешься съ отцомъ-то?... Вѣдь это отецъ твой, сказалъ дядя. Голосъ его дрожалъ.

— Ну поцѣлуй у него ручку, сказала тетка и утерла глаза рукавомъ. Я не двигался, молчалъ, дико смотрѣлъ на своего родителя и хотѣлъ убѣжать изъ комнаты по скорѣе, самъ не зная почему.

— Зачѣмъ?.. Ну здравствуй... Слушаешься ли ты дядю и тетку? проговорилъ отецъ и закашлялся.

— Слушаюсь, сказалъ я и хотѣлъ еще что-то прибавить, да ничего не прибавилъ.

— Ну и ладно... Слушаться надо.

Опять настала нѣмая сцена. Всѣ какъ будто тяготились чѣмъ-то; у всѣхъ какъ будто въ это время было тяжело на душѣ, но никто никому не высказывалъ чувствъ своихъ. Отецъ мой какъ-то печально смотрѣлъ на меня, дико смотрѣлъ на дядю и тетку и изрѣдка кашлялъ.

— Что-же ты не поцѣлуешь сына? сказала тетка моему отцу.

— Да что его цаловать-то?

— Все же, вѣдь, онъ сынъ тебѣ.

— Что сынъ! не я выросилъ.

— Ну поцѣлуй! настаивалъ дядя. Тетка подвела меня ближе къ отцу; тотъ нехотя прикоснулся своими щеками къ моему лицу и укололъ его мнѣ своими волосами. Отъ него пахло водкой.

— Ты называй ихъ отцомъ и матерью, слышишь? Сказалъ мнѣ отецъ. Я ничего не сказалъ ему на это.

— Ну спите! сказалъ дядя. Я ушелъ въ кухню и легъ на свою постель. Отецъ говорилъ съ дядей.

— Ахъ, братъ, какъ меня избили тамъ! Ты не повѣришь, что этотъ смотритель каждый день топталъ меня ногами, билъ меня въ грудь...

— Плохо, братъ... Говорилъ я тебѣ: пей, братъ, меньше, а ты все свое.

— Не могу, братъ, досадно, больно.

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ недолго. Дядя и тетка уговаривали отца остаться почевать у нихъ, но отецъ ушелъ спать въ контору. Когда онъ уходилъ, то сказалъ имъ: «прощайте!» а меня даже и не помянулъ. Послѣ его ухода, я долго думалъ объ немъ. Я раньше думалъ, что онъ, когда увидитъ меня, то обрадуется, будетъ цѣловать и плакать,—это я видалъ во многихъ семействахъ, гдѣ отцы долго бѣсѣдовали съ дѣтьми, послѣ долгой разлуки съ ними; но вмѣсто этого я замѣтилъ, что отецъ мой обошелся со мной, какъ съ чужимъ. Я даже разсердился на него: отецъ-ли онъ мнѣ, если и поговорить-то со мной, какъ слѣдуетъ, не хотѣлъ?.. Утромъ отецъ пилъ у насъ чай и мнѣ ничего не сказалъ. Онъ говорилъ дядей и теткой больше объ своемъ бѣдномъ положеніи, смотрителѣ, у котораго онъ служилъ писаремъ, о разныхъ почтмейстерахъ и новомъ своемъ мѣстѣ. За обѣдомъ я уже не дичился его; я узналъ, что онъ не сердитый, и когда онъ остался одинъ со мной, въ то время, когда дядя ушелъ въ контору, а тетка на рынокъ,—я началъ говорить съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— Вы, тятенька, долго здѣсь проживете?

— Нѣтъ; а что?

— Такъ... Вы поживите!

— Чужой хлѣбъ ѣсть?... Нельзя. (Онъ говорилъ нехотя, покуривая трубку съ махоркой и глядя въ уголь).

— А скоро вы опять сюда будете?

— Не знаю...

— А у васъ есть деньги?

— Тебѣ на что?

— Надо... На пряники надо.

— Нѣту у меня денегъ.

Я почему-то выхватилъ у него трубку и сталъ курить, какъ обыкновенно дѣлывалъ съ почтальонами. Отецъ не препятствовалъ мнѣ, а только сказалъ.

— Балуешь ты много! Драть тебя надо, какъ сидорову козу... Дай трубку, щенокъ!

— А я не боюсь тебя, не боюсь! И я корчилъ свое лицо.

— Тебѣ говорить дай! И онъ выхватилъ трубку.

— А ты, тятенька, какъ мнѣ будешь отецъ-то?

— Скажу я уже брату-то, онъ тѣ скажетъ! Отецъ плюнулъ въ уголь и ушелъ отъ меня.

Вечеромъ за чаемъ и ужиномъ тетка долго говорила отцу объ моемъ непослушаніи и обо всѣхъ моихъ штукахъ; отецъ только отвѣчалъ: дери ты его, сестра, что есть мочи дери... Ишь какой онъ востроглазый, такъ и глядитъ разбойникомъ.

— А ты, братъ, возьми его съ собой!

— Куда мнѣ съ нимъ?.. Ненадо.

— Все же лучше. Тогда узнаешь каковъ онъ.

— Мнѣ и одному-то горько жить, а онъ меня совсѣмъ свяжетъ.

— Теперь ужъ онъ не маленькой.

— Ненадо мнѣ его,—сестра... Дѣлайте вы съ нимъ, что хотите, а мнѣ ненадо.

— Только смотри, братъ, какъ онъ сдѣлаетъ что нибудь, мы непременно отошлемъ его къ тебѣ.

Отецъ на это ничего не отвѣчалъ. Пришла почта и онъ сталъ собираться въ дорогу.

— Простись съ отцемъ-то, сказала мнѣ тетка. Мнѣ не хотѣлось прощаться съ нимъ, и жалко было; что онъ уѣзжаетъ.

— Ну, прощай! да смотри слушайся, сказалъ онъ мнѣ и пошолъ прочь.

Мнѣ тяжело было, что отецъ уѣхалъ, а я не высказалъ ему своего горя. Я готовъ былъ жить съ нимъ и жалко мнѣ было дяди и тетки. Нѣтъ, думалъ я, онъ не отецъ мнѣ. Всѣ они врутъ, что онъ отецъ. Это я говорилъ съ досады, хотя и вѣрилъ, что онъ отецъ мнѣ. И долго я думалъ объ немъ. Часто я видалъ его во снѣ съ поднятымъ на меня кулакомъ и съ угрозами. Но потомъ я забылъ его совсѣмъ, до тѣхъ поръ, пока дядя не получилъ отъ него длиннаго письма, въ которомъ онъ писалъ, что онъ оглохъ и его обижаютъ почтмейстеръ... Черезъ годъ онъ проѣзжалъ черезъ нашъ городъ и обѣдалъ у насъ. Въ то время онъ былъ уже совсѣмъ глухъ, разговаривалъ мало, а со мной вовсе ничего не говорилъ и даже не простился, какъ поѣхалъ. Его перевели въ другой городъ. Цѣлый годъ онъ посылалъ дядѣ письма, въ которыхъ описывалъ свое горе и то, что его всѣ обижаютъ. Тамъ онъ рѣдко пилъ водку и скоро умеръ скоропостижно. Когда я узналъ объ его смерти, я долго плакалъ объ немъ. Горячи и ядовиты были мои слезы, и плакалъ я, какъ помню, потому, что теперъ я остался безъ отца и безъ матери.

Дяди и тетки я какъ огня боялся, но такъ приучился къ ихъ брани, что даже не обращалъ на нее вниманія. Кричить тетка, я вздрогну, побѣгу куда она скажетъ, не дождавшись того, зачѣмъ мнѣ идти и останавливаюсь дослушивать приказъ тогда, когда меня остановятъ затрещины. Кажется, ужъ можно бы было приучить себя къ тому, чтобы на все смотрѣть равнодушно, однако я былъ все-таки дикъ. Я постоянно сидѣлъ въ углу за дверьми съ какой-нибудь книжкой или катихизисомъ, но эти книги были для меня мученьемъ. Хотя я и читалъ ихъ, но рѣшительно ничего не понималъ. Бывало держишь книгу, смотришь на буквы безсознательно, разсердишься, буквы словно прыгаютъ; потомъ плюнешь на страницу, закроешь ее другой страницей и любишься, какъ слюна расползается; или намочишь палецъ слюней, прижмешь его къ буквамъ и вырвешь такимъ образомъ нѣсколько буквъ. Это мнѣ очень нравилось и я цѣлые дни проводилъ время такимъ образомъ. Когда надоѣстъ это, станешь что нибудь рисовать

на страницахъ, или пишешь на лоскутѣ бумаги что-нибудь, обыкновенно два или три слова, до тѣхъ поръ, пока на бумажкѣ уже не останется мѣста. Это я дѣлалъ секретно, потому что тетка часто заглядывала за дверь, что я дѣлаю.

— Что ты дѣлаешь?

— Учю.

— То-то, учю.

Я зналъ, что она не умѣла читать и закрывалъ свое мараніе страничкой. Но и это мнѣ надоѣдало. Мнѣ завидно было, что дѣти дяди Антипина читаютъ книги, и сталъ я воровать книги изъ дядинаго сундука, который стоялъ на погребѣ. Книги эти были старыя, разрозненныя, доставшіяся дядѣ неизвѣстно какимъ образомъ. Самъ дядя терпѣть не могъ читать никакихъ книгъ. Книги эти я кралъ такимъ образомъ: пойду на погребъ за сливками или молокомъ и подхожу къ сундуку. А что сундукъ этотъ съ книжками — я зналъ изъ того, что тетка однажды перебирала ихъ тамъ, отыскивая какіе-то инструменты. Если въ погребѣ нѣтъ никого, я прежде всего подбѣгаю къ сундуку, и, если на него ничего не поставлено, тотчасъ отпираю крышку и вытаскиваю такую книгу, какая попадется подъ руку. Тетка не могла понять, что я такъ долго дѣлаю въ погребѣ, а я говорилъ ей что-нибудь такое, за что она ограничивалась только одною бранью. Читалъ я секретно такимъ же образомъ, какъ и рисовалъ секретно: и дядя и тетка долго не знали, чѣмъ я занимаюсь въ углу. Читалъ я безсознательно все, что попадалось; а я все-таки читалъ съ любопытствомъ и жадностію, хотя для своего ума ничего не могъ приобрѣсти изъ этихъ книгъ. Антипинъ говорилъ дядѣ, что мнѣ не мѣшаетъ читать книги, и эти книги можетъ дать мнѣ его сынъ, но дядя сердился, говоря: ему нужно азы учить, а нечитать всякую дрянь. Дядя разсудилъ такъ объ этомъ потому, что имѣлъ о книгахъ дурное понятіе и былъ убѣжденъ, что читать книги есть *праздность*. Тетка же была такого мнѣнія: что можно читать только божественное, но и съ этимъ дядя рѣдко соглашался; и если тетка заставляла меня читать какія-нибудь проповѣди, взятыя ею у какой-нибудь знакомой, дядя гналъ насъ изъ комнаты, говоря, что мы мѣшаемъ ему.

Каково же было удивленіе дяди и тетки, когда они узнали, что я таскаю книги изъ сундука. Тетка меня сама застала на практикѣ. И была же мнѣ хорошая баня послѣ этого, и хотя за мной строго слѣдили, чтобы я не читалъ ничего посторонняго, кромѣ ариметики и катихизиса, и не одну книгу бросили въ печку, я все-таки продолжалъ читать тайкомъ.

При гостяхъ я велъ себя чинно, такъ что даже сама тетка удивлялась моему смиренію и прозвала меня *подхамзой*. Если кто защищалъ меня, говоря, что я смирный, то тетка говорила: «полно-ка! въ тихомъ-то омутѣ и черти водятся», и при этомъ начинала подробно рассказывать о моихъ шалостяхъ и проказахъ. За то, если я уходилъ изъ дома, я, какъ говорится, «на колѣ дыру вертѣлъ». Тамъ я никого не боялся. Я дразнилъ почталыоновъ, какъ только умѣлъ, за что получалъ колотушки, за которыя на нихъ же жаловался своимъ воспитателямъ. Въ семействахъ мнѣ случалось рѣдко бывать; но за то, если я бывалъ, то смѣшилъ всѣхъ своей фигурой и тѣмъ, что умѣлъ всякаго представить: какъ кто говорить, ходить и рассказываетъ, — все то, что только замѣчалъ изъ чьей-нибудь жизни или подслушалъ отъ нечего дѣлать. А подслушивать я былъ мастеръ и большой охотникъ. Я когда сидѣлъ въ углу за дверьми, то часто, отъ нечего дѣлать, вертѣлъ въ стѣнѣ дыру гвоздемъ, и когда удостовѣрялся, что дыра насквозь, я осторожно наставлялъ на дыру ухо и слушалъ; если за стѣнкой было тихо, я залѣпливалъ дыру бумажкой. Впрочемъ, подслушивалъ я больше у дверей. Если, на примѣръ, я слышалъ, что ругали тетку тѣ, которые не любили ее, я радовался и желалъ услышать еще что-нибудь посердитѣе, а потомъ пересказывалъ ей. Такимъ образомъ я былъ сплетникомъ у воспитателей и у почтовыхъ семействъ... Тетка вѣрила моимъ пересказываньямъ и старалась мстить тѣмъ, кто обижалъ ее сплетнями; а почтовые не догадывались, какъ это тетка подслушала, потому-что меня всѣ считали за такого человѣка, который не любитъ воспитателей и за хорошую подачку готовъ имъ сдѣлать всякую пакость. Почтовые не обижались тѣмъ, что я по своему уму дразнилъ ихъ; для нихъ даже было удовольствіемъ потеревить меня, обругать и обозвать; я хотя и обижался этимъ, но все-таки лѣзъ къ нимъ,

потому-что дома мнѣ было скучно, а они на меня никогда не жаловались. Въ контору я ходилъ чуть не каждый день и тамъ меня встрѣчали со смѣхомъ. Дядя самъ требовалъ, чтобы я бывалъ въ конторѣ для того, во первыхъ, чтобы я не баловался дома, и не мѣшалъ теткѣ, и во вторыхъ: онъ зналъ, что я дома не учусь нисколько, и думалъ, что, ходя въ контору, я приучусь къ почтовой службѣ. Сначала я только мѣшалъ почтовымъ: лазилъ на столы, кривлялся, ходилъ по тюкамъ, толкалъ почтальоновъ и сортировщиковъ подъ руки, когда они писали, и лезъ къ нимъ. Въ конторѣ мнѣ больше приходилось получать побоевъ чѣмъ дома, но въ конторѣ мнѣ было очень весело. Такой простоты между служащими и безцеремонныхъ обращеній я впослѣдствіи не замѣчалъ ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, даже въ этой конторѣ, со временемъ, многое измѣнилось отъ новыхъ порядковъ и отъ людей, которые теперь тамъ гораздо развитѣе, чѣмъ были въ мое время. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, какъ я ходилъ въ контору, я выучилъ всю почтовую премудрость, и даже умѣлъ класть на счетахъ, что было величайшею мудростію для многихъ почтовыхъ. Въ то время почтовые умѣли едва-едва писать, и съ нихъ большой грамотности не требовали. Почтмейстеръ меня любилъ и называлъ маленькимъ почтальономъ. Я даже имѣлъ тогда доходы отъ того, что записывалъ въ книгу, вмѣсто крестьянъ, денежные письма, росписывался за неграмотныхъ и получалъ съ каждаго по три коп. сер. за одну росписку.

На девятнадцатомъ году меня отдали опять учиться въ уѣздное училище. Но я три года проучился въ первомъ классѣ и ничего не понялъ. Объ умственномъ развитіи учителя не заботились, а учили насъ на зубряжку и ничего не объясняли; хорошіе же ученики другъ другу не показывали. Учителя считали за наслажденіе драть насъ. Здѣсь бѣгали почти всѣ, и это были дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей-мѣщанъ, дѣти чиновниковъ и купцовъ. Купеческія дѣти, правда, не бѣгали и ихъ не наказывали, потому что отцы ихъ дарили учителямъ. Я уже не бѣгалъ, потому-что привыкъ къ розгамъ и дома меня уже не такъ стѣсняли. Дядя радовался, что я учусь, т. е. привыкаю къ чистописанію, и радовался тому больше, что очень много смыслу почтовую часть.

Я никого не боялся въ это время, кромѣ дяди и тетки, и обо всѣхъ разсуждалъ худо. Мнѣ никто не нравился въ губернскомъ городѣ, вѣроятно потому, что о жителяхъ его разсуждали мои воспитатели, родня и знакомые очень худо. Аристократію дядя ненавидѣлъ и ругалъ ее при встрѣчѣ почти что въ слухъ. Смотри на него, не любилъ аристократію и я. Дядя говорилъ, что въ уѣздномъ судѣ и въ прочихъ мѣстахъ берутъ взятки, — этому вѣрилъ и я, вѣрилъ потому, что всѣ говорили такъ. О своей конторѣ я думалъ, что это самое лучшее мѣсто, гдѣ только можно служить. Я видѣлъ, что всѣ, сколько ни есть въ городѣ людей, не могутъ обойтись безъ почты, — всѣ ходятъ получать и отправлять корреспонденцію, значитъ, почитаютъ почту, и я гордился почтой, дядей, почтмейстеромъ, который ругалъ въ глаза даже равныкъ ему. Вся почтовая дворня жила очень хорошо и свободно; никто не стѣснялся ничѣмъ: сортировщики играли съ почтальонами въ бабки, женщины гостили другъ у дружки, и хотя было развито чиновничье почитаніе въ высшей степени, но все какъ-то выходило съ толкомъ и никто ни на кого очень не сердился, а былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Я зналъ, что многіе служащіе другихъ вѣдомствъ жили на квартирахъ и жаловались на начальниковъ и на то, что имъ даютъ маленькое жалованье; я видѣлъ, что когда шелъ губернаторъ или какой нибудь предсѣдатель — народъ сторонился, и этотъ же народъ не одобрялъ ихъ; я видѣлъ также, что всѣ эти важные люди ѣздили въ каретахъ, приказывали брать въ часть пьяныхъ, распекали на улицахъ бѣдныхъ людей; я видѣлъ, что эти люди важничали, гордо говорили съ людьми ниже ихъ положеніемъ въ обществѣ, и какъ обѣгали ихъ тѣ, которые небогато одѣвались... Я и товарищи мои по училищу всячески старались передразнить ихъ; кромѣ этого товарищи разсказывали про нихъ разные анекдоты, интересовались ими каждый день. Мнѣ досадно было, что товарищи наперерывъ разсказываютъ городскіе скандалы, а мнѣ нечего было разсказать изъ почтового быта. Дома я разсказывалъ теткѣ городскіе скандалы и происшествія такъ, какъ я слышалъ ихъ отъ товарищей, но тамъ уже знали про эти скандалы и происшествія. Долго послѣ этого я удивлялся тому, отчего это такъ

всѣ интересуются разными происшествіями, и если, напримѣръ, къ губернатору пріѣхала сестра, то на другой день знаетъ весь городъ объ этомъ, и вездѣ только и разговора, что о пріѣздѣ къ губернатору сестры. А это очень просто: отецъ мальчпка скажетъ дома объ происшествіи, или мальчикъ узнаетъ это отъ такого-же мальчика, игравши на улицѣ. Придетъ онъ въ училище, скажетъ одному и весь классъ знаетъ, а въ перемѣну — все училище. Это же пересказываніе идетъ и у служащихъ и ихъ женъ на рынкѣ, гдѣ всякую новость съ радостью сообщаютъ другъ другу и она долго занимаетъ праздныхъ людей, которые ничего разумнаго не въ состояніи выдумать.

Въ это время въ городѣ было только одно гулянье лѣтомъ — бульваръ. Я часто ходилъ туда. Публики собиралось немного и то только у ротонды, гдѣ играли горнисты. Больше въ то время въ нашемъ городѣ музыки не существовало. Потомъ появился плохонькой оркестръ, но этотъ оркестръ игралъ только въ благородномъ собраніи для аристократіи.. Мнѣ часто случалось съ людьми заглядывать въ окна дворянскаго собранія, не смотря на то, что насъ гнали прочь казаки палками. Мы смотрѣли изъ любопытства, какъ тамъ отплясываютъ и это перенимали, стараясь также отплясывать на улицахъ или гдѣ нибудь на вечеркахъ. Я даже заходилъ въ самое собраніе, но меня всегда гнали прочь кулаками, и мнѣ больно было завидно, что есть счастливики, равные мнѣ по годамъ, которые удостоиваются быть тамъ, и этихъ счастливииковъ какъ я, такъ и товарищи мои не любили до того, что не давали имъ прохода по городу. Попадется, напримѣръ, мнѣ баринъ,—я ему языкъ высуну. Онъ обидится,—я толкну его; онъ обзоветъ меня подлецомъ,—я шапку съ него сброшу и убѣгу. Конечно, это дѣлалось одинъ на одинъ, или толпа нашего брата нападала на толпу баричей и тогда завязывалась драка, за которую насъ жестоко пороли.. Мы ненавидѣли гимназистовъ по своему, тѣ ненавидѣли насъ, потому что мы были всегда сильнѣе ихъ. Они называли насъ уѣздниками и разными неприличными именами—и мы тоже, и между ими и нами шла непримиримая вражда. Также точно шла вражда и между семинаристами и гимназистами, и семинаристы сильно били за городомъ своихъ противниковъ.

Рѣка наша немногимъ доставляла удовольствіе, и если кто любилъ сидѣть на берегу, такъ это только почтовые. Когда появился одинъ пароходъ, тогда берегъ стали посѣщать любопытные и предметъ ихъ любопытства былъ пароходъ. Когда же появилось больше пароходовъ, публикѣ надоѣли они, и она стала наслаждаться только однимъ гуляніемъ на бульварѣ. Берегъ только тогда и наполнялся людьми, когда шолъ ледъ на рѣкѣ и когда шли барки, — но это былъ только безтолковый смотръ. Немногіе, впрочемъ, любили кататься на рѣкѣ и пить чай за рѣкой, но никто такъ не пользовался этимъ удовольствіемъ какъ почтовые. Для насъ былъ большой праздникъ, когда мы уплывали за рѣку и подъ открытымъ небомъ закусывали и пили чай. Но никто такъ часто не плавалъ за рѣку, какъ дядя Антипинъ. Я часто просился, чтобы онъ взялъ меня съ собой. Придетъ онъ къ намъ и спроситъ у дяди меня. Отправимся мы за рѣку съ удилншками съ вечера; поудимъ немного, разведемъ огня и сидимъ всю ночь у огня. Здѣсь я забывалъ все, что мучило меня въ эту недѣлю, или въ этотъ день, и какъ хорошо мнѣ казалось такое сидѣніе у горящаго хвороста, это уединеніе, этотъ просторъ и свѣжесть воздуха! Понималъ ли дядя Антипинъ все это — не знаю, только онъ говоритъ, что здѣсь онъ какъ будто отдыхаетъ. Чего-то, чего мы ни говорили въ то время! Онъ очень любилъ меня и много рассказывалъ мнѣ и своимъ дѣтямъ хорошаго, какъ иногда дома; я заслушивался его, и забывалъ въ это время городъ, который казался мнѣ пугаломъ; я дышалъ свободно, и съ какой любовью смотрѣлъ я на рѣку, лѣсъ и необъятное пространство, но и тутъ я ничего не понималъ, а только смотрѣлъ во всѣ глаза...

Хорошее было это время; теперь трудно испытать тѣ чувства, какія я испытывалъ тогда. Случалось мнѣ бывать послѣ за рѣкой, ходить въ лѣса, но уже чувствовалось иначе...

Былъ у насъ также и театръ. Всѣ почтовые ходили въ театръ даромъ, и дядя каждый разъ, какъ бывалъ веселъ, бралъ меня съ собой. Сначала мнѣ нравилась публика, собраніе народа; потомъ меня смѣшили актеры и я такъ пристрастился къ театру, что плакалъ, когда дядя не бралъ меня съ

собой или не отпускалъ въ театръ. Приходя домой, я старался говорить также, какъ и актеры, но я не могъ говорить также и у меня выходило очень смѣшно. Въ училищѣ до классовъ я разыгрывалъ роль какого нибудь актера и меня прозвали фокусникомъ. Былъ у меня тамъ одинъ товарищъ, который жилъ съ актерами и переписывалъ имъ роли. Съ нимъ мы постоянно что нибудь декламировали и разучивали по тетрадамъ и безъ тетрадокъ. Какъ мнѣ, такъ и ему хорошо казалось быть актеромъ; мы запоминали изъ разныхъ сценъ въ десять разъ болѣе того, что заставляли насъ учить въ училищѣ. Два года я ходилъ въ театръ, зналъ много сценъ и пѣсенъ и даже разъ просилъ дядю, чтобы онъ отпустилъ меня въ актеры, но онъ обругалъ меня и не сталъ отпускать въ театръ.

Я ходилъ въ училище четыре года, и въ это время ровно ничего не понималъ изъ задаваемыхъ уроковъ, да и мнѣ самому не до уроковъ было. Въ классѣ я сидѣлъ просто для своего удовольствія. Меня не драли, потому что я старался выслужиться передъ учителями и зрителемъ тѣмъ, — что замѣнялъ имъ сторожа: приносилъ имъ письма, пакеты и сдавалъ ихъ корреспонденцію. Съ какою радостію я шелъ въ училище тогда, когда несъ какому нибудь учителю письмо!.. Учитель мнѣ не говорилъ благодарности, а за то не спрашивалъ меня изъ уроковъ цѣлую недѣлю, а если и спрашивалъ, то не оставлялъ безъ обѣда. Также съ неописанною радостію я смотрѣлъ на того учителя, который писалъ кому нибудь письмо. Ребята рады были, что учитель отвлеченъ отъ занятій, а я думалъ, что кромѣ меня отнести на почту письмо некому. Письмо написано; учитель проситъ бумаги, весь классъ вмигъ зашевелится и предлагаетъ ему кто листъ, кто поллистъ, а я предлагаю сдѣланный уже конвертъ. Запечатавши письмо, учитель отдавалъ его мнѣ съ 10 копѣйками. Я бралъ и говорилъ, что денегъ не надо, что я попрошу дядю. Учитель бралъ деньги назадъ. Я уходилъ домой или въ контору, стараясь придти въ классъ къ чистописанію или къ такому предмету, который былъ для меня какъ блины, т. е. по которому меня никогда не спрашивали. Письмо я отдавалъ дядѣ, который, хотя и ругалъ учителей, а письма все таки отправлялъ. Если же учителя и отдавали мнѣ деньги напро-

стыя письма, я все таки деньги бралъ себѣ и дядя отправлялъ письма или даромъ, или на свой счетъ. Смотритель всегда спрашивалъ меня о приходѣ почтъ, и если ему нужна была какая-нибудь почта, онъ посылалъ меня справиться. Одинъ учитель постоянно называлъ меня *почтой*, и я слылъ по всему училищу почтой.

— Эй почта! пришла такая-то почта?

— Нѣтъ еще... Сходить, узнать? говорю я и беру уже шапку.

— Ишь, шельма, радъ. Я тебя еще урокъ спрошу, а потомъ на почту пошлю.

Весь классъ хохочетъ, а я начинаю сердиться и придумываю, какъ-бы уйти домой?

— Почта скоро будетъ! говорю я.

— Радъ, радъ. Ну-ка скажи урокъ. Не знаешь? А?

— Знаю.

— Ну-ко иди къ доскѣ.

Пойду я къ доскѣ и хлопаю глазами.

— Ну что? А еще почта... Хошь выдеру?

Классъ хохочетъ, а мнѣ досадно и я думаю: ужъ сдѣлаю же я съ тобой штуку: не принесу письма и поди самъ; или издеру твое письмо; самъ прочитаю; всему классу расскажу. Учитель меня не выдеретъ, поставитъ противъ моей фамилии палку въ своемъ журналѣ, а на почту все таки пошлетъ. На палки я не обращалъ вниманія, зная то, что смотритель меня не выдеретъ, а если и выдеретъ разъ въ мѣсяцъ, такъ это еще не бѣда. По окончаніи мѣсяца смотритель дралъ всѣхъ лѣнливыхъ всего училища, въ томъ числѣ и меня. Зная, что смотритель даетъ первымъ наказываемымъ много ударовъ, я становился въ разрядъ самыхъ послѣднихъ, которымъ приходилось меньше ударовъ и гораздо легче, потому что сторожъ уставалъ; да и меня сторожъ наказывалъ легче всѣхъ, потому что я въ этотъ день дарилъ его десятью коп. денегъ; а раньше приносилъ ему калачей, какъ и прочіе товарищи.

Еще было другое обстоятельство, по которому учителя обращались со мной очень ласково и которое не могъ сдѣ-

лать въ училищѣ ни одинъ ученикъ. Я носилъ учителямъ газеты, журналы и картинки. Это дѣлалъ я очень просто:

Въ контору я ходилъ всегда: днемъ, и ночью, и при почтахъ. Такъ какъ долго мнѣ запрещалось читать книги, то я выдумалъ средство читать ихъ въ училищѣ, а достать книги я легко могъ изъ конторы. Газеты и журналы разносили по городу сторожа, а сторожа эти были неграмотные. Когда придетъ тяжелая почта, я всячески стараюсь угодить очередному сторожу чѣмъ нибудь, для того, чтобы онъ попросилъ меня сдѣлать подборку журналовъ и газетъ по городу; а раньше этого я высматривалъ, что лучше утащить, соображалъ, какъ утащить, и между тѣмъ терся у тѣхъ сортировщиковъ, которые читали газеты, которые имъ дозволялось получателями распечатывать. Сторожа, какъ и почтальоны, дѣлали подборку такъ, чтобы имъ идти по городу по порядку, изъ дома въ домъ, и назадъ не ворочаться изъ улицы въ улицу.

— Ну-ко *подберемъ разноску!* говоритъ мнѣ сторожъ; я радъ, чуть не прыгаю, а ему говорю:

— Много-ли дашь?

— Сюргучикъ дамъ.

— Мало!

— Свинчатку... (я бралъ свинчатки, прибываемыя къ чмо- данамъ; мой дядя и я употребляли ихъ на грузила для рыболовства; а какъ ихъ у меня и безъ даренья сторожами было много, потому что я ихъ воровалъ, то я продавалъ ихъ рыболовамъ).

— Не хочу.

— Ну, ну, полно... мнѣ некогда, подметать надо въ конторѣ.

И начинаемъ мы подборку такъ:

— Кто первый? спрашиваю я.

— Первый Елисѣевъ, не знаешь разѣ?..

Я ищу Елисѣева и подаю сторожу.

— Антоновъ теперь.

Я нахожу Антонова и подаю ему книгу Шатилову.

— Шатиловъ послѣ; онъ въ серединѣ. Ивановъ теперь будетъ.—Я ищу Иванова, откладываю его въ сторону; опять ищу и говорю сторожу, что Иванова нѣтъ.

— Ну, послѣ найдемъ; давай Петрова! И такъ продолжается до половины подборки. Я слегка сброшу газеты двѣ на полъ.

— Все ты, бестія, балуешь! Сторожъ подбираетъ съ полу газеты, а я тѣмъ временемъ и схвачу двѣ газеты и спрячу ихъ подъ сюртукъ, придерживая ихъ лѣвой рукой незамѣтно.

— Ну, теперь кто? спрашиваю я.

Если мнѣ не удастся стянуть при подборкѣ, я подкарауливаю куда сторожъ положилъ сумку съ газетами и книгами; потомъ уже послѣ успѣю утащить.

— Сторожа каждый почти разъ приходили назадъ съ руганью:

— Чортъ его знаетъ! пришелъ къ Петрову: искали, искали ему газеты, ровно подбирали, а Петрову нѣту.

— Ну потерялъ, выходить, смѣются почтальоны.

— Чортъ его знаетъ.

Я говорю, что или были газеты, или нѣтъ. Получатель на сторожа не жаловался и сторожъ только сѣтовалъ за гривну мѣди, которой онъ лишился. Если получатель не получалъ книги или много NN газетъ, онъ жаловался конторѣ, та отписывалась куда слѣдуетъ, оттуда получались отвѣты: «отправлены по принадлежности;» тѣмъ дѣло и кончалось.

Письма и казенные пакеты разбрасывались по столамъ небрежно. Мнѣ нравились красивые конверты и я кралъ письма и пакеты. Утащивши, я забирался въ такое мѣсто, гдѣ никто не могъ меня видѣть, распечатывалъ и читалъ ихъ. Какъ бумаги, такъ и письма не интересовали меня и я бросалъ ихъ черезъ заплотъ или куда нибудь въ такое мѣсто, откуда ихъ никто бы не досталъ. Отъ этого чтенія я узналъ форму канцелярскаго изложенія и разныя тайны людей. Проходя въ классъ, я давалъ учителямъ читать газеты и книги, говоря, что это дянины. Учителя рады были почитать новостей и всегда спрашивали меня:

— Пришла почта?

— Пришла.

— Есть газеты? и проч.

Ученики были рады, что учителя занимаются чтеніемъ цѣлыя часы, и всѣ въ это время свободно шалили. Большею ча-

стію учителя уносили газеты и книги домой, и мнѣ ихъ рѣдко возвращали, а если и возвращали, то я дарилъ ихъ своему пріятелю, сидѣвшему со мной рядомъ, тому самому, съ которымъ я представлялъ актеровъ.

И такъ, житье мнѣ было хорошее: въ классѣ я только числился, въ почтѣ меня любилъ почтмейстеръ за то, что я уже знаю хорошо почтовую часть, и поговаривалъ дядѣ, что онъ меня сдѣлаетъ сортировщикомъ.

Я зналъ весь почтовый механизмъ и помогалъ то дядѣ, то какому нибудь почтальону. Въ свободное время я писалъ крестьянскія письма, и такъ пріучилъ крестьянъ къ себѣ, что они шли больше ко мнѣ, чѣмъ къ почтальонамъ. Приходитъ крестьянинъ въ контору и говоритъ:

— Мнѣ бы грамотку послать.

Я подхожу къ нему первый и спрашиваю:

— А написана?

— Надобно написать.

— Ну иди, я напишу.

Крестьянинъ съ недоумѣніемъ посмотритъ на меня.

— А сдѣлаешь ли экой-то?

— Не тебѣ первому пишу. Много ли дашь?

— А ты что возьмешь?

— Двадцать коп.

— Дорогонько.

Подходитъ почтальонъ и перебиваетъ:

— Я напишу тебѣ.

— А ты за сколько?

— Четвертакъ.

Я соглашаюсь за пятнадцать коп. и начинаю писать крестьянину письмо. Писать крестьянамъ письма очень трудно. Они не знаютъ формы изложенія, посылаютъ больше поклоны, и нужно умѣнье написать то, что они хотятъ написать, да не умѣютъ высказаться. Я писалъ имъ всегда ихнимъ слогомъ, потому что инымъ слогомъ я тогда не умѣлъ писать. Излажусь я совсѣмъ писать и спрашиваю: кому писать?

— Да сыну родному; третій годъ не писывали. Нынче грамотку прислалъ, родной.

Я спрашиваю имя.

- Илья Якимовъ.
- А твоя фамилія какъ?
- Якимовъ.
- А зовуть?
- Петромъ.

Я и пишу такъ: любезный сынъ, Илья Петровичъ! А почтальоны обыкновенно писали Илья Якимычъ и на конвертахъ ужасно путали, отчего письма постоянно возвращались назадъ или пропадали въ почтѣ. Послѣ родительскаго благословенія слѣдовали поклоны отъ двадцати человѣкъ, которыхъ непременно нужно назвать по имени и отчеству. Письмо, кажется, уже кончено, а кажется еще надо что-то написать. Прочитаешь крестьянину письмо.

— Ладно, говоритъ онъ.

— Еще что?

— Да что еще, ровно будетъ... Надо бы написать, Сергунька Лихой въ городъ нонись ушолъ, да ужъ плевать.

— Ничего, напишемъ.

— Ну, пиши еще

— А еще что?

— Кирьянь Панфиловъ погорѣлъ, жена ногу сломила; такая оказія вышла—ужасти! наказанье божье. И пойдетъ крестьянинъ росписывать свое горе! я хотя и позабуду все, а напишу что слѣдуетъ. И все, что прибавляется, читаю съ началомъ по нѣскольку разъ. Наконецъ письмо кончено совсѣмъ.

— Ну-ко, прочитай еще.

Я начинаю читать, двое или трое крестьянъ слушаютъ.

«Любезный сынъ,

Илья Петровичъ!

Желаю тебѣ съ женою своею, твоею матерью, Маланьей Акудиновой, добрава здоровія, хорошихъ успѣховъ въ дѣлахъ твоихъ и посылаемъ тебѣ наше заочное родительское благословеніе, на вѣки нерушимое, и посылаемъ по письму. Молимъ Господа Бога, царя небснаго и пресвятую мать владыицу, чтобы они спасли тебя и помиловали. Тетюшка Арина Поликарповна и дядюшка Евтегнѣй Поликарпычъ кланяются тебѣ Крестный батюшка, Антипъ Савичъ, и крестная твоя матушка, Акулина Марковна, желаютъ тебѣ здоровья, посылаютъ свое

благословеніе и кланяются. У тетушки Маланьи Степановны родился сынокъ Петруша. Тетушка Маланья Степановна съ дѣтками Петрухой, Кирьяномъ, Ларькой и Петрушкой кланяются.. А Сергунька Лихой, что ишь укралъ лошадь у Павла Безпалова, понись въ городъ ушелъ работать, а дѣтей оставилъ съ матерью.»

— Надо бы прибавить: Маланья-то хочеть тоже въ городъ иди, перебиваетъ посторонній крестьянинъ.

— А зачѣмъ? спрашиваетъ хозяинъ письма.

— Ужъ все къ одному бы.

— Ну нешто, пиши.

Я впишу.

«Кирьянъ Папфиловъ погорѣлъ зимусь: все до тла сгорѣло. А жена его, слышь ты, ногу сломала. Наказанье божье. Хлѣба нынѣ плохи, а начальство строго, все наровитъ стянуть съ нашего брата. Кланяются тебѣ всѣ знакомые и пріятели. При семь посылаю тебѣ три руб. сер. насилу-насплу собрали. Остаюсь здоровъ, отецъ твой Петръ Якимовъ.»

Крестьяне въ восторгѣ отъ этого письма и на перерывъ просятъ меня сочинять имъ ихнія письма. Около меня собирается кучка. Приходятъ тѣ, которымъ писали почтальоны.

— Написаль? Спрашиваютъ крестьянина товарищи, видя у него въ рукѣ конвертъ.

— Написаль, да ровно негоже.

— А вотъ этотъ мастеръ... А тебѣ, братанъ, который годъ?

— Скоро чегыринадцатый будетъ.

— Ишь ты! прозвистеръ какой...

— А ну-ко прочитай, братанкь.

Я прочитаю. Онъ просить меня написать ему письмо снова.

Написавши крестьянину письмо, я, изъ жалости къ нему, давалъ ему свой сургучъ и печатку даромъ. Я зналъ, что всѣ почтовые отправляютъ свои письма даромъ, и даромъ же отправляютъ письма своихъ знакомыхъ и доставляютъ по принадлежности письма не крестьянскія. Крестьянинъ обыкновенно отдавалъ письмо почтальону, потому-что онъ боялся опустить простое письмо въ ящикъ, думая, что оно не дойдетъ; а какъ на простыхъ письмахъ адреса писались невѣрно, то почтальоны дѣлали такія штуки: скажетъ крестьянину, что

онъ довезетъ письмо самъ, сдѣлаетъ конвертъ, запечатаетъ, возьметъ съ него пятнадцать коп., а потомъ письмо издеретъ и деньги возьметъ себѣ. А такъ какъ крестьяне большею частію думали, что простое письмо не дойдетъ, то они посылали ихъ съ деньгами. Денежное письмо каждому крестьянину обходилось очень дорого: за бумагу онъ заплатитъ 2 коп., за сочиненіе письма 20 коп., за сюргучъ и печать дастъ сторожу 6 коп., (хотя печатка и возвращалась сторожу обратно), страховыхъ и вѣсовыхъ за одинъ лотъ съ однимъ рублемъ 14 коп. и за росписку въ книгѣ шесть коп. Если же крестьянинъ посылалъ только десять коп., то ему отправка письма стоила дороже посылаемой суммы.

Почталыоны ругали меня, что я отбиваю отъ нихъ доходъ, но я не обращалъ на это вниманія. Я хотѣлъ угодить крестьянамъ, потому что они мнѣ нравились, да и дядя всегда говорилъ мнѣ, что крестьяне — народъ бѣдный и всѣ мы ѣдимъ крестьянскій хлѣбъ и живемъ, большею частію, на крестьянскія деньги. Тетка и дядя были въ восторгѣ отъ того, что я получалъ въ конторѣ доходы, и на мои деньги покупали мнѣ ситцу и сластей. Кромѣ этой траты у меня все-таки были деньги.

Между тѣмъ моя практика по кражѣ корреспонденціи усиливалась все лучше и лучше; въ конторѣ начали уже серьезно подумывать, что это, вѣроятно, продѣлки когонибудь изъ почтовой братіи. На меня не было подозрѣній, тѣмъ болѣе, что я жилъ у дяди, — человѣка любимаго почтмейстеромъ. Мнѣ такъ понравилось красть, что я не пропускалъ ни одного дня, и ни одного случая, чтобы не стянуть чегонибудь. Не ограничиваясь одними газетами, я воровалъ пакеты и письма, а потомъ рвалъ ихъ и бросалъ въ чужой огородъ по ночамъ, думая, что тамъ самое безопасное мѣсто для ихъ вѣчной памяти. Все что мнѣ нравилось я носилъ въ училище и отдавалъ учителямъ, потому что дома мнѣ нельзя было держать ничего изъ ворованнаго. Наконецъ мнѣ уже стыдно казалось воровать; я сознавалъ, что я дѣлаю скверно, отдавая другимъ, а самъ для себя ничего не приобретаю; я думалъ, что сколько я ни накопилъ прежде, всѣ штуки мои не сходили съ меня даромъ, такъ и теперь могутъ открыть мои продѣлки;

но я все таки еще думалъ, что узнать, что я ворую, трудно, и я продолжалъ свое ремесло. Приходилъ я домой изъ училища съ боязнію: вотъ узнали, что я ворую. А въ конторѣ что скажутъ?.. Мнѣ хотѣлось остановиться и не красть больше; но когда я ничего опаснаго не замѣчалъ въ почтѣ, я другимъ утромъ уже тащилъ въ классъ картинку или газету. Шолъ я съ трепетомъ и думалъ: Господи! какъ бы не узнали! Ужъ я въ послѣдній разъ это дѣлаю... И это я говорилъ не десять разовъ, а безъ счету...

Дѣло было въ великій постъ. Учитель читалъ газету. Въ классъ вошелъ сортировщикъ, врагъ моего дяди. Онъ вѣжливо поздоровался съ учителемъ. Меня обдало морозомъ по кожѣ; я догадался зачѣмъ онъ пришелъ. Я готовъ былъ бѣжать въ это время изъ училища и броситься въ рѣку. Долго этотъ сортировщикъ шептался съ учителемъ и я ясно слышалъ свою фамилію, газеты, книги, пакеты. Учитель отдалъ ему газету; сортировщикъ вызвалъ меня изъ класса.

— Ты воровалъ газеты?

— Нѣтъ, съ чево вы взяли? Я очень обидѣлся и чуть не обругалъ его.

— А это что? и онъ показалъ мнѣ газету.

Я запирался и назвалъ его воромъ. Онъ спросилъ другихъ учителей и тѣ сказали, что я носилъ много газетъ и книгъ. Пришелъ смотритель и началъ допросъ. Я долго запирался, но когда онъ сталъ пугать меня военной службой, я все сказалъ.

Черезъ часъ отъ моего друга привезли цѣлый ящикъ съ газетами и книгами. Сортировщикъ привезъ меня съ ящикомъ къ конторѣ; я убѣжалъ домой. Дядя въ это время говѣлъ и былъ въ церкви, тетка что-то шила. Я какъ вошелъ, заплакалъ, упалъ передъ ней на колѣни и ничего не могъ выговорить. Тетка испугалась, задрожала.

— Что съ тобой?

Я ничего не говорилъ.

— Выгнали тебя, что ли?

— Нѣтъ... Я газеты воровалъ... И я залѣзь на печку, думая, что меня никто тамъ не найдетъ. Тетку это такъ по-

разило, что она заплакала. Я думаю, ей очень больно было въ это время.

Меня позвали въ контору. Я не шоль, однако тетка прогнала меня съ печки клюкой. Въ конторѣ всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ — уже совсѣмъ иначе, какъ смотрѣли вчера. Я плакалъ и меня ввели въ присутствіе, гдѣ было очень много народу по случаю набора; на полу валялись бумаги...

— Ахъ ты мошенникъ! Въ острогъ его, каналью, посадить! Закричалъ почтмейстеръ.

Меня повели въ писмоводительную. Тамъ тоже были разбросаны разныя бумаги, газеты и книги. Писмоводитель что-то писалъ, напугалъ меня такъ, что я сознался въ воровствѣ, отвѣчалъ, самъ незная что, и подписалъ какую-то бумагу.

Между тѣмъ пришолъ въ контору дядя въ страшномъ испугѣ. Почтмейстеръ обругалъ его; дядя только молчалъ. Все дѣло было въ томъ, что въ огородѣ, куда я бросалъ бумаги, стоялъ снѣгъ; стали убирать разный хламъ и нашли разныя бумаги и нераспечатанные пакеты.

Тогда мнѣ былъ четырнадцатый годъ.

На другой день меня выгнали изъ училища. Учителя отперлись отъ всего, говоря, что хотя я и носилъ газеты, но они думали, что это дянины, а не городскія. Обо мнѣ заговорилъ весь городъ. Дядя не выгналъ меня изъ дома, даже не выдралъ, а ходилъ какъ помѣщанный цѣлую недѣлю. Съ этого дня я числился подъ судомъ, и мое дѣло продолжалось цѣлые два года.

Тяжело мнѣ было жить въ эти годы. Сначала мнѣ стыдно было выйти изъ дома, стыдно встрѣтиться съ кѣмънибудь; всѣ друзья мои отшатнулись отъ меня и я сидѣлъ дома въ углу за дверьми, читая географію или катихизисъ... Книги не шли на умъ, а я все думалъ объ томъ, что-то со мной будетъ. Я сознавалъ, что я обидѣлъ дядю, сдѣлалъ ему большое зло... Я готовъ былъ богъ знаетъ что сдѣлать для дяди, только бы онъ не сердился и прекратилъ всякое дѣло. Меня хуже прежняго стали ругать, корили роднымъ отцомъ, грозилась отдать въ солдаты и требовали, чтобы я все дѣлалъ съ толкомъ. Въ это время я былъ слугой дяди и тетки:

носилъ воду, дрова и дѣлалъ все, что только дѣлаетъ прислуга, и я былъ доволенъ этимъ. Много я передумалъ въ это время; мнѣ хотѣлось исправиться, но мнѣ трудно было отстать отъ воровства; хотѣлось говорить съ теткой ласково, но я не могъ ей слова сказать такъ, потому что я былъ очень запуганъ, а языкъ точно прилипалъ во рту... Часто я плакалъ съ горя и давалъ Богу обѣты, что я пойду въ монастырь... Въ моей головѣ былъ чистый хаосъ: то рисовались картины какія-то, то чего-то хотѣлось, то мнѣ себя было жалко, то я думалъ объ дядѣ, то мнѣ уйти куда-то хотѣлось, то не нравился весь городъ со всѣми людьми. Но, какъ помню теперь, я ничего тогда не могъ осмыслить, а только сваливалъ всю вину на людей.

Дядя много истратилъ денегъ по моему дѣлу, много хлопоталъ; а я все сидѣлъ дома. Наконецъ меня послали въ монастырь на три мѣсяца. Въ монастырѣ я носилъ воду, дрова, пѣлъ и читалъ въ церкви и исправлялъ тамъ самыя низкія должности.

Многому я насмотрѣлся въ монастырѣ. Мнѣ нравилась тамошняя жизнь, потому-что многіе тамъ рѣшительно ничего не дѣлали. Мнѣ весело тамъ было; но и не нравилось то въ нихъ, что они живутъ по полу-монашески и полу-свѣтски. Тамъ я видѣлъ только черныя рясы, а жизнь была такая же, какъ у свѣтскаго духовенства... Сначала мнѣ хотѣлось остаться тамъ, но когда я пожилъ среди братіи, приглядѣлся къ нимъ и понялъ, что еще не нищій и могу самъ приобрѣтать себѣ кусокъ хлѣба честнымъ, безукоризненнымъ трудомъ, я разубѣдился въ прежнихъ своихъ намѣреніяхъ... Ужъ развѣ, думалъ я, совсѣмъ состарѣюсь, или мнѣ будетъ лѣнь работать въ мірѣ, я тогда изберу себѣ этотъ образъ жизни. А къ этому заключенію я пришелъ уже тогда, когда кончался срокъ моего пребыванія тамъ, и потому, что одинъ добрый и образованный монахъ жалѣлъ меня. Онъ говорилъ мнѣ много объ своемъ житіи, въ которое онъ попалъ не по своему желанію.

Не знаю, вынесъ ли я чтонибудь хорошаго изъ монастыря, передѣлалъ ли онъ скольконибудь меня? Впечатлѣнія, вынесенныя оттуда, остались даже до сихъ поръ; до сихъ поръ я не могу забыть всего того, что пришлось мнѣ испытать тамъ;

два года меня тянуло туда, но мнѣ какъ-то особенно нравилось свѣтское общество. Я сдѣлался задумчивъ; много я думалъ о всякой всячинѣ, но ничего не могъ придумать хорошаго самъ собой, ничѣмъ не могъ утѣшить себя. Ни тетка, ни дядя, ни мои знакомые, ни учителя, ни даже законоучитель не могъ мнѣ объяснить моихъ вопросовъ. Мнѣ говорили, что я задаю себѣ вопросы по глупости и я долженъ вѣрить тому, что писано и чему насъ учатъ. А мнѣ этого мало было; мнѣ досадно становилось, что я не могу найти себѣ такого человѣка, съ которымъ бы мнѣ можно было посоветоваться и который бы научилъ меня уму-разуму. Я учился опять въ томъ же училищѣ и учился уже хорошо. Меня ставили въ примѣръ; и хотя наши учителя были люди молодые, заботящіеся объ развитіи мальчиковъ не розгами, а толкомъ, но и они ничего мнѣ не могли сказать, а только говорили: тебѣ еще много учиться надо... Но мнѣ приближался уже девятнадцатый годъ; дядя хотѣлъ меня опредѣлить на службу, а объ ученіи и думать не велѣлъ; къ тому-же, онъ и не имѣлъ денегъ, чтобы я могъ поступить гимназію. Въ это время я много занимался книгами, но какъ помню, то были все глупыя книги. Хотя же въ училищѣ и была библіотека, но смотритель не давалъ ученикамъ книгъ; если же я просилъ книгъ у учителей, они говорили, что у нихъ нѣтъ для меня книгъ.

Въ это время дядя и тетка не бранили меня, потому-что я всячески старался дѣлать такъ; чтобы не сердить ихъ. Мнѣ жалко было ихъ, потому-что я много сдѣлалъ имъ непріятностей. Наши знакомые удивлялись, что я веду себя какъ слѣдуетъ, хорошо, и ждали случая, когда я сдѣлаю чтонибудь такое, что небу будетъ жарко. Я постоянно сидѣлъ дома или рыбачилъ съ дядей и постоянно молчалъ, потому-что говорить съ дядей и теткой нечего было, да они и не любили со мной разговаривать. Всѣ игры я называлъ глупостью и удивлялся надъ тѣмъ, почему это люди уже женатые дѣлаютъ глупости. Я началъ приглядываться ко всему: къ семейной жизни людей, къ обращеніямъ и ко всему, что только попадалось на глаза... Работы въ моей головѣ много было; я старался самъ все понять, но чувствовалъ, что

я еще больно глупъ и неразвитъ. Досадно мнѣ было, и думалъ я въ это время: хорошо бы мнѣ умереть теперь; а то для чего я буду... Можетъ быть, я думалъ это оттого, что мнѣ страшно опротивѣлъ городъ, а можетъ быть и оттого еще, что мнѣ хотѣлось жить одному, а этого я никакъ не могъ сдѣлать, и не было у меня ни одного такого чело-вѣка, съ которымъ-бы можно было, какъ говорится, душу отвести.

Дядя крѣпко начиналъ попивать водку и говорилъ, что онъ пьетъ отъ меня, съ горя. Тетка очень любила дядю и всячески совѣтовала ему не пить водку, но онъ кричалъ на нее и билъ ее. Потомъ онъ пристрастился къ карточной игрѣ, про-сиживалъ ночи, проигрывалъ деньги. Тетка цѣлую ночь жда-ла его и плакала; утромъ, когда приходилъ онъ злой, она капризничала, дулась цѣлый день. Но ее капризы ни къ че-му не повели. Началсь разныя возмутительныя сцены, раз-доры: дядя гналъ тетку, она не шла.

На девятнадцатомъ году я кончилъ курсъ. Я радъ былъ, что имѣю аттестатъ и кое-какія права. Я чувствовалъ, что я уже теперь не дитя, что я могу поступить на службу, жить самъ собой и меня никто уже не станетъ попрекать чужимъ хлѣбомъ.

Въ восторгѣ я пришелъ домой.

— Ну что? спросила меня тетка, еще на годъ оставили?

— Нѣтъ; вотъ аттестатъ. Я показалъ ей бумагу.

— Едва-то, едва выучился. А на глазахъ ея были слезы. Мнѣ тоже хотѣлось плакать и я поклонился ей въ ноги.

— Покорно благодарю, маменька... Покорно благодарю за все, сказалъ я.

— То-то и есть. А сколько ты намъ бѣдь-то надѣлалъ? Сколько ты намъ стоишь?

— Простите!

— Благодарю отца... А я что? и она поцѣловала меня.

Дядя холодно принялъ мою благодарность. Прочитавши аттестатъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ, скотъ ты эдакой.. Ты долженъ ноги мои мыть и воду пить... Сколько я истягался на тебя, а?

— Покорно благодарю, папенька.

— Ну то-то. Всѣ вы не чувствуете добродѣтелей.

— Полно... Авось онъ и не забудетъ насъ.

Этотъ день я провелъ лучше всѣхъ дней моихъ въ жизни. Когда я легъ спать, то долго думалъ объ томъ, что было со мной до этого, и плохо мнѣ какъ-то вѣрилось, что я теперь уже самъ имѣю права и самъ скоро буду такимъ же, какъ и мой дядя... Я вспомнилъ отца и, по привычкѣ плакать, горячо плакалъ, «думая: эхъ отецъ! Посмотрѣлъ бы ты теперь на меня... Обрадовался бы ты или нѣтъ?» И какъ я благодарилъ въ душѣ дядю и тетку! — «Какъ только буду я получать хорошее жалованье, непременно куплю ей на платье, а дядѣ на сюртукъ... Ужъ буду же я кормить и поить ихъ, чтобы они не сердились на меня.»

На другой день дядя пошелъ хлопотать объ мѣстѣ. Онъ нашелъ мнѣ службу—быть писцомъ въ уѣзномъ судѣ.

Ф. Рѣшетииковъ.

ДОЛИНА СКОРБИ.

(изъ Гейне.)

Сквозь щели врывается вѣтеръ ночной;
На жесткой постели, ничѣмъ не прикрыты,
Лежать два страдальца ихъ лица блѣдны,
Измучены, горемъ убиты.

Лежать два страдальца... Одинъ говорить:
«Обвей меня крѣпче рукою своею,
Губами своими прильни ты къ моимъ,
Тобою себя я согрѣю.»

Она отвѣчаетъ: «Когда я смотрю
Въ глаза твои, милый,—я все забываю—
И голодъ, и холодъ, и всю нищету,
И слова душой оживаю.

И плача, грустя, цѣловались они,
И руки, вздыхая, другъ другу сжимали,
Порою смѣялись и пѣли порой,—
Потомъ говорить перестали.

На утро пришелъ господинъ комиссаръ,
И докторъ почтенный явился; пощупавъ
Старательно пульсы, ученый хирургъ
Сказалъ о присутствіи труповъ.

— Дурная погода—сказалъ онъ—и съ ней
Отсутствіе пищи ихъ смерть причинили,
И еслибъ другія причины нашлись,
То эти ее ускорили.

„Въ морозы—прибавилъ онъ—надо всегда
Въ постели какъ можно теплѣй укрываться“,—
И тутъ же совѣтъ разсудительный далъ—
Здоровую пищу питаться.

И. Вейсбергъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

(XVIII столѣтія).

Съ развитіемъ естественныхъ наукъ явился и другой взглядъ на исторію. Прежде человѣкъ черезъ-чуръ гордился тѣмъ, что онъ человѣкъ и добродушно думалъ, что вся природа создана исключительно для того, чтобы служить и поклоняться ему. Въ этомъ есть, пожалуй, и правда, потому что человѣкъ умнѣе и сильнѣе всѣхъ остальныхъ обитателей земли, такъ что онъ, конечно, подчинить себѣ все, что захочетъ ему подчиниться, а остальное истребить, какъ истребили у себя англичане волковъ и медвѣдей. Но будучи дѣтищемъ земли, человѣкъ конечно находится въ полной зависимости и отъ земныхъ законовъ, т. е. подчиняется имъ, какъ часть земной жизни; а если такіе законы существуютъ,—въ чемъ сомнѣваться никому еще не приходило въ голову, — то почему же не попытаться ихъ опредѣлить, чтобы узнать, какимъ путемъ и куда идетъ развитіе человѣчества или то, что называется прогрессомъ. Мысль, конечно, увлекательная и желаніе законное, но дѣло не въ этомъ.

Изъ 4,000 лѣтъ историческаго существованія человѣчества извѣстно съ достовѣрностью только одно, что люди дрались, какъ лютые звѣри, и не проходило ни одного года безъ войны. Этого еще слишкомъ немного для того, чтобы опредѣлять законы исторической жизни человѣчества. Естественныя науки и статистика, которыя только одни и могутъ оказать помощь историкамъ въ этихъ изысканіяхъ, стали на ноги лишь въ XIX столѣтіи и не могутъ похваляться богатствомъ наблюденій и фактовъ. Такимъ образомъ въ

рукахъ историковъ находятся только весьма неполныя данныя, за какіе нибудь 50—60 лѣтъ, по которымъ и приходится опредѣлять законы, дѣйствующіе въ теченіе многихъ тысячъ вѣковъ. Очевидно, что при всей законности желанія историковъ узнать, почему человѣчество поступало такъ, а не иначе, и какъ оно будетъ поступать впередъ, желаніе ихъ пока должно остаться однимъ желаніемъ. Не къ тому я говорю это, чтобы отвергать пользу и необходимость подобныхъ изысканій, нѣтъ, — а говорю я къ тому, что не всякому историку или народу позволительно предаваться такой научной роскоши.

Наши историки новой школы увлеклись примѣромъ Бокля, не обративъ вниманія на то, что его попытка опредѣлить законы жизни человѣчества составляетъ самую слабую часть его труда и повтореніе того, что до него было высказано другими учеными. Безспорно, что интересно узнать, почему русскій, по складу своихъ способностей, отличается отъ нѣмца, француза и англичанина, и почему онъ создаетъ себѣ исторію нѣсколько иного характера въ частностяхъ. Но дѣло не въ томъ, что вопросъ этотъ интересенъ, — есть, пожалуй, вопросы еще интереснѣе — а въ томъ, есть-ли у насъ сила для его разрѣшенія и существуютъ-ли всѣ данныя, для того необходимыя? Бокль перечиталъ все, что только было можно перечитать человѣку; онъ не оставилъ въ покоѣ ни одной книжки, ни одного языка, и все-таки пришелъ къ тому, что сказалъ — не знаю. Послѣ Бокля естественныя науки не сдѣлали, да въ пять лѣтъ и не могли сдѣлать особенныхъ успѣховъ. Слѣдовательно очевидно, что второй шагъ дѣлать еще рано; а если наши историки хотятъ дѣлать не второй шагъ, а первый, но въ примѣненіи къ Россіи, то конечно, не будучи ни мудрецомъ, ни пророкомъ, можно предвидѣть, что они не сдѣлаютъ и десятой части того перваго шага, который сдѣлалъ Бокль. И это со-всѣмъ не потому, чтобы у нихъ не достало способностей, терпѣнія и желанія, а просто потому, что ученая Россія не подготовила еще ровно никакихъ матеріаловъ для подобной работы. Всѣ данныя придется заимствовать отъ иностранныхъ ученыхъ и основываться на выводахъ, которые могутъ быть къ намъ и непримѣнимы; а если даже и примѣнимы, то въ результатѣ получится тоже «не знаю», какъ и у Бокля. Стоитъ-ли тратить на это время и трудъ, когда другой работой можно принести большую пользу?

Еще во время средневѣковой схоластики установился между учеными обычаи писать какъ можно темнѣе и рыться въ пыли архивовъ и въ раз-

ной старой вѣтоши. Но у схоластиковъ были на то основанія. Они писали темно, полагая, что темнота есть глубокомысліе, и что говорить общечеловѣческимъ, понятнымъ языкомъ прилично только мужикамъ и неучамъ; впрочемъ, другіе писали темно съ намѣреніемъ, чтобы помѣшать распространенію знанія внѣ заколдованнаго круга ученыхъ. Что-же касается до старой вѣтоши разныхъ пергаментовъ и всякихъ старыхъ документовъ, то и тутъ у схоластиковъ было разумное основаніе. Схоластики своимъ умомъ придумать ничего не могли; въ головахъ у нихъ не было ни одной самостоятельной мысли, а потому они должны были прибавляться тѣмъ, что сохранилось отъ науки римлянъ, грековъ и арабовъ. Отправившись умственно въ такое далекое путешествіе, ученые, разумѣется, не могли миновать архивовъ. Тогда это было очень хорошо; было хорошо это и въ болѣе близкое къ намъ время, когда пробѣрялись мысли, извлеченныя изъ древности, и когда извлекались идеи, которыя обходили схоластики, основываясь на томъ, что императоръ Юстиніанъ смотрѣлъ на эти идеи сурово. Но теперь древній міръ весь выжатъ, какъ лимонъ; выжаты и средніе вѣка; зачѣмъ-же ученые продолжаютъ рыться въ архивахъ? Дѣлаютъ они это просто по привычкѣ, воображая, что это очень почтенное занятіе и что невозможно быть человѣкомъ науки, не раскопавъ какую нибудь старую, негодную дрянъ и не сочинивъ книжицы, испещренной сотнями цитатъ на каждой страницѣ. И, боже мой, что это за цитаты! Скажетъ-ли, напримѣръ, ученый, что какой нибудь воевода Семень былъ глупъ, сейчасъ-же ставитъ звѣздочку и въ выноскѣ указываетъ на страницы и параграфы какого нибудь полусгнившаго фолианта. Но что-же доказываютъ эти цитаты? Во-первыхъ, глупость воеводы Семена нисколько не объясняется тѣмъ, что онъ названъ дуракомъ въ какомъ нибудь старинномъ документѣ; чтобы читатель убѣдился, что Семень глупъ, нужно рассказать факты его глупыхъ поступковъ, тогда и безъ цитатъ всякій увидитъ, глупъ ли воевода или уменъ. Но русская ученость безъ цитатъ перестаетъ быть ученостью, потому что цитаты замѣняютъ для нея здравый смыслъ и силу критики. Недостатокъ критики помѣшалъ намъ оцѣнить и лучшія стороны Бокля. Читая его, мы стали подражать ему именно въ томъ, въ чемъ онъ слабѣе всего, и не обратили вниманія на его анализъ болѣе къ намъ близкихъ историческихъ событій. Но намъ еще непростительнѣе, что мы не сумѣли оцѣнить истинное сокровище между историческими сочиненіями — исторію восемнадцатаго столѣтія Шлоссера. Если это случилось только потому, что Шлоссера понимать труднѣе, чѣмъ Бокля,

то разумеется, это причина вполне удовлетворительная, и тогда остается только пожалеть о томъ, что мы еще не можемъ читать серьезныхъ книгъ. Разумеется, Боклю подражать легче, чѣмъ Шлоссеру; — стоитъ только набрать побольше цитатъ и воспользоваться готовыми выводами Бокля, сообщивъ имъ всероссійскій характеръ. Шлоссеръ же, по принципу не выставляетъ цитатъ, хотя и не скрываетъ источниковъ, потому что знаетъ, что сущность исторіи не въ этомъ. Для него ничего не значатъ увѣренія какогонибудь болтуна, если простымъ соображеніемъ событій и здравымъ смысломъ можно понять, что болтунъ говорить вздоръ. А что въ Шлоссерѣ былъ высокий смыслъ и глубокая проницательность, умѣющая найти во всемъ правду, и которую нельзя подкупить ничѣмъ, никакими софизмами, никакими диалектиками, никакимъ величіемъ и гениальностью — этому доказательствомъ служитъ его исторія восемнадцатаго столѣтія, не вызвавшая у насъ, къ сожалѣнію, подражателей, какъ Бокль. И объ этомъ нужно пожалеть тѣмъ болѣе, что путемъ Бокля мы не придемъ ни къ какимъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, ни къ чему новому, ни къ чему истинно для насъ полезному и необходимому, тогда какъ историкъ, пропитавшійся высоко-разумной рѣчью Шлоссера, могъ бы написать для насъ такую исторію, какая именно намъ нужна.

Все наши историки начинали всегда съ самыхъ древнѣйшихъ вѣременъ, о которыхъ никто ничего не знаетъ; погружались затѣмъ въ изысканія средневѣкового мрака, гдѣ кромѣ мрака нѣтъ ничего, и никогда не доходили до Петра I; что-же касается до послѣ-петровской эпохи, то за нее никто и не брался, точно будто бы исторія Россіи оборвалась на Петрѣ. Одному Устрялову посчастливилось подойти ближе, да и то потому, что онъ началъ прямо съ Петра; но Устряловъ не такой исторіографъ, чтобы отъ него можно было ожидать настоящей исторіи. Печальнѣе всего то, что даже люди повидимому способные писать, какъ гг. Костомаровъ и Павловъ, и тѣ углубляются въ изысканіе вопросовъ о трусости или храбрости Дмитрія Донского или о добродѣтеляхъ Бориса Годунова, вмѣсто того, чтобы рассказать намъ то, что намъ болѣе всего нужно знать и что мы знаемъ всего менѣе. Что-же заставляетъ этихъ людей рыться въ архивной пыли и сушить свой мозгъ надъ стариной, нисколько не поучительной, вполне уже разработанной, на сколько это нужно, и вполне уже выясненной? Только схоластическія привычки и больше ничего; только ошибочное мнѣніе, что копаться въ актахъ XII или X вѣка гораздо почетнѣе и

ученѣ, чѣмъ въ дѣлахъ XVIII или XIX столѣтій. Мы не думаемъ, чтобы наши историки могли оправдаться правиломъ Наполеона, который не совѣтовалъ историкамъ подходить близко къ новому времени. Но и Наполеонъ, давая такой совѣтъ, предполагалъ только свое собственное царствованіе. Я не отвергаю пользы трудовъ гг. Соловьева, Устрялова и даже Каравина, но хочу сказать, что, кромѣ этихъ многотомныхъ и богатыхъ документами матеріаловъ, намъ нужна еще исторія, какъ говорятъ нѣмцы «для образованныхъ читателей», исторія не больше какъ въ двухъ томахъ, но въ которой бы заключалась вѣрная картина внутренней русской жизни. Такая исторія нужна намъ не только потому, что у насъ есть весьма почтенные люди, историческія познанія, которыхъ илуть не дальше учебника Кайданова, но еще и потому, что люди, желающіе узнать побольше, остаются неудовлетворенными; ибо, чтобы обзавестись разными историческими монографіями, Соловьевымъ, Устряловымъ и т. д. нужно не только истратить рублей 60, но и одолѣть цѣлый ворохъ книгъ. Ни то, ни другое большинству невозможно. Да если бы и было возможно, то человѣкъ все-таки узналъ бы только о Россіи до-петровской. — Какъ ни подходи къ вопросу, а выводъ одинъ, — что намъ нужна полная исторія Россіи до нашихъ дней и что такой исторіи у насъ нѣтъ. Дѣло только въ томъ — найдется-ли между нашими историками человѣкъ, способный понять необходимость подобнаго сочиненія для нашей публики и написать его такъ, какъ слѣдуетъ? Если бы схоластическія привычки и ошибочный взглядъ на ученость не загонялъ нашихъ историковъ во «мракъ времени», то конечно такіе историки бы нашлись. Но историки заблуждаются на счетъ почетности труда, полагая, что открытіе какого нибудь новаго, никому неизвѣстнаго лоскутка, разъясняющаго новую черту Дмитрія Донского или Годунова, есть будто бы наука и глубокая ученость. Нѣтъ тутъ ни учености, ни науки; а просто кропотливый трудъ, для котораго нужна только способность сидѣть нестерпимо долго на одномъ мѣстѣ и чудовищное терпѣніе. Пусть этимъ дѣломъ занимаются только тѣ, кто неспособенъ ни на что другое, какъ быть вѣтошникомъ архивовъ; а люди съ талантами должны служить обществу другую службу. Кантъ, конечно, оказалъ большую услугу философіи, но онъ написалъ такую штуку, которую въ цѣлой Германіи понимали только три человѣка. Отъ такой учености обществу не легче, и новое знаніе принесло пользу только тогда, когда явился Рейнгольдъ, сдѣлавшій непонятное понятнымъ для всѣхъ.

Не Кантъ двинуть въ тѣ времена Германію, а Рейнгольдъ и Фихте, умѣвшіе говорить ясно и популярно и создавшіе вмѣсто трехъ людей, понимавшихъ Канта, можетъ быть тридцать тысячъ. Безъ сомнѣнія пріятно быть Кантомъ, но для этого еще мало одного желанія; а еще большая ошибка въ томъ, если ктонибудь изъ нашихъ историковъ думаетъ быть Кантомъ въ русской исторіи. Никто изъ насъ не проложитъ новыхъ путей въ наукѣ — не пришло для того наше время — и долго-долго будемъ мы еще идти по тропинкамъ, которыя прокладываютъ для насъ западные ученые. Намъ нужны не Канты, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ, намъ нужны Рейнгольды, на что и найдется у насъ довольно способныхъ людей, если мы только разстанемся съ самолюбивой мыслью — творить самостоятельно, не замѣчая того, что воображаемый нами самостоятельный трудъ въ сущности — слѣпое ухаживанье за европейскими учеными. Можетъ быть, въ этомъ и непріятно сознаться, но это правда. Кому горько такое сознание, пусть утѣшаетъ себя геніальностію, но что это мнѣніе справедливо, я постараюсь его доказать.

II.

Всѣ иностранцы, посѣщавшіе до-петровскую Русь, говорятъ, что москвичи коснаго, небыстраго ума, неспособные ничего выдумать сами, если имъ не покажутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ обвиняютъ въ пьянствѣ, въ обжорствѣ, въ наклонности къ воровству. Такіе упреки дѣлались русскимъ не только въ отдаленныя времена, но и во времена къ намъ очень близкія. Но никто изъ этихъ укорителей не потрудился подумать о томъ, почему русскій умъ косенъ, почему русскій человекъ способенъ только къ подражанію, почему ничто не побуждаетъ его къ умственному прогрессу. Русскихъ только бранили; въ видѣ примѣра, приводили французовъ и англичанъ и всю бѣду видѣли въ недостаткѣ образованія. Триста лѣтъ толковали и писали одно и тоже, что русскаго человека нужно образовывать, и въ наши дни еще разъ, съ невообразимой рьяностію, ухватились за ту же мысль почвенники; весь этотъ шумъ не привелъ однако ни къ чему; масса стоитъ, и нынче она знаетъ не больше того, что знала при Борисѣ Годуновѣ; а тѣ, кто знаетъ больше, точно также не выдумали не только пороха, да и вещей менѣ хитрыхъ. Между тѣмъ русскіе принадлежатъ къ той же высшей, кавказской расѣ, какъ нѣмцы, французы и англичане.

Конечно, никто не станетъ отвергать, чтобы въ до-петровскую русь нашъ народъ выказалъ изобрѣтательность и прогрессивность; но въдь вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ причинахъ косности и отсталости отъ западной Европы. Тутъ-то мудрецы и не выказали своей сообразительности, хотя дѣло было очень просто.

Древній міръ передалъ западной Европѣ свои учрежденія, свое муниципальное устройство, свою философію. Во всемъ этомъ было много основаній и пиццъ, какъ для умственной, такъ и для матеріальной жизни, потому что всѣ эти начала нужно было переработать, согласить съ прежними принципами варваровъ и создать одно цѣлое. Вопли готоваго Европѣ ничего не досталось; даже христіанская философія требовала выработки и развитія, и въ этомъ обстоятельстве заключается главнѣйшая причина прогрессивности Европы съ первыхъ шаговъ ея общественной жизни. Прежде чѣмъ сложилось католическое ученіе и католическая церковь, люди въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ разсуждали, думали и спорили; но и сложившись наконецъ въ одно цѣлое, католицизмъ былъ принятъ не всѣмъ западомъ исключительно, а только большинствомъ, и признанъ государственной религіей; между тѣмъ и другія ученія не исчезли, а существовали въ видѣ ересей и сектъ, имѣвшихъ вольнодумственный характеръ и основанныхъ на тѣхъ началахъ прогрессивности, которыя привели наконецъ къ реформаціи.

Монастыри и духовенство служили центрами, гдѣ пріютилась наука; отсюда она пошла и дальше, и наконецъ число сочиненій и число лицъ, желавшихъ читать и учиться, вышло такъ велико, что явилась потребность придумать что нибудь въ замѣнъ арміи переписчиковъ, обходившихся слишкомъ дорого и искажавшихъ сочиненія; тогда-то было изобрѣтено книгопечатаніе, какъ прямой отвѣтъ на общую потребность.

Промышленность и разныя техническія производства и ремесла еще во времена римлянъ проникли къ варварамъ; съ паденіемъ римскаго могущества техника не погибла, она осталась тамъ гдѣ была и, съ расширяющимися болѣе и болѣе потребностями, получила прогрессивный характеръ, которымъ отличалась еще въ древности; точно также, какъ торговля и мореплаваніе, которое наконецъ заставило придумать практическое примѣненіе магнитной стрѣлки, свойства которой были извѣстны уже давно. Компасъ далъ возможность не бояться океана и привелъ наконецъ Колумба въ Америку.

Религіозная восторженность, обнимавшая цѣлыя массы населенія, вслѣдствіе относительно довольно значительнаго религіознаго вольно-

мысли и нравственнаго вліянія духовенства, создала крестовые походы, а съ ними и знакомство съ цивилизаціей востока, новыя потребности, новыя промышленныя и торговыя сношенія.

Множество независимыхъ владѣній, на которыя распались Италия и Германія, если были вредны имъ въ политическомъ отношеніи, то принесли пользу въ дѣлѣ просвѣщенія, потому что способные, прогрессивные люди, преслѣдуемые въ одномъ мѣстѣ, укрывались въ другомъ. Если бы Германія имѣла одного короля, то Лютера сожгли-бы подобно Гуссу.

Въ чрезвычайномъ разнообразіи интересовъ западной Европы, — распавшейся на множество государствъ, которыя однако всѣ жили общей политической жизнью, — въ вѣчной борьбѣ гражданскихъ, экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ интересовъ заключалось то двигающее начало, которое толкало Европу все впередъ и впередъ, не позволяя ей заостенѣть въ неподвижныхъ формахъ огромныхъ азіатскихъ государствъ.

Къ всему этому нужно прибавить, что въ самыя первыя времена т. е. за тысячу лѣтъ назадъ, въ Европѣ уже процвѣтали школы и ученость; вопросъ не въ томъ, какого рода была эта ученость и какая мудрость жила въ головахъ людей, а въ томъ, что мысль уже была возбуждена, что матеріальныя потребности были довольно разнообразны, что промышленность и торговля были ими уже вызваны, что социальныя и политическія отношенія цѣлой массы государствъ и отдѣльныхъ народностей, бывшихъ въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ, заставляли людей также думать и сочинять постоянно что нибудь новое, чтобы не погибнуть отъ сильнаго сосѣда. Однимъ словомъ, въ Европѣ, какъ въ котлѣ, клокотала жизнь, органически развивавшаяся изъ внутренней необходимости и подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, жизнь, служившая продолженіемъ древняго міра, — но только въ иной формѣ, съ примѣсю иныхъ интересовъ, новыхъ идей и потребностей, созданныхъ христіанствомъ.

Иначе сложилась Русь. Она никогда не знала ни Рима, ни его колоній, ни римскихъ учреждений и цивилизаціи. Почему славяне забрались на дальній сѣверо-востокъ?—этого никто не знаетъ, да и знать не зачѣмъ; но дѣло въ томъ, что выборъ этого мѣста имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу Руси, потому что не только удержалъ ее отъ знакомства съ древнимъ Римомъ, но и обстановилъ ее иными сосѣдами.

Но нужно полагать, что и въ до-исторической жизни славянъ были

какія нибудь особенности, подѣйствовавшія на нихъ иначе, чѣмъ на германцевъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что даже славяне западные, находившіеся почти въ центрѣ европейской жизни, не выказали ни той энергіи, ни той умственной силы, какую обнаружили германцы, постоянно и во всемъ одолѣвавшіе славянъ. Если обратить вниманіе на то, что нужно было пройти тысячѣ вѣковъ, прежде чѣмъ челоуѣчество досрло до умственной силы, какую обнаружили греки и римляне, то нужно будетъ предположить, что и обстоятельства, задержавшія славянъ во время ихъ до-исторической жизни, имѣли тоже характеръ многовѣковой продолжительности. Я хочу сказать этимъ, что славяне или отставали отъ германцевъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, или задерживающія обстоятельства, можетъ быть и менѣе продолжительныя, были однако такъ сильны, что обнаружили многовѣковой результатъ. Только этимъ и можно объяснить интеллектуальную отсталость славянъ, существующую и по настоящее время. Какъ только эта отсталость установилась, хотя, можетъ быть, и въ очень отдаленныя до-историческія времена, но установившись разъ, она, разумѣется, дала себя почувствовать и въ эпоху историческую. Такимъ образомъ совершенно несомнѣнно, что исторія застааетъ славянъ съ меньшими силами, чѣмъ германцевъ, и въ мѣстностяхъ менѣе благопріятныхъ для умственной культуры.

Забравшись на сѣверо-восточную равнину, — которая приводитъ въ такой восторгъ многихъ нашихъ историковъ, и приводитъ въ восторгъ только потому, что она очень велика и очень равнинна, — славяне раскинулись на этой громадной площади и совершенно потерялись въ ея дебряхъ и тущобахъ. Римскіе люди, учрежденія, искусства къ славянамъ не доходили и славяне должны были разыграть роль того перваго портного, о которомъ говоритъ Простакова и который шилъ непремѣнно дурно, потому что онъ былъ первый. Германцы были счастливыѣ, — Римъ выучилъ ихъ шить, можетъ быть плохо; но все таки выучилъ, и имъ не приходилось доходить своимъ умомъ до того, до чего приходилось додумываться восточнымъ славянамъ.

Предоставленные самимъ себѣ и своей собственной изобрѣтательности, отдаленные отъ запада, раскинутые на огромной площади въ суровой и печальной мѣстности, славяне попрятались въ одиночку въ своихъ лѣсахъ и болотахъ и образовали особнякъ, запертый на глухо отъ всякихъ сношеній съ болѣе цивилизованнымъ западомъ.

У насъ не было и такихъ сосѣдей какъ мавры, съ ихъ наукой и ци-

византией; греческіе ученые, изгнанные изъ Константинополя, пришли тоже не къ намъ, потому что мы не продолжали римской науки и ученыхъ у насъ дѣлать было нечего. Однимъ словомъ, умственное наследство древняго міра миновало насъ, а досталось западу. Понятно, что мы не могли выдумать книгопечатанія.

Недостатокъ, какъ выражаются нѣкоторые, «индустріальнаго мышленія и промышленной интеллигенціи и изобрѣтательности» точно также понятенъ. Могло-ли быть у насъ какое нибудь «индустріальное мышленіе», когда Руси приходилось мыслить не объ индустріи, а о кускѣ насущнаго хлѣба: сначала нужно быть сытымъ, а ужъ потомъ можно завести ситцевую рубашку и бархатный жилетъ. На западѣ еще при римлянахъ образовались крѣпкіе центры съ муниципальнымъ устройствомъ; это были точки оперы, которыхъ держались и сельскія поселенія; въ такихъ центрахъ можно было имѣть «индустріальное мышленіе», тѣмъ болѣе, что западъ владѣлъ морями и уже давно устроилъ торговыя сношенія. Не то было съ Русью. Ее одолевала вѣчная борьба князей и набѣги степныхъ ордъ; бѣдность была страшная, потому что разореніе шло за разореніемъ. Нужно было спастись отъ этой бѣды, а не размышлять объ индустріи. Зачѣмъ-же русскіе не устраивали крѣпкихъ центровъ? спросить читатель. Да потому, что еще не додумались до нихъ настоящимъ образомъ, какъ это было на западѣ, гдѣ это было придумано еще римлянами. Вообще, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мы знаемъ о римлянахъ только то, что говорить ихъ исторія; но никто не знаетъ, сколько сотенъ вѣковъ употребили они, чтобы додуматься до своего Рима, съ его даже первоначальными учрежденіями. Учиться готовому уже легко, и это счастье выпало германцамъ и не досталось Руси, которой приходилось идти тѣмъ путемъ, какимъ шли нѣкогда греки и римляне т. е. доходить до всего своимъ умомъ, какъ первому портному. Вѣчно разоряемая набѣгами извнѣ и внутренними усобицами князей, Русь такъ обтерпѣлась въ спартанскомъ образѣ жизни, что считала счастьемъ, если отъ нея не отнимали ея хлѣба и не заставляли бросать пашню и бѣжать въ лѣса и болота. Но если бы Русь и стала размышлять объ индустріи, то эти размышленія не припели бы ни къ чему, потому что западъ былъ впереди и было выгоднѣе и проще пріобрѣтать отъ него готовое, чѣмъ самимъ заводить суконныя и парчевыя фабрики. Да и кому были нужны сукна и парча? Десяти человѣкамъ. Простонародью-же нуженъ былъ спокойный

уголь и увѣренность, что ему не придется бѣжать и бросить свой домъ и пашню.

Конечно, объясненіе причинъ не измѣняетъ сущности факта; и совершенно правильно, что Русь не знала ни промышленности, ни торговли въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ онѣ существовали на западѣ. Она не знала ни грамоты, ни ученыхъ, ни наукъ, ни искусствъ и представляла первобытную страну съ первобытнымъ народомъ, который конечно додумался бы до всего и самъ, если-бы даже и совсѣмъ не было на свѣтѣ ни римлянъ, ни германцевъ. Очень можетъ быть, что для этого потребовались бы десятки вѣковъ, потому что, напримѣръ, Новгородъ, при всѣхъ удобствахъ для промышленной, торговой, умственной и политической жизни, въ теченіе 600 лѣтъ не придумалъ самъ ничего. Очевидно, что 600 лѣтъ было для него мало, и у Руси не созрѣли еще способности для развитія гражданскихъ и политическихъ отношеній.

И въ этомъ виной была та изолированность, въ которую стала Русь къ западу. Она гнушалась запада, повернулась къ нему спиной, а лицомъ обратилась къ востоку. Она шла въ Сибирь и на Амуръ, сама не зная для чего; она заводила сношенія съ Китаемъ, она вела дружбу съ Персіей, и отъ Запада и его идей, которыя только однѣ могли доставить Руси, что было нужно для ея благосостоянія, отмахивалась руками и ногами.

Во время своего основанія Русь была ближе къ западу и болѣе способна къ западно-европейской культурѣ, чѣмъ при Иванѣ Грозномъ, потому что въ началѣ, находясь въ хаотическомъ состояніи, она искала принциповъ, на которыхъ бы могла успокоиться; тогда какъ при Иванѣ все міровоззрѣніе уже установилось и Русь окончательно замкнулась отъ всего того, что не было русскимъ. А между тѣмъ и это былъ прогрессъ, ибо Русь шла впередъ тѣмъ, что шла назадъ. Это не парадоксъ. Развитие совершалось отрицательнымъ путемъ и передовые люди понимали всегда, что русскія формы неудовлетворительны, что русскій умъ собственной силой не въ состояніи освободиться отъ того, что онъ самъ же выдумалъ, и что необходимо искать свѣта на Западѣ, у такъ называемыхъ нѣмцевъ. Это сознаніе являлось только потому, что свое не удовлетворяло, а не удовлетворяло оно рѣшительно всѣхъ, начиная отъ чернососнаго до царя. Недовольство заставляло искать лучшаго, а лучшее можно было найти только въ Европѣ; и вотъ Русь, кончивши свои дѣла съ кочевниками и съ татарами, стала понемногу отворачиваться отъ Востока, чтобы вступить въ сношенія

съ Западомъ. Этотъ первый періодъ поучителенъ тѣмъ, что показалъ, какъ невыгодно намъ замыкаться отъ Европы и что всякое стремленіе къ независимой культурѣ, однимъ своимъ умомъ, только отодвигаетъ насъ отъ цивилизаціи и ведетъ къ прямымъ потерямъ. Всякій разъ, когда Россія въ послѣдствіи думала оградить себя отъ западныхъ идей, она шла къ застою и страшно отставала отъ западныхъ со-сѣдей. Причина весьма понятна, также какъ понятно и сожалѣніе славянофиловъ, желавшихъ и стремившихся къ невозможной русской цивилизаціи, какъ къ чему-то органическому, независимому и самостоятельному.

Сознаніе собственнаго умственнаго безсилія и необходимость заимствованій отъ болѣе образованнаго запада становится замѣтно со времени Ивана III и его женитьбы на греческой царевнѣ. Конечно, этого сознанія не было ни въ народѣ, ни въ духовенствѣ, но оно было къ правителяхъ. Особенно понимали необходимость западныхъ знаній Иванъ Грозный, Лжедмитрій—человѣкъ вообще весьма даровитый, многими мыслями котораго воспользовался потомъ Петръ—и Борисъ Годуновъ. Но тогда еще не пришло время для тѣхъ реформъ, какія впоследствии удалось Петру.

Конечно, правительственныя реформы до Петра, при немъ и впоследствии имѣли по преимуществу политическій характеръ и шли сверху внизъ, что казалось славянофиламъ неорганическимъ и очень огорчало ихъ. Разумѣется, есть въ этомъ правда, но спрашивается, какъ бы славянофилы устроили органическую реформу? Народъ могъ чувствовать, что ему трудно во всѣхъ отношеніяхъ, но что-же изъ этого? Онъ все таки не зналъ и не понималъ, что нужно дѣлать, чтобы ему было лучше. Народъ былъ бѣденъ и желалъ быть богаче; онъ желалъ бы носить сапоги, плисовые штаны и всегда ѣсть калачи; но вѣдь сапоги, плись и калачи не создаются по щучьему велѣнью; (для этого нужна извѣстная доля ума). Но дѣло именно и заключается въ томъ, что народъ былъ глупъ, и глупъ такъ, какъ ни одинъ народъ на Западѣ.

Остальныя сословія: дворянство, духовенство и служилые люди, хотя въ матеріальномъ отношеніи стояли и выше народа, но для дѣла реформы были еще менѣе способны, чѣмъ простонародье. Напримѣръ, судьямъ и воеводамъ не было никакой выгоды отъ судебныхъ и полицейскихъ реформъ Петра I, запрещавшихъ поборы; о правосудіи и честности, о которыхъ такъ хлопоталъ царь, имъ не было тоже никакого дѣла; они знали только одно, что честность пойдетъ имъ въ убы-

токъ. О политическихъ-же и государственныхъ идеяхъ, руководившихъ Петромъ, они понимали также мало, какъ и простонародье.

И реформы понадобились только потому, что сама страна не была въ состояніи придумать своимъ умомъ удобный и выгодный порядокъ внутренней жизни. У нея не было ни администраціи, ни суда, ни хозяйства, ни промысловъ, ни войска, т. е. все это было такого рода, что Русь уподоблялась скорѣе нестройной толпѣ, чѣмъ государству, особенно когда явилась потребность вступить въ политическую жизнь Запада.

Для этой жизни нужны были главнѣе всего двѣ вещи—войско и деньги, и понятно, что съ этого начинались всѣ наши реформы, еще со временъ Ивана III. Петръ I повернулъ круче и, какъ человекъ энергическій и торопливый, захотѣлъ измѣнить весь порядокъ сразу. Но 800 лѣтъ прежней жизни взяли свое, и успѣшными вполнѣ оказались только тѣ преобразования, которыя давали Россіи возможность играть политическую роль.

Все же остальное, для чего требовались умственные и нравственные силы цѣлыхъ массъ—высшихъ сословій и простонародья—шло чрезвычайно медленно, потому что именно въ этихъ-то силахъ и былъ недостатокъ. Можно лить слезы сожалѣнія надъ тягостной судьбой простого человѣка, надъ неправдами и бѣдствіями, которыя онъ переносилъ, и такія слезы, безъ сомнѣнія, доказываютъ благородство побужденій и чувствительность плачущаго патріота, но, во всякомъ случаѣ, они не рекомендуютъ ни его сообразительности, ни чувства собственного достоинства. Отсутствіемъ этихъ качествъ и избыткомъ слезливаго патріотизма именно и погрѣшали славянофилы и ихъ послѣдователи. Оттого-то они такъ и кричали о любви къ народу, желая разчувствовать и другихъ. Своеобразная славянская цивилизація было возможна только въ одномъ случаѣ, если бы всѣ славяне поселились на какомъ нибудь островѣ и изолировались отъ всего человѣчества, подобно китайцамъ, или, оставшись на европейскомъ континентѣ, обнесли бы себя кругомъ высочайшей стѣной; но въ такомъ случаѣ, судя по примѣру новгородской быстроты гражданского прогресса, потребовалось бы много десятковъ вѣковъ, прежде чѣмъ славяне придумали бы что нибудь подобное гласному и словесному суду, книгопечатанію и проч. Но была ли возможность для Руси переселенія на необитаемый островъ или постройки высочайшей стѣны—объ этомъ славянофилы не подумали; они и почвенники желали чего-то народнаго; органическаго; но никто изъ нихъ не потрудился указать средствъ, какими можно осуществить подобное желаніе. Они считали народомъ только крестьянъ, простонародье,

как будто остальные сословія не народъ; но не обратили вниманія на то обстоятельство, что какъ только крестьянинъ изъ подначальнаго превращался въ земскаго или старосту, онъ сейчасъ давалъ чувствовать себя тѣмъ, кто ниже его. Отъ этихъ півовъ народъ терпѣть можетъ быть болѣе всего; но кто же были они, развѣ не тотъ же самый народъ? Значитъ, въ самомъ народѣ лежали тѣ особенности, въ которыхъ укоряли такъ называемый не народъ; самъ народъ утѣшая себя и самъ же онъ плакалъ и жаловался, а потомъ стали плакать славянофилы и почвенники, стараясь отыскивать причины тамъ, гдѣ ихъ не было. Въ до-петровскую Русь между крестьяниномъ и высшимъ бояриномъ была такая же разница, какая нынче между мужикомъ и бородатымъ купцомъ стараго закала, т. е. всѣ были мужики. Конечно, въ посольство къ иностраннымъ дворамъ выбирались лучшіе люди, но и этимъ лучшимъ людямъ цари давали такія инструкции, какихъ нынче не даютъ даже мужикамъ. Посламъ говорилось: не пьянствуйте, не деритесь, ведите себя умно и скромно, потому что чрезъ васъ можетъ пасть дурная слава на царя, и, не смотря на то, послы все-таки упирались и безчинствовали, такъ, что обезславили Русь на всемъ Западѣ. Кто же были эти бояре, послы, воеводы и т. д.? были они тѣмъ же народомъ, какъ и все остальное населеніе, и соединяли въ себѣ общенародныя черты, какъ какой нибудь Китъ Китычъ. Можно ли было ожидать, чтобы Китъ Китычъ сознался въ томъ, что онъ самодуръ, и добровольно отказался бы отъ своихъ свирѣпостей. Конечно нѣтъ. Нужно, чтобы сами обстоятельства измѣнились такъ, чтобы самодурство Кита Китыча сдѣлалось невозможнымъ; а какъ самъ онъ не могъ, да и не хотѣлъ связать себѣ рукъ, то очевидно, что нужно было сдѣлать это другимъ. Эгими другими явились лучшіе русскіе того времени, лучшіе по уму и по знакомству съ иностранцами, ихъ понятіями и обычаями. Лучшіе люди того времени разсуждали гораздо умнѣ славянофиловъ и ихъ нынѣшнихъ потомковъ; они знали, что отъ Кита Китыча не дождеши скоро ума и что его учить грамотѣ поздно. Потому то они и начали не со школъ и грамоты, а съ учреждений, потому что единственно хорошей школой человѣка служатъ учрежденія, гдѣ человѣкъ учится практически тому, чему онъ никогда не научится изъ книжекъ. Въ подтвержденіе этой мысли приведу примѣръ изъ нашего времени. Сколько нужно бы вѣковъ, чтобы Киты Китычи дошли своимъ умомъ, по органической теоріи славянофиловъ и прочихъ ихъ послѣдователей, до мысли, что бить и стѣчь

человѣка не слѣдуетъ, а между тѣмъ нынѣшняя отиѣна тѣлеснаго наказанія научила ихъ этому сразу; и въ десять лѣтъ привычка жить безъ побоевъ сдѣлается на столько общей, что и самъ Кить Китьчъ сознается наконецъ, что онъ думалъ прежде глупо. Слѣдовательно очевидно, что если подъ органическимъ развитіемъ понимать тотъ путь цивилизаціи, при которомъ приходилось ждать, чтобы самъ Кить Китьчъ догадался, что онъ дѣйствуетъ и думаетъ глупо, то для этого потребовались бы вѣка; гораздо проще было идти тѣмъ прямымъ путемъ, которымъ пошелъ Петръ, т. е. пригласить для дѣла умныхъ, знающихъ людей, и нзмѣнить учрежденія.

Въ томъ, что на самага Кита Китьча не было никакой надежды, лежитъ причина, что онъ, представленный самъ себѣ и удаленный отъ сношенія съ Западомъ, начиналъ тотчасъ же думать своимъ умомъ и шель назадъ. Иначе сказать, Россія шла впередъ только тогда, когда въ ней открывался широкій и совершенно свободный доступъ европейскимъ идеямъ и улучшениямъ, какъ это было при Петрѣ I, который въ этомъ отношеніи отличался большой либеральностью. Но какъ только мы начинали слишкомъ полагаться на собственные силы и, увлекаемые славянофильскимъ самообольщеніемъ, думали, что уже можемъ обойтись безъ руководства и учителей, тотчасъ же обнаруживалась скудость нашего умственнаго капитала и наше безсиліе придумать то, что придумывали нѣмцы, французы и англичане. Это замѣчалось даже въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ, на какихъ нибудь гвоздяхъ, иголкахъ и булавахъ. Чтобы понять причину этого, достаточно взглянуть на отношеніе нашихъ городскихъ и сельскихъ сословій. Въ нашихъ городахъ земледѣльческій элементъ составляетъ болѣе 90%, а настоящаго средняго сословія, въ которомъ на западѣ соединяется вся промышленная и умственная сила, у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ, или выражаясь точнѣе, оно находится у насъ только въ зародышѣ. Этотъ зародышъ заключаетъ въ себѣ конечно ядро національнаго генія, т. е. то начало, которое славянофилы такъ усердно искали въ курной избѣ, въ народной отсталости и, не найдя его ни въ деревнѣ, ни въ городѣ, облачались сами въ поддевку и въ плисовые штаны и выставляли себя на смѣхъ православному міру. Въ этомъ же зародышѣ найдутъ примиреніе и теперешніе почвенники, потому что имъ совершится то сближеніе съ народомъ, о которомъ они прокричали всѣмъ уши и все-таки не могли указать, въ чемъ оно должно заключаться, когда ихъ объ этомъ спрашивали. Разумеетсяъ, зародышъ

дышь этотъ малъ, но вѣдь оттого-то онъ и зародышъ. Для устраненія недоразумѣнiя считаю необходимымъ прибавить, что подъ именемъ средняго сословія я понимаю только одну прогрессивную часть того, что въ западной Европѣ носитъ это названіе. Какойнибудь сапожникъ Петровъ, обманывающій на товаръ и работъ и пьянствующій три дня въ недѣлю, едва ли изображаетъ собой среднее сословіе, потому что не отличается ничѣмъ отъ крестьянина Петрова, занимающагося обманомъ и пьянствомъ въ деревнѣ; и если предположить, что все среднее сословіе состоитъ исключительно изъ людей подобныхъ сапожнику Петрову или что люди свободныхъ профессій — литераторы, ученые, художники и т. д. по своимъ понятіямъ стоятъ тоже не слишкомъ далеко отъ почтеннаго сапожника, то неужели ихъ слѣдуетъ признать прогрессивной силой только за ихъ городскіе обычаи и занятія?—Это примѣръ идеальнѣйшій, а дѣйствительнымъ могутъ служить наши мѣщане, изъ которыхъ императрица Екатерина II хотѣла создать русское среднее сословіе. Никто, конечно, не заподозритъ нашихъ мѣщанъ не только въ прогрессивности, но даже въ какихъ либо стремленіяхъ выше умственной среды престолярства, и потому, хотя мѣщане юридически и изображаютъ среднее сословіе, но фактически они не больше какъ крестьяне, приписанные къ городамъ. Очевидно, что среднимъ сословіемъ слѣдуетъ считать только прогрессивную часть городскихъ сословій; только ту ихъ часть, которая служитъ связывающимъ звѣномъ между народомъ и другими сословіями, заключаетъ въ себѣ умственную и промышленную силу страны, и служитъ представительницей не частныхъ, сословныхъ интересовъ, а общихъ, національныхъ. Оно потому и среднее, что соединяетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, общенародныя стремленія и служитъ изображеніемъ народнаго духа въ его высшихъ и лучшихъ проявленіяхъ. Поэтому понятно, что изъ тѣхъ элементовъ старой Руси, противъ которыхъ пошла петровская реформа, не могло образдваться скоро это очищенное народное начало, и что оно стало видно, какъ прогрессивная сила, только послѣ второй половины нашего вѣка. Конечно, при иныхъ историческихъ обстоятельствахъ оно могло бы проявиться и ранѣе, но какъ такихъ обстоятельствъ не встрѣтилось, то и приходится успокоиться на фактѣ въ томъ видѣ, какъ онъ совершился.

Петръ I, занявшись военными и административными преобразованиями, заботу о цивилизаціи народа предоставилъ своей женѣ. Это конечно не была цивилизація въ томъ смыслѣ, какъ она понимается нынче.

Императрица было внутренне устройство двора и введеніе иностранныхъ обычаевъ, которые отъ придворныхъ должны были перейти и въ другія сословія. Къ народу цивилизація эта не могла тоже имѣть никакого отношенія, потому что имѣла исключительно придворный характеръ. Все это было совершенно вѣрно общеевропейскому духу того времени и порядку просвѣщенія, принятому Петромъ. Мы принимали науку отъ Запада; вводилъ ее въ Россію Петръ; и чрезъ него и людей къ нему близкихъ она должна была опускаться постепенно и до народа. Просвѣщеніе Россіи сохраняло этотъ характеръ больше столѣтій, т. е. оно было придворнымъ, аристократическимъ и исключительно иностраннымъ.

Въ началѣ, конечно, все это и не могло быть иначе. Своихъ знаній мы не имѣли никакихъ; всему рѣшительно, до послѣдней мелочи, мы должны были учиться у иностранцевъ; обычаи и образъ жизни высшихъ сословій были такого рода, что ни одного русскаго боярина нельзя было пустить, даже на день, въ порядочную, опрятную комнату. Подобный упрекъ можно было сдѣлать даже Петру и его свитѣ, которые уже не были похожи на бояръ стараго времени и, не смотря на то, такъ отдѣляли садъ и домъ, въ которомъ они останавливались въ Лондонѣ, что хозяинъ, по отъѣздѣ царя, представилъ королю огромный счетъ и тотъ заплатилъ ему изъ своихъ денегъ.

Вводить просвѣщеніе не такъ легко,—а особенно поселить чувство гражданской чести, котораго старая Русь рѣшительно не знала,—какъ устроить войско и флотъ. Поэтому военныя преобразованія Петра увѣнчались такимъ успѣхомъ, что онъ еще при жизни наслаждался плодами своихъ политическихъ усилій и игралъ роль въ Европѣ, тогда какъ плоды просвѣщенія ему не удалось увидѣть даже и при дворѣ. О гражданской чести конечно и говорить нечего—азбука ея дается народамъ съ трудомъ; поэтому ни казни, ни кнутъ, ни ссылки не помогали Петру просвѣтить Россію въ этомъ отношеніи, и ближайшій къ нему человекъ, Меншиковъ, осыпанный почестями и богатствами, служилъ лучшимъ доказательствомъ того, что гражданская честь несомнѣстима съ старо-русскими порядками и понятіями.

Даже и вишнія европейскія формы прививались не такъ легко, и въ первыя три года царствованія удалось только отучить ближнихъ придворныхъ отъ старобоярскаго обжорства и пьянства. Поэтому въ началѣ прошлаго столѣтія жизнь придворныхъ русскихъ представляла смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, изящества съ русской нечистоплот-

ностью, цивилизованных манеръ съ татарской грубостью и безпощадной русской жестокостью, обезславившей насъ за границей. Очень часто красивая женщина или дѣвушка, одѣтая въ дорогое, роскошное платье, имѣла нечесанную голову; за парадными, богатыми комнатами располагались другія, болѣе похожія на помойныя ямы; изящный придворный, копировавшій при дворѣ французскаго маркиза, засѣдалъ дома на смерть своего человѣка или собственноручно колотилъ камердинера. Все это, разумеется, и не могло быть иначе, потому что гораздо было легче надѣть французскій кафтанъ и выучиться говорить по французски, чѣмъ усвоить себѣ европейскія идеи и изгнать изъ головы русскіе предрасудки.

При Екатеринѣ II дворъ получилъ совсѣмъ иной видъ и небывалый до того блескъ. Придворное образованіе носило уже вполне французскій характеръ, потому что Франція и французскія идеи давали тогда тонъ всей Европѣ. Аристократія училась правительственной мудрости изъ «Духа Законовъ» Монтескьё, она читала Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція и даже Руссо. Все, что европейскій умъ придумалъ тогда въ области мысли, все это прочитывалось придворными и знатыми аристократами. Конечно, мысли французскихъ вольнодумцевъ не выходили изъ круга аристократіи и не могли появляться въ русской печати; да если бы они и появились, то, безъ сомнѣнія, не принялись бы большинствомъ русской публики, которая и до сихъ поръ судить весьма своеобразно о Вольтерѣ.

Впрочемъ Императрица, какъ женщина литературнаго образованія, бывшая въ перепискѣ съ Вольтеромъ и, кромѣ того, державшая въ Парижѣ особаго комиссіонера, чтобы слѣдить за характеромъ и тономъ парижской салонной цивилизаціи, поощряла и русскую литературу. Вліяніе императрицы не осталось безплоднымъ. Такъ какъ весь блескъ жизни сосредоточивался тогда при дворѣ, Россія играла важную политическую роль, побѣды надъ турками, громъ Суворовскихъ побѣдъ прославили далеко наше оружіе, то конечно этотъ блескъ и слава русскаго имени не могли не возбудить патріотическаго вдохновенія людей, окружавшихъ дворъ, и русская литература виѣстѣ съ официально-скучными и плохими одами, приобрѣла нѣсколько серьезныхъ идей, распространенныхъ въ обществѣ посредствомъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ.

Тогда не приходило никому въ голову, какъ это было въ послѣдствіи, укорять знатныхъ, что они читаютъ Вольтера, Гельвеція, Расина и т. д. и не читаютъ Тредьяковскаго, Сумарокова, Державина, хотя

Сумароковъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изображалъ собой русскаго Расина. Вѣроятно и внѣшніе читатели предпочтутъ Расина Сумарокову, а Вольтера Тредьяковскому и Державину, взятымъ вмѣстѣ. Но съ другой стороны, не слѣдуетъ быть несправедливыми къ Тредьяковскому, Сумарокову, Державину и цѣлому сонму ихъ подражателей; а также и къ писателямъ александровскаго періода, во главѣ которыхъ, по своей политической смѣтливости, стоитъ конечно Карамзинъ. Всѣ эти писатели воспитались и выросли подъ вліяніемъ искусственнаго солнца, не видѣли никогда ни настоящей русской природы, ни настоящаго русскаго чело-вѣка. Въ той сферѣ, въ которой они выросли, вращались только извѣстнаго рода убѣжденія и мысли, польза которыхъ для Россіи только и была признана несомнѣнной.

Сказать что нибудь свое, новое, они не могли, по недостатку для этого способностей; а способностямъ явиться было не откуда, потому что они, равно какъ самобытность, оригинальность и сила, не являются при тѣхъ условіяхъ тепличнаго и условнаго воспитанія, при которыхъ росли писатели того времени. Наконецъ ихъ положеніе возлагало на нихъ особенныя условія, отъ которыхъ отступать они не могли.

Не нужно забывать еще и того, что ихъ могли читать и знать, только придворные потому что другіе читать не могли по малограмотности, а пожалуй, и по совершенной безграмотности. Поэтому они и писали для своей публики, какъ это дѣлается многими писателями и нынче, т. е. старались говорить ей только то, что могло ей нравиться. Конечно нехорошо, что они угодничали; но вѣдь имъ и нельзя было поступать иначе, потому что ихъ существованіе зависѣло отъ покровительства сильныхъ: у каждаго писателя былъ свой меценатъ, безъ котораго пришлось-бы умереть съ голоду. Строгій моралистъ останется недоволенъ моими объясненіями; но строгій моралистъ забываетъ, что ни Тредьяковскій, ни Державинъ, ни Карамзинъ и т. п. не были суровыми римлянами, и слѣдовательно совершенно несправедливо требовать отъ ихъ восковыхъ душъ желѣзной стойкости Катона, которая была при тѣхъ условіяхъ невозможна.

Царствованіе Александра I было довольно благопріятно для распространенія знаній въ нашей публикѣ. Особенную пользу въ этомъ отношеніи принесъ походъ Наполеона въ Россію и путешествіе нашихъ войскъ за границу. Въ лицѣ пѣльныхъ французовъ и нѣмцевъ мы приобрѣли сразу тысячи учителей, разсѣявшихся по всей Россіи; а путешествіе по Германіи и Франціи познакомило нашихъ съ новыми для

нихъ идеями, учрежденіями и обычаями. Такимъ образомъ намъ досталась сразу цѣлая масса новыхъ идей и мы получили энергическій воспитательный толчокъ, какого не испытывали со времени Петра I. Подобное широкое воспитательное движеніе мы испытали еще разъ нынче, послѣ крымской войны. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, учителями нашими являлись по прежнему иностранцы, и только ими обуславливался нашъ умственный прогрессъ.

Со времени Александра I наша литература, благодаря наплыву новыхъ идей, начинаетъ терять понемногу свой прежній, односторонній характеръ и обращается къ наблюденіямъ надъ русской жизнью и къ изученію народныхъ потребностей. Только благодаря этому новому, болѣе широкому движенію, сдѣлалось возможнымъ появленіе Гоголя. Салонныя маріонетки и благородные, благоухающіе герои, выражающіеся не иначе, какъ на изящномъ французскомъ языкѣ, перестали появляться въ повѣстяхъ и романахъ, а смѣнились чичиковыми, собакевичами и имъ подобными, грубыми господами, потому что они были свои старые знакомые, тогда какъ элегантныя графы и графини были просто призраками невѣдомаго для насъ міра, даже и тамъ, гдѣ воображали, будто бы они дѣйствуютъ. Этотъ поворотъ къ иному мировоззрѣнію былъ бы невозможенъ съ такой быстротой безъ наполеоновскихъ войнъ и нѣмецкаго народнаго энтузіазма, возбужденнаго наполеоновскимъ владычествомъ. Патриотизмъ сказался и у насъ. Но новые писатели, которымъ Гоголь и Бѣлинскій указали дорогу, скоро сбились съ пути и дописались наконецъ до собственнаго посрамленія. Г. Писемскій вѣроятно уже закончилъ свою дѣятельность «Взбаломученнымъ моремъ,» потому что дальше идти невозможно; но другіе беллетристы и публицисты продолжаютъ еще писать и посрамлятся, совѣмъ и не подозревая того, что они дѣлаютъ. Бѣда съ посрамляющимися писателями случалась только потому, что они вообразили, что могутъ думать своимъ умомъ, не зная, какъ видно, изъ опыта до-петровскаго историческаго періода, что это намъ вредно. Самообольщеніе, въ которомъ укорялъ насъ еще Крыжаничъ, выставляя его, какъ одинъ изъ признаковъ косности и невѣжества, увлекло многихъ, блиставшихъ въ свое время, писателей до того, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ г. Писемскій, пропѣли уже лебединую пѣсню своей литературной дѣятельности; другіе поютъ ее теперь; а третьи настраиваютъ свои лиры, чтобы заняться тѣмъ же. Поколѣніе этихъ дѣателей сходитъ уже со сцены и очищаетъ мѣсто новымъ работникамъ, съ свѣжими

силами, съ большими знаніями и съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на то, что имъ слѣдуетъ дѣлать.

Впрочемъ, наши передовые люди никогда не ошибались въ пониманіи нашихъ истинныхъ отношеній къ Западу. Славянофилы прозвали ихъ за это западниками, полагая, что это очень остроумно и обидно. Къ огорченію славянофиловъ, прозвище это не обратилось однако въ насмѣшку, потому что западники стояли крѣпко на своихъ ногахъ, тогда какъ съ именемъ славянофила или почвенника (что въ основаніи одно и тоже) нельзя уже нынче показаться въ обществѣ разсудительныхъ людей. Конечно, юношескому самолюбію славянофиловъ казалась обидной наша умственная зависимость отъ запада, но что же дѣлать, если это историческій фактъ, отъ котораго нельзя освободиться однимъ самолюбивымъ желаніемъ быть взрослымъ. Но славянофилы были даже неправы въ своей обидчивости, потому что, по ихъ логикѣ, всему свѣту слѣдовало бы ничего не дѣлать болѣе, какъ обижаться, ибо каждый человекъ и каждый народъ имѣютъ кого нибудь, кто старше ихъ. Между тѣмъ, смотря на дѣло просто и прямо, нельзя не видѣть, что всѣ главныя услуги русскому прогрессу оказывали всегда иностранцы; даже знаменитую земледѣльческую русскую общину открылъ нѣмецъ, Гакстаузенъ, оказавшій впрочемъ намъ еще и другую, болѣе существенную услугу. И все это становится вполне понятнымъ, если обратить вниманіе на то, что Европа старше насъ многими столѣтіями и что у насъ не можетъ явиться ни одного общественнаго, экономическаго и политическаго вопроса, который не былъ бы уже обсуужденъ и пережитъ на Западѣ. Слѣдовательно намъ остается только одно: пользоваться тѣми знаніями, которыя выработала Европа и переносить ихъ домой, примѣняя къ нашимъ русскимъ обстоятельствамъ. На Западѣ такъ много знаній, а у насъ такъ мало знающихъ людей, что и этой одной работы достанется намъ лѣтъ на сто или болѣе. Наши публицисты и критики, ставшіе во главѣ теперешняго умственнаго движенія, поняли это очень хорошо; они не рылись въ славянофильскомъ хламѣ, не плавали въ туманѣ смутныхъ понятій и стремленій почвенниковъ, но брали прямо здравыя мысли западныхъ передовыхъ людей и излагали ихъ намъ понятнымъ и общедоступнымъ способомъ, возбуждая наше мышленіе и вниманіе къ важнѣйшимъ вопросамъ нашей внутренней жизни. Другой роли умный писатель въ Россіи имѣть теперь и не можетъ, и это относится не только къ публицистамъ и ученымъ, но и къ беллетристамъ, которые, если хотять, чтобы ихъ чи-

тади и уважали, то могут достигнуть этого только путемъ, прогнавъ ложными старо-московскими понятіями, погубившими г. Цесарскаго. Мы, молодежь Европы, рѣшительно во всемъ и должны догнать ее, поэтому, пока мы не сравняемся съ нею въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ, у насъ невозможны доморощенные Боблы, Лейблы, Дарвины, Ж. Т. Д.

III.

Восемнадцатое столѣтіе въ западной Европѣ было вѣкомъ преобразованій также, какъ и у насъ. Но это только внѣшнее сходство, потому что тамъ все новыя идеи являлись результатомъ внутреннего процесса народной жизни, следовательно создавались на самомъ мѣстѣ, тогда какъ у насъ они являлись прямыми заимствованіемъ.

Преобразовательныя попытки Европы, въ большинствѣ случаевъ, были чисто-консервативнаго характера, и только одна Франція повела ихъ въ республиканской формѣ и революціоннымъ путемъ.

Самымъ энергическимъ реформаторомъ въ консервативныхъ цѣляхъ былъ конечно Помбаль, первый министръ португальскаго короля Юсіфа. Помбаль былъ человекъ большого ума и желѣзной воли, хорошо знакомый съ новой французской философіей и новыми европейскими учрежденіями; ихъ-то онъ и захотѣлъ ввести въ своею отечествѣ, страдавшемъ отъ духовенства, іезуитовъ и сильной аристократіи.

Первымъ дѣломъ онъ возсталъ на іезуитовъ, но не потому, чтобы онъ заботился о религіозныхъ или нравственныхъ улучшеніяхъ, а потому, что іезуиты составляли государство въ государствѣ. Сила ихъ достигла въ тѣ времена дѣйствительно до замѣчательнаго размѣра, такъ что они начали составлять даже независимыя іезуитскія владѣнія. Въ Урагуаѣ, (въ Америкѣ), іезуиты присвоили себѣ свѣтскую власть, управляя страной самостоятельно и даже издавали законы. Іезуиты пускались въ торговлю, прибирали къ своимъ рукамъ все важнѣйшія торговыя операціи и хотѣли во всехъ европейскихъ портахъ сдѣлаться господами большихъ коммерческихъ предпріятій. Во Франціи орденъ владѣлъ громадными капиталами и грозилъ сдѣлаться полновластнымъ капиталистомъ. При іезуитскихъ принципахъ и ихъ коварной казуистикѣ, допускавшей и оправдывавшей не только плутовство и обманъ всякаго рода, но даже цареубійство, свѣтскія власти конечно не могли допустить у себя существованіе такого опаснаго учрежденія. Мошениче-

ство и спекуляціи іезуитовъ были доказаны во Франціи даже судебнымъ порядкомъ; но, не смотря на то, что папа запретилъ ордену заниматьсѣ рвствомъ, торговать невольниками и вести банкірскіе обороты, орденъ продолжалъ свои дѣла по прежнему. Наконецъ постыдный процессъ надъ торговымъ мошенничествомъ одного важнаго іезуита, дѣйствовавшато подѣ полномочіемъ ордена и подѣ его ручательствомъ, производившійся въ Парижѣ публично (дѣло въ томъ, что орденъ отказался платить по векселямъ, за которые онъ ручался), заставили папу Бенедикта XIV издать новую буллу противъ торговыхъ и свѣтскъ-политическихъ операцій іезуитовъ. Этимъ двумя буллами и воспользовался Помбаль, чтобы начать войну съ орденомъ.

Сначала Помбаль обрушился на іезуитовъ въ Урагваѣ, который, по договору съ Испаніей, долженъ былъ отойти къ Португаліи. Въ Урагваѣ езуиты устроили колоніи индѣйцевъ, обратили ихъ въ христіанство и обращались съ ними такимъ пастырскимъ образомъ, что колонисты походили дѣйствительно на стадо, управляемое пастухами. Говорятъ, что индѣйцы были счастливы. И этому можно повѣрить, если считать счастьемъ безмятежный покой, уподобляющій человека овцѣ. Отецская заботливость іезуитовъ была такъ велика, что индѣйцамъ не было никакой нужды даже думать. Эту заботу взяли на себя почтенные пастыри; они были душой и головой поселеній, а индѣйцы только руками, ногами и желудками. Эгого-то покоя и вздумалъ нарушить Помбаль своимъ обыкновеннымъ способомъ. Онъ хотѣлъ изгнать изъ Урагвая не только іезуитовъ, но даже и индѣйцевъ, вызванныхъ туда іезуитами изъ лѣсовъ и стѣней и уже обжившихся подѣ мирнымъ управленіемъ. Последняя мѣра была и несправедлива и жестока. Іезуиты конечно возстали не только сами, но и подняли индѣйцевъ. Тогда испанцы и португальцы, сами виноватые въ этомъ возстаніи, послали, какъ водится, войско, которое распоряжалось съ туземцами совершенно по канібальски. Что не было перерѣзано и что не разбѣжалось въ первобытные лѣса, то Помбаль выселялъ. Страну совершенно опустошилъ. Конечно, іезуиты были зломъ, но зачѣмъ было убивать и разерять индѣйцевъ?

Покончивъ съ іезуитами въ Америкѣ, Помбаль повелъ войну съ ними въ Европѣ. Но и іезуиты дѣлали свое дѣло. Они трубили вездѣ, что Помбаль безбожникъ, что землетрясеніе лиссабонское Богъ послалъ въ наказаніе за преслѣдованіе іезуитовъ, что всѣ несчастія въ странѣ происходятъ только по этой причинѣ; въ проповѣдяхъ они старались во-

оружать народъ противъ министра. Тогда Помбаль убѣдилъ короля издать повелѣніе объ удаленіи іезуитовъ отъ двора; трусливый король, боявшійся болѣе Помбала, чѣмъ дворянъ и іезуитовъ, согласился и Помбаль распорядился съ ними по своему: онъ велѣлъ арестовать ихъ ночью и вывезти изъ дворца, а на мѣсто ихъ назначить другихъ духовныхъ. Больше всего помогло Помбалу въ его преслѣдованіи ордена покушеніе на жизнь короля. Король былъ слабый и безхарактерный. Онъ имѣлъ тогда связь съ женой стараго маркиза Тавора, а потомъ съ женой младшаго. Чтобы лучше скрыть свои любовныя поѣздки, король притворялся, будто бы занимается дѣлами съ Помбалемъ, а между тѣмъ самъ уѣзжалъ на свиданья, а Помбаль оставался въ кабинетѣ короля до его возвращенія. Одной изъ такихъ поѣздокъ воспользовались Таворы, чтобы убить короля; они устроили три засады: въ первой выстрѣлили въ кучера, но промахнулись, короля же ранили легко въ плечо. Кучеръ, вмѣсто того, чтобы ѣхать впередъ, повернулъ лошадей и поскакалъ домой, и тѣмъ избѣгнулъ остальныхъ двухъ засадъ. Причинъ этого покушенія нужно искать, конечно, не въ любовныхъ связяхъ короля, потому что мужа и вся фамилія Тавора знали давно, что жены братьевъ жили съ королемъ. Іезуиты въ этомъ дѣлѣ не принимали даже никакого участія, но такая мелочь не могла затруднить Помбала. Онъ похваталъ всѣхъ членовъ фамиліи Тавора, посажалъ ихъ въ ямы, въ которыхъ держали хищныхъ звѣрей, женщинъ заключилъ въ монастырскія тюрьмы, а іезуитовъ арестовалъ въ ихъ зданіяхъ, окруживъ дома часовыми.

Въ то время юристы доискивались судебной правды весьма просто; а какъ такихъ чугунныхъ людей, какъ Стенька Разинъ, было немного, то конечнопы тка вырывала у менѣ сильныхъ людей такія признанія, какія хотѣлось имѣть судьямъ. И потому нельзя сказать съ достовѣрностью, кто изъ заподозрѣнныхъ былъ правъ, кто виноватъ; но кончился процессъ тѣмъ, что однимъ отрубили головы, другихъ сожгли, третьихъ колесовали, а менѣ виновныхъ повѣсили. Послѣ этого Помбаль заключилъ въ тюрьмы и іезуитовъ. Ему не было никакого дѣла до того: правы они или виноваты; ему нужно было ихъ уничтожить, и онъ дѣйствовалъ, какъ дѣйствуютъ люди на войнѣ—безъ права и справедливости, но примѣняя къ самимъ іезуитамъ правило ихъ коварной казуистики, что всякое средство хорошо для достиженія цѣли. Противъ Помбала подняли страшный крикъ Папа и все католическое духовенство Европы, но Помбаль былъ не такой человекъ, чтобы его можно

было запугать крикомъ и духовными посланіями. Онъ добился наконецъ своего: похваталъ всѣхъ іезуитовъ, старыхъ и молодыхъ, больныхъ и здоровыхъ, посажалъ ихъ на корабли и отправилъ ихъ въ Римъ къ папѣ.

Не ограничиваясь изгнаніемъ ордена, Помбаль напечаталъ и разослалъ по Европѣ тысячи экземпляровъ сочиненія, въ которомъ раскрывалось вредное ученіе и вредное вліяніе іезуитовъ. Книга эта оказалась весьма полезной и для другихъ европейскихъ правительствъ, точно также, какъ и примѣръ Помбала. Съ его легкой руки стали гнать іезуитовъ вездѣ.

Помбаль не оставилъ въ покоѣ и остальнаго духовенства; онъ уничтожилъ auto-da-fe и власть инквизиціи, и передалъ постановленіе инквизиціонныхъ приговоровъ свѣтскимъ судамъ. Впрочемъ, когда показалось ему потомъ, что доминиканцы могутъ услужить ему противъ іезуитовъ и его политическихъ противниковъ, то онъ возстановилъ опять инквизицію, чтобы передать въ ея власть всѣхъ тѣхъ, отъ кого онъ хотѣлъ избавиться. Инквизиціонныя тюрьмы наполнились снова; и цѣлыя тысячи людей томились въ страшныхъ и отвратительныхъ помѣщеніяхъ, нерѣдко подъ землей, лишеныя воздуха и свѣта, безъ суда и права, по одному произволу министра. Помбаль наполнялъ тюрьмы не только въ Португаліи, но и во всѣхъ ея колоніяхъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Не смотря однако на возстановленіе инквизиціи, Помбаль сдерживалъ ея религиозное усердіе и отдавалъ ей на жертву только одного сумасшедшаго, семидесяти-трехлѣтняго старика, Малагриду, считавшагося у іезуитовъ святымъ. Только этого безвреднаго бѣдняка и удалось инквизиторамъ сжечь. Конечно старика жаль, но онъ приносился въ жертву, чтобы нанести ударъ религиозной святости іезуитовъ или, лучше сказать, чтобы уменьшить ихъ вліяніе на суевѣрныхъ людей.

Съ аристократическими фамиліями Помбаль распорядился также рѣшительно, какъ и съ іезуитами. Португальское дворянство завладѣло цѣлыми округами и областями въ португальскихъ виѣ-европейскихъ владѣніяхъ. Многія имѣнія были подарены и казною знатымъ фамиліямъ. Но Помбаль объявилъ, что все это незаконно, и отобралъ назадъ земли, выдавъ только за нѣкоторыя самое ничтожное вознагражденіе. Можетъ быть, Помбаль дѣйствовалъ и логически, отобравъ, напримѣръ, въ казну островъ Санъ-Мигуель, принадлежавшій въ теченіи трехсотъ лѣтъ одной фамиліи, гдѣ она устроила много фабрикъ и промышлен-

ныхъ заведеній, но логика эта была слишкомъ сурова. И что худо—никто не смѣлъ быть недовольнымъ, не только этими, но и вообще всѣми экономическими мѣрами министра, который, разумѣется, могъ и ошибаться. Недовольные отправлялись немедленно въ темницу, а затѣмъ на эшафотъ.

Одна мѣра особенно характеризуетъ систему Помбала. Послѣ землетрясенія въ Лиссабонѣ чрезвычайно усилились разбои и грабежи, бывшіе и прежде довольно сильными. Чтобы прекратить ихъ, Помбаль поставилъ сто висѣлицъ, а по концамъ улицъ часовыхъ, которымъ было велѣно вѣшать всякаго, имѣющаго въ рукахъ какую либо вещь, на принадлежность которой онъ не представитъ доказательствъ. Этими путемъ въ нѣсколько дней было повѣшено триста пятьдесятъ человекъ.

Не было предмета, на который бы Помбаль не обратилъ своего вниманія. Торговля и промышленность, разумѣется, тоже пользовались его покровительствомъ и также чувствовали на себѣ тяжелую его руку. Онъ распоряжался Португаліей, какъ своимъ помѣстьемъ, а португальскими подданными, какъ своими крѣпостными. Напримѣръ, онъ хотѣлъ обратить торговлю въ пользу казны и устроилъ для этого общество, но купцы его надули; для улучшенія винодѣлія, онъ уничтожилъ произражденіе винограда въ мѣстахъ для него неблагоприятныхъ, и во многихъ мѣстахъ велѣлъ истребить виноградники съ цѣлью развитія земледѣлія. Виноградъ пропалъ, но хлѣба владѣльцы сѣять, вмѣсто него, не стали.— Помбаль основалъ народныя школы. Онъ устроилъ въ Лиссабонѣ ремесленное училище, и какъ никто не шелъ туда добровольно, то Помбаль велѣлъ ловить силой мальчиковъ, не имѣвшихъ занятій и бродившихъ праздно по улицамъ. Ихъ запирали въ ремесленную школу и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не выучились какому нибудь ремеслу или искусству.

Какъ всѣ деспотическія натуры, Помбаль любилъ огромныя постройки. Послѣ землетрясенія онъ построилъ въ Лиссабонѣ биржу, гостинный дворъ и арсеналъ; постройка эта возбуждала общее удивленіе, потому что такихъ зданій не было нигдѣ въ Европѣ. Но увы! арсеналомъ нельзя было пользоваться, ибо въ Португаліи не было ни флота, ни арміи; а биржа и гостинный дворъ стояли тоже пустыми. Помбаль очень заботился о чистотѣ и красотѣ Лиссабона и безъ всякой жалости ломалъ частныя дома, уцѣлѣвшіе послѣ землетрясенія, если они не гармонировали съ новыми городскими постройками, и заставлялъ домохозяевъ строить дома по новымъ фасадамъ.

Наконецъ онъ преобразовалъ совершенно и войско, походившее больше на бродягъ и нищихъ, пригласивъ для этого нѣмецкаго графа Линде, глубокаго знатока плацъ-парадной прусской службы.

И по части правосудія Помбаль былъ тоже реформаторомъ, но здѣсь его произвольность была менѣе всего у мѣста. Набивъ биткомъ всѣ тюрьмы, какъ въ Португаліи, такъ и во многочисленныхъ ея колоніяхъ, Помбаль считалъ это наказаніе еще недостаточнымъ, хотя тогдашнее суровое заключеніе въ тяжелыхъ желѣзахъ отвратительныхъ ямахъ и казематахъ было уже само по себѣ жестокой пыткой; для неисправившихъ онъ придумалъ еще особенный трибуналъ, имѣвшій вполнѣ характеръ политической инквизиціи и шпионствовавшей вездѣ, даже въ семействахъ, такъ что братъ долженъ былъ бояться брата и сынъ отца. Эта инквизиція, какъ назывался трибуналъ, расправлялась съ виновными, а иногда и съ невинными, совершенно въ духѣ своего учредителя, и не затруднялась никогда найти преступнымъ того, кого нужно было отправить подальше или даже и совсѣмъ переселить въ «лучшій міръ».

При такой системѣ управленія и преобразованій, Помбаль, конечно, не пользовался популярностью; его преобразованія мучили и народъ, поэтому его не любили всѣ сословія. По смерти короля Юсифа, когда управленіе перешло къ его суевѣрной дочери, сошедшей наконецъ совершенно съ ума, иезуитамъ и монахамъ снова открылось обширное поле. Донна Марія постаралась возстановить также и другія старинныя злоупотребленія, противъ которыхъ боролся Помбаль и частью ихъ сломилъ. Самаго же Помбала враги его успѣли уговорить королеву предать суду, а судъ приговорилъ 82 лѣтняго старика къ смертной казни, хотя Помбаль ни въ чемъ виноватъ не былъ и дѣйствовалъ всегда съ разрѣшенія короля. Впрочемъ королева отмѣнила этотъ жестокій приговоръ и только запретила Помбалу жить вблизи двора. Черезъ годъ (въ 1782 г.) Помбаль умеръ.

Тѣже причины, которыя вызвали преобразованія въ Португаліи, по дѣйствовали и въ Испаніи. Конечно, король Карлъ III въ этомъ не былъ виноватъ нисколько, и онъ часто издавалъ повелѣнія, не понимая хорошенько, куда онѣ могутъ вести. Карлъ, какъ всѣ бурбоны, отличался не столько правительственными способностями, сколько любовью къ охотѣ, къ придворной пышности и къ блеску власти. Онъ никогда бы не догадался сдѣлать то, что сдѣлалъ, если бы не имѣлъ подлѣ себя людей, проникнутыхъ новыми французскими идеями и умѣв-

шихъ пользоваться слабостями короля для реформаціонныхъ цѣлей. Карлъ хотѣлъ усилить блескъ своей власти и его совѣтники объяснили ему, что это совершенно невозможно при существованіи іезуитовъ, лишającychъ монархизмъ его силы, и безъ гражданскаго благосостоянія народа. Такимъ образомъ, Карлъ сдѣлался невольнымъ реформаторомъ, стремясь въ сущности не къ благу страны, а исключительно къ удовлетворенію своихъ суетныхъ стремленій.

Съ іезуитами испанцы поступали совершенно какъ Помбаль. Для изгнанія ихъ воспользовались народными волненіями, бывшими въ Мадридѣ, и, замѣшавъ въ дѣло нѣсколькихъ іезуитовъ, предали ихъ суду. Въ государственномъ совѣтѣ было рѣшено уничтожить орденъ и король привелъ въ исполненіе эту мѣру весьма коварнымъ образомъ. Чтобы скрыть отъ іезуитовъ собирающуюся надъ ними грозу, Карлъ, вмѣстѣ съ своимъ первымъ министромъ, Арандой, переписывали приказы губернаторамъ, и ночью 31 марта 1767 года всѣ іезуиты были арестованы внезапно во всей Испаніи. Число арестованныхъ составляло болѣе 5000. Ихъ посадили на корабли и отвезли въ папскія владѣнія.

Кромѣ изгнанія іезуитовъ, Испанія позаботилась объ уменьшеніи вообще вліянія духовенства, особенно въ дѣлѣ народнаго образованія; были улучшены финансы, флотъ и армія, ограничена инквизиція и т. д. Но недолго шла Испанія этимъ прогрессивнымъ путемъ. У Карла III въ старости взяло перевѣсъ суевѣріе и вновь открылась дорога обскурантамъ и невѣждамъ. Аранда былъ удаленъ, вліяніе духовенства снова усилилось, монахи и инквизиція повели крестовый походъ противъ всѣхъ нововведеній; они вооружались даже противъ театра, учрежденнаго Олавидесомъ, желавшимъ доставить народу зрѣлище болѣе человѣческое, чѣмъ кровавые бои быковъ, и наконецъ доминиканцамъ удалось даже сжечь еретика, чего уже не дѣлалось въ теченіе пятидесяти лѣтъ.

Въ тоже время предпринимались преобразованія и въ другихъ государствахъ; я скажу коротко о Даніи, Пруссіи и Австріи.

Въ Даніи царствовалъ Христіанъ VII, женатый на сестрѣ Георга III англійскаго. Христіанъ былъ безпутный, легкомысленный, развратный человѣкъ, совершенно истощившійся наконецъ физически и нравственно. Неизвѣстно, съ чего, пришла ему безразсудная мысль сдѣлать путешествіе по Европѣ. Съ огромной свитой людей, ни къ чему негодныхъ, кромѣ праздношатательства, Христіанъ поѣхалъ сначала въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ. Для этого блистательнаго путешествія маленькая

Данія была обложена нѣсколькими, слѣдовавшими одинъ за другимъ, налогами; а на жителей Копенгагена наложили личную подать. Эти деньги, добытыя потомъ бѣдняковъ, — потому что даже прислуга подверглась налогу, — Христіанъ бросалъ съ безумной расточительностью, за что, конечно, заслужилъ высокое удивленіе и льстивыя похвалы отъ пустыхъ людей и придворныхъ боттуновъ, которымъ такая расточительность была выгодна. Не смотря на совершенное слабоуміе короля, въ Парижѣ осыпали его громкими похвалами, и даже Вольтеръ унижился до того, что написалъ ему льстивое письмо, увѣряя въ умѣ, котораго у Христіана никогда не было.

Во время этого путешествія, окончательно ослабившаго Христіана, онъ сблизился съ находившимся въ его свитѣ докторомъ Штруэнзе, который сдѣлался ему необходимъ и какъ медикъ, и какъ пріятный собесѣдникъ. По возвращеніи въ Копенгагенъ, Штруэнзе былъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ короля.

Штруэнзе былъ сильно сложенный, красивый мужчина, коротко знакомый съ сочиненіями Вольтера, Гельвеція, Руссо, Дидро и другихъ тогдашнихъ французскихъ мыслителей. Христіанъ, напротивъ, не зналъ ничего; всю свою силу ему удалось растратить довольно рано; супружеской вѣрностью онъ и прежде этого не отличался; съ женой обращался дурно, внаконѣцъ былъ до того слабъ и безхарактеренъ, что его можно было заставить подписать все, что угодно. Жена его Каролина-Матильда, молодая, девятнадцатилѣтняя, красивая и страстная женщина, была совершенно несчастна съ такимъ мужемъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, при извѣстномъ его состояніи, она сблизилась съ Штруэнзе, который вообще славился счастьемъ въ любовныхъ интригахъ.

При помощи королевы, Штруэнзе овладѣлъ вполнѣ безхарактернымъ королемъ и изъ лейбъ-медика былъ превращенъ въ конференцъ-совѣтника. Съ этихъ поръ начались его реформы и самовластное правленіе. Штруэнзе дѣйствовалъ по методу Помбала. Прежде всего онъ обрушился на дворянство и чиновничество, желая ограничить олигархію, потомъ издалъ эдиктъ объ уничтоженіи цензуры, затѣмъ отъявилъ титулы и знаки отличія. Но уже съ самаго начала онъ оскорбилъ національное чувство датчанъ тѣмъ, что всѣ эти эдикты были написаны на нѣмецкомъ языкѣ. Не смотря на ограниченіе произвола помѣщиковъ, относительно ихъ крестьянъ, и строгаго опредѣленія размѣра барщины, либеральный Штруэнзе позаботился въ тоже время отнять

отъ народа его послѣдніе остатки гражданской свободы. Онъ преобразовалъ копенгагенскій магистратъ такъ, что вмѣсто гражданъ стали रहать два чиновника и юристы.

Штруэнзе дѣйствовалъ безпощадно, совершенно революціоннымъ путемъ, и ломалъ все старое съ поразительной быстротой. Въ теченіе шестимѣсячнаго самовластія, онъ издалъ шестьсотъ постановленій, и каждой изъ нихъ вводилась какая нибудь радикальная мѣра. Онъ преобразовалъ всю гражданскую, судебную и учебную часть. Устроилъ полицію, смягчилъ уголовные законы, ввелъ равенство всѣхъ передъ закономъ, преобразовалъ финансы, ограничилъ расходы двора, издалъ постановленія относительно внутренней и внешней торговли, улучшилъ бытъ крестьянъ, распространилъ прививаніе оспы и издалъ множество другихъ, болѣе или менѣе важныхъ, постановленій. Не забылъ даже освѣщенія Копенгагена и чистоты улицъ.—Дѣятельность чудовищная и конечно во многихъ отношеніяхъ благотворная и, не смотря на то, реформаторъ кончилъ печально.

Старая партія и всякіе обскуранты были еще сильны, а Штруэнзе и королева неосгорожны. Обскуранты составили заговоръ, во главѣ котораго стала вдовствующая королева Юліана; нѣсколько человекъ ворвались внезапно рано утромъ въ спальню короля, напугали его какой-то выдумкой и заставили подписать приказъ объ арестованіи королевы, Штруэнзе и еще четырнадцати человекъ его партіи. Это были все самые способные и знающіе люди, истинная красота страны. Но обскуранты думали иначе; имъ казалось, что весь сокъ мысли и знаній живетъ только въ ихъ головахъ. Такъ продолжаютъ думать обскуранты и нынче и конечно также будутъ думать и до конца свѣта.

Арестованныхъ, какъ водится, засадили въ казематы, и противъ Штруэнзе и королевы повели постыдный процессъ. Штруэнзе оказался ничтожнымъ, малодушнымъ человекомъ; онъ такъ струсился и упалъ духомъ, что плакалъ при допросѣ. Отъ такого господина конечно было легко получить всякое признаніе и судья, опозорившіе себя на вѣки этимъ процессомъ, заставили Штруэнзе сознаться въ его близкихъ отношеніяхъ къ королевѣ. Отъ королевы же обманомъ и силой взяли подпись, увѣривъ, что ея сознаніе необходимо для развода, и за тѣмъ развели ее съ Христіаномъ. Глубоко оскорбленная и убитая женщина умерла черезъ три года отъ печали и тоски. Штруэнзе отрубили голову. Послѣ этого восторжествовавшая партія постаралась, конечно, какъ

можно спорѣе, воротиться къ старымъ злоупотребленіямъ. Во многомъ ей это удалось, но не во всемъ.

Фридрихъ III прусскій, называемый великимъ, въ отношеніяхъ королевы къ Штрुэнзе находилъ только одно неудобство, что Штруэнзе былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія. Такимъ взглядомъ на значеніе человѣческой породы определяется зполнѣ характеръ царствованія Фридриха и его реформъ.

Фридрихъ былъ либеральный король, воспитанный въ понятіяхъ Вольтера и энциклопедистовъ, но онъ не могъ избавиться отъ сословныхъ предразсудковъ своего времени, хотя лучшіе люди ихъ и не имѣли. Кромѣ того Фридрихъ имѣлъ большія военныя способности, слѣдовательно склонность къ завоеванію.

Фридриху досталась держава, которой еще его отецъ придалъ военный характеръ. Тѣмъ же путемъ пошелъ и Фридрихъ. У него не было ни совѣтниковъ, ни первыхъ министровъ; онъ самъ викалъ во все и вель все, какъ ему хотѣлось. По сравненію съ другими тогдашними государями Германіи, Фридрихъ безспорно былъ рѣдкій правитель; онъ не моталъ денегъ, но дѣйствительно заботился о благѣ своего государства, понимая это благо, какъ ему казалось лучше.

Впрочемъ, Фридриха въ сущности нельзя назвать реформаторомъ. Онъ былъ хорошій военный правитель, смотрѣвшій на Пруссію, какъ на военное поселеніе. Также, должно быть, смотрѣлъ на себя и сами пруссаки. Въ этомъ военномъ поселеніи Фридрихъ старался ввести честное и добросовѣстное управленіе и честный, безпристрастный судъ, что ему и удалось въ извѣстной степени. Потому онъ очень заботился объ увеличеніи своихъ государственныхъ доходовъ и объ устройствѣ войска, что удалось ему лучше всего. Своему наследнику онъ оставилъ 72 милліона монетой и двухсотъ-тысячное, хорошо вооруженное войско.

Что же касается до экономическихъ распоряженій Фридриха, то въ нихъ онъ шелъ совершенно наперекоръ новымъ идеямъ и знаніямъ, которымъ такъ поклонялся.

Вслѣдствіе аристократическихъ тенденцій, Фридрихъ ошибочно смотрѣлъ на значеніе прусскаго дворянства. Ему казалось, что въ немъ заключается вся сила и потому, замѣтивъ упадокъ дворянскихъ имѣній, онъ сталъ поддерживать дворянъ денежными подарками и ссудами, раздавъ съ этой цѣлью не одинъ милліонъ талеровъ. Дворяне брали деньги

охотно, но дѣла ихъ не стали лучше, потому что они не умѣли, да и не были способны ихъ вести. Между тѣмъ среднее сословіе, начавшее входить въ силу, совсѣмъ не пользовалось вниманіемъ короля; онъ не только не помогалъ ему, но даже и не хотѣлъ, чтобы оно училось. Изъ средняго сословія онъ училъ только тѣхъ, кто хотѣлъ сдѣлаться офицеромъ его арміи. Для этой цѣли были устроены кадетскіе корпуса, на которые Фридрихъ обращалъ вниманіе.

Пристрастіе Фридриха къ военному началу имѣло, разумеется, основаніе, потому что онъ создалъ Пруссію военной силой; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно пренебрегать среднимъ сословіемъ и народомъ. Раздавая милліоны дворянѣмъ, и вообще помогая имъ всѣми способами, онъ не только облагалъ народъ сильными платежами, но и ввелъ французскую откупную систему для взиманія косвеннаго налога съ кофе, табаку и сала. Такимъ образомъ предметы первой необходимости были обложены налогомъ и никто изъ бѣдныхъ людей не смѣлъ пить кофе. Фридрихъ однако зналъ, что поступаетъ нехорошо, потому что онъ былъ человѣкъ разсудительный, и все-таки онъ не отступалъ отъ своей системы.

Подобнымъ же произвольнымъ образомъ онъ распорядился и въ сельскомъ хозяйствѣ. Ему казалось, что будетъ весьма выгодно для Пруссіи, если она будетъ растить у себя кислый виноградъ и дѣлать скверное вино, вмѣсто того, чтобы покупать хорошее заграничное. Для этого онъ завелъ около Потсдама виноградники. Подобной же ошибкой было и разведеніе въ Бранденбургѣ и въ Помераніи шелководства.

Объ образованіи народа онъ совсѣмъ не заботился; для него сельскія школы были инвалидными домами, куда онъ посылалъ своихъ унтер-офицеровъ на должности учителей. Но ветераны отличались обыкновенно большею склонностью къ потсдамскому, кислому, замороженному вину и къ водкѣ, чѣмъ къ педагогическимъ занятіямъ. Только заведенія для дворянъ т. е. военныя школы пользовались его любовью.

Въ одномъ только отношеніи Фридрихъ II дѣйствительно выдавался изъ всѣхъ современныхъ ему правителей—въ вѣротерпимости. Онъ предоставилъ каждому своему подданному полную свободу вѣроисповѣданія.

Печальные плоды фридриховской системы обнаружались во времена Наполеона, когда прусскіе офицеры—отличавшіеся величайшей самонадѣянностью—сдавались безъ бою и оставляли крѣпости безъ выстрѣла.

Австрійскій императоръ Іосифъ II, какъ чловѣкъ, возбуждаетъ большую симпатію, чѣмъ Фридрихъ II, потому что былъ сердечнѣе и желалъ искренно измѣнить старую австрійскую рутину; но, какъ правитель, онъ уступалъ Фридриху въ благоразуміи, и оттого всѣ его реформы не удались. Говорятъ, что, умирая, Іосифъ сказалъ, что имѣлъ несчастіе видѣть во всемъ неудачи.

Іосифъ началъ реформы съ военной части, и здѣсь конечно онъ могъ дѣйствовать болѣе всего успѣшно. Но важнѣе военной части казалось ему преобразование имперскихъ судовъ. Крючкотворство въ нихъ было нескончаемое, дѣла тянулись нестерпимо долго, добросовѣтность судей подлежала сильному сомнѣнію, потому что бѣдный чловѣкъ, сдѣлавшись судьей, въ нѣсколько лѣтъ становился богатымъ, получая между тѣмъ маленькое жалованье. Принявшись за преобразование судовъ, Іосифъ думалъ заслужить благодарность націи, но онъ, должно быть, не зналъ, что значить имѣть дѣло съ учеными юристами и педантами старо-нѣмецкаго закала. Педанты его запутали, и онъ не добился отъ нихъ никакого толку. Правда, что ему мѣшали въ этомъ и безчисленные нѣмецкіе государи, которые боялись, чтобы императорская власть не усилилась на счетъ ихъ.

Въ церковныхъ преобразованіяхъ Іосифъ былъ счастливѣе, и то только потому, что имѣлъ на своей сторонѣ безмолвное согласіе народа; наконецъ и ученые педанты, въ этомъ случаѣ, оказались либеральнѣе, потому что преобразование не касалось ихъ кармановъ, какъ въ судебной реформѣ. Императоръ началъ съ упраздненія монастырей, которые завлекали къ себѣ праздную молодежь, желавшую имѣть обезпеченный кусокъ хлѣба безъ труда, на счетъ другихъ. Онъ уничтожилъ сначала бѣдные монастыри, обитатели которыхъ были истинной чумой для страны, побираясь и нищенствуя повсюду, и поселяя въ народѣ суевѣріе и механическую обрядность своими процессіями и разными церемоніями. Потомъ онъ запретилъ принимать новыхъ послушниковъ въ теченіе 12 лѣтъ. Въ теченіе восьми лѣтъ Іосифъ закрылъ около 700 мужескихъ и женскихъ монастырей съ 30—36 тысячъ монаховъ и монахинь; но осталось ихъ еще 1424, съ населеніемъ въ 27,000 чловѣкъ. Изъ этихъ цифръ видно, какую пользу принесъ Австріи императоръ въ экономическомъ отношеніи. Іосифъ ввелъ полную вѣротерпимость, предоставивъ протестантамъ и православнымъ одинаковыя политическія права съ католиками. Онъ уменьшилъ число ду-

хovýchъ процессій и мѣсть, куда ходили на богомолье, ослабилъ связь своего духовенства съ Римомъ и вліаніе папы и т. д.

Въ гражданскихъ реформахъ мѣшали Іосифу больше всего его собственные подданные—дворянство и чиновничество. Чиновничество отличалось продажною, казнокрадскою, пресмыкательскою предъ привилегированными классами; ни въ судахъ, ни въ остальномъ гражданскомъ управленіи не было правды и бѣднѣй, бессильный человекъ не могъ нигдѣ добиться справедливости. Только въ одномъ императорѣ находилъ онъ защиту, который искренно желалъ добра народу, хотя и не зналъ, какъ уничтожить старое зло. Видя, что рѣшительно ни на кого нельзя положиться, Іосифъ хотѣлъ дѣлать все самъ, но это было конечно невозможно; онъ сердился, прибѣгалъ къ самоуправству и насилью, но и отъ этого шли дѣла не лучше. Съ дворянствомъ справиться было еще труднѣе. Желая облегчить крестьянамъ тягости податей, императоръ хотѣлъ ввести кадастръ. Дѣло это конечно трудное и сложное, но императоръ сѣмнилъ. Между тѣмъ землебровъ не доставало и намѣренія приходилось поручать людямъ несвѣдущимъ, которые во многомъ ошибались и многое дѣлали не такъ. Дворянство, недовольное основной мыслью императора, пользовалось ошибками землебровъ, чтобы возбудить неудовольствіе въ народѣ; народъ по глупости слушалъ и вѣрилъ хитрецамъ, желавшимъ ему менѣе всего добра. Чиновники, не смѣвшіе идти наперекоръ, выражали свое неудовольствіе пассивностью; и все это дѣло пришлось наконецъ оставить. Впрочемъ Іосифъ ввелъ двѣ важныя мѣры: онъ далъ народу личную свободу и установилъ равенство всѣхъ передъ закономъ.

По поводу кадастра и обнародованія новаго распредѣленія податей, Іосифъ сказалъ канцлеру, графу Хотеку, считавшему всю эту мѣру несправедливостью относительно дворянства, замѣчательныя слова: «любезный Хотекъ, не лучше-ли будетъ, если мы чтонибудь уступимъ крестьянамъ, чѣмъ ждать, что они не дадутъ намъ ничего.»

Такой, повидимому, разсудительный государь долженъ бы быть разсудителенъ и во всѣхъ своихъ правительственныхъ мѣрахъ, но оказалось иначе. Онъ, на примѣръ, не признавалъ національности въ своихъ не нѣмецкихъ владѣніяхъ и хотѣлъ венгерцевъ, богемцевъ, итальянцевъ и бельгійцевъ слѣдять австріяцами. Его манифестъ объ единой, нераздѣльной Австріи, гдѣ онъ говоритъ, что будетъ имѣть въ виду общее благо, не обращая вниманія на привилегіи и народныя особенности разныхъ племенъ, составляющихъ имперію, встревожилъ всѣ провинціи.

Венгерцевъ онъ заставилъ бояться за свою конституцію тѣмъ, что, вмѣсто прежняго обычая короноваться въ Пресбургѣ, онъ велѣлъ привезти венгерскую корону въ Вѣну и не присягнуть венгерской конституціи. Потомъ онъ хотѣлъ ввести въ венгерскомъ управленіи нѣмецкій языкъ, основываясь на томъ, что Венгрія только австрійская провинція. Чтобы начать дѣло такой ассимиляціи и создать единую имперію, Иосифъ, не обращая вниманія на національности, раздѣлил монархію на тридцать губернаторствъ, съ подраздѣленіемъ на округа. Въ Венгріи, вмѣсто прежнихъ 50 комитетовъ, явилось 10 округовъ. Конечно, это не могло располагать венгерцевъ къ реформамъ императора, который съ самаго начала показалъ имъ, что они должны бояться за свою народность и конституцію. Этимъ воспользовались венгерскіе магнаты и духовенство, которымъ при старыхъ порядкахъ жилось хорошо, чтобы взволновать мѣщанъ и крестьянъ. Простой народъ, по обыкновенію, дался въ обманъ, чтобы служить не тому, кто дѣйствовалъ въ его пользу, а своимъ недругамъ. Упрощеніе администраціи и судопроизводства, уничтоженіе крѣпостного права, уравниеніе податей и другія мѣры, облегчавшія положеніе народа, не могли вразумить его, что магнаты и ксендзы пользуются его легковѣріемъ, и Иосифъ долженъ былъ отмѣнить многія изъ своихъ постановленій, чтобы предупредить возстаніе.

Еще неудачнѣе кончились его реформаціонныя попытки въ Бельгіи, потому что невѣжественное духовенство было тамъ сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Но не менѣе былъ виноватъ и самъ императоръ. Съ чехами ему управляться было легко, потому что они уже давно утратили свою независимость и національныя права; но не то было въ Бельгіи, которая не знала ни нѣмецкихъ чиновниковъ, ни австрійской полиціи. Въ Бельгіи существовали свои собственныя учрежденія; каждая провинція, каждый городъ, имѣли свое собственное устройство и управленіе. Бельгія составляла почти независимое государство, не зная ни австрійскихъ войскъ, ни австрійскихъ чиновниковъ и имѣя отъ Австріи только намѣстника или намѣстницу, жившихъ въ Брюсселѣ, державшихъ свой дворъ и имѣвшихъ иностранныхъ посланниковъ.

Совершенно справедливо, что бельгійскія учрежденія были нецѣлы и устарѣли; также справедливо и то, что іезуиты втерлись вездѣ, забрали въ свои руки все воспитаніе и для управленія гражданскими и духовными дѣлами страны создавали именно такихъ будущихъ гражданъ и духовныхъ, какихъ было имъ нужно т. е. никуда негодныхъ. Мракъ былъ повсюду непроходимый. Но справедливо также и то, что,

дѣйствуя во имя человѣческихъ правъ, Іосифъ слишкомъ воспользовался своимъ самодержавіемъ, не обративъ вниманія на то, что ему приходилось имѣть дѣло не съ чехами.

Ужь по одному тому, какъ былъ встрѣченъ эдиктъ о вѣротерпимости, можно было догадываться, что вещи болѣе серьезныя встрѣтятся конечно и болѣе серьезное сопротивленіе. Эдиктъ о вѣротерпимости не смѣли даже обнародовать въ Бельгій, и Лейденскій университетъ объявилъ, что всякая терпимость противна правиламъ римской церкви. Конечно, Іосифъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ. Точно также онъ поступалъ при упраздненіи многихъ монастырей и въ другихъ церковныхъ дѣлахъ, и точно также во всемъ, что касалось воспитанія и образованія. Все это было совершенно достаточно, чтобы обвинить Іосифа въ безбожїи и въ желаніи уничтожить религію; послѣднее подтверждалось особенно тѣмъ, что императоръ ограничилъ разныя процессїи и странствованія на богомолье. Народъ повѣрилъ иезуитамъ. Все это еще не повело бы къ возстанію, если бы Іосифъ, среди неудовольствія, возбужденнаго его церковными преобразованіями, не вздумалъ ввести и гражданскія, сочиненныя имъ въ кабинетѣ, безъ всякаго соображенія съ мѣстностью, куда они назначались, и безъ совѣта съ народомъ. Іосифъ вздумалъ раздѣлить Бельгію на округа, какъ и другія провинціи а вмѣстѣ съ новымъ раздѣленіемъ вводилъ и новый административной и судебный порядокъ, не обращая никакого вниманія на конституцію, обычаи и національности.

Теперь къ недовольству духовенства присоединилось недовольство чиновниковъ, судей, дворянства, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кому реформы приносили убытокъ. Руководители изъ привилегированныхъ сословій натолковали народу, что императоръ тиранъ, что странѣ грозитъ бѣда, утѣшеніе и прочее, и народъ, повѣривъ имъ, поднялся противъ нововведеній, не зная того, какую онѣ приносили ему выгоду. Обскуранты и олигархи, пользуясь народомъ, какъ орудіемъ, одержали верхъ и Іосифъ, отвлеченный другими дѣлами, долженъ былъ имъ уступить.

Его наслѣдникъ Леопольдъ II—замѣчательный тѣмъ, что до 1789 года онъ отличался либеральными стремленіями и производилъ въ Тосканѣ, гдѣ онъ былъ великимъ герцогомъ, совершенно такія же преобразованія, какъ и Іосифъ II, но только осторожнѣе, а съ этого года повернулъ круто назадъ и сталъ возстановлять вездѣ старину, со всѣми ея злоупотребленіями,—ввелъ въ Бельгію и Венгрію ихъ старыя учрежденія и обычаи, и старался задобривать дворянство и духовенство.

IV.

Изъ этого очерка реформъ обнаруживается слѣдующее: что всѣ онѣ были предприняты около половины восемнадцатаго вѣка; что преобразованія производились въ дѣлахъ правительственныхъ и были направлены почти исключительно противъ духовенства и дворянъ; что реформаторы стремились къ возможному водворенію равноправности; что крутыя мѣры играли довольно важную роль и что преобразованія вводились вообще силою и наконецъ, что реформы нигдѣ не удались, вслѣдствіе чего ихъ и можно назвать только реформаціонными попытками.

Уже одна возможность подобныхъ попытокъ показываетъ, какъ измѣнился духъ времени и какъ чувствовали вообще потребность освободиться отъ ветоли средневѣковыхъ учреждений и порядковъ; а изъ программы императора Іосифа и Штруэнзе видѣны и самый размѣръ реформаціонныхъ стремленій, обхватывавшихъ рѣшительно всю общественную жизнь. Іосифъ хотѣлъ преобразовать вполне церковныя дѣла, измѣнить отношенія духовенства къ Риму, реформировать духовенство и монашество, учредить заведенія для лучшаго образованія священниковъ, учредить новый порядокъ богослуженія, уничтожить вредные обычаи, уменьшить пилигримство и духовныя процессіи, ограничить торговлю индульгенціями, издать новыя постановленія о бракѣ и погребеніи, ввести полную религиозную терпимость, устроить народныя школы, гимназіи; улучшить вообще народное образованіе; издать законы противъ ростовщиковъ, отмѣнить обязательныя работы, уничтожить крѣпостное право, ввести новую систему податей и налоговъ, измѣнить и исправить гражданскій и уголовный кодексы, преобразовать судоустройство и судопроизводство и вообще юстицію, преобразовать полицію, издать новыя постановленія относительно торговли, промышленности, земледѣлія, скотоводства, дорогъ, лѣсовъ, охоты, почты, монетнаго и горнаго дѣла, пенсій, гербовой бумаги, паспортныхъ пошлинъ, наконецъ преобразовать всенное управленіе и издать новыя законы о евреяхъ. Программа Штруэнзе была почти такаяже и почти тоже самое дѣлалъ Помбаль.

Все это было возможно только въ 18 столѣтіи, которое потому и называется великимъ, что конечно преувеличено. Еще во время реформаціи были заявлены желанія, совершенно однородныя съ проектами реформаторовъ 18-го вѣка; но сила, которую приходилось одолѣть для ихъ осуществленія, была еще велика, и желанія эти должны были на

время затанься. Но они продолжали жить и развиваться; и если новые идеи не могли являться открыто, тѣмъ не менѣе, онѣ дѣйствовали все-таки развѣдающимъ образомъ на старыя понятія и подготавливали втайнѣ то, что могло въ 18 вѣкѣ сдѣлаться наконецъ и явнымъ. Разница между 16 вѣкомъ, когда религіозные и гражданскіе вопросы были возбуждены впервые въ широкомъ размѣрѣ, и 18-мъ заключается въ томъ, что въ первомъ касались во всемъ внѣшней, обрядовой стороны, а потому и реформы того времени имѣли исключительно внѣшній характеръ. Въ 18-мъ столѣтіи логика пошла уже дальше; мыслители коснулись самой сущности религіозныхъ и свѣтскихъ вопросовъ, и изъ этой школы вышли тѣ новаторы, реформаціонныя усилія которыхъ обнаружили такое глубокое вліяніе на весь общественный и частный бытъ Европы новѣйшаго времени. Развитие и распространение новыхъ идей изъ континентальныхъ государствъ принадлежитъ одной Франціи.

Вліяніе Вольтера конечно не было всестороннимъ. Онъ велъ войну преимущественно съ одной стороной тогдашняго общественнаго быта; вотъ почему всѣ реформы начинались съ церковныхъ преобразованій и борьбой съ римскимъ вліяніемъ и съ римскимъ духовенствомъ. Повсемѣстное изгнаніе іезуитовъ и наконецъ упраздненіе ордена показало, что не только сила его, но и всей римско-католической іерархіи совершенно упала. Если бы католическое духовенство имѣло на западную Европу тоже вліяніе, какимъ оно пользовалось два-три столѣтія ранѣе, то, разумѣется, съ духовными орденами нельзя было бы распорядиться такъ, какъ распорядились съ іезуитами Помбаль и Аранда. Эго равнодушіе папъ къ судьбѣ цѣлой духовной корпораціи и въ такихъ суевѣрныхъ и фанатическихъ странахъ, какъ Италія и Португалія, показываетъ лучше всего измѣненіе народныхъ понятій. Поэтому очень ошибаются тѣ, кто взводитъ на Вольтера разныя небывалыя обвиненія и дѣлаетъ его причиной тѣхъ явленій, которыя испугали въ прошломъ вѣкѣ многихъ. Не Вольтеръ создалъ понятія своего времени, а эти понятія создали Вольтера. Вольтеръ сумѣлъ только хорошо сказать то, что совершенно независимо отъ него жило въ народѣ. Поэтому-то борьба съ іезуитами во Франціи не только была очень легка, но и процессъ съ орденомъ, за его мошенничества, могъ производиться съ торжественной публичностью, доставившей народу пріятное даровое зрѣлище. Ни одинъ голосъ не смѣлъ раздаться громко въ защиту іезуитовъ, потому что дѣло ихъ было уже проиграно въ общественномъ мнѣніи, и если Парижскій парламентъ думалъ на этомъ процессѣ основать свое право на

изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи, то это было болѣе ничего, какъ юридическій фокусъ, которымъ казуисты привыкли, съ давнихъ поръ, прикрывать свои произвольныя мѣры, придавая имъ видъ законности. Такимъ образомъ церковныя реформы, предпринятыя въ 18 столѣтіи въ католическихъ странахъ, были продолженіемъ, но менѣе радикальнымъ, того, что дѣлалъ Лютеръ въ 16 столѣтіи. Возможность ихъ зависѣла исключительно отъ упадка вліянія духовенства на народъ и уменьшенія его значенія, а это, въ свою очередь, произошло отъ того, что католическая церковь окаменѣла въ своихъ формахъ, и въ то время, какъ все шло впередъ, она стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Было время, когда католическіе монастыри вмѣщали въ себѣ лучшихъ и образованнѣйшихъ людей; тоже самое было и съ іезуитами, въ началѣ учрежденія ордена, и тогда тѣ и другіе пользовались огромной нравственной властью и являлись руководителями общества. Но когда все это сдѣлалось прошлымъ, когда общество переросло своихъ прежнихъ наставниковъ, то очевидно, что должно было кончиться и ихъ значеніе. Немногіе изъ насъ понимали, что одна прогрессивность можетъ сохранить имъ вліяніе и силу; но прогрессивность не совмѣщалась съ принципами папства и потому было неизбежно появленіе какъ Лютеровой реформы, такъ и преобразованій въ 18 столѣтіи.

Почти въ одно время съ Вольтеромъ явились и другіе мыслители, служившіе какъ-бы продолжателями его, хотя они и дѣйствовали совершенно независимо. Эти люди обратили общее вниманіе на вопросы экономическіе и общественные. Что простой народъ страдалъ вездѣ страшно отъ бѣдности и отъ разорившихъ его поборовъ, этого конечно могъ не видѣть только слѣпой. Вобанъ, еще при Людовикѣ XIV, составилъ описаніе быта французскаго простонародья, показывающее, что крестьянинъ жилъ тогда во Франціи не лучше американскихъ индѣйцевъ и питался чуть не глиной. Слѣдовательно, весьма естественно было обратиться къ вопросу о богатствѣ и бѣдности народовъ. А такое обращеніе нанесло роковой ударъ всему, нарушающему экономическую свободу. Отсюда стремленіе къ уничтоженію разныхъ цеховъ, привилегій, вольностей въ некоторыхъ сословіяхъ, неравноправности въ податяхъ и налогахъ и т. д. Эта гроза шла уже противъ исключительнаго положенія высшихъ сословій. Наконецъ, если къ этому присоединить еще американскія идеи, провозглашеніе Америкой правъ человѣка; вліяніе политическихъ сочиненій Руссо, который, не касаясь религіозныхъ вопросовъ, какъ уже поконченныхъ въ теоріи, шелъ дальше Вольтера, то становилось совершенно яснымъ,

что преобразовательная программа Иосифа II и попытка Помбала и Штруэнзе могли быть составлены только въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были заявлены свѣту. Изъ этого же ясно, почему время реформъ наступило для Европы съ половины 18 вѣка.

Многіе найдутъ что террористическія мѣры Помбала и Аранды и даже строгія, насильственные распоряженія Иосифа заслуживаютъ порицанія. Но это несправедливо. Ихъ нельзя ни порицать, ни хвалить, потому что онѣ были такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, какъ секретное попираванье Карла III. Если бы всѣ подданные Иосифа II были одинаковыхъ съ нимъ понятій или португальцы и испанцы понимали бы вещи также, какъ Помбаль и Аранда, то конечно не понадобились бы никакія реформы. Но въ дѣйствительности было не такъ. Отъ реформъ выигрывало только простонародье и средній классъ, а духовенство и дворянство теряли, поэтому было бы совершенно неслыхательно ожидать, чтобы они принесли сами себя на закланіе и перестали бы добровольно быть тѣмъ, чѣмъ они были. А если преобразованія не могли сдѣлаться сами собой т. е. добровольнымъ самопожертвованіемъ теряющихъ, то значить, онѣ могли совершиться только принужденіемъ. Такимъ образомъ, дѣло принимало военный оборотъ и слѣдовательно должно было идти и путемъ логики войны. Конечно, война дѣло нехорошее, но если только ею можно достигнуть полезнаго результата, то ее также нельзя порицать, какъ и хирургическую операцію, избавляющую человѣка путемъ страданій отъ страданій еще большихъ или отъ смерти.

Безъ сомнѣнія, нельзя отрицать того, что испанцы поступили съ іезуитами, какъ съ какими нибудь разбойниками. Бѣдныхъ людей схватили внезапно ночью и нагрузили ими корабли, точно неграми. Много было между іезуитами весьма почтенныхъ и заслуживающихъ уваженія людей, много стариковъ и больныхъ, но Аранда никому не сдѣлалъ пощады. Перевозка ихъ продолжалась тоже весьма долго и все это время они должны были выносить страданія отъ дурного и тѣснаго помѣщенія. Это факты, отвергать которыхъ нельзя, потому что они факты, точно также, какъ нельзя отвергать того, что подъ Бородинымъ было убито 80,000 человѣкъ и подъ Прейсшъ-Эйлау 60,000. — Если бы Испанія могла избавиться отъ іезуитовъ открытымъ путемъ, то ей бы не зачѣмъ было прибѣгать къ тайнственности. Карлу легче было подписать просто эдиктъ, какъ это сдѣлалъ Людовикъ XV, чѣмъ сидѣть по ночамъ, исполняя должность простаго переписчика; однако онъ пред-

почеть второе первому. Очевидно, что врагъ былъ силенъ и приходило дѣйствовать на него изъ засады. Слѣдовательно Карла и Помбаля можно обвинять только въ томъ, что корабли ихъ не были устроены со всею комфортою нынѣшнихъ пассажирскихъ пароходовъ. Если бы Іосифъ II имѣлъ возможность поступить съ бельгійскими іезуитами по примѣру Карла, то, разумѣется, они не мучили бы народъ, какъ это они дѣлали, и его реформы не кончили бы возстаніемъ бельгійцевъ. Можетъ быть, такія мѣры и не хороши и не могутъ быть оправданы теоріей справедливости, но здѣсь дѣло не въ теоріи, а въ томъ, какъ бы слѣдовало поступить иначе для достиженія цѣли, и что человѣколюбивѣе — вывезти ночью 5000 человекъ, положимъ даже на дурныхъ корабляхъ, или поступить болѣе кротко, какъ Іосифъ II, думавшій, что такихъ людей, какъ обскуранты и рутинеры, можно убѣждать логическими доводами, — оставить подобныхъ софистовъ въ странѣ, чтобы они истребили благовостаніе милліоновъ?

Точно также нужно смотрѣть и на отношеніе реформаторовъ къ дворянству. Въ западной Европѣ оно имѣло подъ собою крѣпкую почву, оно помнило свое историческое прошлое и знало какую роль играло некогда. Въ Германіи, напримѣръ, во времена Іосифа было 324 независимыя территоріи, владѣльцы которыхъ имѣли самодержавныя права. Тутъ были всякихъ величинъ герцоги, князья и графы съ владѣніями иногда въ три вершка. Каждый такой графъ могъ чеканить свою монету, если у него былъ кусокъ серебра или золота, онъ держалъ свое войско, свой дворъ и въ тонкостяхъ этикета и придворнымъ великолѣпіемъ не хотѣлъ уступить ни за что французскому королю. Кроме этихъ суверенныхъ графовъ и князей, съ ихъ каррикатурными, микроскопическими дворами, было еще 1,475 рыцарскихъ имѣній, и рыцари эти не хотѣли знать ни герцоговъ, ни князей, въ территоріяхъ, принадлежавшихъ ихъ владѣніямъ, а подчинялись непосредственно императору. Затѣмъ шло безчисленное множество дворянъ съ частичкою (фонъ,) титулованныхъ и нетитулованныхъ, подчинившихся уже тѣмъ государямъ, у которыхъ они жили. Каждый такой дворянинъ, каждый рыцарь былъ надутъ, какъ пузырь, своимъ бароескимъ тщеславіемъ и не выказывалъ особенной уступчивости не только передъ сувереннымъ графомъ трехвершковаго владѣнія, но даже и предъ государемъ болѣе сильнымъ. Кроме сѣси у всѣхъ бароновъ и рыцарей была еще другая общая черта — они одинаково угнетали крестьянъ и доводили ихъ систематически до полной нищеты. Конечно, бороться съ такой массой

тщеславныхъ людей, связанныхъ единствомъ выгодъ, было нелегко и Иосифъ увидалъ это въ самомъ началѣ своихъ реформъ. Когда онъ предложилъ имперскому суду обсудить вопросъ о томъ, какъ покончить судебныя злоупотребленія и преобразовать еудопроизводство, то имперскій судъ разсуждалъ и писалъ ровно *девять* лѣтъ и все-таки не пришелъ ни къ какому положительному заключенію. Съ австрійскимъ дворянствомъ шло дѣло не лучше. Если дворяне не обнаруживали активного сопротивленія, то ихъ пассивность и рѣшительное нежеланіе исполнять волю Иосифа представляло такую стѣну, о которую могла бы разбиться самая желѣзная энергія. Что оставалось дѣлать Иосифу? Ему оставалось только два выхода: или отказаться отъ реформъ, или соединиться съ сословіями, враждебными дворянству. Въ нихъ онъ, разумѣется, встрѣтилъ бы энергическихъ помощниковъ, потому что потребность реформъ чувствовали всѣ, и слова, сказанныя Иосифомъ графу Хотеку, показывали, что духъ времени былъ ему хорошо извѣстенъ. Но обратиться къ народу, Иосифъ не могъ, какъ это сдѣлалъ Густавъ III шведскій, желавшій вырвать власть изъ рукъ олигарховъ. Во-первыхъ, обращеніе къ народу уменьшало значеніе его власти, а во вторыхъ, могло вести къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ Иосифъ вѣроятно не желалъ вызвать. Слѣдовательно ему оставалось только убѣдиться въ своемъ безсиліи и отказаться отъ преобразованій. То же самое, хотя въ другой формѣ, повторилось въ Италіи, Португаліи, Даніи, Неаполѣ, Тосканѣ, гдѣ преобразованія вводились монархической властью. Пока реформаторы были живы — ихъ реформы кое-какъ держались, но по смерти ихъ снова открылся путь ретроградямъ и старымъ злоупотребленіямъ. И здѣсь неудача произошла отъ той же причины т. е. отъ недостатка силы королевской власти, которая одна, безъ народной помощи, не могла бороться съ могуществомъ духовенства и дворянства, а если по временамъ и боролась удачно, то безъ прочныхъ результатовъ и радикальныхъ послѣдствій, такъ что притиснутое зло пряталось только на время, а потомъ снова поднимало голову.

Теперь скажу нѣсколько словъ о преобразованіяхъ Петра I.

По времени Россія конечно предупредила въ реформахъ Европу, потому что у насъ онѣ начались еще въ концѣ семнадцатаго вѣка, но по сущности заимствованій сказать этого нельзя, потому что въ администраціи, судѣ и вообще въ государственныхъ учрежденіяхъ мы хотя и брали лучшее, чѣмъ то, что было у насъ, но это лучшее уже возбуждало на западѣ сомнѣніе—точно ли оно хорошо. Вліяніе европейскихъ

мыслителей XVIII вѣка обнаружилось у насъ только при Екатеринѣ II, но прекрасныя мысли, высказанныя ею въ «Наказѣ къ сочиненію новаго уложенія» остались безъ всякихъ послѣдствій, какъ и проекты учрежденія по воли губерніи народныхъ училищъ и нѣсколькихъ университетовъ.

Успѣху реформъ Петра помогло конечно то, что по сословному составу Россія не имѣла никакого сходства съ западною Европой. Наше духовенство занималось всегда скромно только своими духовными обязанностями, не вдаваясь никогда въ мірскія и тѣмъ болѣе въ политическія дѣла; мы не знали также ничего, подобнаго іезуитамъ или притязаніямъ римскаго двора. Поэтому духовенство наше, воспитанное въ иныхъ понятіяхъ, чѣмъ римско-католическое, имѣло и иное вліяніе въ исповѣдальняхъ и на народъ и было чуждо честолюбія и властолюбія духовенства римской церкви. Такимъ образомъ понятно, почему Петръ, при реформахъ, даже подобныхъ преобразованіямъ Іосифа II, не встрѣтилъ ни малѣйшихъ затрудненій. Правда, противъ Θεофана Прокоповича интриговали и его нововведенія не нравились многимъ, но это неудовольствіе не шло никогда дальше интриги и не было въ состояніи обнаружиться въ какойнибудь энергической и сильной формѣ.

Наше дворянство точно также имѣло нѣсколько иное историческое прошедшее, чѣмъ дворянство западной Европы. У насъ не было никогда феодальной системы и ничего, похожаго на французское или нѣмецкое рыцарство, съ его властительскими притязаніями и безпокойными претензіями. Наше дворянство до Петра I почти не имѣло земскаго значенія и отличалось служилымъ характеромъ. Слѣдовательно, находясь въ прямой зависимости отъ московской власти въ средствахъ существованія, оно было только исполнительнымъ органомъ московскихъ государей, безъ самостоятельнаго значенія и безъ всякихъ попытокъ его достигнуть. Этотъ служилый характеръ дворянства Петръ усилилъ еще болѣе. Поэтому понятно, что если дворянство и могло быть недовольно реформами Петра, то неудовольствіе это было больше служебное.

Такимъ образомъ Петръ не могъ встрѣтить ничего, подобнаго тѣмъ препятствіямъ, какія остановили Іосифа II, и преобразованія могли совершиться у насъ сравнительно весьма легко.

Наконецъ петровскія реформы отличались отъ западно-европейскихъ и по своей сущности. Тамъ государи или правители стремились къ усиленію монархической власти, къ ослабленію значенія дворянъ и вліянія духовенства и къ расширенію правъ народа. У насъ въ этомъ не

было никакой необходимости, потому что монархическая власть пользовалась неограниченным авторитетом и бояре находились совершенно въ тѣхъ же отношеніяхъ къ царю, какъ и народъ. Задача Петра заключалась поэтому не въ томъ, чтобы увеличивать или уменьшать значеніе какихъ либо сословій, а въ томъ, чтобы создать европейское государство и дать новое политическое значеніе всей странѣ. Для осуществленія этого, царь пользовался всеми средствами и силами страны, не различая боярина отъ крестьянина. Боярамъ, пожалуй, приходилось еще иногда труднѣе, чѣмъ народу. Петръ создалъ Россію, какъ новую европейскую, политическую силу, и этимъ опредѣляется характеръ всей его дѣятельности и все его различіе отъ преобразовательныхъ попытокъ западныхъ государей.

Для пониманія прошедшей и настоящей исторіи Россіи и различія ея отъ исторіи Европы чрезвычайно важны эти два обстоятельства, а именно: иное значеніе сословій и иное отношеніе ихъ къ самодержавной власти, и идея римскаго государственнаго величія, служившая Петру идеаломъ при его преобразованіяхъ.

Ш. Шелгуновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

РОМАНЪ ШНИЦЪГАГЕНА.

Едва затворилась въ Мюнцеромъ дверь, какъ полковникъ вышелъ изъ своего оцѣпелѣнія и, подойдя къ Антоніи большими шагами, съ негодованіемъ заговорилъ:

— Что это значить, Антонія?

Антонія спокойно сложила руки и отвѣчала съ ледяною холодною, которой странно противорѣчилъ гнѣвный взглядъ ея глазъ:

— Мнѣ кажется, я скорѣе вправѣ спросить, что это значить, что вы со мною говорите въ такомъ тонѣ?

Полковникъ имѣлъ не одну причину избѣгать ссоры съ невѣсткой, но бѣшенство его на этотъ разъ пересидило совѣты благоразумія; онъ продолжалъ все въ томъ же запальчивомъ тонѣ:

— Ну, не срамъ ли это, что вы, Антонія фонъ-Гогенштейнъ, осмѣливаетесь принимать у себя человѣка, пользующагося такою незавидною извѣстностью, какъ этотъ Мюндеръ? Вы съ каждымъ днемъ позволяете себѣ все болѣе и болѣе вопіющія сумасбродства. Или вы хотите, чтобы добрые люди подъ конецъ на васъ пальцами указывали? Мало вамъ того, что и теперь на васъ пожимаютъ плечами за вашею спиною?

Грубый голосъ полковника звучалъ еще грубѣе обыкновеннаго; онъ бросилъ свою каску на стулъ, откуда она покати-лась на полъ, а самъ принялся шагать большими шагами по комнатѣ.

Антонія нисколько не измѣнила своего положенія, и въ то-нѣ ея, когда она заговорила, звучало, по возможности, еще болѣе ледяной холодности:

— Если бы я не знала, тол снѣг, что въ васъ въ настоя-щую минуту говорить ревность и заглушаетъ всякое другое соображеніе, то я велѣла бы моему лакею вывести васъ изъ комнаты. Но теперь я голько скажу вамъ: поднимите вашу каску, которую вы, съ такимъ неуваженіемъ къ гербу своего оте-чества, бросили на полъ, и ступайте себѣ домой. О томъ же, когда я буду имѣть честь видѣть васъ снова у себя, мы по-думаемъ завтра: это будетъ зависѣть отъ того, буду ли я еще помнить поутру вашу нынѣшнюю выходку или нѣтъ. Надѣ-юсь, что выспавшись, я совсѣмъ про нее позабуду; а до тѣхъ поръ прощайте.

— Простите меня, Антонія, воскликнулъ полковникъ, начи-навшій понимать, что зашелъ слишкомъ далеко; встрѣча съ этимъ человѣкомъ, который мнѣ особенно антипатиченъ, вы-вела меня изъ себя. Вѣдь вы не знаете или, быть можетъ, забыли, что это тотъ самый, который два года тому назадъ, во время происходившихъ здѣсь беспорядковъ, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы свалилъ вину на насъ, и преимущественно на меня.

— Оказать вамъ правду, я въ то время всю эту исторію пропустила мимо ушей, отвѣчала Антонія. Такъ вотъ какъ! докторъ Мюнцеръ былъ замѣшанъ въ эти дѣла?

— То есть, если хотите, непосредственно, отвѣчалъ полков-никъ, поднимая съ полу свою каску и ставя ее на столикъ; но онъ счумѣлъ вмѣшаться въ него впоследствии, какъ онъ во все вмѣшивается, что до него не касается. Онъ вы-ступилъ защитникомъ черни, на которую я приударилъ съ своими молодцами, какъ она того и заслуживала. Это онъ настоялъ, чтобы назначена была отъ городского совѣта слѣд-ственная комиссія; и, хотя правительство и поспѣшило въ то время затушить дѣло, все же мнѣ задали изъ генеральнаго шта-

ба порядочную головомойку, которой я и до сихъ поръ забыть не могу.

— Но, если не ошибаюсь, вы говорили мнѣ тогда, что всѣмъ этимъ непріятностямъ былъ причиною вашъ братъ, Артуръ? спросила Антонія, садясь и знакомъ приглашая его сдѣлать тоже самое.

— Какже и любезный братецъ орудовалъ во всемъ этомъ съ своей стороны, отвѣчалъ полковникъ. Въ то время еще господинъ штадтратъ былъ яримъ либераломъ, не то что теперь, до меня доходятъ слухи, что онъ перемѣнилъ знамя и перешелъ на сторону крайнихъ консерваторовъ. Почему знать! можетъ и Мюнцеръ послѣдуетъ его примѣру и только выжидаетъ, чтобы правительство предложило ему выгодныя условія. Вѣрите мнѣ, Антонія, отъ этихъ людей все станется, только умѣй пощекотать ихъ слабую сторону, другими словами, умѣй предложить имъ приличный купъ денегъ. Если не ошибаюсь, я попалъ на слѣдъ гнуснѣйшаго заговора, въ которомъ участвуетъ и мой неподкупный братецъ, и столь же неподкупный господинъ Мюнцеръ, и честнѣйшій Петръ Шмицъ, этотъ проклятый демократъ.

— Однако вы подстрекаете мое любопытство, проговорила Антонія. Что вы не нальете себѣ вина?

— Благодарю васъ, *ma très-chère et très-belle soeur*, отвѣчалъ полковникъ. Я всегда говорилъ, что вы сущій ангелъ доброты, хотя подъ часъ и прикидываетесь чертенкомъ.

— Отличное бургонское! И такимъ-то виномъ вамъ не грѣшно было угощать человѣка, избавившаго васъ отъ черви, которую онъ самъ передъ тѣмъ натравилъ? *Sacre nom!* и зачѣмъ только не случилось тутъ меня съ горстью моихъ молодцовъ! Живо бы я разогналъ эту сволочь.

— Такъ что же это за заговоръ, на слѣдъ котораго вы попали? перебила его Антонія.

— А вотъ я вамъ сейчасъ объясню, тѣмъ болѣе, что я и пришелъ то къ вамъ въ такой поздній часъ именно по этому дѣлу, не говоря, конечно, о желаніи видѣть мою обожаемую Антонію.— При этихъ словахъ старый любезникъ поклонился.— Я вамъ, кажется, уже говорилъ, что Артуръ, ужъ чортъ его знаетъ какими продѣлками, снова попалъ въ милость къ старому рейнфельденскому грѣховоднику; старикъ

который, того и гляди, совсѣмъ рехнется, пристрастился къ этому мальчишкѣ Вольфгангу, просто души въ немъ не слышитъ. Этотъ мальчишка и дура Клотильда съ своимъ подросточкомъ Камиллою до сихъ поръ гостятъ у старика. Зельма божится и клянется, что дѣло кончится свадьбой и старикъ откажетъ имъ все свое состояніе. Нечего вамъ, конечно, и говорить, что Зельма, по своему милому обыкновенію, пилитъ меня и денно, и ночью своими жалобами; да и самому мнѣ, говоря откровенно, вся эта исторія не слышкомъ-то по душѣ. Вы знаете, что, не получи я наслѣдства, я разоренъ въ конецъ. До сихъ поръ я не такъ принималъ все это къ сердцу и успокаивалъ себя тѣмъ, что старикъ—величайшій плутъ, какого только земля носить, и въ душѣ никому добра не желаетъ, а потому, рано или поздно, и господинъ Вольфгангъ турнетъ отъ себя ко всѣмъ чертямъ. Но сегодня утромъ я получилъ письмо, которое заставило меня крѣпко призадуматься. Да никакъ оно у меня въ карманѣ? Такъ и есть. Судите послѣ этого сами, не бѣсъ ли вертитъ старикомъ, я вамъ прочитаю его:—Любезный племянникъ Гисбертъ! Я нахожу, что мой внукъ Вольфгангъ, который въ настоящую минуту гоститъ у меня, премилый и преловкій молодой человекъ, и по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ твоими сыновьями, достоинъ чести носить мундиръ его величества. А потому я желаю, чтобы онъ поступилъ въ военную службу; я самъ въ ней служилъ, какъ служили и всѣ Гогейнштейны, за весьма немногими исключеніями, которыхъ я, ни подъ какимъ видомъ, не оправдываю. Я просилъ бы тебя уладить это дѣло и принять молодца въ свой полкъ, въ коемъ и отецъ мой и дѣдъ служили; какъ уже было сказано выше, мальчикъ ловкій и по всѣмъ статьямъ молодецъ, такъ что любой полковой командиръ можетъ имъ гордиться. Тебѣ же я готовъ дать тысячу талеровъ и болѣе, если ты въ оныхъ нуждаешься, *nota bene* съ тѣмъ, чтобы ты исполнилъ желаніе твоего любящаго дяди, генерал-лейтенанта Эбергарда фонъ-Гогенштейнъ. *Post scriptum*: Вольфгангу я еще ничего не говорилъ, потому что мнѣ хотѣлось прежде дожидаться твоего отвѣта.

— Какъ вамъ это нравится? продолжалъ полковникъ, складывая письмо. Я долженъ принять въ свой полкъ сына этого негодяя Артура, прижитаго имъ съ какой-то лавочницею, ко-

торую мой братецъ сперва соблазнилъ, а потомъ сдуру взялъ себя въ жены, разсорившись изъ за нея со всей своей родней! И этотъ самый мальчишка, того и гляди, отобьетъ у насъ наслѣдство! Ну, не издѣвается ли надо мною старикъ? Я просто съ ума схожу отъ злости.

— Зачѣмъ же вы не напишете генералу, что не хотите этого? Написали бы и дѣлу конецъ.

— Ну, не совсѣмъ то такъ, отвѣчалъ полковникъ съ сумрачной усмѣшкой. Во-первыхъ, не надо упускать изъ виду, что у стараго грѣшника по всей арміи еще сохранились связи; откажись я, онъ все равно найдетъ другого полкового командира, менѣе щепетильнаго, такъ что я своимъ отказомъ ничему ровно не помѣшаю. Съ другой стороны, у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты еще болѣе возстановлять противъ себя старика. И такъ ужь онъ съ поконъ вѣку, чортъ его знаетъ за что, терпѣть не могъ ни меня, ни Зельмы, ни даже нашихъ дѣтей. Наконецъ въ третьихъ...

Тутъ полковникъ слегка покраснѣлъ и бросилъ на Антонію быстрый взглядъ изъ своихъ маленькихъ, пронизательныхъ глазъ.

Въ третьихъ наконецъ, продолжалъ онъ съ разстановкой, хитрый старикашка сѣумѣлъ вернуть въ свое предложеніе такую штуку, которая, скажу вамъ откровенно, составляетъ для меня, именно въ эту минуту, сильную приманку. Ну, словомъ, мнѣ нужны деньги, нужны до зарѣзу и я не знаю гдѣ мнѣ ихъ взять; всѣ мои прежніе источники изсякли и...

— Ахъ, боже мой! такъ сдѣлайте же то, чего желаетъ дѣдушка, воскликнула Антонія. Вѣдь отказъ вашъ, говорите вы, нисколько не измѣнитъ сущность дѣла; такъ не умнѣ ли во сто разъ принять деньги, которыя онъ вамъ предлагаетъ?

Полковникъ ожидалъ было иного отвѣта и потому возразилъ съ досадою:

— Вамъ хорошо говорить, а легко ли человѣку продавать свои убѣжденія за нѣсколько талеровъ?

— Тысяча талеровъ—большія деньги, продолжала Антонія, пожмая плечами. Но какая же связь между всѣмъ этимъ и докторомъ Мюндеромъ? Вы мнѣ говорили о какомъ то заговорѣ, а между тѣмъ я никакого заговора не вижу.

— Положительныхъ фактовъ я не могу вамъ привести, проворчалъ полковникъ; у меня только есть свои подозрѣнія, и такъ какъ я этикъ мопенниковъ насквозь знаю, то дѣло кажется мнѣ очень и очень вѣроятнымъ. Я, видите ли, случайно узналъ, что Вольфгангъ другъ и пріятель съ докторомъ Мюнцеромъ, который училъ его французскому языку, да и тутъ же, должно быть, кстати начинилъ ему голову своими сатанинскими коммунистическими идеями.

— Что вы говорите! Хорошенькій Вольфгангъ другъ и пріятель съ докторомъ Мюнцеромъ?! Вотъ тутъ такъ подлинно дѣло становится интереснымъ, рассказывайте, рассказывайте, я васъ слушаюсь.

— Однако вы, повидимому, сильно интересуетесь этимъ докторомъ Мюнцеромъ, проговорилъ полковникъ съ натянутой улыбкой.

— Еще бы! весело воскликнула Антонія; да этотъ человекъ, какъ видно, всюду успѣваетъ вмѣшаться: вездѣсущій графъ Сенъ-Жерменъ ничто передъ нимъ. Недаромъ я ему сказала сегодня, что онъ смотритъ перереженнымъ принцомъ, который просто отъ скуки разыгрываетъ демократа. Но я все еще не вижу разговора. *Monsieur le colonel*, вы мнѣ общали заговоръ, я вамъ его не уступлю; *vite, vite, monsieur! votre complicité!*

Полковнику не совсѣмъ по душѣ была шутка его собесѣдницы; онъ допилъ свой стаканъ съ угрюмымъ видомъ и продолжалъ:

— Гм! есть, по крайней мѣрѣ, большое вѣроятіе, что Артуръ съ своимъ шуриномъ Шмицомъ и этимъ докторомъ Мюнцеромъ составили такого рода планъ, чтобы Вольфгангу стараться всѣми неправдами попасть въ милость въ старпку. Почему мы знаемъ, съ какими инструкціями побѣхалъ мальчишка въ Рейнфельденъ? Не представляется ли вамъ вѣроятнымъ, что сами же они навели старика на мысль сдѣлать изъ мальчишки офицера? Я слыхалъ, что этотъ Петръ Шмицъ о сю пору думи не чааетъ въ своей сестрѣ; не естественно ли, что онъ желаетъ, чтобы ея сынъ сдѣлалъ блестящую карьеру? Мюнцеръ другъ закадычный Шмица, и оба они, я готовъ поклясться, стоятъ за одно съ моимъ братомъ Артуромъ. Братецъ же мой для того и ударился въ крайній консерватизмъ,

чтобы, во-первыхъ, подольститься къ Рейнфельденскому старикашкѣ, а во-вторыхъ, расчислить дорогу своимъ единомышленникамъ. Дайте только Вольфгвигу сдѣлаться объявленнымъ наслѣдникомъ старика и вы увидите, какъ живо и дядюшка его Шмицъ, и другъ его Мюнцеръ перемѣняютъ свои политическія убѣжденія, въ особенности если правительство догадается облегчить имъ этотъ переходъ, пожаловавъ, наприкладъ, Шмицу привилегіи и предложивъ Мюнцеру профессорское мѣсто.

— Но, боже мой, вы рассказываете ужасныя вещи, смѣясь воскликнула Антонія. Я, право, начинаю вмѣстѣ съ вами считать этого Мюнцера крайне опаснымъ человѣкомъ. Чего добраго, онъ самъ и безпорядки то затѣялъ сегодня передъ моими окнами, для того только, чтобы имѣть случай войти ко мнѣ въ домъ и какъ нибудь сдѣлать и меня соучастницей въ этомъ страшномъ заговорѣ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сердито проговорилъ полковникъ, вставая и застегивая портупею, а мнѣ, ей богу, не до смѣха. Я долженъ былъ отказаться отъ надежды влѣзнуть ваше вѣтренное сердце; но я, по крайней мѣрѣ, считалъ васъ своимъ другомъ; теперь я вижу, что и въ этомъ ошибался. Прощайте! Послѣ всего, что произошло между нами сегодня вечеромъ, я буду спокойнѣе дожидаться вашего рѣшенія относительно меня. Но, чтобы тамъ ни случилось, я говорю вамъ напередъ, — и при этихъ словахъ маленькіе глазки полковника разгорѣлись ревностью, — если вы вздумаете для разнообразія затѣять съ этимъ Мюнцеромъ невинную интрижку, то не будь я Гисбертъ фонъ-Гогенштейнъ, если, при первомъ же удобномъ случаѣ, моя шпага не отправитъ его на тотъ свѣтъ.

— Если вы не поручите это дѣло цѣлому батальону солдатъ, въ такомъ случаѣ вамъ однимъ съ нимъ не справиться? Ахъ, мой милый Гисбертъ, если бы вы знали, какъ вы сегодня забавны! Сердиться я на васъ не хочу и не могу; посмотритесь, сдѣлайте милость, въ зеркало, что у васъ за комическое выраженіе лица!

И, откинувшись въ своемъ креслѣ, Антонія расхохоталась въ порывѣ неудержимой веселости!

— Покойной ночи, коротко и рѣзко проговорилъ полковникъ. — Если вамъ угодно смѣяться, то смѣйтесь одинъ. Я не

намѣренъ состоять шутомъ у кого бы то ни было, ни даже у васъ.

— Покойной вамъ ночи, мой родственникъ Отелло, покойной вамъ ночи, мой безкорыстный другъ, воскликнула Антонія и, смѣясь, протянула ему руку; но полковникъ отвернулся отъ нея и вышелъ изъ комнаты, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

Оставшись одна, Антонія уже болѣе не смѣялась; на лицѣ ея отражалось какое то тягостное раздумье; въ ней видимо происходила борьба самыхъ разнородныхъ ощущеній; разъ, даже, она улыбнулась, какъ бы воспомнанію какого то блаженнаго мгновенія, но тотчасъ же снова погрузилась въ свои мрачныя думы.

— А хорошъ онъ, очень хорошъ! проговорила она про себя. Если бы мнѣ завладѣть этимъ человѣкомъ, не чета бы онъ былъ... Что-жь, однимъ поклонникомъ больше... А почему бы и не такъ? Онъ женатъ; ну да онъ, кажется, не изъ такихъ, для которыхъ бракъ составляетъ серьезное препятствіе. Но вотъ бѣда, онъ идеалистъ, а этотъ народъ слишкомъ уже принимаетъ извѣстныя отношенія къ сердцу; онъ не сдумѣетъ обращать все дѣло въ шутку, какъ, на примѣръ, мой дражайшій beau frère. Плохо ты кончилъ, мой бѣдный Римлянинъ Каструччіо, а могъ бы и до сихъ поръ жить счастливо, цѣловать хорошенькихъ дѣвушекъ и рисовать прекрасныя картины; не моя вина, что случилось иначе. Я тебя предостерегала; ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить, — вотъ ты и наказанъ. А я не могу быть вѣрна; по крайней мѣрѣ, не могу быть вѣрна этимъ людямъ; они этого не стоятъ. Вотъ Мюнцеръ—этотъ другое дѣло; быть можетъ, я и сдумѣла бы любить его долго, даже дольше, чѣмъ онъ меня; во всякомъ случаѣ, опытъ обѣщаетъ быть преинтереснымъ и дѣло уже совсѣмъ пошло на ладъ; нужно же было этому уроду, Гисберту, придти не во время; да и что за дуракъ этотъ Жанъ... да! кстати, надо мнѣ сегодня же порѣшить съ нимъ, а то завтра я, пожалуй, забуду...

Она позвонила и на зовъ ея явился Жанъ. Должно полагать, что совѣсть слуги была не совсѣмъ чиста; онъ бросилъ на свою повелительницу быстрый, испытующій взглядъ и проговорилъ заискивающимъ голосомъ:

— Что прикажете, сударыня?

— Я прикажу, чтобы вы завтра же убирались из моего дома. Я не могу держать людей, на которых мнѣ нельзя положиться, какъ на каменную гору. Можете идти, да пришлите мнѣ Элизу.

Желтоватое лицо слуги еще болѣе поблѣднѣло.

— Помилуйте, сударыня... пробормоталъ онъ.

— Пожалуйста безъ разговоровъ, перебила она его строгимъ голосомъ; что я сказала, то и будетъ.

Слуга удаллся.

— Однимъ злымъ языкомъ больше выпустила я противъ себя въ свѣтъ, проговорила она, откидываясь въ креслѣ; но что за бѣда? Чѣмъ больше будетъ ходить про меня рѣзкихъ слуховъ, тѣмъ менѣе имъ будетъ вѣры у добрыхъ людей. Ахъ это ты, Элиза!

XIX.

Между тѣмъ, какъ въ городѣ господствовало такое лихо-радочное волненіе, и люди, какъ бы одержимые бѣсами, совершали безумныя дѣла, Вольфгангъ ѣхалъ домой въ не менѣе возбужденномъ настроеніи духа; но источникъ этого возбужденія былъ на столько же чище дикихъ городскихъ страстей, на сколько душистый вечерній вѣтерокъ, проносящійся надъ нивами, свѣжѣе и отраднѣе спертой атмосферы, густо заселеннаго, тѣсно построеннаго срѣднѣвѣковаго города.

Дорога въ городъ шла вдоль берега рѣки, извиваясь вслѣдъ за всѣми ея прихотливыми изгибами. Засуха, стоявшая за послѣднее время, сдѣлала песчаную не мощеную дорогу почти непроѣздною, такъ что, не смотря на всѣ старанія честнаго Кебса и его добрыхъ коней, экипажъ подвигался медленно, къ великому отчаянью бѣднаго Вольфганга, которому хотѣлось бы уноситься въ городъ съ быстротою водяныхъ птицъ, выпархивавшихъ по временамъ изъ прибрежныхъ тростниковъ и мелькавшихъ надъ зеркальною поверхностью водъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ. Правда, тревога, причиненная ему извѣстіемъ о нездоровьи матери, успѣла, по зрѣломъ размысленіи, нѣсколько поуспокоиться; онъ зналъ, что мать его была подвержена припадкамъ сильной мигрени, которые обыкновенно проходили, не оставляя по себѣ никакихъ худыхъ по-

слѣдствій; къ тому же, онъ разсудилъ, что отецъ его, безъ сомнѣнія, не отправился бы въ ратушу, если бы состояніе жены внушало ему серьезныя опасенія. Во многомъ Вольфгангъ не сходился съ отцемъ; съ глубокимъ прискорбіемъ онъ подмѣтилъ въ немъ черты, изобличавшія хододнаго, бездушнаго эгоиста; но никогда еще, съ той поры, какъ Вольфгангъ могъ себя запомнить, не высказывались эти дурныя стороны характера его отца въ отношеніи къ его матери: къ ней онъ всегда былъ внимателенъ и ласковъ. Въ особенности рѣзко кинулись Вольфгангу въ глаза эти темныя пятна въ послѣднее время. Никогда еще не видалъ онъ отца въ такомъ лихорадочно-веселомъ настроеніи духа, какъ въ тотъ день, когда штадтратъ, вызвавъ сына изъ университета марочнымъ письмомъ, объявилъ ему, что по смерти генерала пришло приглашеніе имъ всѣмъ ѣхать въ Рейфельденъ. Повидимому, штадтратъ связывалъ съ предстоявшимъ свиданіемъ съ дядей самыя блестящія ожиданія. Наконецъ-то перестанутъ смотрѣть на него съ высока въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію! Не подлежало также теперь никакому сомнѣнію, что генералъ упомянулъ о нихъ въ своемъ завѣщаніи, наравнѣ съ остальными родственниками, а можетъ быть, почемъ знать, оказалъ даже ему предпочтеніе передъ другими, которые ему, какъ видно, до нельзя надоѣли; и все же съ какой бы стати ему было вспоминать о томъ, о комъ онъ ни разу не вспомнилъ въ теченіи двадцати лѣтъ?

— Если не ошибаюсь, молодецъ, воскликнулъ штадтратъ, ударяя Вольфганга по плечу,—а тебѣ отъ этого будетъ польза. Если бы я зналъ пять лѣтъ тому назадъ, что дѣло приметъ такой оборотъ, то я не позволилъ бы тебѣ избрать такую жалкую профессію. Вѣдь съ твоей юриспруденціей далеко не уѣдешь; вѣкъ свой прозябать какимъ нибудь ассессоромъ, нечего сказать, хороша карьера! Что тамъ ни говори, а все-таки военная служба единственное ремесло, достойное дворянина. Вы что на это скажете, Гретхень?

Мать улыбнулась и отвѣчала своимъ кроткимъ голосомъ: я всѣмъ буду довольна, лишь бы тебѣ было хорошо, и Вольфгангу тоже, поспѣшила она добавить, съ нѣжностью хватая руку сына.

Но Вольфгангъ не улыбнулся; не по сердцу ему пришлась

манера отца относиться къ этому событію. Онъ никакъ не могъ понять, съ какой это стати отецъ вдругъ вздумалъ придавать такую важность своему дворянскому происхожденію, чего прежде никогда не дѣлалъ; оскорбляла также его нравственное чувство та низкая алчность, которая прорывалась въ словахъ отца. Вся эта поѣздка въ Рейнфельденъ представлялась ему какимъ то хищническимъ набѣгомъ, какую то наглою охотою за наслѣдствомъ, и имъ всего лучше бы отъ нея уклониться, тѣмъ болѣе, что свиданіе съ родственниками не обѣщало ничего, кромѣ непріятностей для него и для его матери. Онъ не могъ забыть, что дяди и тетки его, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, дѣлали видъ, будто не знаютъ его, что даже двоюродные его братья, Куно и Отто, учившіеся съ нимъ въ одной школѣ, держали себя такъ, какъ будто и не подозрѣвали о его существованіи. Все это, вмѣстѣ взятое, побуждало его сопротивляться желанію отца, и только въ уваженіе матери онъ рѣшился покориться.

Всему этому едва исполнилось восемь дней, но молодому человѣку казалось, что съ той поры прошла цѣлая вѣчность. Какъ круто измѣнился онъ въ эти восемь дней! Куда дѣвалась его первоначальная рѣшимость избѣгать всякаго сближенія съ высокоумными родственниками? Развѣ онъ не старался во все это время зарасположить къ себѣ и къ своимъ холерическаго старика, оригинальный складъ ума и рѣчи котораго представлялъ для него нѣкотораго рода историческій интересъ? Развѣ онъ не радовался, когда циничный чудакъ, глубоко презиравшій весь родъ людской, становился въ его обществѣ нѣсколько человѣчнѣе и мягче? А какія усилія онъ дѣлалъ, чтобы попасть въ милость къ теткѣ! Какъ терпѣливо выслушивалъ онъ ея сентиментальныя пошлости! Развѣ, даже, онъ поцѣловалъ у нея руку, когда она выразила ему сожалѣніе, что такъ поздно познакомилась съ его матерью, и желаніе наверстать прошлое, добавивъ, что она давно искала себѣ такого друга. Наконецъ Камила! Развѣ ея улыбка не разсѣяла въ его душѣ послѣдніе остатки озлобленія? Развѣ подъ ея поцѣлуями не замерли на вѣки тѣ полныя горечи слова, которыя до сихъ поръ всегда были готовы сорваться съ его устъ противъ родственниковъ? Да! онъ переступилъ теперь за тѣсный кругъ, замыкавшій до сихъ поръ его жизнь, и по-

нялъ, что есть на свѣтѣ счастье, красота и наслажденье, о которыхъ ему до сихъ поръ и во снѣ не снилось. Не вѣрилось ему болѣе, чтобы все назначенье человѣка заключалось въ той вѣчной безотрадной переборкѣ мудреныхъ вопросовъ, въ которой проходило существованіе благороднаго Мюнцера и этого святаго чудака, уединившагося въ свою башню. Должно же быть такое человѣколюбіе, которое не чуждается радости; должна же быть такая любовь къ свободѣ, которая не исключаетъ наслажденіе прекраснымъ! Что то скажетъ его мать, когда узнаетъ обо всемъ этомъ? Его мать! Но что, если она серьезно больна, если она умретъ? Прощай тогда радость и счастье!...

Вольфгангъ очнулся отъ своего забытья. Лошади продолжали по прежнему медленно ступать по глубокому песку и молчаливый Кебсъ сидѣлъ все по прежнему, сгорбившись, на своихъ козлахъ, нѣмой и неподвижный, какъ мертвецъ.

— Много ли мы проѣхали, Кебсъ? спросилъ Вольфгангъ.

— Съ полдороги, проворчалъ Кебсъ, не измѣняя своего положенія.

— Стало быть, намъ еще цѣлыхъ полчаса тащиться до шоссе, воскликнулъ Вольфгангъ. Да этакъ мы богъ знаетъ когда приѣдемъ.

Кебсъ испустилъ протяжный свистъ. При другихъ обстоятельствахъ онъ этимъ бы отвѣтомъ и ограничился; но, въ уваженіе тревожнаго душевнаго состоянія бѣднаго Вольфганга, онъ удостоилъ проворчать: песокъ пескомъ и останется.

— Это безспорно такъ, любезный Кебсъ, отвѣчалъ Вольфгангъ, который еще съ дѣтства успѣлъ освоиться съ загадочнымъ способомъ выраженія возникаго. Я хотѣлъ только сказать, чтобы вы по возможности погоняли.

Кебсъ просвисталъ начальные такты пѣсни: «Ich hätt' einen Kameraden», что означало: ужъ вы, пожалуйста, не беспокойтесь, я свое дѣло знаю, и вдругъ замолчалъ, какъ бы находя, что достаточно ясно высказалъ свою мысль.

— Кебсъ, заговорилъ Вольфгангъ, немного погодя, вы часто видали мою мать за послѣднее время?

— Еще бы!

— И она казалась здоровою на видъ?

— Ну! отвѣчалъ Кебсъ.

— Вы хотите сказать, что нѣтъ?

— Бодритесь то, пожалуй, можно.

— Т. е. что же вы хотите сказать? спросилъ Вольфгангъ, на котораго какъ то странно подѣйствовалъ этотъ загадочный отвѣтъ.

Кебсъ повернулся къ нему въ полуоборотъ, давая этимъ знать, что собирается исчерпать подлежащій предметъ разговора до дна, и проговорилъ:

— Гогенштейны Гогенштейнами и останутся.

— Другими словами, любезный Кебсъ?

— Ни къ чорту не годятся.

— Какъ это дѣлственно для меня! Вѣдь и я тоже ношу эту фамилію.

— Знать всегда знатю и останется, продолжалъ Кебсъ.

— То есть?

Но Кебсъ снова обратился къ своимъ лошадямъ и не отвѣчалъ уже болѣе ни слова.

Къ тому же, около этого времени они выѣхали на шоссе и желаніе поскорѣе доѣхать домой проснулось въ Вольфгангѣ съ новою силою. Путь ихъ лежалъ черезъ деревню, въ которой было замѣтно странное одушевленіе: во всѣхъ окнахъ горѣли огни; когда экипажъ нашихъ путешественниковъ поравнялся съ трактиромъ, всѣ посѣтители кинулись къ окнамъ и дверямъ и слышались восклицанія: ѣдутъ, ѣдутъ! а немного погодя: анъ нѣтъ! Это какіе то проѣзжіе! Какъ разъ за деревенской околицей имъ перешла дорогу процессія съ пѣньемъ: «пресвятая дѣва Марія моли Бога о насъ, святой Севастьянъ моли Бога о насъ!» Обстоятельство это задержало ихъ на нѣсколько минутъ. Едва они успѣли снова тронуться въ путь, какъ до слуха Вольфганга донесся глухой грохотъ, отъ котораго дрожала земля. Грохотъ слышался все ближе и ближе, земля дрожала все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ съ крикомъ: берегись, берегись! пронесся всадникъ во весь галопъ. За нимъ слѣдомъ проскакало нѣсколько пушекъ; прислуга гнала лошадей во весь опоръ; слѣдовавшій при орудіяхъ офицеръ едва успѣлъ осадить своего коня передъ самымъ носомъ нашихъ путешественниковъ и съ крикомъ: чортъ васъ дери! не можете, что ли, сворачивать съ дороги? пронесся далѣе. Прежде чѣмъ Кебсъ успѣлъ справиться съ своими

перепугавшимися лошадьми, отъ этого бѣшенаго отряда простыль и слѣдъ.

— Что это такое? испуганно проговорилъ Вольфгангъ.

На встрѣчу имъ попался отставшій всадникъ, то былъ полковой лѣкарь, лошадь котораго была плохо приучена къ подобнаго рода форсированнымъ переходамъ. — Не можете ли вы мнѣ сказать, милостивый государь, окликнулъ его Вольфгангъ, что все это значить? Развѣ что случилось въ городѣ?

Полковой лѣкарь отвѣчалъ съ дасадой:

— Да что случилось! Опять, не бось, подняли тревогу изъ за пустяковъ. У насъ по шести разъ на день даютъ приказъ и отмѣняютъ его. Повременилъ бы командиръ еще нѣсколько минутъ и непременно пришелъ бы контръ-ордеръ. Этакая безтолковщина! Хотятъ, какъ видно, дать намъ отвѣдать удовольствій сельской жизни! Всѣ деревни биткомъ набиты войсками, такъ что яблоку негдѣ упасть; какъ же! надо же, чтобы и крестьяне чувствовали, что живутъ въ военномъ государствѣ! Однако, Луа, не угодно ли припустить галопомъ, не то намъ съ тобой не миновать ареста.

— Погоняйте, Кебсъ, ради бога, погоняйте, молилъ Вольфгангъ.

Кебсъ свистнулъ и усталыя лошади прибавили шагъ. Вольфгангъ откинулся назадъ и закутался поплотнѣе въ свой плащъ; сильныя ощущенія минуты и ночной холодъ взяли свое: его била лихорадка. Голова его горѣла, поруки были холодны какъ ледъ. Возбужденное воображеніе рисовало ему самыя причудливыя образы; ему видѣлись толпы разъяреннаго народа, вставшія вдоль тѣсныхъ улицъ, слышался звонъ набата и громъ пушечныхъ выстрѣловъ; потомъ ему представлялась больная мать; старый генералъ съ сиплымъ хохотомъ кивалъ своею плѣшивую головою; Камилла, ласкаясь, прижималась къ его груди....

Должно полагать, что онъ отъ усталости впалъ въ забытѣе. Очнулся онъ только тогда, когда экипажъ остановился передъ городской гауптвахтой?

«Пропустить!» услышалъ Вольфгангъ дребезжащій голосъ, который, какъ ему показалось, принадлежалъ его двоюродному брату, Куно. Экипажъ съ громомъ вѣхалъ подъ своды городскихъ воротъ. Минуту спустя, передъ Вольфгангомъ

замелькали ярко освѣщенные окна домовъ, на встрѣчу ему, то и дѣло, попадались шумныя кучки народа, расходившіяся, какъ скоро издали показывался патруль. Но вотъ экипажъ своротилъ въ болѣе тихую улицу и остановился передъ большимъ, темнымъ домомъ; Вольфгангъ взглянулъ на верхній этажъ; только два окна въ немъ были тускло освѣщены; то были окна комнаты, смѣжной съ комнатою его матери. Выскочивъ однимъ прыжкомъ изъ экипажа, онъ вошелъ въ незапертую дверь, съ замирающимъ сердцемъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и остановился передъ дверью, которая вела въ горницу.

XX.

Дверь отворилась и на встрѣчу ему вышла съ огнемъ тетушка Белла. При видѣ ея сердце оборвалось у молодого человѣка; съ той поры, какъ онъ себя помнилъ, тетушка Белла не болѣе четырехъ разъ переступала черезъ порогъ его родительскаго дома, и не иначе, какъ по поводу какогонибудь необычайнаго событія. И такъ, худшее совершилось! Мать его была при смерти больна; быть можетъ, ея уже не было въ живыхъ. Но добрая тетушка не дала ему исчерпать этихъ страшныхъ догадокъ. Ей лучше, гораздо лучше, шепнула она ему. Но войди же въ горницу; ты, я думаю, бѣдняжка, до смерти перепугался!

— Гдѣ матушка? спросилъ Вольфгангъ.

— Она тутъ, рядомъ; теперь она спитъ. Да ты не бойся, я же тебѣ говорю, что ей хорошо.

Вольфгангъ присѣлъ, потому что его колѣна дрожали. Блаженнаа увѣренность, что мать его внѣ опасности, разрѣшила судорожное напряженіе, сковывавшее все его чувства, а изъ глазъ его брызнули слезы.

— Милая, добрая тетя, заговорилъ онъ, нѣсколько оправившись отъ волненія, какъ я благодаренъ тебѣ, что ты пришла. Если бы я зналъ, что ты здѣсь, я былъ бы гораздо спокойнѣе на счетъ матушки.

— Почему же было тебѣ и знать, отвѣчала тетя Белла; вѣдь я у васъ въ домѣ рѣдкая гостя. Но все эти дни мнѣ не давало покоя предчувствіе, что съ кѣмънибудь изъ васъ при-

ключится бѣда. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ умеръ братъ Евгений, душа у меня не на мѣстѣ.

— Развѣ дядя Евгений умеръ?

— Тс! говори тише, чтобъ тамъ какъ нибудь не услышали.

Тетушка Белла подсѣла къ Вольфгангу и продолжала шопотомъ:

— Да! не стало на свѣтѣ твоего добраго дяди! Ты его почти совсѣмъ не зналъ, а потому и не можешь себѣ представить, что это была за добрая, честная душа. Вотъ уже цѣлыхъ восемь дней, какъ скончался. И какую страшную смертью онъ умеръ! Господи! какъ вздумаю только, что онъ погибъ, растерзанный своими собственными машинами! Дядя Петръ уѣхалъ за бѣдняжкой Оттиліей, теперь она сидитъ у твоей матери; мать говоритъ, что рука у Оттиліи точь въ точь твоя, и непременно требовала, чтобы она приложила ей руку къ головѣ, безъ этого бы она не заснула. Счастье, что я догадалась взять ее, голубушку, съ собою, а то я было хотѣла ее дома оставить, когда пришла за мною ваша Урсула. Господи! Что это за безтолковая дѣвка! И охота же твоей матери... Ну, да это, впрочемъ, не мое дѣло. Я спросила у нея, зачѣмъ она прямо не пришла ко мнѣ, вмѣсто того, чтобы рыскать по цѣлому городу, отыскивая твоего отца. И что же бы ты думалъ она мнѣ отвѣтила? — Она вишь полагала, что я твою мать терпѣть не могу, потому что я такъ рѣдко хожу къ вамъ въ домъ. — Вотъ оно что бываетъ, когда родные кровные расходятся между собою изъ глупаго высокомерія. Ну да авось теперь все это переменится. Оттилія полюбилась твоей матери; она конечно, захочетъ ее чаще видѣть, а тѣмъ слѣдомъ и я какъ нибудь приду, хотя, конечно, я знала, что меня никому не нужно. Я всегда была пятой спицей въ колесницѣ...

— Что ты, тетя Белла, воскликнулъ Вольфгангъ; матушка всегда говорить о тебѣ съ величайшей любовью...

— И, полно голубчикъ, перебила его тетка, вѣдь я тоже, небось, не слѣпая. Тетушка Белла тогда только и хороша, когда въ ней нуждаются. Я споконъ вѣку была чернорабочей въ семьѣ; ну, да что объ этомъ толковать! Я ужъ, слава богу, умѣла къ этому попривыкнуть. Но вотъ что, ты мнѣ

объясни, Вольфгангъ: какими судьбами попалъ ты въ Рейнфельденъ? Вѣдь отецъ твой, кажется, былъ на ножахъ съ старымъ генераломъ? Тутъ что нибудь да не просто. Охъ, послушайся ты меня, Вольфгангъ, не якшайся ты съ этими барами. Всѣ то они, вмѣстѣ взятыѣ, никуда не годятся. Если бы твой отецъ, разъ уже приставъ къ нимъ, не отрекался отъ насъ, то, можетъ статься, и лучше бы вамъ всѣмъ жилось.

— Быть можетъ, ты и права, тетя, отвѣчалъ Вольфгангъ, но разговоръ этотъ заведетъ насъ слишкомъ далеко; не лучше ли отложить его до другого раза? Скажи-ка ты мнѣ: неужели отецъ до сихъ поръ не возвращался изъ ратуши? да и что такое творится у васъ въ городѣ?

— Господь ихъ вѣдаетъ, отвѣчала тетушка Белла, не живется имъ, какъ видно, спокойно. Братъ Петръ ушелъ подвечеръ изъ дому съ докторомъ Гольмомъ и докторомъ Мюнцеромъ и хоть бы словечкомъ меня предупредилъ; ужъ это съ его стороны не со всѣмъ хорошо; ну, да со мной стоитъ ли церемониться? Старая пѣсня! Желала бы я, чтобы вы, мужчины, хоть бы разокъ испытали ту муку душевную, которой мы натерпимся, сидя дома, не зная, что тамъ у васъ дѣлается, и ожидая каждую минуту худой вѣсти! Но кого я не могу понять, такъ это твоего отца. Ты, навѣрное, не ушелъ бы изъ дому, оставивъ мать больную. Ну да въ твоихъ жилахъ течетъ шмицовская кровь, а шмицы умѣютъ любить. Те! никакъ твоя мать заговорила? такъ и есть! она проснулась. Не зайти ли мнѣ прежде къ ней сказать, что ты пріѣхалъ?

— Сдѣлай одолженіе, милая тетя; только, пожалуйста, не напугай ее, если она спроситъ объ отцѣ.

— Что я съ ума, что ли, сошла? отвѣчала тетушка Белла обиженнымъ голосомъ. Слышишь, мать смѣется; я напередъ знала, что она проснется веселешенька. Эта Оттилія—сущій ангелъ! Вотъ бы была жена для тебя!

И тетушка Белла скрылась въ сосѣднюю комнату. Черезъ нѣсколько минутъ она снова возвратилась:

— Войди, Вольфгангъ, твоя мать чувствуетъ себя совершенно здоровой.

Вольфгангъ вошелъ въ комнату, въ которой ему не разъ

уже приходилось оставаться по цѣлымъ часамъ между страхомъ и надеждою у изголовья больной матери. Теперь она лежала на постели блѣдная и изнуренная, но улыбающаяся, и весело привѣтствовала его взглядомъ. Возлѣ нея, вся облитая свѣтомъ лампы, стоявшей на столикѣ, сидѣла красивая молодая дѣвушка, которая при появлении Вольфганга тотчасъ же отошла въ сторону.

— Наконецъ то ты пріѣхалъ, мой Вольфгангъ, проговорила мать; если бы ты зналъ, какъ я стосковалась по тебѣ! Прости мнѣ, что я такъ тебя напугала! Но потребность тебя увидѣть была слишкомъ сильна.

И она обхватила шею сына своими обезсилѣвшими руками.

— Не говори такъ много, матушка, это тебѣ нездорово, остановилъ ее Вольфгангъ. Теперь я съ тобою и никуда отъ тебя не уѣду. Прилягъ-ка, вотъ такъ!

— О, теперь я молодцомъ стала! проговорила Маргарита и при этомъ въ изнеможеніи спустила голову на подушку. Вѣдь у меня были такія двѣ славныя сидѣлки. Гдѣ же Оттилія?

— Ты меня звала, милая тетя? проговорила молодая дѣвушка, подходя къ постели.

— Да, дитя мое, отвѣчала Маргарита. Подойди-ка поближе, я хочу показать тебѣ моего Вольфганга. Вольфгангъ, это Оттилія.

Оттилія торопливо наклонилась къ больной, чтобы скрыть яркій румянецъ, вспыхнувшій вдругъ, ни съ того ни съ сего, на ея щекахъ.

— Милое, хорошее дитя! сказала Маргарита, цѣлуя ее въ лобъ. Будь увѣрена, что и онъ тоже полюбитъ тебя отъ всего сердца, какъ и всѣ мы. Не такъ ли, Вольфгангъ?

— О да, за мной дѣло не станетъ, отвѣчалъ Вольфгангъ, протягивая Оттиліи руку.

И тутъ только въ первый разъ взоры ихъ встрѣтились. Нѣсколько времени глядѣли они другъ на друга тѣмъ испытующимъ, глубоко проникающимъ взглядомъ, которымъ люди умѣютъ глядѣть другъ на друга только при первой встрѣчѣ.

— За мной дѣло не станетъ, повторилъ Вольфгангъ и въ голосѣ его слышалось на этотъ разъ болѣе искренней увѣренности.

Маргарита не сводила глазъ съ прекрасной четы.

— Ну вотъ, теперь у меня двое дѣтей, проговорила она какъ бы про себя. Она скрестила руки на груди и закрыла глаза.

— Я опять начинаю чувствовать усталость, проговорила она, ступайте вы, Оттилія и Белла, домой, Вольфгангъ васъ проводить. Если мнѣ что понадобится, я позвоню Урсулу. Когда отецъ вернется домой, скажи ему, Вольфгангъ, что я чувствую себя хорошо.

Тетюшка Белла нашла это распоряженіе крайне безразсуднымъ и собиралась уже было воспротивиться ему самымъ рѣшительнымъ образомъ, но Вольфгангъ мигнулъ ей, чтобъ она молчала, и почтенная старушка, скрѣпя сердце, начала снаряжаться въ путь.

— Оттилія, проговорила Маргарита, не открывая глазъ, вѣдь я, не правда-ли, увижу тебя завтра?

— Конечно, милая тетя, отвѣчала молодая дѣвушка.

— То-то же, а теперь дайте мнѣ заснуть, я такъ устала!

Проводивъ тетку и кузину домой, Вольфгангъ медленно возвращался знакомою дорогою къ родительскому жилищу. На улицѣ было темно и тихо; населеніе, какъ видно, наскучило безсмысленнымъ буйствомъ и только еще по сосѣдству съ кабаками не совсѣмъ угомонилось. Вольфгангъ чувствовалъ смертельную усталость и почти засыпалъ на ходу. Въ разсѣянности онъ повернулъ не въ тотъ переулочекъ, которымъ ему надо было идти. Пройдя мимо красиваго дома, отличавшагося отъ сосѣднихъ домовъ балкономъ съ колоннами, обвитыми плющемъ, онъ столкнулся съ незнакомцемъ, который такъ поспѣшно вышелъ изъ этого дома, что едва не сбилъ его съ ногъ.

— Извините, проговорилъ незнакомецъ, поспѣшно продолжая свой путь.

— Да это, никакъ, былъ докторъ Мюнцеръ, подумалъ про себя Вольфгангъ. Какими судьбами я сюда забрѣлъ? Вѣдь здѣсь живетъ тетюшка Антонія. Мюнцеру то что у нея дѣлать?

Встрѣча съ Мюнцеромъ сдѣлала его на нѣсколько минутъ бодрѣе, но усталость взяла свое и онъ былъ радъ-радешенекъ, когда дотащился до дому.

Въ окнахъ нижняго этажа, гдѣ помѣщалась спальня его отца, былъ видѣнъ свѣтъ. Вольфгангъ позвонилъ осторожно, чтобы не разбудить мать, но никто не вышелъ ему отворить, только свѣтъ въ комнатѣ отца задвигался съ мѣста на мѣсто. Наскучивъ ожиданіемъ, молодой человѣкъ взобрался по шпалерамъ винограда, покрывавшаго стѣну, и постучался въ окно.

Окно отворилось и штадтратъ высунулъ голову.

— Это ты Вольфгангъ?

— Я, батюшка, отвѣчалъ Вольфгангъ, успѣвшій между тѣмъ соскочить на землю.

— Ты одивъ?

— Съ кѣмъ же мнѣ быть? проговорилъ молодой человѣкъ, озадаченный такимъ страннымъ вопросомъ.

— Погоди, я тебѣ сейчасъ отопру.

Нѣсколько минутъ спустя, штадтратъ въ халатѣ и со свѣчею въ рукѣ показался на порогѣ наружной двери. Онъ былъ такъ блѣденъ, имѣлъ такой разстроенный видъ, что Вольфгангъ не на шутку перепугался.

— Что съ тобой батюшка? ты боленъ?

— Я боленъ? съ чего это ты взялъ? отвѣчалъ штадтратъ, а между тѣмъ Вольфгангъ замѣтилъ, что рука, въ которой онъ держалъ подсвѣчникъ, сильно дрожала.—Ты обо мнѣ не беспокойся, продолжалъ штадтратъ, сисясь улыбнуться. Я только усталъ, шибко усталъ. Шутка-ли, цѣлый день пробыть на ногахъ, говорить не умолкая... по неволѣ устанешь! Покойной ночи. Свѣчу возьми себѣ, у меня въ комнатѣ горитъ другая.

— Ты былъ у матушки?

— О, нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ! и при этомъ штадтратъ лихорадочно содрогнулся. Ступай-ка спать, голубчикъ, продолжалъ онъ, немного помолчавъ, и не гляди на меня такимъ испуганнымъ взглядомъ: увѣряю тебя, что я совершенно здоровъ, только усталъ немного; шутка-ли! пробыть цѣлый день на ногахъ, говорить безъ умолку... Покойной ночи, голубчикъ!

И штадтратъ, запахнувши халатъ, вошелъ въ свою комнату, которую заперъ за собою на ключъ. Обстоятельство это

кинулось Вольфгангу въ глаза, потому что отецъ его обыкновенно не заперся на ночь.

Странное чувство робости овладѣло молодымъ человекомъ, когда онъ остался одинъ въ широкихъ сѣняхъ. Лампа, висѣвшая съ потолка, вспыхнула въ послѣдній разъ и погасла. Это непріятно подѣйствовало на Вольфганга. Въ эту самую минуту онъ думалъ о матери и случайное обстоятельство было принято имъ за дурное предзнаменованіе.

— Однако я, какъ видно, совсѣмъ ошалѣлъ отъ усталости, подумалъ онъ, пора мнѣ на покой.

И тихими шагами онъ взобрался по лѣстницѣ на мезонинъ, гдѣ помѣщалась его комната. Онъ медленно раздѣлся, потому что руки почти отказывались служить ему, и едва онъ успѣлъ потушить свѣчу, какъ тяжелый сонъ, полный тревожныхъ сновидѣній, охватилъ его усталое тѣло.

XXI.

— Герръ фонъ-Вилламовскій, я нахожу, что вы сегодня просто сами себя превзошли въ остроуміи.

— И вы это въ самомъ дѣлѣ находите? воскликнулъ юный офицеръ, бросая нѣжный взглядъ на предметъ своего поклоненія.

— Еще бы! Я чувствую, что мнѣ не подъ силу поддержать такой остроумный разговоръ, да и маменька меня зоветъ, а потому извините, пожалуйста...

И Камилла встала съ своего мѣста у окна, гдѣ до того была занята своей работой, что почти не слыхала болтовни драгунскаго лейтенанта съ ея сестрою. Не удостоивъ несчастнаго поклонника даже взгляда, она скрылась въ сосѣднюю комнату.

— Скажите, ради бога, что это значитъ? воскликнулъ лейтенантъ послѣ небольшой паузы, во время которой Аврелія до сыта натѣшила его растеряннымъ видомъ. Ради бога, Фрейлейнъ Аврелія, объясните мнѣ эту загадку.

Аврелія пожала плечами.

— Боюсь, мой милый Вилламовскій, что вамъ пришла пора сойти со сцены, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Мо-

жете занести это новое разочарованіе въ списокъ вашихъ Illusions perdues.

— Ну нѣтъ, отвѣчала лейтенантъ, Штильфрида фонъ-Вилламовскаго такъ легко не выпроваживаютъ. Она вѣрно разсердилась, что я не явился къ ней еще вчера, вотъ и все.

— Курите вы, любезный Вилламовскій? спросила Аврелія.

— Что это вамъ вздумалось спросить? Вы знаете, что я ненавижу эту отвратительную привычку.

— Посмотрите, Вилламовскій, какая прелестная работа! предназначена она, видно, для сигарочницы: голубой узоръ по матово-сѣрому фону. Это ваши фамильные цвѣта, Вилламовскій, неправда-ли, придумано недурно? и проказница поворачивала во всѣ стороны начатую работу Камиллы.

— Но вѣдь Камилла же знаетъ, что я не курю.

— О, да, конечно. А потому, какъ видите, работа предназначена не для васъ.

— Но для кого же? Развѣ для Куно?

— И, нѣтъ! говорятъ вамъ, что она терпѣть не можетъ Куно.

— Я и самъ такъ думаю, но если не для Куно, то...

— То, должно полагать, для когонибудь другого. Шутки въ сторону, Вилламовскій, подсядьте-ка сюда къ окну, да не выходите такъ изъ себя, а то еще ктонибудь изъ другой комнаты услышитъ. Здѣсь происходитъ что-то такое, о чемъ я пока и сама только смутно догадываюсь. Мнѣ не довѣряютъ, да и не съ чего мнѣ довѣрять, потому что мнѣ всѣ эти секреты до смерти надоѣли и я рѣшилась на будущее время идти своею дорогой. Вамъ, Вилламовскій, я все расскажу; я васъ люблю, потому что вы добрый малый, не скупитесь бросить лунддоръ, другой за букетъ, если вы этимъ можете доставить удовольствіе бѣдной дѣвушкѣ; отлично полькируете... да и хорошо ужъ очень кататься въ вашемъ новомъ кабріолетѣ. Мнѣ кажется, изъ васъ вышелъ бы отличный зять, а потому я протежирую вамъ гораздо болѣе, чѣмъ кузѣну Куно, которъй съ каждымъ днемъ становится желтѣе и противнѣе. Но, какъ я уже сказала вамъ, въ настоящую минуту и ваши дѣла обстоятъ такъ же плохо, какъ и его. Мы устремили наши томные глазки въ другую сторону. Утро вечера мудренѣе; а пока мой совѣтъ вамъ удалиться, а то

еще вы, противъ своего обыкновенія, не на шутку разсердитесь и ваша «Барышня» обобьетъ себѣ переднія копыта. Кстати о барышнѣ; правда ли, что вы хотите промѣнять ее на Бринкманова рычаго? Да скажите, отчего Бринкманъ не былъ сегодня на парадѣ?

И разговоръ продолжался нѣсколько времени въ этомъ тонѣ но вотъ много общающій юноша раскланялся и, гремя саблею и звѣня шпорами, удалился. Въ ту же минуту въ гостиную вошла президентша.

— Что онъ такое говорилъ? обратилась она къ дочери; онъ что-то долго засидѣлся.

— Тѣмъ удобнѣе было для тебя спросить его самого, грубо отвѣчала Аврелія.

— Развѣ такъ отвѣчаютъ? проговорила президентша, лорнируя удалявшійся экипажъ Вилламовскаго.

— А какъ же вамъ еще отвѣчать? Я недостойна вашего довѣрія, пусть такъ; но я считаю недостойнымъ себя, быть вашей лазутчицей.

— Да ты, никакъ, бредишь, Аврелія? проговорила президентша, отходя въ глубину комнаты.

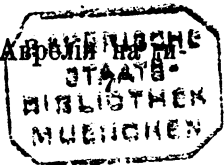
— Ахъ, милая маменька! возразила молодая дѣвушка, одушевляясь, я право не такъ глупа и не такъ добродушна, какъ вы воображаете. Или ты думаешь я не вижу, что у васъ вездѣ на первомъ планѣ Камилла. Камилла веселится въ Рейнфельденѣ и попадаетъ въ милость къ дѣдушкѣ, между тѣмъ какъ я скучаю въ городѣ. Или ты думаешь, что я такъ и не догадываюсь, по какому поводу моя дражайшая сестрица вдругъ начала выпроваживать одного обожателя за другимъ и принялась вышивать сигарочницы нашими фамильными цвѣтами?...

Слезы не дали договорить молодой дѣвушкѣ. Она бросилась на диванъ и уткнулась лицомъ въ подушку.

Глядя на слезы дочки и маменька сочла нужнымъ всплакнута.

— Вотъ она, награда за мою доброту, простонала она, опускаясь въ кресло. И цѣлую то жизнь ничего не видѣть, кромѣ горя, заботъ и неблагодарности... о, я несчастная женщина!

— Такъ я же знаю, что я сдѣлаю, рыдала Аврелія на слезахъ.
Отд. I.

ванѣ: выйду за мужъ за перваго встрѣчнаго; вѣдь вамъ все равно, чтобы со мной ни случилось.

— Охъ, горе мое! родные дѣти хотятъ меня въ гробъ вогнать, продолжала хныкать президентша.

— Гм! гм! крикнулъ кто-то, вошедшій между тѣмъ въ комнату и оставшійся подъ шумокъ незамѣченнымъ.

Плачущія дамы повскакивали съ мѣстъ.

— Ахъ, герръ медицинальратъ, воскликнула президентша, улыбаясь сквозь слезы и протягивая гостью свою пухлую руку, унизанную кольцами. — Какъ вы кстати пришли!

— Я это и вижу, отвѣчалъ медицинальратъ, дѣлая протянутую ему руку съ приторною любезностью. Вы, mesdames, надъ чѣмъ то до слезъ хохотали. Смѣю ли я освѣдомиться о причинѣ подобной веселости? Или, быть можетъ, подобный вопросъ нескроменъ съ моей стороны? Однако, Фрейлейнъ Аврелія, помнитса, вы мнѣ обѣщались каждое утро ходить въ садъ пользоваться благодатнымъ весеннимъ воздухомъ; ступайте же скорѣе, мы придемъ за вами слѣдомъ.

Выпровадивъ Аврелію, медицинальратъ подсѣлъ къ президентшѣ. Совѣтникъ правленія, онъ же и членъ медицинскаго совѣта, Шнепперъ былъ маленькій, худенькій старичокъ лѣтъ шестидесяти; нельзя сказать, чтобы глуповатый взглядъ его маленькихъ сѣрыхъ глазъ и саркастическая улыбка, игравшая на тонкихъ, впалыхъ губахъ, придавали особенную прелесть его гладко выбритому лицу; въ заключеніе, лѣвое плечо его было нѣсколько выше праваго.

Устремивъ пронизательный взглядъ на смущенное, улыбающееся лицо своей тучной собесѣдницы, медицинальратъ заговорилъ, понюхивая табачекъ изъ золотой табакерки:

— Скажите же мнѣ, сударыня вы моя, что тутъ у васъ такое случилось? Надѣюсь, что ничего важнаго?

— О нѣтъ, ровно ничего. Аврелія попрекнула мнѣ тѣмъ, что я будто люблю Камиллу больше чѣмъ ее.

— Да, выслушивать подобные упреки не легко, въ особенности, когда они справедливы. Ну, да я васъ не обвиняю; Камилла сущій ангелъ. Но оставимъ, однако, всѣ эти пустячки и будемъ говорить о дѣлѣ. Я вамъ принесъ цѣлый коромъ новостей.

— Такъ разсказывайте же скорѣе, мой милый Шнепперъ, воскликнула президентша. Я вся вниманіе.

— Начнемъ, во-первыхъ, съ худой вѣсти: денежныя обстоятельства старика Вилламовскаго далеко не въ такомъ завидномъ положеніи, какъ полагають. Я узналъ это изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

— Неужели?

— Гм! Однако это васъ, какъ я вижу, не очень затрогиваетъ. Дай то Богъ, чтобы и фрейлейнъ Камлла такъ же легко это приняла.

— О, на счетъ этого будьте покойны! Однако, предчувствіе то какъ бываетъ вѣрно! Повѣрите ли, мой добрый Шнепперъ, еще не далѣе какъ третьяго дни въ Рейнфельденѣ я говорила Камллѣ: вотъ увидишь, Камилла, что состояніе старика Вилламовскаго не на долго хватить при сѹмасшедшихъ тратахъ его сына.

— Гм, вотъ какъ! Вы говорили это въ Рейнфельденѣ третьяго дни вечеромъ, стало быть, наканунѣ вашего отъѣзда? Ужъ не посулилъ ли намъ чего старый генераль, съ намѣреніемъ, конечно, не сдержатъ свое обѣщаніе, а мы ему и повѣрили? Такъ вотъ источникъ нашей философской невозмутимости! Такъ, что ли?

— Вамъ, Шнепперъ, я могу сказать, потому что смотрю на васъ, какъ на друга: да, дѣйствительно нашъ дорогой патріархъ обѣщаль намъ многое, очень многое; болѣе того: Камилла можетъ считать себя его единственной наслѣдницею, если она исполнитъ одно условіе, которое... Ну, да уже я вамъ все скажу, мой милый Шнепперъ; мнѣ же, кстати, хотѣлось бы посоветоваться съ вами объ этомъ дѣлѣ. Условіе, о которомъ я говорила, состоитъ въ томъ, чтобы она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, Вольфганга. Лежи смирно, Жоли!

Если бы сонные глаза президентши умѣли по зорче глядѣть изъ подъ нависшихъ вѣкъ, то они увидѣли бы, что невзрачное лицо медицинальрата при этихъ послѣднихъ словахъ еще болѣе посоловѣло.

— Вотъ какъ! промычалъ онъ. Ну, теперь мнѣ многое становится понятнымъ. Такъ вотъ откуда взялась нежданная, негаданная состоятельность господина штадирата! Этимъ же,

быть можетъ, объясняется и его политическое ренегатство. И вы думаете, что планъ этотъ осуществимъ?

— Mais pourquoi pas, мой милый Шнепперъ?

— А ну, какъ его осуществленію воспрепятствуетъ то пустое обстоятельство, что господину Вольфгангу осталось жить всего, можетъ быть, какихъ нибудь два-три дня?

— Боже мой! воскликнула президентша такъ громко, что испуганный Жоли соскочилъ на полъ и съ переполоху накинулся съ лаемъ на вошедшаго въ эту минуту президента.

— Можешь себѣ представить, Филиппъ, Вольфгангъ... да что ты не положишь шляпу на мѣсто? Развѣ ты не видишь, что Жоли ее боится? Такъ вообрази себѣ, Вольфгангъ лежитъ при послѣднемъ издыханіи! Вотъ отчего онъ и не былъ у насъ вчера. Молчать, Жоли! пощади мои нервы. Ахъ, я несчастная! весь свѣтъ точно сговорился меня мучить.

Приѣмъ этотъ, повидимому, нѣсколько ошеломилъ президента. Но въ тихомъ, вкрадчивомъ голосѣ его не было замѣтно и слѣда волненія, когда онъ заговорилъ, обращаясь къ гостю:

— Serieusement, любезный сослуживецъ, что такое случилось съ Вольфгангомъ?

Между тѣмъ медицинальратъ успѣлъ сообразить, что настоящая минута вовсе не благоприятствуетъ раскрытію одного тайнаго замысла, для приведенія котораго въ исполненіе, ему необходимо было согласіе родителей Камиллы, а потому онъ счелъ за лучшее удержать пока маску друга дома.

— Serieusement, любезный президентъ, отвѣчалъ онъ съ своей обычной улыбкой, дѣло обстоитъ, благодареніе Богу, далеко не такъ плохо, какъ вообразила себѣ въ материнской своей заботливости ваша супруга. Если бы я зналъ, что между вашимъ семействомъ и семействомъ вашего брата существуютъ такія тѣсныя, неуловимыя для непосвященныхъ отношенія, то я, конечно, остерегся бы нанести такую рану любящему сердцу высоко-уважаемой мною женщины. Къ тому же, прошу васъ замѣтить, что я говорилъ только о возможности, а далеко не о положительномъ фактѣ. Вашъ юный и, я долженъ сознаться, въ высшей степени даровитый племянникъ, занемогъ прошлую ночью, вслѣдствіе безпокойства, причиненнаго ему болѣзью матери, а также, должно пола-

гать, вслѣдствіе простуды, схваченной имъ на возвратномъ пути изъ Рейнфельдена. Болѣзнь приняла было сначала опасный характеръ, но, при здоровомъ сложеніи молодого человѣка, можно надѣяться, что онъ скоро оправится. И такъ, друзья мои, вы видите, что существуютъ всѣ данныя, полагать, что смерть не позволитъ себѣ сыграть съ вами такую плохую шутку.

— Любезный другъ и сотоварищъ, заговорилъ президентъ и голосъ его звучалъ при этомъ мягче, чѣмъ когда нибудь, признаюсь вамъ, если я вамъ до сихъ поръ ничего объ этомъ не говорилъ, то не потому, чтобы желалъ таиться отъ стараго друга, а потому, что я вообще не люблю распространяться о предположеніяхъ, которыя, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, Клотильда, въ трубѣ мѣломъ писаны. Скажи, пожалуйста, какія мы имѣемъ гарантіи въ ихъ осуществленіи? Нѣсколько намековъ, вырвавшихся у дядюшки и перетолкованныхъ вами, конечно, въ самую выгодную сторону? Кто мнѣ поручится, что этотъ Вольфгангъ, который смотритъ презкцентрическимъ молодымъ человѣкомъ, завтра же не перемѣнитъ свое намѣреніе? Или, кто мнѣ поручится, что его буржуазная родня не замоаается? Наконецъ, я долженъ сознаться, что искренность самаго штадтрата представляется мнѣ такимъ же сомнительнымъ дѣломъ, какъ и его состоятельность въ должныхъ дѣлахъ. Вообрази же себѣ теперь, милая Клотильда, весь ужасъ нашего положенія въ томъ случаѣ, если генералъ оставитъ Вольфганга на бобахъ или же самъ молодой человѣкъ, покорствуя плебейскимъ наклонностямъ, наслѣдованнымъ имъ отъ матери, снова отъ насъ отстанетъ? Меня дрожь пробираетъ, когда я только объ этомъ подумую.

Президентша слушала эту длинную тираду съ признаками живѣйшаго нетерпѣнья. — Другъ мой, заговорила она, я такъ привыкла видѣть, что ты идешь наперекоръ всѣмъ моимъ планамъ, что твое сопротивленіе въ настоящемъ случаѣ меня нисколько не удивляетъ. Тебѣ бы ужъ, кажется, можно было знать, какъ я осторожна, хладнокровна и мало расположена смотрѣть на вещи съ сентиментальной точки зрѣнія. Но въ этомъ дѣлѣ затронуту мое материнское чувство. Молодые люди любятъ другъ друга, генералъ души не чае въ Вольфгангѣ, да и Рейнфельденъ, наконецъ, ужъ больно лако-

мый кусокъ. Правда, что комнаты немного душны и отдѣлыны довольно безвкусно, но все это очень легко поправить; а мнѣ бы такъ пріятно было пріѣзжать отъ времени до времени къ дѣтямъ подышать деревенскимъ воздухомъ.... но до всего этого тебѣ, конечно, и дѣла нѣтъ. А между тѣмъ, кому бы, кажется, и знать, какъ не тебѣ, что наши дѣда...

— Что-то вы объ этомъ скажете, любезный товарищъ? обратился президентъ къ медицинальрату и при этомъ слегка прихлопнулъ рукою по его колѣну.

Но прежде, чѣмъ маленькій человекъ успѣлъ отвѣтить, дверь распахнулась и въ комнату ввалилась полковница фонъ Гогенштейнъ. Едва переступивъ за порогъ, она заговорила:

— Ахъ, какъ хорошо, что я всѣхъ васъ застаю вмѣстѣ! Oh, mon Dieu! я такъ скоро бѣжала, что едва могу перевести духъ. Я непременно хотѣла первая сообщить вамъ великую новость. Ну-съ, отгадайте-ка въ чемъ дѣло! Да нѣтъ, вамъ ни за что не отгадать, а я не хочу васъ мучить. Вольфгангъ поступаетъ въ военную службу офицеромъ, дѣло совсѣмъ слажено. Мой мужъ гордится осуществленіемъ плана, который, какъ онъ увѣряетъ, давно у него вертѣлся въ головѣ! Но первая мысль принадлежала мнѣ; я могу сказать, что какъ только увидѣла намереніи Вольфганга въ Рейнфельденѣ, такъ и полюбила его наравнѣ съ своими собственными сыновьями. И представьте себѣ, баловникъ дѣдушка беретъ на себя его полную оконировку и хочетъ, чтобы онъ непременно поступилъ въ нашъ полкъ. Фу, какъ жарко однако! милая Клотильда, что ты меня не поподчуешь миндалемъ? Но, что это, господа, какія у васъ у всѣхъ вытянутыя лица? Ужъ не завидно-ли вамъ стало, что дядюшка къ намъ обратился съ просьбою, опредѣлить Вольфганга? Но, боже мой! вѣдь это былъ кратчайшій путь... Послушайте-ка, любезный Флоріанъ... или, да бишь, васъ Фридрихомъ зовутъ... другинесите мнѣ стаканъ лимонаду, или, впрочемъ, нѣтъ, неужелино, мнѣ пора домой. Прощайте, друзья! Только ты, Клотильда, да, пожалуйста не сердись, увѣряю тебя, что не за что. А вы, мой милый медицинальратъ, утѣшите бѣдную Клотильду... Да! Вольфгангу гораздо лучше; я сейчасъ оттуда. Что это за прекрасный молодой человекъ!

Какъ скоро Зельма исчезла за дверью, Клотильда задчасны

слезами; президентъ принялся расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, а медицинальратъ захватилъ такую щепоть табаку, изъ которой, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, онъ выгадалъ бы цѣлыхъ четыре.

— Вы за минуту передъ тѣмъ спросили, что я думаю объ этомъ дѣлѣ, заговорилъ наконецъ медицинальратъ. И вамъ точно было бы желательно знать мое мнѣніе?

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, мой почтенный сотоварищъ? отвѣчалъ президентъ.

— Ну-съ, такъ я вамъ скажу, чтобы вы приняли планъ вашей достойнѣйшей супруги. Поощряйте возникшую связь, идите даже, въ случаѣ надобности, до официальной помолвки. Свадьбой-то можно и повременить; еще неизвѣстно, какой оборотъ примутъ дѣла до тѣхъ поръ; но, по крайней мѣрѣ, вы избѣгнете такимъ образомъ опасности быть-оттѣсеннымъ вашими соперниками на задній планъ; вѣдь, во всякомъ случаѣ, жаль будетъ, если наслѣдство ускользнетъ у васъ изъ подъ рукъ. А главное, надо, чтобы Фрейлейнъ Камилла изъ всѣхъ силъ старалась упрочить за собою расположеніе старика. Пускай ее не отступаетъ ни передъ какими средствами, угождаетъ ему во всѣхъ его причудахъ. Конечно, сдѣлать изъ этого Вольфганга офицера...

И медицинальратъ въ раздумьи наклонилъ свою сѣдую голову.

— Но почему же эта мысль кажется вамъ такую странною? спросила президентша съ видимою досадою.

— Потому что... Но вы что-то нѣжны сегодня, моя милая президентша, а потому оставимъ лучше этотъ разговоръ. Вамъ не мѣшало бы пойти вмѣстѣ съ дочками немножко прогуляться. Да выслушайте еще одинъ совѣтъ отъ стараго друга... (тутъ медицинальратъ по ближе подошелъ къ президентшѣ и понизилъ голосъ) не наказывайте слишкомъ Аврелию, что Камилла наша любимица; очень легко можетъ стать, что и Аврелия намъ пригодится. Прощайте, сударыня, прощай Жоли! Au revoir. А теперь я долженъ и съ вами проститься, господинъ президентъ. Вечеромъ мы, конечно, свидимся въ засѣданіи общества?

— Едва ли, сегодня пріемный день моей жены, а потому, если у васъ есть время, я желалъ бы даже сказать вамъ

слова два-три. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, а то въ этихъ дамскихъ гостинныхъ мнѣ все кажется, что самыя зеркала насъ подслушиваютъ.

— Ха, ха, ха, засмѣялся медицинальратъ; только бы они не выдавали, что слышать.

Президентъ улыбнулся.

— Ну, да вамъ, скрытнѣйшему изъ смертныхъ, кажется, нечего было бы опасаться и въ этомъ случаѣ. Однако, присядьте, любезный товарищъ, да скажите-ка мнѣ откровенно, какого вы мнѣнія объ этомъ планѣ?

— Говоря откровенно, господаиъ президентъ, мнѣ кажется, что при настоящихъ обстоятельствахъ вамъ ничего болѣе не остается, какъ согласиться на эту романтическую затѣю. Никому, конечно, вся эта исторія не можетъ быть менѣе пріятна, чѣмъ мнѣ. Но я должепъ сознаться, что на этотъ разъ дѣло пахнетъ не шуткой. Это ужъ не мыльные пузыри, созданные воображеніемъ прекраснаго пола. Всѣмъ извѣстно, что штадтратъ уплатилъ вчера по векселямъ значительную сумму; спрашивается, откуда взялись у него деньги, если не старикъ ему далъ? А ужъ коли этотъ сѣдой Гарпагонъ началъ раскошеливаться, то дѣло, значитъ, зашло далеко. Не даромъ тоже полковникъ ставитъ себѣ за честь принять молодого человѣка въ свой полкъ, а полковница трезвонитъ объ этомъ по всему городу.

— Признаюсь весь этотъ планъ такъ выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, носить на себѣ, *sit venia verbo*, такой революціонный отпечатокъ, что онъ мнѣ вовсе не по душѣ, замѣтилъ президентъ.

— Вѣрю, вѣрю вамъ, отвѣчалъ медицинальратъ. Я и самъ на вашемъ мѣстѣ предпочелъ бы для дочери болѣе солиднаго жениха, хотя бы и не совсѣмъ молодого.

Тутъ маленькій человѣчекъ приостановился и бросилъ быстрый взглядъ на президента; но такъ какъ послѣдній ничего не отвѣчалъ, то онъ продолжалъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады въ голосѣ:

— Камилла благоразумна и отъ нея можно было бы ожидать благоразумнаго выбора. А чтобъ и вашей семьѣ дѣло не обошлось безъ скандала, неизбежнаго воякомъ порядочномъ семействѣ, то объ этомъ позаботится фрейлейнъ Аврелія.

— Вы пугаете меня, любезный другъ, воскликнулъ президентъ. Развѣ вы подмѣтили что нибудь за Авреліей?

— О, нѣтъ, ничего ровно. Мое предположеніе основывается на чисто физиологическихъ данныхъ. Фрейлейнъ Аврелія обладаетъ страстнымъ темпераментомъ и въ этомъ отношеніи она напоминаетъ свою прелестную тетку, Антонію. Кстати, герръ президентъ, слышали вы о новой сумасбродной выходкѣ очаровательной вдовушки?

— Что тамъ еще такое? простоналъ президентъ. Эта женщина поклялась довести меня до отчаянья своими глупостями.

— Вы, стало быть, еще не знаете, что третьяго дня вечеромъ передъ ея домомъ собралась толпа народа и грозила повыйбить ей стекла въ окнахъ? Мюнцеръ выручилъ ее изъ бѣды и въ награду былъ угощенъ отличнымъ ужиномъ en tête-à-tête. Неужели вы ничего этого не знали?

— Ужиномъ, говорите вы? en tête-à-tête? Отъ кого вы объ этомъ слышали?

— Да отъ самой же вдовушки, которая всего только какихъ нибудь полчаса тому назадъ, смѣясь, рассказывала мнѣ эту скандальную исторію со всѣми подробностями.

— Со всѣми подробностями? шепнулъ президентъ.

И собесѣдники поглядѣли другъ на друга какимъ то страннымъ взглядомъ, выразавшимъ обоюдное пониманіе.

— Но съ какой стати было ей посвящать васъ въ эту тайну? проговорилъ президентъ.

— А съ такой стати, что это уже болѣе не тайна, такъ какъ полковникъ, вашъ братъ, былъ такъ невѣжливъ, что нарушилъ сладостный tête-à-tête, и замѣтьте, какъ разъ въ одиннадцать часовъ, когда всѣ добрые люди спятъ. Ну не вопіющее ли это дѣло?

— И это она вамъ тоже сама рассказывала?

— Нѣтъ, объ этомъ я узналъ отъ ея лакея, Жана, который, лукавая бесіія! не догадался отказать непрошеному гостю и за это въ тотъ же вечеръ получилъ расчетъ. Бѣднякъ приходилъ сегодня утромъ ко мнѣ рассказать свое горе и просилъ меня пристроить его куда нибудь.

— И вы нашли ему мѣсто?

— Пока еще нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ пришлите его ко мнѣ.

— Къ вамъ?

— Ну да. Что съ вами сегодня, любезный сотоварищъ, куда дѣвалась ваша обычная пронизательность? Развѣ вы не видите, что случай такъ хорошо перетасовалъ намъ карты, что мы и сами не могли бы ихъ лучше подобрать?

— Къ стыду моему, я долженъ признаться, что не совсѣмъ ясно понимаю вашу мысль. Я сегодня что-то тупъ на дорадки. Планъ вашей супруги,... очаровательная Камилла,... странныя обстоятельства, сопровождающія эту помолвку, все это такъ меня ошеломило....

— И! что значать эти семейныя дрызги передъ политическими интересами? Къ тому же, тамъ время еще терпитъ, а вотъ выборы, такъ тѣ настанутъ черезъ недѣлю. Полагаю, что намъ съ вами не совсѣмъ то удобно будетъ служить при министерствѣ Мюнцера. А? какъ вы объ этомъ думаете?

Маленькій человечекъ ударилъ себя рукою по лбу.—Что же я за дуракъ былъ! Конечно, конечно, надо принять всю эту исторію къ свѣдѣнью. Но скажите же мнѣ, что вы намѣрены сдѣлать?

— Этого я и самъ еще хорошенько не знаю, любезный мой сотоварищъ. Знаю только, что Мюнцеръ мечтатель и поэтъ, следовательно легко поддастся соблазну, а Антонія самая соблазнительная изъ сиренъ. Но мнѣ еще надо къ оберъ-президенту; хотите я васъ доведу? Дорогою мы еще потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ. Да, чтобъ не забыть! Можете ли вы прислать ко мнѣ этаго Жана сегодня же?

— Нѣтъ ничего легче.

— Такъ ѣдемте же.

XXII.

Нѣсколько часовъ спустя, карета президента остановилась передъ домомъ Петра Шмица. Выходя изъ экипажа, президентъ бросилъ бѣглый взглядъ на старый старшійся гербъ, красовавшійся надъ дверью, и на вывѣску, на которой четко и, какъ показалось президенту, почти дерзко видалась вѣглаго слѣдующая надпись: «контора Народнаго Вѣстника». Изъ око-

шечка въ мезонинѣ выглянула въ эту минуту прелестная головка дѣвушки. Президентъ снялъ шляпу, дѣвушка отвѣчала на его поклонъ и затѣмъ скрылась. Президентъ вошелъ въ домъ.

«Редакція Народнаго Вѣстника помѣщается въ слѣдующемъ этажѣ; идти все прямо, потомъ повернуть на право», гласила надпись, приклеенная къ стѣнѣ, и тутъ же красовалась гигантская рука съ указательнымъ пальцемъ, устремленнымъ по направлению къ ветхой лѣстницѣ.

Президентъ началъ осторожно взбираться по шаткимъ ступенямъ; скрипѣвшимъ подъ его ногами. Ему какъ-то жутко становилось въ этомъ старинномъ домѣ, гнѣздѣ фанатическаго демагога, Петра Шмица; холодно и пусто было въ огромныхъ сѣняхъ; со двора доносился какой-то однообразный гулъ, то типографскіе станки работали надъ вечернимъ номеромъ «Народнаго Вѣстника»; быть можетъ, въ эту самую минуту печатали они одну изъ тѣхъ рѣзкихъ, пропитанныхъ ѣдкой сатирою статей, озаглавленныхъ: «In Praesidentem», въ которыхъ, вотъ уже нѣсколько дней сподрядъ, подвергалась суду самой безпощадной критики вся дѣятельность Филиппа фонъ-Гогенштейна по занимаемой имъ должности. Президентъ фонъ-Гогенштейнъ начиналъ уже раскаиваться въ своей рѣшимости сунуться въ притонъ своихъ злѣйшихъ враговъ и собирался, благо еще его никто не видалъ; потихоньку ретироваться, какъ вдругъ ему попалась на встрѣчу пожилая дама, одѣтая вся въ черное, съ канвовымъ узоромъ въ рукахъ и съ моткомъ ярко-красной шерсти, навѣшеннымъ на шеѣ. О бѣгствѣ нечего было больше и думать. Президентъ счелъ за лучшее слегка приподнять шляпу и обратиться къ дамѣ съ вопросомъ:

— Не можете ли вы мнѣ сказать, сударыня, гдѣ тутъ бюро господина доктора Мюнцера?

Тетушка Белла остановилась и устремила на спрашивающаго свое темные, выразительные шмицовскіе глаза. Подъ взглядомъ этихъ пронизательныхъ глазъ президентъ невольно снялъ совсѣмъ свою приподнятую шляпу. Нельзя сказать, чтобы тонъ, которымъ отвѣчала тетушка Белла, отличался особою мягкостію.

— Редакція на концѣ галлерей, господинъ президентъ.

— Какъ, воскликнулъ президентъ съ привѣтливимъ поклономъ, я удостоился чести быть вамъ извѣстенъ по имени?

— Что же васъ такъ удивляетъ, что я знаю, какъ зовуть брата моего зятя?

— Стало-быть, я имѣю удовольствіе говорить съ Фрейлейнъ Шмицъ?

— Точно такъ-съ, господинъ президентъ, меня зовуть Арабеллою Шмицъ. Только едва-ли вы объѣту пору кого застаете въ редакціи, кромѣ доктора Гольма. Докторъ Мюнцеръ приходитъ по вторникамъ обыкновенно поздѣе. Быть можетъ, я могу передать ему ваше порученіе?

И при этихъ словахъ темные глаза тетушки Беллы еще пристальнѣе устремились на собесѣдника.

— Премного вамъ благодаренъ, сударыня, но я желалъ бы лично переговорить съ докторомъ Мюнцеромъ; если вы позволите, я подожду его въ редакціи.

— Какъ вамъ угодно, проговорила тетушка Белла и съ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы прошла мимо президента.

— Да это чортъ, а не женщина, проговорила про себя президентъ. И дернуло же меня сунуться въ это разбойничье гнѣздо! А! вотъ и дверь. Докторъ Гольмъ! помнится мнѣ, мы вмѣстѣ учились въ Гейдельбергѣ. Надо будетъ возобновить знакомство.

— Войдите! крикнулъ грубый, странный и глубокий голосъ.

Странная фигура представилась взорамъ президента, когда онъ вошелъ въ комнату редакціи. У небольшого стола спиною къ двери сидѣлъ широкоплечій мужчина съ широкимъ массивнымъ черепомъ и черными включенными волосами, завивавшимися, какъ у негра. Онъ повернулъ къ вошедшему страшно блѣдное лицо, поросшее черною бородою и имѣвшее въ себѣ что-то несказанно мрачное; лицо это озарялось парюю маленькихъ глазъ. Не смотря на жаркую погоду, странный этотъ субъектъ былъ одѣтъ въ байковый скюртукъ; но, какъ бы въ вознагражденіе за это, на немъ были панталоны изъ небѣленаго полотна. На мускулистой, обнаженной шеѣ былъ слабо повязанъ ярко-красный бумажный платокъ, въ ухахъ были продѣты мѣдныя сережки.

— Я желалъ бы поговорить съ господиномъ докторомъ Мюнцеромъ, проговорилъ президентъ.

— Не приходилъ еще! отвѣчалъ байковый скюртукъ; а когда придетъ, будетъ очень занятъ.

— Могу себѣ вообразить! Но я его задержу недолго.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Президентъ назвалъ себя потому что съ давнихъ поръ привыкъ людей низшаго званія импонировать своимъ общественнымъ положеніемъ. Но на этотъ разъ магическое слово произвело, повидимому, дѣйствіе совершенно противоположное тому, которое отъ него ожидали. Лицо бородатаго собесѣдника какъ-то странно передернулось и изъ горла его вырвался отрывистый, сильный смѣхъ. Онъ пристально поглядѣлъ на президента и снова обратился къ корректурѣ, которой былъ занятъ въ эту минуту.

Президентъ проклиналъ свою неосторожность, благодаря которой, онъ попалъ въ положеніе, становившееся все тягостнѣе съ каждою минутой. Его душилъ воздухъ этой комнаты, пропитанной запахомъ свѣжихъ типографскихъ чернилъ и сырой бумаги; ему казалось, что стѣны вотъ сейчасъ упадутъ ему на голову и раздавятъ его. Между тѣмъ человекъ въ байковомъ сюртукѣ продолжалъ свою работу, не обращая на него вниманія; онъ писалъ лѣвою рукою, что ему, видимо, стоило большихъ усилій; могучее тѣло его, то и дѣло, содрогалось, какъ бы въ припадкѣ лихорадки, а лицо, то вспыхивало багровымъ румянцемъ, то снова покрывалось смертельною блѣдностью. Порою у него вырывались тихіе стоны, какъ у человека, терпящаго сильную боль; порою же онъ снова смѣялся своимъ отрывистымъ, сильнымъ хохотомъ, какъ человекъ, читающій что нибудь въ высшей степени смѣшное.

— Не хотите-ли проглядѣть руководящую статью въ вынѣшнемъ вечернемъ номерѣ?

И господинъ въ байковомъ сюртукѣ подалъ президенту листъ только что продержавной имъ корректуры. Президентъ испугался выраженія, мелькнувшаго въ эту минуту на лицѣ его собесѣдника, и невольно попятился назадъ, выразивъ знакомъ отказъ.

— Ну, какъ хотите, отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкой, а статья хорошо написана; что же касается содержанія, то выдали мы портреты и похуже. Ха, ха, ха!

И взявъ новый листъ, онъ снова погрузился въ корректуру.

— Нѣтъ, я рѣшительно здѣсь болѣе не останусь ни мину-

ты, проворчалъ президентъ, ни за какія сокровища не останусь!

Но въ ту самую минуту, какъ президентъ направился къ выходу, за дверь въ галереѣ раздался чьи то шаги и послышался вовсе недурной басъ, напѣвавшій:

«In diesen heiligen Hallen
Kennt man die Rache nicht.»

Вслѣдъ за тѣмъ, дверь распахнулась и въ комнату вошелъ докторъ Гольмъ. Онъ только что вынулъ платокъ, чтобы утереть потъ, струившійся по его лбу, но остановился въ этой полезной манипуляціи на полдорогѣ, при видѣ своего стараго университетскаго товарища и теперешняго политическаго противника. И точно, не легко было доктору Гольму, при его безконечномъ добродушіи, встрѣтиться въ редакціи Народнаго Вѣстника съ человѣкомъ, котораго этотъ же самый Народный Вѣстникъ громилъ своими статьями «In Praesidentem.» Но докторъ Гольмъ въ высшей степени обладалъ драгоценною способностью не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ. И такъ, онъ замахалъ своею шляпою и воскликнулъ:

— Привѣтъ вамъ, о высокоименитый, достойнѣйшій пре-зусь!

— Однако, я вижу, годы не ослабили игривый юморъ моего университетскаго товарища, проговорилъ президентъ съ привѣтливой улыбкой.

— Да, благодареніе богамъ всемогущимъ, взыскавшимъ меня этою милостью, отвѣчалъ докторъ Гольмъ. Однако, господинъ президентъ, чтожь мы не сядемъ? Такъ вамъ удобнѣе будетъ мнѣ объяснить, что доставляетъ намъ честь вашего посѣщенія.

— Покорно благодарю, прошепталъ президентъ, не принимая однако предложеннаго ему стула; какъ ни пріятно было бы мнѣ подольше потолковать съ университетскимъ старымъ товарищемъ, у меня каждая минута на счету и я поневолѣ долженъ ограничиться краткимъ изложеніемъ того, что привело меня сюда, при чемъ я попрошу васъ передать мои слова вашему сотруднику. Вслѣдствіе соображеній, о которыхъ мнѣ неудобно здѣсь распространяться, и при этихъ словахъ президентъ покосился на господина въ байковомъ сюртукѣ,

для меня крайне важно добиться свиданія съ докторомъ Мюнцеромъ. Я непременно бы заѣхалъ къ нему на домъ, но боюсь, что и тамъ его также трудно будетъ застать, какъ и здѣсь. А потому, не заблаговолите ли вы ему передать, что, въ случаѣ ему неудобно будетъ обязать меня, заѣхавъ сегодня вечеромъ ко мнѣ, я прошу его назначить мнѣ свиданіе, когда и гдѣ ему заблагоразсудится. Не откажите, любезнѣйшій герръ докторъ...

— Извините меня на минутку, господинъ президентъ, перебилъ эту елейную рѣчь докторъ Гольмъ. Сами знаете, дружба дружбой, а служба службой.. Ну, что Каіусъ, какъ подвигается руководящая статья? Очищена ли она, наша голубушка, отъ опечатокъ?

— Вотъ она, отвѣчалъ господинъ въ байковомъ стуртукѣ, полуобаричиваясь на стулѣ и подавая листъ лѣвою рукою. Могучая эта рука дрожала и на помертвѣломъ его лицѣ выступили крупныя капли пота.

— Раді Бога, воскликнулъ Гольмъ, что съ вами? На васъ лица нѣтъ.

— Я свалился съ лѣстницы и, кажется, сломалъ себѣ правую руку.

— Въ умѣ ли вы, дружище! воскликнулъ Гольмъ, который при этихъ словахъ и самъ поблѣднѣлъ не меньше своего собесѣдника. И въ такомъ состояніи вы могли проспѣть здѣсь цѣлый часъ?

Мрачная усмѣшка мелькнула на лицѣ страждущаго.

— Такъ вамъ самимъ пришлось бы держать корректуру, а у васъ, я знаю, и своего дѣла по горло; я же именно эту статью,— и при этомъ помутившіеся глаза его мрачно глянули на президента,— не могъ довѣрить никому постороннему.

Корректоръ хотѣлъ встать, но при этомъ движеніи сломанная рука сдвинулась съ мѣста. Страшная боль вырвала у етовка глухой вопль и онъ безъ чувствъ повалился на стулъ.

Докторъ Гольмъ кинулся къ двери, выходящей въ мастерскую наборщиковъ, распахнулъ придѣланное въ ней окошечко и принялся кричать во все горло: «помогите; помогите.» Комната наполнилась испуганными наборщиками, а онъ все продолжалъ кричать: «помогите, помогите.» Но вотъ отво

рилась дверь и, не выпуская узора изъ рукъ, съ моткомъ красной шерсти на шеѣ, вбѣжала сама тетушка Белла.

— Сердце мое чуяло, что мы наживемъ бѣды съ этимъ человѣкомъ. Что такое случилось, Гольмъ?

— Не трогайте его, у него рука сломана, крикнулъ Гольмъ рабочимъ, хотѣвшимъ поднять все еще безчувственного Каиуса.

— Въ умѣ ли вы, Гольмъ, голубчикъ? вмѣшалась тетушка Белла; развѣ можно его оставить здѣсь? Дайте-ка мнѣ лучше стаканъ воды. Вы, Ломанъ, бѣгите скорѣе за докторомъ, а вы съ Гартвигомъ несите его въ красную комнату. Вотъ такъ!

Но въ эту самую минуту Каиусъ привсталъ, мутными глазами окинулъ окружающихъ и мрачное лицо его приняло еще болѣе мрачное выраженіе.

— Мало того, что одинъ человѣкъ не годится въ работу, нужно еще было и вамъ всѣмъ побросать свое дѣло! Онъ всталъ на ноги и, поддерживая сломанную руку здоровою, продолжалъ:

— Я и одинъ дойду домой, потрудитесь отворить мнѣ дверь.

— Та, та, та! воскликнула тетушка Белла, ишь, что выдумалъ! Идти домой, гдѣ у него нѣтъ ни жены, ни души живой, которая бы за нимъ уходила. Оставайтесь-ка у насъ; слава Богу! у насъ и мѣста, и рабочихъ рукъ довольно. Мнѣ отъ брата житья не будетъ, если онъ вернется домой и узнаетъ, что мы васъ такъ отпустили.

Послѣдній аргументъ, казалось, подѣйствовалъ на этого загадочнаго человѣка. Онъ пробормоталъ какія-то непонятныя слова и послѣдовалъ за тетушкой Беллой.

— Уфъ! вздохнулъ докторъ Гольмъ, опускаясь въ кресло, когда они съ президентомъ остались одни. Я еще все не могу никакъ придти въ себя. Вотъ такъ желѣзная натура у этого Каиуса. Римлянинъ, настоящій Римлянинъ! Что скажете вы, господинъ президентъ? Водятся ли и въ вашихъ бюро такіе герои?

— Увы! кажется, что нѣтъ, отвѣчалъ президентъ.

— И чтобы дѣло, имѣющее за себя такихъ борцовъ, не восторжествовало! воскликнулъ докторъ Гольмъ, восторженно ударяя по столу кулакомъ, борцовъ, готовыхъ пожертвовать

за свои убѣжденія не только жизнь, это что! *dulce est pro patria mori* (новый ударъ по столу кулакомъ), но сидѣть со сломанной рукой и держать корректуру руководящей статьи!

— Я вижу однако, что вы не оставили свою старую гейдельбергскую привычку приправлять свою рѣчь латынью, замѣтилъ президентъ, направляясь къ двери.

— Благодареніе богамъ, не оставилъ, отвѣчалъ докторъ Гольмъ, провожая посѣтителя. Если бы и вы, герръ фонъ-Гогенштейнъ, покрѣпче держались своихъ университетскихъ привычекъ, намъ не нужно бы было писать статьи подъ заглавіемъ «in praesidentem.»

— Ха, ха, ха! засмѣялся президентъ, славно! славно! Прощайте, любезнѣйшій докторъ. Не забудьте передать вашему почтенному сотруднику...

— Не забуду, не забуду!

— А дуракъ этотъ человѣкъ, думалъ про себя президентъ, идя торопливыми шагами по галлерей. Да и всѣ-то они дураки собрались въ этомъ Ноевомъ ковчегѣ. Ну, да только бы мнѣ оберъ-дурака Мюнцера обработать, такъ и быть, не буду жалѣть, что побывалъ въ ихъ берлогѣ.

XXIII.

Оставивъ редакцію «Народнаго Вѣстника», президентъ клинулъ проѣзжавшаго извозчика и велѣлъ везти себя къ Антонію фонъ-Гогенштейнъ. Онъ засталъ Антонію какъ разъ въ ту минуту, когда она собиралась сдѣлать прогулку верхомъ и, должно полагать, вслѣдствіе этого обстоятельства, былъ ею принятъ не совсѣмъ то любезно. Президентъ объявилъ, что вовсе не желаетъ задерживать свою прелестную невѣстку и заѣхалъ только напомнить ей, что сегодня пріемный день его жены. Потомъ, болтая, какъ бы невзначай, онъ упомянулъ, что ожидаетъ сегодня же вечеркомъ соперника своего, доктора Мюнцера. При этомъ онъ вздохнулъ и замѣтилъ: если-бы я зналъ человѣка, который могъ бы склонить этого господина на нашу сторону и сдѣлать его безопаснымъ

для насъ... Однако я, болтая, и не замѣчаю, какъ вы кусаете съ досады свои прекрасныя губки и не дождетесь, чтобы я убрался. Такъ до свиданья, та belle, прѣзжайте пораньше.

Заложивъ руку за спину, президентъ отправился пѣшкомъ по узкимъ, шумнымъ улицамъ, кишѣвшимъ народомъ. Глаза его, устремленные на кончики щегольскихъ лаковыхъ полушапожекъ, видѣли между тѣмъ все, что вокругъ него происходило. На поклонъ послѣдняго ремесленника онъ спѣшилъ отвѣтить самымъ привѣтливымъ поклономъ. Встрѣтившемуся ему мальчику, который горько плакалъ надъ черенками новой кружки, выскользнувшей у него изъ рукъ, онъ подарилъ десятигрошовую монету и при этомъ проговорилъ (не столько обращаясь къ мальчику, сколько въ назиданіе обступившихъ его кумушекъ): если отецъ твой спроситъ, откуда у тебя деньги, отвѣчай: президентъ фонъ-Гогенштейнъ подарилъ. — Повстрѣчавшись съ процессіей, отправлявшейся въ церковь, онъ посторонился и простоялъ до тѣхъ поръ съ непокрытой головой, пока послѣдній богомолецъ не взомель на паперть. Это уваженіе къ церковному обряду произвело въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе на присутствующихъ, изъ которыхъ многіе знали президента, и знали, что ни онъ, ни семейство его не имѣютъ счастья принадлежать къ единой спасающей, католической церкви.

Но вотъ онъ выбрался въ другой, болѣе тихій кварталъ. Давненько таки не видалъ президентъ этихъ улицъ! А между тѣмъ было время, когда онъ часто сюда хаживалъ: тутъ въ одномъ домикѣ, выходившемъ своимъ узкимъ фасадомъ на небольшую площадь, поросшую травой, жила дѣвушка чудной красоты, которую страстно любилъ сверхштатный чиновникъ фонъ-Гогенштейнъ, и которая еще болѣе страстно любила его. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ чудною майскою ночью онъ прощался съ черноглазою Агатою, увѣряя плачущую дѣвушку, что ѣдетъ въ столицу за тѣмъ только, чтобы сдать второй экзамень, въ сущности же уѣзжая на долгіе годы. Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ Агату; онъ не зналъ, что съ нею случилось; какъ-то стороной только дошли до него слухи, будто она совсѣмъ сбилась съ пути и кончила тѣмъ, что умерла въ больницѣ сосѣдняго университетскаго города. Мало отраднаго было въ подобныхъ воспоминаніяхъ и президентъ

прибавилъ шагу, чтобы, поскорѣе дойти до той улицы, гдѣ, какъ ему было извѣстно, стоялъ домъ его брата. Одна сторона этой улицы была занята высокою, длинною монастырскою стѣною; дома же, стоявшіе по другой сторонѣ, были дотога схожи между собою, что президентъ сильно затруднялся отыскать между ними домъ господина фонъ-Гогенштейна. Наконецъ онъ рѣшился обратиться съ вопросомъ къ одной дамѣ, одѣтой въ трауръ, которая въ эту самую минуту вышла изъ одного изъ домовъ и стояла къ президенту спиною. На вѣжливое его «позвольте, сударыня, узнать...» она обернулась къ нему лицомъ, и каково же было удивленіе президента, когда онъ увидалъ передъ собою ту самую хорошенькую дѣвушку, которая, не далѣе какъ часъ тому назадъ, выглянула на него изъ окошка Шмицовскаго дома. Прелестное личико дѣвушки носило на себѣ явные признаки сильнаго горя и президенту даже показалось что эти большіе голубые глаза были заплаканы.

— Ахъ, сударыня! если не ошибаюсь, я имѣлъ уже удовольствіе видѣть васъ сегодня. Я близкій родственникъ семейства Шмицъ, а потому, я надѣюсь, вы извините мое любопытство узнать ваше имя; меня зовутъ фонъ-Гогенштейнъ.

— Мое имя—Оттилія Шмицъ, отвѣчала молодая дѣвушка, у которой при имени фонъ-Гогенштейнъ вся кровь кинулась въ лицо.

Близкій родственникъ семейства Шмицъ не на столько былъ свѣдуецъ въ генеалогіи этого семейства, чтобы чувствовать себя вполне удовлетвореннымъ такимъ короткимъ отвѣтомъ.

— А, вотъ какъ, фрейлейнъ Оттилія Шмицъ, воскликнулъ онъ, знаю, знаю. Вы, какъ я вижу, лишились недавно близкаго родственника, фрейлейнъ Шмицъ?

— Мой отецъ умеръ, отвѣчала Оттилія.

— Ахъ, вашъ батюшка! Какъ это прискорбно! Однако я васъ непростительнымъ образомъ задерживаю; надѣюсь, что я еще буду имѣть удовольствіе...

Президентъ отвѣсилъ низкій поклонъ и Оттилія съ легкимъ наклоненіемъ головы поспѣшно удалилась.

— Гм! недурна, пробормоталъ президентъ. Оттилія Шмицъ! племянница, должно быть, или тамъ родственница какая ни-

будь моей достойнѣйшей невѣстки, а можетъ въ скоромъ времени и съ ними Богъ приведетъ породниться. Однако, это должно быть, тотъ домъ, который я ищу. Ну да, конечно! и имя выставлено на дверь.

Президентъ позвонилъ и освѣдомился, дома ли господинъ штадтратъ.

— Господи, Иисусе! воскликнула «безтолковая» Урсула, бывшая когда то въ услуженіи у президента; вы ли это, господинъ президентъ? Вотъ такъ обрадуется баринъ. Пожалуйте вотъ сюда, въ кабинетъ, а я пока сбѣгаю про васъ доложить.

И Урсула, почти втокнувъ президента въ комнату, затворила за нимъ дверь. Президентъ съ любопытствомъ поглядѣлъ вокругъ себя; когда ему случалось думать объ отверженномъ братѣ, онъ всегда представлялъ себѣ его домашнюю обстановку какою-то бѣдною, тѣсною, мѣщанскою; но дѣйствительность висколько не соответствовала этому представлеію; кабинетъ штадтрата ни въ чемъ не уступалъ кабинету самаго президента.

На рабочемъ столѣ, заваленномъ бумагами, обратило на себя вниманіе президента раскрытое письмо, лежавшее такъ, что человѣку, обладавшему, подобно президенту, хорошимъ зрѣніемъ, легко было разобрать его на довольно далекомъ разстояніи:

Любезный мой племянникъ Артуръ!

Весьма пріятно мнѣ было узнать о выздоровленіи твоей жены; извѣстіе же о болѣзни сына твоего Вольфганга причинило мнѣ, напротивъ, превеликій *deplaisir*, ибо я въ мальчишкѣ принимаю участіе и намѣреваюсь оказывать ему всяческую протекцію. По этой самой причинѣ и писалъ я еще вчера брату твоему Гисберту и наказалъ ему принять Вольфганга въ свой полкъ; съ другой стороны, было бы мнѣ весьма желательно устроить марьяжъ между твоимъ сыномъ и младшею дочерью твоего брата Филиппа, о чемъ я нынче же собираюсь ему написать и на что онъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ же согласится, ибо человѣкъ онъ себѣ на умѣ и губа у него не дура.

А затѣмъ остаюсь:

твой любящій дядя Эбергардъ фонъ Гогенштейнъ.

— Эпел дѣло то зашло однако далеко, проговорилъ президентъ, поспѣшно отступая отъ стола. Хотя разъ въ жизни Клотильда не дала маху. Ну, теперь, конечно, другая будетъ рѣчь. Ахъ, здравствуй, любезный братъ! Какъ я радъ, что наконецъ таки могу поговорить съ тобою съ глазу на глазъ.

И президентъ съ распростертыми объятіями поспѣшилъ на встрѣчу брату но онъ невольно отступилъ при видѣ его блѣднаго, осунувшагося лица.

— Боже мой, Артуръ! ты вѣрно боленъ? Я пришелъ не во время?

— О нѣтъ, нѣтъ, я немного усталъ, вотъ и все, отвѣчалъ штадтратъ, сially улыбнуться; твой приходъ очень, очень меня радуетъ. Ты предупредилъ меня, я самъ сегодня вечеромъ собирался къ тебѣ. Важныя семейныя дѣла, о которыхъ я пока еще не знаю твоего мнѣнія.

— Прежде всего, любезный братъ, перебилъ его президентъ, скажи мнѣ, какъ поживаютъ твои? Какъ здоровье твоей жены? Какъ здоровье Вольфганга?

— Оба поправляются, можно даже сказать, совсѣмъ поправились. У насъ какъ разъ передъ твоимъ приходомъ происходило совѣщаніе, въ которомъ часто упоминалось о тебѣ и о твоихъ.

— Любезный Артуръ, заговорилъ президентъ, слегка дотрогиваясь рукою до руки своего брата, будемъ говорить откровенно, какъ и слѣдуетъ братьямъ. Это глупое многолѣтнее отчужденіе прошло, конечно, не безъ слѣдовъ, но мнѣ кажется, что мы еще сумѣемъ побесѣдовать на распахку души не хуже того, какъ бывало прежде, когда еще мы сидѣли рядомъ на школьной скамьѣ. Помнишь, у тебя способности были лучше моихъ; ты могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, если бы ты только не порвалъ съ своими кровными. Погоди, любезный братъ, дай мнѣ договорить. Видишь ли, братъ, потому то именно что я былъ такого высокаго мнѣнія о твоихъ дарованіяхъ, мнѣ и было такъ прискорбно видѣть, что ты ступилъ на путь, которое неизбѣжно должно было удалить тебя отъ насъ. Какъ глубока была моя печаль, объ этомъ ты можешь заключить изъ того, какъ велика была моя радость третьяго дня вечеромъ въ ратушѣ, когда я могъ передъ лицомъ всего городского

совѣта обнять въ тебѣ спасителя города. Любезный Артуръ! Постараемся наверстать потерянное тамъ? Какъ велико мое довѣріе къ тебѣ, ты можешь судить изъ того, что я къ тебѣ являюсь сегодня, такъ сказать, въ качествѣ просителя. Жена рассказала мнѣ цѣлую исторію о тайной привязанности, которую моя Камилла возымѣла будто бы къ твоему Вольфгангу, во время ихъ пребыванія въ Рейнфельденѣ; если вѣрить женѣ, то нѣтъ недостатка и во взаимности. Само собою разумѣется, все это было для меня совершенною новостью и я пріѣхалъ къ тебѣ собственно съ цѣлью узнать, не слыхалъ ли ты чего нибудь въ этомъ родѣ отъ Вольфганга или отъ жены? Ты видишь, я довѣряюсь тебѣ вполне; имѣй же и ты ко мнѣ полное довѣріе.

— Такъ ты, стало быть, не получалъ отъ дяди письма? спросилъ штадтратъ.

— Отъ дяди? ни полъ слова!

— И ты не знаешь, какой планъ составилъ дядюшка относительно Вольфганга? Вѣдь онъ желаетъ, чтобы Вольфгангъ бросилъ изученіе права и поступилъ въ военную службу.

— Въ первый разъ отъ тебя слышу, отвѣчалъ президентъ, съ мастерски поддѣланнымъ изумленіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, позволь же мнѣ прочесть тебѣ письмо, полученное мною отъ дядюшки.

— Сдѣлай одолженіе, мнѣ преинтересно будетъ прослушать его, отвѣчалъ президентъ и выслушалъ съ признаками живѣйшаго любопытства знакомое читателю письмо, въ которомъ штадтратъ, конечно, опустилъ послѣднія слова, столь мало лестныя для президента.

— Вотъ такъ новость! воскликнулъ президентъ. Но скажи же мнѣ, любезный братъ, какъ относятся ко всему этому твоя жена и твой сынъ? Какъ ты самъ, наконецъ, объ этомъ думаешь?

— Могу сказать тебѣ только одно, что Вольфгангъ любитъ Камиллу, онъ самъ намъ сознался въ этомъ съ женою. Что касается намѣренія дядюшки опредѣлить его въ военную службу, то она ему не совсѣмъ по душѣ. Ну, да это мало по малу уладится, только бы намъ въ главномъ то съ тобой не расходиться.

— Да мы и такъ, кажется, не расходимся, съ улыбкою замѣтилъ президентъ, протягивая брату руку.

Штадтратъ съ живостью схватилъ протянутую ему руку.

— Неужели это правда? проговорилъ онъ. Неужели мы, послѣ столькихъ лѣтъ отчужденія, сошлись другъ съ другомъ подъ вечеръ нашихъ дней?

— Ну, до вечера-то еще намъ съ тобой далеко, отвѣчалъ президентъ, улыбаясь. Я того мнѣнія, что наше съ тобой свѣтило еще не достигло и своего зенита, намъ предстоитъ еще выше подняться, только для этого мы должны идти рука объ руку.

— Не знаю, право, возразилъ штадтратъ; съ нѣкоторыхъ поръ я чувствую, что силы мои убываютъ. Куда дѣлась моя прежняя энергія!

— И, полно, перебилъ его президентъ, ты усталъ отъ черемѣрной работы, вотъ и все; если кто имѣетъ право чувствовать себя усталымъ, такъ это ты. Но будь увѣренъ, заслуги твои не останутся безъ награды; я вчера еще говорилъ о тебѣ съ оберъ-бургомистромъ, онъ считаетъ твое избраніе въ казначей дѣломъ рѣшеннымъ. Были и у меня тоже свои заботы; не легко жить нашему брату, въ особенности на нѣкоторой высотѣ чиновной іерархіи. Будемъ надѣяться, что нашимъ дѣтямъ будетъ легче житься на свѣтѣ. Вѣдь не правда ли? я могу сказать *наши дѣти*?

— Милый братъ, отвѣчалъ штадтратъ, раскрывая объятія.

— Однако мнѣ пора ѣхать, у меня еще куча дѣлъ; въ добавокъ же сегодня пріемный день моей жены. Вотъ бы тебѣ пріѣхать! У насъ собирается цѣлое общество, состоящее преимущественно изъ молодыхъ офицеровъ и хорошенькихъ дѣвушекъ... Кстати о хорошенькихъ! Кто была эта дѣвушка въ траурѣ, которая выходила изъ вашего дома въ то самое время, какъ я пришелъ?

— Племянница моей жены, дочь ея брата, умершаго на дняхъ. Жена моя питаетъ странную и не совсѣмъ то умѣстную привязанность къ своей роднѣ. Какъ разъ передъ твоимъ приходомъ у насъ было съ ней по этому поводу маленькое объясненіе.

— Ха, ха, ха! Могу себѣ вообразить, что, особенно те-

перь, это тебѣ не очень то на руку. Ну, да мало по малу все это устроится. До свиданія!

XXIV.

— Ты ужь опять уходишь изъ дому, Бернгардъ? проговорила Клерхень, видя, что Мюнцеръ, проработавшій нѣсколько часовъ сподрядъ за письменнымъ столомъ, бросилъ перо, собралъ бумаги и всталъ. Вѣдь ты обыкновенно позднѣе уходишь по вторникамъ?

— Мнѣ необходимо идти, разсѣянно отвѣчалъ Мюнцеръ, теперь у насъ идетъ самая жаркая работа.

— Бѣдный Бернгардъ! Сколько тебѣ хлопотъ! проговорила Клерхень, подходя къ мужу.

— А у тебя развѣ нѣтъ своихъ хлопотъ? отвѣчалъ Мюнцеръ, снова начиная рыться въ своихъ бумагахъ. Однако оставь меня Клерхень; ты знаешь, что я терпѣть не могу, чтобы мнѣ мѣшали, когда я собираюсь изъ дому; такъ вѣчно что нибудь да забудешь и всегда самое важное. Клерхень отошла въ сторону, дожидаясь, пока Бернгардъ самъ къ ней обратится. Но Бернгардъ къ ней не обратился. Прямо отъ письменнаго стола онъ направился къ двери. Въ ту самую минуту, какъ онъ взялся за ручку, Клерхень кротко проговорила:

— Ты забылъ одно неважное дѣло, Бернгардъ!

— Какое?

— Проститься со мною.

— Прощай, Клерхень!

И Мюнцеръ, улыбаясь, протянулъ руку женѣ. Клерхень бросилась въ его объятія и прижалась головою къ его груди; но въ ту же минуту она рванулась отъ него и отвернулась къ окну; между тѣмъ, Мюнцеръ успѣлъ замѣтить, что на глазахъ ея были слезы. Съ минуту онъ простоялъ въ нерѣшимости, какъ бы не зная, идти ли ему или оставаться, потомъ положилъ шляпу и бумаги на стулъ и подошелъ къ женѣ.

— О чемъ плачешь ты, Клерхень? спросилъ онъ. Клерхень обернулась къ нему, сдвигая улыбку.

— Такъ! и сама не знаю, отвѣчала она.

— Ты несчастна, Клерхенъ?

— Я бываю несчастна, когда ты несчастенъ; а я знаю, что ты несчастенъ.

Лицо Мюнцера омрачилось.

— Старая пѣсня! проговорилъ онъ.

— Старая пѣсня, которой намъ никогда не дойти до конца.

— Потому что ты все присочиняешь къ ней новыя строфы.

— Ничего я не сочиняю, Бернгардъ! Скажи, развѣ я сочиняю твою горе, твои заботы, твои безсонныя ночи? Вѣдь все это голая дѣйствительность.

— Ты то во всемъ этомъ чѣмъ же виновата?

— Очень многимъ. Тебѣ не слѣдовало на мнѣ жениться. Тебѣ надо было оставаться свободнымъ, а не связывать себя заботою о женѣ и дѣтяхъ.

Клерхенъ говорила такъ тихо и спокойно. Мюнцеру казалось, что его собственная душа глядитъ на него изъ ясныхъ, спокойныхъ глазъ его жены. У него не достало духу гдѣть, онъ могъ только отвѣтить:

— И что жъ ты думаешь, мы были бы тогда счастливѣе?

— Не знаю, Бернгардъ, но самъ же ты мнѣ говаривалъ, что между нами не должно быть тайнъ. Было бы лучше, если бы я поняла это ранѣе. То есть, понимать—то я давно понимала, но... ты знаешь, я не всегда умѣю высказать, что у меня лежитъ на душѣ.

— Было бы лучше, проговорилъ Мюнцеръ глухимъ голосомъ; да, Клерхенъ, но, быть можетъ, не на тебѣ одной лежить вина; быть можетъ, и я могъ бы быть откровеннѣе. Ну, да будемъ благоразумнѣе на будущее время; вѣдь намѣренія у насъ обоихъ хорошия, не будемъ же сами себя дѣлать еще ненужное горе, объ этомъ сама жизнь достаточно позаботится. Прощай, Клерхенъ, не тужи, наши дѣла еще могутъ поправиться.

Онъ обнялъ жену, поцѣловалъ ее и, не оглядываясь, вышелъ изъ комнаты.

Клерхенъ бросилась на диванъ и, закрывъ лицо руками, дала волю слезамъ. Всякій, кто увидѣлъ бы ее въ эту минуту, не узналъ бы въ ней ровную, спокойную Клерхенъ. Нѣсколько минутъ спустя, она сдѣлала надъ собою усилие, дви-

женіемъ, скорѣе гнѣва, чѣмъ печали, отерла слезы и, подпервъ голову рукою, устала въ землю сумрачный взглядъ.

— Наши дѣла еще могутъ поправиться, повторила она про себя: какимъ тономъ онъ это сказалъ! Онъ и самъ этому не вѣрить. Имъ нечего было бы и поправляться, если бы онъ меня любилъ, если же онъ меня не любитъ, то какъ они могутъ поправиться? А онъ меня не любитъ, не любитъ онъ и дѣтей своихъ. Мы для него не болѣе, какъ бремя, которое онъ несетъ по необходимости, потому что онъ слишкомъ гордъ, чтобы сознаться, что женитьба его была ошибкой. Но и я не уступлю ему въ гордости; дѣти на столько же мои, на сколько и его; мы не будемъ обременять его долге. Я возвращу ему свободу; пускай ничто не стѣсняетъ его въ его дѣятельности, пускай онъ болѣе не тратитъ на насъ свои силы. Мы уйдемъ отъ него... куда нибудь далеко, чтобы онъ совсѣмъ забылъ про насъ.

И снова при этой мысли слезы быстрѣе полились изъ глазъ Клерхенъ.

— Но можетъ ли онъ насъ забыть? Можетъ ли онъ забыть все, что мы прожили и выстрадали вмѣстѣ? Гдѣ найдеть онъ другую, которая полюбила бы его такъ же вѣрно, какъ я его любила? Что, если онъ въ горѣ и болѣзни, всѣми покинутый, снова пожелаетъ, чтобы мы къ нему возвратились? О боже мой, боже мой! что же мнѣ дѣлать?

И несчастная молодая женщина протянула руки къ безотвѣтному небу, подобно утопающему, который чувствуетъ, что силы его покидаютъ; еще мгновение — и онъ пойдетъ ко дну.

— Маменька, маменька, гдѣ ты? раздались въ эту минуту веселые голоса дѣтей, возвратившихся изъ школы съ порядочнымъ запасомъ аппетита.

Клерхенъ осушила глаза и откликнулась дѣтямъ.

Между тѣмъ Мюнцеръ направлялся тѣсными, извилистыми улицами къ редакціи.

— Видно такъ и быть должно, говорилъ онъ про себя, медленными шагами подвигаясь впередъ, чтобы сыну чело-вѣческому не было куда голову преклонить. Но будь спокойна, Клерхенъ, если я не могу тебя любить такъ, какъ бы ты желала и какъ ты заслуживаешь, то это потому, что я люблю другую женщину. Та красавица, которая третьяго

дня глядѣла на меня съ такимъ торжествующимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла сказать: «сколько ты ни протився, ты все таки мой,»—слишкомъ поторонилась торжествовать побѣду. Вѣдь все это не болѣе, какъ старая игра воображенія; а я съумѣю разорвать оковы воображенія, какъ порвалъ и другія оковы, которыя человекъ самъ на себя наложилъ въ своемъ безуміи.

Въ этихъ безплодныхъ размысленіяхъ, не приносившихъ ему ни отрады, ни свѣта, прошла для него дорога вплоть до дома Петра Шмица. Переступая черезъ порогъ этого дома, онъ вздохнулъ глубоко, точно тяжелое бремя спало у него съ души. Тутъ, по крайней мѣрѣ, его ожидалъ трудъ, суровый, неумолимый трудъ, передъ строгимъ лицомъ котораго бѣжали преслѣдованія его Эвменеды.

Въ редакціи онъ засталъ доктора Гольма, который все еще не могъ успокоиться послѣ потрясающихъ происшествій съ Каіусомъ. Каіусъ, этотъ желѣзный человекъ, настоялъ таки на томъ, чтобы его отпустили домой, на что, впрочемъ, тетушка Белла согласилась не ранѣе, какъ получивъ отъ доктора увѣреніе, что исполненіе желанія больного будетъ способствовать его успокоенію. Петра Шмица цѣлое послѣ—обѣда не было дома и докторъ Гольмъ былъ душевно радъ прибытію человека, которому онъ могъ высказать все, что накопѣло у него на душѣ. Онъ находился въ самомъ сообщительномъ расположеніи духа, но на бѣду докторъ Мюнцеръ былъ молчаливѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго. И Гольмъ, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ завести разговоръ, принужденъ былъ замолчать. Но вотъ къ вечеру, когда вся работа была сдѣлана и послѣдній корректурный листъ сданъ въ окошечко типографіи, Мюнцеръ потянулся за новымъ листомъ бумаги и снова окунулъ перо въ чернильницу, не вытерпѣвъ бѣдный Гольмъ и воскликнулъ:

— Послушайте однако; Мюнцеръ, вѣдь ужъ поздно и мнѣ кажется, что вы за глаза довольно поработали за тѣ гроши, которые приходятся на вашу долю.

— Я, любезный Гольмъ, работаю не для денегъ, отвѣчалъ Мюнцеръ.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ для чего же? Ужъ не для всего ли человѣчества?—Любезный мой Мюнцеръ! Чело-

вѣчество и само о себѣ позаботится и вовсе не нуждается, чтобы мы изъ-за него распинались.

— Я знаю, любезный Гольмъ, что никто менѣе васъ не способенъ на подобный подвигъ самростязанія.

— О, да, боги Олимпа мнѣ въ томъ свидѣтели, и я горжусь этимъ. Человѣкъ не рожденъ для того, чтобы быть свободнымъ, сказалъ старикъ Гете, и если изрѣченіе это, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его старикъ, безспорно справедливо, то не менѣе справедливо и то, что человѣкъ не рожденъ быть и вычнымъ животнымъ.

— Однако, любезный Гольмъ, вы начинаете говорить колкости.

— *Tertium comparationis* или, какъ гласитъ классическая латынь, *tertium comparationis*! Самая же суть сравненія состоитъ въ томъ, что вы взваливаете себѣ на плечи такія тяжести, которыя вамъ не подъ силу, хотя никто менѣе меня не позволяетъ себѣ сомнѣваться въ вашей великой силѣ. Къ тому же, если вообще жертвовать собою для идеи имѣетъ какойнибудь смыслъ, то все же, по моему, позволительно это только тогда, когда человѣкъ, такъ сказать, заплатилъ остальные свои долги.

— У меня никакихъ нѣтъ долговъ, любезный Гольмъ.

— Вотъ въ томъ то и бѣда, что за вами не водится никакихъ общечеловѣческихъ погрѣшностей, которыя напоминали бы вамъ, что вы ничѣмъ не лучше добрыхъ людей. Я демократъ до мозга костей, а потому ненавижу всякую аристократію, въ томъ числѣ и аристократію добродѣтели. Древняне, по моему, были совершенно правы, что подвергли черезъ чуръ уже праведнаго Аристиды остракизму. И съ какою это стати вдумалось этому чловѣку, что онъ непременно долженъ быть лучше Павла или Петра? Но возвратимся къ вамъ...

— Скоро вы кончите вашу рѣчь? спросилъ Мюнцеръ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, скоро ли она произведетъ желанное дѣйствіе. И такъ, чтобы возвратиться къ вамъ, у васъ, какъ вы говорите, нѣтъ долговъ, которые бремениаъ не одного честнаго малаго, за то у васъ есть младая жена и славныя дѣтки, а этого счастья не знаетъ иной счастлишій малый. Такъ вотъ, ради этой-то жены и этихъ дѣтокъ вы и обязаны стараться о сохраненіи бодрости душевной и тѣ-

леснаго здравія, которыхъ, при вашей напряженной работѣ, не на долго станеть. Слушайте-ка, Мюнцеръ! Шмицы собирались идти гулять, право, вамъ всѣмъ не мѣшало бы освѣжиться; самъ Шмицъ со вчерашняго дня ходитъ повѣся носъ; тетушка Белла смотритъ точно грозовая туча, и малютка Оттилія, только что пріѣхавшая изъ страны душистыхъ елей, просто, я думаю, задыхается въ этикъ старинныхъ, мрачныхъ, комнатахъ. А потому, Мюнцеръ, живѣе! Ступайте и приведите вашу милую подругу, мать прелестныхъ младенцевъ, и самихъ младенцевъ, коимъ мы должны уподобиться, если желаемъ войти въ царствіе небесное.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мюнцеръ, мнѣ нельзя.

— Почему же нельзя, повѣдайте мнѣ правду-истину, продолжалъ скандировать Гольмъ.

— Вы, повидимому, забываете, что я еще долженъ написать шестое и послѣднее посланіе «in praesidentem». Черезъ восемь дней выборы, надо же мнѣ къ этому времени вывести на свѣжую воду этого молодца.

Докторъ Гольмъ ударилъ себя рукою по лбу.

— «In Praesidentem!» Совсѣмъ было забыть разсказать вѣдь онъ былъ здѣсь.

— Кто, президентъ?

— Ну да, и непременно женалъ васъ видѣть. Онъ заѣзжалъ къ вамъ на домъ, либо собрался заѣхать, не упомяну что то. Онъ проситъ васъ, если это только возможно, побыть у него сегодня же.

— Что ему такое понадобилось?

— Про то знаютъ боги, я у него не спрашивалъ. Мнѣ номѣшало этотъ случай съ Каузомъ. Полагаю, что какіе нибудь переговоры по поводу выборовъ; быть можетъ, онъ хочетъ предложить намъ компромиссъ. Вы, конечно, не подумаете идти къ нему?

— А почему бы мнѣ не идти? Онъ мнѣ сдѣлалъ визитъ, простая вѣжливость требуетъ, чтобы я отдалъ ему этотъ визитъ. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, кажется мнѣ, что въ дѣло замѣшана наша газета. Благодаря нашей вялости, эти господа снова оправились на стѣлку, что могутъ подавить насъ силою. Но я скажу ему, что это ни къ чему не поведеть, что мы уже приняли свои мѣры. Это неправда, но онъ самъ

пройдоха, а потому непременно повѣритъ мнѣ. Не избѣгать же мнѣ встрѣчи съ этимъ человѣкомъ въ ту самую минуту, когда я пишу противъ него сатиру, вся ихъ партія сочтетъ это за трусость и будетъ права. Я иду.

Гольмъ покачалъ головою.

— Послушайте меня, Мюнцеръ, не ходите, не кидайтесь, очертя голову, въ опасность. У меня есть предчувствіе, что вы будете раскаяваться, что вы пошли.

— Что за малодушіе, воскликнулъ Мюнцеръ; всюду, куда взглянешь, грозятъ намъ опасности. Что же изъ этого? Я съ радостью брошусь имъ на встрѣчу; я чувствую потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ. Мнѣ такъ вотъ и кажется, что мы ни на шагъ не подвигаемся впередъ, что дѣло наше умерло еще въ мартѣ и что мы, сами того не подозрѣвая, рядимъ трупъ. Встрѣча съ моимъ противникомъ освѣжитъ меня; я выскажу ему шестое письмо въ лицо, такимъ образомъ я избавлюсь отъ необходимости писать его. И Мюнцеръ вышелъ изъ комнаты.

— Вѣдь вотъ, поди же ты, разсуждалъ докторъ Гольмъ, — съ большею противъ обыкновеннаго осторожностью ступая по скрипящимъ половицамъ галереи, потому что несчастный случай съ Каіусомъ напомнилъ ему о шаткости и хрупкости естества человѣческаго, — и умный человѣкъ этотъ Мюнцеръ, но во многихъ вещахъ его можно принять за помѣшаннаго.

XXV.

Возвратившись домой, президентъ нашелъ у себя письмо отъ Рейнфельденскаго дядюшки, въ которомъ старикъ коротко и ясно объявлялъ ему свою волю относительно Камиллы и Вольфганга. Съ этимъ письмомъ въ рукахъ президентъ отправился на половину жены и имѣлъ съ ней совѣщаніе, въ которомъ обѣ стороны, не въ примѣръ прочимъ супружескимъ совѣщаніямъ подобнаго рода, были совершенно согласны между собою. Переговоривъ съ женою, президентъ заперся въ кабинетъ съ новымъ своимъ камердинеромъ, Жаномъ, и пустился съ нимъ въ длинный, конфиденціальный раз-

говоръ, въ которомъ часто упоминались имена Антонія фонъ-Гогенштейнъ и доктора Мюнцера. Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ слуги, который прешель доложить, что докторъ Мюнцеръ дожидается въ передней и велѣлъ спросить, можетъ ли его принять господинъ президентъ.

— Подождите минуту, пока я позвоню, отвѣчалъ президентъ и, по удаленіи слуги, продолжалъ, обращаясь къ Жану: и такъ, рѣшено: сто талеровъ и, если по истеченіи года я буду вами доволенъ, хорошее мѣсто въ моемъ бюро; въ противномъ же случаѣ, вы знаете, что мнѣ коротко извѣстна вся ваша подноготная и что я умѣю заткнуть ротъ всякому, кто становится мнѣ поперекъ.

— Останетесь мною довольны, господинъ президентъ, отвѣчалъ Жанъ и несмышными шагами шмыгнувъ въ дверь президентской спальни.

Президентъ позвонилъ. Слуга отворилъ дверь и доложилъ: Господинъ докторъ Мюнцеръ.

— Какъ это любезно съ вашей стороны, заговорилъ президентъ, протягивая гостю свою бѣлую, узкую руку, которую тотъ однако будто и не замѣтилъ.

— Тутъ нѣтъ никакой любезности, господинъ президентъ, отвѣчалъ Мюнцеръ, ограничиваясь церемоннымъ поклономъ и усаживаясь въ кресло, на которое президентъ указалъ ему привѣтливымъ движеніемъ головы. Прошу васъ видѣть въ моемъ посѣщеніи не болѣе, какъ простую вѣжливость, несоблюденіе которой могло бы быть перетолковано не совсѣмъ пріятнымъ для меня образомъ.

Дипломатическая сдержанность этаго отвѣта не мало изумила президента. Не ожидалъ онъ встрѣтить въ этомъ отпѣтомъ демократѣ, въ этомъ агитаторѣ, въ авторѣ стиховъ, могучій паеосъ которыхъ всегда казался смутнымъ и напыщеннымъ черствому бюрократу, столько дѣлового хладнокровія, столько умѣнья держать себя въ обществѣ.

— Такъ, такъ отвѣчалъ президентъ, но вы согласитесь, что непредназначенная любезность цѣнится вдвойнѣ?

— Быть можетъ, вы и правы, господинъ президентъ, но извините меня: думаю, что вы не для того назначили свиданіе редактору Народнаго Вѣстника, чтобы разсуждать съ нимъ о томъ, какъ надо понимать слово: любезность. Не

соблаговолите ли вы прямо перейти къ дѣлу. Я догадываюсь, что рѣчь будетъ о нашей газетѣ, которая, надо сознаться, за послѣднее время не слишкомъ то приходится по сердцу правительству, которому вы служите представителемъ, и въ особенности вамъ лично.

— Почему же мнѣ въ особенности, многоуважаемый герръ докторъ? проговорилъ президентъ самымъ сладкимъ голосомъ. Ужь не потому ли, что Народный Вѣстникъ сдѣлалъ мнѣ честь подвергнуть мои дѣйствія по управленію нѣсколько длинному и, да будетъ мнѣ позволено сказать, слишкомъ тщательному разбору? Но! помилуйте! подобнаго рода непріятностямъ подвергается каждый сановникъ, если онъ живетъ въ свободной странѣ.

— Однако, проговорилъ Мюнцеръ съ худо скрытой ироніей, не слишкомъ то лестно должно быть для автора статей «in praesidentem» то слабое впечатлѣніе, которое онѣ произвели на президента фонъ-Гогенштейна. Послѣ этого, господинъ президентъ, вамъ, конечно, не такъ будетъ непріятно, какъ я ожидалъ, узнать въ вашемъ покорнѣйшемъ слугѣ пристыженнаго автора этихъ статей.

— Вы не говорите мнѣ ничего новаго, отвѣчалъ президентъ съ привѣтливою улыбкой, я и безъ того сдумалъ бы отличить благородную простоту слога доктора Мюнцера отъ чепухи, которую порюютъ наши дюжинные журнальные писаки.

— Извините меня, господинъ президентъ, если я снова позволю себѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой скорѣе перейти отъ введенія къ самому дѣлу, по которому вы желали меня видѣть.

— Но мы и такъ уже коснулись самаго дѣла, мой достойнѣйшій господинъ Мюнцеръ. Именно то обстоятельство, что человекъ съ высшими познаніями и умомъ становится на одну доску съ наемными писаками и сожалѣніе, вызванное этимъ обстоятельствомъ, какъ въ мнѣ, такъ и въ особахъ города, выше насъ съ вами поставленныхъ, и было причиною, заставляющею меня желать свиданія съ вами еще задолго до того времени, когда вы припали на себя редакцію Народнаго Вѣстника.

Мюнцеръ нетерпѣливо повернулся на своемъ стулѣ.

— Мнѣ весьма прискорбно сознаться, что все это ни мало

не уясняетъ для меня самую суть дѣла, проговорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ.

— Надѣюсь, что мы мало по малу дойдемъ до обоюднаго пониманія, отвѣчалъ президентъ все тѣмъ же тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Вѣдь было бы почти чудо, если бы мы сразу поняли другъ друга. Въ томъ-то и несчастье нашего времени, что всюду господствуетъ вавилонское смѣшеніе языковъ и что никто не понимаетъ языка своего сосѣда;— а между тѣмъ, какъ посмотришь, въ концѣ концовъ всѣ, хотя и различными путями, добиваются одного и того же.

— Не думаете ли вы, что корень различія лежитъ нѣсколько глубже? сказалъ Мюнцеръ, котораго этотъ разговоръ начиналъ интересоваться безъ его вѣдома. Ужъ не есть ли различіе нарѣчій не болѣе какъ естественное послѣдствіе различія понятій?

Президентъ пожалъ плечами.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, но часто во время этой ожесточенной полемики, которая въ настоящую минуту ведется и въ печати, и въ народныхъ собраніяхъ, и въ различныхъ ферейвахъ, мнѣ приходило на память слово, сказанное однажды старикомъ Гете, не помню о какомъ философѣ, тяжелый языкъ котораго сильно затруднялъ для поэта пониманіе его идей: — «Нужно сначала освоиться съ его языкомъ, сказалъ старикъ; какъ скоро вы узнали, что лошадь у него называется не лошадью, а *cavallo* и Богъ не Богомъ, а *Dio*, то чтеніе его становится легко.»—Мнѣ кажется, что и у насъ повторяется та же исторія. Вы желаете благосостоянія нашего непосредственнаго отечества, вы желаете единой, свободной и могучей Германіи, и я желаю, какъ того, такъ и другого. Но вы желаете всего этого сегодня же, тогда какъ я придерживаюсь убѣжденія, что несясь такимъ образомъ, сломя голову, мы ничего не достигнемъ; а потому и желалъ бы, чтобы наши общественные дѣятели рѣшались на третій и на четвертый шагъ не ранѣе, какъ подвергнувъ зрѣлому обсужденію первый и второй.

На губахъ Мюнцера дрожала насмѣшливая улыбка.

— Старая пѣсня, господинъ президентъ. Еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ было сказано, что безумно новое вино вливать въ старые мѣхи; а объ этомъ еще мечтаютъ лучшіе

люди вашей партіи, тѣ, которые, какъ вы говорите, чисто-сердечно желаютъ и благосостоянія своего непосредственнаго отечества и единой, свободной и сильной Германіи. Но мы твердо рѣшились не поддаваться обману льстивыхъ словъ и звучныхъ фразъ; мы хотимъ взять свою долю наслѣдства, которой насъ такъ долго лишали. Позвольте, господинъ президентъ, дайте мнѣ договорить; ко всему, что я уже сказалъ, мнѣ остается еще прибавить нѣсколько словъ, лично до васъ касающихся. Я писалъ противъ васъ не изъ чувства личной неприязни къ вамъ, не потому, чтобы я сомнѣвался въ вашихъ способностяхъ и познаніяхъ, но просто потому, что я на васъ хотѣлъ показать, что въ наши дни не бываетъ болѣе чудесъ, что ни одно благое начинаніе не можетъ спориться подъ руками тѣхъ, которые не отреклись отъ преданій стараго времени.

Въ пылу увлеченія, Мюнцеръ всталъ и началъ, по своему обыкновенію, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Рассказывая такимъ образомъ, онъ приблизился къ двери кабинета, выходящей въ гостинную. Съ нѣкоторыхъ поръ уже изъ гостинной доносился тотъ особенный шумъ, состоящій изъ гула голосовъ и изъ звона чайныхъ чашекъ, которымъ даетъ о себѣ знать многочисленное общество; но въ эту минуту Мюнцеру явственно послышался знакомый голосъ, отъ котораго вся кровь хлынула у него къ сердцу. Должно полагать, что и президентъ разслышалъ тотъ же голосъ; на его тонкихъ губахъ мелькнула насмѣшливая улыбка, которую скрылъ благосклонный полусвѣтъ, царствовавшій въ комнатѣ.

— Однако, я попрошу васъ, достойнѣйшій герръ Мюнцеръ, снова присѣсть на минутку, заговорилъ президентъ, хотя бы для того только, чтобы вы могли спокойно выслушать вашего противника. Во-первыхъ, я долженъ поблагодарить васъ за благородную откровенность, съ которой вы высказались объ отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ. Хотя мнѣ никогда и въ голову не приходило заподозрѣвать чистоту побужденій, руководствовавшихъ вашими нападками на меня, тѣмъ не менѣе, мнѣ пріятно было слышать новое увѣреніе въ этомъ изъ вашихъ устъ. Затѣмъ позвольте мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу вашихъ послѣднихъ словъ. Вы не вѣрите въ ис-

кренность добрыхъ намѣреній правительства и его органовъ. Я не стану пока доказывать вамъ, что подобнаго рода недоувѣрiе лишено основанiя; допустимъ, что все обстоитъ именно такъ, какъ вы говорили; позвольте же теперь спросить у васъ по совѣсти: можете ли вы попортившiйся механизмъ государственной машины замѣнить новымъ, лучшимъ? Можете ли вы на мѣсто упраздненныхъ чиновниковъ изъ рядовъ вашей партiи выставить новыхъ? Нѣтъ, не можете; и, будь я не президентъ фонъ-Гогенштейнъ, а одинъ изъ вашихъ друзей и единомышленниковъ, вы откровенно бы сознались мнѣ въ этомъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что вы должны довольствоваться старыми орудiями, такъ какъ у васъ нѣтъ подъ рукою новыхъ, которыми бы вы могли ихъ замѣнить; что, за неимѣнiемъ чистой воды, вы должны покориться необходимости полоскать государственное бѣлье въ грязной. Но кто же мѣшаетъ вамъ, и къ этому-то я и велъ всю рѣчь, кто мѣшаетъ вамъ постепенно примѣшивать къ старой водѣ свѣжую? Кто мѣшаетъ вамъ, говоря безъ метафоръ, самимъ принять участiе въ управленiи и употребить существующiя орудiя и учрежденiя къ достиженiю вашихъ цѣлей? Или вы думаете, мы воспротивились бы принятию васъ въ ряды наши? Могу васъ увѣрить, что нѣтъ; правительсто и само сознаетъ свои недостатки и ничего такъ не желаетъ, какъ обновить себя притокомъ свѣжихъ силъ. Вѣрьте мнѣ, мы умѣемъ отличать пустыхъ крикуновъ вашей партiи отъ людей дѣйствительно дѣльныхъ, людей, которые одни и имѣютъ самостоятельное значенiе среди этого сонма ничтожностей. У меня, герръ докторъ, и въ мысляхъ нѣтъ стараться пошатнуть васъ въ вашихъ убѣжденiяхъ посредствомъ грубой лести или какихъ бы то ни было обѣщанiй; я счелъ бы недостойнымъ себя сдѣлать вамъ предложенiе, которое вы бы съ негодованiемъ отвергли; но, при всемъ томъ, я долженъ сказать вамъ, что стоитъ вамъ захотѣть послужить правительству великими дарованiями и обширными свѣденiями и передъ вами откроется любой кругъ дѣятельности, какой вы только пожелаете себѣ избрать.

Мюнцеръ разслышалъ очень немного изъ послѣдней рѣчи президента, потому что въ эту самую минуту чья-то рука наигрывала на роялѣ въ гостинной отрывочные такты мело-

днѣ, слышанной имъ всего разъ и на вѣки врѣзавшейся у него въ памяти.

— Покорно благодарю васъ, господинъ президентъ, за лестное обо мнѣ мнѣніе, проговорилъ онъ разсѣянно; но все же мнѣ сдается, что въ дѣлѣ взаимнаго пониманія мы ни на волосъ не подвинулись впередъ. А между тѣмъ у васъ, какъ я слышу, собрались гости; я не желалъ бы быть вамъ помѣхою въ болѣе пріятномъ препровожденіи времени, а потому я попрошу у васъ позволенія удалиться.

— Зачѣмъ, куда вамъ спѣшить! уговаривалъ его президентъ. Правда, эта болтовня въ сосѣдней комнатѣ не совсѣмъ то пріятна, но вы на нее не обращайтесь вниманія. Право, такъ рѣдко удается перекинуться путнымъ словомъ съ путнымъ человѣкомъ.

Прежде, чѣмъ Мюнцеръ успѣлъ отвѣтить, распахнулись двери гостиной, изъ которой въ кабинетъ хлынулъ говоръ собравшагося тамъ многочисленнаго общества и свѣтъ зажженныхъ канделябровъ. На порогѣ показались двѣ дамы, изъ которыхъ одна, кажется, очень видная и полная, вовсе не была знакома Мюнцеру; другая же... О, слишкомъ хорошо былъ ему знакомъ этотъ прелестный образъ.

Первая дама посвѣшно подошла къ Мюнцеру.— Извините, любезный герръ докторъ, заговорила она,—навязчивое любопытство одной изъ самыхъ пламенныхъ вашихъ поклонницъ. Зная, что авторъ Розамунды сидитъ у мужа, я не утерпѣла и пришла лично съ нимъ познакомиться.

Мюнцеръ молча поклонился и взглядъ его невольно устремился на Антонію, темные глаза которой глядѣли на него съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ.

— Какъ давно дожидались мы съ дочерьюми этого случая! продолжала президентша. Какъ вы хотите, герръ Мюнцеръ, а вы должны мнѣ позволить представить вамъ моихъ дочерей.

— Извините меня, сударыня, отвѣчалъ Мюнцеръ, какъ вы сами видите, я не такъ одѣтъ, чтобы явиться въ вашей гостиной.

— И, полноте, что за церемонія! Мы всѣ здѣсь собрались за просто, en famille; не такъ ли, милая Антонія?

Антонія подошла къ Мюнцеру и торопливо шепнула ему:

— Останьтесь, мнѣ нужно съ вами поговорить. — И затѣмъ вслухъ: Не отказывайте намъ въ нашей просьбѣ, герръ докторъ! Сами вы знаете: *Noblesse oblige!* Кто васъ просилъ сочинять такую вещь, какъ Розамунда? Вотъ теперь вы должны покориться маленькой непріятности.

— Дайте мнѣ вашу руку, герръ докторъ, и позвольте мнѣ познакомить васъ съ моими дочерьми, проговорила президентша, увлекая Мюнцера въ гостинную. Между тѣмъ президентъ задержалъ Антонію въ кабинетѣ, шепнувъ ей: прошу васъ, невѣстушка, останьтесь, мнѣ нужно сказать вамъ слова два.

Очувившись, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни въ такой роскошной гостинной средоточіемъ всѣхъ взглядовъ, Мюнцеръ не испытывалъ ни униженія, ни неловкости. Гордость и досада наполняли его сердце, между тѣмъ какъ президентша, не выпуская его руки, знакомила его съ своимъ обществомъ.

— Однако, куда же дѣвались всѣ наши дѣвицы, проговорила президентша, назвавъ съ полдюжины именъ. Вѣрно опять сбѣжались послушать уморительныхъ разсказовъ Кеттенберга. Этотъ Кеттенбергъ, докторъ (живописецъ Кеттенбергъ, вы видали, конечно, на послѣдней выставкѣ его прекрасныя картины?) нашъ общій баловень, нашъ *enfant terrible*, какъ его прозвала моя Аврелія. Повѣса ужаснѣйшій, но пріятный малый. Молодежь такъ къ нему и льнетъ. Такъ и есть, вонъ онѣ куда забились. Вотъ моя Каммила, герръ докторъ. Аврелія, что это, какъ ты раскраснѣлась? А! вотъ и онъ, нашъ Папагено. Слушайте, Кеттенбергъ, если вы въ конецъ перевернете вверхъ дномъ понятія нашихъ молодыхъ дѣвушекъ, вамъ такъ дешево отъ меня не отдѣлаться!

— Помилуйте, сударыня, отвѣчалъ Кеттенбергъ, а я такъ напротивъ, рассчитываю на вашу благодарность. Быть можетъ, мнѣ этимъ способомъ и удастся привести содержимое этихъ прелестныхъ головокъ въ надлежащее положеніе.

— Ахъ вы, злоязычникъ! И вы все это позволяете ему, *mesdames*? Однако, герръ докторъ, вы меня извините, я должна васъ на минуту оставить; кто то еще пріѣхалъ.

И президентша бросилась на встрѣчу своему «милому, безцѣнному деверю,» штадтрату фонъ-Гогенштейну.

Обществу, собравшемуся въ этотъ вечеръ у президентши, какъ видно, на роду было написано изумляться и изумляться безъ конца. Не успѣли они надивиться появленію Мюнцера, какъ новымъ поводомъ къ удивленію послужилъ пріѣздъ штадтрата. Какъ видно, примиреніе раскаявшагося грѣшника съ своими не оставляло ничего желать. Всѣ присутствующіе обступили его съ изъявленіями самой задушевной пріязни, и долго бы пришлось лакею съ подносомъ лавировать около этой кучки, прежде чѣмъ штадтратъ могъ бы протянуть къ подносу руку, если бы изъ другой комнаты не подоспѣла на выручку прелестная Камилла и не подала чашку дядѣ съ такою милою, застѣнчивою улыбкою и такимъ взглядомъ, за который бы дорого далъ тутъ же находившійся Вилламовскій.

Едва поуспокоилось волненіе въ обществѣ, причиненное пріѣздомъ штадтрата, какъ въ залу вошли полковникъ и полковница Фонъ-Гогенштейнъ, въ сопровожденіи своихъ сыновей. Что касалось молодыхъ людей, то они были неизмѣнными посѣтителями еженедѣльныхъ вечеровъ президентши; за то родители являлись не иначе, какъ по особенному приглашенію, и всѣмъ было извѣстно, что обѣ невѣстки терпѣть не могутъ другъ друга. Но вотъ изъ устъ въ уста началъ передаваться слухъ о предстоящей помолвкѣ Камиллы съ Вольфгангомъ, сыномъ штадтрата. Теперь объяснялся, какъ нельзя лучше, сѣздъ всѣхъ родныхъ и продолжительный разговоръ Антоніи съ президентомъ въ его кабинетѣ; безъ сомнѣнія, гордая и своенравная Антонія была противъ этого брака и разсматривала его, какъ полу *mésalliance*. Понятно также становилось теперь присутствіе доктора Мюнцера: онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ семействомъ Шмицъ и былъ, къ тому же, наставникомъ Вольфганга. Приглашая его, хотѣли оказать вниманіе Вольфгангу.

Между тѣмъ, какъ почтенное собраніе судило и рядило обо всемъ этомъ, Мюнцеръ имѣлъ время обдумать свое болѣе нежели неловкое положеніе. Онъ понималъ, что дальнѣйшее его присутствіе въ этомъ домѣ будетъ поруганіемъ всѣхъ его убѣжденій, измѣною всему его прошлому; онъ далъ себѣ слово бѣжать отсюда, какъ только улучитъ удобную минуту переговорить съ Антоніей и сказать ей, чтобъ она не трудилась съизнова начинать съ нимъ игру. Но до тѣхъ поръ, онъ не могъ

уйдти; онъ не хотѣлъ, чтобы эта гордая женщина могла подумать, что онъ бѣжалъ отъ нея. Изъ освѣщенныхъ покоевъ онъ пробрался въ небольшую, уютную комнату, мягко устланную коврами, и опустился на бархатный диванъ, огибавшій колонну, на верху которой въ мраморномъ бассейнѣ билъ небольшой фонтанъ.

— Позвольте узнать, герръ докторъ, проговорилъ живописецъ Кеттенбергъ, съ которымъ онъ успѣлъ обмѣняться нѣсколькими словами, подсаживаясь къ нему на диванъ, какими поэтическими мыслями занялись вы въ настоящую минуту? Если у васъ не достаетъ матерьялу, то я могу помочь вамъ, указавъ нѣсколько богатыхъ сюжетовъ. Вотъ, хотъ бы маленькая Камилла, совѣтую вамъ изобразить ее сиреной. Сначала и я, какъ и всякій смертный, узрѣвшій въ первый разъ, вздумалъ было о ней вздыхать; но въ конецъ концовъ я предпочитаю сестру ея Аврелію; эта, я вамъ скажу, настоящій лѣтній день; ну, конечно, дѣло не обходится и безъ ливней, но для разнообразія и они имѣютъ свою прелесть. Она не такъ красива, какъ сестра, за то, мнѣ кажется, она не задумалась бы и минуту уйти за любимымъ человѣкомъ хотъ на край свѣта; а я люблю такіе темпераменты. Или, какъ вамъ нравится фрейлейнъ Жоржина, фонъ-Гинкель, вонъ та, съ роскошною рыжею косою и классически обнаженными плечами. Ну, эта скорѣе смахиваетъ на Фрину. Она предлагала мнѣ недавно изобразить ее купающейся Діаной, и, какъ бы вы думали, для кого предназначается этотъ портретъ? Для ся жениха. Жаль только, что она не дала мнѣ никакихъ инструкцій о томъ, долженъ ли я представить этого болбеса. Актеономъ и украсить его рогами, которыми она непременно наградитъ его безмозглый лобъ. Вы мнѣ не вѣрите? Даю вамъ слово, что ничего не прибавляю. О, да такія ли еще вещи я могъ бы поразсказать вамъ про всю эту честную компанію!

— Зачѣмъ же вы возвращаетесь въ этомъ обществѣ, которое вы такъ глубоко презираете? спросилъ Мюнцеръ.

— Гм! презирать то ихъ я, собственно, не презираю, отвѣчалъ Кеттенбергъ; я держусь того мнѣнія, что если бы на ихъ мѣстѣ очутились другіе, болѣе добродѣтельные люди и получили возможность вести такую же жизнь, то и изъ нихъ ничего бы иного не вышло. Тамъ гдѣ растенію дана

слишкомъ изобильная пища, оно непременно разрастетъ въ слишкомъ тучные побѣги; тамъ же гдѣ ему нѣтъ достаточного питанія, оно чахнетъ. Что до меня касается, я люблю югъ, и свѣтъ, и роскошь тропической природы, что же мнѣ дѣлать съ этимъ? Къ тому же я живописецъ, и не дурной живописецъ, судя по вашимъ же отзывамъ о послѣдней выставкѣ. Eh bien! матеріальное положеніе мое не такое, чтобы я могъ работать только для безсмертія; а коли такъ, то для кого же мнѣ и работать, какъ не для земныхъ боговъ? Отъ кого, кромѣ ихъ, дождусь я заказовъ и платы? Я люблю и свободу, хотя вы, конечно, этому и не повѣрите. Но искусство было мнѣ всю жизнь вѣрною женою и я не промѣняю его на любовницу, какъ бы та хороша ни была. А чтобы искусство могло ужиться со свободой, съ вашей свободой, этого я, клянусь вамъ, никакъ не могу взять въ толкъ. Вы стремились изгнать роскошь, а искусство—роскошь. Простой народъ не любитъ искусства, не умѣетъ цѣнить его. Однако я такъ заболтался, что и забылъ исполнить данное мнѣ къ вамъ порученіе.

— Порученіе? Ко мнѣ? Отъ кого бы это могло быть?

— Да, да, къ вамъ. Отъ кого? это трудно сказать; собственно говоря, отъ всего общества. Меня просили разузнать, правда-ли, что нашъ общій другъ, Вольфгангъ, (вѣдь я недавно познакомился съ нимъ въ университетскомъ городѣ, отличѣйшій онъ малый, надо ему отдать справедливость), правда-ли, что онъ женится на маленькой сиренѣ, Камиллѣ?

— Въ первый разъ слышу отъ васъ!

— Кромѣ шутокъ?

— Неужели это правда?

— А вы не вѣрите этому?

— Мнѣ было бы слишкомъ прискорбно этому повѣрить. Но подобный бракъ кажется мнѣ дѣломъ просто не мыслимымъ. Вольфгангъ—человѣкъ съ серьезнымъ, благороднымъ направленіемъ. Быть не можетъ, чтобы онъ далъ себѣ отвести глаза хорошенькой рожицей.

— Вы думаете, докторъ? А мнѣ такъ кажется, что подобнаго рода промахи не разъ уже случались съ самыми серьезными, благородными людьми; если не обманываетъ меня моя опытность, съ ними то они всего чаще и случаются. Что слухъ

этотъ не вовсе лишенъ всякаго основанія,—это вѣрно. Надо вамъ сказать, что мы съ маленькой Авреліей большіе приятели и она повѣряетъ мнѣ свои сокровеннѣйшія тайны. Она-то и увѣрила меня сегодня самымъ положительнымъ образомъ, что объ этомъ дѣлѣ не шутя хлопочуть. Не даромъ моему другу Вилламовскому, который совсѣмъ уже было надѣялся промотать въ конецъ свое состояніе рука объ руку съ Камиллой, натянули носъ и онъ, бѣдняжка, съ той поры старается потопить свое горе въ пуншевой чашѣ, вслѣдствіе чего его глупые, стеклянные глаза еще глупѣе обыкновеннаго смотрятъ на свѣтъ божій. Да и кузень Куно, тоже отверженный вздыхатель прекрасной Елены, что-то ужъ очень сталъ ратовать за послѣднее время противъ проклятыхъ выскочекъ, которымъ, будто бы, везетъ шальное счастье и помогаетъ имъ отбивать у порядочныхъ людей самыя лакомые кусочки. Наконецъ, что нибудь да значить этотъ общій съѣздъ всѣхъ Гогенштейновъ, которые лѣтъ двадцать не сходились между собою. А Камилла-то, Камилла-то! такъ и увивается вокругъ штадтрата!

— Перестаньте, довольно! воскликнулъ Мюнцеръ. У меня и такъ щемитъ сердце отъ всей этой разряженной нищеты. Скажите-ка мнѣ лучше, нельзя-ли какъ нибудь этою дверью пробраться въ сѣни?

— Ахъ вы, горячая голова! проговорилъ Кеттенбергъ; ну, да это вамъ къ лицу. Вы спрашиваете, можно ли пробраться этою дверью въ сѣни? Конечно можно. Изъ нея вы выйдете въ длинный корридоръ, а изъ корридора на лѣстницу. Меня и самого разбираетъ охота улетучиться вмѣстѣ съ вами, да маленькую Аврелію не хочется огорчить. Прощайте. Излейте ваше негодованіе въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихахъ, на душѣ у васъ сдѣлается легче. Addio.

Мюнцеръ пожалъ живописцу руку и направился указанною ему дорогою. Въ передней, которой ему надо было пройти, чтобы выбраться на лѣстницу, ему повстрѣчался лакей съ подносомъ въ рукахъ. Мюнцеру показалось, что онъ гдѣ-то видалъ это желтое, улыбающееся лицо; желтолицый поглядѣлъ ему вслѣдъ и проворчалъ:

— Ишь какъ бѣжить пріятель-то! Полоумный, право полоумный. Не глядитъ ни на право, ни на лѣво. Вотъ такихъ-то

подавай нашей барынѣ побольше; ну, да ужъ постойте, я же вамъ удружу, голубчики!

Спускаясь по лѣстницѣ, Мюнцеръ слышалъ за собою шорохъ женскаго платья; онъ не обращалъ вниманія, но въ ту самую минуту, какъ ливрейный швейцаръ распахнулъ передъ нимъ парадную дверь, онъ принужденъ былъ посторониться, чтобы уступить дорогу дамѣ, лицо которой было покрыто густой вуалью; дама прошла мимо его, кивнувъ ему головою.

У подъѣзда стояла щегольская карета, а кучеръ съ трудомъ сдерживалъ молодыхъ, горячихъ лошадей. Въ эту самую минуту, какъ незнакомка ступила на откинутую лакеемъ подножку, одна изъ лошадей стала на дыбы. Дамѣ видимо грозила опасность свалиться съ подножки и попасть подъ колесо; Мюнцеръ подскочилъ къ ней и поймалъ ее въ свои объятія. Она скользнула на землю и торопливо проговорила, хватая его за руку:

— Это я, Антонія. Вы хотѣли уйти отъ меня, но вѣдь я же вамъ сказала, что мнѣ нужно переговорить съ вами. Проводите меня; я должна сообщить вамъ объ одномъ важномъ дѣлѣ; оно касается не васъ однихъ. Что-жъ? согласны вы?

При первыхъ звукахъ ея голоса нервный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ Мюнцера; вслѣдъ за тѣмъ кровь прихлынула къ головѣ и къ сердцу этого гордаго человѣка и онъ угрюмо отвѣчалъ сквозь зубы:

— Хорошо, я поѣду съ вами, это будетъ лучше и для васъ, и для меня лучше.

Онъ посадилъ Антонію въ карету, самъ послѣдовалъ за нею и захлопнулъ дверцу.

XXVI.

Докторъ Гольмъ засталъ все семейство Шмицъ въ сборѣ. Петръ, заложивъ руки за спину, большими шагами расхаживалъ по комнатѣ; тетюшка Белла, по обыкновенію, вышивала; что же касается Оттиліи, то она праздно сидѣла, откинувшись на своемъ стулѣ, и, казалось, погрузилась въ какую-то думу. Не много нужно было проникательности, чтобы сразу за-

мѣтитъ, что какая-то черная туча нависла надъ этимъ семействомъ.

— Привѣтъ вамъ, друзья, и да пребываетъ веселіе въ сердцахъ вашихъ, воскликнулъ докторъ Гольмъ, пожимая руки Петру и тетущкѣ Беллѣ и раскланиваясь передъ Оттиліей со свойственной ему добродушной вѣжливостью.

— Какже, сердито проговорила тетущка Белла, — много у насъ причинъ веселиться!

— Сомнѣваюсь я что-то, въ этомъ, отвѣчалъ Гольмъ, садясь.

— А каковъ Каіусъ? обратился къ нему Петръ, не переставая снова въздъ и впередъ по комнатѣ.

— Герой, что и говорить.

— Дуракъ онъ и больше ничего! вмѣшалась тетущка Белла.

— Дуракъ? съ изумленіемъ повторилъ докторъ Гольмъ.

— Ну да! какъ же вы прикажете назвать человѣка, который сидитъ со сломанною рукой надъ вашею ученою чепухой, такъ что докторъ Брандтъ принужденъ былъ потомъ разрѣзать ему рукавъ? человѣка, который ни за что не хотѣлъ остаться у насъ, не хотѣлъ даже взять денегъ у Петра, гордо объявивъ, что у него всегда бываетъ припасено нѣсколько талеровъ на черный день?

— Были вы у Каіуса, Шмицорумъ? проговорилъ Гольмъ, избѣгавшій обыкновенно противорѣчить тетущкѣ Беллѣ, когда она находилась въ боевомъ расположеніи духа.

— Да, отвѣчалъ Петръ. Белла говоритъ сущую правду; онъ никого къ себѣ не хочетъ допускать, кромѣ Мюнцера. Дуришь онъ, этотъ Каіусъ.

— Эхъ, господа! Надо брать людей такъ, какъ они есть; оставьте каждому его странности; пускай каждый самъ себя тѣшитъ, лишь бы онъ не вредилъ этимъ другимъ. Я самъ не слишкомъ долюбиваю такихъ фанатиковъ, какъ этотъ Каіусъ. Когда онъ третьяго дня поступалъ къ намъ корректоромъ, я сказалъ Мюнцеру, что не нравится мнѣ этотъ человѣкъ. — Да мнѣ-то онъ нравится, отвѣчалъ Мюнцеръ; онъ бѣденъ и несчастенъ. — Славный то былъ отвѣтъ и съ той поры я ничего болѣе знать не хотѣлъ, какъ только то, что онъ бѣденъ и несчастенъ.

— Не о томъ рѣчь, Гольмъ, голубчикъ, нравится онъ намъ

или нѣтъ, перебила его тетушка Белла, а о томъ, умно-ли отвергать помощь, которую отъ души предлагаютъ? Вотъ вы всѣ толкуете о братствѣ да о демократическихъ принципахъ, а чуть дѣло коснется до васъ, вы и замыкаетесь сами въ себя; выходитъ, что старая-то гордость и самолюбіе даютъ себя знать. Однако, Оттилія, пойдѣмъ одѣваться, пора! Вѣдь вы съ нами идете, Гольмъ?

— Всюду, куда прикажете, прелестныя женщины.

— Рупертусы звали насъ и Мюнцеровъ сегодня къ себѣ и взяли съ насъ слово привести и васъ съ собою, вмѣшался Петръ Шмицъ.

— Къ Рупертусамъ, такъ Рупертусамъ, проговорилъ докторъ Гольмъ. У нихъ мы найдемъ привольный садъ и вино искрометное.

— Скажите, пожалуйста, Шмицъ, что тутъ у васъ такое творится? спросилъ Гольмъ, оставшись съ Петромъ съ глазу на глазъ. У малютки глаза заплаканы, тетушка Белла обрѣтается въ боевомъ расположеніи духа; сами вы смотрите сѣн-тябремъ. Что случилось?

— Такъ, пустяки, отвѣчалъ Шмицъ, проводя рукою по глазамъ.

— Ну, какъ хотите, проворчалъ Гольмъ. Слышали вы, что здѣсь былъ президентъ и желалъ переговорить съ Мюнцеромъ?

— Ахъ да, мнѣ Белла говорила, разсѣянно отвѣчалъ Петръ, только я совсѣмъ было забылъ про это.

Гольмъ покачалъ головою; видно крѣпко былъ озабоченъ Петръ, что такъ равнодушно относился къ факту, который во всякое другое время за живое бы его затронулъ.

— Ну, а что вы скажете на то, что Мюнцеръ принялъ приглашеніе президента побывать у него на дому и въ настоящую минуту вѣроятно уже тамъ?

— Быть не можетъ! воскликнулъ Петръ.

— Я говорю вамъ сущую правду.

— Вы говорите, что Мюнцеръ начинаетъ явкаться съ нашими злѣйшими врагами, заговорилъ Петръ, наступая на Гольма, съ этимъ президентомъ, льстивымъ и двоедушнымъ, какъ все отродье этихъ Гогенштейновъ, чтобъ имъ...

Онъ ударилъ себя рукою по лбу.

— Не дури, Петръ, успокойся, проговорилъ онъ и, подойдя къ окну, принялся барабанить по стеклу пальцами.

— Послушайте, Шмицорумъ, заговорилъ Гольмъ, сколько вы тамъ ни отпѣкивайтесь, я вижу, что не совсѣмъ то пустяжная неприятность приключилась съ вами; но, какъ бы то ни было, помните, что «погнѣвъ и Патрокль, а онъ былъ не тебѣ чета; это не первое и не послѣднее горе въ вашей жизни; вы знаете сами, что и меня также судьба не баловала; но я скажу вмѣстѣ съ мудрецомъ: «все суета суетъ и всяческая суета». Вся суета только въ томъ, чтобы быть и остаться веселымъ и милымъ, на зло всѣмъ плутамъ и мошенникамъ. При этомъ — все остальное пустяки. Однако пойдѣте, я уже слышу, какъ тетушка Белла гремитъ своими ключами.

Когда наше маленькое общество вошло къ Клерхенъ Мюнперъ, чтобы захватить ее съ собою, молодая жепщина была уже совсѣмъ на готовѣ. Гольмъ объявилъ ей, что мужъ ея и на этотъ разъ не можетъ сопутствовать имъ, что онъ въ хлопотахъ по случаю выборовъ; извѣстіе это, повидному, подействовало на нее самымъ тягостнымъ образомъ. — Въ такомъ случаѣ и намъ нечего идти, Карлуша, проговорила она, снимая шляпу. Маленькій Карлъ принялся плакать и требовать, чтобы ему объяснили, за что же онъ дѣло послѣобѣда просидѣлъ дома, читая уроки, если его не пустятъ къ Вильгельму Рупертусу? Не малыхъ трудовъ стоило доктору Гольму уговорить Клерхенъ снова надѣть шляпу и взять въ гости маленькаго Карла.

Когда все общество тронулось въ путь, Гольмъ повелъ подъ руку тетушку Беллу, между тѣмъ какъ Петръ Шмицъ занялся двумя другими дамами. На дворѣ уже сильно стемнѣло, но все еще было душно, какъ днемъ. Гольмъ шелъ съ непокрытой головою и, то и дѣло, вопрошалъ: скоро-ли повѣтъ на нихъ рѣка своею живительною прохладою?

— Да будетъ вамъ твердить одно и то же, Гольмъ, перебила его тетушка Белла, вѣдь вы этимъ нисколько не сократите путь.

— Точно также, какъ вы вашими печальными глазами не устраните причину вашей печали, возразилъ Гольмъ, переходя въ серьезный тонъ.

Тонъ этотъ былъ коротко знакомъ тетушкѣ Беллѣ и она

поняла, что неизмѣнный ея другъ хочетъ доставить ей случай высказать все, что у нея накопило на душѣ. Ей и самой давно этого хотѣлось; она тотчасъ же залилась слезами и проговорила:—ахъ, Гольмъ, голубчикъ, если бы вы знали, какая бѣда стряслась надъ нами.

— Да, видно, не малая бѣда, коли вы считаете нужнымъ дѣлать изъ нея тайну, даже въ отношеніи меня.

— Чтобъ я стала отъ васъ таиться! воскликнула тетушка Белла, нѣтъ, я только выжидала удобной минуты, чтобъ вамъ все рассказать.

— Такъ говорите же скорѣе, нетерпѣливо молвилъ Гольмъ, Карлорумъ, ступай-ка немножко впередъ, а то ты мнѣ все подъ ноги подвертываешься.

— Дѣло въ томъ, начала тетушка Белла, осушая свои слезы, что бѣдный Евгенийъ оставилъ свои дѣла въ страшномъ разстройствѣ. Счетныя книги его были въ такомъ безпорядкѣ что Петръ немного могъ изъ нихъ понять; но адвокатъ, котораго Петръ нанялъ въ Тюрингенѣ, пишетъ намъ, то и дѣло, о поступающихъ на него новыхъ взысканіяхъ, такъ что Петръ не знаетъ, откуда онъ возьметъ денегъ, чтобы удовлетворить всѣхъ кредиторовъ. Можете себѣ вообразить, въ какомъ онъ, бѣдняжка, положеніи; онъ, который такъ дорожитъ незапятнанною честью своего имени, и что же? Теперь ему остается выбирать одно изъ двухъ: или разориться самому, или допустить, чтобы его единственный братъ былъ объявленъ послѣ смерти своей несостоятельнымъ должникомъ.

— Гм! не веселое положеніе, проворчалъ Гольмъ; такъ вотъ отчего у Оттиліи заплаканные глазки.

— Что вы, Гольмъ! съ жаромъ воскликнула тетушка Белла, Оттилія плачетъ совсѣмъ о другомъ; представьте себѣ... ну, да объ этомъ рѣчь впереди. Оттилія ничего не подозреваетъ. Какъ могли вы подумать, чтобы Петръ довелъ такія ужасныя вещи да свѣдѣнія бѣдной дѣвочки. Вы вѣдь знаете Петра, онъ безъ того жить не можетъ, чтобы не привязаться къ кому нибудь всею душою; такъ любилъ онъ Гретхенъ, да и до сихъ поръ любитъ; такъ полюбилъ онъ теперь свою малютку; онъ называетъ ее своею, какъ будто меня вовсе и на свѣтѣ не существовало и я не имѣю такого же права, какъ и онъ, считать ее своимъ дѣтищемъ. Ну, да обо мнѣ

никто не думаетъ, старая исторія! А между тѣмъ, я-то не могу не любить своихъ родныхъ, и день и ночь сукрушаюсь о томъ, какъ-то извернется Петръ. Скорѣе, чѣмъ допустить, чтобы Оттилія прочитала въ газетахъ о банкротствѣ отца, онъ отдастъ все до послѣдняго и съизнова примется за работу; въ который ужъ это будетъ разъ, я и не запомню. А это и до васъ касается, Гольмъ, голубчикъ; Петръ принужденъ будетъ тогда отказаться отъ издательства газеты и онъ сильно сомнѣвается, чтобы въ настоящее время, когда всѣ поохладѣли къ дѣлу революціи, нашлись новые акціонеры для такого демократическаго изданія. Я было сунулась посовѣтовать Петру, чтобы онъ сдѣлалъ газету не такую демократическою, но онъ на меня за это напустился: какъ де могу я совѣтовать ему, чтобы онъ предался реакціи? у меня, между тѣмъ, ничего дурного и въ мысляхъ не было; вѣдь я ни бельмеса не смѣлю во всей вашей политической путаницѣ.

И снова тетушка Белла привела въ дѣйствіе носовой платокъ.

— Гм! проворчалъ Гольмъ, дѣло то выходитъ скверное. Ну, да лишь бы Петръ оправился своими дѣлами, а о газетѣ, тетушка Белла, что тужить! Богъ съ ней совсѣмъ; все равно, рано или поздно, она прекратится. Я буду говорить съ вами откровенно, тетушка Белла; вы женщина разсудительная и выслушаете меня спокойно. Что вы тамъ совѣтовали Петру сдѣлать газету менѣе демократическою, это вы, съ вашего позволенія, пустое говорили. Но знайте, тетушка Белла, что постъ, на которомъ мы стоимъ, — пропавшій постъ. Другіе этого, конечно, ни за что не хотятъ допустить, но я человѣкъ со спокойнымъ взглядомъ на вещи и потому ясно вижу наше положеніе. Революція вспыхнула слишкомъ рано и всѣхъ насъ застала болѣе или менѣе въ располхъ. Дворяне, войска и чиновники успѣли уже оправиться отъ своего испуга и втайнѣ готовятъ намъ отпоръ. Буржуазія, къ которой принадлежитъ и нашъ добрый знакомый Рупертусъ, хнычетъ и требуетъ мира во что бы то ни стало; что же касается собственно народа, то у насъ нѣтъ въ немъ надежной точки опоры. Движеніе уже на исходѣ и недолго намъ придется ждать наступленія реакціи. Все это я веду къ тому, что дни нашей газеты сочтены; если окажется, что Народный Вѣстникъ имѣлъ благо-

приятное дѣйствіе на исходъ провинціальныхъ выборовъ, а что оно окажется, въ этомъ я не сомнѣваюсь, то онъ, по моему мнѣнію, не даромъ жилъ и можетъ умереть со спокойною совѣстью.

— Но вотъ что, Гольмъ, возразила тетушка Белла, вѣдь Петръ все свои надежды возлагалъ на успѣхъ газеты! Да и что станется наконецъ съ вами, съ Мюнцерами?

— Гм! промышаль Гольмъ, что касается Петра, то ему, какъ вы сами говорите, не впервые уже пролагать себѣ дорогу съизнова; оно конечно, подобнаго рода *tours de force* съ каждымъ годомъ становятся труднѣе; ну, да вѣдь за то и сила у Петра не дюжинная; я питаю безграничное довѣріе къ его уму, энергіи и мужеству; мнѣ все кажется, что заботиться о его судьбѣ было бы также излишне, какъ заботиться о хорошей и дурной погодѣ. Мюнцеръ на дняхъ отправится во Франкфуртскій сеймъ; такимъ образомъ передъ нимъ открывается новое поприще, которое, сдастся мнѣ, будетъ болѣе по немъ, чѣмъ газетная дѣятельность; мы и сами еще не знаемъ, какой великій дѣятель можетъ выдти изъ нашего пріятеля. Ну, а что касается меня....

Гольмъ помолчалъ съ минуту и голосъ его звучалъ нѣсколько глуше, когда онъ продолжалъ:

— Мнѣ всѣхъ хуже придется, я ужь человѣкъ не молодой; у меня нѣтъ ни несокрушимой энергіи Петра, ни блестящихъ способностей Мюнцера. Ну, да что за бѣда! Древній предвѣчный Отецъ, который одѣваетъ полевые лиліи, позаботится и о старикашкѣ Гольмѣ. Притязанія у меня небольшія, слѣдовательно и удовлетворить имъ легко. И такъ, тетушка Белла, не будемъ печалпться о будущемъ. Но вы еще не все мнѣ сказали, о чемъ плакала Оттилія?

— Видно, отъ васъ ничего не утаишь, отвѣчала тетушка Белла, которой въ сущности ничего такъ не хотѣлось, какъ облегчить свое сердце пылкимъ признаніемъ. Такъ слушайте же. Я вамъ уже рассказывала, какъ мила была съ нами Гретхенъ, когда мы пришли ее провѣдать третьяго дни вечеромъ. Вотъ мы зашли къ ней и вчера на минутку и Гретхенъ ласкала и цѣловала Оттилію такъ, что меня самое прошибла слеза; потомъ мы ушли, потому что Гретхенъ торопилась къ Вольфгангу. Сегодня я опять отправилась туда нашу

малютку, потому что ужь очень меня Гретхенъ просила ее присылать почаще. Оттилія застаеъ Гретхенъ въ слезахъ, точно богъ вѣсть какое несчастье случилось; первое, что пришло дѣвочкѣ въ голову, это то, что Вольфгангъ умеръ; она бросается къ теткѣ на шею и начинаетъ съ нею вмѣстѣ плакать. И что же оказывается? Нашъ любезный зятюшка не хочетъ, чтобы Оттилія ходила къ нему въ домъ; такова была суть всего; что наговорила Оттиліи Гретхенъ, стараясь, конечно, по возможности смягчить дѣло. Когда Оттилія съ заплаканными глазами воротилась домой, я не утерпѣла, и дернуло же меня рассказать все Петру, точно я не знала, что эта новая выходка нашего дражайшаго зятюшки разстроитъ его пуще всего. Просто, какъ вспомню объ этомъ, такъ бы вотъ взяла да сама себя и побила.

— Отъ этого ни вамъ, ни Петру не было бы легче; замѣтилъ Гольмъ; а я вамъ лучше вотъ какой совѣтъ дамъ: заключите-ка между собою союзъ для противодѣйствія грустному настроенію, которое безъ того совсѣмъ овладѣетъ нашимъ маленькимъ обществомъ. Хотите?

— Конечно хочу, мой милый Гольмъ, съ жаромъ подхватила тетушка Белла. Ваша правда; надо же положить конецъ этому вѣчному оханью и аханью. Замѣтили вы, какъ печальна сегодня Клерхенъ? Помяните мое слово, не добромъ они кончатъ съ мужемъ. Они другъ другу не пара; онъ ея не стоитъ. Я всегда это говорила и буду на этомъ стоять. Однако, мы ужь и пришли! Какъ коротка показалась мнѣ сегодня дорога.

Rentier Вильгельмъ Рупертусъ, передъ очаровательной виллою котораго остановилось усталое общество, былъ съ давнихъ поръ знакомъ съ семействомъ Шмицъ, съ Мюнцеромъ же и съ Гольмомъ онъ познакомился только въ началѣ этого года, со времени основанія Народнаго Вѣстника. Вильгельмъ Рупертусъ былъ достаточно богатъ, чтобы позволить себѣ нѣкотораго рода вольнодумства, тѣмъ болѣе, что правительство выказало въ отношеніи его непростительную забывчивость, не догадавшись почтить челоуѣка, столь вліятельнаго въ родномъ городѣ, ни чиномъ совѣтника коммерціи, ни орденомъ голубого орла четвертой степени, и вообще, не позаботив-

шлись сдѣлать его довольнымъ и консерваторомъ. Это чувство признанности его заслугъ проглядывало во всей особѣ Вильгельма Рупертуса; онъ любилъ, ни къ селу, ни къ городу, приводить мѣста изъ знаменитаго монолога Валленштейна, какъ напр. «Ты достигъ своей цѣли, Октавій?»—или:—«вы обрубали красу вѣтвей»—или:—«и вотъ я стою обнаженнымъ стволомъ!» Не было человѣка, который имѣлъ бы менѣе поводовъ сѣтовать на свою судьбу, какъ герръ Вильгельмъ Рупертусъ; въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, обладатель значительнаго состоянія, мужъ прекрасной, умной женщины, которою онъ не даромъ гордился, отецъ прелестныхъ, цвѣтушихъ малютокъ, наконецъ, добрѣйшей души человѣкъ, никому на своемъ вѣку не сдѣлавшій зла, казалось, чего бы онъ могъ еще желать? А между тѣмъ, онъ былъ недоволенъ, и въ такой мѣрѣ недоволенъ, что, узнавъ о намѣреніи Петра Шмица основать Народный Вѣстникъ, тотчасъ же внесъ въ фондъ предпріятія значительную сумму. — Это своего рода Геростратъ, говаривалъ про него Мюнцеръ; акціи его на Народный Вѣстникъ тѣ же горячія головни, которыя онъ бросаетъ въ храмъ Діаны.

Супруги Рупертусъ самымъ разумнымъ образомъ приняли своихъ гостей и, полчаса спустя, все общество сидѣло за столомъ, уставленнымъ всевозможными яствами, въ восхитительной, недавно отдѣланной хозяиномъ виллѣ и выходившей балкономъ на берегъ рѣки.

Тетущка Белла и докторъ Гольмъ усердно хвалили новоселье своего амфитріона. Докторъ Гольмъ сравнилъ его съ царемъ баллады, который, съ своей кровли лжуя, въ сердцѣ своемъ обозрѣвалъ покоренный Самось и совѣтовалъ ему, для умилостивленія завистливыхъ боговъ, бросить въ воды рѣки какую нибудь драгоценность, хоть бы, на примѣръ, бутылку превосходнаго вина, которую онъ откупоривалъ въ эту минуту.

— Вамъ хорошо смѣяться, докторъ, отвѣчалъ Рупертусъ. Вы человѣкъ извѣстный; каждый уличный мальчишка знаетъ васъ; ни одинъ художникъ не пріѣзжаетъ въ нашъ городъ безъ того, чтобъ не явился къ вамъ и не попросилъ васъ о добромъ отзывѣ и покровительствѣ. Вы своего рода сила

если бы вы захотѣли, вы бы могли не хуже нашего друга Мюнцера мѣтить на депутатство. Я отъ многихъ слыхалъ подобнаго рода отзывъ:—вотъ, говорятъ, быль бы человекъ по васъ! да что съ нимъ подѣлаешь? Не кочеты! — А вотъ нашъ братъ и хотѣлъ бы, да не можетъ. Что я такое? Обнаженный стволъ безъ листьевъ, простой бюргеръ, глуный буржуа, какъ вы говорите въ своихъ кружкахъ. Нѣтъ, докторъ, куда ужъ намъ бросать въ Рейвъ дорогія вина.

— О боги! слышите ли вы хулу сего дерзновеннаго, воскликнулъ Гольмъ, поднимая глаза къ потолку.

— Что тамъ ни толкуйте, докторъ, а я все-таки правъ, возразилъ Рупертусъ. Каждому нужно имѣть какую нибудь точку опоры. У васъ, господа ученые, есть точка опоры въ вашей учености, вашей славѣ; мы же, темные люди, ничего не имѣемъ, кромѣ «себя самихъ», какъ говорилъ Валленштейнъ, или, какъ вы бы выразились, кромѣ нашего золота и того, что можно купить на золото. Неужели же послѣ этого вы поставили намъ въ вину, что мы придаемъ такую важность всей нашей домашней обстановкѣ и стараемся, чтобы у насъ все по возможности было хорошо? А что это не совсѣмъ легко достается, вотъ вамъ примѣръ: всѣ вы удостоили похвалить мой садъ; расположенъ онъ дѣйствительно недурно, но слишкомъ малъ и ему не достаетъ высокихъ, старыхъ деревьевъ, которыхъ такая гибель въ сосѣднемъ саду, принадлежащемъ г-жѣ фонъ-Гогенштейнъ. Вотъ, если бы я могъ соединить этотъ садъ съ моимъ, тогда было бы совсѣмъ другое дѣло. И чего-чего я не дѣлалъ, чтобы склонить его владѣлицу на продажу! Я предлагалъ ей въ четверо противъ настоящей цѣны, но она и слышать ничего не хочетъ. Оно конечно, садъ такъ густъ и украшенъ, что не выдастъ ни одной тайны, и въ этомъ отношеніи онъ неоцѣнимъ для моей очаровательной сосѣдки.

— Фи, Вильгельмъ! ужъ это не хорошо, перебила его жена.

— Чтожъ, я вовсе не хочу злословить про эту даму, возразилъ Рупертусъ; я повторяю только то, что говорить дѣлать свѣтъ. Самъ я съ нею не знакомъ, выдалъ ее только, и пороша же она собой! надо ей отдать справедливость. Кста-

ти, фрау Мюнцеръ! какого мнѣнія о ея красотѣ вашъ супругъ? вѣдь онъ знатокъ по этой части.

— Мой мужъ? проговорила Клерхенъ и содрогнулась при этомъ, какъ будто очнувшись отъ сна; но Бернгардъ, кажется, ни разу и не видалъ ея.

— Ха, ха, ха! засмѣялся Рупертусъ; вотъ такъ умѣнье хранить тайну! однако я, какъ вижу, не у мѣста проболтался.

— О чемъ и о комъ? съ серьезнымъ видомъ спросила Клерхенъ.

— И все-то ты пустяки говоришь, замѣтила фрау Рупертусъ.

— Да ну же! будетъ вамъ за душу-то тянуть, говорите скорѣе, не-то бѣдняжка вообразить, что у васъ тамъ и въ самомъ дѣлѣ богъ знаетъ какія тайны завелись, сердито проговорила тетушка Белла.

— Но, Боже мой! сами же вы мнѣ не даете слова сказать, воскликнулъ герръ Рупертусъ. Не хочу же я, въ самомъ дѣлѣ, на вѣки лишить доктора Мюнцера чести и добраго имени. Чтожъ тутъ такого, что третьяго дня, когда народъ столпился передъ домомъ фрау фонъ-Гогенштейнъ и позволилъ себѣ разныя буйства, Мюнцеръ вмѣшался въ это дѣло и сказалъ народу съ балкона этого дома великолѣпную рѣчь? Вѣдь и каждый изъ насъ поступилъ бы точно также, развѣ съ тою только разницею, что не съумѣлъ бы сказать такую рѣчь; по крайней мѣрѣ, что до меня касается, то я положительно бы не съумѣлъ. А теперь, господа, предлагаю вамъ вышить за здоровье нашего отсутствующаго друга, доктора Мюнцера.

Такимъ образомъ благополучно пронеслась бѣда, которую, самъ того не желая, накликалъ Рупертусъ. Гольмъ и тетушка Белла не пожалѣли трудовъ и усилій, чтобы поддержать веселый и шуточный разговоръ. Гольмъ признался тетушкѣ Беллѣ въ любви, которою онъ, будто бы, въ тайнѣ горѣлъ къ ней за послѣднія двадцать пять лѣтъ; по увѣренію его, одно только обстоятельство и мѣшало ему до сихъ поръ сдѣлать ей формальное предложеніе. Дѣло въ томъ, что, не смотря на свой внѣшній демократизмъ, онъ тайлъ въ своемъ сердцѣ нѣкоторое присграстіе къ знатности рода и еще въ ранней юности далъ себѣ слово жениться не иначе, какъ на дво-

рянкѣ. А такъ какъ до сихъ поръ оставалось нерѣшеннымъ вопросомъ: дѣйствительно ли принадлежитъ семейству Шмицовъ на половину естершійся, но безспорно дворянскій гербъ, красовавшійся надъ дверью ихъ дома, то онъ и принужденъ былъ томиться въ одиночествѣ, поджидая рѣшенія этого вопроса.

Тетушка Белла не погѣзла въ карманъ за отвѣтомъ.

— А и впрямъ, мой милый Гольмъ, проговорила она, у васъ, какъ видно, губа не дура, что вы задумали взять меня въ жены. Конечно, я не такъ хороша собою и не такъ молода, какъ та итальянская графиня, про которую вы намъ рассказывали въ минуты откровенности; ну, да съ тѣхъ поръ, какъ вы были въ Римѣ, прошло цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, анельзя сказать, чтобы за это время вы похорошѣли и помолодѣли.

— О боги! призываю васъ въ свидѣтели этой хулы! Что я не помолодѣлъ, въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ; но чтобы я не похорошѣлъ! Говорю же я вамъ, тетушка Белла, что я теперь такъ хорошъ, какъ никогда еще не былъ.

— Можетъ статья, отвѣчала тетушка Белла. Но при всемъ томъ, любезный Гольмъ, еще немножко—и вы изъ неженатаго молодого человѣка превратитесь въ стараго холостяка. Одумайтесь, пока еще время. Не вѣкъ же мнѣ дожидаться вашего предложенія; пора и мнѣ, наконецъ, сдѣлать рѣшительный выборъ между моими поклонниками, не-то я, пожалуй, такъ въ дѣвкахъ и останусь.

— О прелестное созданіе! воскликнулъ Гольмъ, — прими мою руку и сердце.

— А ну, какъ я васъ при свидѣтеляхъ на словѣ поймаю, воскликнула тетушка Белла, метнувъ на него пристальнымъ взглядомъ изъ своихъ темныхъ, шмицовскихъ глазъ.

— Да сохранять меня боги! воскликнулъ Гольмъ, поспѣшно отнимая протянутую руку съ такимъ комически растеряннымъ выраженіемъ, что всѣ присутствующіе невольно разсмѣялись.

Въ эту минуту въ открытыя окна гостиной донесся звонокъ съ проѣзжавшаго мимо парохода. — Теперь, господа, сказалъ герръ Рупертусъ, прошу васъ послушать, какъ волны сейчасъ залещутся о берегъ. Слышите! не правда ли

хорошо? Но въ тоже мгновеніе съ берега послышался испуганный дѣтскій крикъ: помогите, помогите!

— Боже мой! гдѣ дѣти? воскликнула Клеркенъ, вскочивъ съ мѣста.

Ни Карла, ни Вильгельма давно уже не было за столомъ. Около получаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ они, никѣмъ незамѣченные, убѣжали изъ комнаты. Фрау Рупердусъ хотѣла бѣжать, но у нея ноги подкосились; блѣдная какъ полотно, дрожа всѣмъ тѣломъ, она зашаталась и безъ чувствъ опустилась на руки Оттиліи и тетушки Беллы. Но Клеркенъ бросилась къ двери; за нею послѣдовали и мужчины.

XXVII.

Карета быстро катилась по мостовой; ни Мюнцеръ, ни Антонія не проронили между тѣмъ ни одного слова; послѣдняя сидѣла поодаль отъ своего спутника, откинувшись на шелковые подушки; Мюнцеръ случайно взглянулъ на нее въ ту самую мигу, какъ они проѣзжали мимо ярко освѣщеннаго камина, свѣтъ изъ котораго упалъ во внутренность кареты; тутъ онъ увидѣлъ, что прекрасное лицо ея было блѣдно и залито слезами.

Какой-то тяжелый, неодолимый сонъ сковалъ всѣ его способности; точно призраки, мелькали передъ нимъ горѣвшія огнями окна домовъ; онъ не замѣтилъ, какъ карета подъѣхала подъ какія-то ворота, прогремѣла на мосту и какъ, вмѣсто длиннаго ряда домовъ, по обѣимъ сторонамъ дороги замелькали виллы, окруженныя садами.

— Гдѣ мы? спросилъ Мюнцеръ, когда карета внезапно остановилась.

— Идите за мною, проговорила Антонія.

Они вошли въ хорошенькую виллу, стѣны которой были обвиты виноградными лозами. Въ стѣняхъ ихъ встрѣтила хорошенькая горшичная Антонія; она бросила бѣглый взглядъ на незнакомаго господина, но, видно, ей не вновѣ было принимать посѣтителей своей госпожи не въ урочный часъ. Она

не показала и вида удивленія, молча отворила дверь, выходящую въ небольшую гостиную, зажгла свѣчи въ двухъ серебряныхъ подсвѣчникахъ и по знаку, данному ей госпожей, удалилась.

Между тѣмъ Антонія медленно сняла перчатки и скинула съ головы капюшонъ; по уходѣ горничной она опустилась на одинъ изъ стульевъ, украшенныхъ богатою рѣзьбою, которые стояли вокругъ стола и, закрывъ лицо руками, дала волю слезамъ.

Мюнцеръ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ плачущей женщиной и сказалъ:

— Но такъ мы, сударыня, никогда не дойдемъ до разъясненія нашихъ взаимныхъ отношеній, которое, между тѣмъ, было бы равно желательно и для васъ, и для меня.

— Вы правы, отвѣчала Антонія, подпирая голову рукою. Вгляды ея мрачно уставились на одну какую-то точку. Вдругъ она встрепенулась и проговорила: «вдѣсь душно, я задыхаюсь,» пойдите въ садъ, [тамъ мнѣ будетъ легче, тамъ я буду въ состояніи говорить.

Изъ гостиной выходила въ садъ стеклянная дверь. Мѣсячные лучи дрожали сквозь молодую листву деревьевъ, съ рѣвки вѣяло прохладой; глубокимъ миромъ, блаженным покоемъ дышала эта чаша, но не было ни мира, ни покоя въ сердцахъ этихъ двухъ людей, которые безмолвно шли другъ возлѣ друга темными аллеями.

Разъ только Антонія схватила Мюнцера за руки и проговорила: сжальтесь надо мной!—Потомъ они снова молча шли нѣсколько времени другъ возлѣ друга. Напрасно старался Мюнцеръ разрушить чары, сковавшія его волю; какое-то густое покрывало сгустилось на все, что такъ ясно лежало передъ его мысленнымъ взоромъ въ гостиной президента. Куда дѣвалось его недавнее негодованіе! Онъ ничего болѣе не звалъ и не чувствовалъ, какъ только, что онъ любить и любимъ.

Вдругъ Антонія остановилась и, сжимая руками виски, проговорила: я все позабыла, все, все!

— Чтожь! отвѣчалъ Мюнцеръ какимъ-то апатичнымъ, беззвучнымъ голосомъ, забвеніе—это лучше, что намъ осталось.

— Но я не должна, я не хочу забывать; я должна вамъ все высказать; я не могу болѣе такъ жить, какъ я жила эти послѣдніе дни, я съ ума сойду!

— Сойдете съ ума! Но что же ручается вамъ за то, что мы оба въ настоящую минуту не находимся въ припадкѣ сумасшествія?

— Нѣтъ, нѣтъ, это не сумасшествіе! То, что я почувствовала къ вамъ съ перваго же взгляда, что потомъ не давало мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, не можетъ быть сумасшествіемъ... все остальное сумасшествіе, только не это.

Содрагаясь отъ восторга, глядѣлъ Мюнцеръ въ ея глаза, блестяшіе только что пролитыми слезами.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ сквозь зубы, ты слишкомъ прекрасна для земного горя, ты не знаешь его; ты не могла бы быть такъ хороша, если бы извѣдала его. Завтра же ты разсмѣешься надъ важностью, которую ты придала минутному ощущенію, и ты будешь права. Смѣхъ, шутки и подѣлуи— вотъ твое назначеніе; къ чему тебѣ плакать?

— Я ожидала этого, проговорила Антонія печальнымъ голосомъ. Вы обо мнѣ такого же мнѣнія, какъ и всѣ остальные; до мнѣнія этихъ остальныхъ, глупыхъ, ничтожныхъ людей, мнѣ нѣтъ дѣла. Но вы... вы не должны меня презирать. Я знаю, что вы не можете, не властны меня любить, но не презирайте меня.

— Но я и не думаю васъ презирать; я не имѣю на это ни малѣйшаго права.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, я чувствую, что вы меня презираете. Я прочла это въ вашихъ глазахъ, когда мы встрѣтились у моего деверя. Я должна была, конечно, ожидать, что вы не исполните мою просьбу остаться; но если бы вы остались, вы увидѣли бы, что я бы уѣхала и не согласилась бы быть покорнымъ орудіемъ въ рукахъ моего деверя. Клянусь вамъ, я совершенно случайно встрѣтилась съ вами у подѣзда.

— Но я не понимаю васъ, сударыня, отвѣчалъ Мюнцеръ; вы говорите загадками. Что такое требовалъ отъ васъ президентъ?

— Вы не догадываетесь, что это было за требованіе? слушайте же! онъ приказалъ мнѣ стараться овладѣть вами и,

разъ овладѣвъ, не выпускать васъ изъ рукъ. Онъ приказалъ мнѣ любить васъ или, по крайней мѣрѣ, лицемѣрить любовью, пока вы, обезумѣвъ отъ страсти, не сдѣлаетесь моимъ рабомъ.

— Приказалъ вамъ? Но какое же право имѣеть онъ вамъ приказывать? Да и вообще, какъ узналъ онъ о нашемъ знакомствѣ съ вами?

— Отъ полковника, быть можетъ, или, еще вѣрнѣе, отъ моего лакея, Жана, котораго я въ тотъ же вечеръ отослала, а сегодня встрѣтила у президента.

Но, сударыня, вы не только не разъясняете мнѣ старыхъ загадокъ, но прибавляете къ нимъ еще новыя.

— Скажите, это насмѣшка?

— Нѣтъ, я говорю то, что думаю.

— Видите ли, продолжала Антонія, если бы я была себѣ на умѣ, если бы я была тѣмъ, чѣмъ считаютъ меня добрые люди, я поддержала бы васъ въ томъ добромъ мнѣніи, которое вы какимъ-то чудомъ имѣете обо мнѣ. Я завѣрила бы васъ, что все то, что про меня рассказываютъ,—ложь; что я не безумная кокетка, не измѣняла всѣмъ своимъ поклонникамъ одному за другимъ. Но я скажу вамъ правду, не изъ страха президента, потому что, если бы я боялась того, что про меня скажутъ, я не прогнала бы своего слуги, но потому, что... Боже мой! за что же я такъ передъ вами унижаюсь?

Судоржное рыданіе вырвалось изъ ея груди, но она подавила его и продолжала:

— Вы рассказали мнѣ свое печальное дѣтство, свою тяжелую юность; все это съ тѣхъ поръ не шло у меня изъ головы: я по ночамъ просыпалась, рыдая, потому что видѣла васъ во снѣ среди снѣжной пустыни преслѣдуемымъ волками... Я не то, что вы; я родилась и воспиталась въ роскоши, т. е. нѣтъ! не воспиталась, объ этомъ никто не заботился; я выросла, не извѣдавъ ни одной серьезной мысли; я знала только одно: что я хороша собою и богата, и могу наслаждаться жизнью, какъ мнѣ вздумается. Меня выдали замужъ за челоуѣка, который мнѣ болѣе нравился, нежели другіе, потому что не такъ пошло льстилъ мнѣ, какъ они, много видалъ на своемъ вѣку и сумѣлъ заинтересовать меня своею молчали-

вѣстью и сдержанностью; про него ходили слухи, будто онъ въ свое время былъ отчаяннѣйшимъ повѣсомъ. О любви я совѣтъ не думала; я не спрашивала себя: буду ли я счастлива съ нимъ; я знала одно только, что мы будемъ много путешествовать; это было единственное условіе, которое я себѣ выговорила. И точно я поѣздила съ нимъ въ волю: мы объѣхали всѣ жѣлезныя воды Европы, но ни однѣ изъ нихъ не могли возвратитъ здоровье моему мужу. Онъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и сосредоточеннѣе, а я... я была мѣла, полна жаждою жизни и наслажденія; не за тѣмъ вышла я замужъ, чтобы исполнять должность сидѣлки у постели человѣка, котораго я не любила, да который и не желалъ быть любимымъ. Потому онъ умеръ. Замужъ я не захотѣла болѣе идти, потому что научилась презирать мужчинъ; я тѣнилась ими, какъ игрушками; въ любовь я не вѣрила, а когда повѣрила, было поздно...

Она испустила глубокой вздохъ и провела рукою по глазамъ. Молча продолжали они блуждать по темнымъ аллеямъ; оба чувствовали, что послѣднее слово еще не сказано и ни у одного изъ нихъ не доставало духу выговорить это рѣшительное слово, которое должно было соединить или разлучить ихъ на вѣки.

— Наконецъ: Мюнцеръ заговорилъ:

— Антонія, выслушайте меня спокойно. Вы любите меня; разсказавъ мнѣ вашу печальную повѣсть, вы дали мнѣ такое доказательство любви, полнѣе котораго женщина не можетъ дать. И я скажу вамъ съ своей стороны, Антонія, я вѣрилъ въ любовь, но не вѣрилъ въ возможность ея для меня, пока не увидалъ васъ. Вы правы, для насъ обоихъ любовь пришла слишкомъ поздно. Я не могу измѣнить самому святому изъ своихъ убѣжденій, тому, что каждая личность должна ограничивать свои потребности для того, чтобы не лишать и остальныхъ слѣдуемой имъ доли счастья. Если я уступлю той безмѣрной страсти, которая влечетъ меня къ тебѣ, я разрушу хату, въ которой пріютилась моя жена и мои дѣти. Ты видишь, я ограничиваю свои потребности, ограничь же и ты свои.

Мюнцеръ не могъ разглядѣть лицо Антоніи, потому что

въ эту самую минуту мѣсяцъ скрылся за тучку. Онъ могъ только слышать тихое рыданіе. Беспредѣльная грусть охватила все существо его.

— Антонія!

Страстная женщина упала въ его объятія и уста ихъ слились въ жаркомъ поцѣлуѣ.

Въ эту минуту послышался звонъ колокольчика съ проѣзжавшаго недалеко отъ берега парохода. Антонія испуганно рванулась изъ объятій Мюнцера и отступила въ чашу сада. Но вотъ, заглушаемый плескомъ волнъ, раздался жалобный крикъ, какъ бы утопающаго: помогите! помогите!

Однимъ прыжкомъ Мюнцеръ очутился у рѣшетки, которая отдѣляла садъ отъ дороги, тянувшейся вдоль берега рѣки. Онъ увидѣлъ небольшую лодку, сильно раскачиваемую волнами, а въ ней двухъ мальчиковъ, въ испугѣ простиравшихъ руки къ берегу. Вотъ нахлынула болѣе крупная волна, лодка сильно наклонилась и одинъ изъ мальчиковъ полетѣлъ черезъ бортъ.

Выломать легкую рѣшетку и кинуться въ воду, было для Мюнцера дѣломъ одной минуты. Вотъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него вынырнула рука и голова, и снова все скрылось. Онъ плыветъ къ тому мѣсту, гдѣ исчезъ мальчикъ; дитя выплываетъ снова, онъ хватаетъ его и тутъ только узнаетъ при свѣтѣ мѣсяца помертвѣвшія черты своего собственнаго сына. Съ силою отчаянья Мюнцеръ плыветъ къ берегу; вотъ онъ уже ощупалъ дно подъ ногами; онъ идетъ, высоко поднимая надъ водою безжизненное тѣло ребенка. Мюнцеръ ступилъ на берегъ и была пора! твердая почва колебалась подъ его ногами; нѣсколько фигуръ мелькнуло передъ нимъ, какъ бы сквозь густой туманъ; ему послышался крикъ: дядя мое, дядя мое! за тѣмъ какой-то страшный вихрь, взвизгивая, пронесся мимо его ушей; въ глазахъ у него потемнѣло и онъ безъ чувствъ повалился на землю.

XXVIII.

Утреннее солнце весело освѣщало сѣрыя краски монастырскихъ строеній, когда штадтратъ вышелъ изъ своего дома, чтобы отправиться въ засѣданіе совѣта. Обыкновенно штадтратъ любилъ ходить солнечною стороною улицы; но въ это утро онъ избралъ противоположную сторону, ту, на которую падала тѣнь отъ длинной монастырской стѣны. Любилъ онъ также, чтобы толпы народа кланялись ему на улицѣ. Въ это утро всѣ знакомые его точно сговорились попадаться ему на встрѣчу; черезъ каждые три шага кто нибудь да скидалъ передъ нимъ шляпу. Вотъ прямо на него идетъ медицинальратъ Шнепперъ, должно быть отправляющійся къ его сыну; что за проницательные, мигающіе глазки у этого человѣка!

— Добраго утра, любезнѣйшій штадтратъ! А я къ вамъ пробираюсь; надѣюсь, что у молодого человѣка не окажется ничего опаснаго. Табачку не угодно ли? Вечеромъ мы съ вами, конечно, встрѣтимся въ ферейнѣ? Вы должны сказать рѣчь, какже, непременно должны; вы, вѣдь, герой дня. До свиданья.

Штадтратъ продолжалъ свою дорогу болѣе твердыми шагами. Ужь если медицинальратъ Шнепперъ не замѣтилъ на его лицѣ ничего особеннаго, то ему нечего было опасаться въ этомъ отношеніи отъ другихъ.

Засѣданіе тоже благополучно сошло съ рукъ. При входѣ въ ратушу прислуга не встрѣтила его двусмысленными улыбками, во время засѣданія оберъ-бургомистръ не велѣлъ затворить двери, не всталъ съ своего мѣста и не обратился къ присутствующимъ, указывая на него, со словами: милостивые государи, на мнѣ лежитъ печальная обязанность... Напротивъ, какъ оберъ-бургомистръ, такъ и остальные члены совѣта встрѣтили его очень привѣтливо; первый съ большимъ участіемъ освѣдомился о здоровьи его жены и о его собственномъ и проговорилъ съ жаромъ: «я радъ видѣть васъ такимъ свѣжимъ и добрымъ; вы наша правая рука. Да сохранить

небо ваши силы, которыя намъ такъ необходимы.» Потомъ онъ отвелъ его въ сторону и сказалъ въ полголоса: все прибрано опять на прежнее мѣсто; избѣгайте, по возможности, упоминать объ этомъ дѣлѣ, чтобы оно какъ нибудь не сдѣлалось слишкомъ уже гласнымъ. Краузе опять рапортовался больнымъ; дѣлать нечего! Придется вамъ взять на себя его должность. Дѣла-то теперь будетъ не много; ревизіи никакой не нужно; вѣдь мы не далѣе какъ вчера ревизовали кассу, хе, хе, хе! И Краузе будетъ доволенъ и всѣ остальные. — Господа! не угодно ли вамъ будетъ сѣсть по мѣстамъ, засѣданіе открыто.

Толковали о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для огражденія личной безопасности гражданъ и охраненія собственности. Немногіе, и во главѣ ихъ членъ совѣта, адвокатъ Кальтебельтъ, были того мнѣнія, что существуетъ для этого одно только средство: исполнить требованіе народа и выдать ему оружіе... Это меньшинство настаивало на томъ, что надо сдѣлать простолюдина солидарнымъ съ интересами остальныхъ сословій; что лишать его участія въ этихъ интересахъ, значить работать на руку агитаторамъ. Воззрѣніе это встрѣтило очень мало сочувствія; но никто не возставалъ противъ него съ такимъ ожесточеніемъ, какъ штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ.

— Я всегда стоялъ за свободу, воскликнулъ онъ, я стою за нее и теперь; но, господа, необузданная вольница перестаетъ быть свободой и становится анархіей. Неужели вы хотите вызвать анархію? Скажите, кто представляетъ этотъ народъ, о которомъ такъ много кричатъ? Государи и ихъ министры? — Нѣтъ. — Государственные савонники и общинные совѣты? — Нѣтъ. — Войско? — Нѣтъ. — Собственники? О, нѣтъ, только не собственники. Кто же его представляетъ? Люди, сами испортившіе себѣ карьеру, или же праздношатающіеся по ремеслу, честолюбцы, которые наравятъ въ мутной водѣ рыбу ловить, банкроты, желающіе избавиться отъ долговой тюрьмы, а за ними цѣлое полчище бездѣльниковъ, которые, взятые порознь, ничего не внушаютъ вамъ, кромѣ презрѣнія, а всѣ вмѣстѣ заставляютъ васъ дрожать передъ собою. Взгляните на Францію и вы, содрогаясь, поймете, къ

чему ведетъ смѣшеніе народа съ чернью. Или вы хотите, чтобы и у насъ повторились тѣ же ужасы, какъ и во Франціи?

Рѣчь г. фонъ-Гогенштейна, то и дѣло, прерывалась выраженіями сочувствія. Все почтенное собраніе было того мнѣнія, что чернь всегда чернью и останется, и что всякая уступка социалистическимъ бреднямъ равняется государственной измѣнѣ. Одинъ адвокатъ Кальтебильтъ упорствовалъ въ своей оппозиціи. Нисколько не смущаясь неодобреніемъ своихъ товарищей, онъ высказалъ въ довольно длинной рѣчи свое убѣжденіе въ томъ, что между честнымъ признаніемъ правъ народа и пагубной реакціи нѣтъ середины.—И кто же, продолжалъ онъ, дерзаетъ вамъ указывать на послѣдній путь? Люди, вышедшіе изъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, куда еще ни разу не проникалъ лучъ гуманности, люди, прикидывавшіеся либералами, пока черезъ это можно было что нибудь выиграть, а въ ту минуту, когда курсъ на либерализмъ понизился, предающіе забвенію свое прошлое, забывающіе, что они и по сей день еще связаны съ народомъ такими узами, которыя у добрыхъ людей почитаются священными.

— Если эти намеки направлены противъ меня, воскликнулъ герръ фонъ-Гогенштейнъ, поднимаясь съ своего мѣста.

— *Qui se sent peuvveux, qu'il se mouche*, замѣтилъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Фи, фи! вмѣшался штадтратъ Гейдманъ.

— Это ни на что не похоже, загудѣли остальные старшины города, этого нельзя допускать. То ли заслужилъ онъ отъ насъ за свою вѣрную службу?..

— Герръ фонъ-Гогенштейнъ, за вами рѣчь, воскликнулъ оберъ-бургомистръ, который уже битую минуту приводилъ въ сотрясеніе свой президентскій колокольчикъ.

— Я буду очень кротокъ въ своемъ возраженіи, заговорилъ герръ фонъ-Гогенштейнъ голосомъ, дрожавшимъ отъ ливтряннаго волненія; что можно возражать на оскорбленія, которыя бросаютъ вамъ въ лицо, не имѣя на то ни малѣйшаго повода? Единственный приличный отвѣтъ на подобнаго рода выходки можетъ быть такого свойства, что для него здѣсь не время и не мѣсто.

— Феодальными замашками въ наши дни никого не запугаешь, отвѣчалъ герръ Кальтебильтъ съ презрительной улыбкой.

— Фи, фон! снова вмѣшався герръ Гейдманъ.

— Просто стыдъ и срамъ! Что за пошлыя уловки, вторили ему съ полдюжины голосовъ.

— Господа! воскликнулъ оберъ-бургмистръ Дашъ, прошу васъ, умоляю васъ, не давать между нами мѣста раздору въ ту самую минуту, когда намъ надо дружно сомкнуть наши ряды для достиженія одной общей цѣли. Забудемъ для общаго блага наши частныя интересы; пожертвуемъ нашимъ эгоизмомъ на алтарь отечества. Какъ высшій сановникъ этого города, какъ вашъ десятилѣтнй товарищъ и другъ, я умоляю васъ, мои достойнѣйшіе сослуживцы, не вставайте изъ за этого стола, не протянувъ другъ другу руки.

— Bravo, bravo! воскликнулъ герръ Гейдманъ.

— Я, съ своей стороны, готовъ забыть нанесенное мнѣ оскорбленіе, сказалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ и съ полною достоинства улыбкою протянулъ руку своему противнику.

— Я имѣлъ исключительно въ виду интересы самаго дѣла; личность до меня не касается, пробормоталъ адвокатъ Кальтебильтъ, слегка дотрогиваясь пальцами до протянутой ему руки.

Такимъ образомъ былъ заключенъ миръ и вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ было закрыто засѣданіе, имѣвшее результатомъ своимъ то, что большинствомъ голосовъ порѣшили, ни за что не уступать требованіямъ Мюнцера и его единомышленникамъ и не выдавать народу оружія.

Проснувшись на другой день поздно утромъ, штадтратъ почувствовалъ значительное облегченіе; сознаніе его виновности не такъ уже сильно тяготѣло надъ нимъ, онъ начиналъ къ нему привыкать, какъ человѣкъ привыкаетъ ко всему, что совершилось безвозвратно. Съ щепетильнымъ вниманіемъ приступилъ онъ къ своему туалету и съ большимъ аппетитомъ уничтожилъ завтракъ, принесенный ему Урсуюю.

— Ваша милость нашли письмо, которое я вечеръ положила на письменный столъ?

— Нѣтъ; полагаю, что въ письмѣ нѣтъ ничего важнаго.

Штадтратъ проговорилъ это совершенно спокойнымъ тономъ; но при словѣ «письмо» онъ вздрогнулъ, точно наступилъ на змѣю. Онъ спряталъ лицо за газету, которую чи-

талъ, но какъ только Уреула вышла изъ комнаты, онъ вскочилъ съ своего мѣста и съ замирающимъ сердцемъ бросился къ столу. Первое, что ему кинулось въ глаза, было письмо; адресъ, написанный прямыми буквами, изукрашенными странными росчерками, ясно говорилъ, что оно отъ стараго рейнфельденскаго генерала.

Дрожащими руками взломилъ онъ печать и, по мѣрѣ того, какъ пробѣгалъ содержаніе письма, эта дрожь распространялась по всему его тѣлу; его блѣдныя щоки зардѣлись, въ тусклыхъ, впалыхъ глазахъ загорѣлся огонь.. На краю гибели передъ нимъ открывалась возможность спасенія!... Несчастный, шатаясь, опустился въ кресло и слезы, не извѣданныя имъ съ самаго дѣтства, полились у него изъ глазъ. Разчувствовавшись послѣ долгаго, томительнаго нервнаго напряженія этихъ дней, онъ давалъ себѣ слово, если только судьба пронесетъ мимо грозившую ему бѣду, сдѣлаться на будущее время честнымъ человѣкомъ, добрымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ.

Штадтратъ всталъ съ своего мѣста и принялся расхаживать по комнатѣ большими шагами. У него все еще не доставало духу увидѣться съ женою, которой онъ не видалъ уже цѣлыхъ двое сутокъ, и съ Вольфгангомъ, который, какъ ему доложила Уреула, проснулся послѣ нѣсколькихъ часовъ спокойнаго сна и весело разговаривалъ съ барыней. Онъ сложилъ письмо, спряталъ его въ жилетный карманъ и направился къ двери; но въ эту минуту кто-то тихо постучался и на его «войдите» показалась на порогѣ его жена.

Маргарита подошла къ нему торопливыми шагами и бросилась къ нему на шею.

— Очень давно, Гретхенъ, сказалъ онъ, обнимая ее за талию, которая все еще сохраняла юношескую стройность, и уводя ее къ дивану. Эти два дня мнѣ-таки жутко приходилось, да и тебѣ, бѣдняжка, было не легче; шутка-ли! едва ты сама успѣла оправиться отъ болѣзни, а тутъ свалился Вольфгангъ! Чу, да теперь вѣдь онъ совсѣмъ поправился, не такъ ли?

— Да, по крайней мѣрѣ, онъ чувствуетъ себя лучше, отвѣ-

чала Маргарита, и даже, можно сказать, совѣтъ хорошо. У насъ былъ сейчасъ съ нимъ предлинный разговоръ.

— Длинный разговоръ! подхватилъ Штадтратъ; а можно спросить о чемъ?

Маргарита зардѣлась такимъ дѣвственно-стыдливымъ румянцемъ, какъ будто ей самой предстояла любовная исповѣдь.

— Ты за живое задрала мое любопытство, продолжалъ штадтратъ. Что бы это такое могло быть.

— Я должна сообщить тебѣ, Артуръ, важную новость.

— И у меня про тебя есть тоже новость, милая Гретхенъ; такъ говори же ты первая, а то мы такъ вѣкъ не кончимъ.

И слова въ его голосѣ послышалась та старая, жесткая нотъ, которая каждый разъ причиняла Маргаритѣ столько страданій.

— Дѣло въ томъ, начала Маргарита съ внезапною рѣшимостью, отъ которой вся кровь кинулась ей въ лицо, что Вольфгангъ одержалъ въ Рейнфельденѣ гораздо большія побѣды, чѣмъ мы думали; онъ не только попалъ въ милость къ старому генералу, но и президентша выказываетъ ему бодшее расположеніе; а Камила... ну, да скажу тебѣ всю правду, вѣдь, рано или поздно, ты все равно ее узнаешь: Камила его любитъ.

— А Вольфгангъ? спросилъ штадтратъ блѣднѣя отъ волненія.

— Вольфгангу она тоже нравится, отвѣчала Маргарита, у которой языкъ не поварачивался выговорить; онъ ее любитъ.

— Вотъ такъ извѣстіе! воскликнулъ штадтратъ, обнимая на этотъ разъ жену съ поднѣйшею искренностью. Ну, а теперь послушай-ка ты мою новость, продолжалъ онъ. Видишь это письмо? оно отъ старика, писано собственноручно. Выраженія, попадающіяся въ немъ, не должны тебя смущать, на старикѣ нечего и взыскивать, если онъ подчасъ выражается грубовато. Ну, что ты скажешь теперь? Не верхъ ли это благополучія?

— Да, но... заикнулась было Маргарита.

— Какое тамъ но? Никакихъ но не будетъ, воскликнулъ дражайшій супругъ, расхаживая большими шагами по комна-

тѣ. Когда старикъ сказалъ *да*, другіе не посмѣютъ сказать *нѣтъ*, я ихъ хорошо знаю.

— Не въ томъ дѣло, Артуръ, робко замѣтила Маргарита; вѣдь въ письмѣ говорится еще кое о чемъ: Вольфганга хотятъ сдѣлать солдатомъ.

— Какъ ты странно выражаешься, *солдатомъ!* воскликнулъ штадтратъ; точно рѣчь идетъ о какомъ нибудь сапожникѣ! Нѣтъ, не солдата изъ него хотятъ сдѣлать, а офицера, такого же офицера, какимъ и я былъ когда-то и былъ бы и до сихъ поръ, кабы не...

Герръ фонъ-Гогенштейнъ не договорилъ, потому что въ эту минуту на глазахъ Маргариты выступили слезы.

Будь же благоразумна, Гретхенъ, продолжалъ онъ, снова подсаживаясь къ ней на диванъ, и не разстраивай мнѣ моихъ плановъ. Ты знаешь, какое громадное значеніе имѣетъ для меня окончательное примиреніе со всѣми моими родственниками; я не могу тебѣ и выразить, но довольно съ тебя будетъ знать, что если это примиреніе не состоится, если Вольфгангъ будетъ на столько неблагодарнымъ сыномъ, что не захочетъ выручить меня изъ бѣды... ну, да что тебя пугать понапрасну! Будь только на моей сторонѣ, помоги мнѣ уговорить Вольфганга и тогда ничего еще не потеряно, тогда все еще можетъ хорошо кончиться. Я сейчасъ пойду къ нему, заключилъ онъ.

— Нѣтъ, милый Артуръ, прошу тебя, погоди немного, молила Маргарита. Вольфгангъ еще очень слабъ; боюсь, что подобный разговоръ будетъ ему не по силамъ.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ штадтратъ; пожалуй, поговори съ нимъ прежде сама... или нѣтъ! лучше не дѣлай этого, а то вы оба, чего добраго, ударитесь въ сентиментальность и тогда мнѣ будутъ съ вами лишнія хлопоты. А теперь, Гретхенъ, мнѣ надо идти со двора; къ обѣду меня не жди. Да вотъ что еще, Гретхенъ! Я слышалъ, что у тебя вчера и сегодня были твои родственники; надо положить этимъ посѣщеніямъ конецъ; я не могу ихъ долѣе терпѣть. Въ настоящую минуту, когда всѣ взгляды устремлены на меня и каждый мой шагъ подвергается обсужденію, я долженъ порвать всякія сношенія съ твоей демократической роднею.

— Но, Артуръ: вѣдь это ужь слишкомъ жестоко, отвѣчала Маргарита. Всего только какую нибудь недѣлю тому назадъ, какъ умеръ мой братъ, а ты мнѣ запрещаешь даже видѣться съ его дочерью.

— Ахъ да, извини! Я совсѣмъ было забылъ, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было! здѣсь дѣло идетъ о болѣе важныхъ вещахъ, чѣмъ всѣ эти родственныя нѣжности. Прощай, Гретхенъ! И пославъ женѣ воздушный поцѣлуй, онъ вышелъ изъ комнаты.

XXIX.

Между тѣмъ, какъ въ нѣсколько искусныхъ рукъ шилась сѣть, въ которую долженъ былъ попасться Вольфгангъ; онъ сидѣлъ, ничего не подозревая, въ своей комнатѣ и воображеніе населяло ему одиночество самыми плѣнительными образами. Чувство возвращающагося здоровья, сознаніе, что онъ любитъ и любимъ, все это наполняло его душу такимъ весельемъ, какого онъ не знавалъ съ самаго дѣтства.

Тихій, почти робкій ударъ въ дверь заставилъ нашего юношу очнуться отъ его мирныхъ мечтаній.— Войдите! крикнулъ Вольфгангъ, невольно вставая и направляясь къ двери.

— Ахъ, это ты батюшка!

— Я, мой сынъ, отвѣчалъ штадтратъ, нѣжно обнимая Вольфганга. Ты со мной, злодѣй, цѣлую недѣлю не видался! Но кто же тебя просилъ каждый разъ, какъ отецъ приходилъ тебя провѣдать, лежать въ такомъ глубокомъ болѣзненномъ забытьи? Ну, да ладно, я ужь радъ радешенекъ видѣть тебя опять на ногахъ! Что ты не сядешь, однако, голубчикъ? И я тоже присяду, а то вѣдь и я за все это время порядкомъ измучился; такое, я тебѣ скажу, время, что просто голова кругомъ идетъ.

— У тебя, батюшка, дѣйствительно очень усталый видъ, замѣтилъ Вольфгангъ. Скажи, пожалуйста, что такое творится въ городѣ? Вѣдь я съ самой поѣздки въ Рейнфельденъ рѣшительно не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Потому что мы слишкомъ заняты тѣмъ, что дѣлается

въ нашей личной жизни; такъ, что ли? спросилъ штадтратъ, улыбаясь. Нечего, нечего краснѣть-то! Вѣдь, рано или поздно, я долженъ же былъ бы узнать это; а признаюсь тебѣ откровенно, мнѣ было очень пріятно узнать это именно въ настоящую минуту.

Эти рѣчи отца несказанно смутили Вольфганга. Съ самой ранней молодости онъ привыкъ состоять съ отцомъ въ самыхъ далекихъ отношеніяхъ; задушевное слово было между ними величайшею рѣдкостью, и вдругъ онъ видѣлъ въ рукахъ отца ключъ къ самой завѣтной его тайнѣ! Въ первый разъ въ жизни въ немъ шевельнулось чувство досады противъ матери, зачѣмъ она обо всемъ рассказала отцу?

— Намъ предстоитъ, мой милый Вольфгангъ, поправить одну великую ошибку, продолжалъ штадтратъ, и я, съ своей стороны, готовъ воспользоваться случаемъ, который теперь къ тому представляется. Намъ слѣдовало бы ранѣе понять, что сама природа предназначила намъ жить въ тѣсномъ дружескомъ союзѣ и что довѣріе, полное, безграничное довѣріе должно лежать въ основаніи этого союза. Впрочемъ, пока ничего еще не потеряно. До сихъ поръ я охотно уступалъ твоей доброй матери все сокровище твоего довѣрія, потому что все, въ чемъ ты ей открывался до сихъ поръ, не могло имѣть дѣйствительной важности. Но теперь обстоятельства перемѣнились; ты готовишься сдѣлать шагъ, который будетъ имѣть вліяніе на всю твою послѣдующую жизнь; тутъ поневолѣ я долженъ вступить въ свои отцовскія права и обязанности. Не правда ли, мой сынъ, вѣдь ты не оттолкнешь отцовскую руку, которая протягивается къ тебѣ съ такою любовью, съ такимъ искреннимъ желаніемъ помочь.

Штадтратъ проговорилъ эти послѣднія слова съ такимъ чувствомъ, что Вольфгангъ не устоялъ и горячо пожалъ руку отца; онъ и самъ, конечно, не подозрѣвалъ, что въ этомъ умиленіи на значительную долю участвовала слабость, оставшаяся въ немъ послѣ болѣзни. — Штадтратъ торжествовалъ; онъ не ожидалъ, что побѣда удастся ему такъ легко. Онъ поздравилъ сына съ его удачнымъ выборомъ; тѣмъ болѣе удачнымъ, что всѣ стороны относились къ нему съ живѣйшимъ одобреніемъ и смотрѣли на предстоявшій бракъ, какъ на за-

логъ примиренія между такъ долго враждовавшими братьями.—Вы, глупенькіе, продолжалъ онъ, улыбаясь, и въ самомъ дѣлѣ воображали, что за вами никто ничего не прамѣчалъ, пока вы тамъ себѣ въ рейнфельденскомъ паркѣ уносились въ облака; а между тѣмъ мы, старки, давнымъ давно ворѣшши все дѣло между собою. И знаешь ли, кто всего болѣе принималъ участія въ васъ? Самъ дѣдушка! Я убѣжденъ, что почтенный старикъ былъ бы безутѣшенъ, если бы, отъ чего, конечно, Боже оборони, его любимый планъ, по той или по другой причинѣ, не могъ состояться. Да и мало того, что онъ былъ бы безутѣшенъ, онъ, при его вспыльчивости, страшно бы прогнѣвался...

Штадтратъ замолчалъ, потому что замѣтилъ, что послѣдняя половина его рѣчи произвела на Вольганга не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе.

— Увѣряю тебя, отецъ, отвѣчалъ онъ съ нѣскольکو натянутой улыбкой, что я, съ своей стороны, не имѣю ни малѣйшаго намѣренія накликать на себя гнѣвъ дѣда, да и Камилла врядъ ли расхочется со мною въ этомъ отношеніи.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, замѣтилъ штадтратъ. Дѣдушка, конечно, говорилъ уже съ тобою объ условіи, при которомъ онъ готовъ дать свое согласіе.

— Дѣдушка? объ условіи? повторилъ озадаченный Вольгангъ.

— Гм! странное дѣло! Вчера я получилъ отъ дѣдушки письмо, которое дало мнѣ поводъ думать, что между вами уже была рѣчь объ этомъ дѣлѣ. — Такъ дѣдушка ни разу не сообщалъ тебѣ своихъ плановъ относительно твоей будущей карьеры?

— Онъ нѣсколько разъ намекалъ мнѣ о томъ, что имѣетъ на меня какіе-то виды, но я принималъ это за общее выраженіе его благосклонности ко мнѣ и не связывалъ съ этимъ никакого особеннаго значенія.

— Гм! а между тѣмъ въ письмѣ онъ положительно формулируетъ свое намѣреніе. И я тѣмъ болѣе сочувствую его плану, что самъ лелѣялъ его въ теченіи многихъ лѣтъ, и что только неблагоприятныя обстоятельства помѣшали мнѣ ранѣе приступить къ его осуществленію.

— Но скажи же, наконецъ, батюшка, что это за таинственный планъ? воскликнулъ Вольфгангъ, которому съ минуты на минуту становился тягостнѣе этотъ разговоръ.

— А вотъ что это за планъ, проговорилъ штадтратъ съ нѣкоторою торжественностью: всѣмъ намъ было бы желательно, чтобы ты вступилъ на то поприще, которое, по моему мнѣнію, одно только и достойно дворянина; на то поприще, до котораго искони шли всѣ Гогенштейны и которое я самъ, къ великому моему прискорбію, принужденъ былъ оставить изъ любви къ твоей матери, словомъ...

— Чтобы я сталъ солдатомъ! воскликнулъ Вольфгангъ, вскакивая съ мѣста.

— Т. е., съ твоего позволенія, офицеромъ.

— Никогда этому не бывать!

Штадтратъ былъ заранѣе приготовленъ къ подобнаго рода отвѣту; тѣмъ не менѣе, онъ счелъ за нужное сдѣлать полуудивленное лицо и спросить измѣнившимся голосомъ:

— Да будетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволено узнать, почему мой сынъ такъ презрительно относится къ званію, въ которомъ состояла большая часть его предковъ?

— Если хочешь, отецъ, вся моя жизнь можетъ служить тебѣ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Я съ дѣтства привыкъ уважать истину и справедливость, привыкъ ненавидѣть сословныя привилегіи, которыя представляются мнѣ злѣйшими язвами нашего общественнаго организма. А изъ всѣхъ сословій—ни одно не занимаетъ такое исключительное положеніе, какъ офицерское; ни въ одномъ не сохранилось столько нелѣпыхъ средневѣковыхъ предрасудковъ; ни одно не представляетъ менѣе условій счастья для человѣка, желающаго, подобно мнѣ, жить въ братской любви съ своими ближними. Нѣтъ, отецъ, военная карьера была бы моею погибелью, какъ она была и твоею!

— Моею погибелью? обидчиво подхватилъ штадтратъ; ну, нѣтъ; я охотно бы помирился съ несчастьемъ продолжать военную службу; ты знаешь, я вовсе не раздѣляю твои новомодныя сумасбродныя идеи.

— Все это такъ, отецъ, но у тебя есть сердце, а твоя собственная участь служить лучшимъ доказательствомъ, что

въ этомъ званіи сердце считается ненужною роскошью. Отчего не хотѣли, чтобы ты женился на моей матери? Потому что она была бѣдна и незнатнаго происхожденія. Нѣтъ, отецъ, ты не захочешь, чтобы я посвятилъ себя профессіи, которая состоитъ въ такомъ ложномъ, неестественномъ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ ремесламъ.

— Я далъ тебѣ высказаться, любезный Вольфгангъ, возразилъ президентъ съ кажущимся спокойствіемъ, которому странно противорѣчило его поблѣднѣвшее лицо; теперь выслушай же и ты меня. Все, что ты сейчасъ сказалъ, убѣждаетъ меня, что я сдѣлалъ глубокую ошибку, отстранявъ себя отъ всякаго вліянія на твое развитіе; ты ударился въ направленіе, которое заставляетъ меня серьезно призадумываться о твоёмъ будущемъ; направленіе это обще у тебя съ такими людьми, какъ твой дядя Петръ, людьми, готовыми все поставить вверхъ дномъ, лишь бы привести въ исполненіе свои социальныя утопіи. Но не будемъ вдаваться въ теоретическіе диспуты; ограничимся занимающимъ насъ частнымъ случаемъ. Самая суть дѣла сводится на слѣдующее: если ты исполнишь желаніе дѣдушки, то, не говоря уже о томъ, что ты поздно-поздно, черезъ годъ, будешь произведенъ въ офицеры, слѣдовательно получишь возможность жениться на Камиллѣ, ты получишь, можно сказать навѣрное, если не все наслѣдство старика, то, по крайней мѣрѣ, часть его; такимъ образомъ ты сразу и безъ хлопотъ займешь такое положеніе, изъ-за котораго другіе всю жизнь свою напрасно бьются. Если же ты отсергнешь отъ себя счастье, которое само къ тебѣ напрашивается, то ты, во-первыхъ, теряешь всякую надежду жениться на Камиллѣ; старикъ не тотъ человѣкъ, чтобы забыть обиду; онъ отступится отъ тебя, а за нимъ отвернутся отъ тебя и всѣ остальные. Во-вторыхъ, ты снова становишь въ то незавидное положеніе, въ которомъ стоялъ до побѣдки въ Рейнфельденѣ. Вспомни, чѣмъ ты былъ? Такимъ же бѣднякомъ студентомъ, какъ сынъ какого нибудь портного, отецъ котораго кое-какъ сколотилъ деньжонки, чтобы послать свое чадо въ университетъ.

— Пусть такъ! проговорилъ Вольфгангъ, все же мнѣ это будетъ легче, чѣмъ отступничество отъ моихъ убѣжденій.

Штадтратъ поднялся съ дивана и проговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Короче же, оставайся при своихъ убъжденіяхъ, жертвуй имъ и своимъ собственнымъ счастьемъ; и счастьемъ той дѣвушки, которую ты говоришь, что любишь. Если тебѣ и этого мало, то утѣшайся гордымъ сознаніемъ, что отъ тебя зависѣло спасти родного отца отъ гибели, но ты этого не захотѣлъ и предпочелъ упорствовать въ своихъ убъжденіяхъ.

И, закрывъ лицо руками, штадтратъ направился къ двери. Вольгангъ бросился къ нему и заступилъ ему дорогу.

— Ради бога, отецъ! что это все значитъ?

— Оставь меня, проговорилъ штадтратъ; вѣдь тебѣ рѣшительно все равно, чтобы не стало съ твоимъ отцомъ.

— Батюшка, умоляю тебя, не уходи такъ отъ меня! Забудь все, что я сказалъ; не оставь мнѣ тяжкаго укора на совѣсти. Выскажись вполне; я не тотъ неблагодарный, за котораго ты меня принимаешь. Умоляю тебя, батюшка, скажи мнѣ все, что у тебя лежитъ на душѣ.

— Благодарю тебя, сынъ мой, проговорилъ президентъ глухимъ голосомъ; я не сомнѣваюсь въ томъ, что сердце у тебя предоброе, и я прошу у тебя извиненія въ томъ, что я сейчасъ наговорилъ сгоряча. Я не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣло мою собственную личность; я не хотѣлъ настаивать на твоихъ выборѣ, но видѣю намъ этого не миновать. Такъ знай же, Вольгангъ, что я разоренъ въ конецъ; мои дѣла въ такомъ положеніи, что, если не подоспѣетъ помощь извнѣ, я принужденъ буду объявить себя банкротомъ. Такого позора мнѣ не пережить; а между тѣмъ, я не вижу другого выхода, кромѣ примиренія съ рейнфельденскимъ дядошкой, какъ съ единственнымъ человекомъ, который можетъ мнѣ помочь. Если ты удовлетворишь его желаніе, то ты можешь считать, во крайней мѣрѣ, половину его имѣнія своею собственностью; такимъ образомъ я буду въ действительности обязанъ своимъ спасеніемъ тому человеку, въ которомъ мнѣ всего пріятнѣе видѣть своего спасителя, т. е. тебѣ.

Штадтратъ договорился до такого умоленія, что слезы брызнули у него изъ глазъ. Рыдалъ, оумъ обинилъ своего сына. Вольгангъ, съ своей стороны, былъ тоже глубоко потрясенъ.

— Милый отецъ, заговорилъ онъ тихимъ и твердымъ голосомъ, ты можешь на меня разсчитывать. Честнымъ человекомъ можно остаться во всякомъ званіи; но я не знаю такого званія, въ которомъ я могъ бы ужиться съ мыслью, что я родного отца покинулъ въ несчастіи. А теперь, батюшка, не пойдти ли намъ къ матери?

— Съ удовольствіемъ, мой милый сынъ! Я вижу, что ты *tiré à quatre épingles* и можешь хоть сейчасъ явиться въ любую гостиную. Облокотись на мою руку, хотя бы для того только, чтобы доставить матери удовольствіе видѣть насъ рука объ руку. Вотъ такъ! пойдѣмъ мой другъ.

XXX.

Президентшѣ казалось очень удобнымъ дать, по случаю обреченія своей любимицы-дочери, полную волю своей расточительности. Въ ея домѣ, то и дѣло, давались небольшіе танцевальныя вечера; если же дома ей казалось слишкомъ тѣсно, что случалось чуть не черезъ день, то предпринимались поѣздки въ сосѣднія горы.

— Признаюсь вамъ, любезный Кеттенбергъ, говорила президентша молодому художнику, что, глядя на счастье моей Камиллы, мнѣ самой кажется, что я помолодѣла.

Слушая васъ, можно и въ прямъ подумать, что на лицѣ вашемъ столько морщинъ, сколько на старушечьихъ типахъ Мурильо и Рембрандта, возразилъ вѣжливый художникъ.

— Ахъ вѣтъ, возразила Клотильда, старѣется, любезный Кеттенбергъ, не тѣло, а душа.

— Ну и душа, воскликнулъ, смѣясь, художникъ; души, подобныя вашей, вударыня, никогда не старѣются...

— О! вы, художники, настоящія дѣти, вздыхала президентша, вы еще вѣрите въ вѣчную юность! Но скажите, Кеттенбергъ, чтобы намъ такое устроить сегодня вечеромъ? но смотрите, надо выдумать что нибудь пикантное, необыкновенное!

— Что, въ раздумьи проговорилъ Кеттенбергъ, если бы

каждый изъ насъ остался смиренхонько дома, вѣдь это было бы очень необыкновенно, а слѣдовательно, въ высшей степени пикантно.

— Милосердый Боже! остаться дома, да еще однимъ, да вы никакъ съ ума сошли, Кеттенбергъ! Ты что присовѣтуешь, Камила?

— Да не устроить ли намъ опять живыя картины, отозвалась Камила; Вольфгангъ сходить съ ума по Гете; я думаю, ему было бы очень приятно видѣть меня Миньоной, въ бѣломъ платьѣ и съ крылышками.

— Какъ, увидеть васъ только ангеломъ на половину, воскликнулъ Кеттенбергъ, тогда какъ онъ привыкъ видѣть въ васъ полного ангела! да вѣдь это было бы очевиднымъ шагомъ назадъ. Вотъ, что вы придумали живыя картины, это отлично; у меня вертятся въ головѣ двѣ, три великолѣпныхъ идеи.

Въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, Кеттенбергъ помогъ лѣнивому воображенію дамъ и наскоро устроенныя картины удались такъ отлично, что художникъ не безъ самодовольства горворилъ, что даже самъ Гете, этотъ величайшій изъ всѣхъ *Maitre des plaisirs* могъ бы сегодня у него поучиться...

Такъ прошла цѣлая недѣля. Вольфгангъ всю свою жизнь не слышалъ столько смѣху и шутокъ, да и самъ столько не смѣялся и не шутилъ. Но стоило лишь разъ не участвовать Камиллѣ въ этихъ увеселеніяхъ, какъ общество теряло для него все свое обаяніе; стоило ему хоть на минуту остаться наединѣ съ самимъ собою, послѣ столькихъ, счастливо прожитыхъ часовъ — и снова со дна души его поднимались черныя думы.

Переходъ изъ его прежней среды въ новую былъ слишкомъ быстръ и неожиданъ и не могъ не отозваться болѣзненно на его мягкой душѣ. Вольфгангъ много читалъ и много думалъ на своемъ вѣку, но его знакомство съ дѣйствительностью было относительно очень поверхностно. Пока онъ былъ погруженъ въ свои ученія занятія, совершенно неожиданно для него всныхнула революція и поразила его именно тѣмъ, что тѣ умственные пріобрѣтенія, которыя онъ привыкъ считать своею частною собственностью, вдругъ въ явѣ стали достояніемъ каждаго.

Раскаленный потокъ лавы едва успѣлъ вырваться изъ кратера, какъ уже сталъ застывать; и какими же нечистыми выгарками оказался переполненнымъ этотъ огненный потокъ! Вольфгангъ еще стоялъ на той ступени умственнаго развитія, на которой человѣкъ всего склоннѣе бываетъ по ближайшей части или осколку судить и рядить о цѣломъ; а потому, нѣтъ ничего удивительнаго, что его мнѣніе о новыхъ апостолахъ свободы было самое не завидное. То, что говорилось на студенческихъ политическихъ сходкахъ, казалось ему пустымъ фантазерствомъ, вздорно-восторженнымъ кривляніемъ и дѣтскимъ хвастовствомъ; его попытка сойтись съ этими разряженными, обвѣшанными лентами римлянами и самому сдѣлаться съ ними римляниномъ положительно не удалась. Онъ радъ былъ отдохнуть въ тихомъ, прекрасномъ имѣніи дѣда отъ бѣшенаго и лихорадочнаго волненія городской жизни; любовь его къ прекрасной дѣвушкѣ казалась ему цвѣткомъ, распустившимся въ эти тихіе весенніе дни. Молодой человѣкъ сознавалъ, что эта пиллія не можетъ долго продолжаться, и наслаждался ею настоящею прелестью. То былъ не болѣе какъ сонъ, чудный, прекрасный сонъ. Но сонъ этотъ перешелъ въ дѣйствительность. Вольфгангъ, проснувшись, увидалъ себя женихомъ той самой дѣвушки, про которую ему приснилось, что онъ ее полюбилъ. Аристократическая одежда, въ которую онъ, сладко мечтавъ, облекся въ одиночествѣ Рейнфельдена, оказалась оффиціальною ливреею того самаго принца, противъ котораго возсталъ его здравый смыслъ—и эту-то ливрею онъ долженъ былъ носить передъ лицомъ цѣлаго свѣта! Все это начинало его мало по малу давить и разстраивать, какъ скоро онъ по вечерамъ уединялся въ свою комнату на мезонинѣ, садился въ свое старое кресло и закуривалъ сигару.

На слѣдующее утро ему должно было сдѣлать первый оффиціальный шагъ по той дорогѣ, къ которой привели его обстоятельства. Ему надо было представиться маіору Дегенфельду, въ батальонъ котораго дядя намѣревался его помѣстить. При одной мысли объ этомъ визитѣ Вольфгангу становилось не по себѣ. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился принести эту жертву отцу. Штадтратъ ничего не пожалѣлъ, чтобы убѣдить своего сына въ необходимости жертвы. Онъ далъ ему загля-

нута въ свои карты и убѣдиться собственными глазами, какъ плохо сдана игра; онъ показалъ ему, что безъ кредита онъ никоимъ образомъ не можетъ держаться, и что одно только официальное примиреніе съ вліятельною семьею, преимущественно же съ богатымъ рейнфельденскимъ дядею, можетъ ему доставить этотъ кредитъ. — Ты не повѣришь, Вольфгангъ, продолжалъ онъ, какъ тяжело отозвалась на всей моей жизни она, постигшая меня со стороны моихъ родственниковъ за женитьбу на твоей матери, и какъ она мѣшала мнѣ во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Все это разомъ измѣнится, лишь только ты станешь женихомъ президентской дочери, офицеромъ въ полку дяди и главнымъ наслѣдникомъ генерала—или, если тебѣ имъ не хочется быть, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ наслѣдниковъ генерала. Да и наконецъ, любезный другъ, подумай о своей матери! она проливаетъ теперь тайныя слезы о томъ, что ты поступаешь въ военную службу; это понятно: ея образъ мыслей, тяжелыя испытанія, пережитыя ею, все это не позволяетъ ей сочувственно отнестись къ этому плану; но, Вольфгангъ, такъ ли еще она будетъ плакать, если я окажусь несостоятельнымъ должникомъ и принужденъ буду оставить этотъ домъ, а съ домомъ и садъ, который она такъ любитъ? Нѣтъ, нѣтъ, Вольфгангъ, я вполне уважаю твое нерасположеніе къ военной службѣ, хотя, съ моей точки зрѣнія, и не раздѣляю его; я предоставилъ бы тебѣ полную свободу выбора, что я и дѣлалъ до сихъ поръ, пока обстоятельства не вынудили меня поступать иначе. Но теперь ты и самъ видишь—выбора нѣтъ. Сходи завтра къ маіору Дегенфельду, онъ весьма любезный человекъ и встрѣтитъ сына своего стараго товарища съ распростертыми объятіями. Къ тому же, онъ извѣстенъ своею либеральностью, слѣдовательно вы отлично сойдетесь.

Господицъ Дегенфельдъ былъ стройный мужчина лѣтъ сорока; его благородный лобъ успѣлъ уже нѣсколько обнажиться около висковъ. Его вѣжливый поклонъ и любезное приглашеніе садиться произвели на Вольфганга пріятное впечатлѣніе; ему казалось, что онъ имѣетъ дѣло не съ солдатомъ, а съ ученымъ. Это впечатлѣніе еще болѣе подтверждалось шелковымъ стеганнымъ скотукомъ домашняго покроя, который охва-

тывалъ стройную фигуру маіора, и богатою бібліотекою, размѣщенной на простыхъ полкахъ вдоль стѣны. Обращеніе герра фонъ-Дегенфельда и его рѣчь соответствовали его наружности. Въ немъ не было замѣтно и слѣдовъ той грубости и аффектированной небрежности выраженій, которыми щеголяютъ другіе офицеры. Маіоръ держалъ себя спокойно и просто; онъ выражался легко, даже изящно. Онъ спрашивалъ молодого человѣка такимъ мягкимъ, задушевнымъ тономъ о его прежнихъ занятіяхъ, о его любимыхъ писателяхъ и при этомъ выказалъ столько начитанности, что Вольфгангъ почувствовалъ невольное влеченіе къ этому симпатичному человѣку.

Съ другой стороны, и маіору понравилась скромная, но въ тоже время твердая и полная достоинства осанка молодого человѣка. Онъ долго не сводилъ съ него своего пронизательнаго взгляда, потомъ проговорилъ, улыбаясь:

— Извините меня, молодой человѣкъ, за мою привычку, не слишкомъ-то пріятную для другихъ, внимательно изучать фізіономіи лицъ, съ которыми мнѣ предстоитъ болѣе короткое знакомство. Я убѣжденъ, что люди смотрятъ именно тѣмъ, чѣмъ они бываютъ на самомъ дѣлѣ. Вы же тѣмъ болѣе можете мнѣ простить мою лафатеровскую причуду, что, если ваша внѣшность соответствуетъ внутреннему содержанію—а по моей теоріи, оно непременно должно быть такъ,—то мы съ вами отлично сойдемся.

— Вы слишкомъ любезны, маіоръ.

— Я только откровененъ, и откровененъ, если хотите, по принципу, а потому я и не могу умолчать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что обстоятельства эти сдѣлались въ нашемъ полку гласною тайною; вы не провели бы у насъ и восьми дней, не узнавъ о нихъ. Дѣло въ томъ, что мы съ вашимъ дядюшкою находимся въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ; если не ошибаюсь, полковникъ удостоиваетъ меня своею особенною ненавистью. Къ тому же, и взглядъ мой на наше призваніе ему до крайности антипатиченъ; да и не мудро! онъ противорѣчитъ всему его міросозерцанію. И такъ, вы поймете, что меня чрезвычайно удивило распоряженіе полковника помѣстить васъ именно въ мой батальонъ; и

признаюсь, я до сихъ поръ еще не могу понять, что заставило его поступить такимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что въ двухъ другихъ батальонахъ болѣе ваканцій, чѣмъ въ моемъ; да и командиры ихъ—люди совершенно въ его вкусъ и его закадычные друзья. Ну, да какъ бы тамъ ни было, вы, мой юный другъ, никакимъ образомъ не пострадаете отъ этихъ обстоятельствъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что въ моихъ силахъ, чтобы расчистить передъ вами тотъ далеко не гладкій путь, по которому вы ступаете теперь. Въ заключеніе позвольте предложить вамъ, герръ фонъ-Гогенштейнъ, еще вопросъ, который можетъ вамъ показаться нескромнымъ, но разъясненіе котораго было бы мнѣ желательно по многимъ причинамъ; скажите, вѣдь вы не совсѣмъ по своей волѣ поступаете къ намъ?

— Не знаю, господинъ маіоръ, возразилъ Вольфгангъ послѣ небольшой паузы, хватило ли бы у меня силы отвѣтить другому откровенно на этотъ вопросъ; знаю только, что вамъ у меня не хватитъ духу солгать. Ваше предположеніе совершенно справедливо. Рѣшеніе сдѣлаться солдатомъ стоило мнѣ не мало борьбы; то, что побудило меня къ поступку, прямо идущему въ разрѣзъ со всѣми моими наклонностями, привычками и даже убѣжденіями, поведетъ насъ слишкомъ далеко, и вы позволите мнѣ умолчать объ обстоятельствахъ, парализировавшихъ мою волю. Маіоръ кивнулъ головою.— Иначе и быть не могло; кто-жъ оставитъ научныя занятія и притомъ такія успѣшныя, какъ ваше, безъ какойнибудь важной, понуждающей причины? Я особенно живо сочувствую вамъ; въ вашей жизни повторяется тотъ же случай, какъ и въ моей. И я, подобно вамъ, работалъ уже нѣсколько лѣтъ надъ книгами и никогда не думалъ о возможности покинуть ихъ, какъ вдругъ судьба въ видѣ... ну, да въ какомъ видѣ, не важно знать, вырвала у меня перо изъ рукъ и замѣстила его мечомъ.

Маіоръ задумчиво понурился; потомъ онъ снова обратился къ Вольфгангу и проговорилъ съ своей ласковой улыбкой.

— Вамъ, слѣдовательно, предстоитъ идти тѣмъ же путемъ, какъ и мнѣ. Но на вашей сторонѣ одна большая выгода: ваше ученичество будетъ менѣе продолжительно, хотя и будетъ, можетъ стать, потруднѣе моего. Перевороты, которые вре-

мя влечетъ за собою во всѣхъ сферахъ жизни, нигдѣ, быть можетъ, не отзовутся съ такою силою, какъ именно въ военномъ сословіи. Европейскія арміи не могутъ остаться тѣмъ, чѣмъ онѣ были до сихъ поръ, преимущественно же наши нѣмецкія арміи. Прогрессъ на этомъ поприщѣ будетъ и долженъ идти рука объ руку съ прогрессомъ на другихъ поприщахъ. Смѣшно желать народнаго войска тамъ, гдѣ нѣтъ еще народа. Что мы достигнемъ этой цѣли—это мое святѣйшее убѣжденіе; безъ этого убѣжденія я давно оставилъ бы военную службу. Но, чтобы скорѣе достигнуть этого результата, необходимо прежде всего, чтобы въ нашихъ рядахъ явились люди, понимающіе и цѣль, и средства, умѣющіе возбудить и направить къ ней другихъ. Потому-то я и встрѣчаю съ искреннимъ привѣтомъ каждаго вступающаго къ намъ юношу; потому-то я и радъ вамъ, герръ фонъ Гогенштейнъ, какъ дорогому гостю.—Въ эту минуту вошелъ лакей и объявилъ, что г. маіору пора одѣваться къ параду.

Вольфгангъ сталъ прощаться.

— Посидите еще минутку, сказалъ маіоръ, особеннаго спѣху нѣтъ; я приказываю заранѣе напоминать себѣ, что пора на службу, потому что мнѣ стоитъ всегда чрезвычайнаго труда сразу оторваться отъ моей работы. Говорили вы уже съ вашими дядюшкой о различныхъ путяхъ, которыми достигаются эполеты, и рѣшились уже вы на которыйнибудь изъ нихъ?

— Да, господинъ маіоръ. Полковникъ мнѣ совѣтовалъ выпросить у васъ какъ можно скорѣе отпускъ въ столицу и приготовиться тамъ частнымъ образомъ къ экзамену. Онъ говоритъ, что такимъ образомъ я кратчайшимъ путемъ дойду до цѣли.

— Посѣщать дивизионную школу и я бы вамъ отсовѣтовалъ по многимъ причинамъ; правда, на худой конецъ, вы бы и здѣсь, какъ и въ столицѣ, могли бы найти все нужное для вашихъ занятій. Впрочемъ, ужь это ваше дѣло рѣшать; только еще на одно обстоятельство я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе. Въ настоящую минуту столица волнуется, хотя я, съ своей стороны, и возлагаю большія надежды на парламентъ, собраніе котораго предстоитъ на дняхъ; но все же нельзя ожидать,

чтобъ расходившіяся волны сразу успокоились. Напротивъ, возвращеніе бурныхъ дней кажется мнѣ почти неизбѣжнымъ. Вы имѣете драгоцѣнную возможность спокойно наблюдать со стороны ходъ событій. Не поступайте легкомысленно въ этомъ выгодномъ положеніи; не приставайте сразу активно къ той или другой изъ враждующихъ партій, напротивъ, воспользуйтесь вашимъ положеніемъ, чтобы строго взвѣсить достоинство каждой партіи; чтобы узнать ихъ преимущества и слабости, цѣли и средства, однимъ словомъ, политическое положеніе каждой изъ нихъ. Нѣтъ ничего нелѣпѣе мнѣнія нашихъ офицеровъ, что намъ, солдатамъ, должно быть только солдатами и болѣе уже ровно ничѣмъ. Если я не ошибаюсь, то мы живемъ наканунѣ времени, въ которомъ генералъ, неспособный быть въ тоже время и государственнымъ человѣкомъ, будетъ играть такую же жадкую роль, какъ и государственный человѣкъ, не умѣющій драться за свои идеи. Потому не теряйте даромъ то время, которое вы посвятите на изученіе военныхъ наукъ; онѣ вамъ пригодятся, даже если бы вы и оставили это поприще. Въ настоящее время необходимо умѣть сидѣть на разныхъ сѣдлахъ. — Въ эту минуту снова вошелъ слуга и доложилъ, что до часу осталось всего 15 минутъ.

— Хорошо!

Слуга повернулся на лѣво кругомъ и вышелъ изъ комнаты.

— Я почти ненавижу этого человѣка, улыбаясь, проговорилъ майоръ; онъ представляется мнѣ воплощеніемъ безсмысленной, праздно убивающей время службы. — До свиданія, перръ фонъ-Гогенштейнъ!

— Вашъ патентъ будетъ завтра готовъ; послѣ завтра вамъ надо будетъ предетавиться на парадъ, а на слѣдующій за тѣмъ день вы можете ѣхать. Если вамъ не въ тягость будетъ побывать еще разъ у меня, мнѣ удастся, можетъ быть, дать вамъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ относительно вашихъ будущихъ занятій. О Боже! мой учитель опять идетъ! прощайте! прощайте!

XXXI.

Вскорѣ пришло отъ генерала письмо, въ которомъ онъ приглашалъ жениха и невѣсту на слѣдующее воскресенье къ себѣ въ Рейнфельденъ, а съ ними вмѣстѣ и остальныхъ родственниковъ. Вольфгангъ радовался случаю снова увидѣть Рейнфельденскій паркъ, съ которымъ для него было связано столько дорогихъ воспоминаній; президентша и Камила имѣли свои причины радоваться этой поѣздкѣ; но никому она не была такъ на руку, какъ самому штадтрату. Счастье, улыбнувшееся ему за послѣднее время, продолжало ему везти. Преступленіе его оставалось не открытымъ и онъ былъ избранъ казначеемъ той самой кассы, которую обокралъ; о ревизіи же кассы, среди самаго развала избирательныхъ волненій, никто и не думалъ. Штадтратъ окончательно примирился со всѣми своими родственниками и даже занялъ въ средѣ ихъ весьма почетное положеніе, какъ отецъ жениха президентской дочери и будущаго владѣльца Рейнфельдена. Генералъ хотя и не отвѣчалъ ему прямо на письмо, въ которомъ покорный племянникъ извѣщалъ объ исполненіи «всѣхъ его повелѣній», за то не замедлилъ выразить свое удовольствіе переводною роспискою на своего банкира. Штадтратъ былъ того мнѣнія, что отчего же и не ковать желѣзо, которое такъ славно раскалилось? Получить тысячу талеровъ, конечно, хорошо, но получить десять тысячъ и того лучше.

Но увы! въ воскресенье утромъ пришло письмо, отъ котораго порядкомъ померкли радужныя надежды штадтрата. Генералъ писалъ, что онъ болѣчь, а потому не можетъ и не желаетъ принимать гостей; посылалъ къ чорту свою подагру и выражалъ желаніе, чтобы Вольфгангъ убирался себѣ въ резиденцію, не представивъ дѣдушкѣ «красивую маленькую плутовку».

И такъ, прекрасная игра, повидимому, кончилась, и не оставалось никакой надежды, что тѣ же карты снова воротятся въ руки игрока. Срокъ къ отъѣзду Вольфганга былъ уже назначенъ и молодой человѣкъ усиленно настаивалъ на томъ, чтобы не откладывать дѣло въ долгій ящикъ.

Это странное нетерпѣніе жениха покинуть свою невѣсту объяснялось тѣмъ, что примирительное чувство, вынесенное Вольфгангомъ изъ разговора съ маіоромъ Дегенфельдомъ, успѣло испариться. Представленіе на парадѣ, знакомство съ товарищами, которые всѣ безъ исключенія стояли неизмѣримо ниже его въ умственномъ развитіи, все это сильно омрачило душевное настроеніе новопоступившаго юнкера стодевяносто девятаго пѣхотнаго полка; онъ чувствовалъ, что ему необходимо на время удалиться изъ среды, гдѣ было слишкомъ много свидѣтелей происходившей въ немъ борьбы съ самимъ собою.

Всѣхъ болѣе досадовала на его «упрямство» президентша; она успѣла въ это короткое время «безумно полюбить» Вольфганга и съ каждымъ днемъ открывала въ немъ новыя достоинства. Но величайшею его заслугою въ ея глазахъ было то, что помолвка его съ Камиллою служила предлогомъ къ длинному ряду увеселеній; а потому она и слышать не хотѣла о такомъ смѣшномъ отъѣздѣ. Камилла, само собою разумѣется, и въ этомъ, какъ и во всемъ, вторила своей матери. Сначала она силилась удержать Вольфганга мольбами и ласками, но видя, что ни то, ни другое не помогаетъ, она надулась; убѣдившись въ бесполезности и этого средства, она прибѣгла къ рыданіямъ (плакать Камилла не умѣла) и объявила, что если Вольфгангъ ставитъ ея желанія ни во что, то и она, Камилла, не видитъ никакой надобности сообразоваться съ его желаніями и, не смотря на то, что Вольфгангъ уѣзжаетъ утромъ, преспокойно отправится сегодня послѣ обѣда на очаровательный пикникъ, устроенный г. фонъ-Вилламовскимъ.

— Я не имѣю ни малѣйшаго права предписывать тебѣ тотъ или другой образъ дѣйствій, возразилъ Вольфгангъ; если тебѣ пріятнѣе веселиться съ твоими друзьями, чѣмъ провести нѣсколько лишнихъ часовъ со мною, то поступай, какъ знаешь.

— Но помилуйте, другъ мой, отозвалась президентша съ своего мѣста; мнѣ кажется, что если ужъ кто изъ васъ въ правѣ такъ говорить, то это Камилла. Можетъ ли быть, чтобы вы дѣйствительно дорожили обществомъ Камиллы, когда вы безъ всякой нужды спѣшите ее покинуть? — Лежи смирно, Жоли!

— Я уже не разъ излагалъ вамъ причины, заставляющія меня торопиться отъѣздомъ; очень жалѣю, сударыня, если мнѣ не удалось убѣдить васъ въ уважительности этихъ причинъ, но...

— Но что тебѣ мѣшаетъ принять участіе въ сегодняшней поѣздкѣ? воскликнула Камилла.

— Извини, милая Камилла, это положительно невозможно; мнѣ еще надо сдѣлать нѣсколько визитовъ; къ тому же, я бы желалъ пробыть послѣднее время съ матерью, а ты знаешь, что мы раньше одиннадцати часовъ съ пикника не воротимся; поѣздъ отходить завтра утромъ въ семь часовъ.

— Ты упрямисься, отвѣчала Камилла.

— Я возвратилъ бы тебѣ этотъ упрекъ обратно, если бы не былъ убѣжденъ, что ты еще передумаешь и останешься сегодня дома.

— Ну! это мы еще увидимъ!

— И точно, я это увижу, потому что заѣду къ тебѣ въ три часа.

— Пароходъ, на которомъ мы уѣзжаемъ, отходить въ два.

— Коли такъ, то дѣлать нечего! я теперь же прощусь съ тобою, Камилла.

— Прощай!

Вольфгангъ поклонился и медленными шагами направился къ двери, въ полной увѣренности, что Камилла его воротитъ. Но молодая дѣвушка не отрывала глазъ отъ своего вышиванья. Горькое чувство шевельнулось въ Вольфгангѣ, но онъ промолчалъ и, вторично поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

— Смотри только, замѣтила президеншта, будь съ нимъ полюбезнѣе сегодня вечеромъ.

— А ты думаешь, маменька, что онъ еще приѣдетъ? спросила Камилла.

— Приѣдетъ ли онъ? *Mais cela va sans dire!*

— *Nous verrons*, проговорила Камилла, считая бисеръ для своей работы.

Вольфгангъ дѣйствительно приѣхалъ, но не въ два часа, а въ три. Камердинеръ Жанъ, вышедшій ему отпирать, очень удивился, что молодой баринъ не уѣхалъ вмѣстѣ съ остальными и объявилъ, что барыня съ обѣими барышнями, герромъ

фонъ-Вилламовскимъ и ассесоромъ фонъ-Вире изволили уѣхать еще въ половинѣ второго.

Первымъ движеніемъ Вольфганга было оставить свою карточку, написавъ на ней: «съ прощальнымъ визитомъ», но мысль, что хитрый, до противности болтливый слуга тотчасъ же догадается, въ чемъ дѣло, и Камила сдѣлается предметомъ лакейскихъ сплетень, удержала его отъ этого. Тяжелое чувство осталось у него на душѣ. Такъ вотъ до чего дошло уже дѣло! Какъ мало понимала его Камила, какъ сильно заразилась она суетою окружавшей ее среды!

Медленными шагами направился Вольфгангъ домой. Въ комнатѣ своей онъ нашелъ всѣ свои вещи уложенными; объ этомъ въ его отсутствіе позаботились мать и Урсула. Онъ сошелъ въ садъ; не легко ему было при свиданіи съ матерью принести ей какъ бы жалобу на свою невѣсту, потому что сказать ей, что Камила уѣхала безъ него на пикникъ, равнялось уже жалобѣ.—Къ удивленію его, Маргарита приняла это извѣстіе, какъ нѣчто такое, чего она давно ожидала. Само собою разумѣется, она этого не высказала словами, но во всемъ, что она говорила въ утѣшеніе сыну, звучало это чувство. Если бы Маргарита заглянула въ эту минуту въ глубину своей собственной души, она, быть можетъ, не безъ ужаса увидѣла бы тамъ какое-то чувство торжества, что вотъ ея Вольфгангъ покинуть тою, которая отгѣснила ее въ привязанности сына на второй планъ. Какъ бы то ни было, гордое сознание, что ей, по крайней мѣрѣ на одинъ этотъ вечеръ, дано снова занять прежнее мѣсто, что Вольфгангъ не къ кому другому, а къ ней пришелъ съ своимъ горемъ, возвратили ей всю ея прежнюю задушевность, которая въ послѣднее время смѣнилась было какою-то стыдливою сдержанностью. Она весело болтала съ сыномъ, шутила и смѣялась, какъ она порой умѣла шутить и смѣяться, когда ничто не тяготѣло надъ нею. Болтая такимъ образомъ, она договорилась до вопроса:

— А былъ ты, Вольфгангъ, у дяди Петра съ прощальнымъ визитомъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Вольфгангъ, но я собираюсь къ нему сегодня вечеромъ. Я бы и ранѣе побывалъ у него и у Мюндера, но, сказать тебѣ правду, матушка, мнѣ кажется,

что Шмицы и Мюнцеръ не слишкомъ-то благопріятно отнесутся къ моей помолвкѣ и поступленію въ военную службу; а вѣдь ты знаешь, что люди эти принимаютъ за личное оскорбленіе, если человѣкъ позволяетъ себѣ распорядиться своею особою не согласно съ ихъ воззрѣніями, а того и знать не хотятъ, что это не всегда бываетъ возможно.

— Это-то правда, вздохнула Маргарита.

— Но, какъ бы то ни было, продолжалъ Вольфгангъ, я и безъ твоего напоминанья непременно бы пошелъ къ дядѣ, хотя бы для того только, чтобы повпдать мою хорошенькую кузину. Кстати, матушка, отчего это Оттилія совсѣмъ пропала за послѣднее время? Ужь не въ наказаніе ли мнѣ за помолвку съ Камиллой перестала она ходить къ намъ въ домъ?

Маргарита колебалась: сказать ли ей сыну правду или нѣтъ? Но оскорбленная фамильная гордость взяла верхъ и она отвѣчала со слезами на глазахъ:

— Не ходитъ она, потому что ей запретили.

— Кто же могъ запретить?

— Твой отецъ.

— Это почему?

— Не знаю... или нѣтъ, я знаю: потому что онъ стыдится моихъ родственниковъ, потому что родня твоей невѣсты не знаетъ или не хочетъ, чтобы ей напоминали, что мать твоя дочь бѣднаго типографщика.

— И отецъ сказалъ это Шмицамъ?

— Я сама была вынуждена сказать это Оттиліи.

Едва успѣла Маргарита выговорить эти слова, какъ она дорого бы дала, чтобы воротить ихъ назадъ. Въ ней проснулось сознаніе, что не слѣдуетъ женѣ и матери сѣять раздоръ между отцомъ и сыномъ. Она принялась, какъ умѣла, оправдывать мужа въ глазахъ Вольфганга, утверждая, что, конечно, не съ злымъ умысломъ запретилъ онъ ей сношенія съ семействомъ брата, но изъ страха, чтобы эти сношенія не компрометировали его во мнѣніи его партіи и проч., и проч.

Вольфгангъ слушалъ ее угрюмо и молча.

— Полно, матушка, проговорилъ онъ наконецъ; знаю я эту старую, ненавистную пѣсню! старое проклятiе тягѣтѣтъ

надъ нами и не даетъ намъ жить, какъ подобало бы братьямъ. Ты, матушка, много пострадала на своемъ вѣку отъ этого древняго проклятiя; видно и я наслѣдовалъ твою участь. Мы съ тобою несемъ наказанiе за чужiе грѣхи; намъ ничего болѣе не остается, какъ сохранить себя чистыми отъ грѣха и, не измѣняя самимъ себѣ, приносить себя въ жертву за другихъ; но есть предѣлъ пожертвованiю, гдѣ совѣсть говоритъ намъ «довольно» и тутъ мы должны, будь, что будетъ, твердо стоять на своемъ. Этого-то предѣла достигли мы съ тобою теперь. Отецъ не въ правѣ отъ тебя требовать, чтобы ты, въ угоду его житейскимъ расчетамъ, заперала свою дверь тѣмъ честнымъ людямъ, съ которыми ты связана и узами крови, и столькими свѣтлыми воспоминанiями; не можетъ онъ требовать и отъ меня, чтобы я уѣхалъ, не прошившись съ людьми, отъ которыхъ я, съ тѣхъ поръ, какъ живу на свѣтѣ, ничего не видалъ, кромѣ ласки и привѣта.

Маргарита хотѣла было что-то сказать, но въ эту минуту показался штатдтратъ, шедшiй къ ней на встрѣчу торопливыми шагами. Маргарита поблѣднѣла и бросила умоляющiй взглядъ на сына, который отвѣчалъ ей тихимъ пожатiемъ руки и проговорилъ шопотомъ:—будь совершенно спокойна, милая матушка.

Штатдтратъ былъ въ сильномъ волненiи. Поздоровавшись съ женою и сыномъ, онъ тотчасъ же заговорилъ о великомъ событiи дня, о состоявшихся выборахъ. Его извѣстiя были изъ самаго вѣрнаго источника, потому что онъ только что воротился изъ собранiя избирателей. Дѣло не обошло безъ жаркихъ стычекъ между враждующими партiями; положительнаго результата не ранѣе добились, какъ послѣ вторичнаго собранiя голосовъ.

— И что же это за результатъ! продолжалъ штатдтратъ. Ты, Вольфгангъ, и самъ не будешь знать: радоваться тебѣ ему или нѣтъ. Не смотря на наши отчаянныя усилiя поддержать президента, его забалатировали.

— А Мюнцера? спросилъ Вольфгангъ.

— Мюнцеръ избранъ, отвѣчалъ президентъ, стараясь придать своему голосу по возможности равнодушную интонацiю. Ну, да этого слѣдовало заранѣе ожидать; его популярность

между рабочими, какъ мы ни старались ее подорвать, все еще очень велика. Католицизмъ и партикуляризмъ — вотъ они, наши злѣйшіе враги! Если бы этому народу волю дать, то онъ никого бы не выбралъ, кромѣ поповъ да юристовъ, чтобы у него какънибудь, сохрани Боже! не оттягали его требникъ и его кодексъ. Съ какимъ недовѣріемъ смотрятъ на насъ, протестантовъ изъ восточныхъ провинцій, всего яснѣе выступило сегодня. Когда президентъ окончательно провалился, предложили на скорую руку меня. Быть можетъ, если бы мы спохватились пораньше, то эта мѣра увѣнчалась бы и лучшимъ успѣхомъ; я и такъ дивился сегодня значительному количеству голосовъ, которые были за меня. Но брату нанесенъ тяжелый ударъ. Однако, à propos, Вольфгангъ, отчего ты не на пикникъ?

— Я остался дома, потому что мнѣ хотѣлось провести лишній часокъ съ матушкой; къ тому же, мнѣ еще надо у коекого побывать и, прежде всѣхъ, у дяди Петра.

— Твоя правда, замѣтилъ штатдиратъ; я всѣ эти дни собирался тебѣ объ этомъ напомнить, да захопотался до того, что чуть было не забылъ. Дядя, конечно, будетъ въ правѣ обижаться, если ты уѣдешь, не простившись съ нимъ. Въ послѣднее время мы разошлись съ нимъ довольно далеко, а потому я и просилъ твою мать ограничить свои сношенія съ родственниками самыми необходимыми; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы въ правѣ были пренебрегать въ отношеніи ихъ законами обыкновенной вѣжливости.

Когда Маргарита, прилежно разсматривавшая все это время цвѣты на клумбѣ, подняла голову, то глаза ея были влажны и голосъ ея звучалъ еще мягче обыкновеннаго, когда она обратилась къ мужу:—пойдемъ домой, Артуръ, ты, я думаю, страшно усталъ; стаканъ вина тебя подкрѣпитъ.

— А самую сладкою приправою къ вину будетъ мнѣ улыбка моей красавицы жены, отвѣчалъ штатдиратъ, цѣлуя ея руку.

Всѣ трое вошли въ домъ. Пока штатдиратъ закусывалъ, Вольфгангъ и Маргарита сидѣли возлѣ него, слушая его нескончаемые рассказы о выборахъ.

Когда Вольфгангъ выбрался изъ дому, на дворѣ уже начинало темнѣть. На душѣ у него было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ

нѣскольکو часовъ тому назадъ, когда онъ только-что воротился домой. Никогда еще не видалъ онъ такого добраго согласія между родителями, какъ въ этотъ вечеръ. Отрадное впечатлѣнiе, вынесенное имъ изъ дому, помогало ему бодро смотрѣть на предстоящую разлуку съ матерью; да и самая ссора съ Камиллою представлялась ему въ менѣе мрачномъ свѣтѣ. Въ этомъ-то примиряющемъ настроенiи духа достигъ онъ, послѣ долгаго странствованiя по шумнымъ, пыльнымъ улицамъ, дома своего дяди.

XXXII.

Ужасный случай съ маленькимъ Карломъ не имѣлъ другихъ послѣдствiй, кромѣ сильной простуды, которая дала себя знать въ тотъ же вечеръ. Неотвязный кашель ни днемъ, ни ночью не давалъ бѣдному мальчику покоя, а съ нимъ вмѣстѣ, конечно, и его матери. Но не болѣзнь ребенка заставляла Клару просиживать цѣлыя ночи на постели, подперевъ голову рукою, или же бросаться лицомъ въ подушки, чтобы заглушить рыданiя. Искра ревности, заброшенная неосторожною рукою Рупертуса, превратилась въ страшный пожаръ, охватившiй мозгъ и сердце бѣдной женщины. Она не знала лично Антонiю, но и до нея дошла молва, обвинявшая эту женщину въ самомъ наглomъ распутствѣ. Положительнымъ казалось ей въ тоже время, что Мюнцеръ, сообщавшiй ей обыкновенно все, что его занимало, умолчалъ объ этой встрѣчѣ. Въ то ужасное мгновенiе, когда она увидѣла помертвѣвшаго Карла въ объятiяхъ мужа и когда, въ ту же минуту, Мюнцеръ безъ чувствъ свалился къ ея ногамъ, ей, конечно, и въ голову не пришло себя спросить, какими судьбами Мюнцеръ очутился на берегу; но когда на другой день она сообразила всѣ обстоятельства дѣла, для нея стало ясно, что не откуда ему было болѣе придти, какъ изъ сада Антонiя. На третiй день послѣ этихъ событiй пришло по городской почтѣ письмо, за подписью «честный человекъ.» Этотъ «честный человекъ» считалъ своимъ долгомъ извѣстить госпожу Мюнцеръ

о связи, существовавшей съ нѣкоторыхъ поръ между ея мужемъ и Антоніей фонъ-Гогенштейнъ; тѣмъ болѣе, что связь эта успѣла уже стать предметомъ городскихъ сплетенъ. Затѣмъ «честный человѣкъ», побуждаемый, конечно, гуманнымъ желаніемъ какъ можно болѣе затронуть бѣдную женщину, пускался въ длинный перечень любовныхъ похожденій Антоніи и въ заключеніе объявлялъ, что на этотъ разъ онъ сообщилъ довольно, но что въ скоромъ времени надѣется удружить господжѣ Мюнцеръ дальнѣйшими подробностями этого дѣла.

Если президентъ фонъ-Гогенштейнъ, продиктовавшій это письмо своему камердинеру Жану въ пылу досады на Антонію, рассчитывалъ посѣять имъ открытый раздоръ между супругами, Мюнцерами, и такимъ образомъ уронить своего политическаго противника въ общественномъ мнѣніи, то онъ жестоко ошибался.

Клерхенъ не дочитала письма до конца и дрожащими руками бросила его въ огонь. Святыня домашняго очага казалась ей оскверненной пока въ стѣнахъ ея дома существовалъ подобный документъ. И Клерхенъ замкнула въ себѣ самой свою страшную тайну, про которую знали вмѣстѣ съ нею только ночь да подушка. Ничто въ обращеніи ея мужа не изобличало перемѣны душевнаго настроенія; онъ оставался по-прежнему угрюмъ и печаленъ, только въ обращеніи съ нею сталъ какъ-то мягче и внимательнѣе; когда ему случалось быть дома, онъ болѣе занимался своею дочкою, Элою, первое его слово, когда онъ возвращался домой, былъ вопросъ о здоровьи Карла. Такъ проходили дни за днями, и роковой день, который Клара сама себѣ назначила для рѣшенія своей участи, приближался; она выжидала только избранія Мюнцера депутатомъ, чтобы высказать ему давно задуманное слово.

Между тѣмъ анонимный корреспондентъ Клары не лгалъ, утверждая, что связь Мюнцера и Антоніи успѣла сдѣлаться предметомъ городскихъ сплетенъ. Объ этой связи говорили и въ аристократическихъ гостиныхъ, говорили (послѣднее, быть можетъ, было опаснѣе для Мюнцера) и въ грязныхъ кабакахъ, гдѣ, за кружкою дрянного пива, въ атмосферѣ, на сквозь пропитанной кабачнымъ дымомъ, засѣдали «записные полити-

каны» и судили, и рядили объ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ кандидатовъ, подлежащихъ ихъ избранію. Откуда распространился слухъ, что докторъ Мюнцеръ пренебрегаетъ своими супружескими и родительскими обязанностями и въ объятіяхъ знатныхъ барынь смѣется надъ тѣми самыми демократическими принципами, которые проповѣдуетъ официально, этого никто не могъ сказать. Знали только, что фанатическій приверженецъ Мюнцера и «красной республики», слесарный мастеръ Кристофъ Ункель, публично отколотилъ одного тщедушнаго, блѣднаго малаго, осмѣливавшагося поносить доктора Мюнцера и, при жалкомъ хотѣ всей честной компаніи, вытолкалъ его за дверь, послѣ чего общественное мнѣніе этихъ кружковъ снова стало благопріятнѣе относиться къ Мюнцеру.

Недобрые слухи успѣли проникнуть и въ типографскую мастерскую Петра Шмица, а оттуда, конечно, проложили себѣ дорогу и въ самый домъ. Петръ Шмицъ не замедлялъ объявить, что все это не болѣе, какъ постыдныя клеветы, выдуманныя врагами Мюнцера; но тетушка Белла была совсѣмъ иного мнѣнія. Тетушка Белла была одарена духомъ предвидѣнья и задолго до всѣхъ этихъ толковъ предсказывала своимъ близкимъ друзьямъ, что «этимъ Мюнцерамъ обопяъ не сдобровать», а потому очень естественно, что тетушка Белла была на сторонѣ общаго говора, который вторилъ ей внутреннему убѣжденію. Первымъ ея движеніемъ было переговорить съ самимъ Мюнцеромъ, но отъ этого намѣренія она отказалась не изъ трусости, которая въ подобныхъ дѣлахъ была незнакома этой честной душѣ, а изъ благоразумія. Потомъ она было задумала откровенно объясниться объ этомъ дѣлѣ съ Кларой, но болѣзненная чувствительность Клары, проявлявшаяся каждый разъ, какъ рѣчь заходила о ея отношеніяхъ къ мужу, дѣлала и этотъ планъ не совсѣмъ удобнымъ. Наконецъ тетушка Белла рѣшилась обратиться къ своему неизмѣнному другу и повѣренному, доктору Гольму, и взвалить ему на плечи щекотливое порученіе. Съ первыхъ словъ Гольмъ наотрѣзъ отказался, объявивъ, что въ подобныхъ дѣлахъ всякіе посредники играютъ крайне фальшивую и даже вредную роль. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Гольмъ остался бы при своемъ первомъ рѣ-

шеніи, если бы случайность не впутала его противника въ это дѣло.

Послѣ обѣда въ день выборовъ Гольмъ сидѣлъ въ редакціи и работалъ. Мюнцеръ былъ въ избирательномъ собраніи и присылалъ отъ времени до времени кого нибудь изъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ съ извѣстіями о ходѣ баллотировки. Не весело было на душѣ у доктора Гольма, и каждый разъ, какъ онъ принимался напѣвать «Reich mir, o Knabe, den Becher», голосъ у него обрывался на первыхъ ноткахъ. Никогда еще руководящая статья не давалась ему такъ туго, какъ сегодня. Гольмъ и самъ не умѣлъ себѣ объяснить причину этого грустнаго настроенія. Въ общемъ положеніи дѣлъ не произошло никакой перемѣны; правда, Народный Вѣстникъ долженъ былъ съ перваго іюля или вовсе прекратиться, или преобразоваться въ изданіе герра Калькопфа, а Гольмъ и самъ еще не рѣшилъ, которое изъ этихъ двухъ золъ будетъ худшее, хотя герръ Калькопфъ и клялся, и божился ему, что, принимая газету на свое иждивеніе, онъ и не подумаетъ измѣнить ея прежнее радикальное направленіе и предоставить ея редакторамъ полную свободу. Но все это было уже дѣло не новое, а потому, казалось бы, не было никакой причины доктору Гольму хандрить въ этотъ день болѣе, чѣмъ въ другіе дни; а между тѣмъ онъ хандрилъ, и такъ сильно, что не могъ окончить руководящей статьи. Съ горя онъ принялся за нераспечатанныя письма, въ надеждѣ пополнить оставшіяся въ газетѣ пробѣлы интересною корреспонденціею. Гольмъ пробѣжалъ уже цѣлыхъ три денежныхъ письма, не понявъ изъ нихъ ни единого слова, и погрузился было въ чтеніе четвертаго, какъ вдругъ онъ вздрогнулъ, точно очнувшись отъ сна; онъ взглянулъ на подпись письма, бережно сложилъ его и тутъ только спохватился посмотрѣть адресъ, на который, въ разсѣянности, не обратилъ было вниманія; письмо было написано не «въ редакцію Народнаго Вѣстника», но «Господину доктору Мюнцеру, въ собственныя руки»; очевидно, что оно было не отъ газетнаго корреспондента.

При этомъ неожиданномъ открытіи докторъ Гольмъ еще болѣе нахмурился.

— Такъ вотъ оно что! пробормоталъ онъ. Любовь, само-

отверженіе и тому подобная чепуха, точь въ точь, какъ въ романахъ, а что тутъ, рядомъ, человѣческое сердце обливається кровью, намъ и горя мало! Ну, да хороше же! я говорю съ пріятелемъ; этого такъ оставлять нельзя. Я ему выскажу всю правду; но прежде давай-ка я напишу руководящую статью; теперь я въ расположеніи...

И докторъ Гольмъ, обмакнувъ перо въ чернильницу, начертилъ отчаяннѣйшими каракулями, когда-либо испытывавшими догадливость наборщика, полную благороднаго негодованія статью, направленную противъ «злѣйшихъ враговъ прогресса». Этимъ наименованіемъ обозначалъ онъ тѣхъ, которые желали властвовать, не научившись повелѣвать собою, противъ тѣхъ Фіеско, которые годились на то, чтобы составлять заговоры, но не на то, чтобы воздвигать свободныя республики; противъ тѣхъ алкивіадовъ, которыхъ не даромъ еще въ древности подвергали остракизму, какъ людей, самыя дарованія которыхъ грозили бѣдою ихъ согражданамъ.

Едва успѣлъ докторъ Гольмъ окончить эту статью, какъ въ галлерей раздался шагъ Мюнцера. Вслѣдъ за тѣмъ Мюнцеръ вошелъ въ комнату, кинулъ на столъ свою калабрійскую шляпу и бросился въ кресло. Вся его наружность изобличала страшную усталость.

— Ну, Гольмъ, обратился онъ къ своему сотруднику, прологъ конченъ; персоналъ комедіи въ сборѣ, представленіе можетъ начаться. Я, съ своей стороны, надѣюсь сказать свою роль безъ запинки.

— Я предпочелъ бы, Мюнцеръ, чтобы вы какою нибудь другою метафорой возвѣстили мнѣ о вашемъ избраніи, съ которымъ я васъ, впрочемъ, отъ души поздравляю, отвѣчалъ Гольмъ очень серьезнымъ тономъ. Вы знаете, я не слишкомъ-то люблю, чтобы къ жизни относились, какъ къ сценическому представленію.

— А что же оно такое, какъ не сценическое представленіе? спросилъ Мюнцеръ беззвучнымъ голосомъ. Кому бы, кажется, и знать это, какъ не юмористу, подобному вамъ?

— Юморъ дѣло хорошее и я всего менѣе расположенъ оспаривать мѣсто, принадлежащее ему въ жизни по праву, но и этому праву, какъ и всякому другому, есть свой предѣлъ,

тамъ, гдѣ роковыя силы судьбы налагаютъ на Лира свою кровавую руку, тутъ юморъ отходитъ въ сторону и уже болѣе не появляется на сценѣ.

— Вы, какъ я вижу, расположены сегодня, противъ вашего обыкновенія, говорить въ проповѣдническомъ тонѣ; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что это расположеніе не отозвалось на вашей руководящей статьѣ.

— А богъ вѣсть! если вы ничего не имѣете противъ этого, я вамъ прочитаю ее.

— Если вы считаете это нужнымъ — пожалуй, проговорилъ Мюнцеръ, откидываясь въ кресло.

— Да, я считаю это очень нужнымъ, отвѣчалъ докторъ Гольмъ, и голосомъ, дрожавшимъ отъ внутренняго волненія прочиталъ только что написанную статью.

— И это вы, любезный Гольмъ, называете руководящею статьею? воскликнулъ Мюнцеръ по окончаніи чтенія. Въ настоящую минуту, когда всѣ умы заняты результатомъ выборовъ, вы угощаете публику восхваленіями плохихъ музыкантовъ, отличающихся трезвымъ поведеніемъ! Хорошіе артисты въ нашемъ хорѣ и такъ на счету, и мы рады радешеньки бываемъ каждому новоприбывающему хорошему музыканту; гдѣ ужъ намъ тутъ справляться о его нравственности!

— Прежде вы иначе смотрѣли на эти вещи.

— Можетъ статься. Но, видите ли, Гольмъ, я за послѣднее время убѣдился, что въ политикѣ всѣ вопросы сводятся на вопросъ власти; съ нашими политическими теоріями, разведенными на розовой водѣ, мы не далеко уѣдемъ, только погубимъ себя и своихъ, и въ концѣ концовъ все-таки принуждены будемъ обратиться къ тѣмъ самымъ средствамъ, на которыя смотримъ теперь съ такимъ высоко-нравственнымъ отвращеніемъ.

— При вашемъ настоящемъ образѣ мыслей, вамъ, конечно, будетъ непріятно видѣть мою статью напечатанною въ нашей газетѣ, такъ какъ она идетъ прямо въ разрѣзъ съ вашей программой.

— Откровенно говоря, Гольмъ, да!

— Въ такомъ случаѣ, мы ее не помѣстимъ, проговорилъ Гольмъ; если мнѣ не удалось убѣдить васъ, на котораго я пре-

имущественно мѣтилъ, то статья теряетъ въ моихъ глазахъ свое важнѣйшее достоинство.

— Такъ вы преимущественно мѣтили на меня! проговорилъ Мюнцеръ, иронически улыбаясь. Что же вы нашли общаго между мною и Фіеско или Алкивиадомъ? Извините меня, Гольмъ, но я долженъ вамъ откровенно признаться, что перестаю понимать васъ.

— Быть можетъ, вы лучше поймете меня, если я буду говорить съ вами не въ качествѣ политика, но въ качествѣ друга. Рискаю навсегда потерять вашу дружбу, я, между тѣмъ, долженъ сказать вамъ, что съ глубокимъ прискорбіемъ слѣдилъ я день за днемъ за медленнымъ самоубійствомъ, которое вы въ послѣднее время совершаете надъ самимъ собою. Вы сами ужаснулись бы, если бы могли, хоть на минуту, взглянуть на себя со стороны. Такая страшная вѣшняя переменѣна должна имѣть соотвѣтствующую ей внутреннюю причину. Конечно, уже ваше личное дѣло рѣшить, что это за причина, но все жѣ вы не можете помѣшать ни вашимъ друзьямъ, ни вашимъ врагамъ дѣлать съ различныхъ сторонъ различныя догадки. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, что ваша тайна перестала уже быть тайною. Я, вы знаете, не охотникъ до сплетень, тѣмъ не менѣе, я, противъ моего желанія, много слышался о вашихъ отношеніяхъ къ этой знатной дамѣ; мало того, мнѣ пришлось кое въ чемъ убѣдиться собственными глазами. Между полученными сегодня письмами, которыя я распечатывалъ одно за другимъ въ полной увѣренности, что всѣ они чисто дѣловыя, мнѣ попалось одно, писанное тою самою дамою, имя которой молва такъ часто приносила за послѣднее время рядомъ съ вашимъ.

Въ продолженіе этой рѣчи Гольма, Мюнцеръ такъ страшно поблѣднѣлъ, что добродушному Гольму стало жаль своего друга.

— Ну, да вы, любезный Мюнцеръ, не смотрите на это съ такой трагической точки зрѣнія, поспѣшилъ онъ прибавить; въ жизни почти нѣтъ такого горя, которому нельзя бы было пособить, была бы только на то добрая воля.

Мюнцеръ махнулъ рукою.

— Гдѣ письмо? спросилъ онъ.

— Вот оно; вы можете быть, конечно, увѣрены, что я прочелъ только начальныя строки, да и тѣ такъ разсѣянно, что не помню о чемъ въ нихъ идетъ рѣчь.

— Ладно, Гольмъ.

Мюнцеръ, не заглянувъ въ письмо, сунулъ его въ жилетный карманъ и взялся за шляпу.

— Не уходите отсюда въ такомъ волненіи, проговорилъ Гольмъ.

— Я вовсе не взволнованъ; я спокоенъ, глубоко спокоенъ, какъ человѣкъ, лежащій въ гробу.

— Тѣмъ болѣе вамъ много причинъ остаться.

— Я не могу оставаться. Прощайте!

— Мюнцеръ, ради Бога! воскликнулъ Гольмъ, заступая ему дорогу, у васъ что-то недоброе на умѣ; я не выпущу васъ отсюда, пока вы мнѣ не дадите честное слово, что не прибѣгнете ни къ какому насилию.

— За кого вы меня принимаете? за ребенка, что ли? проговорилъ Мюнцеръ съ горькой усмѣшкой. Вотъ вамъ моя рука.

— Мюнцеръ, продолжалъ Гольмъ взволнованнымъ голосомъ, подумайте о вашей женѣ и дѣтяхъ...

— О нихъ-то я и думаю. Прощайте!

— Бернгардъ!

Дрожащія уста Клары не могли выговорить это имя; тѣмъ не менѣе, ей показалось, что вся комната наполнилась его отзвукомъ. Минуту спустя, ее мужъ стоялъ передъ нею.

— Клерхенъ!

Первымъ движеніемъ молодой женщины было броситься на шею къ любимому человѣку, но гордость удержала ее. Она наклонилась надъ работою и проговорила чуть слышно:

— Ты ужь воротился?

— Уже? Но вѣдь это словечко заставляетъ предполагать, что я воротился слишкомъ рано, или, быть можетъ, лучше бы сдѣлалъ, если бы вовсе не возвращался.— Мюнцеръ проговорилъ эти слова безъ малѣйшей горечи. Онъ стоялъ передъ женою, скрестивъ руки на груди. Клара подняла на него глаза. Одного взгляда на его блѣдное лицо было достаточно, чтобы уничтожить всю ея рѣшимость оставаться спокойной и твердой. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Мюнцеръ подѣлъ къ ней и проговорилъ спокойно и печально: — Можешь ли и хочешь ли ты меня выслушать, Клара? Клара отвѣчала тихимъ наклоненіемъ головы.

— Я хочу рассказать тебѣ небольшую повѣсть, Клара. Вообрази себѣ, что въ ней рѣчь идетъ не о насъ съ тобой, а о людяхъ постороннихъ, но близкихъ къ намъ, и участь которыхъ лежитъ въ нашихъ рукахъ. Герой моей повѣсти—человѣкъ, съ самой ранней молодости мыкавшій свое существованіе въ борьбѣ съ нуждою и съ своимъ собственнымъ безпокойнымъ сердцемъ, вѣчно враждовавшимъ съ внушеніями его разума и совѣсти. Человѣкъ этотъ женился на молодой дѣвушкѣ, которая тоже ознакомилась съ жизнью не съ радужной ея стороны, а потому, такъ же какъ и онъ, не умѣла весело глядѣть на божій міръ. Много лѣтъ прожили они вмѣстѣ, дружно дѣля между собою то, что было у нихъ дѣлить: очень мало радости, за то горя съ избыткомъ. Ее неотвязно мучила мысль, что бракъ былъ несчастіемъ для ея мужа, потому что онъ заградилъ ему путь къ свободному развитію природной его мощи; онъ, съ своей стороны, ничего не дѣлалъ, чтобы разсѣять призрачный страхъ, налегшій тяжелымъ гнетомъ на душу его жены. Такъ, вмѣсто того, чтобы служить другъ другу утѣшеніемъ и опорой, они лишь подбавляли одинъ другому горечи въ жизненную чашу. Самые дѣти ихъ были имъ не на радость: она видѣла въ каждомъ ребенкѣ лишь приращеніе къ его заботамъ; онъ же не умѣлъ поставить себя въ дружественныя отношенія къ малюткамъ; ему недосугъ былъ ими заниматься, и каждый разъ, какъ онъ сажалъ ребенка къ себѣ на колѣни, тотъ глядѣлъ ему въ сумрачное лицо такимъ робкимъ взглядомъ, что отецъ начиналъ себя чувствовать чужимъ въ своей собственной семьѣ. Тѣмъ не менѣе эти люди любили другъ друга, только оба были слишкомъ горды, а потому никогда этого не высказывали. Такъ прошло много лѣтъ и ни разу во все это время не думалось ни мужу, ни женѣ, чтобы слово невѣрность, въ банальномъ его значеніи, могло быть названо между ними.

Но вотъ, совершенно случайно, мужъ повстрѣчался съ женщиной, необычайная красота которой воспламенила его воображеніе. Въ опьяненіи минуты онъ стелъ ее за воплоще-

ше своего идеала и полюбилъ ее. Но, закаленный въ ученіи суровой философіи, первое и послѣднее слово которой, — самоотверженіе, онъ съ корнемъ вырвалъ эту страсть изъ своего сердца. Онъ свидѣлся еще разъ съ этой женщиной, для того только, чтобы высказать ей то, о чемъ она и сама уже отчасти догадывалась. Затѣмъ все между ними было кончено; только нѣсколько минутъ тому назадъ онъ получилъ отъ нея письмо, которое онъ не читалъ и не прочтетъ, потому что надъ этимъ эпизодомъ его жизни спустилась густая завѣса, до которой онъ не позволитъ себѣ коснуться рукою. Потомъ этотъ человѣкъ пошелъ къ матери своихъ дѣтей и рассказалъ ей все безъ утаекъ. А теперь, Клара, скажи мнѣ, если бы ты была другомъ его жены, какой бы ты дала ей совѣтъ?

Уже съ первыхъ словъ Мюнцера, Клара перестала плакать. По окончаніи его рѣчи, она обратила къ нему такое ясное, спокойное лицо, что Мюнцеръ внутренно содрогнулся. Она отвѣчала ему ровнымъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Бернгардъ, что ты заговорилъ первый и далъ мнѣ такимъ образомъ поводъ высказать то, что давно лежало у меня на душѣ. Я знаю, Бернгардъ, что намѣренья у тебя добрыя; но именно потому, что я въ этомъ такъ глубоко убѣждена, я и не могу долѣе допускать, чтобы новая доброта была для тебя источникомъ страданія. Ты говоришь, что любишь меня, и я вѣрю тебѣ. Ты говоришь, что любишь дѣтей, я и этому вѣрю. Но это не та любовь, которою ты можешь любить и которая одна могла бы насъ удовлетворить; а ты и самъ знаешь, что половинчатая любовь — не любовь. Давно ношусь я съ этимъ тягостнымъ сознаніемъ, сто разъ порывалась я тебѣ высказать это и упросить тебя избавить и себя, и меня отъ этой муки, и каждый разъ у меня не хватало духу. Выслунай же меня, Бернгардъ, теперь, выслушай меня спокойно и терпѣливо, потому что я на этотъ разъ, быть можетъ, яснѣе тебя вижу, въ чемъ дѣло. Намъ всего лучше разстаться... Не навсегда... о, вѣтъ! какой-то внутренней голосъ говоритъ мнѣ, что эта разлука не будетъ вѣчною, но на время. Теперь же представляется къ тому самый удобный случай. Черезъ нѣсколько дней ты убѣждаешь въ столп-

цу; я могла бы, конечно, остаться съ дѣтьми здѣсь, но среди старой обстановки мнѣ не оправиться; къ тому же, кто знаетъ, сколько времени будетъ продолжаться эта сессія? Можетъ такъ случиться, что ты будешь принужденъ возвратиться сюда слишкомъ рано для тебя и для меня. А потому, отправь меня съ дѣтьми къ моему старому дядѣ. Никому не покажется страннымъ, что я воспользовалась твоимъ отсутствіемъ изъ дому, чтобы провѣдать старика; къ тому же, и докторъ Брандтъ давно уже совѣтуетъ для Карла переѣзду воздуха. У дяди мы можемъ оставаться, пока ты самъ не пожелаешь насъ воротить. Дѣти черезъ это ничего не потеряютъ: Эльзу я буду учить сама; съ Карломъ же будетъ заниматься дядя, который, какъ ты самъ говоришь, человѣкъ очень ученый и преподаетъ съ такимъ умѣньемъ и охотой. Что скажешь ты на это?

— Что ты совершенно права.

Мюнцеръ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ. Въ комнатѣ было уже такъ темно, что Клара не могла разглядѣть выраженіе его лица; но голосъ его показался ей до того страннымъ, что она тревожно подошла къ нему и, дотронувшись рукою до его руки, спросила:

— Бернгардъ, вѣришь ли ты, что я тебя люблю?

— О, да; еще бы! отвѣчалъ Бернгардъ тѣмъ же страннымъ голосомъ;—но только тою половинчатою любовью, которую нельзя назвать и любовью.

Клерхенъ выпустила его руку; она сознавала, что въ эту минуту отъ нея зависитъ удержать мужа, но рѣшимость ея ставалась непоколебимой.

— И такъ, ты соглашаешься на мое предложеніе?

— Конечно.

— И позволяешь намъ ѣхать завтра же?

— Позволяю, тѣмъ охотнѣе, что я самъ завтра же уѣзжаю въ столицу.

— Хочешь, я соберу тебѣ поужинать?

— Нѣтъ, благодарствуй, мнѣ еще надо со двора.

— Въ такомъ случаѣ, прощай, Бернгардъ!

— Прощай!

Мюнцеръ былъ уже у двери; съ минуту онъ простоялъ въ нерѣшимости. Изъ груди Клары такъ и рвался крикъ: Бернгардъ, Бернгардъ! — но уста ея оставались нѣмыми и дверь захлопнулась за любимымъ ею человѣкомъ.

Клара еще съ минуту постояла въ темной комнатѣ, сжимая руками горячую голову; потомъ она тихими шагами отправилась въ дѣтскую.

Въ горницѣ, собиравшей по вечерамъ все семейство Шмицъ. начинало порядкомъ темнѣть, такъ что съ трудомъ можно было разглядѣть фигуры присутствующихъ. Все заставляло предполагать, что между братомъ и сестрою происходилъ разговоръ, не совсѣмъ пріятный для перваго, который, съ видимымъ намѣреніемъ его прекратить, воскликнулъ:

— Ну, да что толковать! начнемъ работу съизнова и баста!

Но тетюшку Беллу не такъ-то легко было заставить замолчать.

— Да, какже, легко сказать баста! заговорила она съ живостью; точно я не знаю, сколькихъ тебѣ станетъ заботъ и бессонныхъ ночей.

— Такъ отложи, по крайней мѣрѣ, свои іереміады до того времени, когда мы будемъ одни.

— Оттилія не ребенокъ и пора ей узнать жизнь такъ, какъ она есть. Не такъ ли, Оттилія?

— Конечно, отозвалась Оттилія. Только ты, тетя, извини меня: мнѣ самой кажется, что дядя не могъ иначе поступить.

— Не правда ли? съ одушевленіемъ подхватилъ Петръ. Ты у меня молодець дѣвка. Ну, а скажи-ка ты намъ откровенно свое мнѣніе: почему, ты думаешь, я не могъ иначе поступить?

— Потому, что ты не могъ измѣнить направленія газеты, не измѣняя своему убѣжденію, а это, какъ мнѣ кажется, величайшій грѣхъ, который только человѣкъ можетъ взять себѣ на душу.

— Молодецъ! воскликнулъ Петръ, останавливаясь передъ нею, ты по истинѣ моя плоть и кровь! — И въ голосъ его, противъ

обыкновенія, звучало столько теплоты и мягкости, что Оттилія вскоцила съ своего мѣста и кинулась къ нему на шею. Дядя Петръ обвилъ ея талію рукою и началъ съ нею снова расхаживать по комнатѣ.

— Ну да, какъ же! замѣтила тетушка Белла; а у меня, должно быть, вмѣсто крови вода течетъ въ жилахъ.

Оттилія рванулась было къ теткѣ, но дядя удержалъ ее.

— Полно, Белла, проговорилъ онъ; мнѣ ли не знать, что такой честной души, какъ твоя, въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь; я говорю только, что въ политикѣ ты не смыслишь не бельмеса.

— Да и смыслить-то не хочу, съ жаромъ воскликнула тетушка Белла. Что-то я не замѣтила, чтобы ваша политика къ добру вела. Какъ скоро вамъ не на что свалить ваши глупости, такъ вы сейчасъ политику за бока, — вишь, она мѣшаетъ вамъ поступать благоразумно и заставляетъ васъ дурить на пропалую. Вотъ забралъ себѣ этотъ Каусъ въ голову, что принять отъ другого человѣка помощь, значитъ поступить противъ демократическихъ началъ, и сидитъ себѣ со сломанной рукою на чердакѣ, да голодаетъ; Мюнцеру, вишь, понадобилось играть важную политическую роль, а потому онъ раздариваетъ на право и на лѣво свои трудовыя денежки и въ каждомъ встрѣчномъ-поперечномъ видитъ болѣе своего ближняго, чѣмъ въ собственной женѣ и въ родныхъ дѣтяхъ. Ты, въ угоду своимъ политическимъ убѣжденіямъ, прекращаешь газету, на которую возлагалъ всѣ свои надежды, и готовишь себѣ такую будущность, что самого тебя въ душѣ страхъ пробираетъ. И хотѣла бы я знать послѣ этого, какое право вы имѣете ругать тѣхъ, которые поступаютъ точь въ точь такъ, какъ вы проповѣдуете, и всѣ свои дурныя дѣла могутъ точно также свалить на свои политическія убѣжденія! Ты ругаешь аристократовъ, а штатратъ ругаетъ демократовъ; твое правило: свой своему поневолѣ братъ, и онъ придерживается того же правила. А потому, отчего же ему и не отказать намъ отъ дому? Отчего же Вольгангу и не сдѣлаться офицеромъ и не жениться на Камиллѣ?

Защита штатрата въ устахъ тетушки Беллы была дѣломъ до того необычайнымъ, что въ первую минуту Петръ сталъ въ тупикъ. Оттилія замѣтила только, что онъ дышалъ тяже-

ло и порывисто; опасаясь бѣшеннаго взрыва, она послѣшно проговорила шопотомъ:—не сердись, дядя, вѣдь ты знаешь, что тетя говоритъ безъ злого умысла.

Но, какъ ни тихо были сказаны эти слова, все же чуткое ухо тетушки Беллы разслышало ихъ.

— Не хлопочи, душа моя, проговорила она рѣзко, я и сама съумѣю себя отстоять, адвокатовъ мнѣ не нужно.

— Вотъ какъ! заговорилъ Петръ, тебѣ не нужно адвокатовъ? Оставь меня Оттилія, я совершенно спокоенъ; стоять ли кипятиться изъ за такихъ вещей? Но слушай, Белла, если ты хоть разъ еще скажешь слово въ защиту человѣка, который такъ тяжело передо мной провинился, который отнялъ у меня счастье цѣлой моей жизни и въ заключеніе вытолкалъ за дверь вонъ этого ребенка, то я...

Петръ Шмицъ хватилъ себя кулакомъ по головѣ и про-бормоталъ сквозь зубы свою обычную поговорку, которая не разъ уже спасала его отъ большихъ глупостей: не горячись, Петръ, не горячись.

— Что же ты сдѣлаешь? договаривай, подхватила тетушка Белла голосомъ, которому старалась придать ироническій оттѣнокъ, но въ которомъ, вмѣсто того, звучала какая-то слезливая нота. Казнь, которая была бы достаточнымъ наказаніемъ для Беллы Шмицъ? Договаривай же, меня ничто не удивитъ, въ этомъ я тебѣ ручаюсь.

— Прощай, Оттилія, скалъ Петръ, такъ сильно пожимая руку молодой дѣвушки, что та чуть не вскрикнула отъ боли. И онъ опрометью кинулся къ дверямъ. На порогѣ онъ столкнулся съ какою-то высокою фигуурою, которую нельзя было разглядѣть въ потемкахъ.

— Это кто такой? воскликнулъ Петръ.

— Это я, Вольфгангъ. Я радъ, что застаю тебя дома, дядя; я пришелъ съ тобою проститься.

— Я съ тобою и съ твоимъ батюшкой давнымъ давно простился, брякнулъ Петръ; и, недотронувшись до протянутой руки племянника, онъ бросился вонъ изъ комнаты и съ шумомъ захлопнулъ за собою дверь.

Вольфгангъ совершенно растерялся отъ этого приѣма, который далеко оставилъ за собою самыя мрачныя его ожида-

пня. Но затѣмъ онъ вспомнилъ, что дядя Петръ имѣлъ полнѣйшее право считать себя оскорбленнымъ и что на сынѣ лежитъ обязанность загладить вину отца. Онъ подошелъ къ кузинѣ и теткѣ и проговорилъ:

— По крайней мѣрѣ вы двѣ, прежде, чѣмъ осудить меня, дадите мнѣ высказаться. Не такъ ли, тетя Белла? Не такъ ли, милая Оттилія?

— Ну нѣтъ, ты, чего добраго, и тутъ просчитался, отвѣчала тетушка Белла; да и что слушать-то твои рассказы? Дѣло говорить само за себя. Такъ-то ты насъ отблагодарилъ за всю нашу любовь и ласку? Ужь я про себя не говорю, я-то не важная птица; а вотъ что вы сдѣлали съ моимъ бѣднымъ братомъ, одинъ волосъ котораго гораздо дороже васъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ? Вы отравили ему жизнь, вы ожесточили его на всѣхъ и на все, онъ на насъ срываетъ сердце; но вы, вы одни всему причиной. Ну, да погодите! еще будете каяться, что обругали мѣщанскою роднею, да поздно будетъ! А пока, якшайтесь себѣ на здоровье съ вашими знатными родичами, щеголяй себѣ въ офицерскомъ мундирѣ! Помяни мое слово, не сдобровать тебѣ, Вольфгангъ; гордымъ-то вѣдь Богъ противится. Женись на своей знатной барышнѣ; только не жди ты послѣ этого, Вольфгангъ, чтобы тетка Белла тебя по прежнему любила и поминала въ своихъ молитвахъ, какъ она поминала тебя съ того самаго дня, какъ воспріяла тебя отъ святой купели! Зла я тебѣ, Вольфгангъ, не пожелаю, но молиться за тебя... нѣтъ! молиться я больше не буду. Тетушка Белла поднялась съ своего мѣста и подошла къ Вольфгангу, потому что почтенная эта женщина любила и друзьямъ и недругамъ смотрѣть въ лицо. Вольфгангъ не дѣлалъ ни малѣйшей попытки возражать ей и тетушка Белла сама не знала: разсердиться ли ей еще пуще за это упорное молчаніе или же кинуться на шею бѣдному мальчику, котораго она, быть можетъ, только понапрасну обидѣла. Не сумѣвъ рѣшить, который изъ этихъ двухъ путей наиболѣе совмѣстенъ съ ея достоинствомъ и наиболѣе препятствуетъ обстоятельствомъ, она ограничилась тѣмъ, что громко зарыдала и бросилась въ свою комнату, дверь которой заперла за собою на ключъ, въ обозначеніе того, что не желаетъ имѣть

на этотъ вечеръ никакихъ дальнѣйшихъ сношеній съ грѣховнымъ свѣтомъ.

Во все продолженіе этой бури, такъ неожиданно разразившейся надъ его головою, Вольфгангъ стоялъ, не трогаясь съ мѣста. Взглядъ его былъ устремленъ на Оттилію; какъ будто его исключительно занималъ одинъ только вопросъ: что-то она скажетъ на все это? Онъ былъ почти увѣренъ, что она возвыситъ голосъ въ его защиту; но Оттилія молчала и Вольфгангъ, обманутый въ своемъ ожиданіи, повернулся уже было, чтобъ идти, какъ вдругъ онъ услышалъ за собою шорохъ платья и почувствовалъ прикосновеніе теплой руки.

— Вольфгангъ! не уходи такъ! скажимъ передъ уходомъ, что ты не сердись на нихъ!

Вольфгангъ оглянулся и увидѣлъ передъ собою прелестное личико Оттиліи, орошенное слезами.

— Спасибо тебѣ, Оттилія, отвѣчалъ онъ, сжимая нѣжную ручку, лежавшую въ его рукѣ. И нынче, какъ и напередъ, ты являешься мнѣ ангеломъ утѣшителемъ, вѣстникомъ примиренія. Прощай!

— Я провожу тебя до сѣней. Въ галлерей такъ темно, а ты такъ давно здѣсь не былъ.

Рука объ руку прошли они узкою галлереею и опустились по скрипучей лѣстницѣ. Дорогою Оттилія спросила:

— Правда ли, Вольфгангъ, что ты скоро будешь офицеромъ?

— Да.

— И что... что ты женихъ?

— Да.

— И что ты уѣзжаешь изъ нашего города?

— Да, завтра же; и на цѣлые полгода. Не правда ли, Оттилія, и ты теперь отречешься отъ меня такъ же, какъ и другіе?

— О нѣтъ! ты согласишься такимъ добрымъ и благороднымъ, что не можешь сдѣлать ничего дурного. Жаль мнѣ только твою мать: она будетъ сильно тосковать по тебѣ.

— Обѣщаешься ли ты мнѣ, Оттилія, что ты будешь навѣщать ее, если мой отецъ самъ тебя объ этомъ попроситъ?

— Я безъ того буду ходить, лишь бы мнѣ знать, что меня пустятъ къ ней. Я очень полюбила твою мать.

— И она тоже тебя полюбила, Оттилія; да и я тебя люблю! Прощай, Оттилія!

— Прощай, милый Вольфгангъ, пошли тебѣ Богъ всякаго счастья!

Они держали другъ друга за руку; на одно короткое мгновеніе губы ихъ встрѣтились, потомъ Оттилія бросилась вверхъ по темной лѣстницѣ, а Вольфгангъ вышелъ на улицу, освѣщенную луною.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РАСТЕТЪ».

VII.

ДЛИННОГУБОВЪ.

Исторія несчастнаго Птиже сначала заняла весь городъ; объ ней сильно заговорили. Длинногубовъ рассказывалъ на выборахъ, какъ усмирилъ вольницу Емельку и какъ безсовѣстно избаловалъ его Петербургъ. Молодежь подсмѣивалась надъ стариковскимъ Птиже; нѣые утверждали, что Длинногубовъ молодець, у него есть сила воли и характеръ; нѣые, напротивъ, говорили, что это уже слишкомъ!

— Такъ и надо надламывать все въ началѣ, чтобъ не разло, шепталъ одинъ.

— Да позвольте васъ спросить, господа, что бы мы сдѣлали на его мѣстѣ? кричалъ другой. Тутъ, мнѣ кажется, средство одно: пороть этихъ скотовъ, какъ сидорову козу!

— Нѣтъ, какова дерзость! начинаетъ опять Длинногубовъ, обращаясь къ громкому защитнику:—рабъ страшаетъ своего господина губернаторомъ? Каково это вамъ покажется,— а? до чего мы дожили, господа!.. Кто же такой я?

Въ самомъ дѣлѣ, кто же это я, который такъ громко выговариваетъ себя передъ всѣмъ собраніемъ дворянъ?— Да просто Петръ Борисычъ Длинногубовъ. Какихъ, подумаешь, чудачковъ не бываетъ на вольномъ свѣтѣ! Познакомимся же и мы съ этимъ чудодѣемъ.

Длинногубовъ столбовой дворянинъ и помѣщикъ сибирской губерніи. Отецъ его имѣлъ около двухъ тысячь душъ крестьянъ.

янь на миллионъ земли; жилъ какъ истинный скряга и хвалился своей дворянской грамотой.—Я, батюшка, по дѣдушкѣ залѣзь въ шестую, — золотую, а это не всякому удастся изъ насъ, да-съ!—При этомъ старикъ указывалъ даже въ небо, а простодушный сосѣдъ Василій Ивановичъ отъ удивленія произносилъ: «ого!» Въ родословной этого барина, вмѣсто древа, изображенъ былъ пень, а къ пеньку уже приставленъ фамильный гербъ: какая-то крѣпостная башня и рука изъ облаковъ.

— «Это извѣстная фамилія», говорила о Длинногубовѣ вся Сибирь.—Дѣдушка его съ моимъ батюшкой при матушкѣ Екатеринѣ славно служили, рассказывалъ старый бригадиръ, умирая.—А это не всякому удастся, согласитесь! Ну, и отца его я зналъ вотъ этакимъ еще соплякомъ: — все при дворѣ служилъ и ключикъ тутъ имѣлъ.—При этомъ дряхлый бригадиръ поворачивался на постели и указывалъ камергерскій ключикъ.—Этотъ вотъ только позалѣнился маленько: ротмистромъ, вишь, выпрыгнулъ въ отставку,— генеральчика бы надо шаркнуть! Онъ, слава Богу, не изъ даточныхъ, не Евсѣевъ какой-нибудь; ему генеральчика-то, спустя рукавички, лежа, можно было хватить.— А славная была службица въ наше время! Вотъ какъ мы служивали въ старые годы, да-съ!

Но въ этомъ отношеніи покойникъ былъ неправъ: молодой Длинногубовъ вовсе не лежалъ въ своей Замерзаевкѣ, какъ сосѣдъ его Курофдовъ.

Скажемъ же нѣсколько словъ о личности Петра Борисыча Длинногубова.

Пьерочка Длинногубовъ былъ, что называется, маменькинъ сыночекъ, тетенькинъ племянникъ и бабушкинъ внучекъ. Воспитаніе онъ получилъ корпусное, въ самомъ Петербургѣ. Изъ заведенія выпущенъ какимъ-то порутчикомъ гвардіи, и такъ служилъ, такъ служилъ, что многимъ изъ нашихъ, бѣдныхъ и жалкихъ чиновниковъ, и во снѣ не снится такая блистательная карьера. А ужъ о томъ, какъ бабушки да тетушки его любили, какъ эти графини да княгини на рукахъ его носили, какъ онъ съ балу на балъ леталъ и танцевалъ или какія блистательныя побѣды одержалъ—объ этомъ и говорить нечего, просто махни рукой! Даже славныя времена гусаризма не прошли здѣсь даромъ, какъ у безчувственнаго Василя Ивановича: — Петръ Борисычъ, отозвался на все! Онъ съ сочув-

ствіемъ игралъ и танцевалъ, понтировалъ и жуировалъ, билъ и билъ, дрался и стрѣлялся, заводилъ интриги, былъ ремонтеромъ и спускалъ наконецъ такія страшныя суммы въ банчишки, что товарищи, плѣнные его удалствомъ, единодушно кричали ему вслѣдъ: «вотъ такъ молодець!» Сидѣлъ онъ даже въ долговой ямѣ въ Вѣнѣ. Былъ онъ и поэтомъ, и литераторомъ, задумывалъ даже писать исторію Кавказа, но вмѣсто этого сочинилъ стихи: настоечку травную, настоечку тройную, восхитительную, и остановился наконецъ на томъ, что написалъ два французскихъ водевиля, сыгралъ ихъ въ Парижѣ, а ревностные клакеры написали уже въ Россію, что они хлопаютъ и вызываютъ автора.

Въ столицѣ онъ жилъ хорошо; имѣлъ большую квартиру на морской. Кабинетъ его былъ загроможденъ богатыми бездѣлками и статуэтками поэтовъ и танцовщицъ, изъ которыхъ особенно бросались въ глаза: насмѣшливая фізіономія Вольтера да черезъ-чуръ уже смѣло приподнятая ножка воздушной Тальони. Съ особеннымъ изяществомъ и вкусомъ были разставлены и разложены гребеночки, цеточки, одеколоны, фиксатуары, мыла, помады и самые драгоценнѣйшіе и тончайшіе духи,—сейчасъ было видно, что хозяинъ этого кабинета—самый тонкій знатокъ въ этихъ пустякахъ, и что это самые завѣтные и важные для него предметы. Для приведенія въ порядокъ такихъ важныхъ вещей былъ нанятъ французъ и прогнанъ въ деревню старый слуга, дуракъ Данило. Самые товарищи, смотря на такой дамскій столикъ, признавали Длинногубова за истиннаго аристократа! — А его связи? а его знакомства? а графиня такая-то, у которой онъ понедѣльничаетъ? а княгиня такая-то, у которой онъ по средамъ и пятницамъ запросто? Кроме того, большой свѣтъ, товарищество, знакомство, хорошій выѣздъ, экипажъ, отличный сѣрый жеребецъ и пр. и пр.

— Въ комнатѣ я держу только двухъ животныхъ: француза и собаку, говорилъ онъ товарищамъ. Первый мнѣ нуженъ днемъ, вторая ночью; а разница между ними въ томъ, что собаку я порю араппкомъ, а француза только разъ попробовалъ хлыстомъ.—Боринька и графъ Пьеръ нашли, что это остро и отъ души посмѣялись,—впрочемъ только разъ.

Вкусъ этого барина былъ развитъ во всѣхъ отношеніяхъ.

онъ любилъ хорошо и изящно поѣсть, придерживался французской кухни и обѣдалъ съ товарищами у Дюссо. Бредилъ по временамъ страсбургскимъ пирогомъ, называя его «деликатесь», зналъ до тонкости сыры швейцарскій и голландскій, любилъ грѣтый лафитъ, былъ «отличный знатокъ въ нашихъ иностранныхъ винахъ; рехереръ называлъ «великолѣпнымъ искрометомъ,» бургонское пиво вмѣсто квасу, а Елисеѣва называлъ «кормилицей-батюшкой» и, вышедши въ отставку, долго еще сокрушался о томъ, что не можетъ жить въ Петербургѣ и постоянно питаться свѣжими елисеѣвскими устрицами.

— Вотъ блюдо, такъ блюдо, я вамъ доложу, господа, говорить Длинногубовъ за обѣдомъ, закатывая къ небу глаза, божественное блюдо! Дураки были древніе боги, что они не глотали устрицъ! — А у сибирскихъ дворянъ такъ и текутъ черезъ бороду слюнки.

Въ обществѣ товарищей онъ слылъ какимъ-то законодателемъ табель-дотовъ и дразнителемъ самаго потеряннаго, жертваго аппетита. Начнетъ ли рассказывать о какомънибудь тоненькомъ и легонькомъ парижскомъ завтракѣ à la fourchette съ двумя яичками въ смятку—все такъ и думаетъ вокругъ: «да это въ самомъ брюхѣ аристократъ? чортъ его возьми!» Заговорить ли о прелести мороженного шампанскаго съ иголками—все такъ и шепчетъ вокругъ: «чортъ знаетъ, чего только не пивалъ на своемъ вѣку этотъ человекъ!» — Зналъ онъ и всякому вину свое время. Тому совѣтуетъ пить рюмочку коньячку послѣ такого-то блюда съ сосисками, этому стаканъ грѣтаго пива со сливками послѣ пастету изъ воробьевъ, двумъ большимъ князьямъ втеръ кусочекъ сыру послѣ обѣда, чтобъ изцѣлить ихъ отъ неприятнѣйшей въ свѣтѣ болѣзни—отрыжки; тутъ отъ круженія головы запрещаетъ соду и предлагаетъ зельтерскую воду, тамъ заказываетъ дружескій обѣдъ или завтракъ, который такъ и тянется до слѣдующаго обѣда или завтрака,—завтра. Словомъ, порядокъ стола и винъ онъ такъ зналъ мастерски, какъ не знаетъ иной герольдмейстеръ табели о рангахъ. Послѣ обѣда онъ непременно предложитъ выкурить пушку...

— Оно можно и сигару, пачинаетъ онъ поучительно, но штука въ томъ, чтобъ сигара эта была—дѣйствительная сигара, а не что пиабудъ миллеровское или геллерское—иначе

испортишь вкусъ. Послѣ обѣда всего лучше сигара елисейская: эта помогаетъ пищеваренію,—знаю по себѣ.

Любилъ Длинногубовъ и спать послѣ обѣда, но отнюдь не считалъ это такой обязанностію, какъ сосѣдь его лежебокъ, Василій Ивановичъ. Больше любилъ онъ подремать въ креслахъ, не раздѣваясь и не ложась, словомъ, какъ обыкновенно дремлютъ въ Петербургѣ, послѣ обѣдовъ, во всѣхъ креслахъ, начиная съ департаментскихъ и оканчивая литературными.

Вечеромъ занятія Длинногубова были: балъ, гдѣ онъ танцевалъ и побѣждалъ, или дружеская вечеринка, гдѣ онъ заламывалъ деревню на туза или мѣнялъ семью на борзого кобеля. Занятій утреннихъ у него не полагалось, потому что вовсе не было утра. Часовъ до двухъ приходилось спать, а тамъ начинались опять приготовленія къ балу или обѣду, а именно: чистились зубы и ногти, полоскался ротъ, примѣрялись передъ зеркаломъ перчатки, воинственные позы и пр. и пр.—вотъ и весь петербургскій день; онъ же на бѣду зимой такой коротенькій. Если-жъ вывертывался часъ, другой передъ обѣдомъ, такъ время это нужно было употребить на сохраненіе здоровья, то есть, освѣжиться, пройтись по Невскому, улыбнуться кузинамъ, да забѣжать въ милутины и спросить въ январѣ: «готова ли малина?» а въ февралѣ: «пришли ли апельсины?»—Какія-жъ, послѣ того, занятія утромъ?—«А тоска этотъ несносный Петербуришко!» говорятъ обыкновенно люди подобной закваски. Но, къ чести нашего героя, я долженъ здѣсь сказать, что онъ и этого не говорилъ. Длинногубовъ не тосковалъ. Это была натура тревожная и дѣятельная: безъ всякихъ занятій, онъ находилъ себѣ бездну занятій, и безъ всякаго дѣла—вѣчное дѣло. То поспорить съ товарищемъ, то обыграетъ его на биллиардѣ—и вотъ вамъ занятіе на цѣлый день. То вызовется достать билетъ на новый балетъ—и вотъ вамъ скачка и хлопоты на цѣлую недѣлю. То отбиваетъ любовницу у князя Бори, или ухаживаетъ за актрисой графа Петра—и вотъ опять сердечная возня на цѣлый мѣсяцъ; а судорожныхъ ожиданій да замираній у подъѣздовъ—пожалуй, на цѣлую зиму!

— Какъ честный человекъ: минуты нѣтъ свободной! жалуются онъ старухамъ-роднѣ и тотчасъ скачетъ отъ нихъ на балъ и по дѣламъ.—А нѣтъ сердечныхъ дѣлъ, такъ лежать

въ кабинетѣ на полу и стрѣляетъ съ барсовой кожи въ туза, прибитаго къ потолку. Словомъ, это былъ человекъ, который и въ туза не промахнется, и ромомъ не поперхнется, и на балу не запнется, и вратъ не заикнется.

— Молодецъ! кричатъ ему со всѣхъ сторонъ, когда онъ увозитъ изъ маскарада французенку или модистку. Но эти жалкія одобренія, къ сожалѣнію, баловали его больше, нежели самое заступничество бабушки-княгини. По милости этихъ образцовыхъ фарсовъ, дѣлаемыхъ часто на показъ, изъ удалства и хвастовства, онъ напускалъ на себя иногда такую оригинальность, которая къ нему вовсе не шла и его же дурачила.

Такъ, однажды, подмѣтилъ онъ у моряка, какъ тотъ пьетъ пуншъ со сливками. Цѣлую недѣлю учился онъ у моряка, какъ наливать въ мѣру чай, сливки, ромъ, и что прежде, и такъ усовершенствовался въ этихъ пустякахъ, что даже товарищей училъ этому искусству. Самъ дошелъ до того, что микстуру эту называлъ «единственнымъ напиткомъ въ мірѣ.» А завтра забылъ и больше объ этомъ не вспоминалъ!

— Будетъ шалить! вскричалъ онъ наконецъ, напавшись досыта; пора за дѣло!.. И съ этой цѣлью кавалергардъ сталъ ѣздить къ одному степенному дядюшкѣ сенатору, съ которымъ принялся читать газеты, да рассуждать о политикѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Съ этой же цѣлю онъ повадился и къ одной богомольной тетускѣ, живущей благочестиво въ Коломнѣ, которой задлъ даже такой вопросъ:

— А что, ma tante, не пора ли мнѣ жениться?

— А съ богомъ, батюшка! отвѣтила тетуска; по моему, такъ давно бы пора тебѣ и жениться, и остепениться.

Вотъ на этихъ-то двухъ словахъ, составляющихъ собственно жизнь этого господина, и остановимъ мы вниманіе нашего читателя.

Бракъ Длинногубова совершился также, какъ все совершалось въ жизни этого человека, не задающаго себѣ вопросъ: что будетъ дальше? Словомъ, тутъ было одно изъ тѣхъ первыхъ и важныхъ препятствій, передъ которымъ молодой герой, вѣчный баловень удачи и счастья, не хотѣлъ остановиться. — Расскажемъ, какъ это было:

Мать Петра Борисыча была строгая и благочестивая барыня. Но, живя постоянно въ деревнѣ и скучая съ мужемъ,

котораго не любила, она какъ-то нечаянно свела коротенькую интрижку съ сосѣдомъ Нечаяннымъ, отъ котораго и родился нашъ кавалергардъ. Такъ какъ это случилось экспромтомъ и продолжалось недолго, то, само собою разумѣется, и осталось величайшей тайной между любовниками. Да и подозрѣвать было невозможно. Нечаянный былъ человѣкъ женатый, къ Длинногубову ѣздилъ съ женой, у которой цѣловалъ ручки, и въ это время имѣлъ уже цѣлое беремея дочерей. Такъ и оставалось это подъ спудомъ до одного нечаяннаго случая въ семействѣ Нечаянныхъ.

Разъ кавалергардъ, истомившись службой, взялъ отпускъ и поѣхалъ къ маменькѣ въ деревню — отдохнуть. Отца онъ не любилъ, потому что отецъ мало давалъ денегъ и развелся съ женой; мать же, напротивъ, очень любила, потому что маменька не только денегъ давала, а даже и имѣние передать обѣщала.

Избалованный петербургскими побѣдами, герой нашъ думалъ только о томъ, какъ онъ будетъ въ провинціи интриговать и побѣждать; какъ наконецъ встрѣтитъ женщину твердаго характера, умѣющую сопротивляться; какъ употребить всю ловкость, любезность и красоту мундириную, чтобы ее плѣнить, и какъ наконецъ, торжествуя свою послѣднюю побѣду надъ женщиной, объявлять ее своей женой.

— Это что-то рыцарское, благородное, шепталъ онъ около Нижняго и нукнулъ ямщика. По приѣздѣ тотчасъ свелъ знакомство съ сосѣдками, дочерьми Нечаяннаго, изъ которыхъ съ младшей сошелся на короткую ногу. Лариса была дитя, мечтала о братѣ, котораго у ней не было, и рѣшилась наконецъ назвать «братцемъ» молодого кавалергарда. Это было въ то время, когда чародѣй Пушкинъ, не шутя, доказывалъ, что немного нужно достоинства, чтобы одержать побѣду надъ деревенской Татьяной, — и здѣсь онъ оказался правъ. Отецъ, который сначала не обращалъ вниманія, теперь обратилъ, и, возвратившись съ ярмарки или богомолья, окончательно объявилъ: что такъ дѣлать не годится, что не хочетъ ли онъ жениться, а то мало ли что можетъ съ нимъ случиться... и т. д. Словомъ, кавалергардъ въ той же темной аллеѣ далъ слово жениться на Ларисѣ Фіоновнѣ.

Положеніе ея было вовсе не такъ хорошо! Когда она яснымъ взоромъ, чуткимъ ухомъ и здравымъ смысломъ всмотрѣлась, вслушалась и вдумалась во все, — ею вдругъ овладѣла страшная и безысходная тоска! Балетъ, которымъ съ такмъ остервенѣніемъ восхищался мужъ, казался ей теперь гадокъ, наглъ и оскорбляющъ ея цѣломудренный вкусъ; музыка, которую она любила до страсти и понимала хорошо, теперь раздавалась въ душѣ ея какою-то ноющею, болѣзненною грустію и тяготила ее; блистательные балы казались ей теперь модной вывѣской и перестали плѣнять, какъ пустота; знатная родня оказала ей свое покровительство и ласково-оскорбительный тонъ; съ умницами, которыхъ предложилъ ей мужъ, она какъ-то не сошлась, и заключила, что гораздо лучше сидѣть дома, нежели зѣвать у нихъ въ гостиной. А всѣ эти умныя обезьянки большого свѣта, въ родѣ князя Бори, которые такъ приторно и нагло за ней ухаживали, казались ей теперь просто гадки, и она запретила ихъ принимать!.. Словомъ, чѣмъ дальше шло это разоблаченное состояніе, тѣмъ больше нападалъ на нее ужасъ, что въ этомъ хаосѣ она одна. Погружаясь въ мечту, плавая въ очаровательныхъ звукахъ своего божественнаго Мендельсона-Бартольди, она уносилась на родину, видѣла свои задумчивыя рощи, слушала пѣніе вольной птички и сама, какъ птичка, летѣла на встрѣчу мужа, поздно возвратившагося изъ гостей. Но мужа этого вѣчно не было дома. А если являлся онъ на минуту и видѣлъ ея тяжелую слезу, то обыкновенно спрашивалъ съ удивленіемъ: это что за новость? и затѣмъ тотчасъ предлагалъ ей опять свое: выѣзжать и принимать, развлекаться чѣмъ нибудь и кѣмъ нибудь, или наконецъ просто безъ церемоніи называлъ ее «деревенщиной» и увѣрялъ, что въ Петербургѣ, въ порядочномъ обществѣ, плакать не принято. А въ нашемъ кругу, заключалъ онъ, рѣшительно только и знаютъ, что всѣ забавляются да вѣчно улыбаются, какъ май.

— Я не постигаю наконецъ, чего тебѣ не достаетъ? — говоритъ баринъ большого свѣта и затѣмъ съ увлеченіемъ начинаеть расчитывать по пальцамъ: — во-первыхъ, мы съ тобой не голъ-какая нибудь съ петербургской стороны, во-вторыхъ, мы принадлежимъ къ тому кружку, который дѣлаетъ честь, что онъ здѣсь, а не за границей, а въ третьихъ, —

пойми наконецъ хоть это: ты пользуешься правами полной европейской женщины, и я позволяю тебѣ дѣлать все! Чего-жъ тебѣ еще?

— Что, мой другъ, во всемъ этомъ, если я въ поцѣлуѣ твоемъ чувствую только бездушіе и холодъ, словомъ, одно мертвящее и убивающее жизнь! Другъ мой, другъ!.. — И Лариса Фіоновна съ градомъ слезъ кинулась на шею мужа-друга.

— Фи, какая жалкая идилія; оставь меня наконецъ! — Петръ Борисычъ всталъ, прицѣпилъ гремучій палашь и тотчасъ ускакалъ въ балетъ.

Предложить ли Петръ Борисычъ женѣ новую музыку, которая ему нравится, — и въ этомъ окажется что-то разжигающее и растрavляющее его несчастную жертву, какова, напримеръ, музыка ревниваго Отелло. Предложить ли онъ ей библиотеку князя Бори — окажется, что тамъ только литература временъ Людовика XIV, литература гнилая, развращенная, и особенно неприятно дѣйствующая на женщину въ подобномъ состояніи. Самъ онъ рассказываетъ всѣмъ знакомымъ, что бѣдная жена его совсѣмъ испостилась въ Петербургѣ. Новые знакомые, конечно, смотрятъ на Ларису Фіоновну, какъ на новую, невиданную обезьяну, шутятъ, сожальютъ и сокрушаются о ней; а эти сожалѣнія и состраданія еще больше лягутъ въ оскорбленной душѣ! Предложить ли Петръ Борисычъ женѣ съѣздить за границу полѣчиться — «да непременно, говорить, въ Парижъ; тамъ, главное, мнѣ нужно сыграть водевилъ.» — Такъ и окажется изъ самаго разговора, что для этого челоѣка судьба водевиля гораздо важнѣе, нежели судьба жены!

— Спаси меня, спаси меня! рыдаетъ Лариса, падая съ отчаянія на грудь отца, пріѣхавшаго къ дочери погостить.

— Да образумься, Ларя другъ, шепчетъ оторопѣвшій отецъ; куда я тебя спасу отъ мужа, — помилуй! и совѣтуетъ ужъ лучше покориться судьбѣ.

Но не покорилась эта несчастная жертва судьбѣ; не послушала она даже и самаго отца! Съ первыхъ же дней она возненавидѣла мужа, ревновала его ко всѣмъ новымъ знакомымъ, которыхъ у Петра Борисыча было что-то слишкомъ

много, и наконецъ, при помощи какой-то молоденькой и ухарской повивальной бабки, у ней разлилось молоко и она окончательно сошла съ ума! Прибавимъ къ этому только: что отъ несчастной ежегодно рождались дѣти! — Вотъ и вся коротенькая исторія Ларисы Фіоновны.

Къ чести нашего героя, я долженъ здѣсь сказать: что все это такъ мало его беспокоило, какъ и долговая яма въ Вѣнѣ, Петръ Борисычъ не любилъ долгихъ привязанностей; онъ прежде брака замѣтилъ еще, что невѣста ему не нравилась.

Такъ зачѣмъ же жеңился? спросятъ наконецъ. Да нельзя было отказать, господа: — подоспѣли дворянскіе выборы, а Петру Борисычу захотѣлось блеснуть на нихъ въ первый разъ и явиться въ собраніи именно *благороднымъ членомъ общества*.

VIII.

БЫТЬ БОЛЬШОГО БАРИНА.

Старая тетка посоветовала Петру Борисычу увезти жену въ деревню. — «Тамъ, говорятъ, дѣтскія воспоминанія, любимыя мѣста, воздухъ и простота могутъ еще возратить разсудокъ несчастной.» — Тоже сказали врачи. Длинногубовъ подалъ въ отставку.

— Ну, теперь я монахъ, господа! говорилъ онъ на послѣдней забубенной пирушкѣ. Теперь прощай Петербургъ! въ деревню, за дѣло! Кстати же пишу: умеръ отецъ на дняхъ, нужно будетъ поправить имѣніе послѣ чудака-покойника.

Съ этой цѣлью баринъ прибылъ въ деревню и сейчасъ перестроилъ все хозяйство на новый ладъ. Во-первыхъ, въ главной вотчинѣ учредилъ для порядка какую-то «центральную» или вотчинную контору; нанялъ со стороны четырехъ конторщиковъ, а надъ ними поставилъ какого-то отставного коммерческаго регистратора, Мордолоюнова, котораго и назвалъ «правителемъ дѣлъ». Кромѣ того, въ каждой деревушкѣ предполагалось открыть особыя конторы, такъ называемыя «сельскія», которыя обязаны были доносить: кто именно родился, крестился, женился,

— словомъ, все доносилось въ центральную, а оттуда уже барину. Въ первый же день онъ прогналъ къ чорту старосту, за то, что не умѣлъ говорить по человѣчески; назвалъ уродомъ отцовскаго прикащика, за то, что тотъ заговорилъ съ баряномъ о какомъ-то пустомъ огородѣ. Чортъ знаетъ откуда, словно изъ земли, тутъ же явился у него Крестьянъ Крестьянычемъ, нѣмецъ-управитель, котораго онъ прозвалъ по имени корпуснаго надзирателя, герръ-Дейтчманъ. А тутъ и пошла писать!

Повыщсали-таки они съ Крестьянъ Крестьянычемъ довольно: и саловаровъ, и мыловаровъ, и сырпиковъ, и кожевниковъ, и овчарей, и слесарей, и мельниковъ, и бездѣльниковъ, и богъ знаетъ кого еще наконецъ! Тутъ строился заводъ мыльный, тамъ прядильный, тутъ кожевня, тамъ харчевня, тутъ засѣваютъ египетскую пшеницу, тамъ пробуютъ американскую свекловицу; сюда идетъ казенная поставка вина, туда идетъ казенная поставка сукна. То разносится слухъ о Длинногубовѣ, что ему одна пересылка лошади изъ Англіи стоила пятнадцать тысячъ; то раздается молва, что Длинногубовъ выписалъ изъ Америки жатвенную машину въ сорокъ тысячъ, для пробы, которая впрочемъ не пойдетъ, потому что для нее не годится здѣсь почва. То простодушный сосѣдъ увѣряетъ сосѣда, что Длинногубовъ засѣялъ поля табакомъ и больше хлѣба не будетъ сѣять совсѣмъ, а открываетъ фабрику сигаръ и папиросъ, которая всѣмъ столычнымъ кинется въ носъ. А тамъ папиросы превратились въ мериносовъ, садоводство переѣхало въ шелководство и пчеловодство, и пошли наконецъ такіе еще проэкты и усовершенствованія, которыя рѣгъ ительно не хотѣли знать ни мѣстности, ни лѣсистости, ни пѣдежа, ни травъ, ни воды, ни самаго воздуха для мериносовъ и шелковницъ. — А конскій заводъ такъ такой завелъ себѣ Длинногубовъ, что, мнѣ кажется, въ цѣлой Европѣ было такихъ только два: у турецкаго султана, да вотъ еще у настъ ящсгаго русскаго барина. Словомъ, дошло до того, что самъ губернаторъ замѣтилъ этого сельскаго хозяина и отозвался о немъ въ своей губернской семьѣ такъ:

— Какъ хотите, судите, господа, а это человѣкъъ благонаимѣнный; онъ у меня изъ дворянъ первый. Посмотрите, какое у него въ деревнѣ правильное хозяйство: машины всѣ какъ съ иглочки, затѣваетъ громадныя постройки, — просто

умиляешься душой! И главное, по книгѣ все, на манеръ заграничный, такъ изъ параграфа въ параграфъ и рѣжетъ. Я даже полагаю, что намъ не мѣшало бы и статейку тиснуть о немъ, хоть въ губерскихъ?..

— Можно, ваше превосходительство! отвѣтилъ тутъ же чиновникъ особыхъ порученій Погодкинъ, отъявленный сочинитель статейекъ.

И тотчасъ тиснули про Длинногубова статейку.

Но здѣсь я долженъ сказать, что сельское хозяйство было вовсе не главный предметъ дѣятельности барина.

Петръ Борисычъ былъ не такой недвига, какъ сосѣдъ его Курофодовъ, всю жизнь пролежавшій въ своей Замерзаевкѣ. Деревня для Длинногубова была ничто иное, какъ загнутый уголь туза; а если занимался онъ ею, такъ право не болѣе, какъ чищеніемъ ногтей или англійскимъ проборомъ въ Петербургѣ. Онъ не водилъ станowego и исправника показывать имъ свой деревенскій садъ, не угощалъ ихъ обѣдами и ужинами, какъ дѣлывалъ частенько Василій Ивановичъ. Садъ, полный волшебныхъ чудесъ, золотыхъ арфъ, мостиковъ, гротовъ, оранжерей, онъ имѣлъ только для того, чтобы и это имѣть, какъ игрушку; а если приглашалъ исправника пообѣдать и станowego позакусить, то это, конечно, дѣлалось не отъ страха или ожиданія отъ нихъ снисхожденія, а просто изъ приличія. Словомъ, тѣхъ деревенскихъ страховъ, которыми бредилъ темный помѣщикъ Василій Ивановичъ,—Длинногубовъ знать не хотѣлъ! Дѣятельность этого господина была сосредоточена въ городѣ, и вотъ гдѣ онъ жилъ. Здѣсь онъ давалъ балы и обѣды. Здѣсь онъ имѣлъ музыку, пѣвчихъ, актеровъ, оранжерей, домъ и пр. Здѣсь были вы боры, собранія, голосъ, значеніе и наконецъ самая задушевная мысль—попасть въ предводители. Здѣсь онъ покровительствовалъ театру, ласкалъ артистокъ, поилъ артистовъ, собиралъ около себя молодежь, которая любила кутить, болтать, острить, смѣяться, а главное, восхищаться умомъ, образованіемъ и любезностію хозяина. Здѣсь, наконецъ, онъ былъ членъ благотворительныхъ учреждений: острожнаго комитета, вольнаго общества, общества трезвости и въ долѣ акцизно-откупного правленія.

А вотъ домашній бытъ нашего барина:

Петръ Борисычъ не хвастался, что онъ «человѣкъ простой», не величалъ себя «старого вѣка кочергой», какъ Василій Иванычъ. Куроѣдовской пословицы: «знають попа въ рогожкѣ», онъ знать не хотѣлъ, а о самомъ Васильѣ Ивановичѣ отзывался такъ: «какой это помѣщикъ, помилуйте! это свинья въ халатѣ.»—На этомъ основаніи и простого Куроѣдовскаго халата не носилъ, а носилъ бархатный, съ такими великолѣпными кистями, которыя, говорятъ, стоили полсотни рублей и были низаны жемчугомъ! О прочемъ гардеробѣ Длинногубова говорить нечего: все было ново, какъ съ иголки, модно, какъ картинка, выписывалось отъ самаго дорогаго портного изъ Петербурга и называлось «заграничнымъ», начиная съ бѣлья. О вкусахъ этого барина можно сказать одно: они развились въ самомъ Петербургѣ. Впрочемъ, о вкусахъ не спорять; въ изящномъ, можетъ быть, съ нимъ многіе не сошлись, но за то былъ одинъ главный вкусъ, на которомъ сходились всѣ, именно: вкусъ его обѣдовъ. Повара онъ держалъ француза, обѣдъ всегда заказывалъ легкій, а передъ выборами такъ сытно кормилъ сибирскихъ дворянъ, такіе задавалъ имъ ужаснѣйшіе обѣды, отъ легкости которыхъ они рѣшительно мерли, какъ мухи. Словомъ, и въ этомъ отношеніи губернаторъ съ семьей заговорилъ о Длинногубовѣ такъ:

— Если кто ѣсть у насъ, господа, такъ это нашъ Длинногубовъ. Вотъ ѣсть, такъ ѣсть!...

— Вѣрно не то, что Куроѣдовъ? поддразниваетъ прокуроръ.

— Куда тому, помилуйте! тотъ просто какая-то бражка послѣобѣденная—человѣкъ лошадинаго устройства...

— А этотъ? допрашиваетъ шутникъ прокуроръ.

— А этотъ — человѣкъ столпный. У этого тонкая деликатность въ столѣ. Иной разъ въ ротъ не успеешь положить какуюнибудь безешку, смотришь—глотнуть нечего, растаяла!

— Да, да! подхватываетъ третій; надобно отдать справедливость: славно кормить его собака—французъ!

Занятія Длинногубова въ Сибири были гораздо сложнѣе и важнѣе, нежели въ Петербургѣ. Здѣсь онъ даже придумалъ «утреннія», такъ называемыя «дѣловыя занятія» и вставалъ

для нихъ не позднѣе десяти часовъ. Вставалъ онъ не такъ, какъ обыкновенный Василій Ивановичъ, крикомъ и свистомъ объявляющій дворнѣ о своемъ барскомъ пробужденіи: — здѣсь былъ проведенъ телеграфъ отъ постели, на зовъ котораго должны были явиться управитель или письмоводитель и донести его превосходительству о состояніи деревни или дворянскаго собранія. Словомъ, часовъ до двухъ Длинногубовъ, какъ директоръ департамента, сидѣлъ въ своемъ дѣловомъ кабинетѣ, обложенный горами какихъ-то непонятныхъ бумагъ, а передъ нимъ стояли правитель или письмоводитель и тыкали пальцемъ, гдѣ подписать, или водили по бумагѣ, гдѣ прочесть, докладывая при этомъ его превосходительству, что сегодня будетъ обсуждаться дѣло такое то, или о томъ наконецъ, что дѣла вовсе никакого нѣтъ. Въ это время постороннимъ посѣтителямъ камердинеръ говорилъ таинственно: «потрудитесь пожаловать въ другой разъ, его превосходительство теперь видѣть нельзя съ — они заняты». Хотя частенько случалось, что занятіе его превосходительства только въ томъ и заключалось, что онъ чистилъ ногти, читалъ газету или писалъ кому нибудь записку. Здѣсь нужно прибавить, что писаніе записокъ къ артистамъ было самымъ важнымъ и любимымъ занятіемъ дѣловаго помѣщика. Записки эти онъ писалъ легко, прриво и пзянно, но безпрестанно съ нимъ случалось: или косо начиналось, или перо втыкалось, или неровно писалось, и все это опять рвалось и снова начиналось; такъ что въ этомъ проходило почти все утро! Покуривая сигару батюшки Елисева, Длинногубовъ любилъ (особенно въ деревнѣ) обкладываться кругомъ книгами, какъ кирпичами, въ особенности по сельскому хозяйству, но книгъ этихъ никогда не читалъ, потому что читать было некогда. Чуть за книгу—смотришь, пришелъ поваръ, пріѣхалъ гость, и вотъ опять заказывается обѣдъ или рассказывается объ ужинѣ вчерашнемъ. Съ двухъ до четырехъ его превосходительство принималъ гостей и посѣтителей или самъ дѣлалъ визиты значительнымъ лицамъ. Въ пять или шесть обѣдалъ или уѣзжалъ на обѣдъ. Съ шести до десяти бесѣдовалъ у камелька, куда принимались только *свои*, въ родѣ письмоводителя, съ которыми Длинногубовъ курилъ, болталъ или безцеремонно засыпалъ въ креслахъ. Съ десяти начинался вечеръ,

и посвящался уже удовольствіямъ: клубу, картамъ, баламъ. А въ сочельникъ или передъ праздникомъ большимъ онъ самъ училъ музыкантовъ, репетировалъ съ актерами, игралъ съ собою въ шахматы, словомъ, оставался дома и предавался занятіямъ безгрѣшнымъ.

Впрочемъ, Петръ Борисычъ не былъ такъ сильно занятъ дѣлами утромъ, какъ интереснымъ для него вечеромъ, особенно съ того времени, какъ сталъ добиваться почетнаго кресла въ дворянскомъ собраніи. Вечера и балы были истинная его жизнь. Къ чести его я долженъ здѣсь сказать, что балы его имѣли свою особенную славу по губерніи и вовсе не были похожи на вечеринки какого нибудь предсѣдателя гражданской палаты, рассчитывающаго на жалованье и доходы. Увеселенія Петра Борисыча были до такой степени разнохарактерны и вѣчно новы, что право непостижимо, какъ одинъ и тотъ же человекъ успѣвалъ все это изобрѣтать и сочинять! То катанье на лодкахъ съ музыкой и пѣвчми, то вечерніе чаи съ фонарями и иллюминаціей въ горахъ или на островахъ и кутежъ подъ утро. То домашній спектакль и свои актрисы подъ распоряженіемъ, дирекціей и режисерствомъ самаго Длинногубова; то наконецъ деревенскій балъ въ волшебномъ саду съ пѣснями, иллюминаціей, фейерверкомъ и чортъ знаетъ съ чѣмъ еще,—просто самъ Иванъ Ивановичъ Излеръ! То тамъ катанье по городу на пятнадцати тройкахъ, одинаково украшенныхъ цвѣтами и лентами. То наконецъ устраивалась лодка на колесахъ, въ родѣ ладей Олеговыхъ, съ мачтами, флагами и надписями: «широкая масляница», а подъ флагами доморощенная музыка, пѣвчіе и еще двѣнадцать нѣмѣ, въ панталонцахъ и вѣнкахъ, кисейныхъ платьяхъ и розовыхъ шарфахъ, подогрѣваемые снизу какимъ-то особеннымъ образомъ. Эти изумляли публику своими плясками. А публика, нагулявшись досыта, забѣжала еще къ Длинногубову на домъ и тамъ далеко провожала *широкую*. Тѣ же, кто любилъ масляницу пошире и поразмашистѣе, оставались у Петра Борисыча на вторникъ — праздновать еще богъ знаетъ какую-то масляницу нѣмецкую? Словомъ, такое было развеселое житье, что дворяне отъ самаго рождественскаго сочельника начинали допрашивать другъ друга: «А что *намъ* будетъ нынѣче праздновать свою широкую масляницу?»

— «Не приплестись ли и мнѣ посмотрѣть его проказы? допрашиваетъ какой нибудь зорко смотрящій въ гробъ старичокъ.

— А свѣтло живетъ нашъ губернской тузъ! заключаетъ приходскій учитель.—Просвѣщенный онъ человѣкъ. Охъ, великое слово просвѣщеніе!.. и учитель вздохнетъ.

Хотѣлось бы мнѣ покороче познакомить читателя съ привычками, склонностями и странностями этого русскаго барина, но это до такой степени трудно, что въ чтеніи можетъ представить одно только разнохарактерное ключье, изъ котораго не составишь себѣ ничего цѣльнаго и опредѣленнаго. Попытаемся однако:

Василія Иваныча можно было назвать хоть «кочергой стараго времени». Оставленныя ему дѣдушкой и бабушкой повѣрья, преданія и предрасудки, а за ними привычки, склонности и страсти до такой степени проросли насевозъ *старо*го барина, какъ сила и крѣпость вѣковое дерево. Длинногубовъ же, какъ мы видѣли по началу, уже вовсе не таковъ: этотъ считаетъ себя человѣкомъ *новаго* времени. Онъ бранитъ нашу татарщину, онъ ненавидитъ и презираетъ наше старое и изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобъ проявить въ себѣ все новое, европейское. Но это *новое* — истинно прекрасное для другихъ—въ немъ, къ сожалѣнію, хуже всякаго стараго, потому что блуждаетъ онъ въ немъ, какъ человѣкъ въ лѣсу! Хотѣлось бы ему и щегольнуть передъ цивилизованной Европой, но чѣмъ щегольнуть, когда голова пуста? Вотъ онъ и щеголяетъ: или роскошью, или причудами, или наконецъ удалствомъ, въ родѣ дуэли изъ-за любовницъ и актрисъ. Конечно, съ такимъ направленіемъ ему скоро надоѣстъ жизнь, какъ всякій испорченный вкусъ или прихоть, какъ лишняя пряность въ кушаньѣ, какъ самый роскошнѣйшій, но приторный плодъ—ананасъ! Отъ нее онъ бросится въ крайность, изъ столпцы въ деревню, но и тамъ опять тожь! Захочется ли ему вдругъ сдѣлаться дѣятельнымъ и полезнымъ отечеству, которая такъ легко даромъ дало ему царскую роскошь и всѣ наслажденія жизни,—онъ, пожалуй, притворится агрономомъ-хозяиномъ, но и тутъ не хватить главнаго—знанія, умѣнья и силъ. Заточить ли его червь честолюбія, такъ бы, мнѣ кажется, и хватилъ сразу въ мистры или, по крайней мѣрѣ, въ губернаторы и предводители, но и тутъ не достаетъ опять того-жь. И тутъ онъ вообра-

зять, что предводительство должно заключаться только въ доставленіи себѣ такъ называемыхъ удовольствій. Словомъ, во всемъ окажется человѣкомъ надломленнымъ, какой-то европейской недоушкой! Презирая и проклиная наше старое, онъ силится поймать что-то блестящее, новое, но оно не дается ему, какъ не дается человѣку ничто безъ истиннаго умѣнья ловить, безъ основательныхъ знаній! — А цѣли, къ которымъ онъ идетъ? А дороги, которыя онъ выбираетъ? А начала, изъ которыхъ сложилась его собственная жизнь? Развѣ есть въ этомъ хоть что нибудь общее цѣлое? Сперва корпусное дѣтство, выправленное маршировкой да кадетскимъ обращеніемъ тогдашняго времени, потомъ забубенная жизнь гусара со всѣми прелестями бердичевского вѣка и гусаризма; тамъ двухъ-тысячное значеніе по губерніи на выборахъ дворянскихъ, связи, родства въ Петербургѣ. А тутъ вдругъ рабѣльное подчиненіе себя какой нибудь акушоркѣ или нѣмцу-Дейтчману, умѣющему платить за насъ долги, смыслящему что нибудь въ хозяйствѣ. Все это, взятое вмѣстѣ, похоже ли сколько нибудь на жизнь истинно образованнаго европейскаго человѣка? пусть читатель-баринъ посудитъ самъ! — А я скажу въ заключеніе одно: какую бы прямую и торную дорогу не выбралъ себѣ Петръ Борисычъ, а съ тѣми данными, изъ которыхъ построился самъ, при всей благонамѣренности и желаніи устроить дѣла, онъ все-таки собьется съ прямой дороги и непременно заѣдетъ въ дичь! Такъ, вѣрно, на роду ему написано.

А при такой надломленной, не идущей по одной дорогѣ жизни, само собою разумеется, Петръ Борисычъ не имѣлъ тѣхъ коренныхъ привычекъ, куроѣдовскихъ, которыми проросъ сосѣдъ. Такъ, напримѣръ, въ отставкѣ держалъ онъ верховую лошадь, платилъ за нее большія суммы берейтору, а самъ не проѣхалъ на ней ни разу въ теченіи десяти лѣтъ. Такъ держалъ онъ въ деревнѣ своръ борзыхъ до пятидесяти, а самъ во всю жизнь съѣздилъ на охоту только три раза, и то, какъ говорилъ, «для пріятелей», а самому вѣчно некогда. Такъ держалъ онъ цѣлый арсеналъ дорогихъ ружей, рѣдкихъ дамасскихъ клинковъ, выписалъ даже револьверъ, едва показавшійся тогда на свѣтъ, но все это только для того, чтобы сказать иногда «и это у меня есть». Заводить ли онъ ста-

нокъ токарный—начнетъ порядочно точить, но бросить и не вернется къ нему никогда; заведетъ ли станокъ слесарный—и слесаремъ могъ бы быть порядочнымъ, но и это покажется ему глупо или [смѣшно. Прямется ли дирижировать оркестромъ или управлять пѣвчими—сдастъ за пустяки въ солдаты любимаго басса.

— Я не Курофдовъ, говоритъ Петръ Борисычъ холодно и сухо; я не стану кричать: «гляди въ оба!» Человѣкъ самъ долженъ знать, что ему должно смотрѣть въ оба. Не хочетъ, я найду другихъ, а этого къ чорту. Сдать эту дрянъ въ солдаты, говоритъ онъ тихо и хладнокровно своему клевету и исполнителю нѣмцу, и ужь никакая сила—ни просьба виновнаго, ни слезы матери, ни холодныя убѣжденія нѣмца—ничто не измѣнитъ рѣшенія барина,—человѣка сдаютъ!

Вообще нѣжничать и миндаляничать не любилъ. Этотъ не заведетъ себѣ парочку канареекъ и не будетъ чистить у нихъ въ клѣткѣ, какъ часгезько дѣлывалъ сосѣдъ его Василій Иванычъ. Здѣсь, если и висѣли гдѣ нибудь канарейки по нѣскольку лѣтъ, такъ едва ли кто и замѣчалъ, что они висятъ. Не имѣлъ онъ такого слѣплого пристрастія къ кошкамъ и собакамъ, какъ простодушный сосѣдъ его, почивающій на одномъ диванѣ съ своей глупой Алонзой. Самую дорогую, привычную и любимую собаку онъ убивалъ сразу, если та хоть на волосъ ошпбалась на охотѣ. Даже мнѣнія о собакахъ онъ былъ противнаго, нежели сосѣдъ.—«Собака не можетъ быть глупа отъ природы», говорилъ онъ рѣшительно, «это вздоръ! глупа она отъ хозяина, который ее избаловалъ!»—и единственную избалованную собачонку жены, которая безтолково залаялана губернатора, Петръ Борисычъ прозвалъ въ насмѣшку: «непризнанный критикъ» и тотчасъ велѣлъ удавить.—«Собака можетъ лаять», говоритъ онъ твердо, «но знай на кого».—Вмѣсто кроликовъ, которые жили въ кабинетѣ простодушнаго Василя Иваныча, Длинногубовъ держалъ медвѣдя, прикованнаго на цѣпь, да орла, посаженнаго въ желѣзную клѣтку. Первому онъ кидалъ кровяное мясо, называя въ шутку «Михиломъ Иванычемъ лѣсничимъ,» во имя какого-то пакостнаго сосѣда Михаила Иваныча землемѣра, а второму впускалъ по временамъ голубя и любовался, какъ орелъ терзалъ предъ

нимъ трепенно-окровавленную птицу. Но и это занимало его не болѣе, какъ жизненные пустяки! — Казалось, все для него пустяки; все только прихоть, забава, игра, — какъ иногда люди довольно серьезные вздумаютъ вдругъ поиграть съ дѣтьми въ жмурки или прихотливо подакормиться конфеткой. Такъ, дорогая актриса, на которую онъ убилъ подсосоянія, была не страсть, а какая то конфетка, которою онъ, пресыщенный, лакомялся безъ всякаго наслажденія. Завелъ онъ ее отъ пустоты жизни или пустого тщеславія, затѣмъ только, чтобъ о немъ говорили: «у него Людинова на содержаніи.»

Да если разобрать этого господина, такъ, мнѣ кажется, и самая служба, хозяйство и почетныя должности наконецъ не считались у него обязанностію или долгомъ, возложеннымъ отечествомъ или обществомъ, а просто какой-то игрошкой или забавой, и исполнялись, какъ дилетантизмъ. Изъ прихоти онъ надѣвалъ мундиръ бдстательнаго воина, изъ прихоти онъ старался давать обѣды и больше о нихъ говорить; изъ прихоти онъ подписывался «превосходительнымъ,» не задавая себѣ вопроса: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ превосходить другихъ? Задавались ли этому человѣку серьезные вопросы жизни, въ родѣ женитьбы? — мы уже видѣли, какъ и серьезные вопросы онъ превращаетъ въ забаву и игру. Впрочемъ, объ этомъ мы еще поговоримъ, а теперь обратимся, кстаги, къ его склонностямъ и страстямъ.

Не получивъ сильныхъ привычекъ ни къ человѣку, ни къ вещамъ, Петръ Борисычъ очень естественно не дорожилъ самими дорогами и завѣтными предметами старины. «Терпѣть не могу этого тряпья, лохмотья и обломковъ ихъ неуклюжей жизни, — говорилъ онъ объ отцѣ и матери, и обращался съ лохмотьемъ своихъ стариковъ безцеремонно. Роскошная дѣдовская мебель екатерининскихъ временъ была тотчасъ уничтожена по приѣздѣ въ деревню. — Вынесите эту дрянь, не могу видѣть! кричалъ онъ, прибывши изъ Петербурга; и дорогую мебель цѣльнаго краснаго дерева тотчасъ разнесли по людскимъ, чердакамъ и скотнымъ избамъ. Василій Ивановичъ, на примѣръ, не читая, хранилъ дѣдовскую бібліотеку, только потому, что она — бібліотека дѣдушки. Петръ Борисычъ наоборотъ: довольно замѣчательную бібліотеку отда отдалъ на расхищеніе дворни, потому, какъ говорилъ онъ, что «это

старье никуда не годится». Напротивъ, книги новаго времени, въ которыхъ часто шли было больше, онъ великолѣпно переплеталъ, какъ новизну, и ставилъ въ особую комнату, названную «комнатой домашнихъ забавъ». О книгахъ новаго времени онъ вошелъ въ самую жаркую переписку съ дядюшкой-сенаторомъ и выписывалъ такое множество, что однажды одинъ изъ племянниковъ его выразился такъ: «какъ нашему дядюшкѣ умнымъ-то не быть? Вообразите, книгъ однихъ выписываетъ въ годъ на тысячу серебромъ. Сегодня съ почты принесли ему полтора пуда!..» Даже самъ дядюшка-сенаторъ пророчилъ, что изъ Петра Борисыча въ сельскомъ хозяйствѣ выйдетъ прокъ. Мѣшало только одно, — какъ уже знаютъ читатели — читать то было некогда. Въ самой изящной литературѣ Петръ Борисычъ добрался только до «Дворянскаго гнѣзда» и больше не прочелъ ничего. Правда, что онъ хотѣлъ было заняться чтеніемъ серьезно, да пока слѣдилъ только слегка за произведеніями Французской фабрикаціи, а русскіе журналы, начиная съ «Русскаго Вѣстника», тотчасъ по полученіи отправлялъ въ лакейскую или отдавалъ камердинеру запереть въ шкафъ. Около себя онъ не держалъ даже календаря, который Василій Ивановичъ считалъ самой важнѣйшей книгой для человѣческой памяти. Забѣтки Длинногубовъ заносилъ не въ календарь, а въ особенную, отлично переплетенную памятную книжку, гдѣ, впрочемъ, ничего не было записано, кромѣ какого-то визитнаго адреса къ пріѣзжему генералу, да счета: сколько и когда выдано актрисѣ Людиновой. Да и то было записано не столько для памяти, сколько для короткихъ знакомыхъ, которымъ можно показать и сказать по секрету: «а дорога, чортъ ее побори!» Прочихъ же приходоѡ и расходоѡ Петръ Борисычъ терпѣть не могъ: ихъ заносили въ книгу камердинеръ, Архипъ-дворецкій или кто попадалъ на встрѣчу; провѣряли письмоводитель или управитель, а баринъ только добавлялъ: «ну-ну, херь-Дейтманъ! какъ хотите тамъ платите, но только меня извините: безъ денегъ въ городъ я жить не могу, половину давайте сюда!»

Словомъ, эта удовлетворенная, преисполненная прихотями и удачами жизнь до такой степени избаловала нашего барина, что безсильный и утомленный нравственно, онъ не имѣлъ ни къ чему особенной страсти. Самая заманчивая изъ нихъ — вла-

столюбіе, и та не развилась въ немъ вполне какъ страсть. Поступалъ онъ съ людьми холодно, безжизненно, презрительно! Давалъ ли онъ кому обѣщаніе — никогда, ни въ чемъ его не исполнялъ. Говорилъ ли онъ о чьей нибудь личности, онъ никогда не отдавалъ справедливости ни уму, ни таланту, ни добродѣтели человѣка. И что страннѣе всего, что это было не озлобленіе противъ людей, ни ненависть къ человѣчеству, а просто капризъ, мелочь или побочная цѣль. — Вотъ даже какія личности подвергались его оригинальному суду: Гоголя, напримѣръ, онъ называлъ сту масшедшимъ, за то, что тотъ не подалъ ему руки въ домѣ Аксакова; Ивановъ, по его мнѣнію, былъ набитый дуракъ, за то, что не пустилъ его въ мастерскую въ Италиі и отвѣтилъ, что никакого Длинногубова знать не знаетъ. Такъ изъ одного капризу пятнадцать лѣтъ онъ защищалъ предъ всѣми губернаторами какого-то отъявленнаго взяточника становаго и оправдывалъ себя такъ: «Ваше превосходительство! кто изъ насъ не знаетъ, что онъ взяточникъ отъявленный? Я съ этимъ совершенно согласенъ и не осмѣлюсь его предъ вами защищать, но позвольте при этомъ доложить: что мы, дворяне, къ нему привыкли, мерзости его всѣ знаемъ и спосимъ, и это онъ знаетъ хорошо. А съ другой стороны: кто же изъ насъ Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Сами посудите, ваше превосходительство!»—Губернаторъ дѣйствительно задумывался надъ такимъ фактомъ: «кто изъ насъ Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?—а въ заключеніе махнетъ рукой и скажетъ:— «Ну, только для васъ!»

Не удивительно послѣ того, что Длинногубовъ во всю жизнь не приобрѣлъ ни старыхъ друзей, ни прочныхъ знакомствъ, ни сильныхъ привязанностей, ни тѣхъ окостѣнѣлыхъ привычекъ, которыя составляютъ вторую натуру человѣка, служатъ утѣшеніемъ въ старости или сопровождаютъ въ могилу несчастнаго раба! Сосѣдъ безъ рюмки утромъ, безъ стаканчика на сонъ грядущій не могъ обойтись, какъ безъ пищи и сна. Вѣчно вывѣрлялъ онъ часы, наблюдалъ температуру комнаты и любилъ, чтобы Антониха на ночь почесала ему пятки, безъ чего Василій Ивановичъ не заснетъ. Ничего подобнаго не было съ Петромъ Борисычемъ; онъ даже считалъ страннымъ и неестественнымъ какую бы то ни было привычку въ че-

ловѣкъ. Какъ онъ находилъ удовольствіе любить актрису и ѣздить къ ней, такъ точно находилъ удовольствіе мучить ея холодностію и наслаждаться ея ревностію. Какъ равнодушно отправилъ онъ вчера любовницу въ больницу, такъ еще равнодушнѣе отправляетъ сегодня жену въ сумасшедшій домъ. Словомъ, холодный Петръ Борисычъ имѣлъ и страсти такія же холодныя; какъ самъ, и подчинялъ все капризу и произволу, который считалъ за верховный законъ. Его занималъ только фактъ, безъ всякихъ причудливыхъ сужденій о томъ: тяжель онъ или нѣтъ? Старая, оставленная имъ любовница, умирая за стѣной, просила придти проститься,—онъ не пошелъ! Не спросилъ даже: отчего она, такая молодая и прекрасная, такъ рано умерла?

— А шутя живетъ этотъ чортъ, заключаетъ тупой приходскій учитель.

Именно шутя. Вдругъ вздумается Петру Борисычу съѣздить въ Петербургъ или за границу,—онъ съѣздитъ; не задастъ даже себѣ вопроса: «зачѣмъ туда ѣздить? Спросить знакомые или родня: какая цѣль?»—«Провѣтриться», говоритъ Петръ Борисычъ, и въ сущности окажется: дѣйствительно только провѣтриться. Такъ когда-то проѣхалъ онъ половину Германіи, не зная нѣмецкаго языка, и, ворогясь, не могъ даже себѣ отвѣтить положительно: зачѣмъ онъ туда ѣздить? Въ Парижѣ оправдался только тѣмъ, что тамъ ему нужно было сыграть водевилъ.—Вдругъ онъ найметъ великолѣпную квартиру на сѣрныхъ водахъ на цѣлое лѣто, а самъ не пріѣдетъ туда изъ-за какихънибудь пустѣйшихъ причинъ или лѣни, забудетъ даже, что квартира нанята и что за нее нужно много и бесполезно платить. Явится ли онъ нечаянно на сѣрныя воды, тотчасъ соберетъ около себя прихлебателей, людей праздныхъ и веселыхъ, которые бы вертѣлись около него съ утра до ночи и съ ночи до утра. Задастъ обѣдъ за обѣдомъ, кутежъ за кутежомъ и, не смотря на то, что пріѣхалъ собственно только для безпорядка и разстройства здоровья, онъ же всехъ увѣряетъ грустно, что пріѣхалъ лѣчиться; что ему серьезно нужно полѣчаться; и что онъ именно за тѣмъ только и пріѣхалъ! И кончится все это тѣмъ, что за картами и шампанскимъ онъ приглашаетъ доктора себя лѣчить,—тотъ ѣздитъ по утрамъ и серьезно разсматриваетъ высунутый языкъ, а

этотъ еще серьезнѣе платитъ ему за визитъ. А возвращаясь домой, Длинногубовъ только подумаетъ дорогой: что за чепуха такая жизнь!

Въ обществѣ Петръ Борисычъ былъ самый пріятный, веселый и занимательный человѣкъ. Особенно любило его общество дамъ, съ которыми онъ умѣлъ мило болтать французскіе пустячки. Этой занимательно расскажетъ всѣ новости московскаго или парижскаго фельетона; той забавно распишетъ цѣлыя сцены изъ *Mystères de Paris*, безсовѣстно перевирая лица, событія и самый рассказъ; тамъ кстати приведетъ въ примѣръ пышную фразу королевы Марго или язвительную—графини Монсоро (образцовыхъ героинь тогдашняго времени); здѣсь продекламруетъ цѣлую страницу изъ *Juif-errant* и такъ картинно распишетъ нашу пустыню Сибирь, что дамы приходятъ отъ нея въ восторгъ. Тутъ кстати восхищается собачкой и проигрываетъ въ вистикъ губернаторшѣ-старушкѣ, а тамъ, еще больше кстати, садится за пядьцы и подноситъ вицъ-губернаторшѣ Жбаловой первый свой апельсинъ. Съ докторшей Сквернославской общается утромъ ѣхать въ магазинъ, а съ солидной женой управляющаго цѣлый вечеръ дергаетъ корпію, какъ дятя. Настроится ли онъ на тонъ религіозный и тутъ превосходно декламруетъ монологъ Моисея, какъ самъ Шатобріанъ. Всѣ съ восхищеніемъ смотрятъ на его маленькія аристократическія руки,—дамы шепчутъ: «милка, душка Длинногубовъ!» а мужья соглашаются, что онъ въ самомъ дѣлѣ милъ. Здѣсь нужно бы прибавитъ, что съ тѣми, кого милка считалъ поближе и позависимѣе отъ себя, онъ обходился вовсе не такъ мило. Извѣстнаго намъ станового-протѣже онъ заставлялъ иногда цѣлый часъ ждать въ прихожей, какъ лакея. Но это сюда не относится; все это извинялось недосугомъ и важными занятіями Длинногубова; а если форсъ былъ черезъ-чуръ крупенъ—то и оригинальностію характера. Одного только не могли простить ему барыни, что милка, душка этотъ часто забывалъ интересное для нихъ общаніе. За то какъ же и отхватывали его за это милыя барыни — страхъ сказать!

Вотъ тотъ восточный бытъ, которымъ шеголялъ нашъ крупный баринъ, особенно въ сороковыхъ годахъ.—«Старое

старится и умирает», скажемъ ему въ заключеніе; теперь у насъ «молодое растетъ», и слава тебѣ Господи! Остается добавить одно: какъ думало о немъ общество тогдашняго времени?

Въ городѣ считали Длинногубова «бариномъ умнымъ», точно также, какъ Куроѣдова «бариномъ простымъ», и прозвища эти знали не только дворяне и чиновники, а даже Парамычъ, дьячекъ. Губернаторъ съ семьей называлъ его благороднѣйшимъ членомъ общества; жандармскій полковникъ отъивался объ немъ, гдѣ слѣдуетъ, какъ о человѣкѣ благонамѣренномъ, который своихъ не выдаетъ. Даже въ Москвѣ говорили, что онъ свѣтло живетъ, и въ самомъ Петербургѣ слыхали отъ ревизоровъ, что въ Сибири въ самомъ дѣлѣ есть баринъ *сomme il faut*.

Съ однимъ только не могъ поладить нашъ умный баринъ, именно съ сосѣдомъ Василиемъ Ивановичемъ «бариномъ простымъ». Не смотря на то, что дома ихъ стоятъ на дворянской рядомъ, а длиногубовское Индѣйкино отъ куроѣдовской Задержихости отстояло только на семь верстъ—сосѣди все-таки не сошлись! Я не говорю о томъ, что Василий Ивановичъ терпѣть не могъ длиногубовскихъ обѣдовъ и увѣрялъ, что тамъ морятъ человѣка съ голоду;—Петръ Борисычъ тоже не любилъ лѣнливыхъ куроѣдовскихъ шей и, кушая ихъ съ аппетитомъ, также увѣрялъ, что они портятъ аппетитъ. Это бы еще ничего но главное то, что сосѣди любили одинъ надъ другимъ подтрунить.

— А что твое хозяйство? начинаетъ Длинногубовъ съ улыбкой. Вотъ, господа, человѣкъ, у котораго въ наше время дамуть бабушкиной клюкой.

— Ладно, братъ, смѣйся! А у тебя чѣмъ?

— Конечно машиной.

— А выходить, поди, все равно?

— Ну, нѣтъ, извини,—не одно. Я, по крайней мѣрѣ, слѣду за вѣкомъ и не смѣшу губернію моимъ старообрядчествомъ.

— А пусть ихъ смѣются на здоровье; право я не забавнѣ твоихъ мериносовъ и шелковицъ. Эй, повѣрь, не пойдуть!

— Посмотримъ.

— Да что тутъ смотрѣть! это, братъ, видно впередъ. Людей только перешортилъ у меня своей чертовщиной. Порядочный вонъ былъ у меня прикащикъ, Луповъ, и тотъ по милости твоей теперь ни къ чорту не годится!

— Это какимъ образомъ?

— Да такимъ образомъ: какъ за языкъ повѣшенный, подлець, все ходятъ за мной да трещить: у Длинногубова, сударь, заводъ пошелъ, да у Длинногубова, сударь, еще два не початы; у Длинногубова тамъ чорта съ дьяволомъ посѣяли, да не попробовать ли намъ хоть одного?

— А ты что? спрашиваетъ самодовольно Петръ Борисычъ!

— Конечно что: нѣтъ, говорю, шалишь, братъ, мамонишь на грѣхъ наводишь,—мы и безъ заводовъ обойдемся. Пусть кобродитъ сосѣдушна, — «большому кораблю большое плаванье». А мы посмотримъ пока: куда онъ поплыветъ, да что привезетъ.

— Такъ и будешь смотрѣть до конца?

— А ничего, братъ, и до конца. Я, признаться, смерть не люблю этихъ, чортъ, заводовъ—заводскихъ: съ ними такъ иной прозаводится, не умѣвши, что и зубы положить на полку. Пошелъ, вонъ, также ковылять, какъ ты: сегодня тебѣ продай Замерзаевку, а завтра: гдѣ бы, говорить, денегъ занять подъ залогъ? Деньги нужны—заводъ стоитъ. А у меня какъ нѣтъ ихъ, такъ и не стоитъ ничто!

— Спи себѣ спокойно, подбавляетъ язвительно Длинногубовъ.

— И предубезное, братъ, дѣло—спать. Я, по крайней мѣрѣ, твердо знаю одно: что всѣ твои заводки Галактионычъ привезетъ мнѣ изъ деревни въ картонкѣ. А эти ваши новости заводскія, по моему, пустякъ и больше ничего!

— Слышите, слышите, господа, что продовѣдуетъ помѣщикъ въ тысячу душъ!

А господа слушаютъ да думаютъ вмѣстѣ съ хозяиномъ: «вотъ уродъ-то нашего времени.»

Послѣ того сосѣди долго не радятся.

Иногда эта сцена выражалась немного иначе:

Ватъязъ какой-нибудь несбыточный прожектъ въ огромныхъ размѣрахъ, Длинногубовъ вдругъ споткнется на символъ

предпріятіи и отправится къ сосѣду денегъ занять. Василій Ивановичъ добродушно выслушаетъ жалобу, какъ въ самомъ дѣлѣ тяготитъ сосѣда этотъ «жизненный хламъ», а тутъ вдругъ и спроситъ наконецъ:

— Да что ты не бросишь эти пустяки?

— Да какъ бросить, другъ любезный, помилуй? Пойми ты хоть это одно: вѣдь на полмилліона строенія заведено!

— А какъ придется со временемъ? допрашиваетъ простодушный Василій Ивановичъ.

— Но современнымъ мало-ли что намъ придется дѣлать... (сосѣдъ шепчетъ сосѣду). Со временемъ я имѣю въ виду: просто отпустить моихъ крестьянъ на волю!

— О, это дѣло другого рода!..

— Однако, какъ ты думаешь объ этомъ дѣлѣ другого рода? Вѣдь я не въ правѣ его сдѣлать?

— Это какъ? Василій Ивановичъ.

— Да такъ. Я не говорю о томъ, что это возмутительный фарсъ на всю губернію — это въ сторону. Но даже просто, какъ помѣщикъ и благородный человѣкъ, я не могу ихъ отпустить!

— Да растолкуй мнѣ, ради Христа, почему? вскрикивалъ простодушный сосѣдъ.

— Очень просто, другъ: наслѣдство, полученное по закону, я долженъ такъ-же законно передать моимъ наслѣдникамъ, иначе я хищникъ, утайщикъ преступникъ, наконецъ, противу кровныхъ моихъ дѣтей. — И послѣднее Длинногубовъ выговорилъ такъ одушевленно и горячо, что слезы навернулись на глазахъ.

— Ну! это что же такое?... Это не мѣшаетъ.

— Какъ, что такое? — законъ!

— Пустяки!

Василій Ивановичъ сильно махнулъ рукой и оба замолчали. На лицѣ Длинногубова будто выразился вопросъ: «неужели въ самомъ дѣлѣ и это пустяки?» А на лицѣ Василя Ивановича отразился прямой отвѣтъ: вѣтъ, братъ, вѣтъ, не фивти! Давно я знаю твои возвышенныя цѣли и благородныя стремленія, ты мнѣ ихъ не толкуй! по нашему, не хочешь отпускать, такъ нечего

влиять, просто можно сказать не хочу! «А объ законѣ что намъ толковать, вѣдь ты пріѣхалъ денегъ занять?» А я не дамъ.—

Послѣ этого сосѣди невидятся еще дольше.

А въ отсутствіе, конечно, они выражались другъ о другѣ еще безцеремоннѣе. Длинногубовъ, напримѣръ, на выборахъ говорилъ о Василю Ивановичѣ, что значеніе его въ дворянствѣ все равно что свищъ въ орѣхахъ. А Василю Ивановичъ послѣ выборовъ заговорилъ о Длинногубовѣ такъ: «опять мы, господа, выбрали этого скота?— это просто безструнная балалайка!» Что означало такое выраженіе у Василя Ивановича? онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета; но только ему казалось: что Петръ Борисычъ ихъ въ самомъ дѣлѣ ни на что больше не похожъ, какъ на безструнную балалайку.»

Чтоже думалъ наконецъ Длинногубовъ самъ о себѣ? Вотъ что:

Мѣняя безпрестанно общество, личности, отношенія, людей, онъ постепенно доходилъ до страшнаго оупѣнія и пустоты. Жизнь по прежнему обращалась передъ нимъ, какъ пріятный и забавный калейдоскопъ передъ глазами ребенка; но всѣ великія событія, интересы, страсти, а за ними самыя друзья и любовницы—все проходило мимо его, какъ что-то безслѣдное, забытое и брошенное имъ самимъ.

— Фу, какая странная чепуха жизни! говоритъ онъ обыкновенно наканунѣ новаго года; когда же я наконецъ остановлюсь? Это чортъ знаетъ, что такое!

Х.

БАРСКІЯ ПРОКАЗЫ.

Одинъ Иванъ Ивановичъ, котораго Петръ Борисычъ въ шутку звалъ «сынокъ отечества,» могъ бы написать цѣлыя томы о проказахъ Петра Борисыча, если бъ онъ также плодovито писалъ и печаталъ, какъ извѣстный «Сынъ Отечества» въ Петербургѣ. Иванъ Ивановичъ, какъ учитель, понимающій просвѣщеніе, болѣе всѣхъ благоговѣлъ

предъ умомъ и образованіемъ Длинногубова. Расскажетъ ли Петръ Борисычъ какой-нибудь анекдотъ, Иванъ Ивановичъ съ особеннымъ удивленіемъ произноситъ: «какъ это, братецъ ты мой, все выходитъ, чортъ, у него складно! это, ей богу, бѣда! Палата ума человѣкъ» — и тотчасъ кому-нибудь расскажетъ этотъ анекдотъ. Намажетъ ли Петръ Борисычъ дегтемъ поги училшному мальчишкѣ, чтобы они казались въ сапогахъ, — Иванъ Ивановичъ и этой умной проказѣ помѣщика подивится и не утерпитъ, чтобы кому-нибудь не рассказать. А Петръ Борисычъ, почуявъ, что его проказы дѣлаются интересны и входятъ въ извѣстность, примется еще забавнѣе забавляться надъ всемъ.

До оригинальныхъ иногда проказъ доходили забавы этого «умнаго барина.» Ъдетъ ли мимо оконъ мужикъ съ намазаннымъ колесомъ, Длинногубовъ высылаетъ къ нему людей съ мазалкой и дегтемъ, а самъ распоряжается въ окно: — «Мажьте, мажьте его хорошенько, чтобы онъ не скрипѣлъ. — А ты не смѣй впередъ ѣздить по городу съ намазаннымъ колесомъ, — слышишь?» заключаетъ Петръ Борисычъ въ поученіе. «Мы, братецъ, живемъ съ тобой въ государствѣ благоустроенномъ, у насъ всякое скрипучее колесо смазывается, и ужасный шумъ въ городахъ не дозволяется. Ты вѣрно этого еще не зналъ? — такъ знай. Это вотъ впередъ тебѣ наука, а это вотъ на деготь. Ступай съ Богомъ.» — И кончится вся эта исторія тѣмъ, что мужичокъ дурковато признается: «охъ, ужъ никакъ больно много, кормилецъ, на смазку-то!..» и глубокомысленно еще заключить: «что нашего брата, мужика-дурака, нельзя не проучить.»

Увидитъ ли Петръ Борисычъ крѣпостную дѣвку скупой сосѣдки, идущею босикомъ на рѣчку съ бѣльемъ, онъ и тутъ не утерпитъ — закричитъ изъ окна.

— А-а! пожалуйте сюда, пожалуйте, очень пріятно видѣть! Та входитъ.

— Ты чья, милая?

— Да вотъ, сударь, недалечко: отъ барышни Натальи Степановны Незабудкиной.

— Лизоблюдкиной? знаю, знаю! Это сестрица Петра Станиславича?

— Да, сударь, ихъ-съ сестрица — дѣвица.

— А-а! еще и дѣвица — очень пріятно слышать! какъ ты ее назвала?

— Наталья Степановна-съ.

— Ну, скажи же мнѣ, милая, отчего твоя Каналья Стакановна не обуваетъ тебя?

Дѣвка, вснихнувъ отъ вопроса, переминается и молчитъ.

— Что молчишь? Вѣдь это твоя барышня съ братцемъ кутить? спроситъ вдругъ Петръ Борисычъ.

— Какъ возможно-съ, сударь, они у насъ никогда не кутятъ-съ, маленько только испиваютъ.

— А-а! это ничего, коли «маленько испиваютъ». Но отчего-жь они тебя не обуваютъ?

— Объ этомъ не могу доложить-съ; ихняя воля-съ надъ нами, рабами.

— Да-а! ну, милости прошу садиться.—Эй, человекъ!

И Петръ Борисычъ, послѣ всевозможныхъ отговорокъ, усадитъ дѣвку съ мокрымъ бѣльемъ въ гостинной, а человекъ отдастъ приказаніе: послать верхового въ ряды—привезти оттуда чулки и башмаки.

Кончится конечно тѣмъ, что онъ обуеъ дѣвку и пошлетъ къ барышѣ доложить, что онъ ее обулъ. А за нею вслѣдъ пошлетъ каксгонибудь басса со счетомъ и прикажетъ до тѣхъ поръ не выходить изъ дому Натальи Степановны, пока она не отдастъ по этому счету денегъ. Бассъ сидитъ цѣлый день у Натальи Степановны, слушаетъ всевозможныя проклятія и ругательства барину, но все-таки объявитъ ей рѣшительно, что безъ денегъ не уйдетъ,—такъ приказалъ баринъ.

Пожаръ ли случится въ старомъ загородномъ домѣ, Длинногубова, гдѣ живетъ откупщикъ, Петръ Борисычъ преобязательно посѣтитъ его и по поводу такого несчастія дойдетъ до слѣдующаго объясненія:

— Позвольте узнать, какъ это случилось? Не я ли, какъ хозяинъ, виноватъ въ несправности?

— О, помилуйте! напрасно изволите беспокоиться. Вѣроятно, недосмотръ случился! У меня, знаете, завѣдуетъ печами сторожъ нанятой, да печникъ; говорятъ, тамъ у нихъ на чердакѣ боровъ какой-то лопнулъ.

— Да, это случается! Но странно, что двѣ свиньи не сладили съ однимъ боровомъ.

— А господь ихъ вѣдаетъ, отвѣтитъ на это тихо откупщикъ и задумается надъ такою странностію.

Судъ ли привяжется къ Петру Борисычу съ какимъ нибудь неважнымъ дѣльцемъ и отъ суда онъ отдѣливается все какими-то шуточками. Вотъ два случая, которые болѣе характеризуютъ нашего шутника!

Крестьяне исправника Лапткина прокараулили свою скотину, которая по сосѣдству забрѣла на поля Длинногубова и попортила его драгоцѣнные табаки. Петръ Борисычъ засвидѣтельствовалъ поправу съ понятными, но по суду не искалъ; послалъ только сказать сосѣду, чтобъ онъ въ другой разъ скотовъ своихъ на поля не выпускалъ, иначе, говоритъ, «я велю ихъ людямъ переловить и съѣсть.» Такъ и случилось: во второй разъ двѣ коровы исправника были дѣйствительно пойманы, заколоты и съѣдены людьми Длинногубова, а поправка засвидѣтельствована законнымъ порядкомъ. Исправникъ началъ искъ и подалъ жалобу въ судъ. А въ жалобѣ онъ пояснялъ: что скотину на сосѣдскія поля не посылалъ, что скотина сама зашла туда по глупости и что изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы со скотиной можно было поступать такъ злонамѣренно и самоуправно, поелику въ томъ-то, въ статьѣ такой-то, примѣчаніи такомъ-то, о присвоеніи чужой собственности законъ говоритъ вотъ что... и пошла писать! Исправникъ же на бѣду писать былъ мастеръ въ законахъ, съѣлъ собаку, и въ этомъ дѣлѣ такъ горячился за собственность, такъ обильно писалъ, какъ, мнѣ кажется, не писалъ ни одинъ земскій судъ даже передъ пріѣздомъ ревизора. Послѣ 15 статей положеній уложеній и свода, исправникъ самымъ непреложнымъ образомъ доказалъ, что помѣщикъ Длинногубовъ за двухъ съѣденныхъ коровъ обязанъ заплатить ему сто рублей. Отъ Длинногубова потребовали объясненія. И Петръ Борисычъ далъ объясненіе такого рода: «Имѣю честь сообщить сибирскому земскому суду: я вѣрю, что скотъ господина исправника дѣлалъ поправу не по наущенію хозяина, а по глупости. А посему, я, Длинногубовъ, полагаю, что такую скотину, какъ Ла-

поткипъ скотъ, нельзя вразумить человѣческимъ словомъ, то и употребилъ на нее угрозу, а именно: велѣлъ переловить и съѣсть. Что же касается до статей такихъ-то и примѣчаній такихъ-то, о присвоеніи чужой собственности, имѣю честь донести сибирскому земскому суду: что я ничьей чужой собственности никогда не присвоялъ, а просто (какъ выше сказалъ) велѣлъ изловить воровъ-коровъ и съѣсть. Самоуправства-жь съ моей стороны не было никакого, а тѣмъ паче злонамѣреннаго, ибо господина исправника я впередъ предупредалъ, что коровы будутъ съѣдены, и они дѣйствительно съѣдены! На требованіе же отъ меня судомъ денегъ, имѣю честь доложить: что законы я знаю и деньги сто рублей при семъ препровождаю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу сибирскій земскій судъ взыскать и съ господина исправника Лапоткина за потраву моихъ полей, тоже сто рублей. На что и имѣю честь при семъ представить законныя свидѣтельства о потравахъ. — Кромѣ того: въ той же бумагѣ слова «Лапоткинъ скотъ» онъ выскоблилъ, по поскобленному написалъ тоже, а внизу сдѣлалъ законную оговорку: «а что по почищенному написано Лапоткинъ скотъ, — тому вѣрить». — Деньги сто рублей представили въ судъ шесть человѣкъ бассовъ, въ шести мѣшкахъ, мѣдными копѣйками. Дѣло конечно кончилось тѣмъ, что такое объясненіе, какъ явное оскорбленіе присутственнаго мѣста, было препровождено съ жалобой на Длинногубова въ высшую инстанцію, а начальникъ губерніи, улыбнувшись, принялъ на себя трудъ: усмирить судъ и помирить тяжущіяся стороны.

А воту случай другой:

Мироѣдовскій земскій судъ, наткнувшись на мертвое тѣло, обыскалъ покойника и нашелъ при немъ паспортъ, въ которомъ значилось: что человѣкъ принадлежалъ помѣщику Длинногубову. Тѣло конечно предали землѣ, а Петру Борисычу сдѣлали запросъ: его ли это человѣкъ? Былъ ли у него такой человѣкъ? и гдѣ, наконецъ, онъ теперь находится? — На эти вопросныя пункты судебного мѣста, Петръ Борисычъ отвѣтилъ такой оффиціальной бумагой: «Имѣю честь сообщать мироѣдовскому земскому суду, что я рѣшительно не понимаю, что онъ отъ меня требуетъ?» На вопросъ первый: «мой ли

это человѣкъ? я отвѣтить не могу, ибо отсюда не видать того, кого изволил потрошить мироѣдовскій земскій судъ. Да еслибъ и видѣлъ, что почтенный судъ занятъ именно потрошеніемъ моего крѣпостного человѣка, то и тогда сказалъ бы, что это человѣкъ не «мой», потому что мой былъ живой, а этотъ мертвый и называется рабъ божій.— На вопросъ второй: «былъ ли у меня такой человѣкъ?» имѣю честь доложить почтенному мироѣдовскому суду, что я на этотъ вопросъ отвѣтилъ уже три года назадъ, ибо тотчасъ по истеченіи законнаго срока паспорта подалъ, куда слѣдовало, объявленіе о неявкѣ человѣка ко мнѣ. Что же касается до третьяго пункта: «гдѣ сей человѣкъ теперь находится?» — то этотъ вопросъ не имѣетъ рѣшительно никакого смысла, ни законнаго, ни юридическаго, ни логическаго. Во-первыхъ, я не былъ при слѣдствіи и отсюда не могу указать на то мѣсто, гдѣ именно угодно было господину исправнику или становому положить тѣло моего человѣка?—Полагаю, что его положили въ землю. — Во-вторыхъ, нечего меня объ этомъ спрашивать, когда почтенный судъ самъ его погребалъ. Если же вопросъ: «гдѣ сей человѣкъ теперь?» имѣетъ смыслъ иносказательный, положимъ религиозный, то есть, почтенному земскому суду непременно хочется узнать отъ меня: «гдѣ дѣйствительно Антошка мой находится?»—то полагаю, что это онъ знаетъ и безъ меня, что человѣкъ по смерти находится на томъ свѣтѣ.— Что же касается крайняго рѣшенія этого вопроса: «гдѣ именно на томъ свѣтѣ: въ раю или въ аду?» На сіе имѣю честь донести, что я тамъ не бывалъ и Антошки не видалъ. Судя же по его прошлой жизни, полагаю, что онъ долженъ быть въ аду, ибо въ теченіи тридцати лѣтъ, какъ я зналъ этого человѣка, онъ былъ отъявленный мѣрзавецъ, — что я и имѣю честь донести умному, почтенному и многоуважаемому мироѣдовскому земскому суду, помѣщикъ такой-то.

Но были у Петра Борисыча забавы, проказы еще оригинальнѣе этихъ.

Такъ, сорока лѣтъ задѣли его честолюбіе, не желая дать ему управляющаго земскою конюшнею потому только, что Петръ Борисычъ не имѣлъ университетскаго диплома. Сорочальтій ребенокъ язвительно отвѣтилъ: не понимаю, зачѣмъ на этомъ мѣстѣ университетскій дипломъ? — И послѣ

того, онъ тотчасъ переѣхалъ въ Кіевъ, прожилъ тамъ болѣе полугода, пригласилъ профессоровъ давать себѣ уроки, выдержалъ экзаменъ, получилъ степень студента и сдѣлался таки управляющимъ земскою конюшнею. Но и здѣсь нельзя сказать, чтобъ это былъ характеръ или сила воли, — ничего не бывало! И это была одна только прихоть. Черезъ годъ онъ бросилъ это мѣсто и даже побранилъ себя за то, что школьничалъ на старости лѣтъ. — Хорошаго тутъ только одно, говорилъ онъ: двумъ губерніямъ доказалъ, что сдѣлаю по своему. — Какому-то профессору Ведеркину вздумалось замѣтить Длинногубову, что по его предмету невозможно приготовиться въ теченіи полугода. — Петръ Борисычъ отвѣтилъ такъ: «не знаю, какъ съ вашей головой, господинъ профессоръ, а съ моей я надѣюсь!..» И хотя господинъ профессоръ поставилъ ему за эту выходку единицу, однако экзаменъ онъ сдалъ и аттестатъ все-таки получилъ.

Петръ Борисычъ не даромъ покровительствовалъ Андрюшкѣ становому пятнадцать лѣтъ. Андрюшка для него, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, просто неоцѣненный человѣкъ. Захочетъ ли Длинногубовъ засвидѣтельствовать законнымъ порядкомъ потравленные поля — ихъ живо освидѣтельствуетъ Андрюшка, и даже, пожалуй, не донесетъ своему начальнику, исправнику. Затравятъ ли собаками въ длинногубовскомъ дѣсу — и тутъ опять работаетъ Андрюшка становой. Андрюшка такъ мастерски поведетъ это дѣльцо, что мужичокъ придетъ еще просить у Длинногубова прощенія (вѣрно въ томъ, что отдалъ на потѣху собакъ свою собственную шкуру), въ ногахъ у барина повалится, да въ заключеніе покается, что онъ кругомъ виноватъ. Задумаетъ ли Длинногубовъ на сельскомъ праздникѣ повѣнчать дурака Емельку на дурѣ Федорѣ — распорядителемъ такого торжества опять становой! Андрюша рисуетъ пробками рожу жениха, нарядитъ въ куриныя перья невѣсту и онъ же шаферомъ, дружкой и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Съ колоколами и погремушками скачетъ свадебный поѣздъ сквозь всю деревню, а впереди, одѣтый въ шутовскую шапку и театральный костюмъ, становой. Досыта нахохочется, вотчина надъ «забавникомъ становымъ», бабы прозовутъ его «потѣшнымъ», старичье заключитъ, что «Андрей Михѣичъ развеселая головушка», а мелкопомѣстные

не нахвалятся разбитнымъ малымъ и пріятелемъ своимъ «чортомъ Андрюшкой становымъ». Дворяне посолиднѣ, хотя и находятъ, что становой жалокъ, однако соглашаются съ Петромъ Борисычемъ, что въ ихъ стану онъ необходимъ.

Впрочемъ, всѣ эти оригинальныя выходки смѣшили и забавляли только нашихъ Ивановъ Иванычей, да тѣхъ праздныхъ, ничѣмъ серьезно не занятыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, людей безъ воспитанія и образованія, которые всю жизнь проводятъ въ подобныхъ забавахъ и пустякахъ.

Г. Потапичъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXX.

М о н к ш э д ъ .

Насталъ первый день новаго года, но въ Монкшэдъ пришло извѣстіе, что лэди Гленкора не будетъ туда къ этому дню. Рождество она провела въ замкѣ герцога, во когда пришло время отъѣзда, она занемогла и отправилась коротать время въ Мэтчингъ въ обществѣ сестеръ Паллизеръ, между тѣмъ какъ мужъ ея поѣхалъ въ Монкшэдъ одинъ.

— Борго, сказала лэди Монкъ, поймавъ какъ-то племянника у двери его спальни, въ ту самую минуту, какъ онъ отправился внизъ въ полномъ охотничьемъ нарядѣ, — твоя старинная любовь, лэди Гленкора, прислала сказать, что не будетъ сюда.

— Лэди Гленкора не будетъ! проговорилъ Борго, и въ выраженіи его лица и голоса было что-то такое, выдававшее непозволительное участіе, съ которымъ онъ слѣдилъ за поступками замужней женщины. Но лэди Монкъ было до этого, повидимому, мало дѣла.

— Нѣтъ, не будетъ, повторила она. Тебѣ вѣдь, я полагаю, теперь отъ этого ни тепло, ни холодно?

— Ну нѣтъ, чортъ возьми! не совсѣмъ-то такъ, воскликнулъ Борго, хватаясь за голову и прислоняясь къ стѣнѣ коридора. Я несчастнѣйшій въ мірѣ человекъ!

— Фи, Борго, стыдись! Развѣ такъ можно относиться къ замужней женщинѣ? Нѣтъ, я рѣшительно начинаю думать, что

для васъ же лучше, что она не пріѣхала. Въ эту самую минуту по корридору, стуча сапогами и гремя шпорами, прошла другой гость, съ которымъ лэди Монкъ, привѣтливо улыбаясь, перекинулась двумя, тремя словами. Но Борго не проронилъ ни слова и стоялъ какъ окаменѣлый.

— Однако намъ лучше вернуться въ твою комнату, Борго, замѣтила лэди Монкъ, уводя его въ ближайшую дверь. Допустимъ, что извѣстіе это дѣйствительно тебѣ неприятно, къ чему же выказывать это при всѣхъ? Это можетъ дать поводъ къ различнымъ толкамъ.

— Развѣ я могу помѣшать этимъ толкамъ?

— Но все вѣдь обрушится на нее; подумалъ ли ты объ этомъ? Я сочла за лучшее предупредить тебя, чтобы ты не выказалъ особеннаго волненія, когда услышишь эту новость при постороннихъ. Подобнаго рода чувство, питаемое къ замужней женщинѣ, просто непросчительная слабость. Если ты не научишься владѣть собою, я ужь право не знаю, ванъ дозволю тебѣ видѣться съ нею въ моемъ домѣ въ Брукъ-Стритѣ.

Борго молча поглядѣлъ ей съ минутою въ лицо, потомъ отвернулся къ двери. — Въ этомъ отношеніи вы можете поступать, какъ вамъ заблагоравсудится, проговорилъ онъ. Вѣдь вы не хуже меня знаете, на какой шагъ я рѣшился.

— Съ чего ты это взялъ, Борго? Ничего я не знаю, а теперь ступай себѣ внизъ, да, пожалуйста, не являйся въ общество съ такимъ лицомъ.

Лэди Монкъ была женщина лѣтъ пятидесяти; когда-то она славилась своей красотой, да и до сихъ поръ очень хорошо сохранилась. Она была высокаго роста и хорошо сложена; къ ней никакъ уже нельзя было примѣнить выраженіе Американца Готорна, утверждавшаго, что всѣ англичанки въ этой порѣ жизни приближаются своимъ тѣлосложеніемъ къ «говяжьему тину». Лэди Монкъ была красивая, статная, привѣтливая матрона; если судить по внѣшности, то такую женщиною Англія могла бы гордиться; вѣрно, но крайней мѣрѣ, то, что сэръ Казмо Монкъ очень ею гордился. Она происходила отъ той вѣтви Фицджеральдовъ, представители которой вѣрили въ переговоры, что всѣ они красавцы и негодяи. Съ виду въ лэди Монкъ никакъ нельзя было предположить негодную

женщину; но немногія лица, звавшія ее покороче, утверждали, что она ни въ чемъ не измѣнила преданіямъ своего семейства, что даже значительное состояніе ея мужа пострадало отъ ея расточительности, что она разсорилась съ единственнымъ своимъ сыномъ, а дочь свою выдала замужъ за величайшаго болвана въ цѣломъ пэрствѣ. Во время оно, ее сильно интересовало, чтобы женить своего племянника на богатой наслѣдницѣ; какъ легко можно себя представить, она была не такая женщина, чтобы простить виновникамъ претерпѣнной ею неудачи.

Борго былъ вполне убѣжденъ, что тетка догадывается о его намѣреніи и никакъ не могъ ей простить, что она лицемѣрила полнѣйшимъ невѣдѣніемъ. Требованье Борго было, конечно, крайне безразсудное; если бы онъ поразмыслилъ хоть минуту, то понялъ бы, что такая женщина, какъ его тетка, при томъ только условіи и могла быть его сообщницей, чтобы ничто не изобличало, что она знаетъ о его намѣреніи. Но въ томъ-то и дѣло, что Борго никогда не размышлялъ; не въ роду Фицджеральдовъ было размышлять до наступленія сороколѣтняго возраста, а съ наступленіемъ этого возраста они еще ниже падали во мнѣніи добрыхъ людей.

Въ столовой Борго засталъ цѣлое общество, но дамъ не было. Сэръ Казмо Монкъ, красивый старикъ лѣтъ шестидесяти, стоялъ у буфета и рѣзалъ огромный пирогъ изъ дичи. Человѣкъ онъ былъ тоже довольно легкомысленный, но ему какъ-то посчастливилось безъ особеннаго напряженія мыслительныхъ способностей пройти въ жизни, не уклоняясь отъ прямого пути. — Паллизеръ будетъ одинъ, проговорилъ онъ своимъ жалкимъ, звонкимъ голосомъ, не замѣчая присутствіе жениха племянника. Жена его, говорятъ, больна.

— Очень жаль, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. Она куда симпатичнѣе своего мужа.

— Умомъ она за поясъ заткнетъ Плэнти Паля, замѣтилъ другой.

— Плэнти совсѣмъ не дуракъ, въ этомъ я могу васъ заверить, сказалъ сэръ Казмо, направляясь къ столу съ наръзанымъ пирогомъ. У насъ на него возлагаютъ большія надежды. — Сэръ Казмо былъ представителемъ своего прадѣда и при-

надлежалъ къ партіи либераловъ. Когда то, во дни своей юности, онъ служилъ въ казначействѣ и съ той поры, говоря о министерствѣ виговъ, постоянно выражался такъ, какъ будто самъ онъ входилъ нѣкоторымъ образомъ въ составъ этого министерства.

— Вы слышали, Борго, Паллизеръ пріѣхалъ одинъ, обратился къ Борго одинъ изъ гостей, очень еще молодой человекъ, врядъ ли подозрѣвавшій всѣ обстоятельства дѣла. Остальные, какъ только завидѣли Борго, тотчасъ же прекратили разговоръ о лэди Гленкорѣ.

— Слышалъ, чтобъ ему сквозь землю провалиться, отвѣчалъ Борго.

Затѣмъ по всей комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе и каждый изъ присутствующихъ сдѣлалъ видъ, что занятъ исключительно своимъ завтракомъ. Одинъ Борго ни до чего не притрогивался и, запустивъ руки въ карманы своихъ брюкъ, сидѣлъ, откинувшись на спинку стула. Лицо его было чернѣе ночи.

— Что вы не завтракаете, Борго? замѣтилъ сэръ Казмо.

— Не хочу.— Впрочемъ, онъ взялъ сухарь, положилъ себѣ кусочекъ въ ротъ, остальное же искрошил мелко на мелко и, подойдя къ буфету, налилъ себѣ стаканъ хересу.

— Если вы не хотите завтракать, то не совѣтую вамъ пить много вина, проговорилъ сэръ Казмо.

— Ничего, теперь мнѣ хорошо, отвѣчалъ Борго и, возвратившись къ столу, проглотилъ для виду чашку чаю.

Всѣ присутствовавшіе на этомъ завтракѣ говаривали впоследствии, что они никогда его не забудутъ. По общему отзыву ихъ, въ голосѣ, которымъ Борго произнесъ проклятіе мистеру Паллизеру, было что-то такое, поразившее ихъ не сказаннымъ ужасомъ. Бѣдою тоже грозило выраженіе его лица и поневолѣ нѣмѣлъ ихъ языкъ при взглядѣ на это почернѣвшее лицо. Когда сэръ Казмо рѣшился нарушить зловѣщее молчаніе, то онъ видимо сдѣлалъ это не безъ усилія надъ собою. Звонъ стакановъ, которыми Борго нарочно гремѣлъ, наливая себѣ вина, какъ бы желая выразить этимъ, что онъ и не думаетъ скрывать отъ кого бы то ни было, что пьетъ, еще усилилъ это тяжелое впечатлѣніе.

Въ этотъ день Борго привелъ въ ужасъ остальныхъ охот-

никовъ отчаянными штуками, которыя онъ выдѣлывалъ на лошади. Безъ всякой надобности онъ скакалъ самымъ сумасшедшимъ образомъ, не обращая вниманія ни на какія препятствія, какъ бы поставивъ себѣ задачу испортить лошадь своего дяди и самому себѣ свернуть шею. Это до того кидалось въ глаза, что одинъ изъ присутствующихъ высказалъ эту догадку сэру Казмо.—Я тутъ ничего не могу сдѣлать, отвѣчалъ сэръ Казмо. Онъ никакихъ словъ не послушаетъ. Его что-то разстроило сегодня утромъ, вотъ онъ и чудитъ, пока не перебѣсится; тогда успокоится. День, впрочемъ, окончился благополучно и на возвратномъ пути домой Борго почти весело объявилъ своему дядѣ, что кобыла Спинстеръ не имѣетъ себѣ равной въ Монкшедскихъ конюшняхъ. И точно, съ этого дня Спинстеръ вошла въ славу, благодаря которой, подъ конецъ сезона была продана за триста гиней. Я же съ своей стороны полагаю, что лошадь эта была ничѣмъ не лучше всякой другой. Настроеніе всадника заразительно дѣйствуетъ на его лошадь; если человѣкъ задумалъ сломать себѣ шею, то онъ всегда найдетъ лошадь, готовую съ виду ему содѣйствовать, которая между тѣмъ вынесетъ его изъ опасности. По крайней мѣрѣ Борго возвратился здоровъ и невредимъ и явился къ обѣду въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ къ завтраку.

Въ назначенный день мистеръ Паллизеръ прибылъ въ Монкшедъ. Онъ отчасти заискивалъ въ партіи либераловъ и ему вовсе не было на руку пренебрегать такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ сэръ Казмо. Вокругъ сэра Казмо группировалась въ парламентѣ дѣлая маленькая партія, состоявшая изъ нѣсколькихъ человѣкъ сельскихъ джентльменовъ. Всѣ эти почтенные джентльмены отличались плѣши на головѣ и весьма вялою умственною дѣятельностью. Съ такимъ человѣкомъ, какъ сэръ Казмо, мистеру Паллизеру было необходимо состоять въ хорошихъ отношеніяхъ; вотъ почему мистеръ Паллизеръ пріѣхалъ въ Монкшедъ, не смотря на то, что лэди Гленнора не могла ему сопутствовать.

— Какая жалость! проговорила лэди Монкъ; мы такъ радовались пріѣзду лэди Гленкору.

Мистеръ Паллизеръ объявилъ, что лэди Гленнора и сама въ отчаяннѣ, что не можетъ пріѣхать; но въ Гэдерумъ-Кэфъ она

чувствовала себя такъ дурно, что неблагоразумно было бы предпринять новую поѣзку.

— Надѣюсь, что ея болѣзнь не серьезная, проговорила лэди Монкъ съ видомъ такого участія, что можно было подумать, что она смотритъ на все семейство Паллизеровъ, какъ на самыхъ своихъ близкихъ родныхъ. Въ отвѣтъ на это, мистеръ Паллизеръ объяснилъ, что леди Гленкора, къ сожалѣнію, надѣлала глупостей: ночью, во время сильнаго мороза отправилась гулять по развалинамъ мэтчингскаго аббатства, съ цѣлью показать ихъ при лунномъ освѣщеніи одной пріятельницѣ. Пріятельница съ своей стороны поступила крайне вѣтренно, неблагоразумно и предосудительно, добавилъ мистеръ Паллизеръ; она позволила леди Гленкорѣ пробыть слишкомъ долго на морозѣ, такъ что та схватила простуду.

— Скажите, какое непростительное легкомысліе! воскликнула лэди Монкъ.

— Да, непростительное легкомысліе, поддакнулъ мистеръ Паллизеръ съ какимъ-то озлобленіемъ противъ бѣдной Алисы. Но, какъ бы то ни было, она простудилась; у дядюшки ей стало еще хуже, такъ что я былъ вынужденъ отвезти ее домой.

Лэди Монкъ убѣдилась, что мистеръ Паллизеръ оставилъ жену свою дома не потому, чтобы боялся Фицджеральда, а потому, что дѣйствительно вѣрилъ въ ея болѣзнь. Но въ то же время лэди Монкъ была очень умна, чтобы не понять, что жена отдѣлалась отъ поѣздки просто потому, что боялась встрѣчи съ своимъ возлюбленнымъ и что простуда была тутъ не при чемъ. Ее, лэди Монкъ, не такъ-то легко было провести въ подобныхъ дѣлахъ, но она видѣла ясно, что мистера Паллизера провели. Такъ какъ она была права въ своихъ предположеніяхъ, то мы должны на минуту возвратиться назадъ и сказать нѣсколько словъ о томъ, что происходило въ Мэтчингѣ по отъѣздѣ Алисы Вавазоръ.

Алиса объявила миссъ Паллизеръ, что надо, во что бы то ни стало, принять мѣры къ предупрежденію поѣздки лэди Гленкору въ Монкшедъ. Миссъ Паллизеръ совершенно раздѣляла ея мнѣніе и ушла отъ нея съ твердой рѣшимостью открыть мистеру Паллизеру глаза. Но когда приспѣла рѣши-

тельная минута, у нея не стало духу объявить мужу, что не безопасно дозволить его женѣ встрѣчу съ прежнимъ ея женихомъ. Какъ ни тяжело ей было объясниться съ самой лэди Гленкорой, она предпочла этотъ послѣдній путь.

— Гленкора, начала она, выждавъ удобнаго случая, вы не разсердитесь на меня, если я скажу вамъ слова два?

— Смотря потому, что вы мнѣ скажете, отвѣчала лэди Гленкора. Здѣсь мы должны кстати замѣтить, что жена мистера Паллизера съ самага начала не слишкомъ-то старалась закрывать расположеніе родственницъ своего мужа. Она смотрѣла на нихъ, какъ на чопорныхъ, суровыхъ дѣвъ, черезъ-чуръ уже гордившихся своею принадлежностью къ роду Паллизеровъ. Быть можетъ, онѣ съ своей стороны выказывали подъ часъ поползновеніе научить и лэди Гленкору уму разуму, а этого, конечно, не могла имъ простить молодая. Какъ бы то ни было, лэди Гленкора не слишкомъ-то ихъ жаловала, и миссъ Паллизерь признавала это какъ нельзя лучше.

— Я постараюсь изложить то, что я имѣю сказать, по возможности въ наименѣе непріятной формѣ, отвѣчала миссъ Паллизерь.

— Не понимаю, къ чему вообще начинать такой разговоръ, который можетъ выйдти непріятнымъ. Ну, да ужъ если вамъ не терпится, то говорите, по крайней мѣрѣ, скорѣе.

— Если я не ошибаюсь, вы ѣдете въ Монкшэдъ вмѣстѣ съ Платтагенетомъ?

— Да, ѣду; чтожъ изъ этого?

— Милая Гленкора! не лучше ли бы вамъ было остаться дома?

— Вы съ кѣмъ нибудь заранѣе сговорились? рѣзко перебила ее лэди Гленкора.

— Ни съ кѣмъ я не сговорила, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете.

— Вамъ говорилъ что нибудь Платтагенеть?

— Ни слова, отвѣчала миссъ Паллизерь. Неужели вы думаете, что онъ рѣшился бы заговорить объ этомъ предметѣ съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ васъ самихъ? Но милая Гленкора, право, вамъ лучше не ѣхать: я говорю это любя васъ,

ей Богу такъ. И она протянула ей руку, въ которую лэди Гленнора вложила свою.

— Быть можетъ, вы и искренно говорите, промолвила она тихимъ голосомъ.

— О да, вѣрите мнѣ. Но, видите ли, свѣтъ бываетъ порою такъ жестокъ въ своихъ отзывахъ.

— Мнѣ все равно, что бы свѣтъ обо мнѣ ни говорилъ.

— За то, быть можетъ, ему не все равно.

— Что бы ни случилось, не я буду виновата. Я вовсе не желаю ѣхать въ Монкшедъ. Лэди Монкъ была когда-то моимъ другомъ, но теперь мнѣ хоть бы вѣкъ ее не видѣть. Не я затѣяла эту поѣздку, самъ Плантагенетъ настаиваетъ на ней.

— Но если вы скажете, что не желаете ѣхать, онъ не возьметъ васъ съ собою.

— Говорила я и это, но онъ твердитъ свое, что я должна ѣхать. Повѣрите ли вы, что я снизошла до того, что сказала ему даже причину, по которой не желаю ѣхать. И что же онъ мнѣ отвѣтилъ на это? Что вся эта исторія была не болѣе, какъ ребячество, которое я должна позабыть, и что мнѣ не пристало болтаться встрѣчи съ кѣмъ бы то ни было.

— Само собою разумѣется, вы и не боитесь встрѣчи съ нимъ; но...

— Напротивъ, если вы желаете знать правду, я боюсь ея, очень боюсь. Но, скажите, ради Бога, что же мнѣ остается дѣлать? Вѣдь я испробовала всѣ средства.

Слова эти какъ громомъ поразили миссъ Паллизеръ. Она никакъ не ожидала, что лэди Гленнора зайдетъ такъ далеко въ своемъ признаніи; но дѣло было сдѣлано и сказанное воротить было невозможно. Результатъ ихъ дальнѣйшаго разговора уже извѣстенъ читателю: лэди Гленнора занемогла вслѣдствіе своей неосторожной ночной прогулки и мистеръ Паллизеръ принужденъ былъ возвратиться въ Монкшедъ одинъ.

Мистеръ Паллизеръ пробылъ въ Монкшедѣ три дня и скрѣпилъ свой политическій союзъ съ сэрромъ Казмо почти тѣмъ же способомъ, какъ и съ герцогомъ Сентъ-Бонгэй. О политикѣ въ разговорахъ между обѣими джентльмэнами не было почти и помину, по крайней мѣрѣ, не было сказано ничего такого, что могло бы быть принято за положительное согла-

шеніе между ними по всѣмъ пунктамъ. За то они обѣдали за однимъ и тѣмъ же столомъ, выпивали стаканъ, другой вина изъ одного и того же графина и изрѣдка, при случаѣ, обмѣнивались бѣглыми замѣчаніями по поводу предстоявшей сессіи. Когда мистеръ Паллизеръ уѣхалъ, считалось, повидимому, дѣломъ рѣшеннымъ, что сэръ Казмо находитъ юнаго представителя герцогскаго дома вполне достойнымъ занять должность канцлера казначейства при министерствѣ виговъ.

— Я что-то не замѣтилъ, чтобы онъ съ неба звѣзды хваталъ, сказалъ сэру Казмо одинъ юный членъ парламента.

— Ну, нѣтъ, я такъ думаю, что въ немъ будетъ прокъ, отвѣчалъ баронетъ, и большой прокъ! Онъ не обладаетъ блестящими дарованіями, это такъ, но врядъ ли намъ и нуженъ этотъ поверхностный блескъ, кидающійся въ глаза; я не могу представить себѣ ничего опаснѣе, какъ блестящія дарованія въ человѣкѣ, призванномъ управлять финансами. Будетъ съ насъ этихъ даровитыхъ финансистовъ; дайте намъ человѣка, обладающаго простымъ здравымъ смысломъ, да развѣ, умѣнемъ изложить толково то, что ему нужно сказать. Въ настоящее время намъ ничего больше не нужно. — Изъ этихъ словъ явствуетъ, что сэру Казмо новый кандидатъ на высшую государственную должность пришелся какъ нельзя болѣе по душѣ.

Лэди Монкъ воспользовалась первымъ же удобнымъ случаемъ, чтобы познакомить мистера Паллизера и Борго Фицджеральда между собою. Съ какою цѣлью она это сдѣлала, неизвѣстно; быть можетъ, ей просто хотѣлось стравить ихъ другъ съ другомъ. Борго злобно усмѣхнулся, глядя на своего врага, но мистеръ Паллизеръ не замѣтилъ этой усмѣшки и привѣтливо протянулъ руку своему недавнему противнику. Борго, вынужденный взять эту руку, не преминулъ при этомъ вернуть ядовитое словцо, — Какъ жаль, что мы лишены удовольствія видѣть съ вами и лэди Гленкору, проговорилъ онъ.

— Она, къ сожалѣнію, не совсѣмъ здорова, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ.

— Жаль, очень жаль! проговорилъ Борго.

Съ этими словами онъ повернулся къ своему новому знакомому спиною и отошелъ всторону. Всѣ присутствовавшіе при

этомъ разговорѣ подумали, что быть теперь бѣдѣ; но самъ мистеръ Паллизеръ ничего, повидимому, не замѣчалъ и ничего не опасался; бѣда на этотъ разъ пронеслась мимо.

ГЛАВА XXXI.

МИСТЕРЪ ВАВАЗОРЪ ТАКИ РѢШАЕТСЯ ПОГОВОРИТЬ СЪ ДОЧЕРЬЮ.

Алиса Вавазоръ возвратилась въ Лондонъ съ отцомъ, между тѣмъ какъ Кэтъ осталась въ Вавазорскомъ замкѣ съ дѣдушкой. Не веселая поѣздка досталась на долю Алисы. Мистеръ Вавазоръ смутно чувствовалъ, что на немъ лежитъ обязанность принять какія нибудь мѣры для предупрежденія брака, задуманнаго его дочерью. Но въ чемъ должны состоять эти мѣры, этого онъ положительно не могъ себѣ разъяснить, за то онъ какъ нельзя лучше понималъ, что каковы бы онѣ ни были, онѣ надѣлаютъ ему много непріятныхъ хлопотъ. До отъѣзда изъ Вавазорскаго замка онъ не сказалъ ей почти ни слова объ этомъ предметѣ; онъ только замѣтилъ ей: — я не могу поздравить тебя съ такимъ женихомъ. — Надѣюсь папа, отвѣчала Алиса, что придетъ время, когда это будетъ для васъ возможно.

Старый сквайръ поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего примиренія съ внукомъ согласіе отца Алисы на эту свадьбу. Но Джонъ Вавазоръ и не подумалъ изъяснить что либо похожее на согласіе.

— Я такого дурного мнѣнія о немъ, проговорился онъ старику, что, скорѣе, чѣмъ видѣть ее его женою, я согласился бы, чтобы ее постигло богъ знаетъ какое несчастіе. — Вслѣдъ за этимъ старый сквайръ, слѣдуя своему обычному стремленію все дѣлать наперекоръ, счелъ нужнымъ заступиться за своего внука. Онъ принялся доказывать, что партія эта, что тамъ ни говори, совсѣмъ не такъ плоха, какъ кажется Джону Вавазору. — Что касается вопроса о наслѣдствѣ, то она разрѣшаетъ его какъ нельзя лучше, замѣтилъ онъ. Я сдѣлаю завѣщаніе, по которому все имѣніе перейдетъ къ ихъ старшему сыну, такъ что Джоржу до него нельзя будетъ и

пальцемъ притронуться. Ну, а тамъ я не вижу, почему бы ему и не исправиться. — На это Джонъ Вавазоръ объявилъ, что Джоржъ, по его мнѣнію, неисправимый грѣшникъ, авантюристъ и человѣкъ разорившійся въ пухъ и прахъ. Отзывъ этотъ еще болѣе раздражилъ стараго сквайра и Джоржъ такимъ образомъ приобрѣлъ себѣ союзника въ томъ человѣкѣ, на котораго всего менѣе имѣлъ право рассчитывать. Когда Алиса пришла проститься съ дѣдшкою, старикъ поручилъ ей передать Джоржу нижеслѣдующее: — скажи ему, Алиса, что я до тѣхъ поръ не пущу его къ себѣ на глаза, пока онъ не попроситъ у меня прощенія за все, въ чемъ онъ лично передо мной провинился; но, какъ скоро онъ женится на тебѣ, я приму всѣ нужныя мѣры, чтобы закрѣпить имѣніе за вашимъ будущимъ ребенкомъ. Тебя, милая, я всегда буду радъ видѣть у себя въ домѣ и ради тебя я готовъ принять и его, если онъ только смирится передо мною. — На этотъ разъ о соглашеніи отца не было сказано ни слова, и Алиса, уѣзжая изъ Вавазорскаго замка, почувствовала, что дѣдъ скорѣе за нее, чѣмъ противъ нея въ задуманномъ ею дѣлѣ. За то въ отцѣ своемъ она предчувствовала непримиримаго, хотя, быть можетъ, и не слишкомъ энергичнаго противника.

Алиса порѣшила сама съ собою, что въ этомъ дѣлѣ она свободна отъ обязанности повиноваться отцу. — Повиновеніе, думала она про себя, возможно только тамъ, гдѣ видишь въ другомъ свою опору и защиту. — А надо сказать правду, Джоржъ Вавазоръ ничѣмъ не выказалъ готовности служить свей дочери опорю и защитю. Давно, давно тому назадъ, еще прежде, чѣмъ она поселилась подъ однимъ съ нимъ кровомъ въ Лондонѣ, онъ, такъ сказать, умылъ себѣ руки относительно нея. Когда впоследствии они зажили однимъ домомъ, продолжая, между тѣмъ, придерживаться порознь каждый своихъ привычекъ, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что Алиса не походитъ на другихъ молодыхъ дѣвушекъ и не нуждается въ посторонней поддержкѣ. Она имѣла свое собственное состояніе, которымъ могла распоряжаться, какъ ей угодно, и, по самому свойству своего характера, не выказывала ни малѣйшаго желанія взвалить на отца заботу о ея деньгахъ. Вдобавокъ, она была такъ благо-разумна, что не нуждалась въ надзорѣ; за такую дѣвушкою,

думалъ Джонъ Вавазоръ, что надзорить, что нѣтъ, все равно; пожалуй, еще лучше предоставить ее самой себѣ. И такимъ-то образомъ Алиса сдѣлалась полною госпожею своихъ поступковъ и могла располагать по своему усмотрѣнію тѣми долгими часами, которые проводила съ глазу на глазъ съ самой собою. Проводя цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы одна одиначенька въ улицѣ королевы Анны, между тѣмъ, какъ вечера не проходило, чтобы отецъ куда нибудь не уѣхалъ, она, конечно, не могла не придти къ тому заключенію, что отцу нѣтъ до нея ровно никакого дѣла. Она не жаловалась, но связь между отцомъ и дочерью съ каждымъ днемъ слабѣла. Когда она стала невѣстою Джона Грея, теорія невмѣшательства мистера Вавазора какъ будто и оправдалась на самомъ дѣлѣ: предоставленная самой себѣ, Алиса сдѣлала такой выборъ, лучше котораго и желать было нечего. Но вотъ настали тяжелыя времена: мистеръ Вавазоръ, сидя въ вагонѣ, уносившемъ его съ дочерью въ Лондонъ, чувствовалъ, что присиѣла пора сказать ему свое слово. Часть дороги они оставались съ глазу на глазъ и мистеръ Вавазоръ совсѣмъ было рѣшился приступить къ задуманному имъ объясненію; но онъ прособирался до тѣхъ поръ, пока въ вагонъ вошли другіе пассажиры и подобнаго рода разговоръ сдѣлался невозможнымъ. Часовъ около восьми они были дома.—Ну, теперь она, вѣрно, устала, подумалъ мистеръ Вавазоръ, отправляясь въ свой клубъ; поговорю съ ней лучше завтра. Уходя его особенно тяжело подѣйствовалъ на Алису въ этотъ вечеръ. Казалось бы, что послѣ всѣхъ непріятностей довольно большой дороги, могъ бы онъ утѣлить своей спутницѣ хоть одинъ вечерокъ. Останься онъ дома и присядь выѣстѣ съ нею къ чайному столу, Алиса постаралась бы, по крайней мѣрѣ, смягчить жесткость своего тона въ предстоявшемъ объясненіи; но онъ ушелъ и оставилъ Алису самъ-другъ съ ея невеселыми думами.—Я желалъ бы поговорить съ тобою завтра послѣ завтрака, проговорилъ онъ, уходя.—Алиса отвѣчала, что будетъ его ждать въ назначенный часъ. Гордость помѣшала ей сказать, что онъ застанетъ ее и во всякое другое время, что она всегда дома и одна. Не жаловалась она до сихъ поръ, къ чему же было теперь начинать?

Къ разговору, воспослѣдовавшему на другой день, было при-

ступлено съ нѣкоторою торжественностію. Отецъ и дочь повзвѣдали вмѣстѣ и нельзя сказать, чтобы ожиданіе предстоящаго объясненія придавало имъ аппетиту.

— Не пойдти ли намъ лучше на верхъ? спросила Алиса, когда отецъ ея допилъ свой чай.

Да, пожалуй, что лучше будетъ, отвѣчалъ мистеръ Вавазоръ и послѣдовалъ за дочерью въ гостиную.

— Алиса, началъ онъ, мнѣ надо поговорить съ тобой о твоей помолвкѣ.

— Не присядите ли вы, папа? Мнѣ неприятно, когда вы стоите передо мной.

Мистеръ Вавазоръ стоялъ на коврѣ, спиною къ огню, но теперь, исполняя желаніе дочери, онъ сѣлъ противъ нея.

— Я былъ крайне огорченъ, когда узналъ объ этомъ въ замкѣ Вавазора. Я до сихъ поръ не могу взять въ толкъ твоего рѣшительнаго поступка съ мистеромъ Греемъ.

— Ахъ, папа! Что сдѣлано, того не воротить! Прошу васъ не вспоминать объ этомъ!

— Онъ знаетъ уже о твоей помолвкѣ съ двоюроднымъ братомъ?

— Завтра, около этого времени, онъ будетъ знать обо всемъ.

— Въ такомъ случаѣ, я прошу тебя не торопиться, еще успѣешь написать. Не откажи мнѣ, старику, въ этой единственной просьбѣ.

— Но мнѣ кажется, папа, что я обязана теперь же сказать ему всю правду.

— А если снова раздумаешь?

Тяжело было Алисѣ выслушать эти слова и трудно на нихъ отвѣчать; но въ горькомъ упрекѣ, звучавшемъ въ словахъ ея отца, была своя доля правды, и Алиса поневолѣ должна была покориться.

— Я не въ правѣ возражать вамъ, отвѣтила она едва слышно.

— Да, не въ правѣ, особенно теперь, когда рана въ сердцѣ мистера Грея довольно свѣжа. Вѣдь ты оскорбила его, сильно оскорбила, моя милая, сказалъ мистеръ Вавазоръ, бросая споръ о письмѣ; и я думаю, онъ не оправится отъ этого

удара до послѣдняго дня своей жизни, если только все исполнится, какъ ты говоришь.

— Нѣтъ, этого *не должно* быть. Я *надѣюсь*, что этого не будетъ. Я *уверена*, что этого не будетъ.

— Впрочемъ, если я огорченъ въ настоящее время, то конечно не о немъ же я беспокоюсь, а о тебѣ. Когда ты мнѣ объявила, что ты намѣрена только (Алиса вздрогнула, боясь услышать отъ отца то ненавистное слово, которое она уже слышала отъ своего дѣдушки; и дѣйствительно слово это уже было на языкѣ у ея отца, но онъ удержался, поцѣдивъ Алису), что ты намѣрена разойтись съ мистеромъ Греемъ, продолжалъ онъ, я тебѣ, кажется, не надоѣдалъ возраженіями. Я никогда бы не сталъ уговаривать тебя выйти за кого бы то ни было, даже еслибъ это былъ человѣкъ, которому ты сама дала слово. Но когда ты мнѣ говоришь, что ты рѣшилась сдѣлаться женой Джоржа, твоего двоюроднаго брата, то это другое дѣло. Ты спросишь, какаго я мнѣнія о твоёмъ двоюродномъ братѣ? Да ужь конечно не очень лестнаго. Я долженъ сказать тебѣ, что въ свѣтѣ онъ пользуется крайне незавидной репутаціей. — Мистеръ Вавазоръ остановился, какъ бы ожидая отвѣта, но Алиса молчала. — Когда ты собиралась путешествовать съ нимъ, мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы предупредить тебя. Но я не хотѣлъ огорчать ни тебя, ни его сестру; къ тому же, я тогда еще не зналъ о немъ того, что услышалъ впоследствии, я не зналъ тогда самыхъ темныхъ сторонъ изъ его жизни.

— Если вы не говорили раньше, то теперь, я думаю, вы могли бы пощадить меня, возразила Алиса.

— Нѣтъ, моя милая, не могу же я молчать, когда вижу, что ты губишь себя? Если бы не твои деньги, онъ бы и не подумалъ жениться на тебѣ.

— Я не сомнѣвалась въ этомъ; онъ мнѣ самъ прямо высказалъ свое желаніе имѣть деньги.

— И ты хочешь выйти за него?

— Безъ сомнѣнія выйду. Мнѣ кажется, папа, что у насъ при замужествахъ въ вопросъ о деньгахъ вносится чрезвычайно много ложныхъ и неестественныхъ чувствъ. Какое право я имѣю сердиться на человѣка за то, что онъ желаетъ при-

обрѣсть деньги, — деньги, изъ за которыхъ всѣ бьются съ утра и до ночи, которымъ приносятся въ жертву честь, здоровье и самая жизнь. Джоржу необходимы деньги для его политической карьеры; иначе онъ жениться не можетъ.

— Такъ ты лучше отдала бы ему прежде однѣ деньги, сказала ей отецъ съ ироніей.

— Я такъ и хочу поступить, папа, отвѣчала Алиса.

— Что! воскликнулъ мистеръ Вавазоръ, вскочивъ со стула. Ты хочешь отдать ему свои деньги до замужества?

— Безъ сомнѣнія отдамъ, если ему понравятся, или вѣрнѣе, дамъ ему столько, сколько будетъ надо.

— Да въ своемъ ли ты умѣ, Алиса, сказалъ мистеръ Вавазоръ, почти испуганнымъ голосомъ.

— Рѣшаясь поступить такъ, я одна отвѣчаю за свое безразсудство. Можетъ быть, я даже знаю объ его образѣ жизни болѣе, чѣмъ вы, папа. Но теперь я готова поставить все на карту, не смотря на огромный рискъ. Даже въ такомъ случаѣ, если бы ваше мнѣніе о немъ было вполне справедливо, я и тогда не измѣнила бы своему намѣренію.

— Чего же ты хочешь добиться, выходя за него? спросилъ мистеръ Вавазоръ.

— Мужа, образъ мыслей котораго будетъ соответствовать моему, отвѣчала Алиса, — мужа, жаждущаго дѣятельности, которой я сочувствую. Я надѣюсь, что я буду полезна ему на избранномъ имъ поприщѣ, а этого одного достаточно, чтобы рискнуть многимъ.

— Только деньгами и будешь ему полезна!

— Хоть бы однимъ этимъ, то и этого съ меня довольно.

— Алиса, какъ отецъ я умоляю тебя объ одномъ, отложи свадьбу и обдумай все прежде, чѣмъ ты рѣшишься отдаться этому человѣку. Если онъ станетъ просить у тебя денегъ, и если ты намѣрена дать ему, то, пожалуй, дай, но только небольшую сумму. Что бы ни было, все будетъ лучше замужества съ нимъ. Я знаю, я не могу тебѣ помѣшать выйти за него, потому что ты свободно располагаешь собой, также какъ и я; нѣтъ, даже свободнѣе меня, я, ради моего жалованья, долженъ вѣдь ходить въ эту ненавистную канцелярію. Но все же, я думаю, ты не захочешь пренебрегать желаніемъ.

и мнѣніемъ твоего отца. Не совсѣмъ-то весело стоять сиротинкой, безъ отца, предъ алтаремъ.

Алиса ничего не отвѣчала. Не въ первый разъ мнѣ придется чувствовать свое сиротство, мелькнуло у нея въ головѣ. И вспомнилось ей, какъ рѣдко, въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, видѣла она отца около себя, какъ мало онъ заботился о ней и какъ горько порой чувствовала она свое одиночество. Онъ самъ хотѣлъ этого, думала она, и потому не имѣетъ права винить меня за послѣдствія. Какъ они ни дурны, я не могу измѣнить имъ.

— День свадьбы у васъ назначенъ? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ еще.

— И разговору не было объ этомъ?

— Нѣтъ, мы говорили. Я сказала ему, что свадьба можетъ быть не ранѣе какъ черезъ годъ. При этомъ я просила его не стѣсняться относительно денегъ. Я сказала ему, что, въ случаѣ надобности, онъ можетъ располагать моимъ капиталомъ.

— Надѣюсь, не всѣмъ? сказалъ мистеръ Вавазоръ.

— Не думаю, чтобы ему понадобилась такая сумма. Онъ хочетъ снова стоять за Чельси и деньги ему будутъ нужны на расходы по выборамъ. Конечно, онъ и не заикался о деньгахъ. Я сама предложила ему.

— Ну да, предложила! Ему того только и нужно было. Не отказался, я думаю?

— Онъ отвѣчалъ такъ, какъ и слѣдовало ему отвѣчать. Онъ сказалъ, что въ случаѣ нужды, онъ, какъ друга, попроситъ меня выручить его.

— Слушай-же, что я тебѣ скажу. Онъ выманитъ у тебя все, до послѣдней копейки, а тамъ и наостритъ лыжи и поминай какъ звали. О свадьбѣ тогда и помину не будетъ, и не думай. Намъ надо будетъ нанять гдѣ нибудь подальше и подешевле домишко и жить на тѣ крохи, которыя я получаю. А чтобъ послѣ моей смерти ты не умерла съ голоду, я ужъ лучше поскорѣй застрахую свою жизнь. Прощай.— Съ этими словами мистеръ Вавазоръ отправился не въ страховое общество, а въ клубъ. Въ клубъ онъ сидѣлъ все время обыкновенно и мрачно читалъ газету. Время между тѣмъ шло своимъ чередомъ, и вотъ наконецъ наступилъ тотъ часъ, кото-

рый мистеръ Вавазоръ привыкъ посвящать висту; нечего дѣлать, пришлось отложить газету и горе въ сторону и приняться за роберъ. Тутъ же попалась ему на глаза карточка объѣда, и мрачныя мысли мистера Вавазора невольно приняли другое направленіе.

Алиса, между тѣмъ, сидѣла одна. Не весело было у нея на душѣ. Правда, она довольно хорошо выдержала свою стычку съ отцомъ, но теперь ей предстояла борьба несравненно труднѣе, борьба внутренняя. Сомнѣніе не давало ей покоя. Неужели ея отецъ правъ? Неужели ея двоюродный братъ, ея нареченный, дѣйствительно такой пошлый, продажный негодяй? Правда, недавно еще она сама была о немъ такого мнѣнія. Что же заставило ее взглянуть на него другими глазами? Какія данныя имѣла она на то? На чемъ основываетъ она свое уваженіе, довѣріе къ своему будущему мужу? На отзывахъ Кэтъ и на его собственныхъ отзывахъ о себѣ? Гдѣ же факты? Ихъ нѣтъ. Правда, онъ съ замѣчательною настойчивостію добивался мѣста въ парламентѣ. Но развѣ этого достаточно? Онъ самъ говорилъ ей, что у него нѣтъ за душой ни гроша, что онъ не знаетъ покоя, потому что положеніе его въ обществѣ было и будетъ всегда крайне шаткое. Не говорилъ ли онъ самъ, что онъ виситъ на краю пропасти и что самая ничтожная случайность можетъ его столкнуть въ бездну? И что это за занятія, которыя ставятъ его въ такое двусмысленное положеніе? Во всякомъ случаѣ, онъ, вѣроятно, не дожить ими, утѣшала себя Алиса. Не живетъ же онъ ими? Не станеть же онъ двусмысленными средствами зашибать себѣ копѣйку. Нѣтъ, его нельзя назвать окончательно погибшимъ человѣкомъ, думала далѣе Алиса; многіе съ радостію отдали бы за него своихъ дочерей! Но отецъ сказалъ: «всѣ отзываются о немъ, какъ о негодяѣ», а отецъ не станеть лгать. И какъ онъ горячо принялъ это дѣло, какъ жарко спорилъ; видно, что онъ убѣжденъ въ томъ, что говорить, иначе не сталъ бы такъ горячиться. Сказать правду, Алису пугала, мучила мысль о предстоящей свадьбѣ; она уже предвидѣла много темныхъ тучъ на далекомъ горизонтѣ своей супружеской жизни. Она не любила своего двоюроднаго брата и приняла его предложеніе, сама не зная какъ. Честолюбіе, можетъ быть,

отчасти руководило его, но все же роль его была самая незначительная. Это было желаніемъ ея друга и она, не думая, дала свое согласіе.

«Да стоитъ ли объ этомъ думать? Не все ли равно?» успокаивала она себя; но не могла успокоиться. Она не могла даже стдохнуть на воспоминаніяхъ прошлаго, на воспоминаніяхъ своей ранней молодости. Въ этихъ воспоминаніяхъ не было ничего отраднago, они будили въ ней только горькое раскаяніе. Дѣвочкой еще привязалась она къ своему двоюродному брату и полюбила его страстно, глубоко, и эта любовь обманула ее. Она разошлась съ нимъ. За это, конечно, ей нечего упрегать себя, но сколько она выстрадала тогда! И какъ могла она, послѣ всего этого, думать еще о замужествѣ? Не слѣдовало ли ей навсегда выкинуть изъ головы всѣ мечты о семейномъ счастьи?

Залѣмъ, настаетъ самая ужасная пора ея жизни, которую она никогда не проститъ себѣ. Она приняла предложеніе мистера Грея, потому что любила и уважала его. «Да, я любила его!» повторяла Алиса, сидя теперь одна съ своими тяжелыми думами, «я любила его!» Бѣдная, несчастная женщина! Она переживала теперь трудныя минуты. Положимъ, она сама была виновата, но за то ея страданіе было такъ искренне, такъ глубоко, что ее нельзя было не жалѣть. А думала она о Недеркостѣ. Живо рисовалась ей мирная, спокойная жизнь среди садовъ и книгъ, жизнь полная любви и счастья. Думала она о немъ, думала, какъ бы нѣжно онъ сталъ заботиться о ней, какъ бы берегъ ее. Не знала бы она ни тревогъ, ни сомнѣній, у нея была бы твердая опора въ жизни. Какъ легко жилось бы ей съ нимъ, съ такимъ умнымъ и добрымъ! Но она не хотѣла покориться ему и вотъ теперь она одна, и некому ей рассказать свое горе, не у кого спросить совѣта!

Зачѣмъ же приняла она предложеніе своего двоюроднаго брата? «Отчего же не выйдти мнѣ за него, если я могу быть ему полезной», думала она; а обо мнѣ нечего заботиться. Да и Кэтъ этого желаетъ. Что же до любви, до этого пустого звука, кто объ этомъ думаетъ! Разсчеты, деньги, все это пустяки; не хочу я объ этомъ и думать! Впрочемъ, сли я и

погибну, что за бѣда! А можетъ быть, я его спасу отъ гибели? Благодаря мнѣ, онъ сдѣлается снова честнымъ, богатымъ, значительнымъ человѣкомъ? Къ тому же, онъ не глупъ. Отчего же мнѣ не выйти?» и Алиса дала свое согласіе. Но когда слово было дано, началась борьба. Женственная, лучшая сторона ея натуры взяла верхъ надъ увлеченіемъ. И вотъ Алиса стала откладывать свадьбу; отложила ее на годъ, но и этотъ долгій срокъ казался ей слишкомъ малымъ. Она со страхомъ думала о томъ, что вотъ-вотъ пройдетъ годъ и настанетъ развязка. Она согласилась быть женой Джоржа Вавазора, но у нея не хватало силъ исполнить свое обѣщаніе. Со страхомъ она ожидала его появленія. Какъ принять ей его? А ну, если онъ, въ качествѣ жениха, станетъ ласкать ее? Послѣдній поцѣлуй Джоржа Грея, казалось, застылъ у нея на губахъ. Она не позволитъ Джоржу ласкать себя, она не любить его и смѣется надъ его любовью. Поцѣлуй Джоржа, поцѣлуй безъ любви, осквернилъ бы ее.

«Можетъ быть, папа правъ», продолжала она разсуждать сама съ собой. «Можетъ быть, дѣйствительно онъ добивается только моихъ денегъ. Ну, и пусть беретъ ихъ. Черезъ годъ, вѣроятно, разъяснится мое положеніе. И совершенно невольно, безсознательно, сложился въ ея головѣ слѣдующій планъ: если онъ попроситъ, она отдастъ ему свой капиталъ, оставивъ себѣ только самую незначительную часть, необходимую для того, чтобы прожить, не стѣсняя отца. Остальное все она отдастъ ему. Затѣмъ, если онъ согласится, она возвратитъ ему его слово безъ всякихъ упрековъ и снова будетъ свободна и объ этой несносной свадьбѣ не будетъ и рѣчи!» Она съ радостію ухватилась за эту мысль, принялась развивать ее; но въ это самое время дверь отворилась и слуга доложилъ ей о приходѣ Джоржа.

ГЛАВА XXXII.

БЛАГОРАЗУМІЕ ПОВѢЖДАЕТЪ СТРАСТЬ.

Алисѣ и въ голову не приходило, чтобы ея нареченный могъ явиться такъ скоро. Уѣзжая, она ему ничего не сказала

о томъ, когда именно она думаетъ вернуться, и надѣялась, что эта уловка избавитъ ее, хоть на нѣкоторое время, отъ его посѣщеній. При этомъ она совершенно упустила изъ виду, что Кэтъ не замедлитъ извѣстить брата. Все это время она думала о томъ, что будетъ черезъ годъ, и совершенно забыла приготовиться къ встрѣчѣ съ Джоржомъ. Его появленіе застало ее въ расплохъ. Услыхавъ его имя, его шаги, она совершенно растерявшись и испуганная стояла на одномъ мѣстѣ. Сердце билось у нея страшно. Какъ принять его? И потомъ, какъ онъ встрѣтился съ нею? Но прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, Джоржъ уже стоялъ передъ нею. Она едва рѣшилась взглянуть на него. Не смотря, однако, на свое смущеніе, Алиса тотчасъ же замѣтила, что Джоржъ приварядился и вообще смотрѣлъ сіяющимъ женихомъ. Это ее поразило непріятно. Ей казалось, что онъ долженъ былъ понять, что подобныя вещи немислимы въ ихъ положеніи. Такъ наивно выражать свою радость можетъ развѣ только свѣжая, безкорыстная любовь первой молодости.—«Если бы даже состоялась наша свадьба», продолжала думать Алиса, «то все же она должна быть самой скромной, самой тихой; она должна быть безъ всякихъ затѣй; въ ней не должно быть ничего праздничнаго. Джоржу слѣдовало оставить меня въ покоѣ, не показываться сюда нѣсколько мѣсяцевъ или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько недѣль. Это было бы самое лучшее. Но явиться въ первый день моего пріѣзда и явиться съ такой пошло-праздничной физиономіей—непростительно!»

— Алиса, сказалъ онъ, протягивая ей руку, милая моя.

Въ отвѣтъ она подала ему руку и пробормотала что-то сквозь зубы. Что она сказала, какъ привѣтствовала его, онъ не могъ разобрать. Алисѣ было непріятно его рукопожатіе; ей было непріятно стоять близъ него и она дрожала при одной мысли, что онъ, по праву жениха, можетъ позволить себѣ еще какуюнибудь ласку. Она попыталась освободить свою руку, но онъ только еще крѣпче сжалъ ее. Нечего дѣлать, пришлось сдаться плѣнницей. Теперь только вполнѣ почувствовала Алиса, до чего ей противенъ человѣкъ, женой котораго она обѣщала быть.

— Алиса, началъ онъ снова, я переродился и этимъ я обя-

занъ тебѣ. Если бы ты знала, какъ я страдалъ всѣ эти годы! (говоря это, онъ продолжалъ держать ея руку.) Она сознавала, что въ ея лицѣ, въ ея манерѣ, во всемъ ея существѣ выражалось отвращеніе; сознавала всю неловкость своей роли и, не смотря на всѣ усилія, не могла побѣдить себя.

— Алиса, продолжалъ онъ, я снова чувствую себя сильнымъ, я готовъ бороться теперь съ цѣлымъ свѣтомъ. Позволь же мнѣ поблагодарить тебя, моя спасительница! Вѣдь это ты придала мнѣ новыя силы, даже новую жизнь!

Что и какъ отвѣчать ему? Она сознавала, что должна наконецъ сказать ему что нибудь, хоть одно ласковое, доброе слово. Онъ имѣлъ полное право придти къ ней, говорить съ ней такимъ языкомъ, она сама вѣдь дала ему это право. Онъ не виноватъ, если внушаетъ ей отвращеніе вмѣсто любви. — Я ничего для васъ не сдѣлала, Джоржъ, сказала она, совершенно ничего. — Затѣмъ она вырвала у него свою руку, пошла и сѣла на диванъ. Онъ продолжалъ стоять передъ каминомъ. — Надѣюсь, продолжала она, что ты самъ позаботишься о себѣ. Если я могу помочь тебѣ, я готова отъ всего сердца. — Ей самой стало совѣстно своихъ словъ. Въ первое свиданіе съ нимъ она, вмѣсто привѣтствія, вмѣсто ласковаго слова любви, чуть не прямо предлагаетъ ему свой кошелекъ!

— Безъ сомнѣнія, ты можешь помочь мнѣ. У меня бездна плановъ и ты должна раздѣлить со мной все. Но въ настоящую минуту, я ни о чемъ не могу думать; я знаю только, что моя лучшая, моя завѣтная мечта осуществляется, что ты согласилась быть моей женой. Моя милая, скажи же мнѣ, что ты счастлива, назови меня своимъ мужемъ!

Никакія силы не могли бы въ эту минуту заставить ее назвать его своимъ мужемъ. Онъ слишкомъ поторопился. Онъ требовалъ любви, на которую самъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Получивъ ея письмо, онъ съ насмѣшкой отбросилъ его въ сторону, какъ будто это была записка, лишенная для него всякаго интереса. Онъ рѣшилъ тогда, что деньги ея пригодятся ему, и торжествовалъ, читая ея письмо. А теперь, чтобъ еще полнѣе насладиться своимъ торжествомъ, онъ просилъ у нея ласкъ и любви. Онъ добивался невозможнаго.

— Оставимъ это, Джоржъ. Мнѣ надо сначала оправиться, вѣдь я такъ много выстрадала.

— Да, и все это по моей милости. Я былъ причиною всего этого горя. Знаю, знаю.—А между тѣмъ сколько горя, безвыходнаго горя готовилъ онъ этой женщинѣ въ будущемъ!

— Я этого не говорю, возразила она.—Я нахожу, что я одна виновата, во всемъ я одна виновата.—Тутъ онъ окончательно не понялъ ее. Онъ думалъ, что она не можетъ себѣ простить свой прежній разрывъ съ нимъ.

— Алиса, моя дорогая, къ чему вспоминать прошлое? знаешь пословицу: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Забудемъ же все что было.

— Что было, того нельзя забыть. Такъ или иначе, а прошлое скажется, что ни говори. И волосы посѣдѣютъ и сердце очерствѣетъ.

— Я, право, не вижу, чтобы одно слѣдовало изъ другого, сказалъ Джоржъ; волосы у меня сѣдѣютъ, вотъ посмотри.—И онъ приподнялъ чернѣйшій локонъ; около висковъ, чтобы показать ей пробивавшуюся снизу сѣдину.—Видишь? И такъ, если сѣдину считать признакомъ старости, то у тебя, Алиса, будетъ старый мужъ, но сердце мое, ручаюсь тебѣ, все такъ же молодо и полно огня.

Мужъ! Два раза Джоржъ употребилъ это слово и, не смотря на всѣ усилія, Алиса никакъ не могла отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, которое производило на нее это ненавистное слово. И что ей за дѣло до его лѣтъ?

— Я говорила о своемъ сердцѣ, возразила она ему. Я подъ часъ чувствую, что оно у меня очень и очень устарѣло.

— Ну, Алиса, утѣшила ты меня этимъ, нечего сказать!

— Ты самъ виноватъ, Джоржъ. Зачѣмъ ты пришелъ сегодня? Неужели ты не понимаешь, что мнѣ многое надо обдумать, многое уяснить себѣ? Къ тому же, всѣ эти воспоминанія! Ты говоришь, что прошлое вспоминать нечего! Ну, положимъ. Такъ оставь же меня въ покоѣ хоть на нѣсколько мѣсяцевъ; мнѣ нужно время, чтобы, по крайней мѣрѣ, привыкнуть не вспоминать о прошломъ; забыть же его—я никогда не забуду.

Въ ея взглядѣ, въ ея голосѣ выразалось столько раздраженія, что онъ не могъ не замѣтить его. Понятно, что все это

поразило его крайне неприятно, но онъ не жалѣлъ ея, не безпокоился о ней,—онъ сердился на нее. Дѣлая ей предложеніе, онъ, прежде всего, имѣлъ въ виду ея деньги; кромѣ того, ему хотѣлось отбить невѣсту у Джона Грея. Но будь она бѣдная дѣвушка, онъ никогда бы не сдѣлалъ ей предложенія. Правда, отбить жену у Джона Грея—хорошая вещь, но все же изъ-за этого не слѣдуетъ забывать благоразумія. Приятно одурачить соперника, но при этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду матеріальныхъ, существенныхъ выгоды, иначе это будетъ роскошь не по карману. Джоржъ все это отлично понималъ. Дѣлая предложеніе Алисѣ, онъ хотѣлъ воспользоваться ея капиталомъ и въ тоже время потѣнить себя ея любовью. Онъ хотѣлъ торжествовать вполнѣ; ему нужны были деньги, нужны и ласки, и любовь. И что же? Въ первое свое свиданіе съ невѣстой, онъ не могъ добиться отъ нея ни одного ласковаго, добраго слова.

— Алиса, сказалъ онъ, я не ожидалъ такой встрѣчи.

— Не ожидалъ, возразила она. Мнѣ, Джоржъ, крайне неприятно разочаровывать тебя, но что же дѣлать? Не могу же я пѣть и смѣяться, когда на сердцѣ холоднѣй, чѣмъ въ сырой могилѣ.

— Алиса, если ты хочешь, я возвращу тебѣ твое письмо, медленно проговорилъ онъ.

Боже, какъ ей хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ; но у нея не хватило смѣлости. Да и кто изъ насъ рѣшился бы? Какъ часто случается намъ въ жизни выслушивать подобныя предложенія, за исполненіе которыхъ мы готовы бы отдать полъ жизни, и все же отказываемся, вслѣдствіе какой-то глупой совѣстливости.

— Я ничего не прошу возвращать мнѣ, я прошу только оставить меня на нѣкоторое время, отвѣчала она ему такъ же какъ и онъ, медленно выговаривая слово за словомъ. Я прошу оставить меня для того, чтобы я могла оправиться. Развѣ ты не знаешь, что говоритъ докторъ? Онъ говоритъ, что мускулы, вслѣдъ за усиленнымъ напряженіемъ, должны непременно отдохнуть; въ противномъ случаѣ, они навсегда утрачиваютъ свою силу и никогда уже не будутъ дѣйствовать. Со мной

теперь тоже самое. Если меня нѣсколько мѣсяцевъ оставятъ въ покоѣ, я, вѣроятно, приучусь смѣлѣе смотрѣть впередъ.

— Ты мнѣ больше ничего не скажешь, Алиса?

— Что же мнѣ сказать тебѣ?

— Что сказать? Неужели у тебя нѣтъ для меня ни одного слова любви? Что сказать? Я бы хотѣлъ, чтобы ты мнѣ сама сказала, что ты счастлива теперь, что ты любишь меня! Неужели я требую слишкомъ многого, Алиса?

Счастлива? Она, правда, приняла его предложеніе, но развѣ въ этомъ можетъ быть счастье? И какъ выражать ей это счастье, котораго она не испытала? Къ тому же, мысль, что онъ, въ качествѣ жениха, имѣетъ полное право на различныя ласки, приводила ее въ ужасъ. Она бессознательно чувствовала, что отъ поцѣлусвъ, объятій, отъ всевозможныхъ внѣшнихъ заявленій любви можетъ спасти ее только избранная ею тактика. Она чувствовала это и потому никакія силы не вырвали бы у нея ласковаго слова. Она молча выслушала его. Онъ кончилъ и ждалъ отвѣта; она молчала. Она готова была ему многимъ пожертвовать; но онъ просилъ теперь ласки, а исполненіе именно этой просьбы превышало ее силы.

— Ты мнѣ ничего не отвѣчаешь? У тебя нѣтъ для меня ни одного нѣжнаго слова?

Она взглянула на него. Рубецъ на его лбѣ принялъ какой-то зловѣщій оттѣнокъ; глаза его блестяли. Ей стало страшно; и дѣйствительно человѣкъ этотъ могъ, кого хотите, запугать рѣзкимъ, сердитымъ взглядомъ своихъ огненныхъ глазъ.

— Я ничего не могу тебѣ сказать, теперь Джорджъ. Я вѣдь сказала уже разъ, что мнѣ не по себѣ, что же ты пристаешь ко мнѣ?

Письмо ея было у него въ боковомъ карманѣ. Взбѣшенный, онъ хотѣлъ бросить ей обратно ея письмо и объявить, что, въ такомъ случаѣ, она можетъ искать себѣ другого мужа, что онъ возвращаетъ ей ея слово. Гнѣвъ, говорившій въ немъ теперь, былъ лучшей стороною его натуры. Года четыре тому назадъ, эта сторона одержала бы верхъ; теперь же, схвативъ письмо, онъ вспомнилъ, что ему нужны деньги, нужны сегодня, нужны потому, что иначе онъ долженъ распрощаться со всѣми своими надеждами относительно Чельси; онъ вспомнилъ

все это и приливъ раздраженія долженъ былъ уступить холодному расчету.—Мнѣ необходимы деньги, думалъ онъ, крайне необходимы. Правда, я могу располагать деньгами Кэтъ, —2000 фунтовъ стерлинговъ, но мнѣ не хотѣлось бы трогать ея капитала. Конечно, въ случаѣ надобности, я все же возьму; что дѣлать—нужда. Хоть бы чортъ скорѣй прибралъ этого старика въ Вестморлэндѣ! Ему уже давно пора умирать; только другимъ мѣшаетъ жить! О, еслибъ онъ издохъ! Тогда другое дѣло! Но онъ, кажется, еще и не собирается умирать, въ томъ-то и бѣда! Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, письмо Алисы осталось у него въ карманѣ.

— Что же, прикажете убираться? спросилъ онъ ее.

— Не сердись на меня, Джоржъ!

— Сердиться! Развѣ я имѣю право сердиться? Но что я вру! Конечно имѣю право и сержусь. Я думаю, ты бы могла меня иначе встрѣтить. Неужели ты постоянно меня будешь такъ подбивать? И ждать еще цѣлый годъ, проклятый годъ!

— О, Джоржъ!

— Ну да, проклятый годъ, по крайней мѣрѣ, для меня! Цѣлый годъ! Неужели мы постоянно будемъ встрѣчаться на такой официальной ногѣ? Слушай, Алиса, я люблю тебя, какъ ни одну женщину. Я никого не любилъ, кромѣ тебя; и все же иногда я сомнѣваюсь, есть ли въ тебѣ сердце? Женщина ли ты? Послѣ всего, что было, ты встрѣчаешь меня такимъ образомъ? Къ чему же было увѣрять меня въ своемъ прощеніи? Но однако, я думаю, мнѣ пора убираться по добру, по здорову; а то еще, пожалуй, вмѣсто напутствія, прикажутъ меня, какъ собаку, вытолкать.

— Къ чему, Джоржъ, ты говоришь такія вещи? Ты такъ смотришь на меня, что мнѣ на все это и отвѣчать нечего.

— Мнѣ и не нужно отвѣтовъ. Дай мнѣ твою руку, поцѣлуй меня и скажи: *я твоя*, вотъ и все, что мнѣ нужно. Алиса, полно, поцѣлуй меня, позволь мнѣ обнять тебя.

Она ничего не отвѣчала, не трогалась съ мѣста; но на лицѣ ея выразилось самое сильное отвращеніе, самый неподдѣльный ужасъ. Онъ видѣлъ все это и даже его благоразуміе измѣнило ему наконецъ. Не говоря ни слова, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. А между тѣмъ, деньги ея ему были нужны, нужны до зарѣ-

ву. Она и съ мѣста не двинулась, чтобы удержать его. Вотъ раздаются его шаги по лѣстницѣ, вотъ щелкаетъ дверь подъѣзда, а она все также сидитъ неподвижно на диванѣ. Все это время она желала только одного: она желала, чтобы онъ ушелъ. И когда, наконецъ, она осталась одна, у нея точно гора съ плечъ свалилась. И этотъ человѣкъ, вьнушающій ей такое отвращеніе, долженъ быть ея мужемъ? Бѣдная Алиса!

Выбѣжавъ на улицу, Джоржъ отправился сначала въ Кэвендишъ Скверъ; оттуда прошелъ по улицѣ Принца къ цирку въ Оксфордской улицѣ. Онъ шелъ, самъ не зная куда; онъ думалъ только о томъ, что Алиса слишкомъ уже ясно выказываетъ свое отвращеніе къ нему. Злость душила его. Онъ то рѣшалъ бросить ее, отказаться отъ нея, не смотря на ея деньги, то утѣшалъ себя мыслию, что все это онъ припомнитъ ей, когда она будетъ его женой.—Отомщу же я ей, думалъ онъ, переходя изъ улицы въ улицу, самъ не зная для чего.—Подойдя къ цирку, онъ очутился недалеко отъ дома своего стряпчачаго, мистера Скреби. Джоржъ вспомнилъ свое обѣщаніе зайти къ нему въ это самое утро. Джоржъ былъ долженъ мистеру Скреби небольшую сумму за прошлые выборы. Эту сумму необходимо было уплатить, потому что мистеръ Скреби не такой человѣкъ, чтобы согласился ждать; къ тому же, онъ нуженъ ему для слѣдующихъ выборовъ. Да, необходимо уплатить долгъ и, кромѣ того, дать ему еще 500 фунтовъ. Этотъ Гримсъ, хозяинъ таверны: «Красивый мужчина», ему тоже надо уплатить по векселю.—Да, надо; но гдѣ же взять деньги? думалъ Джоржъ. Воспользоваться развѣ небольшой собственностью Кэтъ? Или нѣтъ, я скорѣе могу употребить на это деньги моей будущей жены. Когда я женюсь на ней, я переведу на ея имя мое наслѣдство, а теперь я могу занять у нея. Я такъ и объясню все это мистеру Скреби.—Такъ разсуждалъ Джоржъ, переходя черезъ улицу Риджентъ и направляясь къ дому своего стряпчачаго. Гнѣвъ его давно улегся. Но въ то же время, не смотря на всю испорченность своей натуры, онъ не могъ не сознаться, что поступаетъ безчестно относительно Алисы. Въ немъ еще не совсѣмъ умерла совѣсть и вотъ онъ старался успокоить себя, повторяя, что беретъ у Алисы деньги заимобразно; что онъ возвратитъ ей все впоследствии. Въ

тоже время ему было какъ-то совѣстно, неловко просить у Алгсы денегъ. Положимъ, она не откажетъ ему ни въ какомъ случаѣ, онъ увѣренъ въ этомъ, но все же, пусть ужъ лучше Кэтъ просить. Кэтъ это удобнѣе сдѣлать. А я ей возвращу все, невремѣнно возвращу, думалъ онъ, входя въ контору мистера Скребя.

Клерки, сидѣвшіе въ первой комнатѣ, приняли его чрезвычайно любезно. У Скребя уже были посѣтители. Четыре джентельмэна ожидали его въ гостиной. Но клерки увѣряли Вавазора, что это ничего не значитъ, что онъ не то, что другіе, и что ему ни въ какомъ случаѣ не придется ждать. И дѣйствительно, мистеръ Скребя, какъ только услышалъ о мистерѣ Вавазорѣ, тотчасъ же попросилъ его къ себѣ. Какой-то низенькій, болѣзненный человѣчекъ, по имени Смизерсъ, столкнулся въ дверяхъ съ мистеромъ Вавазоромъ.

— Вы, Смизерсъ, подождите, прокричалъ мистеръ Скребя, вслѣдъ выходящему отъ него господину, я съ вами переговорю послѣ.

Вавазоръ объявилъ, что ему совѣстно заставлять ждать этого джентельмэна.

— Э, ничего, возразилъ Скребя. Не велика бѣда, подождетъ! Вѣдь это только бѣднякъ-типографщикъ. Онъ, видите ли, напечаталъ для одного изъ мерилибонскихъ кандидатовъ 30,000 афишъ, ну и, кромѣ того, разослалъ ихъ, прибилъ, гдѣ слѣдуетъ. А теперь не можетъ получить слѣдуемыхъ ему денегъ. Ни копѣйки ему не заплатили, а на разсылку онъ еще изъ своего кармана приплатилъ. Не весело теперь, бѣдняку. Такъ — то, мистеръ Вавазоръ, разоряется эта мелюзга.

Вавазору пріятно было слышать, что есть люди, которые еще хуже него платятъ свои долги. Мысль, что, можетъ быть, онъ еще въ правѣ рассчитывать на кредитъ, промелькнула у него въ головѣ. — Удивительно, право, замѣтилъ онъ, какъ часто люди пользуются кредитомъ, богъ знаетъ почему. Не платятъ, а все находятся люди, которые имъ вѣрятъ.

— Да, но за то, когда такого сокола принудятъ нагоонецъ развязать мошну, то онъ и платитъ за все вдвое, рубль на рубль даетъ!

— Многіе совсѣмъ не платятъ, сказалъ Джоржъ.

— Да, мистеръ Вавазоръ, и это бываетъ. Но за то, какую жалкую жизнь влечать они! Вѣчно на сторожѣ, со страхомъ ожидая появленія кредитора. Такая жизнь не была бы вамъ по вкусу, мистеръ Вавазоръ.

— До сихъ поръ я еще ни отъ кого не бѣгалъ, возразилъ Вавазоръ, а что дальше будетъ, не знаю.

— О, я ручаюсь, что съ вами этого никогда не случится. Но еслибъ вы только знали, какъ часто, въ этой самой комнаткѣ, стоятъ передо мной на колѣняхъ люди съ вѣсомъ, члены парламента! За мѣсяць или полтора до выборовъ бываетъ обыкновенно самое жаркое время. Много нужно денегъ джентельмену для того, чтобъ попасть въ парламента; не мало—чтобы усидѣть тамъ! На колѣняхъ просятъ, умоляютъ они меня выручить ихъ. Если бы я располагалъ большимъ капиталомъ, я бы, конечно, не сталъ отказывать всѣмъ этимъ господамъ. Мнѣ бы тогда довольно было однихъ процентовъ съ моего капитала; я бы жилъ припѣваючи и самъ бы былъ членомъ парламента. Но при настоящихъ условіяхъ, я ничего не могу сдѣлать, у самого денегъ нѣтъ.

Джоржъ Вавазоръ понялъ намекъ мистера Скреби; онъ понималъ, что ему нечего рассчитывать на терпѣніе стряпчачо. Ему самымъ деликатнымъ образомъ дали понять, что на предстоящіе расходы по выборамъ онъ долженъ принести чистыя денежки.

— Да, но вы все же выручаете нѣкоторыхъ, сказалъ Вавазоръ.

— Никого! У меня ужъ правило заведено такое; я въ этомъ случаѣ дѣйствую по принципу, торжественно объявилъ мистеръ Скреби. Конечно, если за молодого человѣка поручится мнѣ отецъ или, по крайней мѣрѣ, шестеро или семеро изъ комитета, то, въ такомъ случаѣ, я даю займы деньги подъ проценты. И то только въ такомъ случаѣ, если поручители дѣйствительно извѣстны за людей состоятельныхъ. Но вообще я не даю займы, это ужъ мое правило.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я этого не зналъ. Но, впрочемъ, что объ этомъ толковать. Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, мнѣ не къ чему занимать у васъ.

— О, я совершенно увѣренъ! воскликнулъ мистеръ Скреби,

просіавъ весь. Я этого не предполагалъ. На столько я знаю людей, что съумѣю отличать птицу по полету, мистеръ Вавазоръ.

Затѣмъ они перешли къ дѣламъ. Оказалось, что, не позже слѣдующей недѣли, Вавазоръ долженъ дать мистеру Скребби 600 фунтовъ, не менѣе; кромѣ того, надо уплатить вексель въ 92 фунта, данный Гримсу, хозяину таверны: «Красивый мужчина». Однимъ словомъ, недурно было бы, еслибъ онъ занялъ у Алисы 1000 фунтовъ. Джоржъ не желалъ поручать этого дѣла фамильному стряпчему Вавазоровъ и потому объяснилъ теперь только то, что было нужно мистеру Скребби. Говоря объ этихъ деньгахъ, Джоржъ чувствовалъ себя чрезвычайно скверно, и еслибъ только была возможность, онъ бы съ радостію отказался отъ денегъ невѣсты. Смущеніе его было такъ велико, что онъ, какъ бы оправдываясь, принялся объяснять мистеру Скребби, что беретъ эти деньги у своей невѣсты заимообразно и что онъ заплатитъ ей свой долгъ, когда получитъ наслѣдство въ Вестморлэндѣ. Онъ даже солгалъ, объявивъ, что старикъ уже назначилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Да, да, понимаю, семейная сдѣлка, сказалъ мистеръ Скребби и рассыпался въ поздравленіяхъ по случаю предстоящаго брака. Этому почтенному стряпчему было рѣшительно все равно, какъ и откуда получатся деньги, только были бы деньги.

ГЛАВА XXXIII

ДЖОНЪ ГРЕЙ СНОВА ОТПРАВЛЯЕТСЯ ВЪ ЛОНДОНЪ.

Послѣ разговора съ отцомъ, Алиса, не смотря на свою твердую рѣшимость, не рѣшилась въ тотъ же день написать Джону Грею. Между тѣмъ наступала половина января, а онъ обѣщаль ей пріѣхать около этого времени въ Лондонъ.

Зная его хорошо, Алиса была увѣрена, что прежде, чѣмъ пріѣзжать, онъ извѣститъ ее письмомъ. Но письмо его къ ней въ настоящее время не будетъ имѣть ни малѣйшаго смысла; ей будетъ тяжело читать его. Нѣтъ, надо немедленно писать ему, чтобы предупредить все это. И Алиса рѣшила, не теряя

ни минуты, написать ему. Но что писать? Какъ начать это роковое письмо? Цѣлые часы сидѣла она съ перомъ въ рукѣ, а письмо все не удавалось; какъ ни начнетъ, все не хорошо. Она не узнавала себя; куда дѣвалась ея твердость, ея сила воли?—Мнѣ бы слѣдовало написать ему, когда я писала Джоржу», думала она.—И дѣйствительно, тогда она была сильна. Съ нею была Кэтъ, такая веселая, такая счастливая, что Алиса радовалась, глядя на нее. Сама Алиса была экзальтирована мыслию, что она дѣлаетъ доброе дѣло, спасаетъ Джоржа, человѣка, котораго она когда-то любила. Она была тогда вполнѣ довольна собой и смѣло шла на встрѣчу жизни. А теперь, что случилось съ нею? Что случилось съ ея гордымъ сознаниемъ добраго дѣла? Атмосфера Лондона душила ее, силы измѣнили ей. Прошелъ еще день, а письмо все еще не было написано. Сидя за письменнымъ столомъ, Алиса невольно вспоминала Джона Грея, невольно сравнила его съ Джоржемъ. Какая разница! И какъ могла она промѣнять одного на другого. Что за выраженіе было у Джоржа, когда онъ, взбѣшенный, выбѣжалъ изъ гостиной! И какая противоположность — спокойное, красивое лицо Джона Грея. Какъ нѣжно держалъ онъ ея руку, прощаясь съ нею въ Чельтенгамѣ! Боже, и отчего это она раньше не сумѣла оцѣнить Джона Грея? Теперь она поняла, кто изъ нихъ лучше, поняла кто ей дорогъ, но уже было поздно, и Алиса глубоко и невыразимо страдала отъ этой мысли. Наконецъ она рѣшила, что она не встанетъ со стула, пока не кончитъ письма. Она написала и тотчасъ же отправила его на почту, какъ бы боясь, что раздумаетъ снова.

Теперь мы съ читателемъ перенесемся въ Недеркостъ и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Джонъ Грей сидѣлъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Франкомъ Сьюардомъ въ кабинетѣ за завтракомъ. Этотъ Франкъ Сьюардъ былъ лучшимъ другомъ его дѣтства, его школьнымъ товарищемъ. Жизнь не измѣнила ихъ отношеній; какъ на школьной скамьѣ, такъ и теперь, они были близки другъ другу. Франкъ Сьюардъ былъ пасторомъ и, кромѣ того, учителемъ въ одной изъ кембриджскихъ коллегій. Это былъ честный труженикъ, съ утра до ночи заваленный работой. Все свое свободное время проводилъ онъ въ Недеркостѣ. Задумавъ жениться,

Джонъ Грей считель нужнымъ сказать объ этомъ Франку Сьюарду. Ему одному разсказаль онъ о своей любви и о своемъ горѣ, но и то только въ общихъ чертахъ, въ подробности онъ не считаль нужнымъ вдаваться. Правда, это былъ его лучший другъ, но, не смотря на это, Джонъ Грей не считаль нужнымъ открывать ему всѣ закоулки своего сердца, всю свою внутреннюю жизнь. На подобную откровенность имѣла, по мнѣнію Джона Грея, право только его будущая жена и никто кромѣ нея. Гозоря Франку Сьюарду о своей предполагаемой женитьбѣ, Джонъ Грей не придавалъ этому извѣстію никакой тайны; онъ даже заявилъ, что считаетъ непозволительными тайны въ подобныхъ случаяхъ. Онъ самъ никому болѣе не объявлялъ о своей женитьбѣ, но всѣ его знакомые знали объ этомъ. Точно также разсказаль Джонъ Грей Франку Сьюарду о своемъ разрывѣ съ Алисою, о своемъ горѣ, съ тою только разницею, что просилъ его молчать объ этомъ до поры, до времени.

Джоржъ Грей не передавалъ Франку Сьюарду никакихъ подробностей; онъ не сказаль ему ни одного слова, на основаніи котораго, можно бы было обвинить Алису, но Сьюарду было довольно того, что Алиса, послѣ даннаго согласія, снова отказала его другу; онъ, не задумываясь долго, рѣшилъ, что Алиса — бездушная, пустая женщина. Сьюардъ зналъ, что Джонъ Грей никогда не оправится отъ этого удара, что онъ никогда не женится на другой женщинѣ.

Они еще сидѣли за завтракомъ, когда имъ подали полученныя съ почты письма. Джонъ Грей тотчасъ же узналъ руку Алисы и, какъ всегда, не торопясь, распечаталь ея письмо.

«Прежде всего я должна сказать Вамъ, писала она ему, что Джоржъ Вавазоръ, мой двоюродный братъ, сдѣлаль мнѣ вторичное предложеніе и я приняла его. Входить въ подробности я не стану, потому что не имѣю теперь ни малѣйшаго права надѣяться Вамъ моею откровенностію. Скажу только одно, что я старалась поступать честно, быть правдивой. Я ошиблась, жестоко ошиблась, но ошиблась по незнанію. Я никогда не прощу себѣ этого. Я много виновата передъ Вами и глубоко раскаяваюсь; но не смѣю надѣяться на Ваше прощеніе. Алиса Вавизоръ.»

Письмо было, на зло всѣмъ правиламъ, безъ заголовка; Алиса даже ни разу не назвала его по имени. Но до того ли ей было? Мы видѣли, сколько труда стоило ей написать это письмо. Она даже ни разу не прочла его, боясь, что опять останется недовольна и разорветъ его;—«не все лиодно, какъ написано, думала она,» дѣло въ томъ, чтобы извѣстить его о событіи.» Два раза прочелъ Джонъ Грей это письмо, которое разбивало его послѣднюю надежду на счастье. Онъ все еще надѣялся, что Алиса одумается. Онъ страдалъ, глубоко страдалъ послѣднее время, но все же онъ надѣялся, что все это пройдетъ; сомнѣніе, недовѣріе исчезнуть и Алиса согласится наконецъ быть его женой, его другомъ. Онъ готовъ былъ ждать годы, цѣлыя годы, только бы у него не отнимали надежды видѣть ее наконецъ у себя, своею женою. Въ глубинѣ своего сердца Джонъ Грей часто замѣчалъ горькое, недоброе чувство къ Джоржу Вавазору. Онъ не любилъ этого чело-вѣка и боялся его вліянія на Алису. Кэтъ тоже не нравилась ему. Но онъ никогда не позволилъ бы себѣ высказать это Алисѣ и стараться удалить ее отъ ея родственниковъ. Онъ подавлялъ въ себѣ эти чувства, потому что слишкомъ глубоко уважалъ въ Алисѣ свою будущую жену и никогда бы не позволилъ себѣ оскорбить ее малѣйшимъ недовѣріемъ. Помните ли вы, читатель, его письмо передъ ея отъѣздомъ въ Швейцарію? Помните ли, какъ непринужденно-весело писалъ онъ о предполагаемый поѣздкѣ, объ Алисиныхъ спутникахъ? Онъ писалъ ей свободно и весело, потому что не хотѣлъ оскорблять ее своими сомнѣніями. И что же? то, чего онъ пуще всего боялся, случилось дѣйствительно. Два раза прочелъ онъ письмо Алисы, не обращая вниманія на другія письма. Во время этого чтенія, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, онъ выстрадалъ столько, сколько другимъ не приходится выстрадать во всю свою жизнь. Но лицо его оставалось все также спокойно, и еслибъ Сьюардъ взглянулъ на него, то вѣроятно бы не замѣтилъ ничего особеннаго. Впрочемъ, Сьюардъ самъ получилъ длиннѣйшее посланіе и такъ погрузился въ чтеніе, что ни на что не обращалъ вниманія. Сьюарду писали, что онъ можетъ надѣяться, что его скоро освободятъ отъ тяжелой роли наставника.

Между тѣмъ Джонъ Грей думалъ объ Алисѣ, думалъ о томъ, какъ бы спасти ее? Не смотря на все страданіе, на всю муку, которую онъ испытывалъ теперь, онъ не только не сердился на нее, но его первой сознательной мыслью была забота о ней. Онъ потерялъ послѣднюю надежду, навсегда простился съ мыслию о счастьи, но, быть можетъ, еще можно спасти ее. Онъ слышалъ о Джоржѣ Вавзорѣ самыя неблагопріятныя отзывы; онъ слышалъ, что это человѣкъ на краю гибели. Сдѣлавшись его женою, Алиса окончательно погубила бы себя. Какъ бы спасти ее? Джонъ Вавзоръ, вѣроятно, главнымъ образомъ, добивается ея капитала. Не удовольствуется ли онъ одними деньгами? Не откажется ли отъ нея?

— Послушай, Сьюардъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Что? спросилъ тотъ, подымая голову.— Онъ все еще читалъ полученное имъ письмо. Это было длиннѣйшее посланіе, исписанное и вдоль, и поперекъ.

— Я долженъ оставить тебя и ѣхать сегодня же въ городъ.

— Развѣ, что нибудь случилось? Кто нибудь захворалъ?

— Да, случилось кое-что. Всѣ здоровы, но мнѣ все же надо отправиться въ Лондонъ. Ты останься здѣсь съ мистриссъ Боль.—Сьюардъ просилъ Грея не стѣсняться. Онъ не соглашался остаться въ Недеркостѣ, хотя и отдавалъ полную справедливость прекраснымъ качествамъ мистриссъ Боль, ключницы.—Къ чему мнѣ оставаться, когда и до дому недалеко,—замѣтилъ онъ. Затѣмъ они оба замолчали. Сьюарду очень хотѣлось спросить Грея, что заставляло его ѣхать въ Лондонъ, но онъ зналъ, что тотъ не любилъ разспросовъ, и потому молчалъ.

— Отчего же не остаться? началъ снова Грей. Я прошу тебя объ этомъ, старый другъ, очень прошу.—Въ голосѣ, которымъ сказаны были эти слова, звучала особенная нѣжность. Сьюарда поразило это.

— Если ты этого хочешь, изволь, я останусь, отвѣчалъ Сьюардъ.—И снова настало молчаніе.

— Да, я прошу тебя остаться, снова проговорилъ Грей.

— Хорошо, отвѣчалъ Сьюардъ.—И снова сидѣли они молча другъ передъ другомъ.

— Я получилъ письмо. Гм! да, письмо отъ... отъ миссъ Вавазоръ, сказалъ Грей.

— Надѣюсь...

— Нечего надѣяться! Не радостныя вѣсти. Не знаю, могу ли я рассказать тебѣ? Я бы желалъ; но исторія эта слишкомъ длинная, а времени мало. Если не рассказать все обстоятельно, ты поймешь дѣло вкривь. Есть вещи, которыхъ нельзя передать.

— Да, подтвердилъ Сьюардъ.

— Я бы многое далъ за то, чтобы ты зналъ все, какъ я знаю; но это невозможно. Въ одинъ день могутъ случиться вещи, на объясненіе которыхъ надо потратить дѣлую жизнь.—И снова настало молчаніе.

— Я получилъ дурныя вѣсти, сказалъ снова Грей. — Я долженъ немедленно ѣхать въ Лондонъ, да. Около двѣнадцати я отправлюсь на станцію желѣзной дороги. Если хочешь, ты можешь довести меня туда. Я вернусь черезъ день или, во всякомъ случаѣ, дня черезъ три, четыре. Ты мнѣ сдѣлаешь большую любезность, если подождешь меня здѣсь.

Въ одинадцать они отправились изъ дому. Первые двѣ мили они ѣхали молча.

— Сьюардъ, сказалъ наконецъ Грей, слушай! Я глубоко уважаю, высоко цѣню Алису Вавазоръ и никогда не переимѣню о ней своего мнѣнія. Помни это. Теперь я задумалъ одно дѣло; если оно не удастся мнѣ, то ты никогда болѣе не услышишь отъ меня имени Алисы Вавазоръ. Но это ничего не значить; помни, что я о ней никогда не измѣню своего мнѣнія. Понялъ ли ты меня? Надѣюсь, что да. — Можетъ быть, я никогда не увижу ее; можетъ быть, жизнь разлучитъ насъ окончательно; но я никогда не перестану уважать ее. Я ничего не зналъ лучше, милѣе ея на бѣломъ свѣтѣ. Я желаю, чтобы ты, мой старый другъ, зналъ, что я думаю объ ней.—Сьюардъ увѣрилъ его, что онъ понялъ и не забудетъ ни одного слова. Остальную часть пути они ѣхали молча.

Со станціи желѣзной дороги Грей послалъ телеграфическую депешу Джону Вавазору. Онъ извѣщалъ его, что сегодня, послѣ обѣда, онъ явится къ нему въ его контору въ

Ченсери-лэнъ. Джона Вавазора трудно было поймать въ конторѣ. Но о Греѣ, казалось, заботилась сама судьба: телеграмма его пришла какъ разъ въ то самое время, когда Джонъ Вавазоръ входилъ въ ненавистную для него контору. Прочтя телеграмму, Вавазоръ сталъ ждать Джона Грея и поэтому случаю пробылъ въ конторѣ до половины пятого. Наконецъ явился и Грей. Вавазоръ провелъ его въ темную, маленькую комнату, которую онъ нанималъ, для составленія различныхъ актовъ, гдѣ-то по сосѣдству съ Ченсери-лэнъ.

— Вы все знаете? спросилъ Вавазоръ Грея.

— Да, она мнѣ писала, отвѣчалъ Грей.

— Она писала вамъ о своемъ двоюродномъ братѣ, о Джоржѣ? Я ей говорилъ, чтобъ погодила, но вѣдь съ нею ничего не подѣлаешь, страшно упряма.

— Чего же ей было ждать? Если ужъ говорить, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Но вѣдь я надѣялся, что, авось, все какъ нибудь да уладится. Вы не повѣрите, Грей, какъ меня все это огорчаетъ. Эта свадьба для меня—ножъ острый, это проклетіе моей жизни! Много испыталъ я горя, но такого еще не бывало.

— Вы говорите, что вы думали, что все уладится? на чемъ основывали вы выше предположеніе?

— Право, не знаю. Просто на просто, вся эта исторія кажется мнѣ такимъ безуміемъ, что я думаю, рано или поздно, она сама пойметъ всю эту нелѣпость. Да знаете ли вы, что за птица мой племянникъ, этотъ Джоржъ? спросилъ Вавазоръ.

— Нѣтъ, мнѣ не приходилось съ нимъ сталкиваться, отвѣчалъ Грей.

— Это, просто на просто, искатель приключеній, человѣкъ безъ средствъ и безъ правилъ, и, къ довершенію всего, негодяй, какихъ мало. Клянусь честью, я не встрѣчалъ человѣка хуже его. Онъ женится на ней изъ-за денегъ; навѣрное, промотаетъ все и затѣмъ начнетъ ее мучить. Я это все напередъ знаю, но что мнѣ дѣлать, какъ горю пособить?

— Не допускайте этой свадьбы.

— Но какъ, добрый ты человѣкъ, какъ не допустить? Скавать то легко! Я самъ желаю и понимаю, что нельзя допустить, что она губить себя. Но что съ ней подѣлаешь? Она

дѣлаетъ, что хочетъ. Завтра же, если захочетъ, она отдастъ ему все до послѣдней копѣйки, какъ же я могу не допустить свадьбы?

— Ну, и пусть ее завтра же отдастъ ему все до послѣдней копѣйки.

— Что же ей потомъ-то дѣлать? Не по міру же ходить!

— А я-то на что? Развѣ я не женихъ? сказалъ Джонъ Грей и голосъ его дрожалъ отъ внутренняго волненія, на глазахъ блестя слеза. Это поразило даже простую, черствую натуру Джона Вавазора и онъ съ необычнымъ чувствомъ проговорилъ:

— Дай богъ вамъ счастья, Грей! Вы добрый малый. О, еслибъ она была вашей женой!

— Если вы правы, если онъ добивается только денегъ, то отчаяваться еще нечего. Пусть его себѣ беретъ однѣ деньги.

— Нѣтъ, Грей, вы не знаете Алисы, вы не понимаете моей дочери. Оставшись нищей, она не согласится быть вашей женой; она не любитъ обязываться.

— Заглядывать впередъ нечего. Доживемъ, увидимъ. А теперь за дѣло, скорѣе за дѣло. Мы должны спасти ее отъ этого человѣка, который погубитъ и себя, и ее. Это главное. Для этого я и пріѣхалъ въ Лондонъ. На вашемъ мѣстѣ, я бы прямо отдалъ ему ея деньги.

— На моемъ мѣстѣ, вы бы ничего не могли сдѣлать. Я знаю, что она отдастъ ему свои деньги, потому что она сама сказала мнѣ это. А я, въ этомъ случаѣ, ничего не значу. Она одна можетъ распоряжаться своимъ капиталомъ. Въ томъ-то и горе. Тутъ, сколько ни думай, ничего не придумаешь.

Джонъ Грей зналъ давно, что Алиса не зависитъ отъ отца, зналъ и то, что она дорожитъ своею самостоятельностью. Онъ желалъ только узнать мнѣніе старика относительно этой свадьбы, собрать болѣе положительныхъ свѣдѣнія о Дроржѣ Вавазорѣ. И потому Джонъ Грей остался вполне доволенъ результатомъ своего свиданія. Старикъ смотрѣлъ на все это тѣми же глазами, какими смотрѣлъ и самъ Джонъ Грей.

О днѣ предполагаемой свадьбы Грей не освѣдомлялся; онъ былъ увѣренъ, что Алиса не станетъ торопиться. Но чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ рѣшился повидаться съ нею, если она только приметъ его. Съ этою цѣлію онъ написалъ ей за-

писку, предупреждая ее, что онъ явится къ ней тогда-то утромъ. Отказа не было сдѣлано, и потому въ назначенный часъ Грей отправился въ улицу королевы Анны.

Говоря съ мистеромъ Вавазоромъ, Джонъ Грей не упоминалъ о своемъ планѣ. Причины этого могли быть различныя: во-первыхъ, онъ, какъ человѣкъ благоразумный, понималъ всю шаткость своего плана; кромѣ того, онъ еще не зналъ, что побудило Алису принять предложеніе ея двоюроднаго брата. — Можетъ быть она любитъ его? Въ такомъ случаѣ, конечно, ему, Джону Грею, нечего тутъ дѣлать. — Но ему все какъ-то не вѣрилось, чтобы Алиса могла полюбить такого человѣка, какъ Джоржъ. При свиданіи, все это должно объясниться какъ нельзя лучше, и потому онъ рѣшился, прежде всего, повидаться съ нею. Если она не любитъ его, тогда еще есть надежда. Онъ попытаетъ счастья; можетъ быть, ему и удастся спасти ее. Онъ предложитъ Джоржу Вавазору значительную сумму, съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ отказался отъ Алисы. Если отзывы объ этомъ человѣкѣ справедливы, то планъ этотъ долженъ навѣрное удался. За деньгами дѣло не станетъ: Джонъ Грей во всякое время могъ располагать какою угодно суммою. И съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ своего свиданія съ нею.

Онъ желаетъ видѣть меня, думала Алиса, получивъ его записку. Отчего мнѣ не принять его? Свиданіе съ нимъ не можетъ меня разстроить. Онъ не станетъ меня упрекать. Я сама вѣдь упрекаю себя ежечасно, ежеминутно.

Но когда наступило назначенное утро, назначенный часъ, силы измѣнили ей. Она не знала, что дѣлать отъ волненія. Она была вся—ожиданіе, вся — слухъ.

Вотъ онъ идетъ по лѣстницѣ своею тихою, неслышною походкой, вотъ отворлетъ дверь. Войдя въ комнату, онъ прежде, чѣмъ подойти къ ней, осторожно притворилъ за собой дверь. Это, конечно, было странно, и я не знаю, какъ объяснить вамъ эту странность. Онъ всегда и вездѣ вполне владѣлъ собой. И эта особенность его характера всего болѣе пугала Алису и наконецъ оттолкнула ее отъ него. Затворивъ дверь, онъ подошелъ къ Алисѣ. Она стояла у стола, опираясь на него обѣими руками и опустивъ глаза внизъ.

— Алиса, сказалъ онъ и какая-то особенная нѣжность звучала въ его голосѣ.

Она невольно вздрогнула. И на время заснувшая любовь ея снова пробудилась. Чтобы дала она теперь за возможность принадлежать ему, быть его женой! Какъ могла она разлюбить его? Но нѣтъ, она не переставала любить его все это время. Что же заставило ее, безумную, разойтись съ нимъ? Откуда взялись всѣ эти сомнѣнія? Теперь она вѣрила ему, вѣрила его любви, вѣрила въ счастье съ нимъ! Но теперь все это поздно, слишкомъ поздно! Возвратъ невозможенъ, даже еслибы онъ самъ желалъ этого!

— Алиса, повторилъ онъ снова, дайте мнѣ вашу руку, дайте мнѣ ее, какъ старому другу.

Она медленно подняла на него свои глаза и протянула руку. Каждый звукъ его голоса, даже самое рукопожатіе говорило ей теперь о томъ, какъ бы счастлива была она съ нимъ.

— Алиса, продолжалъ онъ, я не стану беспокоить васъ разспросами. Отвѣчайте мнѣ только на два вопроса: день вашей свадьбы назначенъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Когда же вы думаете назначить? черезъ мѣсяць?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Не ранѣе года! воскликнула она. Онъ не могъ не понять, что она почти съ ужасомъ думаетъ объ этой свадьбѣ. Если въ его душѣ и таилось, можетъ быть, чувство гнѣва, то теперь оно исчезло безъ слѣда.

— Теперь я предложу вамъ, Алиса, мой второй вопросъ. Если вы не хотите отвѣчать мнѣ, то вамъ стоитъ только промолчать и я больше не повторю его. Скажите, что заставило васъ принять предложеніе вашего двоюроднаго брата?

— Я приняла его предложеніе потому, что... скороговоркой проговорила она, какъ бы боясь, что силы измѣнять ей. Но вы никогда не поймете меня, продолжала она; чтобы я ни говорила, мнѣ не возвратитъ больше вашего уваженія...

Нѣтъ, она не любитъ своего двоюроднаго брата, рѣшилъ Джонъ Грей. Если бы она любила, она бы не такъ отвѣчала.

— Алиса, сказалъ онъ, тихо и медленно выговаривая каждое

слово, сердце мое всегда принадлежало вамъ... Мы еще не разлучены окончательно. Въ годъ можетъ многое переимѣниться. Я, какъ видите, все еще не теряю надежды. И еслибъ обстоятельства переимѣнились, съ какою бы радостію я назвалъ васъ прежнимъ именемъ...

Онъ пожалъ ея руку и, прежде чѣмъ она успѣла ему отвѣтить, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

СОВѢЩАНІЕ СЪ МИСТЕРОМЪ ТОМБОМЪ.

Когда ушелъ Джонъ Грей, Алиса осталась въ неподвижномъ состояніи и глубоко призадумалась надъ словами, сказанными ей Греемъ: «сердце мое всегда принадлежало вамъ.» И страшное дѣло, слова эти теперь успокоили, почти осчастливили ее. — Онъ не презираетъ меня! Еслибъ онъ презиралъ меня, онъ не сталъ бы такъ жалѣть меня, думала Алиса и какъ-то легко, невыразимо легко становилось у нея на сердце. — Да, онъ уважаетъ, любитъ меня! Съ какою радостію я назвалъ бы васъ прежнимъ именемъ, сказалъ онъ... Но этому не бывать теперь, никогда не бывать! съ горечью продолжала думать Алиса. Она сознавала, что счастье потеряно навсегда, но мысль о его любви радовала и утѣшала ее. Онъ никогда бы не оттолкнулъ ее; она сама отказалась, и сознание этого чувства было особенно пріятно ей.

И снова припоминала она все, что случилось за послѣднее время. Но обо всемъ этомъ она думала, какъ о чемъ-то стороннемъ, не касающемся ея. Казалось, она разбирала прочитанную ею повѣсть. Затѣмъ мысли ея приняли другое направленіе. Она опять вспомнила о Джонѣ Греѣ, о его обманутой любви. И живо представилось ей: сколько горя, тягелого, безвыходнаго горя долженъ былъ выстрадать онъ. И страшнѣе ей стало. — Нѣтъ, ужъ лучше было бы, если бы онъ презиралъ и ненавидѣлъ меня, рѣшила она! — Но нѣтъ, онъ

не можетъ глубоко и долго страдать, въ немъ слишкомъ мало страсти, думала она вслѣдъ за тѣмъ;—Правда, если онъ разъ рѣшился чего нибудь достигнуть, то добивается долго и настойчиво; онъ самъ сказалъ мнѣ это, а онъ не лжетъ. Да, онъ настойчивъ, но настойчивъ потому только, что рѣшилъ, что онъ долженъ добиться своего. Страсть же и увлеченіе ему совершенно неизвѣстны. Такъ думала она и жестоко ошибалась.

— Но неужели нѣтъ никакого выхода? Неужели спасеніе невозможно? спрашивала и переспрашивала она себя такъ, какъ будто дѣло шло не о ней самой, а о другой женщинѣ. Онъ все еще любитъ ее; отчего бы имъ и не быть счастливыми? Нѣтъ, все кончено, все! Возвратъ невозможенъ! Съумашествіемъ было съ ея стороны давать свое согласіе на этотъ бракъ, съумашествіемъ было ѣхать съ ними за границу. Она вѣдь знала, что и Кэтъ, и братъ ея употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы вырвать у нея изъ рукъ ея счастье. Она знала это и все же поддалась имъ. Гдѣ же была ея сила воли и самостоятельность? Они добились своего, добились, чего хотѣли, — ея счастье, всѣ ея надежды погибли теперь, погибли безвозвратно! Не все ли одно, за кого выходить? Я отказала Джону Грею, отчего же мнѣ не выйдти за Джоржа? думала она, гуляя среди горъ Вестморлэнда. Бѣдная женщина! она и не подозрѣвала, что была игрушкой въ рукахъ своихъ родственниковъ. А между тѣмъ, какъ гордилась она всегда своею воображаемою самостоятельностью! Она не хотѣла слушать благоразумныхъ совѣтовъ лэди Мэклеодъ; она смѣялась надъ ея предостереженіями, и теперь готова была просить совѣта у перваго встрѣчнаго.

Алиса не щадила себя; она сознавала, что ея самоувѣренность погубила ее. И теперь только, переживая эти трудныя, тяжелыя минуты, поняла она значеніе матери, поняла, что значитъ быть сиротой.

— Неужели я должна отдаться, вся отдаться этому человѣку? воскликнула она съ отчаяніемъ, — отдаться человѣку, котораго я не люблю; быть постоянно съ нимъ, лежать на

его груди, отвѣчать на его поцѣлуи? И взволнованная, принялась она ходить по комнатамъ. — Нѣтъ, нѣтъ, громко и рѣшительно проговорила она. Нѣтъ, этого не было въ условіяхъ; я никогда не общалась ничего подобнаго!

Если вы, читатель, не были въ подобномъ положеніи, то вы, конечно, въ правѣ упрекнуть Алису въ такомъ малодушіи, которое рекомендуетъ ее, что называется женщиной тряпкой. Но, чтобы объяснить вамъ эту кажущуюся непослѣдовательность, я долженъ заглянуть въ прошедшее, разоблачить передъ вами самыя сокровенныя ея мысли. Давая свое согласіе Джоржу Вавазору, Алиса готова была помогать ему деньгами и участіемъ въ его борьбѣ съ жизнью. Она готова была раздѣлять съ нимъ всѣ его планы, надежды, непріятности, радоваться его счастью, гордиться его удачей. Далѣе этого ея мысль не забѣгала. Когда же онъ при свиданіи вздумалъ просить у нея поцѣлуя, она съ ужасомъ и отвращеніемъ отшатнулась отъ него. Затѣмъ пришелъ Грей, пожалъ ея руку и какое-то невыразимое блаженство охватило все ея существо. Она готова была опуститься передъ нимъ на колѣни.

Тогда только она поняла всю свою ошибку, всю пропасть, лежавшую между мечтой и дѣйствительностію, между минутнымъ увлеченіемъ, блеснувшимъ передъ ней счастіемъ и настоящимъ счастіемъ. Она согласилась быть женой человѣка, котораго не любила, и ради пошлаго честолюбія оттолкнула отъ себя того, кто былъ ей дороже всего на свѣтѣ. Одно воспоминаніе объ этомъ возмущало ее и она чувствовала, что никогда не проститъ себя.

А вы, неправда ли, прощаете ее, читатель? Или, можетъ быть, я слишкомъ рано предлагаю вамъ этотъ вопросъ. Что до меня, то я давно уже простилъ ее. Я видѣлъ ея борьбу, ея горе, ея раскаяніе и убѣжденъ, что страданіе все выкупаетъ. Я надѣюсь, что къ концу моей печальной повѣсти и вы согласитесь со мной. Да и кто можетъ обвинять ее! Полюбивъ, она усомнилась въ своей любви, усомнилась въ человѣкѣ, которому безусловно вѣрила. Но это сомнѣніе зародилось въ ней не безъ причины. Когда Джоржъ сообщилъ

ей о своих планахъ и карьерѣ, полной борьбы и жизни, Алиса видѣла впереди блестящую перспективу дѣятельности, которой она сочувствовала. Тихій и пустынный Недеркость казался ей тогда живой могилой. Но, сравнивъ личности Грея и Вавазора, она была увѣрена, что только съ Греемъ и возможно ея счастье...

Но возвратимся къ нашему разсказу.

«Что мнѣ дѣлать?»—Вопросъ этотъ не давалъ ей покоя въ продолженіи цѣлаго дня. Она понимала теперь всю дикость предстоящей свадьбы. Но что же ей дѣлать? Отказатъ? Но сколько говорю и клеветы поднимется тогда! Ей рѣшительно не дадутъ проходу! И вотъ пойдутъ безконечные разсказы о томъ, какъ она обманывала своихъ жениховъ, какъ мѣняла ихъ одного на другого, какъ давала имъ обѣщаніе и нарушала ихъ чуть не каждый день. И какъ сказать ей отцу, какъ сказать Кэтъ, какъ сказать Джоржу объ этой новой перемѣнѣ? Впрочемъ, отчаяваться нечего; до свадьбы еще далеко. Въ годъ много утечетъ воды... Какъ бы хорошо было, если бы онъ взялъ теперь ея деньги, промоталъ бы ихъ и затѣмъ оставилъ бы ее въ покоѣ! Она была бы спасена. Впрочемъ, можетъ быть, онъ самъ откажется отъ нея! Да, надо ждать, терпѣливо ждать, можетъ быть все устроится къ лучшему. Одно только порѣшила она теперь и, какъ ей казалось, порѣшила твердо, разъ навсегда. Она дала себѣ торжественное слово, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ женою Джоржа Вавазора, скорѣе рѣшится покончить съ самой жизнію.—Всегда найдется пропасть, въ которую я могу броситься, или рѣка, чтобы утопиться, утѣшала она себя. Послѣ всего, что случилось, онъ имѣетъ право разсчитывать на мои деньги и онъ получитъ ихъ. А тамъ увидимъ, что мнѣ дѣлать, думала Алиса. Всѣ эти надежды, планы, рѣшенія она должна была затаить въ себѣ; ей не съ кѣмъ было подѣлиться, не у кого попросить совѣта, не кому разказать свое горе.

Мистеръ Грей, простившись съ Алисой, зашелъ сначала къ мистеру Вавазору и, захвативъ его съ собой, отправился съ нимъ къ своему стряпчему. Стряпчій его, мистеръ Томбъ,

жилъ въ узкой, темной улицѣ, въ одномъ изъ захолустьевъ Лондона.

Мистера Вавазора поразила точность, съ которою передавались всѣ подробности, относительно Алисы, этому старому, лысому джентельмену, смотрѣвшему на всѣхъ и на все своими невыразимо сладкими и кроткими глазами. Онъ счелъ нужнымъ освѣдомиться о занятіяхъ мистера Томба.

— Что, онъ, вѣроятно, сильный ходокъ по церковнымъ дѣламъ? спросилъ онъ Грея.

— Нѣтъ, онъ исключительно не занимается ими, отвѣчалъ Грей. Его компаньонъ живетъ у насъ въ Эли и потому большая часть моихъ сосѣдей поручаютъ ему свои дѣла. Онъ былъ стряпчимъ моего отца.

Мистеръ Томбъ равнодушно слушалъ рассказъ мистера Грея объ Алисѣ, не выражая ни удивленія, ни негодованія. Затѣмъ очень хладнокровно приступилъ онъ къ обсужденію дѣла; говорилъ обо всемъ прямо, не стѣсняясь ничѣмъ и называя все собственнымъ именемъ. Въ немъ не было и слѣда ложной деликатности. Рѣшено было выдать Джоржу Вавазору сумму, которую онъ потребуетъ. При этомъ рѣшили также, что капиталъ Алисы долженъ оставаться не тронутымъ, а что требуемая сумма возмется изъ денегъ Джона Грея.

Получивъ деньги, Джоржъ Вавазоръ долженъ отказаться отъ своей невѣсты. Такъ порѣшили они; Джоржъ Вавазоръ слушалъ ихъ молча; у него не было денегъ и онъ не могъ принять участія въ этомъ планѣ.

— Разстроить этотъ бракъ желаетъ и отецъ невѣсты; онъ вполне раздѣляетъ мой взглядъ на это дѣло, сказалъ Грей своему стряпчему. — Неправда ли, мистеръ Вавазоръ? обратился онъ къ отцу Алисы.

— Да, совершенно согласенъ. Бракъ этотъ, по мнѣ, мышиная ловушка для моей дочери, отвѣтилъ мистеръ Вавазоръ.

— Къ тому же, мистеръ Томбъ, мы желаемъ, прежде всего, испытать этого господина. Понимаете? Если паше мнѣніе о немъ ошибочно, онъ можетъ, какъ нельзя лучше, доказать это и жениться на ней, продолжалъ мистеръ Грей.

— Да, да, вы желаете открыть ей глаза на эту хищную птицу, замѣтилъ стряпчій.

— Я желаю, чтобы вы ему выдали, какую бы сумму онъ не потребовать, а тамъ само собой откроется, чего онъ добивался!

— Да, мы ощупаемъ его, ощупаемъ со всѣхъ сторонъ. Онъ выскажется, какъ нельзя лучше! сказалъ стряпчій, поводя своими безконечно сладкими глазами.—И затѣмъ они распрощались. Былъ уже шестой часъ. Мистеръ Вавазоръ отправился домой. Онъ засталъ Алису сидящей въ темной гостиной.

— Что это? у тебя все еще сумерки? шутливо спросилъ онъ ее.

— Да, папа; я ничего не дѣлаю, къ чему же мнѣ огонь? А васъ я не ждала такъ скоро.

— Да, я нѣсколько посиѣшилъ сегодня, потому что мнѣ надо сказать тебѣ нѣсколько словъ о дѣлѣ.

— О какомъ дѣлѣ, папа? — Алиса хорошо изучила своего отца. Она по одному тону поняла, что онъ старается задобрить ее. Хочетъ о чемъ нибудь просить и думать, что я не соглашусь, мелькнуло у нея въ головѣ.

— Видишь ли, моя радость, ты сказала мнѣ, что твой двоюродный братъ, Джоржъ, просилъ тебя дать ему денегъ.

— Я не говорила, что онъ просилъ меня. Ему деньги понадобятся для выборовъ, не ранѣе.

— Если для выборовъ, то они скоро понадобятся ему. Такъ онъ еще не просилъ тебя?

— Нѣтъ; я предложила ему, а онъ отвѣтилъ, что только въ случаѣ надобности обратится ко мнѣ.

— Сколько я знаю, онъ страшно нуждается теперь. Ему, кажется, жить нечѣмъ!

— Не думаю. Впрочемъ, я ничего не знаю; могу только одно сказать утвердительно: онъ еще не просилъ у меня. Если же попросить, я охотно помогу ему.

— Какую же сумму думаешь ты дать ему, Алиса?

— Я не знаю, сколько у меня всѣхъ денегъ. Въ годъ я получаю четыреста фунтовъ. Я бы желала оставить за собой

столько, чтобы получать сто фунтовъ годового дохода, а остальное я хочу отдать ему.

Мистеръ Вавазоръ тяжело вздохнулъ.

— Но когда онъ попроситъ у тебя, не можешь ли ты поручить мнѣ уладить это дѣло, т. е. не довѣришь ли вручить деньги Джоржу Вавазору изъ рукъ въ руки?

— Какъ довѣрить вамъ?

— Переговорить съ адвокатомъ и вынуть требуемую сумму изъ банка. Я общаю тебѣ, что желаніе твое будетъ исполнено въ точности. Затѣмъ онъ прибавилъ, что она, вѣроятно, не захочетъ оскорблять своего отца отказомъ. Она можетъ распоряжаться своимъ капиталомъ, какъ хочетъ, но все же не безъ его вѣдома. Выслушавъ все это, Алиса общала обратиться къ нему, когда ей потребуются деньги.

На другой день она получила письмо отъ лэди Гленкоры, все еще проживавшей въ Мэтчингъ-Прайорѣ. Въ легкомъ и игривомъ тонѣ этого письма просвѣчивало что-то грустное. Видно было, что писавшая хотѣла казаться счастливой и, во что бы то ни стало, придать своему письму оттѣнокъ полнаго самодовольствія. Но изъ каждой строчки этого письма проглядывала не искренность и желаніе обмануть себя.

«Какъ видишь, я все еще въ Мэтчингъ, а не въ Монкшедъ, писала она Алисѣ; — не мало усилий стоило мнѣ избавиться отъ этого; но за то я теперь спокойна и провожу все время самымъ невиннымъ образомъ съ Ифи Пализеръ. Ты помнишь Ифи? Это доброе существо готово исправлять всѣхъ и даже меня. Говоря правду, я часто думаю о Монкшедъ и вполне счастлива, что я не тамъ. Я не задумалась свалить все на тебя и ты можешь выпутываться теперь, какъ знаешь. Помнишь этотъ несчастный вечеръ на развалинахъ замка? Бѣдныя развалины! Я иногда хожу туда одна и мнѣ кажется, что я слышу голоса, вижу лица въ разбитыхъ окнахъ! Все поколѣніе Пализеровъ поднимается тогда изъ своихъ гробовъ и строго, сердито смотритъ на меня и говоритъ мнѣ о томъ, что я совершенно недостойна ихъ. У меня даже есть любимое окно, изъ котораго сэръ Гэй постоянно смотритъ на меня и корчить при этомъ самыя уморительныя рожи. Все это я, какъ-

то на дняхъ, рассказала Ифи. И что-жь ты думаешь? Она переважно объявила мнѣ, что если я хочу, то могу еще исправиться и быть достойной великаго имени Паллизеровъ! Какъ это тебѣ нравится?»

Затѣмъ лэди Гленкора извѣщала Алису, что мужъ ея намѣревается скоро отправиться въ Лондонъ и что она пріѣдетъ съ нимъ.—«То есть, только въ томъ случаѣ, прибавила она, если я удостоюсь вниманія Паллизеровъ!»

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМО ЮЛИИ КЪ ДОНЪ-ЖУАНУ.

(Изъ Байрона).

I.

Вы вдеге. Теперь все рѣшено.
Пусть будетъ такъ, хотя бы я страдала;
Мнѣ правъ надъ сердцемъ вашимъ не дано,
Меня въ грядущемъ счастье не ждало.
Любить, любить—вотъ все, что я могла,
Вотъ все, что я отъ жизни сберегла...
Вы ждете слезъ въ письмѣ моемъ,—не такъ ли?
Не ждите ихъ,—онѣ давно изсякли.

Я васъ люблю, люблю до этихъ поръ,
Снося гоненье свѣта и презрѣнье,
Но не тяжелъ мнѣ собственный позоръ
И прошлому я шлю благословенье.
Безъ похвалыбы я сознаюсь въ винѣ,
Моя вина давно извѣстна мнѣ,
Но я пишу невольно эти строки,
Не нужны мнѣ ни ласки, ни упреки

Любовь мужчины—краткій эпизодъ,
А женщина вся отдается страсти.
Вамъ лавры вьютъ, васъ въ мирѣ слава ждетъ,
Трудъ, почести иль упоенье власти,
Мечъ война уноситъ васъ на бой,
Вы, честолюбцы, боретесь съ судьбой,
Повсюду жизнь васъ къ дѣлу призываетъ,
А женщина лишь любить и страдаетъ.

Да, ваша жизнь привольно побѣжить;
 Любя другихъ, вы будете любимы,
 А я—всему конецъ!—печаль моя и стыдъ
 На двѣ души останутся хранимы!
 Ихъ я снесу, но власть мнѣ не дана
 Забыть любовь, которая сильна.
 Прощайте же! Любви просить не смѣю,
 Но замолчать о ней не въ силахъ, не умѣю.

Въ разбитомъ сердцѣ силы больше нѣтъ,
 Но всежъ могу очнуться я отъ горя,
 Играетъ кровь игрой минувшихъ лѣтъ,
 Какъ послѣ долгой бури волны моря.
 Я—женщина, забвенье насъ бѣжить,
 Насъ милый образъ всюду сторожить.
 Любовь живетъ, хотя глубоко скрыта:
 Такъ къ полюсу влечетъ стрѣла магнита.

Я кончила, но все не тороплюсь
 Сложить письма. И чтожъ меня тревожить?
 Нѣтъ, смѣлости своей не утрашусь;
 Еще сильный несчастья быть не можетъ.
 Я-бъ отъ страданья, вѣрно, умерла,
 Но только смерть на зовъ ко мнѣ не шла
 И мнѣ осталось съ жизнью помириться,
 Чтобъ васъ любить и чтобъ за васъ молиться.

Д. Минаевъ

СТЕПАНЪ РУЛЕВЪ.

(ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ХОРОШИХЪ ЛЮДЕЙ).

Никита Никитичъ Рулевъ былъ женатъ два раза и имѣлъ двухъ сыновей. Старшаго (отъ перваго брака) звали Андреемъ Никитичемъ, а младшаго (отъ втораго) Степаномъ Никитичемъ.

Старикъ Рулевъ сначала былъ крестьяниномъ и пахалъ землю; потомъ былъ забранъ въ солдаты и исполнялъ свою обязанность очень усердно: изъ сраженій онъ вынесъ одиннадцать ранъ и капитанскій мундиръ. Старикъ былъ уменъ, храбръ и очень силенъ. Рулевъ младшій, имѣя и мать довольно умную, да притомъ родившись совершенно здоровымъ, не имѣлъ никакихъ резоновъ выйдти дуракомъ, тѣмъ болше, что и жизнь съ самаго начала повела его не къ апатіи, а къ усиленной мозговой дѣятельности. Отецъ не вмѣшивался въ развитіе младшаго сына, потому что не любилъ его, а благодаря матери Рулева младшаго, дѣйствовалъ на ребенка другой, въ то время въ высшей степени полезный и рѣдкій человѣкъ. Изъ-за этого-то человѣка старшій Рулевъ не любилъ ни младшаго сына своего, ни мать его, Лизавету Николаевну. Человѣкъ этотъ былъ бѣдный, вѣчно больной учитель, отъ котораго теперь не осталось ни креста на кладбищѣ, ни памяти въ свѣтѣ, но убѣжденія котораго спасли *человѣка* не въ одномъ изъ мальчиковъ, приближавшихся къ нему. Лизавета Николаевна еще до замужества любила его, не потому, конечно, что бы понимала вполне его умъ и его роль относительно будущаго по-

колѣнія, а потому просто, что она молода и онъ молодъ. Онъ былъ въ высшей степени симпатичная личность, личность честная, да кромѣ того, поражающая оригинальнѣмъ складомъ ума и, вслѣдствіе этого, своимъ одинокимъ положеніемъ среди остального общества. Учитель не любилъ Лизавету Николаевну, но звалъ ее какъ пеглупую дѣвушку, а потому сошелся съ ней и, пользуясь вліяніемъ на нее, научилъ ее смотрѣть на жизненные отношенія иначе, чѣмъ смотритъ большинство. До самой своей смерти онъ оставался *только* другомъ Лизаветы Николаевны. Не жегился онъ на ней потому, что любилъ другую дѣвушку.

За Лизавету Николаевну въ это время посватался Никита Никитичъ Рулевъ, не задолго передъ тѣмъ овдовѣвшій. Мать Лизаветы Николаевны была женщина бѣдная, существовавшая только работой, и потому ей долго думать было нечего. Одѣли Лизавету Николаевну въ бѣлое платье, вплели въ ея волосы цвѣты, подвели къ налою, а затѣмъ и передали въ домикъ стараго капитана. Горько тосковала Лизавета Николаевна, потому что человѣку, постоянно думавшему о лучшей жизни и привыкшему къ мыслямъ объ этой жизни, — тяжело войти въ другую жизнь. Мозгъ работаетъ въ прежнемъ направленіи, — мысли прежнія, а жизнь иная. Въ это же время заболѣлъ учитель и заболѣлъ уже безнадежно. Въ какой-то дождливый осенній вечеръ Лизавета Николаевна пришла къ нему съ старой нянькой.

— Вы больны? спросила молодая женщина, тихо вздрагивая.

— Очень боленъ, отвѣчалъ учитель, приподнявшись на локтѣ съ своей кровати.

— Выздоровѣете, Богъ дастъ, чуть слышно проговорила Лизавета Николаевна.

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ учитель.

— Возьмите эти книги, Лизавета Николаевна, сказалъ онъ послѣ тяжелаго молчанія. Въ нихъ я оставляю вамъ все мое наслѣдство.

Лизавета Николаевна взяла книги.

— И прощайте, будьте счастливы, проговорилъ опять учитель.

Молодая женщина, рыдая, ушла.

Учитель умеръ въ эту-же ночь, и вся любовь молодой женщины кончилась тѣмъ, что заронила въ ней много дѣльныхъ, человѣчныхъ мыслей, да еще разнеслись сплетни по городу объ ея прощаньи съ учителемъ. Утверждали, что это свиданье далеко не было первымъ. Слухи эти дошли до стараго капитана, который, повѣривъ имъ, пожалуй, и вовсе не считалъ Степана своимъ сыномъ. Повѣрилъ же онъ имъ потому, что Лизавета Николаевна была вѣчно задумчива и грустна, думала очевидно не о немъ,—и весь онъ возмущался при мысли, что она, жена его, можетъ думать о комъ-нибудь другомъ кромѣ него,—о мужа и господина.

Лизавета Николаевна все тосковала. Къ старшему сыну капитана, Андрею Никитичу, она не чувствовала особенной склонности, да и онъ почему-то дичился ея. Когда родился Степанъ Рулевъ и молодая женщина страстно привязалась къ нему, во-первыхъ, потому что молодымъ силамъ ея открылась дѣятельность, во-вторыхъ, что наконецъ являлся человѣкъ, на привязанность котораго она твердо могла рассчитывать, а одиночество было ей уже слишкомъ тяжело. Прежнія мысли не оставляли ее. Часто думала она объ умершемъ учителѣ и представляла себѣ жизнь, которою наслаждалась бы она, если бы жила съ нимъ, а не съ старымъ Рулевымъ. Разсказывая сказки своему маленькому сыну, она часто съ глубокой тоской выводила въ нихъ учителя и его жизнь, потомъ постепенно передавала сыну взглядъ учителя на жизнь, и даже читала ему рукопись покойнаго подъ заглавіемъ: «о человѣческихъ отношеніяхъ». Эти-то мысли, во многомъ несходныя съ мыслями мѣстнаго общества, и будили умственную дѣятельность ребенка. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ бы ствлеченный мыслитель, но съ самаго же начала его здоровая натура повела его по другой дорогѣ. Онъ наследовалъ отъ отца большую физическую силу, какъ другіе наследуютъ чахотку. Мускулы его просили дѣятельности,—тянули его бороться, бѣгать, плавать. Среди деревянныхъ барченковъ, разодѣтыхъ какъ куклы, прогуливавшихся по улицамъ въ сопровожденіи нянекъ, ему было невыносимо скучно. Скоро сошелся онъ съ рыбацкими дѣтьми и, наскучивъ книгами, по дѣльнымъ днямъ проводилъ за городомъ на рѣкѣ,—учился плавать, грести на

лодки, править рулемъ, ловить рыбу и ставить парусъ. Варилъ онъ гдѣ-нибудь на пустомъ берегу съ маленькими рыбаками уху, купался съ ними, пѣлъ ихъ пѣсни, а возвращаясь къ ночи въ городъ, правилъ рулемъ или гребъ, какъ настоящій рыбакъ-ребенокъ. Онъ жилъ съ рыбаками какъ съ братьями, и былъ веселъ, потому что наслаждался превосходнѣйшимъ здоровьемъ. Промышляя съ мальчиками рыбаками и сестрами ихъ,—которыя также усердно работали, — Рулевъ съ малолѣтства привыкъ смотрѣть на женщину только какъ на челоуѣка и ни въ какія тонкости относительно назначенія женщины не пускался.

Подъ вліяніемъ такой жизни, онъ быстро усвоилъ нѣкоторыя, пока еще очень немногія мысли изъ рукописи: «о челоуѣческихъ отношеніяхъ», а остальное являлось ему какъ предчувствіе какой-то иной, свѣтлой жизни. Самъ онъ не имѣлъ еще данныхъ, необходимыхъ для пониманія этого остального, а мать не могла дать ему яснаго объясненія.

Вслѣдствіе всего этого, изъ него вышелъ вотъ какой мальчикъ:

Какъ-то на учили одного барченка спросить Степана при Лизаветѣ Николаевнѣ: какъ ему не стыдно играть съ такими нищими? Развѣ они родные ему или братья?

Барченокъ и спросилъ.

— Что? сказалъ Рулевъ, подымаясь изъ за книги.

— Развѣ они тебѣ родные или братья? повторилъ барченокъ заученный вопросъ.

Лизавета Николаевна вспыхнула.

— Нищій ты, отвѣтилъ, поблѣднѣвъ, мальчикъ. Ты живешь подаяньемъ, а они сами себѣ достаютъ хлѣбъ. Ты что умѣешь дѣлать? А они съ голода не умрутъ... А въ другой разъ я тебѣ за это въ кровь разобью морду,—проговорилъ, тяжело дыша, мальчикъ, и какъ-то страшно вышло у него слово кровь.—Слышишь? докончилъ онъ и, тяжело дыша, подошелъ къ матери.

— Вели ему уйдти, сказалъ онъ, чуть не задыхаясь отъ тяжелой злобы.

Послѣ этой сцены, Лизавета Николаевна цѣлый день просидѣла очень задумчиво. Отчего задумчиво? Отъ того, что въ сынѣ она ясно видѣла повтореніе покойнаго учителя и, какъ

мать, боялась за его будущее. Такъ называемыхъ «людей дѣла» она не видала и не знала ничего о нихъ, а если бы знала, то вѣрно всю эту ночь прорыдала и промолилась бы о сынѣ, какъ о погибавшемъ для нея. Рулеву младшему было въ это время уже одиннадцать лѣтъ. Онъ читалъ много, жадно и быстро, читалъ все, начиная отъ французскихъ романовъ до книгъ духовнаго содержания и дѣльныхъ историческихъ сочиненій. Иногда, когда не хотѣлось идти на рѣку, онъ читалъ съ ранняго утра до позднихъ сумерекъ, и въ это уже время былъ близорукъ. Отецъ не вмѣшивался въ его занятія, а сынъ относился къ отцу равнодушно, потому что безконечно любилъ мать. Одинъ разъ какъ-то мальчикъ работалъ въ саду—рылъ землю, и желѣзная лопата только звенѣла о камень, да поплескивала въ его мускулистыхъ рукахъ. Отецъ остановился за нимъ и смотрѣлъ на работу.

— Да ты, братъ, силачъ,—сказалъ онъ наконецъ.

Мальчикъ положилъ подбородокъ на рукоятъ лопаты и пристально взглянулъ на отца.

— Я скоро сильнѣе тебя буду, — сказалъ онъ серьезно, смотря отцу въ глаза.

Старикъ тоже посмотрѣлъ на него, повернулся и ушелъ.

Затѣмъ отецъ отдалъ его въ одно учебное заведеніе. Въ этомъ заведеніи было мало толку: кормили плохо, зимой было холодно, работа — не по силамъ, ученье было въ высшей степени мертвое и гнилое. Мальчики болѣли и отъ науки бѣгали. Рулевъ съ своимъ здоровьемъ вынесъ сырость, холодъ и скверную пищу, но на науку тоже рукой махнулъ. Человѣкъ въ немъ не могъ погибнуть, потому что мозгъ, долго работавшій и, такъ сказать, привыкшій къ работѣ, много еще лѣтъ будетъ работать и самъ по себѣ. Рулевъ опять взялся за книги. Въ свободные часы онъ бѣгалъ, игралъ въ мячъ, боролся, такимъ образомъ всѣ силы его были въ дѣйствіи и, значить, жить можно было. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ его жизни въ школѣ. Въ семнадцать лѣтъ у него набралось громадное количество знаній, вынесенныхъ изъ чтенія. Знанія эти представляли страшный хаосъ, противорѣчили одно другому. Надо было найти ложь и правду. Съ этой поры началась серьезная умственная дѣятельность Рулева.

Счастье человека казалось Рулеву естественнымъ, какъ дѣятельность мускуловъ, пока мускулы живы, какъ пользование воздухомъ, пока не сгнили легкія; а большинство людей страдаетъ, да еще проповѣдуетъ полное отреченіе отъ всякой радости.

Люди не отличаются много другъ отъ друга, — а въ ихъ положеніи страшная разница.

Женщина—тотъ же человекъ, съ такими же спламъ и неизбѣжнымъ стремленіемъ дать дѣятельность этимъ силамъ, а для нея дѣятельность сдѣлана трудно доступной.

Для вѣрнаго поставленія и рѣшенія этихъ задачъ, самъ собою представлялся вопросъ: что такое человекъ, какія условия его жизни, его силы и потребности? Рулевъ взялся за анатомію, физиологію и вспомогательныя науки, доставалъ, какія только возможно было, медицинскія книги, но бралъ изъ нихъ только строго доказанные факты, отвергая всякія бредни натуръ-философовъ. Человека абсолютно Рулевъ узналъ. Для рѣшенія вопроса о вліяніяхъ на человека всей остальной природы, онъ взялся за исторію и всё относящіяся сюда знанія... Мускульная работа его тоже не прекращалась: онъ плавалъ, съ любовью занимался гимнастикой, не бросалъ ни одной изъ игръ, развивавшихъ силу.

Въ двадцать лѣтъ онъ уже совершенно сформировался физически и выработалъ самостоятельный, строго реальный взглядъ на жизнь. Никто на его глазахъ не смѣлъ поднять на смѣхъ какого нибудь бѣднаго труженника-человѣка. Одинъ баричъ изъ его товарищей попробовалъ какъ-то, но взглянулъ на поблѣднѣвшее лицо угрюмо поднявшагося Рулева и, далъ тягу.

Въ это время Рулевъ сдѣлался угрюмъ, потому что, по его взгляду на жизнь, надо было искать работу по сердцу, а Рулевъ былъ пока связанъ. Скоро онъ завелъ переписку съ отцомъ. На его первое, очень немногословное письмо старый капитанъ отвѣчалъ, что у него есть теперь впередъ вѣрный кусокъ хлѣба и поэтому толковать не о чемъ. Рулевъ написалъ за этимъ еще болѣе краткое письмо, въ которомъ говорилось, что если отецъ не можетъ помочь ему, то онъ попробуетъ

обойдтисъ и безъ него. Старикъ прислалъ ему слѣдующее посланіе:

«Посылаю тебѣ рубль серебра денегъ. Этотъ рубль остался отъ твоей матери, а своихъ денегъ у меня нѣтъ для тебя. Дѣлай какъ знаешь, ступай куда хочешь,—да забудь и дорогу къ моему крыльцу.»

Никита Рулевъ.

II.

Рулевъ не отвѣчалъ на это письмо. Онъ давно порѣшилъ, что дѣло не останется и не должно остаться въ прежнемъ положеніи. Прежде всего нужны были деньги. Дѣло было во время школьныхъ экзаменовъ. Рулевъ работалъ за десятирýchъ: писалъ цѣлыя диссертациі, переписывалъ огромнѣйшія тетради, переводилъ цѣлыя книги, однимъ словомъ, работалъ день и ночь, и деньги пріобрѣлъ. Затѣмъ онъ простился со школой, надѣлъ, вмѣсто куртки, старенькій сюртучокъ, подвязалъ за плечи котомку и раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, отправился въ дорогу. Первый день пути онъ былъ угрюмъ и задумчивъ; не [потому, чтобы будущее представлялось ему труднымъ и нерадостнымъ, а потому просто, что жизнь, шедшая однообразно нѣсколько лѣтъ, теперь перемѣнилась. Я согласенъ съ гигиенистомъ, говорившимъ, что человѣкъ, много лѣтъ прожившій въ темной и душной тюрьмѣ,—по выходѣ изъ нея будетъ жалѣть о ней. Пожалуй, это не жалость, а просто неловкость, тяжелое положеніе, когда мысль создаетъ старыя лица и мѣста, а лицъ этихъ уже нѣтъ, да и вовсе они неумѣстны при новой обстановкѣ.

Но поппи села и деревни, по дорогамъ обозы, —и мысли Рулева приняли другое направленіе. Изъ своихъ занятій Рулевъ вынесъ одно убѣжденіе, что нужно крѣпко работать. Его нормальная, здоровая натура говорила ему, что счастье человѣка только въ дѣятельности всѣхъ его силъ. Но какъ и гдѣ работать? Для этого надо было сначала потолкаться между людьми и посмотреть на жизнь въ разныхъ мѣстахъ. Значитъ, нужна была полнѣйшая независимость — безъ всякихъ

стѣсненій: жить, гдѣ угодно, заниматься, чѣмъ найдетъ нужнымъ и т. д.

— Ты кто такой? спрашивали теперъ Рулева.

— Человѣкъ, отвѣчалъ онъ обыкновенно...

— Куда же ты, человѣкъ, идешь?

— Иду изъ школы на родину, говорилъ Рулевъ и отправлялся дальше.

Но, раздумывая онъ, если впоследствии меня встрѣтятъ на дорогѣ путешествующимъ куда нибудь пѣшечкомъ, если спросятъ паспортъ и найдутъ, что онъ дѣйствительно только человѣкъ, — чина никакого не имѣетъ, ремесла тоже, а бродить безъ особенной цѣли, то человѣка могутъ и въ полицію стащить. Это вышло бы очень неудобно, и Рулевъ порѣшилъ, что нужно держать экзаменъ на какого нибудь учителя.

Онъ остановился въ городѣ, понравившемся ему своимъ положеніемъ на большой судоходной рѣкѣ. На базарѣ стоялъ отъ собравшагося бурлачества. судохозяевъ и торговцевъ. На рѣкѣ толпились барки, сплавы лѣса и лодки — значить, городъ былъ веселый и дѣятельный; разный людъ сходился въ него со всѣхъ губерній и опять расходился во всѣ края. Рулеву ничего лучшаго не надо было. Въ то время онъ былъ здоровый, высокій, широкоплечій мужчина, съ загорѣлымъ отъ путешествія лицомъ, смотрѣлъ откровенно, говорилъ еще откровеннѣе, и хорошему человѣку можно было сойтись съ нимъ въ одинъ день. Предполагаемое дѣло не заняло еще всѣхъ его способностей, да къ тому же, тогда въ немъ не накопѣла еще вся, развившаяся впоследствии, непримиримая злоба и ненависть ко всей жизненной мерзости. Положеніе его тоже возбуждало въ немъ веселыя мысли, потому что завтра же онъ могъ сдѣлаться конторщикомъ, прикащикомъ, домашнимъ учителемъ, каменщикомъ или фабричнымъ рабочимъ, и, во всякомъ случаѣ, съ голода умереть не располагалъ, такъ какъ былъ здоровъ и силенъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Рулевъ отправился на базаръ, потолковалъ съ бурлаками, а затѣмъ зашелъ въ базарную таверну: спросилъ тамъ бутылку пива, закусилъ, покурилъ, подумалъ и рѣшился завтра же искать занятіе.

На другой день онъ зашелъ въ книжную лавку, поговорилъ,

съ купцомъ и увидѣлъ, что тотъ и самъ не знаетъ, что у него за книги продаются.

— Хотите вы меня прикащикомъ взять? спросилъ Рулевъ. Черезъ недѣлю я книги приведу въ порядокъ, сдѣлаю имъ опись, и всякую книгу можно будетъ въ двѣ минуты найти; а не съумѣю, такъ прогоните и денегъ не давайте.

Купецъ долго былъ въ нерѣшимости, думая, не подвохъ ли тутъ какой, но потомъ согласился взять его на испытаніе и черезъ мѣсяцъ Рулевъ былъ въ лавкѣ уже одинъ. Купецъ, замѣтивъ, что торговля пошла шибче прежняго, вполне довѣрился новому прикащику и, какъ малый дѣятельный, отправился торговать книгами по селамъ.

Какъ-то въ праздничный день Рулевъ отправился на базаръ. Тамъ онъ бывалъ часто, — толковалъ съ бурлаками, барывался съ ними, затѣмъ ночевалъ съ ними въ разныхъ харчевняхъ и приобрѣлъ себѣ много пріятелей, тѣмъ легче, что большинство бурлачества были его земляки. Здѣсь-то, среди земляковъ и выходцевъ изъ разныхъ губерній, Рулевъ часто подумывалъ о своей родинѣ. Онъ не отправился теперь туда потому, что слышалъ много хорошаго о другомъ краѣ. Прежде надо было посмотрѣть его.

На базарѣ Рулевъ встрѣтилъ знакомаго купца. Купецъ этотъ былъ странная личность. Высокій, крѣпкій, загорѣлый, съ длинными русыми волосами, — приходилъ онъ на базаръ, высматривалъ, гдѣ борются или дерутся бурлаки, садился, полузакрывалъ лицо руками и задумчиво смотрѣлъ на драку; потомъ вставалъ, побѣдителя вызывалъ бороться, большею частью побѣждалъ, а затѣмъ уходилъ въ базарную «таверну»: пилъ, бывалъ пьянъ, но всегда сидѣлъ себѣ молчаливо. Звали его Скрыпниковымъ. Рулевъ познакомился съ нимъ съ того, что чуть было не убилъ его до смерти. Дѣло было такъ: въ послѣднее воскресенье Скрыпниковъ, по обыкновенію, вызывалъ бурлаковъ бороться. Бурлаки не шли, потому что недавно сошли съ барокъ и истомились послѣ тяжкой работы. Скрыпниковъ привелъ нѣсколько эпитетовъ, которыми сердятъ бурлаковъ.

— Ты, другъ любезный, на печи все лежалъ, а они за ра-

ботой руки повывломали, — вмѣшался Рулевъ. Со мной не хочешь ли попробовать?

— Отчего не попробовать, отвѣтилъ Скрыпниковъ.

Боролись на поясахъ. Рулевъ перебросилъ купца черезъ себя, да такъ, что того на рукахъ отнесли въ «таверну» — отдохнуть маленько. Въ тотъ день земляки изъ кабака не выпускали Рулева, и всѣ дивились и толковали объ его силѣ. Рулевъ почти не пилъ, а больше распрашивалъ и слушалъ.

На этотъ разъ Скрыпниковъ опять задумчиво сидѣлъ на наваленныхъ у забора бревнахъ и не-то слушалъ, не-то вѣтъ рядившихся съ какимъ-то прикащикомъ бурлаковъ. Онъ дружески встрѣтилъ Рулева и пожалъ ему руку.

— Вы меня порядочно тряхнули тогда, сказалъ онъ, задумчиво улыбаясь.

— Еще не хотите ли? спросилъ Рулевъ, усмѣхнувшись.

— Благодарю покорно, отвѣчалъ съ своей задумчивой улыбкой Скрыпниковъ. А познакомиться съ вами радъ буду. Я здѣшній купецъ, живу одинъ — съ сынишкой. Радъ буду вашему знакомству, повторилъ онъ и опять протянулъ Рулеву руку.

Рулевъ подумалъ: — отчего не познакомиться?

— Погода теперь жаркая, — пойдемте купаться, сказалъ опять Скрыпниковъ.

Пошли они къ рѣкѣ и выкупались. Потомъ усѣлись на берегу подъ высокимъ камышемъ, потолковали о бурлакахъ, покурили. По рѣкѣ изрѣдка проходили лодки; летали надъ ней рыболовы; въ гостиницѣ заигралъ органъ и женскій голосъ запѣлъ «хуторочекъ» Скрыпниковъ молча прослушалъ пѣсню и засмотрѣлся на рѣку.

— Отчего это: — въ водѣ холодно всегда, а въ ней трава растеть? спросилъ онъ наконецъ, не поворачиваясь къ Рулеву.

Рулевъ объяснилъ ему.

— А отчего же земля подъ водой тепла не теряетъ? спросилъ опять Скрыпниковъ.

Рулевъ объяснилъ и это.

— Выходитъ, что чѣмъ больше вы мнѣ рассказываете, тѣмъ больше мнѣ спрашивать нужно, сказалъ, подумавъ, Скрыпниковъ и вадохнулъ.

— Минуть съ десять они сидѣли молча. Рулевъ покуривалъ и ждалъ, что будетъ дальше.

— Какъ вы думаете, спросилъ купецъ,—можно ли сдѣлать такую деревянную рыбу, чтобы и противъ теченья сама собой плыла и перьями водила?

— Можно, отвѣчалъ Рулевъ.

— Со мной вотъ какая была исторія, продолжалъ Скрыпниковъ. Жилъ здѣсь, видите, мужичокъ слѣпой; онъ машину одну выдумалъ. Иду я какъ-то, мальчишкой еще, съ рѣки. Рыбу я любилъ удить. А онъ сидитъ безъ шапки на берегу на лодкѣ опрокинутой и задумался; лицо руками закрылъ. Я около него сѣлъ отдохнуть.— Откуда, говоритъ, молодець?— Рыбу, говорю, удилъ.— Когда-то, говоритъ, и я любилъ. А теперь вотъ она, рѣка-то, гдѣ бѣжить — синяя, свѣтлая да глубокая, а я только и знаю, что шумигъ она, да холодкомъ съ нее вѣетъ, а видѣть ничего не вижу. А какъ ты, молодець, думаешь, спрашиваетъ онъ меня, можно пустить такую деревянную рыбу, чтобы и противъ теченья шла, и перьями управляла, и жабрами водила? Я молчу. А онъ повернулъ прямо ко мнѣ лицо, задумчивый такой.— Можно, говоритъ, можно, и опять призадумался; лицо руками закрылъ... Съ тѣхъ вотъ поръ, думалъ я, думалъ о рыбѣ той, о пароходахъ и машинахъ разныхъ: — то одно начну чертить да строгать, то другое, а толку нѣтъ. Толку нѣтъ, да и отъ мысли нѣтъ отбоя,—и во снѣ машины снятся.

— Вамъ бы надо механикѣ учиться, замѣтилъ задумчиво Рулевъ.

— Гдѣ тутъ учиться, горько возразилъ Скрыпниковъ. Дратся тутъ, или водку пить, или учиться,—чтонибудь одно. Да гдѣ и учителей-то взять?

— Книги вамъ надо выписать и самимъ учиться...

— Что за книги? спросилъ Скрыпниковъ.

Рулевъ сказалъ ему.

— Пойдемте ко мнѣ, сказалъ потомъ Скрыпниковъ, вставая: Рулевъ согласился и они пошли по улицѣ.

— Вы здѣсь чѣмъ занимаетесь? спросилъ дорогой Скрыпниковъ.

Рулевъ объяснилъ свое положеніе, и Скрипниковъ точно обрадовался.

— Хотите вы поселиться у меня и сына моего воспитывать? спросилъ онъ вдругъ, остановившись посреди улицы. Со мной вы, навѣрное, сойдетесь, а сынишко у меня умный мальчуганъ.

— Для меня учителемъ лучше быть, чѣмъ прикащикомъ, просто отвѣтилъ Рулевъ. Тутъ же и уговорились

Скрипниковъ принадлежалъ къ числу механиковъ самородковъ, и такъ много придумывалъ разныхъ машинъ, до того пугался въ разныхъ подробностяхъ своихъ фантастическихъ изобрѣтеній, что едва не сошелъ съ ума. Одна и таже безплодно повторяющаяся мысль, отъ которой нельзя было освободиться, привести въ исполненіе которую не хватало силъ, должна была производить мучительное состояніе. Это положеніе должно было или кончиться съумасшествіемъ, или вызвать противодѣйствіе въ другихъ человѣческихъ силахъ: вызвать Скрипникова на всякія безалаберныя дѣйствія, съ цѣлью забыться отъ этой мысли, избавиться отъ односторонняго, болѣзненнаго напряженія мозга. Пока случилось только послѣднее. Рулевъ рассчиталъ, что какъ только Скрипниковъ обратится къ правильному занятію механикой, вся эта безалаберщина должна прекратиться. Такъ оно и случилось. Скрипниковъ не боролся больше съ бурлаками и не раздумывалъ въ кабачкахъ о своей деревянной рыбѣ, а изучалъ математику и механику.

Рулевъ немедленно сдалъ всѣ книжныя дѣла хозяину, а самъ переселился къ купцу и занялся его сыномъ.

III.

Слѣдующей весной Рулевъ былъ уже уѣзднымъ учителемъ въ томъ краѣ, который находилъ нужнымъ посмотреть поближе. Онъ по прежнему былъ здоровъ; въ свободное время бродилъ, ѣздилъ верхомъ, читалъ, хотя уже только относящіяся до его дѣла книги, но онъ сдѣлался больше рѣшительнѣе, даже рѣзокъ, и еще больше угрюмъ. Онъ видѣлъ уже

слишкомъ много страданій человѣка, зла всякаго, погибавшихъ людей, и мысль о дѣлѣ уже совершенно овладѣла имъ. Онъ пробылъ на этомъ мѣстѣ цѣлый годъ, узналъ все, что ему нужно было для его расчетовъ, и переѣхалъ въ другую часть этого края. Прежняя часть была богата табунами лошадей, а эта разными племенами человѣческими; но люди только паковали землю и ужиться съ ними Рулевъ не могъ. Въ это время я встрѣтилъ его во второй разъ;—въ первый же, я видѣлъ его тогда, когда онъ только что вышелъ изъ школы. Онъ ходилъ въ своей комнатѣ взадъ и впередъ; на столѣ лежали географическія карты и груда, набросанныхъ на всякихъ лоскуткахъ, замѣтокъ о краѣ. Рулевъ сильно похудѣлъ послѣ нашей первой встрѣчи: глаза сдѣлались больше, между бровями образовались складки; говорилъ онъ тише и рѣзче. Я просидѣлъ у него часовъ до трехъ ночи, такъ завлекательны были его разговоры. Относительно его рѣзкости и ума, я приведу только одинъ случай. Съ нимъ желалъ познакомиться одинъ молодой господинъ, замѣчательный не только физической силой и здоровьемъ, но и неглупый. При первомъ же свиданіи, Рулевъ обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— До сихъ поръ вы умѣли только собакъ гонять:—что же намѣрены дѣлать теперь?

Начатое, такимъ образомъ, знакомство кончилось тѣмъ, что при отъѣздѣ Рулева молодой господинъ непременно хотѣлъ ѣхать за нимъ всюду, хоть на край свѣта, но Рулевъ урезонилъ его остаться.

Въ другой части края Рулевъ пробылъ еще дольше, потому что она прилежала къ его родинѣ, да и люди встрѣчались здѣсь чаще. А хорошіе люди были Рулеву нужны.

Здѣсь же онъ сошелся съ дѣльной и красивой женщиной. Она была жена лѣкаря. Лѣкарь этотъ когда-то учился кое-чему, зналъ что-то, но теперь занимался только картами и амурами. Жена его, Катерина Сергѣевна, жила какъ и всѣ прочія женщины, но, кромѣ того, много думала, много читала и воспитывала дочь, какъ умная и дѣльная мать. Ей было двадцать два года; силы ея, не ослабѣвшія въ непробудной апатіи русской женщины, неизбѣжно требовали дѣятельности, а дѣятельности, способной занять ее вполне, у ней не было. Въ такой

женщинѣ мужъ, подобный ея, несовершеннолѣтнему, относительно мозга, и сгнившему физически, мужу, могъ возбуждать только презрѣніе. Рулева она увидѣла какъ перваго чловѣка стоящаго неизмѣримо выше всѣхъ ея знакомыхъ. Рулевъ полюбилъ въ свободныя минуты, ради отдыха, видѣться съ ней; сошелся съ ней, разсказалъ свою прошлую жизнь и планы. Не мудрено было, что она полюбила его. Полюбилъ ее и Рулевъ, какъ можетъ полюбить молодой, здоровый и честный мужчина молодую и дѣльную женщину; часто они проводили съ глазу на глазъ длинные зимніе вечера, но ни одно слишкомъ смѣлое предложеніе не вырвалось у Рулева.—Замужемъ и живетъ съ мужемъ — какого же чорта мнѣ тутъ мѣшаться?.. думалъ онъ.

Рулевъ заканчивалъ свои дѣла, по обыкновенію, спокойно, — только сдѣлался еще рѣзче и рѣшительнѣе...

Прошло три дня. Рулевъ, проходя по улицѣ, узналъ, что Катерина Сергѣевна лежитъ въ страшной горячкѣ... Какъ былъ онъ на улицѣ, въ фуражкѣ, плащѣ и съ палкой, такъ и вошелъ къ себѣ на квартиру, и долго въ томъ же костюмѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Фактъ, порѣшилъ онъ наконецъ. Фактъ совершившійся, и толковать тутъ нечего.

Затѣмъ онъ заперъ квартиру и уѣхалъ изъ города къ знакомому мужичку, звавшему его къ себѣ по дѣлу.

У Катерины Сергѣевны не произошло дома никакой потрясающей драмы. Когда она возвратилась послѣ прогулки, съ Рулевымъ, ея мужа не было дома, — онъ уѣхалъ въ уѣздъ на слѣдствіе. Молодая женщина цѣлую ночь просидѣла на своей кровати и не могла заснуть. То вставала она и ходила по комнатѣ, то опять садилась. Что происходило въ ней? Жизнь ея измѣнилась слишкомъ неожиданно, потому что она почувствовала искреннюю привязанность къ Рулеву. Разстаться съ нимъ она не находила въ себѣ силъ, а чтобы бросить мужа надо было выйти на борьбу со всѣми окружающими ее, — и умъ ея работалъ съ страшнымъ напряженіемъ, кровь обращалась необыкновенно быстро, — руки дрожали.

За ненормальной дѣятельностью организма должно было послѣдовать его разстройство, — оно и послѣдовало.

Когда Рулевъ вернулся, онъ узналъ, что Катерина Сергѣевна умерла. Рулевъ сильно поблѣднѣлъ съ этихъ поръ, и съ небывалой еще силой вспыхнула въ немъ непримиримая злоба. Ему чувствовалось, что точно вдвое труднѣе стало для него съ этой минуты задуманное дѣло.

Въ это время пришелъ къ нему землякъ, рабочій съ горнаго завода, только что воротившійся съ родины. Онъ принесъ письмо отъ пріятеля Рулева и сообщилъ нѣсколько исторій, разыгравшихся въ послѣднее время на ихъ родинѣ. Пріятель Рулева звалъ его на родину и на первый разъ предлагалъ мѣсто комиссіонера винокуреннаго завода. Исторіи были возмутительны для каждаго, еще не совсѣмъ забытаго чловѣка.

Рулевъ на другой же день уѣхалъ.

IV.

Какъ-то вечеромъ Никита Никитичъ Рулевъ, отецъ нашего героя, заложивъ руки за спину, ходилъ по комнатѣ своего домика. Ему было за семьдесятъ лѣтъ, но онъ все еще ходилъ выпрямившись во весь свой огромный ростъ; широкія плечи его все еще держались прямо и ровно. Онъ вѣчно ходилъ въ картузъ, сберегающемъ отъ сырости и вѣтра его сѣдую голову, раненную подъ Лейпцигомъ пулей. Съ нимъ живетъ старшій сынъ его, Андрей Никитичъ, — господинъ, просто на просто, хилый. Онъ любимецъ стараго капитана, потому, во-первыхъ, что и теперь остается прежнимъ безсильнымъ ребенкомъ, требующимъ поддержки, а во-вторыхъ, потому, что напоминаетъ старику его первую жену. При ея жизни старый капитанъ былъ еще здоровъ и крѣпокъ, какъ и въ двадцать лѣтъ, и изъ всей его бродячей солдатской жизни только годы, проведенные съ первой женой, вызывали въ немъ какое-то, какъ будто нѣжное, чувство. Въ дѣтствѣ Андрей Никитичъ былъ веселымъ и здоровымъ ребенкомъ; являлся въ немъ вопросы на счетъ непо-

нятных вещей:—отчего громъ гремитъ? отчего радуга? отчего камень тонетъ, а дерево нѣтъ? почему ночью горятъ звѣзды, а днемъ нѣтъ? Но отъ этихъ вопросовъ родители отдѣльвались, какъ умѣли—конечно, ничего не объясняя ребенку. Въ большинствѣ случаевъ, они отвѣчали ему, что «такъ Богу угодно». Скоро Андрей Никитичъ и спрашивать пересталъ, потому что самъ научался прилагать это рѣшеніе ко всѣмъ поднимающимся вопросамъ. Конечно, пока не надломилась и не сгнили его органы, ви́шній міръ не потерялъ надъ нимъ своего вліянія:—онъ съ наслажденіемъ слушалъ шумъ деревьевъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ ночью на звѣзды; приятно было ему раннимъ утромъ выйти изъ душной комнаты въ садъ и дышать чистымъ воздухомъ; но ви́шній міръ всегда казался ему чѣмъ-то совсѣмъ для него постороннимъ, совсѣмъ не относящимся до него, и самъ онъ, Андрей Никитичъ, воображалъ себя среди цвѣтовъ, звѣздъ, воздуха и деревьевъ какимъ-то постороннимъ зрителемъ. А люди? Люди въ дѣтствѣ Андрея Никитича конечно не казались ему посторонними. Отецъ рассказывалъ ему сказки, рассказывалъ о своихъ сраженіяхъ, ласкалъ его — онъ и любилъ отца. Дѣтей, съ которыми онъ игралъ, въ радости и печали которыхъ онъ принималъ участіе, онъ тоже считалъ своими близкими,—любилъ. Онъ бѣгалъ, игралъ, даже нѣсколько разъ сходилъ съ младшимъ братомъ на рѣку, но дружба братьевъ кончилась тѣмъ, что за какую-то барскую выходку старшаго брата Рулевъ младшій сильно поколотилъ его.

Потомъ пошла школьная жизнь. Рулевъ старшій, какъ и братъ его, на школьную науку рукой махнулъ, но самъ по себѣ учиться не умѣлъ, да къ тому же, началъ болѣть, и, въ концѣ концовъ, вынесъ изъ школы только нѣсколько неосмысленныхъ фразъ да испорченное раннимъ развратомъ здоровье. Для мускульной работы въ немъ не хватало силенки, да и грудь болѣла,—значить, всякое дѣло было для Андрея Никитича мученіемъ; и сталъ теперь для него весь міръ совершенно постороннимъ, до него не относящимся. Иногда, въ какойнибудь вечеръ, когда у него заболитъ грудь спльнѣе,—сидитъ онъ въ саду, слушаетъ крикъ птицъ и шелестъ листьевъ, пьетъ молоко;—иногда въ такой вечеръ чувствуется ему, что

къ физической боли у него присоединяется еще глубокая тоска. Отъ болѣзни ли эта тоска, отъ того ли, что полуживой организмъ требовалъ еще какой-то дѣятельности — не знаю; только Рулеву старшему бывало иногда невыносимо тяжело и больно, какъ умирающему въ свѣжее лѣтнее утро.

Живеть онъ потому, что живется, — ноги ходятъ еще, руки дѣйствуютъ; а умирать станетъ — конечно пожалѣеть о жизни; но чего ему въ ней жаль и чѣмъ онъ наслаждаться станетъ, если выздоровѣтъ, — не сумѣтъ сказать. Сдѣлаеть онъ, пожалуй, доброе дѣло, если его вытащатъ на это доброе дѣло, и даже оно доставитъ ему удовольствіе; но искать возможности подать возможно большую помощь людямъ, которымъ онъ могъ бы сочувствовать — онъ не въ состояніи.

Старый капитанъ за это спокойствіе и любитъ его, — и живутъ они мирно. Сынъ бродитъ по саду, почитываетъ книги, такъ какъ необходимо же какое-нибудь занятіе; а старикъ отецъ маршируетъ въ своемъ картузѣ по комнатамъ, вспоминаетъ старые походы, насвистываетъ боевые марши, да иногда развѣ велитъ запрячь лошадь и ѣдетъ на базаръ или кататься въ поле. Такъ и теперь ходитъ онъ по комнатамъ, вовсе не думая о младшемъ сынѣ.

А Рулевъ младшій уже пришелъ на широкій дворъ, взглянулъ кругомъ и вошелъ въ комнату. Старикъ неожиданно остановился и сдвинулъ немного брови.

— Ты, Степанъ? спросилъ онъ наконецъ и голосъ его какъ-будто дрогнулъ.

— Я, отвѣчалъ Рулевъ младшій, смотря на отца. Старикъ опустилъ голову, помолчалъ и опять взглянулъ на сына.

— Съ братомъ, видно, пришелъ повидаться? спросилъ онъ твердо и сурово.

— Съ братомъ, холодно сказалъ сынъ.

— Наверху, отрывисто отвѣтилъ старый капитанъ, показавъ головой на потолокъ, и опять зашагалъ, ступая тяжелѣе и медленнѣе обыкновеннаго. Рулевъ пошелъ на верхъ. На лицѣ его не измѣнилась ни одна черта. Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, угрюмо зашевелилъ губами и, понутивъ голову, остановился посреди комнаты.

— Приѣхалъ, думалъ онъ, приѣхалъ. Все тотъ же, повто-

рялъ онъ про себя съ какой-то злобой и медленно замаршировалъ по комнатѣ.

V:

Наверху, въ крошечной комнатѣ безъ оконъ, сидѣла на полу, передъ выдвинутымъ изъ подъ кровати сундукомъ, дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Это было странное существо. Черное старенькое платье, плотно обхватывавшее ея гибкую талию, смуглое лицо, полузакрытое худенькими пальцами, большіе глаза, смотрѣвшіе на все необыкновенно спокойно и кротко, — вотъ ея портретъ. Это была странная дѣвушка. Она сидѣла на полу и задумчиво смотрѣла на крышку сундука, оклеенную картинками. На этихъ картинкахъ были танцовщицы съ лентами въ рукахъ, охотники въ шляпахъ съ перьями, попугаи, турки въ чалмахъ, обезьяны, олени—все существо которыхъ этой дѣвущкѣ никогда не случалось видѣть. Въ полурастворенную дверь изъ сосѣдней комнаты пробирались лучи заходящаго солнца и свѣтлой полосой падали на блестящіе черные глаза дѣвущки и общество, собравшееся на крышкѣ сундука. Странная дѣвушка разсматривала картинку и тихо пѣла грустную пѣсенку, напоминавшую тихій плачъ покинутого ребенка. Потомъ она встала, задвинула сундукъ и вышла въ сосѣдную комнату. Здѣсь у окна сидѣла другая молодая дѣвушка и шила какое-то богатое платье. Эта дѣвушка была очень красива; только во взглядѣ ея, въ выраженіи блѣднаго лица и во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то усталое, точно послѣ бессонныхъ ночей и тяжелой работы. Ходитъ ли она по комнатѣ—ходитъ тихо, задумчиво; сядетъ мимоходомъ на окно, сложитъ на колѣняхъ руки, долго, опустивъ голову, смотритъ на эти блѣдныя, усталыя руки и опять тихо встанетъ,—начнетъ ходить.

Странная дѣвушка тоже сѣла за работу.

— Ты не устала сегодня, Плакса? спросила ея подруга.

— Нѣтъ, Саша, отвѣчала странная дѣвушка. Я люблю работать, все работать и думать о чемъ-нибудь...

Саша облокотилась на окно и долго смотрѣла въ садъ.

— Скучно, Плакса, работать и думать, сказала она; чѣмъ больше думаешь, тѣмъ горше станешь. Горько работать въ такое время.

Время было хорошее. Въ саду было свѣжо и прохладно; въ аллеяхъ бѣлѣли сирени, много виднѣлось цвѣтовъ; кричали птицы, а вдали солнце ложилось за рѣкой и блестящая рѣка точно звала освѣжить въ ней усталое тѣло, плыть въ ея свѣтлыхъ волнахъ, пока кровь не потечетъ быстрѣе въ одеревнѣвшихъ отъ утомленія членахъ. Послѣ сидячей работы въ жаркой комнатѣ, неудержимо тянуло на вольный, здоровый воздухъ; молодыя силы просили движенія.

— До смерти скучно думать, повторила Саша, опять принимаясь за шитье. Тебѣ не хотѣлось бы иногда умереть, Плакса?...

— Нѣтъ... не знаю, сестрица... Я видѣла, какъ умерла богатая барыня. Въ церкви было такъ чудесно—свѣтило сверху солнце, пахло ладаномъ, пѣли такъ тихо и печально.... Ахъ, сестрица, какъ это хорошо и печально пѣли, и какъ мнѣ плакать хотѣлось отъ этого пѣнія... Нѣтъ, я не хочу умереть.

— А я такъ хотѣла бы умереть, сказала Саша.

— Нѣтъ, сестра, пожалуйста, не думай объ этомъ,—заговорила Плакса, поднимая отъ работы голову и съ умоляющимъ видомъ смотря на Сашу. Мнѣ безъ тебя скучно будетъ: — я все стану вспоминать, какая ты была красавица и добрая, и мнѣ очень тяжело будетъ.

Вошелъ Рулевъ младшій, поклонился и быстро оглянулъ комнату. Плакса сдѣлала ему уродливый кивокъ.

— Мнѣ сказали, что Андрей Никитичъ здѣсь, спокойно сказалъ молодой человѣкъ.

— Онъ на балконѣ, отвѣтила ему одна изъ дѣвушекъ.

Съ балкона вышелъ и самъ Андрей Никитичъ, блѣдный молодой господинъ съ ненормально-блестящимъ взглядомъ.

— Братъ! сказалъ онъ смутившись и точно будто ожилъ и выпрямился, смотря на сильную и здоровую фигуру младшаго брата.

— Здравствуй, тихо сказалъ Рулевъ младшій, крѣпко сжимая своей загорѣлой рукой худую руку брата.

— Совсѣмъ прѣбхалъ сюда? спрашивалъ Андрей Никитичъ

— Не думаю.

— Съ отцемъ видѣлся и говорилъ?

— Говорилъ.

— Что-же? какъ?

— Да онъ, какъ видно, ничего не имѣетъ мнѣ сказать — я ему тоже, — спокойно и не понижая голоса отвѣтилъ Рулевъ младшій. Старшій братъ хотѣлъ было задуматься, но Рулевъ опять заговорилъ:

— Мы, кажется, въ чужой квартирѣ, напомнилъ онъ.

— Нѣтъ, это свои, отвѣтилъ Андрей Никитичъ и рекомендовалъ его швеямъ.

— Видно вы въ магазинъ работаете? спросилъ гость, взглянувъ на богатое шитье.

— Въ магазинъ, отвѣтила Саша, оставивъ работу.

— Плата, значить, должна быть не очень хорошая.

— Жить теперь можно, тихо отвѣтила Саша.

— Теперь только, развѣ?

— Иногда бываетъ трудно: работа надоѣдаетъ до того, что шить не хочется, также тихо пояснила Саша и опять принялась за работу.

— Перестань, пожалуйста, сестрица, перебила ее Плакса, — зачѣмъ умирать?

— А вамъ, Плакса, такія мысли развѣ не приходятъ въ голову? спросилъ Андрей Никитичъ.

— Нѣтъ, сказала она. Я люблю работать и думать, обо всемъ думать.

— Зачѣмъ же васъ зовутъ Плаксою? ласково спросилъ младшій братъ, смотря своимъ свѣтлымъ взглядомъ на странную дѣвушку.

Плакса подняла на него свои спокойные большіе глаза и улыбнулась.

— Меня прежде звали Евпраксою, а одна сердитая женщина стала звать меня Плаксою, и съ тѣхъ поръ всѣ такъ зовутъ, сказала она, облокотившись на столъ своей худенькой ручкой и спокойно смотря на загорѣлое лицо молодого человѣка.

— Какая же это сердитая женщина? спросилъ опять Рулевъ младшій.

— Моя прежняя хозяйка. Да, она была очень сердитая женщина, задумчиво продолжала странная дѣвушка. Она все сидѣла въ большихъ креслахъ, а мужъ ея все шилъ и шилъ. Я была тогда еще маленькая и она заставляла меня нянчить ея дѣтей и рассказывать имъ сказки и пѣть пѣсни. Я никогда не слыхала сказокъ и она заставляла меня выдумывать свои. А когда я пѣла, она смѣялась и говорила, что я плачу. Мнѣ было очень нехорошо у ней. Я спала тамъ въ уголкѣ подъ лавками на старыхъ мѣшкахъ и всегда долго не могла заснуть — все думала, какія я завтра стану рассказывать сказки и пѣть пѣсни.

— И вамъ никто не помогаль тамъ?

— Меня, кажется, любилъ мужъ хозяйкинъ. Онъ былъ худой такой, старый, съ козырькомъ на глазахъ и все шилъ и кашлялъ. Хозяйка каждый день бранила его и онъ ее очень боялся. Когда утромъ звонили колокола и хозяйка уходила въ церковь (она часто ходила въ церковь), онъ дарилъ мнѣ картинки и училъ пѣть пѣсни, чтобы я не плакала, когда меня заставяютъ пѣть.

— И вы его любили?

— Очень. Мнѣ безъ него было бы нехорошо. Я потому все шила, все шила; все шила — и утромъ, когда еще было темно и холодно, и ночью, когда ужъ вездѣ тушили огня и когда я уставала и у меня слипались глаза. — Онъ тихонько подмигиваль мнѣ и улыбался. Я берегу его картинки и часто вспоминаю о немъ, когда смотрю на нихъ. Иногда, когда я ложусь послѣ работы спать и глаза у меня такъ и слипаются, кажется мнѣ, что картинки мои начинаютъ двигаться... Потомъ приходитъ мужъ хозяйкинъ, сѣдой и печальный, и что-то такое долго-долго говоритъ и ходитъ передъ картинками... Право! — закончила Плакса, задумчиво смотря на молодого человѣка.

— Бываетъ, произнесъ Рулевъ младшій. — До свиданья однакожь, сказалъ онъ, подумавъ мы мѣшаемъ вамъ работать, да и съ братомъ мы давно не видались...

VI.

Братья сошли внизъ.

— Пойдемъ въ садъ, сказалъ Андрей Никитичъ.

Они пошли по саду между высокими зеленѣющими деревьями. Андрей Никитичъ уронилъ книгу, устало нагнулся за ней и также устало выпрямился. Гибкому и крѣпкому во всякомъ движеніи младшему брату эта изнеможѣнность сильно бросилась въ глаза.

— Ты болѣнъ? спросилъ онъ, взглянувъ на брата.

— Болѣнъ, грудь болитъ, отвѣчалъ старшій братъ и точно обрадовался своей болѣзни. Ему было какъ-то совѣстно передъ братомъ.

— Какого рода болѣзнь? спросилъ Рулевъ, взявъ его за руку.

— Просто болитъ грудь, ходить скоро не могу, кашель, а иногда и сижу, а въ груди точно ножъ двигается...

— Какія средства употребляешь?

— Да никакихъ.

— Хоть съ докторомъ порядочнымъ говорилъ ли? спросилъ Рулевъ, пристально посмотрѣвъ въ лицо брата.

— Не вѣрю я имъ, отвѣтилъ старшій братъ, снимая фуражку и проводя рукой по лбу.

— Чтобы не вѣрить, надо самому дѣло знать, преговорилъ Степанъ Никитичъ и крѣпче сжалъ руку брата. Рука была очень горячая и сухая. — Что за охота умирать? прибавилъ онъ тихо.

— Что за охота жить... Жизнь, не безосновательно говорить, есть глупая шутка.

— Врешь, братъ... Дня три не поѣшь, такъ и это вотъ съ аппетитомъ съѣшь, угрюмо отвѣтилъ Рулевъ, сбрасывая вспрыгнувшаго на сюртукъ кузнечика.

— Что же?

— То, что эти слова есть рифмованная фраза... холодно сказалъ Рулевъ, ложась на траву... Живешь—значитъ, жизнь еще привязываетъ тебя;— привязываетъ она тебя, слѣдовательно, въ тебѣ есть еще здоровыя силы; а чтобы и онѣ не пропали, — надо работать.

— Надъ чѣмъ работать?

— Не знаю. Счастье, по моему, заключается въ томъ, чтобы здоровымъ силамъ дать подходящую дѣятельность... Дальше ужъ твое дѣло.

Андрей Никитичъ молчалъ.

— Здоровому человѣку всегда хочется жить, продолжалъ младшій братъ. Никакихъ неземныхъ радостей не надо. Онѣ мѣли мускулы—есть наслаженье работать; устали они—и въ отдыхѣ наслаженіе. Душно человѣку, не пускаютъ его на свѣжій воздухъ, сковали его—ну, и опять тебѣ величайшее наслаженье вырваться таки на волю, а не пришлось,—такъ за этой работой и умереть, а не складывать руки...

— Какое же тутъ наслаженіе? тихо проговорилъ старшій братъ.

— Ты его теперь, конечно, не поймешь, нехотя отвѣтилъ ему младшій и замолчалъ.

Надъ ними покачивались вѣтви деревьевъ и шелестѣли листьями; въ кустахъ кричали птицы; кругомъ разносился запахъ растеній. Рулева младшаго неудержимо звала впередъ задуманная имъ работа. Звали его эти лѣса съ ихъ пустынными тропинками и съ отшельническими скитами въ глуши ихъ; звали небогатая растительностью сѣверныя поля, перерѣзанныя холмами, болотами и борами, съ рѣдкими, но многолюдными селами и деревнями. Будетъ онъ раннимъ утромъ поить въ лѣсныхъ ключахъ лошадей, переплывать съ лошадей пустынные, свѣтлыя рѣки, пробираться въ глушь лѣсовъ, заночевывать въ лѣсу и въ полѣ; много придется увидѣть страданій и горя въ этихъ широко разбросанныхъ деревняхъ и селахъ.

— Ты гдѣ жилъ послѣ выхода изъ школы? спросилъ Андрей Никитичъ.

— Во многихъ мѣстахъ жывалъ. Цыганомъ больше шлялся. А послѣдніе годы въ одномъ городишкѣ около самой Сибири учительствовалъ, — край хорошій, хорошій, повторилъ задумчиво Рулевъ. Только лучше бы тамъ волки или медвѣди жили, а то люди только землю пакостятъ да небо коптятъ.

— Чего-жъ ты ищешь?

— Тебѣ-то, братъ, что же въ этомъ? спросилъ Рулевъ,

прилгая на локтѣ и задумчиво смотря на брата. Хорошее ли, дурное ли стану я дѣло дѣлать, выслушаешь ты да и скажешь потомъ, что грудь у тебя болитъ, что умдрать тебѣ время. Одно любопытство, значить?

— Конечно! любопытно знать, чѣмъ и какъ ты живешь?

— Я тутъ комиссіонеромъ винокурѣннаго завода.

— А учительство?

— Учительство бросилъ.

Андрей Никитичъ пересталъ спрашивать. Младшій братъ посмотрѣлъ на него, подумалъ и продолжалъ:

— Бросилъ учительство потому, что задумалъ одно важное предпріятіе. Нужно время... Черезъ годъ, черезъ полтора, можетъ быть, опять уѣду...

— И все-то бродяжничество?

— Все-то бродяжничество, повторилъ младшій братъ, бросилъ недокурѣнную папиросу и легъ на траву.

Андрею Никитичу сильнѣе и сильнѣе сказывалось его безсиліе; чувствовалось ему, что онъ неизмѣримо ниже брата. Затѣмъ у него явилась мысль, что не зависить же онъ отъ младшаго брата и не связанъ съ нимъ ничѣмъ, и вдругъ ему захотѣлось показать передъ братомъ и свою собственную силу.

— Ты, кажется, хочешь найти во мнѣ участника въ твоёмъ предпріятіи? спросилъ онъ твердо и рѣшительно.

— Попробую, сказалъ Рулевъ младшій и улыбнулся.

— Нѣтъ... Мнѣ хорошо и такъ живется. За твое дѣло я не примусь, отвѣтилъ Андрей Никитичъ и всталъ.

— Какъ знаешь.

Они встали и опять пошли. Въ углу сада застучала лопата, перерѣзывая въ землѣ корни и скребя о камень.

— Ты съ отцомъ какъ же намѣренъ? тихо спросилъ Андрей Никитичъ, поглядывая съскоса на брата.

— Мнѣ съ нимъ дѣло, что ли, какое дѣлать придется? спокойно спросилъ тотъ.

— Неловко какъ-то...

— По мнѣ ничего, ловко, холодно замѣтилъ Рулевъ младшій, поглаживая свою бороду.

Андрей Никитичъ смолчалъ.

— Миѣ нужно тебѣ еще одну вещь передать, сказалъ онъ потомъ и, удалившись въ свою комнату, вынесъ оттуда портфель, принадлежавшій Лизаветѣ Николаевнѣ, и передалъ его брату. Тотъ крѣпко пожалъ ему за это руку и ушелъ, не сказавъ больше ни слова.

Андрей Никитычъ все еще стоялъ у дерева, по временамъ вытирая свой горячій, блѣдный лобъ и ломая пальцы. Все-таки онъ самъ себѣ казался какъ-то жалокъ и безсиленъ, и въ немъ другъ поднялась злоба на всю его бесплодно прожитую жизнь.

Старый капитанъ въ широкихъ штанахъ и фуфайкѣ проходилъ мимо съ лопатой и граблями.

— Денегъ просилъ? спросилъ онъ мимоходомъ.

— Нѣтъ, отрывисто отвѣтилъ сынъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него черезъ плечо и пошелъ дальше, шевеля что-то губами.

VII.

Разставшись съ братомъ, Степанъ Рулевъ пошелъ прямо къ себѣ на квартиру. Ночь наступала тихая и теплая; показывались звѣзды. Рулевъ зажегъ свѣчу, раскрылъ окно, снялъ сюртукъ и легъ на диванъ. Тихо вѣялъ ему въ лицо ночной вѣтерокъ и шевелилъ его волосы; усталость овладѣвала Рулевымъ, но долго еще сидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ и сидѣлъ, ничего не дѣлая. Онъ думалъ о матери. Сегодня онъ приѣхалъ на родину, увидѣлъ съ дѣтства знакомыя мѣста, старый домъ, въ которомъ прошло его дѣтство, — и сцены изъ дѣтскихъ годовъ одна за другой возникали въ его головѣ. Здѣсь, на родинѣ, всякій знакомый предметъ напоминалъ ему былую жизнь и работа его какъ-будто забылась на время, — значитъ, нуженъ былъ организму отдыхъ. Рулевъ отдыхалъ. Вспоминалась ему тихая семейная жизнь въ его дѣтствѣ. Съ отцемъ теперь онъ не могъ сойтись, братъ оказался живымъ мертвецомъ, и всѣ мысли Рулева обратились къ матери. Одинъ

за другимъ вспоминались ему дѣтскіе годы и вездѣ мать его являлась всегда или другомъ, или учителемъ, или сестрой — всегда нѣжной и печальной.

Рулевъ взялъ портфель и, прежде всего, нашелъ старую, съ пожелтѣвшими строками рукопись. «О человѣческихъ отношеніяхъ» — прочиталъ онъ на оберткѣ и задумчиво пересмотрѣлъ всѣ страницы. Затѣмъ Рулевъ вынулъ изъ портфеля портретъ матери, положилъ его на столъ, придвинулъ къ портрету свѣчу и долго, подперевъ руками голову, смотрѣлъ на это худое, печальное, но красивое и умное лицо.

— Чѣмъ я обязанъ ей въ моемъ развитіи? мелькнула въ немъ мысль. Онъ опять задумался надъ портретомъ и опять дѣтство его проходило передъ нимъ.

— Безполезныя и эгоистичныя вычисленія, порѣшилъ онъ наконецъ. Женщина была хорошая, искренно желала мнѣ добра и дѣлала, что могла... Любила меня сильно и много страдала... Онъ всталъ и началъ медленно ходить по комнатѣ.

— Для чего она, такая слабая и нѣжная, мучилась въ этой грязной жизни? Что ей тутъ было сладкаго? думалъ онъ съ глубокой тоской. — Неужели для меня только? спросилъ онъ самъ себя и точно проснулась въ немъ какая-то грустная нѣжность.

Въ портфель лежала еще записка. Рулевъ прочиталъ и ее: «Лизавета Николаевна», было въ ней написано, «вы меня ни разу не навѣщали и я ни разу не просилъ васъ навѣстить меня, пока я имѣлъ возможность двигаться. Теперь едва ли доживу до завтра. Возьмите кого нибудь съ собой и приходите проститься. Однѣ не ходите. Я, въ противномъ случаѣ, не умру спокойно».

Рулевъ прочиталъ еще разъ, прочиталъ другой, подумалъ объ отцѣ и опять взглянулъ на записку.

— Прочестъ съумѣегъ ли, не знаю, а не пойметъ навѣрно, — подумалъ онъ со вздохомъ и опять началъ ходить.

И долго думалъ онъ объ этой симпатичной, деликатной личности учителя, о судьбѣ его, о его мысляхъ и вѣрованіяхъ; думалъ о людяхъ, среди которыхъ дѣйствовала эта личность. — Дальше вспомнилъ онъ и Катерину Сергѣевну, и ужъ не нѣжность и не грусть вызвали въ немъ мысли объ этихъ

обѣхъ личностяхъ. Онъ ступалъ тяжело, губы его сжимались. Мысли сами собою перенеслись къ задуманному дѣлу.

VIII.

По дѣламъ завода Рулеву надо было увидѣться съ управляющимъ бумажной фабрикой. По этому обстоятельству онъ сошелся съ Вальтеромъ.

Въ обширной кладовой, гдѣ на полкахъ была навалена разныхъ сортовъ бумага, гдѣ стояли сундуки, шкафы, у стола сидѣлъ высокій молодой человекъ, носившій бороду, запла-танные сапоги и довольно потертое платье. Онъ выдавалъ жалованье фабричнымъ рабочимъ, конторщикамъ и прикащикамъ. Это и былъ Вальтеръ. Когда пришелъ Рулевъ, Вальтеръ покуривалъ сигару и отсчитывалъ деньги по однопочкѣ входившимъ въ кладовую рабочимъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, приподнимаясь при входѣ Рулева.

— Я имѣю порученіе переговорить съ вами, сказалъ Рулевъ. Мнѣ кажется, вамъ лучше кончить ваше занятіе и тогда уже я передамъ вамъ мое порученіе.

— Какъ знаете, замѣтилъ Вальтеръ и опять сѣлъ къ столу.

Рабочіе одинъ за другимъ приходили и уходили. Вальтеръ молча отдавалъ деньги, предлагалъ книгу, гдѣ получавшій расписывался или ставилъ кресты, и, покуривая, ожидалъ слѣдующаго. Пришелъ наконецъ какой-то блѣдный и оборванный юноша.

— Четвергъ и пятницу не работалъ? спросилъ Вальтеръ.

— Болѣвъ былъ, отвѣчалъ рабочій.

— Знаю. — По 16-ти копѣекъ за день — за два дня 32 копѣйки — остается получить 4 рубля 68 копѣекъ.

Рабочій заклѣпался.

— Въ этомъ ты и домой пойдешь? тихо и угрюмо спросилъ Вальтеръ, взглянувъ на изорванную рубаху рабочаго.

— Въ этомъ, отвѣчалъ тотъ.

— Недолго проработаешь, замѣтилъ управляющій. — Не умѣешь жить, продолжалъ онъ тихо. Васъ, рабочихъ, здѣсь

тридцать человекъ... Слѣдуетъ держать одну квартиру и имѣть общіе харчи, а деньги держать въ аргели; тогда и пропьешь немного, да и на одежду останется.

Рабочій молчалъ.

Вальтеръ отдалъ ему деньги и всталъ.

— Здоровье у тебя плохое, тихо продолжалъ онъ; пить, я знаю, не бросишь, — значитъ не сегодня, такъ завтра можешь въ самомъ дѣлѣ сильно заболѣть... Что тогда будетъ? спросилъ онъ, становясь лицомъ къ лицу передъ рабочимъ.

— Ничего не подѣлаешь, угрюмо отвѣчалъ рабочій.

— А вотъ посмотримъ, сказалъ Вальтеръ, запирая кассу. Завтра я переговорю съ другими... Совѣтъ, разумѣется, совѣтомъ, а тамъ ужь дѣлайте, какъ сами знаете...

Затѣмъ Вальтеръ обратился къ Рулеву.

— Фамилія ваша мнѣ положительно знакома, сказалъ онъ, когда Рулевъ передалъ ему все, что нужно было;— да и лицо кажется знакомымъ. Гдѣ вы были лѣтъ... восемь назадъ?...

Рулевъ назвалъ школу.

— Я былъ въ тѣхъ мѣстахъ, сказалъ Вальтеръ задумчиво... и тамъ долженъ былъ васъ видѣть.

Вальтеръ предложилъ Рулеву курить и заговорилъ о школѣ, въ которой былъ Рулевъ. Оказалось, что и онъ былъ въ этой же самой школѣ. Оттуда его выгнали въ кантонисты; изъ кантонистовъ Вальтеръ бѣжалъ, какъ необыкновенно гибкій и ловкій юноша, попалъ въ труппу вольтижоровъ, ѣхавшихъ въ Валахію, и черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся въ Россію Вальтеромъ и вѣмцемъ, хотя былъ такой же русскій, какъ Рулевъ или Скрыпниковъ. Разговоръ незамѣтно перешелъ въ мнорный тонъ.

О прошедшихъ молодыхъ годахъ мы вспоминаемъ съ тоской потому, мнѣ кажется, что въ тѣ годы были свѣжія силы, иныя стремленія и планы, большею частью не осуществившіеся потомъ, и намъ жаль становится силъ и времени, растраченныхъ большею частью даромъ. Вальтеру же, кромѣ того, вспоминалось много нравственной и физической ломки... Затѣмъ Рулевъ заговорилъ о рабочихъ. Вальтеръ зналъ ихъ также хорошо, какъ если бы съ дѣтства жилъ съ ними вмѣстѣ. Злость и горечь такъ и слышалась въ каждомъ его словѣ...

— Горько жить съ этимъ народомъ.... Злость беретъ, повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Рулевъ не переставалъ разспрашивать, а Вальтеръ дѣлался все разговорчивѣе.

— Послушайте, сказалъ онъ наконецъ, остановившись передъ Рулевымъ.... Если вы не заняты и интересуетесь здѣшнимъ рабочимъ народомъ—пойдемте ко мнѣ..:

— Пойдемте, сказалъ Рулевъ.

IX.

Они пошли вдоль берега рѣки. Небо закрыли грязныя тучи; надъ рѣкой стоялъ тяжелый, наводящій тоску туманъ; въ туманѣ медленно двигались по рѣкѣ барки и точно за запотѣвшимъ стекломъ мелькали на нихъ огни, разведенные для ужина. На толстыхъ бревнахъ, лежавшихъ у берега рѣки, спалъ мальчикъ, извѣстный между уличными ребятишками подъ именемъ Миши щепочника. Между бревнами щели и въ нихъ блеститъ вода и плавится рыба; бревна густо охватило туманомъ и сыростью, а мальчкѣ спряталъ свое лицо въ картузь и спитъ—не слышитъ ни сырости, ни дождя. И видитъ онъ во снѣ, что по плечамъ у него машутъ длинныя, легкія крылья; тихій вѣтеръ и вѣянье воздуха отъ быстрого полета охватываютъ его тѣло прохладой. Видитъ Миша, что онъ летитъ высоко надъ землей—надъ рѣками, зелеными лѣсами, озерами и полями. Видитъ онъ внизу свѣтлую рѣку, извиющуюся между зеленыхъ луговъ, поросшую камышомъ, окруженную зеленою, сочною травою поемныхъ луговъ; но лучше всего Мишѣ то, что надъ этой рѣкой ему свободно и легко дышется, такъ хорошо и свободно, какъ никогда не дышалось во всю его коротенькую жизнь.

Миша просыпается и, охвативъ когѣни руками, садится на бревна. Грудь у него болитъ, рубашка промокла, а кашель такъ и мучитъ его худенькую грудь. А воздухъ становится все сырѣе, въ туманѣ всюду зажигаются красноватые огни,— у мальчика сильно болитъ грудь, и съ тоской онъ опять прилегаетъ къ бревнамъ.

Въ это время передъ нимъ останавливаются мимоходомъ наши друзья: Вальтеръ и Рулевъ.

— Отчего ты нейдешь домой? спрашиваетъ Вальтеръ.

— Куда мнѣ идти домой? въ свою очередь спрашиваетъ Миша.

— Гдѣ твой отецъ?

— Не знаю...

— А мать?

— И матери не знаю, отвѣчаетъ равнодушно Миша, — и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ.

— У кого ты живешь? спрашиваетъ ласково Вальтеръ.

— Жилъ я у дѣдушки рыбака; потомъ жилъ у дѣдушки нищаго. Только дѣдушка рыбакъ умеръ, а дѣдушку нищаго взяли въ тюрьму. Не у кого мнѣ и жить теперь, равнодушно прибавляетъ Миша.

— Пойдемъ со мной, говоривъ ему ласково Вальтеръ.

Миша оставляетъ свое неприглядное помѣщеніе и плетется за Вальтеромъ и Рулевымъ, скорчившись всѣми своими худенькими членами. Вальтеръ и Рулевъ идутъ быстро, разговаривая о рабочихъ и ихъ дѣтяхъ, о мѣщанахъ и крестьянахъ. Мороситъ дождь, а кашель терзаетъ впалую грудь Миши.

— У тебя грудь болитъ? спрашиваетъ Рулевъ, беря его за руку.

— Грудь болитъ, отвѣчаетъ Миша.

Наконецъ пришли въ квартиру Вальтера. Вальтеръ зажигаетъ свѣчу.

— Усталъ? спрашиваетъ онъ.

— Усталъ, отвѣчаетъ Миша.

— Раздѣнься и надѣнь вотъ это, говоритъ опять Вальтеръ, подавая ему теплый полушубокъ. Если ты не надѣнешь сухое платье, ты, можетъ быть, простудишься и заболѣешь. Видишь, твоя рубашка такъ и льнетъ къ тѣлу.

— Я и такъ болѣнъ, говоритъ мальчикъ.

— Заболѣешь больше.

— И умру?

— Можетъ быть и умрешь...

Мальчикъ улыбается. Онъ начинаетъ думать, что давно зналъ Вальтера и даже давно любилъ его.

— Тебѣ не хорошо жить?

— Не хорошо, не хорошо... Грудь болитъ, сыро, холодно, бормочетъ Миша и опускаетъ голову, точно слушая, что у него въ сердцѣ дѣлается.

— Ну, давай пить чай—согрѣешься.

— Давай.

Миша усѣлся передъ столомъ, облокотился на него, положилъ щеку на ладонь и пристально смотритъ на Вальтера. Лицо мальчика блѣдно, руки тоненькія, худыя, грудь вогнута.

— Зачѣмъ ты привелъ меня сюда? спрашиваетъ онъ потомъ.

— Затѣмъ, что мнѣ тебя жаль, отвѣчаетъ Вальтеръ.

— Жаль что я маленькой, грудь у меня болитъ и негдѣ мнѣ жить? спрашиваетъ мальчикъ.

— Да.

— Ты, вѣрно, добрый?

— Нѣтъ, я злой... Мнѣ все равно—будешь ли ты у меня или нѣтъ, а тебѣ отъ этого лучше.

— Тебѣ все одно?

— Все одно.

Мальчикъ жадно пьетъ горячій ароматный чай и щеки у него вспыхнули румянцемъ, глаза засвѣтились. Рулевъ и Вальтеръ говорятъ что-то на непонятномъ ему языкѣ и говорятъ какъ братья: — лица у обоихъ свѣтлыя, добрыя и откровенныя; иногда только у Вальтера брови сдвигаются. Рулевъ, напротивъ, все спокойный и серьезный, скажетъ нѣсколько словъ и опять задумается. Мишѣ сильно хотѣлось бы знать о чемъ они говорятъ, [но не понять никогда ему этихъ рѣчей.

Долго онъ прислушивался къ разговорѣ пріятелей, но потомъ ему скучно стало. Отъ нечего дѣлать, онъ сталъ переглядывать книги, лежавшія на столѣ Вальтера.

Рулевъ приподнял голову и посмотрѣлъ на него съ улыбкой. Скоро, послѣ этого, онъ всталъ и простился съ Вальтеромъ.

— Пожалуйста, навѣщайте меня, сказалъ Вальтеръ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Непремѣнно, отвѣтилъ Рулевъ; надѣюсь, мы будемъ знакомы хорошо.

X.

Покончивъ свои дѣла по комиссіонерству, Рулевъ уѣхалъ на нѣсколько дней изъ города. Ему, какъ я говорилъ, надо было узнать этотъ край.

Скоро онъ нашелъ нѣкоторыхъ знакомыхъ бурлаковъ, а черезъ нихъ пошли и новыя знакомства. Рулевъ узнавалъ количество земли обрабатываемой и лежащей подъ болотами и лѣсами, т. е. считавшейся негодной; узнавалъ народъ, степень его богатства, количество школъ, грамотныхъ, принималъ къ свѣдѣнію все, что только выходило изъ обыкновеннаго уровня; а здѣсь, среди лѣсовъ и болотъ, чудачествующаго и эксцентричнаго люда было пропасть. Встрѣчалъ онъ стариковъ, спрашивавшихъ: — какъ бы Господь привелъ имъ пострадать за вѣру; встрѣчалъ блѣдныхъ и угрюмыхъ пахарей-мыслителей, развивавшихъ странныя міросозерцанія; встрѣчалъ философовъ, ждавшихъ: — скоро ли позволятъ на площадяхъ, на базарахъ или гдѣ хочешь поучать вѣрѣ, о какой давно душа просить. Народъ этотъ былъ угрюмый, потому что взросъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ, страшныхъ болотъ, подъ суровымъ небомъ и на бѣдной землѣ. Переработать землю не было пока средствъ и знанія, поэтому народъ былъ бродячій, а отсюда развитый и промышленный. Выработалъ онъ подъ вліяніемъ внѣшней природы особое міросозерцаніе и характеръ, не поддающійся никакимъ внушеніямъ. Сильно прижимали, — такъ этотъ людъ или въ лѣса шелъ спасаться, или сжигался цѣлыми семьями. Рулевъ очень интересовался этимъ краемъ...

Но я нахожу неумѣстнымъ, да и мало интереснымъ для читателя, слѣдить за его путешествіями по всякимъ пустынямъ и ограничусь только отношеніями Рулева къ семьѣ, къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ считалъ порядочными, и къ тѣмъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на дрянъ или самодуровъ. Расскажу, какъ онъ отнесся къ красивой, умной и доброй дѣвушкѣ, полюбившей его, но которую онъ не любилъ. Въ концѣ концовъ, можетъ быть почувствуется, что всѣ эти столкновенія съ разными, являющимся здѣсь, людьми—въ жизни Рулева — дѣло втеростепенное; главное же есть его предиріятіе, а на него только намекается. Но я не думалъ

писать романъ или новѣсть съ разными затруднительными положеніями и коллизіями, а просто лишь очеркъ развитія Рулева. Его взглядъ на жизнь я разсказалъ, а за этимъ не трудно опредѣлить и дѣятельность Рулева. Говорать же, подробно объ этой дѣятельности, повторю, нахожу неумѣстнымъ.

Что такое былъ братъ его и Вальтеръ и какъ они взглянули на Рулева?

Братъ его, какъ я уже показалъ, былъ человекъ немощный и взглянулъ на Рулева младшаго съ неприязнью, потому что сразу почувствовалъ себя неизмѣримо ниже и слабѣе брата; чувствовалъ, что долженъ возбуждать въ немъ одно презрѣніе къ себѣ, да еще, пожалуй, жалость. Ему хотѣлось показать, что братъ не имѣетъ на него ни малѣйшаго вліянія, и что вся разница между ними только въ различіи взгляда на жизнь, да въ томъ, что одинъ здоровъ, а другой болѣнъ. На этомъ же основаніи, если бы представилась возможность, Андрей Никитичъ вышелъ бы даже на борьбу съ братомъ.

Силь въ немъ, положимъ, не было, — но неужели же не проснулось въ немъ хоть на минуту человѣческое стремленіе выйдти изъ настоящаго гнѣнія на болѣе свѣжую жизнь, открываемую ему братомъ? Нѣтъ. У него были свои радости и наслажденія, которыя замѣняли ему всѣ другія радости и примиряли съ жизнью. Онъ, по общепринятому выраженію, *любилъ*. Любилъ Рулевъ старшій Сашу, — ту швею, которую мы видѣли на чердакѣ у стараго капитана. Саша, день и ночь сидѣвшая за однообразной работой, понятно, жаждала жизни болѣе полной. Андрей Никитичъ былъ очесъ красивъ, добръ, говорилъ, что любитъ ее, и Саша, конечно, раздумывать долго не стала; это тѣмъ болѣе естественно, что не только дѣвушка, подобной Сашѣ, но и вообще большинству русскихъ женщинъ, кромѣ приличной фізіономіи и доброты сердечной, ничего другого въ мужчннѣ не требуется. Въ этой полусонной, голубиной любви и была радость Рулева старшаго. Придетъ къ нему Саша и облокотится на его плечо.

— Что ты читаешь? спроситъ она тихо и нѣжно.

— Прочти сама, скажетъ Андрей Никитичъ.

— Къ чему это? спрашиваетъ Саша.

— Чтобы знать...

Усталая Саша спрашиваетъ его, что онъ знаетъ и Андрей Никитичъ рассказываетъ ей и про геодезію, и про ботанику съ зоологіей, хотя знаетъ эти науки по однимъ только именамъ. Саша проситъ, чтобы онъ и ее научилъ чемунибудь, а онъ, вмѣсто отвѣта, только цѣлуетъ ея усталыя, блѣдныя руки.

Что такое Вальтеръ? Какая была жизнь его, я уже сказалъ читателю, и прибавлю еще, что это человѣкъ умный, сильный характеромъ и тѣломъ, честный, потому что, не смотря на всѣ невыгодныя обстоятельства, страшными усиліями, лишеніями и бѣдствіями приобрѣлъ себѣ независимость и жилъ такъ, что никто не могъ заставить его покраснѣть намекомъ на какойнибудь нечестный съ его стороны поступокъ. Да къ тому же, онъ слишкомъ вѣрилъ въ свои силы и для достиженія какой бы то ни было цѣли никогда не прибѣгалъ къ болѣе короткимъ, но кривымъ путямъ. Изъ всей своей юношеской жизни онъ вынесъ привычку къ непрерывной напряженной дѣятельности мускуловъ и мозга:—обстоятельства были такія. Года четыре назадъ, онъ бросилъ свою бродячую жизнь, потому что не могъ удовлетвориться жизнью бродячаго акробата; а не могъ удовлетвориться ею оттого, что тяжелыя сцены его юности не исчезли безслѣдно изъ его памяти.

Онъ встрѣтилъ здѣсь одну добрую и умную дѣвушку, учительницу Тихову, познакомился съ нею, привыкъ говорить и видѣться съ нею, и наконецъ полюбилъ ее, какъ простое, честное и любящее существо (онъ самъ былъ существо любящее, хотя много было людей, которыхъ онъ не задумался бы раздавить своими руками). Ему же, наконецъ, надоѣла одинокая переработка мыслей, хотѣлось провѣрить ихъ въ комънибудь.

Поэтому-то Вальтеръ съ радостью встрѣтилъ Рулева, какъ человѣка, интересовавшагося тѣмъ же дѣломъ, какимъ и онъ интересуется. Вальтеръ надѣялся, что человѣкъ, подобный Рулеву, не ограничится однимъ словоизверженіемъ.

И. Холодовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

М О С Т Ъ.

(Изъ Лонгфелло).

Въ глубокую полночь я былъ на мосту
Съ своею тоскою всегдашней,
Надъ городомъ соннымъ всплывала луна
За темной церковною башней.

Луна отражалась внизу подо мной
Въ недвижимомъ водномъ просторѣ,
Какъ кубокъ червонный, который скользилъ
Ко дну темно-Синяго моря.

И въ эту июльскую, дивную ночь
На западѣ, въ дымакахъ тумана,
Краснѣ луны золстая заря
Была и тепла и румяна.

Межъ двухъ береговъ по теченью воды
Широкая тѣнь трепетала,
Съ приливомъ морскимъ набѣгала волна
И, словно, ту тѣнь отгоняла.

Надъ тѣнью неслась и скользила рѣка,
Журчала какъ ласка привѣта
И травы морскія влекла за собой
Въ сіяніи луннаго свѣта.

Какъ этотъ прозрачный потокъ водяной
Кипѣлъ подъ моими ногами,
Такъ былъ я охваченъ потоками думъ
И очи сверкнули слезами.

Какъ часто, какъ часто въ минувшіе дни,
Въ давно невозвратные годы,
Въ глубокую полночь я съ моста глядѣлъ
На синее небо и воды.

Какъ часто, какъ часто тогда я желалъ,
 Чтобъ волны отлива морского
 Меня унесли бы съ собой въ океанъ,
 Подальше отъ міра людского.

Извѣженный жизнью, тогда я былъ юнъ,
 Кровь быстро бѣжала по жиламъ
 И тяжесть, давившая сердце мое,
 Казалось, была не по силамъ.

Теперь эта тяжесть съвалилась съ души,
 Исчезла и канула въ море
 И нынче смущаютъ лишь только меня
 Собратьевъ страданья и горе.

Но все же, когда я иду чрезъ рѣку
 И съ моста на волны взгляну я,
 Въ умѣ моемъ прѣшлыя думы встаютъ,
 Безсонную память волнуя.

И думаю я: сколько тысячъ людей,
 Которыхъ страданье казыло
 И тяжкою ношей давила печаль,
 Съ тѣхъ поръ чрезъ мостъ проходило.

Я вижу: проходить рядами они
 То взадъ, то впередъ предо мною,
 Одни—молодые, съ горячей душой,
 Другіе—блестя съдиною.

И вѣчно, и вѣчно въ полуночный часъ, —
 Такъ долго, какъ рѣчки журчанье,
 Такъ долго, какъ въ сердцѣ живущая страсть,
 Такъ долго, какъ жизни страданье.

Луна съ отраженьемъ въ рѣчной глубинѣ
 И тѣни здѣсь будутъ являться
 И станутъ небеснымъ символомъ любви
 На грѣшной землѣ отражаться.

Д. Мининскій.

АНДРЕЕВКА.

(Очерки быта пригородныхъ селъ.)

I.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ случилось прожить нѣсколько времени въ селѣ Андреевкѣ, въ 40 верстахъ отъ Петербурга. Село это хоть и велико, но съ виду очень неприглядно, какъ и большая часть нашихъ великорусскихъ селъ. По сторонамъ грязной дороги, по обыкновенію, тянутся двумя длинными вереницами пошатнувшіеся и полусгнившіе дома и такъ плотно жмутся они другъ къ другу, точно мѣста имъ мало вокругъ. Всѣ дома походятъ одинъ на другой, какъ братья родные, и изъ всей этой массы убогихъ родственниковъ рѣзко выдѣляются только пять или шесть новыхъ двухъ-этажныхъ домовъ, принадлежащихъ здѣшнимъ лавочникамъ.

Среди самаго села стоитъ полуразвалившійся крестъ и виситъ прибитая къ нему церковная кружка для сбора денегъ. Въ разныхъ мѣстахъ села разбросано до шести мелочныхъ лавочекъ съ неизбежной вывѣской: «распивочно и на выносъ». Ближе къ церкви помѣщена харчевня и красный домъ Головы; рядомъ съ нимъ сельскій приказъ. Картина, какъ видите, въ самомъ дѣлѣ невзрачная, и изъ общаго вида села можно вывести только то заключеніе, что жители здѣшніе вообще бѣдствуютъ и что пользуются нѣкоторыми удобствами жизни только одни здѣшніе лавочники. Но посмотрите вы на Андреевку въ праздничный день и вы изумитесь: такіе наряды, такая «поведенція», что хоть въ Питерѣ сейчасъ. Дѣвицы всѣ въ кринолинахъ, въ шюльковыхъ и атласныхъ

платяхъ и бархатныхъ мантильяхъ, на головахъ у нихъ бисерныя сѣтки и всякія городскія украшенія. Парни одѣты хотя и проще, но за то не уступаютъ дѣвицамъ въ питерской поводкѣ. И вся эта разряженная молодежь водить вдоль по улицѣ хороводы съ пѣснями,— не тѣ, конечно, задушевные хороводы, безъ которыхъ не обходится ни одинъ праздникъ въ настоящей деревнѣ, а какіе-то жеманныя, авантажные, съ примѣсью чего-то официального. При видѣ этихъ нарядовъ и этихъ чинныхъ хороводовъ, вы уже смѣло можете вывести другое заключеніе, что андреевцы — народъ избалованный, народъ — прощальга, на котораго сильно влияетъ близость столицы, и который ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, лишь бы щегольнуть передъ другими.

Правда, на всѣхъ почти пригородныхъ селахъ очень замѣтно вліяніе городское, которое, прежде всего, сказывается на костюмѣ и нѣкоторыхъ домашнихъ привычкахъ,—но жизнь Андреевки сложилась нѣсколько оригинальнѣе, чѣмъ въ другихъ пригородныхъ селахъ, и андреевцамъ, какъ увидимъ ниже, дороже, чѣмъ другимъ, обходится это щегольство и избалованность. Дѣло въ томъ, андреевцы принадлежали прежде къ дворцовому вѣдомству, считались мастеровыми и работали поочередно въ Лѣтнемъ Саду, за что и получали особое жалованье. Труда большого тутъ отъ нихъ не требовалось: вся работа ихъ состояла только въ томъ, чтобы ежедневно подметать въ саду аллеи да изрѣдка обмывать статуи. Работали они въ день много-много четыре часа; въ остальное время, на первыхъ порахъ, справляли какіе нибудь частныя заказы, а потомъ, войдя въ сласть столичной жизни, и на эти работы махнули рукой, проводя все свободное время въ разныхъ харчевняхъ и погребкахъ. Посылать денегъ домой было не зачѣмъ, потому что у бабъ были свои огороды съ клубникой, которую онѣ продавали оптомъ и съ деньгами сами же пріѣзжали къ мужьямъ. Все шло, какъ по маслу; только вдругъ объявили андреевцамъ, что они переводятся изъ дворцоваго вѣдомства въ удѣльное. Пригорюнились щеголи,—какъ быть? Отъ мужицкой работы они совсѣмъ уже успѣли отвыкнуть, а тутъ надо и землю пахать, надо и боронить, а умѣнья у нихъ только на то и хватаетъ, чтобы подмести гладкую дорожку, да потѣмъ выпить и закусить въ свое удовольствие.

Нечего дѣлать. — Посбили андреевцы съ своихъ воротъ дощечки съ надписью: «такой-то мастеровой» и вывѣсили друдія.

Но только въ этомъ и высказалась на первое время реформа. Пре-

вратившись въ удѣльныхъ крестьянъ, андреевцы конечно не могли бросить свои городскія привычки: они считали своимъ долгомъ пять ежедневно чай и кофе и одѣваться по праздникамъ на питерскую ногу. А чтобы имѣть подобный комфортъ надо было деньги приобретать, а для этого надо было землю пахать или ломать плиту въ сосѣдней плитной ломкѣ. Подобной работой заниматься избалованный андреевецъ по доброй волѣ, конечно, не рѣшился, ну и пошелъ у нихъ, что называется, дымъ коромысломъ, полетѣли въ кабаки и харчевни остатки заработанныхъ въ Питерѣ денегъ.

Нѣкоторые изъ андреевцевъ, позажиточнѣе другихъ, смелнули, что при такомъ порядкѣ вещей очень легко нажитья, и такъ искусно повели дѣло, что почти вся Андреевка попала къ нимъ въ кабалу. Эти хитрецы пооткрыли лавочки съ разнымъ товаромъ, съѣстными припасами, а въ особенности съ дешевкой, до которой были особенно лакомы андреевцы, и стали торговать. А такъ какъ у андреевцевъ денегъ въ наличности никогда почти не имѣлось, то всѣ товары они отпускали въ долгъ, «на книжку», съ обязательствомъ, чтобы каждый изъ должниковъ зарабатывалъ стоимость забраннаго имъ товару. При этомъ эксплуатація ихъ достигла постепенно самыхъ возмутительныхъ размѣровъ. Стоимость товара опредѣляли сами купцы, конечно безъ всякой таксы, и брали, что хотѣли, накидывая по 40, 50 и даже по 100 процентовъ на рубль. Поэтому не удивительно, что лавочники андреевскіе очень скоро нажили себѣ тѣ красивые дома, которые такъ рѣзко отличаются отъ убогихъ домовъ обывательскихъ.

Видитъ теперь андреевецъ, что по уши грязнетъ въ долгу у своего же собрата, а дѣлать ему нечего. — На наличныя можно бы и дешевле ему купить въ городѣ, да наличныхъ-то нѣтъ. Надо брать въ долгъ, а въ долгъ вѣрять только въ селѣ. — Смотрить, въ одну зиму и осень набралъ онъ въ лавочкѣ, того да другого, рублей на сто. Значить, работай потомъ все лѣто за этотъ долгъ, а работа каторжная—плиту ломать надо.

Почва Андреевки глинистая и подъ ней идетъ слой за слоемъ разнаго сорта плитнякъ. Чтобы докопаться до плиты, надо много положить поту кровяного. И его-то проливаютъ до сихъ поръ наши андреевцы. Каждый лавочникъ Андреевки назначилъ работойъ своимъ должникамъ добыванье и ломку плиты. Соберетъ онъ человекъ 30—40 своихъ должниковъ и заставитъ ихъ копать глубокую и широкую яму, сажени 1 ¹/₂ въ глубину, да сажень 5 квадратныхъ поверх-

ностью.—Выроютъ на аршинъ внизъ, и яма тотчасъ же наполняется водой, такъ что ее постоянно выкачиваютъ человекъ три и, не смотря на это, ломщикамъ все-таки приходится работать по колѣна въ грязи, образовавшейся отъ смѣси глины съ болотной водой. Такую-то тяжелую работу суждено сносить андреевцу послѣ веселого, питерскаго, разгульнаго житья. И радъ бы онъ выйти на другую дорожку, и радъ бы заняться хлѣбопашествомъ, сѣсть на землю, какъ говорится, да ему этого не видать, какъ своихъ ушей. Долгъ богачамъ, монополистамъ-лавочникамъ опуталъ его тяжелыми кандалами. Онъ цѣлый годъ много-много увидитъ у себя рублей 6, 10, не смотря на то, что рѣдкому не приходится получить за работу рублей 200 въ годъ: ломка плиты лѣтомъ и осенью, вывозка плиты зимой на заводъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села, даетъ ему постоянно хорошій заработокъ, но дѣло-то въ томъ, что онъ получаетъ этотъ заработокъ съѣстными принасами отъ лавочниковъ, которые такъ ловко ихъ поддѣли, что андреевецъ все, что не работаетъ на нихъ, работаетъ за долгъ. Разъ попавъ въ эту колею, онъ уже не въ состояніи выйти изъ нея цѣлую жизнь, потому что долги его постепенно растутъ, и сколько не зарабатывай—ихъ никогда вполне не покроешь. Лавочники назначаютъ ему плату, какую хотятъ, рассчитываютъ за товаръ по своему произволу и все это дѣлается такъ гласно, такъ явно, что ужасъ беретъ.

Единственное начальство села—Голова могъ бы, конечно, сдержать это зло, но онъ тоже выбранъ изъ лавочниковъ—богачей, какъ это почти всюду дѣлается. Понятно, слѣдовательно, что онъ держитъ руку своихъ сотоварищей по ремеслу, и даже помогаетъ имъ во всемъ, потому что это ему тоже выгодно.

Сидитъ этотъ голова на своемъ мѣстѣ такъ крѣпко, что безъ всякой боязни тратитъ мірскія деньги чуть не на постройку своего кабака. А народъ молчитъ. И лишь изрѣдка, когда его спроситъ посторонній человекъ, онъ только замотаетъ головой, да скажетъ:—«и... не говорить!» Андреевецъ обѣднѣлъ; онъ автоматъ, который дѣйствуетъ и говоритъ по произволу своихъ властителей—кредиторовъ. Онъ рта не смѣетъ разинуть противъ нихъ, зная очень хорошо, что ему придется съ голоду помирать, если онъ вооружитъ противъ себя своихъ благодѣтелей. Благодѣтели же, понимая хорошо свою выгоду,—когда выбранный голова принадлежитъ къ ихъ средѣ,—заливаютъ водкой чесной людъ предъ каждымъ выборомъ, запугиваютъ его обѣщаніями не давать «на книжечку», отказать въ работѣ

затянуть въ судъ за долги и т. п. и андреевцы на сходкѣ кричать во все горло:— «мы тобой довольны, Иванъ Петровичъ, заставь за себя Богу молить, останься при своей службѣ!»

Иванъ Петровичъ же, зная хорошо источникъ этихъ лъстивыхъ криковъ, кабенится, отпѣкивается и только послѣ долгихъ комедій и увѣщаній соглашается снова принять правленіе и снова на цѣлыхъ три года отдавать свободный людъ въ крѣпость монополистамъ. Содержа въ селѣ 2 кабака и харчевню, онъ, по примѣру своихъ собратій, забираетъ въ свои руки народъ. Пользуясь же при этомъ широкой властью, голова распускаетъ свою паутину иногда еще шире...

Плохо жить андреевцу при такомъ порядкѣ вещей. Эта возмутительная кабала отражается на всей его общественной и семейной жизни, развращаетъ его и дѣлаетъ изъ него какое-то забитое и, въ тоже время, подленькое существо.— Я жилъ у крестьянина Ивана Долгоусова и комната моя только одной перегородкой отдѣлялась отъ жилья хозяевъ, такъ что мнѣ невольно пришлось быть свидѣтелемъ многихъ семейныхъ сценъ и разговоровъ, въ которыхъ такъ ярко высказывался весь закулисный міръ андреевскаго быта. Чаще всего слышались подобные разговоры:

— Есть, что ли, кофей-то? спрашиваетъ хозяинъ жену.

— Нѣту, гдѣ возьмешь-то? Въ долгъ больше не даюгъ, отвѣчаетъ жена.

— Гм! отчего не дать въ долгъ,—заработаю.

— Да говорятъ и то на всю зиму въ кабалу ты попалъ, не бось, въ четыре руки работать не станешь.

— Четыре не въ четыре, а надо бы клубнику, что ли, запродать? Теперича дачники есть.

— Чего запродать-то? весь огородъ проданъ.

— Ну, сѣнокосъ.

— А чѣмъ коровъ-то кормить будемъ? и безъ тѣгодохнуть.— Думаешь, начали выгонять за недѣлю до Егорья, такъ и сыты будутъ?

— Ну, коли не весь сѣнокосъ, такъ часть — сурово отвѣчаетъ мужъ.

— Какъ знаешь, такъ и дѣлай—хозяйская забота.

Затѣмъ начинаются разные вздохи да оханье и дѣло кончается тѣмъ, что хозяинъ уходитъ изъ дому умасливать лавочника.

— Пойдемте въ село! сказалъ мнѣ однажды хозяинъ, выйдя изъ дому, послѣ подобнаго разговора съ женой, — я въ лавку иду.

Я согласился на приглашеніе и мы пошли къ одному изъ желтенькихъ, опрятныхъ домиковъ. Купивъ въ лавкѣ кое-что, я оставилъ Ивана въ ней, а самъ усѣлся на скамеечкѣ, поставленной при входѣ. На сколько я могъ замѣтить, у Лямина, купца Андреевни, магазинъ былъ со всевозможными принадлежностями сельской обиходной жизни: въ ней продавалась говядина, должно быть недѣли три назадъ привезенная изъ Пттера, деготь, чай, сапоги, сахаръ, дратва, мука, вакса, хлѣбъ, табакъ, два апельсина и нѣсколько лопать, пряники и желѣзные ломы. Между тѣмъ, какъ я сидѣлъ на скамейкѣ, въ лавкѣ происходила слѣдующая сцена:

— Чего надо? грубо спросилъ деревенскій купецъ, толстый, хромоу и съ безобразнымъ лицомъ.

— Кофею да сахару по фунту отпустите, пробормоталъ Иванъ.

— А деньги принесъ? спросила физиономія.

— Откуда у насъ деньги? нешто не знаете; на васъ, кажись, только и работаемъ.

— Не по два ли золотыхъ платить вашей милости въ день? И такъ задолжалъ до сотни, а коли еще дать, такъ тебѣ же хуже будетъ, больше работать придется; вотъ што милый.

— Чего хуже!.. хуже никогда не будетъ, потому изъ долгу всю жизнь не выбьешься.

— А ты постарайся. Работникъ ты хорошій, коли денегъ нѣтъ — продай или заложь что нибудь — повѣримъ.

— Заложить у меня нечего, да и продать-то, пожалуй, тоже. Отпусти на книжку, будутъ деньги, отдамъ — не обману.

— А гдѣ деньги-то возьмешь? Украдешь, что-ли? Ты вотъ клубнику-то мнѣ ужъ продалъ, такъ продай сходно и сѣнокосъ. Подожду пожалуй, до петрова дня — увижу.

— Э-эхъ! съ сѣнокосомъ-то мнѣ разставаться не хотѣлось бы, потому онъ только и есть теперь у меня; больше ничего нѣту. — Чѣмъ скотину-то прокормить?

— Богъ дастъ, будетъ сыта.

— Ну, ужъ съ тобой не сговорить. Сколько дашь за ту полосу, что за церковью лежитъ? Знаешь, чай?

Какъ не знать. Двадцать рублей будетъ?

— Полно, Левъ Васильичъ, полоса-то ходила во ста рубляхъ.

— Ходила-то она, быть можетъ, ходила, а теперича я дать

больше не могу. Чтобъ и разговоръ не было, двадцать рублей и отпускать тебѣ изъ лавки стану; бери, что хошь.

— Да накинь что нибудь, умоляя Иванъ.

— Сказано, больше не могу, отвѣчалъ лавочникъ, принимая видъ, что хочетъ выйти изъ лавки и взявъ замокъ въ руки.

— Ну, двадцать, такъ двадцать, куда не шло, пропадай она. Дай хоть деньгами что нибудь, вздохнувъ согласился мужикъ.

— Рубь тебѣ дамъ, а больше не проси, отвѣчалъ Левъ Васильевичъ и вынулъ изъ за сопога замасленный бумажникъ, по виду очень похожій на чемоданъ провинціальныхъ почталыоновъ. Оттуда онъ вынулъ, въ родѣ блина, бумажку и отдалъ ее вмѣстѣ съ фунтомъ сахару и кофе мужику.

— На рубль 68 коп., значитъ, получилъ? спросилъ лавочникъ.

— А ты по сколько кладешь?

— 28 коп. за сахаръ, *сорокъ* за кофе, да деньгами рубль, вотъ тебѣ и 1 р. 68 коп. голова,—весело объяснилъ купецъ.

— По прежнему все берешь? скинь сколько ни на есть; не въ долгъ вѣдь беру, а за сѣнокось?

— Не въ долгъ, а на наличныя, что ли? хладногровно отвѣчалъ Левъ и щелкнувъ, замкомъ, отправился въ свой двухъ-этажный, домикъ.

Не весело возвращался домой послѣ этой сцены хозяинъ. У него въ рукахъ книжка, которую онъ самъ читать не можетъ, и въ которую, зная это, лавочникъ вписываетъ по своему произволу все, что попадется въ голову. Сегодня онъ его не обманулъ. Но вѣрно завтра же бѣдняга заплатитъ, вмѣсто одного фунта чего нибудь, за полтора, если только Левъ будетъ въ духѣ и не махнетъ: «взято того-то, тогда-то (вмѣсто 1 фунта) 2 фунта».

— Сколько далъ? спросила входящаго Ивана его жена.

— Девятнадцать, отвѣчалъ тотъ, кладя на столъ покупки.

— А деньгами далъ?

— Нѣту.

— Что ты не спросилъ? Мнѣ денегъ надоть.

— Проси, коли нужно, а мнѣ не дать.

Жена очень недовольна. Въ Андреевкѣ носить кринолины, нужны, слѣдовательно, и широкія платья. Гдѣ ихъ достать? Въ лавочкѣ, къ несчастью, мы не видимъ между огурцами и капустой цвѣтного товару. Но дѣлать нечего; остается надежда на клубнику, которую можно вечеромъ, а не-то и ночью собирать, потихоньку

отъ покупщика, и продавать тоже изъ подтишка дачникамъ. Вопросъ рѣшенъ и на столѣ уже стоитъ, въ видѣ чернаго ворона, кофейникъ. Слышны пощелкиванья сахару и разговоръ ведется уже о предметахъ постороннихъ.

— Слышь: дьячка-то въ монастырь слѣдовало бы сослать, да батяка стоитъ за него, видно наслѣдства добивается,—говорить жена.

— А за что въ монастырь-то? отзывается мужъ.

— За сына все; онъ, значить, вдовый, потому и не долженъ жить ни съ какой дѣвкой, отвѣчаетъ жена, видимо желающая поболтать съ мужемъ о такомъ казульномъ случаѣ, какъ рожденіе у вдоваго дьячка сына.

— Да коли онъ не его, такъ чѣмъ онъ тутъ причиненъ?

— Не его-то, не его, а слава только на него, потому что онъ съ Акулиной-то живетъ больно зазорно: какъ не придешь, все обнимаешься застанешь.

— Отъ обниманья сынъ не родится. Дакасъ шапку-то, заключилъ мужъ и, къ великому неудовольствію жены, не отвѣчая на ее вопросы, куда онъ идетъ, вышелъ вонъ изъ избы, пригласивъ и меня съ собой.

— Кутить, должно быть, пошелъ, порѣшила старушонка мать, съ апетитомъ прихлебывая съ блюдечка жидкій кофе и кусая осколокъ сахару, выдержавшій четыре чашки жидкости.

Иванъ дѣйствительно направился въ кабагъ.

Водка подана на столъ и къ хозяину уже успѣли примоститься три-четыре собесѣдника. Разговоръ между ними завязался живой и размашистый, и я, чтобъ не стѣснить чесной компаніи, сѣлъ въ дальнемъ углу, откуда почти непримѣтно можно было наблюдать за публикой.

Въ кабагъ вошелъ писарь и на него обратилось почтительное вниманіе всѣхъ посѣтителей, потому что этотъ писарь играетъ не послѣднюю роль въ ряду мѣстной бюрократіи. Писарь поклонился всей компаніи и, вмѣстѣ съ плюгавымъ мужикомъ-пріателемъ, сѣлъ за дальній столъ. Между тѣмъ водка брала свое и гости кабацкіе загудѣли, зашумѣли, заспорили. Иванъ успѣлъ уже пропить весь полученный рубль и горько призадумался. Право, ему труднѣе было разстаться съ своей полосой земли, чѣмъ нѣкоторымъ барамъ съ сводими помѣстьями. На его лицѣ отразилось полное отчаяніе, потому что у него тецерь и продать-то ничего больше не осталось. Шутнымъ, сердитымъ взглядомъ окинулъ онъ пьяное общество и мах-

нувъ рукой, вышелъ вонъ изъ кабака. Вся компанія вскорѣ тронулась вслѣдъ за Иваномъ и громкая пѣсня: «внизъ по матушкѣ, по Волгѣ» залилась на все село.

— Ну, вотъ зашли въ трактиръ, говорить въ полголоса писарь, продолжая рассказывать пріятелю какой-то казусъ: съли и давай распивать штофъ за штофомъ. Эдакимъ манеромъ у меня и голова пошла кругомъ. Онъ также опьянѣлъ изрядно и давай мнѣ глаза моволять, что мой дядя, молъ, большое начальство, и что ты, молъ, тутъ ничего не продѣлаешь. Я разсерчалъ, да и говорю: вотъ тебѣ мое честное слово, быть твоему дяди въ Сибири, потому я всё шанси его знаю и чрезъ мои руки всякая бумажка проходитъ въ правленіи. А онъ послѣ и передай все это, чтобъ ему провалиться.

— Чтожь тебѣ Иванъ-то Петровичъ говорилъ?

— Да что? ничего. Люди свои. Вмѣстѣ пьемъ, не порозъ и раскоремъ. Онъ таперича въ моихъ рукахъ. Коли противъ меня что задумаешь, тотчасъ же документы представлю. Онъ вѣдь это знаетъ, ну, и боязно ему, самодовольно рассуждалъ писарь.

— Вѣстимо дѣло!

— А вотъ сегодня думалъ: бѣда будетъ, такъ нѣтъ, на изнанку вышло—прибавки даже 89 цѣлнчей цапнулъ, да землю заѣзжую выхлопоталъ.

— Какую землю?

— А вотъ что за плинтовкой тянется. Десятинъ сорокъ, а можетъ и слишкомъ. Дуракъ этотъ народъ заѣзжецкій: помѣщичій, одно слово; всякаго встрѣчнаго трусятъ.—Придутъ это къ Головъ, сами дрожать, словно на казнь привели. А Иванъ Петровичъ нашъ вѣдь не даромъ Головой зовется, онъ сразу раскусилъ въ чемъ тутъ дѣло и добылъ весь ихъ общій покосъ за 40 рублей, на три аля четыре года, кажись.

— Ай, ай, ай! проговорилъ мужичокъ, незнакомый съ здѣшними обычаями обращаться съ правдой.

— Ловко поднадулъ, продолжалъ Яковъ. Только и мнѣ тоже больно захотѣлось попользоваться покосомъ. Я и такъ, и сякъ къ Ивану Петровичу, такъ нѣтъ, словно кобыла, на одномъ мѣстѣ уперся и ни слова не говоритъ. Ладно-же, думаю я, коли не возьмемъ добромъ, такъ вышибемъ коломъ. Приѣхалъ я какъ-то въ Заѣжево да и говорю: «ребята, землю-то вы за даромъ отдали; тутъ тысячами дѣло пахнетъ, а вы 40 рублей взяли.» Такъ чтожь ты думаешь, совсѣмъ дуракъ народъ: потолковали, потолковали промежь себя, а земля такъ-

таки за Головой и осталась. Сегодня только Иванъ Петровичъ раздобрился, когда я его припугнулъ: — «Коси, говорить, нынѣ.» — Такъ-то пріятель, давай еще полштофикъ! энергически закончилъ писарь и взялъ балалайку въ руки и, притоптывая хромой ногой, затынулъ:

Во саратовскомъ трактирѣ и т. д.

Воротившись домой, я засталъ невѣстку и свекровь, мать Ивана, въ жестокомъ спорѣ. Оказалось, что жену Домеусова уличали въ лѣни и въ неряшествѣ. Видимо, что подобныя ссоры, судя по сегодняшнему ходу ея, были у нихъ не рѣдки. И дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, они происходили чуть не каждый божій день.

— И мужъ-то у тебя пьяница, говорила мать Ивана, — и сама-то ты скуреха! И когда это Господь Богъ приведетъ мнѣ безъ тебя, пакостницы эдакой, пожить, чтобъ те околѣть, дьяволь, прости Господи. —

— А чтобъ тебѣ сквозь землю провалиться, въ одинъ голосъ пѣла Иванова «баба».

— Чего разругались? проговорилъ Иванъ, войдя въ избу и останавливаясь между бабами. — Ишь содомъ какой подняли, черти. Ты что? забыла, что-ли, эго? — обратился онъ къ женѣ и тотчасъ же изо всей силы хватилъ ее кулакомъ по боку, не разбирая съ пьяна и того, что она была беременна. — Жена повалилась было, но свекровь удержала ее.

— И по дѣломъ тебѣ, паскудница, добавила она. —

— Эхъ, зѣвнулъ Иванъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на слѣдствіе своего суда и повалился въ чемъ былъ на кровать. — Черезъ минуту онъ захрапѣлъ на всю избу.

На другой день еще въ 5 часовъ меня разбудилъ стукъ въ окно.

— Вставай, лѣшій тебя возьми, ишь словно мертвый спишь? слышался голосъ подъ окномъ.

— Сейчасъ, Кузьма Петровичъ, отозвался Иванъ, протирая свои красные глаза и проводя рукой по лбу. Должно быть, у него трещала голова послѣ вчерашней выпивки.

— Марья, а Марья, крикнулъ онъ спящей женѣ. — Марья, вставай, дьяволь, прибавилъ онъ, безцеремонно толкнувъ ее локтемъ. Марья встала и, шатаясь да охая, начала исполнять свою утрен-

нюю обязанность. — Сняла съ печи сушившіеся поршни *) и живо занялся у нее на очагѣ огонекъ, среди котораго чернымъ пятномъ выглядывалъ геркулесовскій кофейникъ.

Напившись кофе, надѣвъ поршни и обвязавъ ремнемъ свои ноги, Иванъ пошелъ въ кабакъ, хлебнулъ малую толигу, чтобъ немного освѣжиться, и потомъ уже отправился на работу.

— Что, трещить башка-то? спросилъ его распорядитель при работѣ той партіи, въ которой числился Иванъ.

— Побаливаетъ, отозвался онъ.

— Не пей! Вотъ поломай-ка сегодня плиту, такъ, не бось, не станешь другой разъ отъ работы отбиваться, добавилъ Кузьма, язвительно улыбаясь и помахивая своей палочкой, которая у него, при случаѣ, была орудіемъ казни для андреевцевъ. Ломать плиту — работой самой трудной считается у андреевцевъ. На нее обыкновенно назначаютъ тѣхъ, которые почему нибудь нелюбвы распорядителю.

Ивану досталась работа эта, впрочемъ, не потому, чтобы его не долюбивалъ Кузьма Петровичъ. — Нѣтъ, это было просто слѣдствіемъ веселаго нрава распорядителя. — Увидить Кузьма Петровичъ, что кто нибудь изъ «толкачей» **) охаетъ съ устали — и пошлетъ его тотчасъ воду качать.

— Не охай, дескать, думаетъ онъ. — Скажетъ ему начальщикъ, что усталъ, — Кузьма Петровичъ велитъ ему пудовымъ ломомъ плиту разбивать, — и все это онъ дѣлалъ лишь изъ желанья подтрунить надъ своимъ собратомъ. Вотъ и теперь: знаетъ онъ хорошо, что Ивану сегодня не подъ силу будетъ тележку двигать послѣ вчерашней рублевой выпивки, ну и подсмѣялся онъ надъ нимъ — заставилъ камень разбивать.

Иванъ, въ свою очередь, знаетъ нравъ Кузьмы Петровича, знаетъ, что тотъ не измѣнитъ своей воли, благо она ему дака, — едва справляется съ своимъ молотомъ. — Ждетъ онъ, не дождется 12 часовъ — обѣда, послѣ котораго позволяется работникамъ часомъ заснуть, грѣясь подъ краснымъ солнышкомъ.

Молча работаютъ андреевцы; только изрѣдка слышится: — «Петруха, дакъсь затянуться», и сверченная махорка въ толстой бумагѣ обходитъ рабочую компанію, служа ей единственнымъ развлеченіемъ

*) Поршнями называется телячья кожа, которой андреевцы заворачиваютъ ноги, идя на ломку плиты.

**) Толкачами зовутъ тѣхъ, которые вывозятъ въ тележкахъ разбитую плиту на мѣсто складки.

при работѣ; а работа эта, по своей трудности, стоитъ рудниковъ, гдѣ убиваютъ свои силы каторжники и преступники. — За что же андреевцы терпятъ одинаковую съ ними участь, что заставило ихъ, живущихъ подъ столицей, добывать кусокъ хлѣба каторгой?

Вотъ Терентій, андреевскій идіотъ, выходитъ изъ ямы и, собравъ валявшійся въ лѣсу валежникъ, сваливаетъ его въ большую кучу подъ висящимъ на треножникѣ котломъ, и потомъ разводитъ огонь. Видно, что отлегло у работниковъ на сердцѣ. Блаженный часъ отдыха уже близокъ и разговоръ даже заводится и работа начинаетъ спориться, такъ что Кузьма Петровичъ пересталъ прикиривать то на того, то на другого.

Накопецъ готовъ обѣдъ. — Воючая тресковая жижа разливается по деревяннымъ чашкамъ и весь людъ раздѣляется на партіи по четыре человекъ. Каждому дается по изрядному куску чернаго хлѣба, а чашка идетъ на четыре лица. И съ аппетитомъ улетають андреевцы эту неказистую пищу. Чашки съ треской опоражниваются быстро и полусытый народъ, помолясь Богу, разваливается животами на землю на мягкой травѣ.

Тишина кругомъ мертвая. Солнце стоитъ высоко и горячіе лучи его заставляютъ андреевцевъ нѣжиться и раскидываться. И жарко имъ, и пріятно отъ такой жары; — на потныхъ лицахъ работниковъ такъ и сіяетъ полное, хотя и бессмысленное удовольствіе. Одинъ только Терентій сидитъ, спустя ноги въ вырытую яму, и упорно глядитъ въ лѣсъ. Погодите, други, — не долго вамъ наслаждаться этимъ отдыхомъ: Кузьма Петровичъ уже наверстаетъ свое!

Наглядѣвшись вдоволь на плитную ломку, я отправился обратно въ село по извилистымъ тропинкамъ, перепрыгивая чрезъ канавки, проведенныя отъ одной плитной ямы къ другой для отливки воды.

Проходя мимо дома Головы, я увидалъ моего знакомаго школьнаго учителя, который солиднымъ образомъ игралъ съ самимъ Головой, Иваномъ Петровичемъ, въ шашки. Меня представили выборному и я усѣлся рядомъ съ андреевской властью. Вотъ повалялъ гурьбой народъ съ работы. Проходящіе низко кланялись намъ и, какъ-то съезжившись, молча проходили мимо.

Нашъ хозяинъ, Иванъ, при этомъ подошелъ къ Головѣ и, долго переминаясь съ ноги на ногу, заговорилъ наконецъ: — я къ вашей милости, Иванъ Петровичъ!

— Что нужно? отозвался голова. А что, заперъ таки наконецъ! добавилъ онъ, обращаясь къ своему партнеру.

— На счетъ денежекъ къ вашей милости... Таперича срокъ, надоть получить за годъ за мѣсто, съ вашей милости, отвѣчалъ Иванъ.

— Какихъ денегъ? какое это мѣсто?.. Давай, пожалуй, сыграю еще!

— За пожарище шесть рублей, Иванъ Петровичъ, мнѣ слѣдуетъ.

— А подати заплатилъ? Не бось, денежки подай, а платить подати-то мнѣ, что ли, прикажешь?

— Да ужь съ меня вычи, Левъ Васильевичъ; чай, отдали ужь вашей милости.

— Проси у общества, — коли велить, такъ дамъ.

— Хоть за прошедшій годъ, окажите милость, выдайте, потому денегъ ни гроша нѣту, а надо ребяташекъ обуть, одѣть.

— Кто старое вспоманеть тому глазъ вонъ, знаешь? захохоталъ Голова, обращая преимущественно вниманіе на ходы своего противника по игрѣ.

— Да какъ же, Иванъ Петровичъ, въ отчетѣ-то сказано про ихъ, а я и до сихъ поръ и гроша мѣднаго не получалъ отъ вашей милости, протестовалъ Иванъ.

— Жалуйся становому. — Что, знать, копѣлки *) захотѣлъ? добавилъ грозно Голова, взглянувъ на Ивана. — Сила переломила солдомушку. — Какъ ни хотѣлось Ивану получить денежки и какую свѣтлую мечту ни составляла эта получка, но онъ только вздохнулъ и поплелся домой безъ всякой мысли въ головѣ, словно ноги у него идутъ по своей волѣ, словно руки качаются по своей прихоти.

Голова же весело въ то время поигрывалъ въ шашки и беззаботнымъ смѣхомъ заливался при всякой неудачѣ партнера. — Онъ привыкъ уже, какъ я узналъ впоследствии, считать Ивановы деньги своими, и не мудрено, что Иванъ еще ни разу не получалъ за свою землю, на которой былъ выстроены сарай для сельской пожарной команды. — Привыкъ онъ также, говорятъ, и школьному учителю, отставному унтеръ-офицеру, денегъ не давать. — Тотъ и не жаловался. — Конечно, безъ правой ноги, (онъ участвовалъ въ венгерской компаніи) ему трудно было найти пристанище и вѣрный кусокъ хлѣба, а здѣсь онъ имѣетъ отдѣльную избушку и готовый мірской столъ. — На одежду и пр. принадлежности добывалъ онъ деньги сапожнымъ мастерствомъ, что и составляло его спеціальность.

— Что ребяташки сходили въ школу нынѣ? спрашивалъ Иванъ дома, нѣсколько успокоившись послѣ всѣмъ этихъ неудачъ.

(*) Копѣлка—изба, куда сажаютъ провинившихся.

— Дядь Федору некогда было, отвѣтилъ мальчижь.

— Чай, сапоги мастерилъ?

— Отець Петръ велѣлъ ему непременно сегодня изготовить, вступилась жена.

— А за что онъ деньги-то съ міру беретъ? спросилъ Иванъ.

— Нешто не знаешь, кто беретъ-то? Гдѣ ему деньги-то взять, коли работать не станешь? — отвѣтила хладнокровно Марья, словно такъ оно и должно быть.

— Марью все что-то тошнило. Не хорошо ей чувствовалось, словно порвалось въ ней что-то послѣ вчерашняго мужнина толчка. Прошло дня два-три послѣ этого толчка и она должна была слечь въ постель, не смотря на журьбу старухи свекрови, которой пришлось теперь справлять все заботы, исполняемыя прежде невѣсткой. — Лежить Марья уже и недѣлю, наконецъ и время родовъ пришло. Иванъ увидѣлъ, что дѣло плохо, и захопоталъ. Хотѣлъ было идти къ деревенской,вольно-практикующейся бабѣ, да мать воспротивилась этому: не въ ладахъ онѣ были, да и заплатить ей нужно все рубль, да и больше.

— Не бось, и безъ акушерки проживетъ, отвѣчала мать; коли птерская, такъ и акушерку, не бось, надо? Сперва наживи денегъ, а потомъ и посылай за кѣмъ хошь, коли бѣлоручку взялъ.

Когда больная начала страшно страдать, когда ея крикъ слышенъ былъ даже у сосѣдей, женскій полъ собирается въ комнатѣ родильницы, чтобы посмотрѣть, какъ это она до сихъ поръ родить не можетъ; мать была вынуждена обратиться къ кому нибудь за помощью.

Выборъ палъ на знахарку, верстахъ въ трехъ-четырехъ проживающую отъ Андреевки.

— Ахъ ты, мать моя! вскрикнула больной вѣщунья, взойдя въ комнату. — И какъ же ты перемѣнилась — на себя не похожа стала! Ну, мать моя, вѣрно ты грѣхъ какой совершила, вотъ тебя и наказываетъ такъ Богъ. Въ жисть свою я никогда не видывала такой притчи. Видимо ли, — баба не родить десятый мѣсяць? Чтожь, мать моя, надо тебѣ въ баню сходить.

Съ пришоптываніями и громкими вздохами, вымыла знахарка больную въ жарко натопленной, душной банѣ, откуда и принесли жену Ивана уже на рукахъ. Между тѣмъ мы успѣли найти андреевскую акушерку и сказали ей, чтобы она зашла посмотрѣть Иванову жену, которая послѣ вчерашняго мытья совсѣмъ слегла. Вечеромъ ей сдѣлалось еще хуже, и тутъ только узнали причину ея страда-

ній: оказалось, что ребенокъ внутри ея былъ мертвъ. Акушерка, убѣдившись въ этомъ, положительно объявила, что докторъ съ инструментами необходимъ. Начала мать считать по пальцамъ расходъ на доктора, увидала, что онъ не меньше пяти рублей станеть, тогда какъ въ домѣ всего-то только рубль, а потому рѣшила лучше еще разъ обратиться къ прежней знахаркѣ.

— И точно умеръ, мать ты моя, заговорила колдунья, ощупывая больную и показывая видъ, что она въ самомъ дѣлѣ узнала причину болѣзни. — И какъ онъ скоро, родименькій, скончался. Намеднясь я была,—живъ еще былъ, а таперича... ой, ой, ой! плохо... Ну, нечего дѣлать, видно такъ Богу угодно. Надо-жъ вытряхнуть таперича его оттудова.

— Говорять, жива будетъ, коли выпутъ его, вступилась мать. Будь ужъ такъ добра, Захарьевна, уйми ты ее, прибавила она, показывая на больную, — просто спокою совсѣмъ не даетъ. Кричма кричить, нѣженка, жильцовъ, того и гляди, сгонить,— ужъ будемъ мы тебѣ благодарны, только уйми ты ее паскудную.

Ивана въ комнатѣ не было.

— Какже, какже, Василиса Афанасьевна, вѣстимо дѣло, что спокою не даетъ. — А вотъ мы ее потрясемъ въ банькѣ, авось съ божію помощію и ладно будетъ.

Рѣшено. Говорять, въ жаркой банѣ держали больную четыре, нанятая за двугривенный бабы, и трясли ее, что есть мочи. Сперва раздавались ужасные, невыносимые для уха крики, но они слабѣли постепенно и наемницы принесли домой не-то трупъ, не-то живое тѣло. Послѣ получасовой пытки, больная положена была спиной на деревянную лавку и знахарка треть ее во всю свою бездѣльничью силу. Однакожъ ребенокъ не выходитъ, а родильница не дышетъ. Испугалась колдунья. Живо прочитала надъ ковшикомъ свои заклинанья, вылила изъ него воду въ правый башмакъ бездыханной и напнула ее этой водой.

Потомъ, видя, что не помогаетъ и это, она начала крестить больную, перенесла ее въ постель, а сама живо, отзываясь спѣшнымъ дѣломъ, уѣхала изъ Андреевки.

Часа черезъ два больная пришла въ себя. Съ появленіемъ перваго сознанія, она увидѣла вокругъ себя причитывающихъ сосѣдокъ: «матушка ты наша, никакъ Богу душу отдала?» — Были и такія, которыхъ она у себя видѣла въ первый разъ. Подходить и мать.

— Марья, а Марья, говоритъ она у изголовья больной.

Та открыла глаза.

— Тебѣ, родименькая, видно, конецъ приходитъ.

Марья чуть кивнула головой.

— Надо тебѣ приодѣться. Выбери-на себѣ платье, да краснаго-то не бери. Дорогое оно, а вѣдь въ могилѣ все равно, въ какомъ ни на есть лежать-то, родимая? Такъ, что-ли?

Опять кивокъ.

Ну, вотъ и хорошо. Сейчасъ и за батюшкой пошдемъ. Погоди, родимая. Больно тебѣ? а-а!.. И старушонка, качая головой, пошла доставать простенькое платье для бѣдной Марьи, снаряжая ее заживо въ гробъ.

Пришелъ священникъ и причастилъ больную, хотя Марья не могла выговорить ни одного слова. Несчастная страдальца, пролежавъ еще часовъ 5 въ полномъ забытѣи, умерла. Иванъ остался вдовцемъ совершенно неожиданно, и потому далъ зарокъ, впередъ не бить больше жену, если ему придется жениться во второй разъ...

А. Н. Молчановъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ.

I.

Лѣтъ за восемьсотъ до Рождества Христова, полудикій греческій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ ребяческою довѣрчивостію слушалъ пѣсни странствующихъ пѣвцовъ о подвигахъ Геркулеса и Тезея, о путешествіи аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, о быстрономъ Ахиллесѣ, о хитроумномъ Одиссеѣ, о паденіи Иліона, о несчастіяхъ и преступленіяхъ Атридовъ и потомковъ Кадма. Въ этихъ пѣсняхъ заключалась вся мудрость тогдашняго грека. Тутъ была и религіозная догматика, и нравственная философія, и исторія, и физика, и астрономія: все это было смѣшано въ одну пеструю кучу и все вмѣстѣ считалось святою и неприкосновенною истиною. Много было чудесъ въ томъ мірѣ, который представлялся греческому воображенію, но міръ этотъ былъ узокъ и бѣденъ, и чудеса въ немъ были маленькія и игрушечныя. Въ центрѣ всего мірозданія лежитъ земля, плоская какъ блинъ и опоясанная кругомъ водами океана; надъ землею раскинутъ въ видѣ балдахина хрустальный сводъ голубого неба; по этому своду ходятъ солнце, луна и звѣзды; пониже этихъ ходячихъ лампадокъ носятъ тучи, постоянно измѣняя форму и цвѣтъ. На лицевой сторонѣ земли живутъ растенія, животныя и люди, а подъ землею или, можетъ быть, на ея изнанкѣ, находится царство Плутона или область ночи и смерти. Туда отправляются души умершихъ; тамъ ихъ судятъ; злыхъ сажаютъ въ Тартаръ на вѣчное мученіе, добрыхъ пускаютъ въ Елисейскія поля для пріятныхъ прогулокъ и удовольствій. На землѣ вмѣстѣ съ простыми людьми живутъ разные чудо-

вища, великаны и совсѣмъ особенные люди, не похожіе на обыкновенныхъ. На сѣверѣ—счастливые гипербореи; на югѣ—безгрѣшные эфиопы; на берегахъ Италіи—сирены, завлекающія путешественниковъ пѣснями; рядомъ съ ними, въ Мессинскомъ проливѣ—чудовища Сцилла и Харибда, поглощающія корабли; въ Сициліи одноглазые циклопы и кровожадные людоеды Лестригоны. Выше хрустального небеснаго свода находится Олимпъ, жилище безсмертныхъ боговъ. Боги эти ѣдятъ и пьютъ, спятъ и любезничаютъ, жепятся и плодятся, ругаются и дерутся, но, не смотря на всю эту разнообразную дѣятельность, они, повидимому, скучаютъ и, для развлечения, выѣшиваются ежеминутно въ дѣла людей, требуютъ отъ нихъ жертвоприношеній, посылаютъ имъ сновидѣнія и болѣзни, соблазняютъ ихъ женъ и дочерей, участвуютъ въ человѣческихъ войнахъ, и вообще, по мѣрѣ силъ и капризовъ своихъ, производятъ всякую путаницу въ мѣрѣ стихій и въ душѣ человѣка.—Прислушавшася къ дѣлю своихъ пѣвцовъ, полудикій грекъ не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между существеннымъ и не существеннымъ, между идеею и формою, между основнымъ догматомъ и случайнымъ украшеніемъ. Если бы вы ему сказали, что въ Сициліи нѣтъ одноглазыхъ циклоповъ, то онъ за такое безбожіе окрысился бы на васъ такъ же сильно, какъ если бы вы стали отвергать сплоснь все подземное царство Плутона. Сила всего мифологическаго зданія заключалась именно въ томъ, что критика совсѣмъ не допускалась; ничего не трогалъ: ни основныхъ началъ, ни подробностей, но эта сила могла продолжаться только до поры до времени; грекамъ стоило только покороче познакомиться съ Сициліею, чтобы немедленно уничтожить циклоповъ; а стоило только одинъ разъ уличить мифологию въ очевидной лжи, для того, чтобы критика тотчасъ начала свою работу; если нѣтъ на свѣтѣ циклоповъ, то, можетъ быть, нѣтъ и безгрѣшныхъ эфиоповъ; вопросы пойдутъ за вопросами и въковая привычка принимать все мифологическое зданіе за едно неразрывное цѣлое приведетъ за собою тотъ результатъ, что все зданіе развалится, когда нѣкоторыя подробности окажутся ложными.

Въ 670 году до Р. Х., Египетъ въ первый разъ открылъ свои гавани для иностранцевъ; полудикіе, но даровитые и воспримчивые греки увидѣли себя лицомъ къ лицу съ одною изъ самыхъ древнихъ цивилизацій земнаго шара. Все, что они видѣли въ Египтѣ, возбуждало въ нихъ изумленіе и шевелило ихъ мысль. Периодиче-

спія развитія Нида, сложная система каналовъ для орошенія полей, астрономическія наблюденія жрецовъ, ихъ геометрическія познанія, необходимыя для размежеванія полей послѣ наводненія, ихъ таинственные символы и іероглифы, колоссальныя произведенія египетской архитектуры, пирамиды, лабиринтъ, сфинксы, обелиски — все это вмѣстѣ было гораздо болѣе поразительно, чѣмъ самыя затѣливыя сказки греческой мифологіи. Греки узнали, что у Египтянъ есть свои собственные боги, не имѣющіе ничего общаго съ греческими богами; а въ могуществовѣ этихъ боговъ греки не могли сомнѣваться, потому что видѣли собственными глазами древность, силу и процвѣтаніе того государства, которое находилось подъ покровительствомъ этихъ верховныхъ существъ. Греческій олимпъ получилъ такимъ образомъ первый ударъ, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться. Въ 573 году до Р. Х., ассирійскій царь Навуходоносоръ разрушилъ финикійскій городъ Тиръ, державшій въ своихъ рукахъ всю торговлю Средиземнаго моря. Малоазійскіе греки и жители Архипелага, пользуясь этимъ событіемъ, быстро развернули свои морскія силы и овладѣли тѣми торговыми путями и сношеніями, которыя составляли безраздѣльную собственность сильныхъ и богатыхъ тирійцевъ. Развитіе греческой торговли повело за собою два ряда послѣдствій. Во-первыхъ, явилось накопленіе и неравномѣрное распредѣленіе богатства; а во-вторыхъ, даже простые матросы, плававшіе по Средиземному морю и посѣщавшіе берега Сициліи, Италіи, Сѣверной Африки, Испаніи и южной Франціи, перестали вѣрить въ существованіе сиренъ, циклоповъ и многихъ другихъ чудесъ гомеровской географіи. Но матросу, какъ рабочему человеку, некогда было углубляться въ критику и обобщать результаты своихъ всѣдневныхъ опытовъ и наблюденій. Этою умственной работою начали заниматься люди тѣхъ достаточныхъ классовъ, которые понемногу образовались, вслѣдствіе торговаго движенія, въ приморскихъ городахъ малоазійской и европейской Греціи. Изъ этихъ достаточныхъ классовъ стали выдвигаться впередъ поэты, историки, философы. Какъ только индивидуальная мысль начала шевелиться, такъ она тотчасъ почувствовала, что ей тѣсно и душно въ тѣхъ готовыхъ рамкахъ міросозерцанія, которыя были установлены народными преданіями для всѣхъ и навсегда. Поэты, повидимому, меньше всѣхъ остальныхъ умственныхъ работниковъ враждовали съ мифологіею, но и повалить невозможно было ухватиться съ нею въ до-

бромъ согласіи. Они брали мифологическіе сюжеты для своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеній, но они перерабатывали эти сюжеты совершенно по своему, и очень часто случалось, что сочувствіе поэта ложилось совсѣмъ не на ту сторону, на которой ему слѣдовало лежать по понятіямъ немыслящаго большинства. Эсхиль написалъ, напримѣръ, трагедію «Скованный Прометей» и возвеличилъ въ ней геніальнаго Титана, который, желая облагодѣтельствовать людей, навлекъ на себя жестокое мщеніе завистливаго и несправедливаго громовержца Зевеса. Разумѣется, въ такой трагедіи Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, игралъ очень некрасивую роль; Прометей высказывалъ ему очень сильными словами очень горькія истины, а зрители понимали, какъ нельзя лучше, что за фигуру Прометея скрывается самъ Эсхиль, подрывающій его держими рѣчами въру въ величіе, а пожалуй даже и въ существованіе безсмертныхъ олимпійцевъ. — Историки старались рассказывать событія такъ, чтобы видна была естественная связь между причинами и слѣдствіями; люди боролись между собою, люди побѣждали другъ друга; ихъ поступками управляли простыя человѣческія страсти; никакого вмѣшательства высшихъ силъ не замѣчалось, и писатель, а вслѣдъ за нимъ и его читатели, приходили понемногу къ тому размышленію, что, можетъ быть, и всегда событія слагались такъ же просто, что, можетъ быть, и священная Троя была разрушена безъ малѣйшаго содѣйствія Паллады, Афины и волоокой Геры. Еще необузданнѣе была дерзость философовъ. Эти съ перваго шагу отодвинули прочь весь олимпъ и на мѣсто живыхъ и человѣкообразныхъ боговъ поставили неодушевленные стихіи и слѣпыя силы природы. Одни изъ этихъ философовъ пришли путемъ своихъ размышленій къ единобожію; другіе къ пантеизму, то есть, къ тому выводу, что Богъ и вселенная—одно и то же; третьи къ совершенному отрицанію божества. Всѣ они наговорили и написали ужасно много чепухи по физикѣ, по астрономіи и по психологіи; всѣ они, за исключеніемъ Аристотеля, старались что-то отгадать, вмѣсто того, чтобы смотрѣть и изучать міръ видимыхъ явленій; но всѣ они боролись противъ мифологіи, всѣ они, собирая вокругъ себя школы усердныхъ слушателей и поклонниковъ, содѣйствовали разрушенію греческаго многобожія, и эта отрицательная сторона ихъ дѣятельности имѣетъ важное и прочное историческое значеніе. Положительные же выводы всѣхъ этихъ мыслителей, начиная отъ Фалеса

и кончая Платономъ, до такой степени ничтожны и наивны, что на нихъ не стоитъ останавливаться ни на одну минуту. Умнѣйшіе изъ греческихъ философовъ сами понимали очень хорошо, что всѣ ихъ умозрѣнія никуда не годятся. «Ничто не можетъ быть познано, говоритъ Анаксагоръ, ничто не можетъ быть изучено, ничто не можетъ сдѣлаться достовѣрнымъ; чувства ограничены; умъ слабъ; жизнь коротка.» На этой мысли скептики построили всю свою философію и пришли къ отрицанію всего видимаго міра, и наконецъ къ отрицанію самаго отрицанія. Софисты превратили философію въ діалектическое орудіе, которымъ можно было доказывать все, что угодно, въ ту или въ другую сторону. Въ концѣ концовъ, греческая мысль, не поддержанная опытомъ и наблюденіемъ, пришла такимъ образомъ къ полному и очевидному банкротству.

Подчиняясь вліянію философіи, исторіи и поэзіи, видя вблизи и держа въ собственныхъ рукахъ чисто человѣческія пружины текущихъ политическихъ событій, высшіе классы греческаго народа очень скоро совершенно отложились отъ національной религіи. Но масса продолжала, не смотря ни на что, держаться за своихъ ненаглядныхъ олимпійцевъ съ тѣмъ тупымъ и непостижимымъ упорствомъ, которымъ отличаются вообще народныя массы и которое побуждается не аргументами, а только медленнымъ, неотразимымъ и нечувствительнымъ дѣйствіемъ всеразлагающаго времени. Такія натянутыя отношенія между образованными людьми и массою продолжались безъ малаго тысячу лѣтъ, то есть, со времени открытія египетскихъ гаваней вплоть до окончательной побѣды христіанства надъ язычествомъ.

II.

Жрецы пользовались очень безцеремонно довѣрчивостью народа; однако, надо отдать справедливость и жрецамъ; ихъ дѣятельность не осталась совершенно безплодною: въ храмахъ Эскулапа родилась современная медицина, которая до сихъ поръ признаетъ своимъ отцомъ великаго и честнаго человѣка, Гиппократа, жившаго во время пелопоннесской войны. Въ то время каждая болѣзнь приписывалась обыкновенно гнѣву какого нибудь оскорбленнаго божества; больныхъ приносили въ храмъ, преимущественно къ Эскулапу, и жрецы ле-

чили ихъ тамъ зачинателями, и наконецъ кое-какими лекарствами. Больныхъ собиралось въ этихъ храмахъ довольно много, и любознательный человекъ могъ наблюдать признаки и постепенное развитіе различныхъ болѣзней. Выздоровѣвшіе больные приносили Эскулапу разныя пожертвованія и, между прочимъ, оставляли въ храмѣ таблички, на которыхъ былъ описанъ въ общихъ чертахъ весь ходъ пережитой болѣзни. Эти таблички, хранившіяся въ храмѣ для прославленія Эскулапа, могли, подъ руками мыслящаго человека, превратиться въ драгоценный матеріалъ для изученія болѣзней. Такой мыслящій человекъ нашелся въ лицѣ Гиппократа. Опираясь на свои собственные многолѣтнія наблюденія и на критическое изученіе эскулаповскихъ табличекъ, Гиппократъ въ своихъ сочиненіяхъ высказалъ и послѣдовательно выдержалъ до конца ту мысль, что каждая болѣзнь происходитъ отъ вліянія чисто физическихъ причинъ и излечивается чисто физическими средствами. Для основанія разумной медицины эта простая мысль была безусловно необходима, но жрецовъ такая мысль поражала въ самое чувствительное мѣсто. Чѣмъ больше народъ будетъ довѣряться искусству врача, тѣмъ меньше онъ будетъ обращать вниманія на манипуляціи и заклинанія жреца. Больницы наполнятся, а храмы Эскулапа опустѣютъ. Понятно, какую бурю негодованія долженъ былъ поднять противъ себя трезвый мыслитель, Гиппократъ. Надо было обладать непоколебимымъ мужествомъ, чтобы пойти на встрѣчу этой бури, и надо было принести народу очень много совершенно-осязательной пользы, чтобы устоять противъ разыгравшихся страстей, то есть, чтобы не погибнуть такъ, какъ погибъ, на примѣръ, Сократъ. Гиппократъ былъ гораздо опаснѣе Сократа для языческаго благочинія. Сократъ только говорилъ противъ предрасудковъ, и то робко и двусмысленно; а Гиппократъ дѣйствовалъ, и притомъ самымъ разрушительнымъ образомъ: исцѣляя больныхъ своимъ искусствомъ, онъ доказывалъ имъ и всѣмъ ихъ знакомымъ, какъ нельзя нагляднѣе, что наука сильнѣе и полезнѣе заклинаній. Но Сократъ погибъ, потому что народъ видѣлъ въ немъ только говоруна, а на Гиппократа не поднялась ни одна рука, потому что Гиппократъ защищалъ свои научныя положенія не только дѣльными доказательствами, но еще и фактическими благодѣяніями. О Гиппократѣ сохранился, между прочимъ, одинъ анекдотъ, доказывающій намъ, что этотъ великій человекъ никогда не льстилъ народнымъ страстямъ и любилъ говорить своимъ неразвитымъ соотечественникамъ голую

правду. Может быть, этот анекдот и вымыселъ въ послѣдствіи, но во всякомъ случаѣ онъ неказиваетъ, какимъ образомъ греки понимали характеръ Гипократа. Въ городѣ Абдерѣ жила философъ Демокритъ, постоянно смѣявшійся надъ различными глупостями всѣхъ людей вообще и своихъ согражданъ въ особенности; онъ не щадилъ своими насмѣшками ни жрецовъ, ни философовъ, ни даже самого себя; его неутоимый смѣхъ упрочилъ за нимъ прованіе смѣющагося мудреца изъ Абдеры, а жителямъ этого города доставилъ на вѣчныя времена репутацію непроходимой тупости. Наконецъ, почтеннымъ абдеритамъ стало уже слишкомъ тяжело отъ этого постоянного зубоскальства; они распустили слухъ, что имъ мудрецъ помѣшался и пригласили знаменитаго врача Гипократа полечить рекнувшагося философа. Гипократъ пріѣхалъ въ Абдеру съ искусственнымъ соболѣзнованіемъ; оно и въ самомъ дѣлѣ жалко: во всемъ городѣ одинъ умный человѣкъ былъ, да и тотъ съ ума сошелъ. Гипократъ освидѣтельствовалъ занедоверѣннаго Демокрита самымъ добросовѣстнымъ образомъ, поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ очень долго и вышелъ изъ его дома, проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ его великому и глубокому уму. — «Сами вы, сказалъ онъ, обращаясь къ собравшимся абдеритамъ, гораздо больше его нуждаетесь въ медицинскихъ пособіяхъ!» — сказалъ и уѣхалъ. Изъ этого любопытнаго разказа мы можемъ вывести то поучительное заключеніе, что комедія: «Горе отъ ума» разыгрывалась въ дѣйствительной жизни слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до рожденія нашего Грибоѣдова.

III.

Завоеванія Александра македонскаго составляютъ рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи греческаго ума и всего греческаго народа. Вслѣдствіе этихъ завоеваній, греческая національность разлилась по Египту и по всей Азии. Когда Александръ основалъ свою огромную имперію на развалинахъ персидской монархіи, тогда потянулось на востокъ изъ европейской Греціи все, что было молодо, сильно и предпріимчиво. Таже самая исторія продолжалась при ближайшихъ преемникахъ Александра. Полководцы македонскаго завоевателя, во время своихъ продолжительныхъ междоусобій, постоянно

тянули къ себѣ изъ Греціи молодыхъ, сильныхъ и храбрыхъ солдатъ; такимъ образомъ, цвѣтъ греческаго населенія погибъ въ бесплодныхъ сраженіяхъ, а кто уцѣлѣлъ, тотъ пристроился въ Азіи или въ Египтѣ, обзавелся тамъ женою и хозяйствомъ и смѣшалъ такимъ образомъ кровь эллиновъ съ кровью персовъ, сиріянъ или египтянъ. Европейская Греція опустѣла и ослабѣла съ этого времени. Греческая національность потонула въ другихъ національностяхъ, какъ тонетъ стаканъ вина въ бочкѣ воды. Греческія мысли и греческій языкъ были привиты къ умственнымъ способностямъ азіатовъ и африканцевъ, но чистая греческая раса, эллинская кровь утратилась навсегда, породивши изъ себя множество разнообразныхъ помѣсей.

Въ нижнемъ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря, Александръ основалъ городъ Александрію. Мѣсто было выбрано такъ умно и такъ удачно, что новый городъ разросся съ невѣроятною быстротою и совершенно убилъ въ самое короткое время и умственное значеніе Аѳинъ. Въ Александрію потянулись со всѣхъ сторонъ предприимчивые капиталисты, даровитые художники и глубокіе мыслители. Политика Птолемеевъ, ближайшихъ преемниковъ Александра, довела александрійскую торговлю и александрійскую науку до высочайшей степени процвѣтанія. Здѣсь, въ Александріи, развернулись всѣ силы греческаго ума. Александръ основалъ тотъ городъ, въ которомъ греческая мысль совершила свои величайшіе подвиги, а учитель Александра, Аристотель, одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей древняго міра, основалъ тотъ методъ, по которому развилась александрійская наука и по которому всегда будутъ развиваться всѣ отрасли положительнаго, не мечтательнаго и не умозрительнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Аристотель составляетъ совершенную противоположность со всѣми своими предшественниками и въ особенности съ своимъ учителемъ, Платономъ. Платонъ признаетъ дѣйствительное существованіе какихъ-то общихъ идей; по его мнѣнію, философъ долженъ углубиться въ самого себя, погрузиться въ созерцаніе общихъ идей и потомъ уже изъ этихъ идей вывести частности и подробности видимыхъ явленій. Аристотель, напротивъ того, говоритъ, что общія идеи составляютъ только посредствомъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ частныхъ явленій, и что, стало быть, философъ долженъ наблюдать и изучать живую дѣйствительность, чтобы потомъ, сравнивая между собою отдѣльныя впечатлѣнія, возвышаться до пониманія общихъ законовъ. Методъ Аристотеля безукоризненно вѣренъ; но на

практикѣ Аристотель очень часто измѣняетъ своему методу; въ то время фактическихъ знаній было собрано еще такъ мало, что не было ни малѣйшей возможности дѣлать какія-нибудь основательныя философскія заключенія о мірозданіи, о жизни, о человѣческой душѣ и о разныхъ другихъ вопросахъ, надъ которыми любятъ задумываться мыслители. Чтобы оставаться совершенно послѣдовательнымъ, Аристотелю надо было совсѣмъ отказаться отъ философіи и приняться за собираніе фактическихъ наблюденій. Но тогдашніе люди, въ томъ числѣ и самъ Аристотель, думали, что каждому мыслящему человѣку необходимо дать отвѣты на всѣ вопросы, и если не откуда взять дѣльныхъ отвѣтовъ, то надо непремѣнно пуститься въ догадки и въ умозрѣнія. Увлекаясь печальнымъ пристрастіемъ своего вѣка къ философствованіямъ, Аристотель уклоняется отъ того метода, который онъ признаетъ истиннымъ въ теоріи, и пишетъ чрезвычайно много вздора о физикѣ, о метафизикѣ, о физиологіи и о политикѣ. Аристотель остается вѣренъ своему собственному методу только въ своей «Естественной исторіи» и въ своихъ сочиненіяхъ по сравнительной анатоміи. Здѣсь онъ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами. Чтобы заниматься этими предметами, онъ имѣлъ болѣе средства, чѣмъ кто либо другой изъ его предшественниковъ или современниковъ; ученикъ его, Александръ македонскій былъ самъ человѣкомъ очень любознательнымъ; онъ съ большимъ участіемъ слѣдилъ за работами Аристотеля и постоянно присылалъ ему изъ Азіи цѣлыя коллегіи животныхъ и растений, неизвѣстныхъ европейскимъ грекамъ.

Когда междоусобныя войны между полководцами Александра прервались, когда Египетъ сдѣлался неоспоримою собственностью династіи Птолемеевъ, тогда Александрія сдѣлалась центромъ греческой торговли и всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. Первые Птолемеи были люди умные и просвѣщенные. Они приняли науку подъ свое покровительство и основали въ Александріи музеумъ, такое учрежденіе, которое было въ одно и тоже время университетомъ и академіею, и которое своими громадными размѣрами далеко превышало всѣ подобныя учрежденія прежнихъ и даже позднѣйшихъ временъ. Александрійскій музеумъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ ученаго города; въ немъ бывало иногда до чегырнадцати тысячъ различныхъ работниковъ мысли. При музеумѣ находился роскошный ботаническій садъ для изученія растений; звѣринецъ для зоологиче-

скихъ наблюдѣній; астрономическая обсерваторія со всѣми известными въ то время инструментами и пособиями; химическая лабораторія, въ которой царь Птоломей Филадельфъ, одержимый на старости лѣтъ страхомъ смерти, отыскивалъ не собою успѣшно животный эликсиръ; анатомическій театръ, въ которомъ ученые изслѣдователи, не смотря на предразсудки египетскаго народа, смѣло рѣзали, подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства, не только тѣло животныхъ, но даже и человѣческіе трупы. Богатство александрійскихъ библиотекъ известно каждому школьнику. Птолемеи хотѣли собрать въ музеумъ всѣ книги, какія когда либо были написаны людьми; этого имъ не удалось сдѣлать, но до 700,000 томовъ они дѣйствительно пріобрѣли: цифра эта чрезвычайно значительна и даже почти невѣроятна для того времени, когда книгопечатаніе еще не существовало и когда книга была роскошью, понятною и доступною только для очень богатыхъ и просвѣщенныхъ людей. Еще важнѣе всѣхъ этихъ превосходныхъ учрежденій была для процвѣтанія александрійской учености полная терпимость Птолемеевъ ко всѣмъ отбѣнкамъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ Александрію шли, какъ въ совершенно безопасную пристань, безъ различія религіи и національности, всѣ умные люди, преслѣдуемые глупостью своихъ согражданъ или современниковъ. И Птолемеи пристраивали въ своемъ музеумѣ всякаго, кто, по ихъ мнѣнію, обнаруживалъ литературный талантъ или обладалъ научными познаніями. На развитіе литературы, философіи, исторіи и политическихъ наукъ всякое покровительство дѣйствуетъ, конечно, развращающимъ образомъ; всѣ эти отрасли умственной дѣятельности тотчасъ проникаются духомъ лести и превращаются въ пріятное увеселеніе покровительствующихъ особъ. Такъ случилось, разумѣется, и въ Александрію. Но, кромѣ этихъ развращающихъ проявленій человѣческой мысли, есть еще строгія, точныя науки, которыя не гнутся ни въ право, ни въ лѣво, и которыя, вслѣдствіе этой естественной непоколебимости, могутъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, принимать покровительство отъ кого угодно. Именно эти совершенно безстрастныя науки, геометрія, астрономія, механика, физика, анатомія, развились въ александрійскомъ музеумѣ. Многія открытія александрійскихъ ученыхъ по этимъ предметамъ составляютъ до сихъ поръ и будутъ составлять навсегда драгоценную и необходимую часть въ общей совокупности человѣческихъ знаній. Геометрія Эв-

видя до сихъ поръ преподается во всѣхъ европейскихъ школахъ. Архимедъ, жившій въ Сиракузахъ, но учившійся въ Александріи, сдѣлалъ множество открытій въ геометріи, основалъ гидростатику, изучилъ свойства рычага, изобрѣлъ тотъ винтъ, который до сихъ поръ называется архимедовымъ, и, кромѣ того, придумалъ около сорока различныхъ, менѣе важныхъ машинъ. Эратосфенъ, Гиппархъ и Птоломей довели астрономію и математическую географію до той степени развитія, на которой она находилась до временъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона. Александрійскіе астрономы совершенно отбросили мысль о томъ, что земля — плоскій кружокъ, опоясанный океаномъ; они убѣдились въ томъ, что земля есть шарообразное тѣло; они объяснили себѣ настоящія причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и нашли возможность вычислять и предсказывать ихъ заранѣе; они пробовали строго научнымъ путемъ опредѣлить величину земного шара и разстояніе, отдѣляющее его отъ солнца и луны. Географическія и астрономическія сочиненія Птолемея, переведенныя сначала на арабскій языкъ, а потомъ уже на латинскій, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ пользовались непоколебимымъ авторитетомъ у магометанъ и у христіанъ. Птоломей предполагаетъ, что земля стоитъ неподвижно въ пространствѣ и что солнце, луна и планеты обращаются вокругъ нея. Эта теорія прожила почти полторы тысячи лѣтъ, и первымъ послѣдователямъ Коперника побѣда надъ укоренившимися идеями Птолемея досталась цѣною тяжелой и опасной борьбы. — Медицина развилась въ александрійскомъ музеѣ самымъ рациональнымъ образомъ, опираясь на анатомическія изслѣдованія. Основатель музеума, Птоломей Филадельфъ зашелъ такъ далеко въ своемъ усердіи къ развитію науки, что позволилъ медикамъ, приставленнымъ къ музеуму, производить анатомическія опыты надъ живыми преступниками, осужденными на смерть. Изъ александрійскихъ медиковъ замѣчательны Герофила и Эразистратъ. Каждый изъ этихъ двухъ ученыхъ основалъ свою отдѣльную школу, и медики въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій раздѣлялись на *эразистратистовъ* и *герофилистовъ*. Однако позволеніе рѣзать живыхъ преступниковъ не помогло въ провъ александрійской медицинѣ; не смотря на это позволеніе, Герофила и Эразистратъ утверждаютъ единогласно, что въ артеріяхъ заключается не кровь, а воздухъ; о кровообращеніи они оба не имѣли ни малѣйшаго понятія. Если принять въ расчетъ, что эти люди располагали совершенно исключи-

тельными пособіями, то надо сознать, что наблюдательность ихъ была не особенно велика.

IV.

Когда Египетъ былъ обращенъ въ римскую провинцію, александрійская наука медленно начала клониться къ упадку. Музеумъ существовалъ по прежнему; по прежнему въ немъ жили и трудились ученые; но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей и сильной оригинальности мысли, которою отличаются умственные подвиги Эвклида, Архимеда, Эратосфена и Гиппарка. Началось компилированіе и комментированіе старыхъ авторитетовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились. Причину этого упадка мысли можно приписать отчасти подавляющему вліянію римскаго господства. Въ такое время мыслящему человѣку совершенно надоѣдаетъ жизнь; а когда не хочется жить, тогда не зачѣмъ и трудиться надъ разрѣшеніями мудреныхъ научныхъ вопросовъ. Но, если бы даже Египетъ оставался по прежнему подъ господствомъ умныхъ и просвѣщенныхъ Птолемеевъ, то и въ такомъ случаѣ александрійская наука непременно должна была измельчать и одряхлѣть. У нея не было будущаго. Представляя собою самое блестящее проявленіе классической цивилизаціи, она вполнѣ раздѣляла съ этою цивилизаціею ея радикальную и роковую недолговѣчность. Дреперъ въ своей «Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ» (*History of the intellectual developement of Europe*) объясняетъ упадокъ александрійской науки тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время греческій умъ, переживши уже фазы дѣтства, отрочества, юности и мужества, вступилъ въ печальный, но неизбѣжный періодъ старческой дряхлости. Дреперъ думаетъ, что историческая жизнь народовъ совершается по тѣмъ же законамъ, по которымъ располагается жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Я считаю книгу Дрепера очень замѣчательною книгою; я даже положилъ ее въ основаніе моей теперешней статьи, но я долженъ оговориться, что мысли Дрепера о различныхъ неизбѣжныхъ фазахъ въ исторической жизни народовъ рѣшительно не выдерживаютъ серьезной критики. Мы дѣйствительно знаемъ изъ исторіи, что нѣкоторыя народности вымерли, нѣкоторыя цивилизаціи одряхлѣли, уничтожились. Но число этихъ извѣстныхъ намъ примѣровъ до сихъ поръ еще совсѣмъ не такъ

значительно, чтобы мы; *только по одному числу случаев* могли составить себѣ то убѣжденіе, что существуетъ въ природѣ общій законъ, на основаніи котораго каждая народность и каждая цивилизація непременно должна, рано или поздно, одряхлѣть и умереть. Если же мы обратимъ вниманіе не на гуртовую цифру извѣстныхъ намъ историческихъ примѣровъ, а на внутренній смыслъ cadaго отдѣльнаго случая, то мы придемъ совсѣмъ не къ тому результату, къ которому приходитъ Дреперъ. Внимательное изученіе покажетъ намъ, что каждая умершая національность или цивилизація умерла отъ какого нибудь неизлечимаго органическаго порока, таившагося въ ней съ самаго начала ея существованія, или же, что она убита внѣшнимъ насиліемъ, котораго она не могла и не умѣла отразить. То, что Дреперъ принимаетъ за неизбежную старость, оказывается болѣзненнымъ разстройствомъ. Поэтому, если двадцать цивилизацій умерли отъ различныхъ болѣзней, то изъ этого никакъ нельзя вывести заключенія, что двадцать первая цивилизація также непременно умереть отъ какой нибудь болѣзни. Можетъ быть умереть, а можетъ быть и не умереть. Болѣзнь совсѣмъ не то, что старческая дряхлость. Отъ болѣзни можно и уберечься, и вылечиться. Мнѣ кажется, что классическая цивилизація умерла не отъ старости, или вѣрнѣе, она одряхлѣла не потому, что таковъ заковъ природы, а потому, что она заключала въ себѣ неизлечимый органическій порокъ, отъ котораго совершенно свободна новѣйшая европейская цивилизація. Основаніе классической цивилизаціи было очень узко и очень мелко, то есть, эта цивилизація не могла распространяться ни въ ширину, ни въ глубину. Распространенію ея въ ширину, то есть, отъ одного народа къ другому, мѣшала національная вражда. Грекъ считалъ и называлъ варваромъ всякаго не грека. Распространенію ея въ глубину, то есть, отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, мѣшало рабство. Общество, построенное на рабствѣ, всегда будетъ смотрѣть на науку, какъ на аристократическую забаву, недоступную и даже вредную для трудящагося большинства. Въ такомъ обществѣ на всякую умственную дѣятельность смотрятъ не какъ на средство осмыслить и усовершенствовать жизнь, а какъ на средство забыть дрязги и пошлости. Въ такомъ обществѣ люди очень любятъ умозрительную философію, на томъ основаніи, что

Тѣмъ нѣзкихъ истинъ мнѣ дороже
Массѣ возвышающій обманъ.

Низкая истина дѣйствительной жизни такъ остаются навсегда неизменными въ такомъ обществѣ, въ которомъ мыслящіе люди боятся къ нимъ прикоснуться и предпочитаютъ упиваться *возвышающими обманами*. Въ такомъ обществѣ даже строго-реальная наука скоро превращается въ *возвышающій обманъ*. Добытыя истины не находятъ себѣ приложенія; онѣ остаются въ библіотекахъ; онѣ не входятъ ни въ народное міросозерцаніе, ни въ народный трудъ. Ученые чувствуютъ себя одинокими, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанными, никому и ни на что не нужными; они трудятся для собственного удовольствія и теряютъ такимъ образомъ всякое желаніе и всякую возможность отличать полезный трудъ отъ мартышкина труда. Всякій трудъ полезенъ, потому что онъ доставляетъ ученому удовольствіе, и всякій трудъ есть мартышкинъ трудъ, потому что общество не получаетъ отъ него ровню ничего. При такихъ условіяхъ, наука непременно должна измельчать и зачахнуть. Уже великій Архимедъ даетъ намъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ ученые, оторванные отъ жизни, тратятъ свои силы на дѣтскія забавы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ доказываетъ серьезно и пространно, что можно сосчитать не только всѣ песчинки морскихъ береговъ, но даже всѣ песчинки, которыя можно было бы уместить между землею и неподвижными звѣздами. И дѣйствительно, онъ производитъ это вычисленіе. «Такая книга, замѣчаетъ Дреперъ, есть игра математическаго гиганта, безопасно забавляющагося своею собственною слюю.» Такая книга, прибавлю я отъ себя, указываетъ самымъ выразительнымъ образомъ на печальное и почти безнадежное положеніе того общества, среди котораго она возникла. Плохо, очень плохо идетъ жизнь того народа, въ которомъ гиганты, подобные Архимеду, забавляются, вмѣсто того, чтобы работать. Какой-то латинскій писатель въ какомъ-то сочиненіи употребилъ замѣчательное выраженіе «*homo homini lupus*» (человѣкъ человѣку волкъ), то есть, человѣкъ обращается съ человѣкомъ, какъ волкъ на какъ съ волкомъ. Эти три слова: «*homo homini lupus*» превосходно характеризуютъ ту болѣзнь, отъ которой погибла классическая цивилизация. Грекъ на варвара, аристократъ на чернорабочаго, богатъ на бѣдняка, свободный на раба, афинянинъ на спартанца, философъ на неуча, мужчина на женщину, отецъ на сына — всѣ народности, всѣ классы общества, всѣ люди, различные между собою по полу, по возрасту или по образованію, смотрѣли другъ на друга съ недо-

вѣрнемъ, съ недоброедательствомъ, съ пренебреженіемъ и съ худо скрытымъ намѣреніемъ свернуть, осѣдлать, взять въ ежовы рукавицы и обратить въ вѣчное животное. Какъ велись, надримѣръ, тогдашнія войны?—Александръ македонскій, образованный человѣкъ, ученикъ Аристотеля, любитель философіи и естествознанія, въ самое цвѣтущее время эллинизма, распялъ на крестахъ двѣ тысячи тирійцевъ за то великое преступленіе, что они съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ защищали противъ него свой родной городъ. Какъ смотрѣли другъ на друга отдѣльные греческіе города?—Афины такъ озлились за что-то на Мегару, что въ мирное время установили законъ, по которому каждый мегарянинъ, очутившійся въ Афинахъ, немедленно долженъ подвергаться смертной казни.—Какъ относились философы къ народу?—Всѣ они были убѣждены, что народъ никогда не можетъ и не долженъ просвѣщаться; всѣ они считали суевѣріе необходимымъ для массъ, и многіе изъ нихъ имѣли по двѣ доктрины: одну, *экзотерическую* — для всѣхъ желающихъ, другую, *эзотерическую* — для немногихъ посвященныхъ. Когда философы пускались разсуждать о политикѣ, то они всегда сочиняли такое общественное устройство, при которомъ всѣ работаютъ, а философы постоянно кушаютъ и постоянно размышляютъ о сущности всего земного и тѣлеснаго. Что же, наконецъ, должно было выдти изъ этого *homo homini lupus*?—Различныя національности, не умѣющія жить между собою въ добромъ согласіи и неспособныя обогащать другъ друга мирнымъ и плодотворнымъ обменомъ продуктовъ физическаго и умственнаго труда, должны были постоянно ссориться, драться, разорять и поглатить другъ друга. Такъ это и было. Потомъ, когда всѣ народности, облегающія бассейны Средиземнаго моря, оказались достаточно истрепанными, всѣ онѣ должны были попасть подъ господство какой-нибудь одной народности, разумѣется той, которая была затаскана мѣшею всѣхъ остальныхъ. Такъ оно и случилось. Римъ положилъ насильственный конецъ вѣнѣ международнымъ дракамъ по берегамъ Средиземнаго моря. Общее порабощеніе привело за собою общее спокойствіе. Религіи, національности поневолѣ перемѣшались. Шероховатости сгладились отъ ежедневныхъ соприкосновеній. Не находишь себѣ удовлетворенія и питанія въ войнѣ, международныя антипатіи притупились и заглохли. Но въ этомъ вынужденномъ спокойствіи было мало отраднаго. Это было спокойствіе безсилія и обморока. Административныя и финан-

совыя распоряженія Рима поддерживали этотъ обморокъ самымъ тщательнымъ образомъ. Римляне обращались съ завоеванными землями такъ, какъ англичане обращаются съ Остъ-Индією. Они тянули изъ провинцій все, что можно было вытянуть. Покоренныя населенія были задавлены налогами и, кромѣ того, римскіе чиновники постоянно наживали себѣ на ихъ счетъ громадныя состоянія. Римское правительство никогда не заботилось о народномъ благосостояніи; величайшіе политики и администраторы древняго Рима смотрѣли на народъ только съ стратегической, или съ финансовой, или вообще съ отвлеченной государственной точки зрѣнія. Имъ надо было только, чтобы народъ не бунтовалъ, чтобы онъ платилъ большіе налоги и чтобы границы государства были защищены отъ вторженій варваровъ кордономъ укрѣпленныхъ лагерей и военныхъ поселеній. Римляне сооружали въ провинціяхъ превосходныя военныя дороги, водопроводы, мосты, общественныя зданія, театры, цирки; къ обременительнымъ налогамъ присоединялись такимъ образомъ еще натуральныя повинности, люди и рабочій смотъ надрывались въ бесплодныхъ усиліяхъ; крестьянскія хозяйства разорялись; поля оставались необработанными; мелкіе собственники за не платежъ податей продавались въ рабство съ женами и дѣтьми; пахатныя земли, сосредоточиваясь въ рукахъ капиталистовъ, превращались въ пастбища. Живые источники свободнаго народнаго труда быстро изсякали; рабы работали дурно и небрежно; голодъ свирѣпствовалъ постоянно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ обширнаго государства; за голодомъ шли повальныя болѣзни; люди умирали тысячами и земли, составлявшія древній историческій міръ, понемногу превращались въ пустыни, среди которыхъ возвышались, въ видѣ жестокой насмѣшки надъ политическою мудростію римлянъ, обширныя и великолѣпныя города, переполненные голодною чернью и одурѣвшими отъ разврата милліонерами. При такихъ условіяхъ, существованіе цивилизаціи сдѣлалось невозможнымъ; не оставалось даже и послѣдняго исхода: не могло быть такого переворота, который положилъ бы конецъ системѣ финансовой и административной эксплуатаціи; некому было сдѣлать такой переворотъ; деревенское населеніе было такъ задавлено, а городская чернь такъ развращена даровыми зрѣлищами и раздачами дароваго хлѣба, что не откуда было ждать ни малѣйшаго сознательнаго протеста. Исторія Гракховъ достаточно поучительна въ этомъ отношеніи; а со временъ Гракховъ до основанія

имперіи и съ основанія имперіи до ея паденія дѣла шли все хуже да хуже; и каждое слѣдующее поколѣніе оказывалось постоянно глубже и подлѣе предыдущаго. Отъ людей задавленныхъ и развращенныхъ до мозга костей римскою администраціею, отъ рабовъ и рабовладельцевъ, отъ патроновъ и кліентовъ, отъ гладиаторовъ и правдныхъ любителей цирка, отъ всей этой сволочи, сытой до одурѣнія или доведенной голодомъ до собачьей угодливости и до собачьяго безстыдства, отъ всего, что носило на себѣ клеймо римскаго вліянія, ждать было рѣшительно нечего. Римъ, основавшій и поддерживавшій свое господство силою оружія, довелъ себя наконецъ системою своего государственнаго хозяйства до такого полнаго расслабленія, что оказался несостоятельнымъ даже въ своей нарочитой спеціальности. Желѣзные легионы Рима стали терпѣть позорнѣйшія пораженія отъ презрѣнныхъ варваровъ; потомъ пришлось пополнять желѣзные легионы презрѣнными варварами и довѣрять наемникамъ защиту римской имперіи; пришлось уступать варварамъ пограничныя области и откупаться деньгами отъ ихъ набѣговъ. Римское государство умерло и сгнило, такимъ образомъ, задолго до того времени, когда Одоакръ свергнулъ съ престола послѣдняго императора, Ромула-Августула. Варвары, захватывавшіе одну провинцію за другою, могли разорять въ нихъ различныя великолѣпныя строенія, могли сжигать рукописи и картины, но задавить живое начало классической цивилизаціи, они были не въ состояніи, потому что это начало уже давно перестало быть живымъ. Кое-какія знанія, выработанныя Греками, могли пригодиться людямъ во всякое время; но эти знанія были уже, для послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи, обломками далекой и невозвратимой старины, окаменѣлыми остатками такого умственнаго движенія, которое уже давно превратилось и потеряло всякую способность дѣйствовать живительнымъ образомъ на настоящее. Варвары, быть можетъ, врутѣ оборвали такую агонію, которая, безъ ихъ вышательства, протянулась бы еще нѣсколько столѣтій, какъ тянулось, напримѣръ, жалкое прозябаніе византійской имперіи; но, во всякомъ случаѣ, варвары только ускорили, а не нарушили естественный и необходимый ходъ историческихъ событій. Надежды на выздоровленіе и обновленіе не оставалось; значить, надо было, для пользы всего человѣчества, поскорѣе убрать съ дороги гнилое тѣло и начать съ самаго начала,

свѣжими силами, работу новой цивилизаціи. Если Аттила дѣйствительно называлъ себя *бичомъ божіимъ*, то надо полагать, что этотъ дикарь былъ очень умнымъ человѣкомъ и понималъ чрезвычайно вѣрно глубокое историческое значеніе своей разрушительной дѣятельности. Зданіе классической цивилизаціи, цѣлкомъ построенное на рабствѣ, надо было срыть до основанія, и кто ломалъ это зданіе, сознательно или безсознательно, тотъ оказывалъ человѣчеству существенную услугу. Съ этой точки зрѣнія, гунны и вандалы мсгуть быть названы прогрессистами.

У.

Безжизненность греко-римскихъ идей и учрежденій выражается особенно наглядно въ борьбѣ между язычествомъ и христіанствомъ. Многие императоры, смотря на христіанъ, какъ на опасную политическую партію, старались запугать ихъ преслѣдованіями. Преслѣдованія эти не достигали своей цѣли; они давали только христіанамъ возможность обнаруживать торжественно и публично то высокое и непоколебимое мужество, которое всегда одушевляетъ человѣка, идущаго на мученія и на смерть за святыню своего глубокаго и искренняго убѣжденія. Эти поразительные примѣры стойкости и терпѣнія дѣйствовали потрясающимъ образомъ на массу; въ людяхъ *задавленныхъ, загрязненныхъ и изувѣченныхъ свинцовымъ гнетомъ римской жизни*, эти примѣры будили лучшія человѣческія чувства, такія чувства, которыхъ самъ человѣкъ никогда не подозрѣвалъ въ себѣ, которыя дремали въ немъ съ самаго его рожденія и которыя, выплывая наверхъ изъ темной глубины его души, изумляли его самого своею свѣтлою, невиданною и, между тѣмъ, знакомою и родственною красотою. За то, чтобы разъ въ жизни почувствовать себя человѣкомъ, чтобы разъ въ жизни не струсить передъ преторомъ, передъ ликторами и палачами, забитый рабъ или грязный бродяга могъ съ гордою радостью пойдти на смерть, когда онъ видѣлъ, что такую смерть встречали спокойно тѣ загадочные люди, которые называли себя христіанами. Такимъ образомъ, казни являли мучениковъ и содѣйствовали распространенію гонимой религіи. Бывали примѣры, что христіанинъ, сидящій въ тюрьмѣ и уже осужденный на смерть, въ послѣднія минуты своей жизни обращалъ въ христіанство своего тюремщика вель и его вмѣстѣ съ собою на мѣсто казни. Во время

Диоклетіана, христіане составляли уже дѣйствительно такую политическую силу, съ которою надо было обращаться очень осторожно; они были многочисленны не только въ государствѣ, но уже и въ арміи; у нихъ были ревностные агенты во всѣхъ классахъ общества, даже въ императорскомъ дворцѣ, потому что жена и дочь Диоклетіана исповѣдывали новую религію. — Послѣ смерти Диоклетіана, Константинъ одержалъ рѣшительную побѣду въ междоусобныхъ войнахъ, именно потому, что сумѣлъ привлечь на свою сторону христіанъ всей имперіи. При Константинѣ, христіанство сдѣлалось господствующею религіею, и теперь пришло для язычества время расплачиваться за преслѣдованія прежнихъ правительствъ. — Христіанство объявило нестерпимую войну всему, что было связано, такъ или иначе, съ языческими воспоминаніями. Вся классическая цивилизація, философія, наука, искусство, все безъ разбору было занесено въ рубрику язычества и все должно было исчезнуть, какъ суета и прелесть грѣховнаго міра. И по результатамъ своимъ, эти гоненія были совсѣмъ не похожи на тѣ преслѣдованія, которымъ подвергалось христіанство. Здѣсь гонимыя идеи, формы и учрежденія дѣйствительно прятались и исчезали безъ остатка, и почти безъ борьбы. Жрецы, философы, ученые, художники классическаго міра не дали народу ровно ничего, кромѣ бѣдности, невѣжества, распутства и страданія. Народу не за что было любить этихъ людей, и, когда явились новые вожди, тогда народъ сталъ ломать статуи боговъ, разрушать ихъ жертвенники, рвать и жечь сочиненія философовъ, ученыхъ и поэтовъ. И новые вожди, дѣйствительно, держали себя иногда съ такимъ мужествомъ и съ такимъ достоинствомъ, что неотразимое вліяніе ихъ на умы народа становится совершенно понятнымъ. Случилось однажды, что императоръ Феодосій Великій изъ личнаго мщенія, избилъ въ Фессалоникѣ семь тысячъ гражданъ, находившихся въ циркѣ, за что епископъ Амвросій медиоланскій не далъ ему причастія, не пустилъ его въ церковь и заставилъ его принести публичное покаяніе. Если принять въ соображеніе энергическій характеръ Феодосія, проявившійся съ достаточною очевидностью въ его фессалоникскомъ подвигѣ, и если припомнить, кромѣ того, что церковь и духовенство были обязаны этому императору очень важными льготами, то надо будетъ сознаться, что поступокъ Амвросія представляетъ очень яркій примѣръ непоколебимаго мужества, неподкупной гражданской честности.

Разумѣется, молва объ этомъ поступкѣ разнеслась во все концы имперіи и, по всей вѣроятности, многіе приверженцы старой религіи съ глубокимъ огорченіемъ провели параллель между стойкостью христіанскаго епископа и угодливостью тѣхъ языческихъ жрецовъ, которые совершали жертвоприношенія передъ живымъ богомъ Калигулою или передъ статуею Антиноя, красиваго мальчика, пользовавшагося страстною любовью императора Адриана. Народъ не имѣлъ понятія о томъ, что есть возможность напоминать цезарямъ о требованіяхъ справедливости; и вдругъ эта возможность явилась; понятно, на какую высоту должно было подняться въ глазахъ народа то учрежденіе, отъ лица котораго можно было давать свѣтской власти такіе выразительные уроки. Царствованіе Феодосія нанесло смертельный ударъ древней религіи и древней философіи; языческія гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ были объявлены уголовными преступленіями; вслѣдъ затѣмъ, въ 394 году, запрещено приносить жертвы богамъ и входить въ ихъ храмы; доходы и владѣнія храмовъ взяты въ государственную казну; зданія многихъ храмовъ разрушены. Для того, чтобы охранить христіанскую церковь отъ ересей, Феодосій учредилъ особыхъ инквизиторовъ, соединившихъ въ своемъ лицѣ обязанности доносчиковъ и судей. Любопытно при этомъ замѣтить, что Феодосій былъ родомъ изъ Испаніи, изъ той самой страны, которая, много вѣковъ спустя, съ особенною любовью пригрѣла на своей груди судилище инквизиціи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.

Далѣе, тотъ же Феодосій объявилъ указомъ, что подвергаются лишенію гражданскихъ правъ и ссылкѣ все тѣ люди, которые въ чемъ бы то ни было окажутся несогласными съ религіозными убѣжденіями Дамаза, епископа римскаго, и Петра, епископа александрійскаго. Въ этомъ указѣ Феодосія проглядываетъ первый намекъ на будущій догматъ римской церкви о непогрѣшимости папы. Этимъ же указомъ объявляется смертная казнь тѣмъ христіанамъ, которые будутъ праздновать пасху въ одинъ день съ евреями. Видя такое усердіе въ императорѣ, христіане воспользовались всеми выгодами своего положенія и стали дѣятельно разрушать все, что назалось имъ связаннымъ, такъ или иначе съ отжившею религіею. При этомъ въ Александрии произошла проволочная сшибка между христіанами и язычниками, которые, не считая на свое сопротивленіе, были, разумѣется, окончательно побѣждены. Александрія можетъ служить

провоходнымъ образчикомъ тогдашняго историческаго міра; въ ней были перемѣшаны и доведены до высшей степени напряженія всѣ боровавшіяся между собою историческія силы. Въ этомъ городѣ было до сорока тысячъ евреевъ, предприимчивыхъ, образованныхъ и державшихъ въ своей власти большую часть обширной александрійской торговли. Язычество было очень сильно въ Александріи, потому что именно въ этомъ мѣстѣ греко-римскія идеи слились съ сѣдою древностью египетскаго символизма. Жрецы Сераписа и Ивиды считались постоянно самыми учеными, самыми строгими и самыми опытными хранителями всѣхъ таинствъ языческой святости. Многіе изъ мистиковъ и піетистовъ древняго міра были сами родомъ изъ Александріи, другіе ѣздили въ этотъ городъ нарочно за тѣмъ, чтобы поучиться у тамошнихъ жрецовъ ихъ таинственной мудрости. — Философскій скептицизмъ и древняя наука держались еще въ высшихъ слояхъ александрійскаго общества; въ древнемъ музеемѣ, переведенномъ послѣ Юлія Цезаря въ роскошное зданіе храма Сераписа, хранилось еще огромное количество разнообразныхъ рукописей и ученыхъ инструментовъ; этими сокровищами еще пользовались заноздалые преемники Эвклида, Гиппарха и Эратосфена. — Наконецъ, христіанство также пустило очень глубокіе корни въ Александріи и во всемъ Египтѣ. Епископъ александрійскій, по своему вліянію на дѣла вселенской церкви, стоялъ въ четвертомъ вѣкѣ наравнѣ съ епископами римскимъ и константинопольскимъ и постоянно оспаривалъ у нихъ первенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Александрія была центромъ самыхъ горячихъ богословскихъ споровъ; въ Александріи возникла важнѣйшая изъ христіанскихъ ересей, знаменитая въ исторіи подъ именемъ арианства. А усерднѣйшимъ противникомъ арианства и неутомимѣйшимъ врагомъ самаго Арія былъ епископъ александрійскій, Афанасій. Кроме того, отшельничество и монашество возникли въ верхнемъ Египтѣ, и въ четвертомъ вѣкѣ вся сѣверная Африка была уже устѣна кельями пустынниковъ и многочисленными монастырями. — Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній не трудно вывести то общее заключеніе, что въ Александріи были собраны всѣ матеріалы для драматическаго столкновенія между самыми ревностными христіанами и самыми упорными защитниками языческой старины. Епископъ александрійскій Феодотъ, получивъ отъ правительства позволеніе построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, которое занято было прежде храмомъ

Озириса, сталъ рыть фундаментъ для новаго зданія и нашелъ въ землѣ символическія изображенія, употреблявшіяся при таинствахъ египетскаго бога. Такъ какъ Озирисъ представлялъ собою оплодотворяющую силу природы, то изображенія оказались очень неприличнаго свойства, и епископъ, для посрамленія язычества, приказалъ выставить ихъ на базарную площадь. Такое оскорбленіе показалось невыносимымъ для старой египетской партіи. Люди этой партіи собрались въ храмъ Сераписа съ оружіемъ въ рукахъ; потомъ, сдѣлавъ изъ своей крѣпкой позиціи удачную вылазку, захватили на улпцахъ нѣсколько человекъ христіанъ, затащили ихъ въ храмъ, заставили ихъ принести тамъ языческую жертву и зарѣзали ихъ самихъ на тѣхъ же самыхъ жертвенникахъ. Епископъ тотчасъ отправилъ донесеніе къ императору Феодосію, который немедленно положилъ резолюцію — разрушить храмъ Сераписа до основанія, а за исполненіемъ этого приказанія наблюдать самому Феодилу. Языческая партія совершенно упала духомъ, положила оружіе и разсѣялась безъ сопротивленія, а исполнители Феодосіева приказанія сожгли бібліотеку, изломали математическіе инструменты, изрубили въ куски статую Сераписа, изъ подъ которой, къ великому удовольствію всѣхъ присутствующихъ, выбѣжала цѣлая колонія перепуганныхъ крысъ, отобрали въ пользу церкви все золото и серебро, заключавшееся въ храмѣ, и дѣйствительно сравняли съ землею громадное зданіе, составлявшее одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній греческой архитектуры. — Вслѣдъ за временами Феодосія Великаго, свободная дѣятельность мысли превращается на Западѣ въ самое ужасное изъ всѣхъ возможныхъ преступленій. Воровъ и разбойниковъ просто вѣшаютъ, а иногда даже и не вѣшаютъ; но мыслителей жгутъ живьемъ; потому что всѣ мыслители и всѣ ученые изслѣдователи называются колдунами или еретиками. Клерикальные писатели четвертаго и пятаго вѣка совершенно систематически выражаютъ свое полное презрѣніе ко всему, что выработала древняя наука. «Не по незванію тѣхъ вещей, пишетъ Евсевій, которыми восхищаются философы, но, по презрѣнію къ столь бесполезному труду мы такъ мало занимаемся этими предметами, обращая нашъ духъ на болѣе возвышенные подвиги». Къ сожалѣнію, многіе изъ писателей этого времени, при всемъ своемъ презрѣніи къ земной мудрости, все-таки разсуждали о многихъ, чисто-земныхъ и строго-научныхъ вопросахъ, напримѣръ, о фигурѣ нашей планеты, о ея положеніи въ простран-

ствѣ, объ антиподахъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій составилъ цѣлый космографическій кодексъ, который средневѣковые схоластики вызубрили наизусть, и которымъ они, съ замѣчательною храбростью, поражали то Колумба, то Магеллана, то Галилея. А вотъ образчикъ этихъ разсужденій, взятый изъ сочиненій Лактанція: «Неужели есть люди, достаточно глухие для того, чтобы предполагать, будто на другой сторонѣ земли жатвы и деревья висятъ верхушками къ низу и будто у тамошнихъ людей ноги находятся выше головы? Если вы спросите у нихъ, какимъ образомъ они защищаютъ подобныя нелѣпости и какимъ образомъ предметы нашей стороны не отваливаются прочь отъ земли, то они вамъ отвѣтятъ, что такъ устроена природа вещей, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія тѣла, напримѣръ, облака, дымъ, огонь стремятся отъ центра къ небу, на всѣхъ сторонахъ земли. Тутъ ужъ я рѣшительно становлюсь въ тупикъ и не знаю, что сказать такимъ людямъ, которые, сдѣлавъ въ своемъ разсужденіи ошибку, постоянно упорствуютъ въ своемъ безуміи и защищаютъ одно нелѣпое мнѣніе другимъ, еще болѣе нелѣпнымъ.»—Августинъ также отрицаетъ существованіе антиподовъ и подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументами и цитатами, еще болѣе неотразимыми. Человѣчество старалось, такимъ образомъ, забыть все, что было выработано классическимъ періодомъ его исторической жизни. Причина этого, чрезвычайно замѣчательнаго, явленія, заключается, по моему крайнему разумѣнію, именно въ томъ, что классическая наука всегда и вездѣ держала себя совершенно «пассивною», никогда не старалась проникнуть въ народную жизнь и приобрести себѣ вліяніе надъ ея отправлениями, никогда и ничѣмъ не облегчала участь задавленной массы и поэтому упрочила за собою въ ея глазахъ репутацію пустой прихоти и презрѣнной забавы.

VI.

Въ самыя мрачныя времена всемірной исторіи, человѣческій умъ все-таки съ неотразимою силою требуетъ себѣ пищи и дѣятельности. Когда мірская философія и мірская наука впали въ немилость, тогда самыя живые и подвижныя умы обратились на размышленія о догматахъ вѣры. Въ этихъ размышленіяхъ не было никакихъ скептическихъ тенденцій; каждый вѣровалъ горячо и чистосердечно, но

каждый хотѣлъ совершать догматы своей религіи во всей ихъ непосредственной чистотѣ и подлинности; каждый отдѣльный чело-вѣкъ, у котораго было время, желаніе и возможность заниматься размышленіями, старался уберечь догматъ отъ ошибочныхъ дополненій и толкованій, вносимыхъ въ него другими людьми. Чѣмъ искреннѣе было религиозное чувство, тѣмъ неизбѣжнѣе было разногласіе и тѣмъ ожесточеннѣе должны были быть столкновения между несходными понятіями. Оттѣсненный отъ области безстрастнаго научнаго изслѣдованія, набоная содержалась въ преданіи, человѣческій умъ бросился стремглавъ на арену раздражающихъ богословскихъ прешій; ереси были неизбѣжны и, дѣйствительно, ариане, несторіане, макадоніане, евтихіане, пелагіане, полу-пелагіане, монофизиты, монофелиты въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій волновали весь христіанскій міръ своими безпомечными и безъисходными преніями и раздорами. Религиозныя разногласія могли возникать изъ субъективныхъ настроеній; люди могли бороться между собою на смерть изъ-за такихъ идей, которыя они дѣйствительно считали своимъ драгоценнѣйшимъ достояніемъ. Но само собою разумѣется, что въ такую борьбу вышнвались постоянно, въ большей или въ меньшей степени, побужденія вовсе не возвышенныя и совсѣмъ не похвальныя: то честолюбіе, то корыстолюбіе, то политическій расчетъ, то стремленіе угодить сильному лицу, то желаніе подставить ногу личному врагу. Что религиозное усердіе дѣйствительно прикрывало собою расчеты и побужденія, не имѣющія ничего общаго съ религіею и ея догматами,—это доказывается очень убѣдительно крупными историческими фактами. Достаточно взглянуть на отношенія римскихъ епископовъ къ восточной церкви. Когда папамъ выгодно было балансировать между византійскимъ императоромъ и французскими королями, тогда они балансировали; когда надо было приблизиться въ византійскому двору, они приближались; когда оказалась возможность занять совершенно самостоятельное положеніе, они круто разорвали всякую связь съ восточною церковью; и для всѣхъ этихъ маневровскихъ эволюцій отыскывался и подтасовывался всегда чисто догматическій предлогъ; все это, повидимому, дѣлалось *ad maiorem Dei gloriam*, а совсѣмъ не по расчетамъ земной политики. Но иногда историческія обстоятельства слагались такъ неожиданно круто, что масса безкорыстнаго усердія не могла удержаться на своемъ мѣстѣ, и наполево выпутывалось изъ своего недовольнаго положенія безъ

громкаго скандала только благодаря тому обстоятельству, что новѣйшее тогдашняго общества было действительно выше всякаго описанія. — Въ началѣ восьмюго вѣка, византійскій императоръ, Левъ Исавриецъ, задумалъ искоренить въ своихъ владѣннхъ почитаніе иконъ; началась жестокая борьба между гражданскою властью, съ одной стороны, и массами народа, бѣлымъ духовенствомъ и многочисленнымъ греческимъ монашествомъ, съ другой стороны. Не смотря на всѣ волненія, императоръ настоялъ на своемъ; сынъ и наследникъ его, Константинъ Копронимъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; сынъ Константина, Левъ, былъ также иконоборцемъ; такимъ образомъ, преслѣдованіе иконъ продолжалось въ византійской имперіи слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Во все это время, папы на отрывъ отказывались признавать надъ собою господство императоровъ, на томъ основаніи, что императоры запянули себя ересью. А настоящая причина заключалась въ томъ, что императоры были заняты опасными войнами съ арабами и болгарами, и что имъ, стало быть, некогда было думать о покореніи Италіи и объ усмиреніи задорныхъ папъ. Въ половинѣ VIII-го столѣтія, папы сбавились съ франкскими королями. Папа Захарій своимъ духовнымъ вліяніемъ помогъ Пипину Короткому сѣсть на престолъ Меровинговъ и запретить въ монастырь законнаго короля; а Пипинъ, за эту дружескую услугу, поколотилъ лонгобардовъ, притѣснявшихъ папу; сынъ Пипина, Карлъ Великій, совершенно разрушилъ лонгобардское царство и завоеваніями своими усилился до такой степени, что папа безусловно подчинился его могучей волѣ. Но на бѣду случилось такъ, что Карлу пришла въ голову та самая фантазія, которая надѣлала столько шуму въ византійской имперіи: Карлъ объявилъ себя противникомъ иконопочитанія и приказалъ даже одному изъ своихъ придворныхъ ученыхъ написать въ этомъ направленіи цѣлый богословскій трактатъ. А въ это время иконоборчество уже не существовало въ византійской имперіи. Папа былъ поставленъ въ самое двусмысленное положеніе. Догматическая послѣдовательность требовала отъ него, чтобы онъ уличилъ Карла въ ереси, и чтобы онъ возстановилъ съ византійскимъ дворомъ тѣ отношенія, которыя были прерваны иконоборческою дѣятельностью трехъ императоровъ. Но Карлъ былъ очень силенъ, Византія была очень слаба, а папа былъ очень сообразителенъ. Богословскія доктрины Карла не встрѣтили себѣ со стороны папы ни малѣйшаго

противорѣчія; папа остался по прежнему, подъ покровительствомъ Карла, не смотря на его еретическія мнѣнія, — и не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Византією, не смотря на ея безукоризненную ортодоксію. — Такимъ же чисто дипломатическимъ характеромъ отличаются тѣ раздоры между папою Николаемъ I и константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, которые привели за собою окончательное отдѣленіе западной церкви отъ восточной. И тѣ же самые житейскіе расчеты играютъ главную роль въ исторіи всѣхъ ересей, волновавшихъ церковь и гражданское общество во все время смутнаго средневѣкового броженія европейской мысли. Были тутъ и чистыя личности, фанатически преданныя своей идеѣ; были преслѣдователи, глубоко убѣжденные въ необходимости преслѣдованія; но эти безхитростные люди всегда были орудіями въ рукахъ искусныхъ механиковъ, не вѣрившихъ ни во что, или политическихъ партій, совершенно равнодушныхъ къ догматическому и нравственному достоинству употребляемыхъ средствъ. — Въ 622 году, пятидесятилѣтній мечтатель, аравитянинъ Магометъ, сынъ Абдуллы, принужденъ былъ бѣжать тайкомъ изъ Мекки въ Медину и скрываться отъ своихъ преслѣдователей во время этого путешествія въ различныхъ тущобахъ и горахъ. А *черезъ двадцать лѣтъ* послѣ этого событія, ученики этого бѣглеца-мечтателя владѣли всѣми землями отъ Триполи въ Африкѣ до Индіи, и отъ Индѣйскаго океана до Кавказа. Такой сказочный переворотъ былъ бы для насъ необходимымъ чудомъ, если бы мы не обратили вниманіе на то, что большая часть областей, завоеванныхъ аравитянами, была оторвана ими отъ византійской имперіи, и что всѣ эти области были переполнены разными еретиками. Нѣкоторыя завоеванія первостепенной важности были шріятнымъ сюрпризомъ для самыхъ аравитянъ. Такимъ неожиданнымъ образомъ былъ завоеванъ Египетъ. Въ 639 году, халифъ Омаръ послалъ туда изъ Сиріи своего полководца Амру съ войскомъ въ *четыре тысячи* человекъ. Эта компанія въ глазахъ Омара была просто военною диверсією или опустошительнымъ набѣгомъ. Амру получилъ отъ него приказаніе не забираться въ глубину страны и поворотить назадъ. Но Амру не послушался, завелъ сношенія съ жителями Египта, разбилъ греческія войска въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, получивъ подкрѣпленіе отъ халифа, навсегда оторвалъ Египетъ отъ христіанскаго міра; лучшія области византійской имперіи, Сирія, Египетъ, вся сѣверная Африка, земли, игравшія самую важную роль

въ древнѣйшей исторіи христіанства, отдались магометанамъ безъ сопротивленія. Іерусалимъ, Антиохія, Александрія, Карфагенъ, — города, въ которыхъ христіанство выросло и укрѣпилось, одерживая свои первыя побѣды надъ язычествомъ и іудействомъ, увидѣли въ своихъ собственныхъ стѣнахъ торжество дерзкихъ людей, снимающихъ съ церкви кресты, отминаящихъ колокольный звонъ. Значить, вѣра азійскихъ и африканскихъ христіанъ покачнулась очень сильно, когда такъ легко увидѣли, что побѣда осталась за аравитянами. Многія тысячи людей обратились къ магометанству потому что тѣ изъ христіанъ которые пожелали бы сохранить свою религію, были обложены поголовною податью, которая не распространялась на поклонниковъ Аллаха и его пророка. Покоряя византійскія провинціи, Омаръ въ то же время велъ войну съ персидскимъ рыцарствомъ, которое также сдѣлалось добычею аравитянъ. Но персы сопротивлялись очень упорно: цѣлыя области персидскаго царства, уже покоренныя магометанами, поднимались снова, такъ что ихъ приходилось завоевывать во второй разъ. Раздраженіе персовъ противъ чужеземныхъ завоевателей было такъ сильно, что самъ Омаръ заплатилъ жизнью за побѣды своихъ армій; персъ Фирусъ, фанатикъ изъ простонародья, зарѣзалъ этого халифа, какъ виновника тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на персидское государство и на религію огнепоклонниковъ. Ничего подобнаго не было въ византійскихъ провинціяхъ: онѣ покорились сразу и послѣ этого уже не пошевельнулись.

VII.

Въ Азіи аравитяне пришли въ соприкосновеніе съ христіанскою сектою несторіанъ, а въ Африкѣ они испытали на себѣ умственное вліяніе тамошнихъ евреевъ. Несторіанская секта была основана въ началѣ пятаго вѣка константинопольскимъ патріархомъ Несторіемъ, который, за свои еретическія мнѣнія о Пресвятой Дѣвѣ, былъ лишенъ святительскаго сана, преданъ на вселенскомъ соборѣ церковному проклятію и сосланъ въ отдаленный египетскій оазисъ, въ которомъ онъ и умеръ. Послѣ паденія своего учителя, многочисленныя послѣдователи бывшаго патріарха выселились на берега Еврата и основали тамъ такъ называемую халдейскую церковь. Многіе изъ этихъ еретиковъ любили древнюю науку; они открыли въ Эдессѣ коллегіумъ и завели нѣсколько школъ; въ этихъ школахъ были переведены на сирійскій языкъ нѣкоторыя греческія и латинскія

рукописи, и въ томъ числѣ сочиненія Аристотеля и естественная исторія Плинія старшаго. Не смотря на всё стараніе византійскаго правительства подавить всякое самостоятельное проявленіе мысли, историческія общины продолжали кѣлихоньку заниматься чтеніемъ, переписываніемъ и переводомъ старинныхъ книгъ, выбирая преимущественно все то, что относилось къ изученію природы. Особенно старательно собирали они сочиненія греческихъ врачей; Гиппократъ, Книдская школа, Герасимъ, Эразистратъ и многочисленные ихъ послѣдователи сдѣлались для исторіи предметовъ самаго тщательнаго изученія. Само собою разумѣется, что ихъ дѣятельность не ограничивалась однимъ пассивнымъ собираніемъ и чтеніемъ рукописей. Медицина — дѣло такое живое, такое необходимое въ каждую данную минуту, что, при ея изученіи, свѣдѣнія, добываемыя изъ книгъ, постоянно прикладываются къ практикѣ, постоянно пробѣряются вседневнымъ опытомъ, и такимъ образомъ, на каждомъ шагѣ видоизмѣняются и дополняются личными наблюденіями учащагося субъекта. — Умственная дѣятельность африканскихъ евреевъ направлялась также преимущественно на изученіе медицины: у нихъ были свои самостоятельные изслѣдователи, и одинъ изъ нихъ, Рабъ, занимавшійся анатоміею и описавшій подробно устройство человѣческаго тѣла, приобрѣлъ себѣ своими трудами такую знаменитость, что, послѣ его смерти, простой народъ употреблялъ, вмѣсто лекарства, землю съ его могилы. Эта черта обрисовываетъ наглядно характеръ времени и народа. Ученаго уважаютъ, но уважаютъ, какъ могучаго волшебника. Въ трудахъ самихъ ученыхъ, какъ исторіанъ, такъ и евреевъ, можно замѣтить такое же сильное уваженіе къ наукѣ, перемѣшанное съ такимъ же сильнымъ стремленіемъ къ чудесному, таинственному и сверхъестественному. Религіозный фанатизмъ, воодушевлявшій аравитянъ во время ихъ завоевательныхъ подвиговъ, не долго мѣшалъ ихъ сближенію съ учеными евреями и греками. Какъ только халфаты принялъ размѣры огромной имперіи, такъ правительство тотчасъ почувствовало необходимость образованныхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ административной и промышленной техники. Уже въ половинѣ седьмого столѣтія между аравитянами появились скептики, критикованіе керанъ; ученые много вѣрны сдѣлались лейбъ-медиками и додѣренными лицами халфовъ; а Фаруиъ-аль-Рашиди, царствовавшій въ концѣ VIII столѣтія, назначилъ даже историческаго ученаго, Маазу, главнымъ начальникомъ

всѣхъ публичныхъ школъ, то есть, по нашему, министерствѣ народнаго просвѣщенія. Такой примѣръ терпимости былъ бы замѣчательнѣе даже въ Европѣ XIX вѣка; толки о вступленіи свравсѣ въ англійскій парламентъ и о правахъ этого народа въ разныхъ другихъ государствахъ Европы хорошо знакомы каждому изъ насъ. — Подъ вліяніемъ образовавшихся халифовъ, высшія училища возникли во всѣхъ концахъ магометанскаго государства; въ Багдадѣ, въ Бассорѣ, въ Испани, въ Самаркандѣ, въ Фецѣ, въ Марокко, въ Кордовѣ, въ Севильѣ, въ Гренадѣ появились расадники строго-научнаго образования; всѣ эти города, погруженные теперь въ глубокое невѣжество, были наполнены учеными и литераторами въ то время, когда Англія, Франція и Германія были покрыты лѣсами и трудно населены грубыми и звѣрообразными дикарями. — Движеніе, возбужденное въ передней Азіи арабскими завоеваніями, перемѣшало между собою всѣ элементы тамошней умственной жизни. Арабтлане сблизили астрономію и медицину грековъ съ астрономією и магією персовъ. По складу своего національнаго ума, арабтлане любили все, что возбуждало фантазію; персидское чернокишіе не пропахло для нихъ даромъ; они съ радостью повѣрили тому, что небесныя тѣла дѣйствуютъ на жизнь людей; что существуетъ таинственная связь между металлами и планетами; что въ каждомъ кускѣ одушевленнаго или неодушевленнаго вещества заключается частица общей міровой души, и что на эту частицу можно дѣйствовать различными заклинаніями и таинственными операціями. Въ связи съ этою доктриною о міровой душѣ находилась та обаятельная идея, что природа различными неизвѣданными процессами превращаетъ одну вещь въ другую, что, напримеръ, свинецъ и ядъ перерождаются въ недрахъ земли, подъ вліяніемъ небесныхъ тѣлъ, въ золото и въ серебро. Человѣкъ, всегда добившійся за богатствомъ и всегда видѣвшій, по своей глупости, богатство въ красивыхъ катушкахъ или въ кускахъ блестящаго металла, — непременно долженъ былъ соблазниться этою доктриною и сдѣлать изъ нея практическое приложеніе. Задача чловѣка, желающаго приобрести могущество и богатство, состояла въ томъ, чтобы подмѣнить, или вѣрнѣе, ошупью отыскать таинственные процессы, посредствомъ которыхъ природа творитъ драгоценные металлы изъ низкаго и ничтожнаго матеріала. За это исканіе арабтлане принялись очень горячо, и ихъ подвиги на этомъ поприщѣ

жи́ють чрезвычайно важное значеніе въ исторіи общечеловѣческой мысли. Во-первыхъ, они старались добыть такое вещество, которое, въ соединеніи съ силою огня, очищало бы всѣ низвія тѣла природы отъ грубыхъ и грязныхъ примѣсей и оставляло бы въ результатѣ драгоцѣнный металлъ. Это вещество называлось философскимъ камнемъ. Потомъ, придавая золоту множество фантастическихъ достоинствъ, алхимики убѣдили себя въ томъ, что, если бы удалось превратить золото въ такую жидкость, которую человекъ могъ бы пить, то это золотое питье навсегда сохранило бы въ человекѣ жизнь и силу молодости. Такимъ образомъ возродилось то исканіе жизненнаго эликсира, которому предавался старикъ Птоломей Филадельфъ въ александрійской лабораторіи. Гонясь за призраками безконечнаго богатства и безконечной жизни, аравійскіе алхимики въ теченіе многихъ столѣтій толкли, варили, смѣшивали, пережигали, переплавляли, просѣивали и процѣживали, и всячески переработывали въ своихъ таинственныхъ мастерскихъ всевозможныя вещества, твердыя и жидкія, органическія и неорганическія, благоухающія и вонючія. Иной разъ алхимикъ взлеталъ на воздухъ со всею своею лабораторіею; въ народѣ распространялся слухъ, что черти унесли въ преисподнюю проклятаго колдуна; но эти случаи не смущали другихъ алхимиковъ и они съ неутомимымъ упорствомъ продолжали заниматься тѣмъ, что они называли *великимъ дѣломъ*. И дѣло ихъ было дѣйствительно *великое*. Философскаго камня они не нашли; жизненнаго эликсира не добыли; но ихъ многолѣтнія изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи. Алхимики напоминаютъ мнѣ известную басню о томъ человекѣ, который передъ смертію сказалъ своимъ дѣтямъ, что въ его полѣ зарытъ кладъ. Клада не нашлось, но поле, взрытое по всѣмъ направленіямъ, стало давать богатые урожаи. Еслибъ не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ эликсирѣ, то не было бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и проложили дорогу къ болѣе рациональнымъ изслѣдованіямъ.

Д. Писаревъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕРѢШЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ).

I.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, извѣстный мыслитель и фантазеръ, Пьеръ Леру, написалъ одну очень странную книгу «о человѣчествѣ» (De l'humanité). Въ этой странной книгѣ имѣется достаточное количество самой вопіющей галиматъи; до того человѣкъ забирается, что горячо и серьезно доказываетъ и объясняетъ, какимъ манеромъ человѣческія души переселяются изъ одного тѣла въ другое. По его метафизическимъ выкладкамъ выходитъ, что у насъ нѣтъ предковъ и что у насъ не будетъ потомковъ, а что мы, со времени Адама, всегда жили и всегда будемъ жить постоянно обновляющеюся жизнью въ томъ громадномъ организмѣ, который называется на языкѣ Леру—«человѣкъ-человѣчество» (l'homme-humanité). Читаете вы эту книгу и только плечами пожимаете. Ахъ, какъ вретъ! думаете вы; Боже мой, какъ неистово вретъ! А между тѣмъ, — странное дѣло! вы все-таки дочитываете съумазбродную книгу до конца; и потомъ, дочитавши ее, вы сохраняете объ ея авторѣ очень свѣтлое воспоминаніе; вы невольно относитесь къ Пьеру Леру съ любовью и даже съ уваженіемъ. У Пьера Леру были послѣдователи и горя-

чіе поклонники. Жоржъ Зандъ подчинялась чарующему вліянію его фантазій и написала два превосходные романа: «*Consuelo*» и «*la Comtesse de Rudolstadt*» подъ господствомъ обаятельно-мистической идеи о переселеніи человѣческихъ душъ.—И все это очень понятно. Пьеръ Леру принадлежитъ къ числу тѣхъ страстно-честныхъ людей, которые много возлюбили и которымъ за это многое прощается, даже вся неисчерпаемая бессмыслица ихъ непредѣльнаго вранья. Тѣмъ это вранье и обаятельно, что все въ немъ совершенно искренно; нѣтъ въ немъ ни малѣйшей декламации. Леру страстно влюбленъ въ человечество, страстно вѣрить въ его безконечное совершенствованіе, страстно стремится къ далекому будущему и всѣхъ этихъ страстностей оказывается черезъ-чуръ достаточно, чтобы совершенно заглушить въ его умѣ голосъ простого здраваго смысла, который по тихоньку нашептываетъ ему очень печальныя истины.— Ты, братъ Леру, говорить ему здравый смыслъ, не очень восхищайся. Ты все-таки умрешь лѣтъ черезъ тридцать или черезъ сорокъ и обо всякихъ грядущихъ великолѣпіяхъ человѣческаго прогресса ты не получишь никогда ни малѣйшаго понятія.—Вздоръ! отвѣчаетъ Леру въ порывѣ прогрессивнаго восторга. Я люблю человечество, я живу съ нимъ одною жизнью и буду вѣчно жить, любить и мыслить на той самой землѣ, на которой совершается непредѣльное историческое развитіе громаднаго организма *homme-humanité*. Любовь къ людямъ и къ жизни доходитъ очевидно до галлюцинаціи; мы ясно видимъ всѣ признаки бреда, но мы понимаемъ также причины этого явленія и никогда не рѣшимся оскорбить насмѣшкою или презрѣніемъ такую личность, у которой любовь къ человечеству развилась до пожирающей страсти, до фанатизма и наконецъ до сумасшествія. Эта любовь, доводящая всѣ умственныя силы Леру до неестественнаго и, слѣдовательно, болѣзненнаго напряженія, все-таки облагораживаетъ, очищаетъ его личность и возводитъ ее на такую высоту, съ которой онъ окидываетъ широкимъ и проницательнымъ взглядомъ всю исторію человѣческой мысли. Онъ понимаетъ и эпикуреизмъ, и стоицизмъ, и Платона, и Аристотеля, и мистиковъ, и рационалистовъ, и скептиковъ, и аскетовъ. Отдавая всѣмъ имъ должную справедливость, отмѣчая яркими и вѣрными чертами ихъ историческое значеніе, онъ понимаетъ и глубоко чувствуетъ, что человечество вырастаетъ изъ своихъ пеленокъ и что въ его сильномъ коллективномъ умѣ медленно созрѣваетъ что-то новое и громадное, что-то

такое, въ чемъ совмѣстятся всѣ истины отжившихъ и отживающихъ философскихъ системъ. Когда Леру слѣзаетъ съ своего любимаго конька, то есть, когда онъ перестаетъ городить чепуху о переселеніи душъ, тогда у него, почти на каждой страницѣ, сыпятся, какъ крупныя искры, свѣтлыя и превосходныя мысли, выраженный тѣмъ яркимъ и могучимъ языкомъ, которымъ владѣютъ Гюго, Кинэ, Мишле, Прудонъ, Жоржъ Зандъ и Леру. Одна изъ подобныхъ мыслей особенно сильно пришлась мнѣ по душѣ, такъ что я рѣшился положить ее въ основаніе моихъ реалистическихъ размышленій о наукѣ и искусствѣ. Чтобы эта мысль сдѣлалась вполне понятною моимъ читателямъ и чтобы она освѣтилась для нихъ со всѣхъ сторонъ, я счелъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ источникѣ, изъ котораго она заимствована. «A un point de vue élevé, говорить Леру, les poètes sont ceux qui, d'époque en époque, signalent les maux de l'humanité, de même que les philosophes sont ceux qui s'occupent de sa guérison et de son salut. *) Мнѣ кажется, тому человѣку, который такъ высоко и такъ просто понимаетъ и опредѣляетъ призваніе истиннаго поэта и истиннаго мыслителя, тому человѣку, говорю я, можно простить даже печальную наклонность къ переселенію человѣческихъ душъ.

II.

Люди издавна стремились создать вокругъ себя искусственную атмосферу тепла, аромата и роскоши. Они удовлетворяли всѣмъ естественнымъ потребностямъ своего организма, но этого было мало; они придумывали себѣ новыя потребности, создавали себѣ новыя, чисто искусственныя страсти, нѣжили, лелѣли, воспитывали и доводили ихъ до высокой степени чуткости, впечатлительности и утонченности. Человѣкъ развивалъ въ своей личности чувства и страсти для того, чтобы извлекать себѣ изъ жизни какъ можно больше разнообразнаго и безмятежнаго наслажденія. Но расчетъ оказался не совсѣмъ вѣренъ. Тѣ самыя страсти и чувства, которыя должны были служить приправою утонченнаго обѣда или очарователь-

*) „Съ высшей точки зрѣнія, поэтами можно назвать тѣхъ людей, которые, изъ эпохи въ эпоху, раскрываютъ передъ нами страданія человечества, а мыслителями — тѣхъ людей, которые отыскиваютъ средства облегчить и исцѣлить эти болѣзни“.

наго любовнаго свиданія, сдѣлались, напротивъ того, злѣйшими врагами этой тепличной жизни. Постоянно ѣсть, постоянно пить, постоянно любезничать, проводить жизнь между столомъ и постелью—это показалось невыносимымъ наказаніемъ именно для тѣхъ тонко развитыхъ и страстныхъ эпикурейцевъ, которые лучше всѣхъ другихъ людей умѣли разнообразить свои наслажденія. Никакіе соусы изъ соловьиныхъ язычковъ, никакія неестественныя проявленія сластолюбія не могли заглушить въ нихъ неукротимаго стремленія дѣйствовать, мыслить, пожалуй даже страдать, но только, во что-бы то ни стало, вырваться изъ одуряющаго воздуха теплицы въ суровую, холодную, но естественную среду дѣйствительной жизни. Дѣйствовать?—Какимъ образомъ?—Мыслить?—О чемъ и зачѣмъ?—Страдать и бороться?—Съ чѣмъ и за что?—Какимъ образомъ дѣйствовать? Ну, конечно, прежде всего воевать. Эта отрасль дѣятельности первая бросается въ глаза страстному эпикурейцу, воспитанному въ тепличной атмосферѣ и утомленному безконечными оргіями. Такъ и рѣшается вопросъ въ дѣйствительности. Алкивіадъ бросается съ войскомъ въ Сицилію, Цезарь въ Галлію, Александръ въ Персію. А потомъ? Потомъ и война надобѣдаетъ. Сильный умъ ищетъ себѣ новой пищи. Начинаются серьезные размышленія о сдѣланныхъ завоеваніяхъ. Отставной завоеватель становится рачительнымъ хозяиномъ. Не всѣ, далеко не всѣ блестящіе дѣятели всемірной исторіи прошли черезъ указанные мною фазы развитія. Очень многіе споткнулись и погибли въ началѣ или на половинѣ пути, но, не смотря на то, можно сказать навѣрное, что каждый дѣйствительно замѣчательный умъ утомляется рано или поздно тѣми наслажденіями, которыя достаются ему на долю безъ труда и безъ борьбы; утомившись и пресытившись, онъ тревожно начинаетъ искать выхода своимъ силамъ и наконецъ или погибаетъ во время безуспѣшныхъ поисковъ или успокаивается на такой дѣятельности, которая самымъ тѣснымъ образомъ связана съ интересами страждущаго большинства. А между тѣмъ, вѣдь и у частныхъ людей бываютъ и сильныя страсти, и тонкія чувства, и свѣтлые умы. Имъ-то чѣмъ же забавляться? Какимъ образомъ они-то могутъ вырваться изъ теплицы?—Одни изъ этихъ страстныхъ и даровитыхъ тунелдцевъ начинаютъ искать вокругъ себя сильныхъ ощущеній; другіе задумываются надъ различными явленіями изъ жизни природы, ставятъ себѣ на каждомъ шагѣ мудреные вопросы и ломаютъ себѣ голову надъ сотнями и тысячами вѣчныхъ загадокъ. Первые дѣлаются

поэтами или художниками; вторые—учеными или мыслителями. Но гдѣ же поэтъ или художникъ, человѣкъ дѣйствительно воспримчивый, умный и страстный до гениальности, гдѣ же, спрашиваю я, онъ найдетъ себѣ тѣ сильныя ощущенія, которыя удовлетворяютъ вполне его ищущую, жаждущую и томящуюся природу? — Какимъ образомъ онъ ухитрится, во время своихъ поисковъ, миновать тотъ громадный мѣръ неподдѣльнаго человѣческаго страданія, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ сплошною, темною стѣною? — Развѣ есть возможность не замѣтить того, что на каждомъ шагу рѣжетъ глазъ самому невнимательному наблюдателю? Можно, конечно, приглядѣться къ этимъ будничнымъ картинамъ, можно притупить въ себѣ умъ и чувство, можно довести себя совершенно незамѣтнымъ образомъ до самага невозмутимаго равнодушія къ чужому голоду и холоду. Съ этимъ я согласенъ, и мы встрѣчаемся въ жизни ежеминутно съ великолѣпнѣйшими экземплярами такой философской невозмутимости. Но вы не забывайте, что вѣдь мы ведемъ здѣсь рѣчь о поэтѣ, о художникѣ, о человѣкѣ въ высшей степени впечатлительномъ, страстномъ и отзывчивомъ. Какой же истинный поэтъ можетъ довести себя до чурбаннаго равнодушія? Если человѣческія страданія не производятъ на него впечатлѣнія, то гдѣ же его впечатлительность? Если онъ, отворачиваясь съ самодовольнымъ презрѣніемъ отъ картинъ грязной нищеты и невольнаго порока, отзывается пѣвучими нотами на трепетаніе влюбленнаго соловья, и на благоуханіе разцвѣгающей розы, и на каждый грошовый вздохъ смазливой барышни, то вѣдь эта отзывчивость также приторна и отвратительна, какъ нѣжная привязанность старой дѣвки къ кошкамъ, попугаямъ и моськамъ. — Въ такомъ человѣкѣ нѣтъ ни ума, ни впечатлительности, ни страсти, ни отзывчивости. Что это за художникъ? Это просто мышинный жеребчикъ, одержимый самымъ мельчайшимъ тщеславіемъ, самымъ копѣечнымъ желаніемъ порисоваться передъ почтеннѣйшею публикою и заработать себѣ отъ разныхъ глухихъ тунеядцевъ нѣсколько лестныхъ комплиментовъ и нѣсколько еще болѣе лестныхъ рублей. — Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что художникъ можетъ увлечься поклоненіемъ чистой красотѣ и что, въ такомъ случаѣ, онъ посвятитъ всѣ свои силы на воплощеніе своего идеала въ художественномъ созданіи, въ статуѣ, въ картинѣ, въ романѣ или въ какой нибудь другой формѣ творчества. Скульптура цѣликомъ основана на этомъ поклоненіи физической красотѣ. Знаю. Но это возраженіе устра-

няется само собою. Я предположилъ выше, что самымъ умнымъ и даровитымъ людямъ становится непременно душно въ искусственной атмосферѣ эпикурейской теплицы. Мнѣ кажется, что предположеніе вѣрно въ психологическомъ отношеніи и можетъ быть доказано сотнями примѣровъ изъ всѣхъ эпохъ всемірной исторіи. Кому сдѣлалось душно въ теплицѣ, тотъ, разумѣется, выходитъ на открытый воздухъ, то есть, такъ или иначе, вмѣшивается въ жизнь большинства. Кому пріѣлись разныя сладости, вино и поцѣлуи, тотъ ищетъ себѣ труда и борьбы, тотъ лечится отъ пресыщенія суровыми столкновеніями съ неподкрашенною дѣйствительностію. Гейне превосходно выразилъ это настроеніе въ своей пѣснѣ о Тангейзерѣ. Венера угощаетъ Тангейзера сладкимъ виномъ, хочетъ надѣть ему на голову вѣнокъ изъ свѣжихъ розъ, наконецъ зоветъ его къ себѣ въ спальню; но Тангейзеръ даже смотрѣть на нее не хочетъ; его уже просто тошнить отъ всѣхъ этихъ миндальностей; ему хочется труда, горечи, тернового вѣнка; онъ говоритъ ласковой любовницѣ своей крупныя дерзости и уходитъ отъ нея чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ зачѣмъ. Понятно, что человѣкъ, находящійся въ настроеніи свирѣпаго Тангейзера, рѣшительно неспособенъ заниматься поклоненіемъ чистой или идеальной красотѣ. Не за тѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ сурово отвернулся отъ живой красавицы, чтобы писать къ ней пламенные сонеты или падать на колѣни передъ ея изображеніемъ, вырѣзаннымъ изъ бѣлаго мрамора или написаннымъ масляными красками на холстѣ. Пигмаліонъ молилъ боговъ, чтобы они превратили его мраморную Галатею въ живую женщину и это понятно; но промѣнять живую, любящую женщину на кусокъ полотна или мрамора—это такая нелѣпость, на которую не покушался до сихъ поръ ни одинъ изъ самыхъ необузданныхъ идеалистовъ. Очень многіе пламенные любовники пробавляются чистымъ платонизмомъ, но они всегда дѣлаютъ это только вслѣдствіе печальной необходимости; когда же они имѣютъ возможность сдѣлать выборъ, тогда они съ нарочитымъ удовольствіемъ промѣниваютъ свои отвлеченные восторги на болѣе существенныя и менѣе невинныя наслажденія.—Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Да очевидно то, что поклонники чистой красоты никогда не испытывали мученій Тангейзера; напротивъ того, они чрезвычайно довольны тепличною жизнью и, въ наивности души, принимаютъ свой крошечный теплый уголокъ за великій, богатый и разнообразный міръ, въ которомъ все высшія человѣческія потреб-

ности находятъ и должны находить себѣ полное и всестороннее удовлетвореніе. Эти пигмеи, занимающіеся скульптурою, живописью, эротическимъ стиходѣланіемъ или томными руладами, эти пигмеи, говорю я, или не знаютъ великихъ вопросовъ широкой, дѣйствительной, міровой жизни, или же не хотятъ ихъ знать, прикидываются глухими и слѣпыми, чтобы оправдывать въ своемъ собственномъ мнѣніи свою канареечную жизнь и дѣятельность. Въ первомъ случаѣ—если не знаютъ—мы имѣемъ несомнѣнное право заподозрить ихъ въ тупоуміи или въ полной неразвитости. Во второмъ случаѣ—если напускаютъ на себя поддѣльную глухоту и слѣпоту—мы имѣемъ право назвать ихъ безчестными и трусливыми людьми, которые стараются обмануть даже собственную совѣсть.—Въ томъ и въ другомъ случаѣ было бы странно и нелѣпо требовать отъ насъ, чтобы мы признали въ этихъ мелкихъ сибаритахъ передовыхъ представителей человѣчества; дѣятельность такихъ людей не даетъ намъ ровно ничего, и слѣдовательно, встрѣчаясь съ ихъ произведеніями, намъ остается только посмѣяться надъ довѣрчивостью того общества, которое видитъ въ нихъ лучшее свое украшеніе.

III.

Послѣдовательный реализмъ безусловно презираетъ все, что не приноситъ существенной пользы; но слово «польза» мы принимаемъ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ его навязываютъ намъ наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говоримъ поэту: «шей сапоги» или историку: «неги кулебяки», но мы требуемъ непременно, чтобы поэтъ, какъ поэтъ, и историкъ, какъ историкъ, приносили, каждый въ своей специальности, дѣйствительную пользу. Мы хотимъ, чтобы созданія поэта ясно и ярко рисовали передъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать. Мы хотимъ, чтобы изслѣдованіе историка раскрывало намъ настоящія причины процвѣтанія и упадка отжившихъ цивилизацій. Мы читаемъ книги единственно для того, чтобы, посредствомъ чтенія, расширить предѣлы нашего личнаго опыта. Если книга въ этомъ отношеніи не даетъ намъ ровно ничего, ни одного новаго факта, ни одного оригинальнаго взгляда, ни одной самостоятельной идеи,

если она ничѣмъ не шевелить и не оживляетъ нашей мысли, то мы называемъ такую книгу пустою и дрянною книгою, не обращая вниманія на то, писана ли она прозою или стихами; и автору такой книги мы всегда, съ искреннимъ доброжелательствомъ, готовы посоветовать, чтобы онъ принялся шить сапоги или печь кулебяки. — Постараемся же теперь обсудить вопросъ: какимъ образомъ поэтъ, не переставая быть поэтомъ, можетъ принести обществу и человечеству дѣйствительную и несомнѣнную пользу? Само собою разумѣется, что названіе «поэтъ» прилагается здѣсь не къ однимъ стихотворцамъ, а вообще ко всѣмъ художникамъ, создающимъ образомъ посредствомъ слова. Прежде всего, скажу откровенно, я рѣшительно не признаю такъ называемаго безсознательнаго и безцѣльнаго творчества. Я подозреваю, что это — просто мифъ, созданный эстетическою критикою для пущей таинственности. Въ древности, когда поэтъ былъ пѣвцомъ и импровизаторомъ, тогда, пожалуй, еще можно было допустить, что его осѣняло вдохновеніе и что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ и зачѣмъ слагалась его пѣсня. Но теперь, когда поэтъ носить не хламиду и лавровый вѣнокъ, а сюртукъ и круглую шляпу, теперь, когда онъ не поетъ, а пишетъ и печатаетъ, теперь, говорю я, уже поздно видѣть въ поэтѣ близкаго родственника изступленной дельфійской піѳіи. Поэтъ, прежде всего, такой же членъ гражданскаго общества, какъ и каждый изъ насъ. Встрѣчаясь съ поэтомъ въ гостиницѣ, мы имѣемъ полное право требовать отъ него, чтобы онъ не клалъ ноги на столъ и не плевалъ въ потолокъ; вступая съ поэтомъ въ разговоръ, мы имѣемъ полное право требовать, чтобы онъ разсуждалъ дѣльно и логично; если онъ не исполнитъ этого требованія, мы замѣтимъ про себя, что онъ несетъ чепуху, быть можетъ и вдохновенную, но все таки невыносимую. Чтобы пользоваться любовью и уваженіемъ своихъ знакомыхъ, поэтъ непремѣнно долженъ обладать тѣми же самыми качествами, которыя упрочиваютъ любовь и уваженіе окружающихъ людей за каждымъ изъ простыхъ смертныхъ. Для этого необходима извѣстная доза ума, добродушія, честности и т. д. Такса, по когорой покупаются въ обществѣ любовь и уваженіе, повышается и понижается вмѣстѣ съ общимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія. Кто въ Англии считается дуракомъ, тотъ въ Турціи могъ бы прослыть за очень порядочнаго человѣка. Когда общество доходитъ до извѣстной высоты развитія, тогда оно начи-

наеть требовать отъ своихъ членовъ, чтобы у нихъ были опредѣленныя и сознательныя убѣжденія и чтобы они держались за свои убѣжденія. Кромѣ обыкновенной честности является тогда еще высшая честность, честность политическая. Воспитавши въ самомъ себѣ великое чувство политической честности, общество начинаетъ вмѣнять его въ обязанность каждому изъ своихъ членовъ, и, тѣмъ болѣе такимъ людямъ, которые, опираясь на свои умственные дарованія, присвоиваютъ себѣ право дѣйствовать словомъ или перомъ на развитіе общественныхъ убѣжденій. Но эта спасительная зрѣлость и строгость требованій дается обществу не вдругъ. Нравственная чуткость вырабатывается туго и медленно. Байронъ прямо называетъ Роберта Соути ренегатомъ, а Робертъ Соути въ свое время считался знаменитымъ поэтомъ и англичане даже до сихъ поръ читаютъ и издаютъ его произведенія. Но настоящіе поэты не могутъ быть продажными мазуриками; самъ Байронъ, заклеившій Роберта Соути, ни разу не покривилъ душою, именно потому, что его умъ и талантъ стояли неизмѣримо выше всякихъ искушеній. Такіе умы и таланты творятъ чудеса, но творческая сила тотчасъ измѣняетъ имъ, какъ только они осмѣливаются пустить ее въ продажу. Но одной голгой честности и великаго самороднаго таланта еще недостаточно, чтобы быть мировымъ поэтомъ.

Самородки, подобные Бёрису или Кольцову, остаются на всегда блестящими, но безплодными явленіями. Истинный, «полезный» поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуется самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполне глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ чело́вѣкъ страстный и впечатлительный, непременно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святою и великою ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этою ненавистью, составляетъ и непременно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственнѣйшій смыслъ всего его существованія и всей его дѣятельности. «Я пишу не чернилами, какъ другіе, говоритъ Бёрне; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ». Такъ, и только такъ долженъ писать

каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ, самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно не можетъ составлять исключеніе изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть, и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда бессознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ.—Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собою яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами, съ трепетомъ томительной надежды, смотрятъ вдаль, па ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей и когда окружающіе его люди бродятъ оцупью, сбивая другъ друга съ прямого пути. И вы, господа эстетики, хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губы! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшилъя пестрыми картинками своей фантазіи именно въ тѣ великія и священные минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не сумѣетъ и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и прочувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиною и заблужденіемъ, тогъ, волю и неволю, въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду.—И такъ, по моему мнѣнію, истин-

ный поэтъ, принимаясь за перо, отдастъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроеетъ подъ самый корень. Поэтъ — великій боецъ мысли, безстрастный и безукоризненный «рыцарь духа», какъ говоритъ Генрихъ Гейне, или же поэтъ ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фосуками бесплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ — титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или поэтъ козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза. Это строгая психологическая истина. Дѣйствительно, каждый эстетикъ конечно согласится со мною, что искренность есть необходимѣйшее качество поэта. Драма, романъ, поэма, лирическое стихотвореніе, въ которыхъ хоть сколько нибудь проглядываютъ натянутыя и обязательныя отношенія автора къ его предмету, — ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть названы поэтическими произведеніями. Это риторическія упражненія на заданныя темы, а риторъ и поэтъ, разумѣется, не имѣютъ между собою ничего общаго. Припомните, напримеръ, оды Ломоносова, «Парашу Сибирячку» Полевого, романъ г. Ключникова: «Марево» и тому подобныя прелести. — Искренность необходима; но поэтъ можетъ быть искреннимъ или въ полномъ величій разумнаго міросозерцанія или въ полной ограниченности мыслей, знаній, чувствъ и стремленій. Въ первомъ случаѣ онъ — Шекспиръ, Дантъ, Байронъ, Гете, Гейне. Во второмъ случаѣ онъ — г. Фетъ. — Въ первомъ случаѣ онъ носитъ въ себѣ думы и печали всего современнаго міра. Во второмъ онъ поэтъ тоненькою фистулою о душистыхъ локонахъ и еще болѣе трогательнымъ голосомъ жалуется печатно на работника Семена. Вы не думайте, господа, что свистящая журналистика ухватила такъ вѣрно за работника Семена по ребяческому пристрастію къ бесплодному зубоскальству. Работникъ Семень — лицо замѣчательное. Онъ непременно войдетъ въ исторію русской литературы, потому что ему назначено было Провидѣніемъ показать намъ обратную сторону медали въ самомъ яркомъ представителѣ томной лирики. Благодаря работнику Семену, мы увидѣли въ нѣжномъ поэтѣ, порхающемъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, расчетливаго хозяина, солиднаго bourgeois и мелкаго чловѣка. Тогда мы задумались надъ этимъ фактомъ и быстро убѣди-

лись въ томъ, что тутъ пѣтъ ничего случайнаго. Такова должна быть непремѣнно изнанка каждаго поэта, воспѣвающаго «шопоть, робкое дыханіе, трели соловья». — Кто способенъ вполне удовлетворяться микроскопическими пылинками мысли и чувства; кто умѣетъ составить себѣ громкую извѣстность собираніемъ этихъ пылинокъ, тотъ долженъ быть мелокъ насквозь въ каждой отдѣльной чертѣ своей частной и общественной жизни. Заглядывать въ область частной жизни мы не имѣемъ никакого права и никакой возможности; но, если самому поэту угодно было прогуляться передъ публикою въ домашнемъ халатѣ, то мы должны сказать за это большое спасибо, во-первыхъ, разыгравшемуся поэту, а во-вторыхъ, великому Семену, ухитрившемуся привести своего хозяина въ такой пафосъ лирическаго негодованія. Мы всматриваемся въ интересный халатъ и выводимъ то плодотворное заключеніе, что подобные халаты носятъ и должны носить всѣ поэты, неизмѣющіе понятія о великихъ, истинныхъ и серьезныхъ сторонахъ общечеловѣческой жизни. Какъ были они дѣтьми, такъ и останутся навсегда дѣтьми, мелочными, признными, и сварливыми существами, утратившими только дѣтскую грацію и липившимися уже всякой надежды сдѣлаться со временемъ сильными, здоровыми, добродушными и мыслящими людьми. Отвернемся отъ этихъ явленій плюгавой старости и посмотримъ въ другую сторону, на вѣчно-юныхъ титановъ умственнаго міра.

IV.

Въ числѣ титановъ я назвалъ Гете и Гейне. Легко можетъ случиться, что наши литературные противники ухватятся за эти два имени и докажутъ мнѣ, какъ дважды-два четыре, что Гете въ теченіе всей своей жизни былъ самымъ неискреннимъ человѣкомъ и что Гейне очень часто является въ своихъ произведеніяхъ пустѣйшимъ балагуромъ или безпечнѣйшимъ пѣвцомъ луны, дѣвы, любви и вздоховъ. — Вотъ видите, скажутъ они мнѣ, значить, вамъ надо или вычеркнуть имена Гете и Гейне изъ списка міровыхъ поэтовъ или же радикально измѣнить вашъ взглядъ на поэзію и вообще на искусство. — А вотъ посмотримъ на дѣло поближе. Что Гете обладалъ въ высшей степени способностью извиваться и блюдолизничать, это, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Что онъ страпалъ

разныя стихотворныя миѣдальности и салонныя оперетки, это также составляет неопровержимую истину. Ну, а какъ вы думаете, стали бы мы теперь разсуждать съ вами о Гете, если бы полное собраніе его сочиненій состояло цѣликомъ изъ сотни чистенькихъ оперетокъ и изъ нѣсколькихъ тысячъ миѣдально-лакейственныхъ мадригаловъ? И какъ вы думаете, посвятилъ ли бы такому Гете гордый и безукоризненный Байронъ своего «Сарданапала»? Да еще какъ посвятилъ-то! Съ трепетомъ робости и благоговѣнія. Вотъ подлинныя слова этого посвященія: «знаменитому Гете иностранецъ осмѣливается предложить дань литературнаго вассала своему сюзерену, первому изъ существующихъ писателей, создавшему литературу своей родины и прославившему литературу Европы. Недостойное произведеніе, которое авторъ дерзаетъ посвятить ему, носить заглавіе: «Сарданапалъ». — Ясное дѣло, что въ глазахъ Байрона умственное величіе Гете съ избыткомъ заглаживаетъ или выкупаешь тѣ низкія слабости его характера, которыя, конечно, были хорошо извѣстны Байрону, какъ современнику Гете, и которымъ Байронъ, какъ человѣкъ въ высшей степени независимый, разумѣется, не могъ сочувствовать. Но когда Гете спускался въ міръ живыхъ людей, въ міръ золоченаго нѣмецкаго мѣщанства, когда онъ превращалъ свой талантъ въ дойную корову и начиналъ гоняться за благосклонными взглядами и покровительственными улыбками, тогда онъ сразу дѣлался мельче всякой козявки, ниже, гаже и безсиленѣе самаго ничтожнаго изъ нашихъ современныхъ лириковъ, потому что эти поютъ отъ избытка своей ограниченности, а тотъ долженъ былъ насильно ѣжиться и прикидываться невинною канарейкою. Примѣръ Гете доказываетъ, какъ нельзя очевидно, что всякая умственная дѣятельность велика и плодотворна только до тѣхъ поръ, пока она остается неразлучною съ искренностью и твердостью глубокаго убѣжденія. Гете великъ именно только въ той сферѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ съ полнымъ и естественнымъ воодушевленіемъ, не стѣсняясь никакими житейскими разсчетами, и этотъ Гете, великій Гете, совершенно подходитъ подъ мое опредѣленіе поэта и съ полною справедливостью можетъ быть названъ «полезнымъ» поэтомъ, хотя, конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ могутъ быть названы полезными поэтами Барбье, Беранже, Леонарди, Джусти, Шелли, Томасъ Гудъ и другіе двигатели общественнаго сознанія. Эти люди были поэтами теку-

шей минуты; они будили въ людяхъ ощущение и сознание настоятельныхъ потребностей современной гражданской жизни; они любили живыхъ людей и возились постоянно съ ихъ дѣйствительными глупостями и страданіями. А Гете никого не любилъ, кромѣ самаго себя и своихъ собственныхъ идей; онъ нисколько не заботился объ интересахъ человѣческихъ обществъ и, не смотря на то, онъ все-таки принесъ и еще долго будетъ приносить своими произведеніями много пользы тѣмъ самымъ человѣческимъ обществамъ, къ которымъ онъ былъ совершенно равнодушенъ. Только пустые и мелкіе люди могутъ оставаться бесполезными, а великія умственные силы непремѣнно приносятъ пользу, даже своими ошибками. Гете никогда не былъ и не будетъ любимымъ поэтомъ читающихъ массъ; вслѣдствіе этого, онъ никогда не будетъ дѣйствовать прямо и непосредственно на умственную жизнь массы, потому что на эту жизнь дѣйствуетъ только тотъ, кто любитъ массу. Но эти наставники и руководители массъ, люди различные между собою по своимъ дарованіямъ, но тѣсно связанные другъ съ другомъ единствомъ святой любви и честныхъ стремленій, эти люди, питающіе другихъ своими идеями, часто нуждаются сами въ умственномъ подкрѣпленіи и обновленіи. Это люди — мыслящіе и просвѣщенные работники, но совсѣмъ не міровые гении. Они, по своему уму и развитію, способны понимать Гете, но у нихъ, разумѣется, не достало бы силъ произвести то, что онъ произвелъ. Для нихъ-то его сочиненія составляютъ огромную гальваническую батарею, которая постоянно снабжаетъ ихъ утомляющіеся мозги новыми электрическими силами. Они читаютъ Гете и глубоко задумываются надъ его страницами и умъ ихъ растетъ и крѣпнетъ въ этой живительной работѣ. А пріобрѣтенный такимъ образомъ запасъ свѣжей энергіи и новыхъ умственныхъ силъ отправляется все-таки внизъ по теченію, въ то живое море, которое называется массою и въ которое, тѣмъ или другимъ путемъ, рано или поздно, вливаются, подобно скромнымъ ручьямъ, или бурнымъ потокамъ, или величественнымъ рѣкамъ, всѣ наши мысли, всѣ наши труды и стремленія. И холодный тайный совѣтникъ и кавалеръ фонъ-Гете дѣйствуетъ такимъ образомъ, и сильно дѣйствуетъ, на пользу бѣдныхъ и простыхъ ближнихъ посредствомъ тѣхъ идей и ощущений, которыя онъ возбуждаетъ своими произведеніями въ тѣсномъ кругу своихъ избранныхъ и высоко-развитыхъ читателей. Приведу одинъ очень любопытный и ориги-

нальный примѣръ. Берне ненавидитъ Гете, отчасти за дѣло, по своему горячему демократическому чувству, отчасти несправедливо. Эту ненависть Берне высказываетъ не разъ въ своихъ «парижскихъ письмахъ» и въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ. Высказываетъ онъ ее всегда съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и изъ подъ его пера выливаются по этому поводу превосходнѣйшія страницы, сверкающія изумительнымъ остроуміемъ и пылающія самымъ чистымъ огнемъ любви къ людямъ и уваженія къ человѣческому достоинству. И эти страницы прочтеть съ увлеченіемъ, пойметъ и запомнить чуть не наизусть рѣшительно каждый человѣкъ, стоящій по своему развитію немного выше чичиковскаго Петрушки. Эти страницы, писанныя слишкомъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ такъ свѣжи и горячи, какъ будто онѣ только сегодня вышли изъ подъ типографскаго станка. А кому же мы обязаны этими страницами, какъ не тому самому Гете, который на нихъ осыпается справедливыми насмѣшками и громовыми проклятіями критика? Чтобы возбудить въ такомъ умномъ человѣкѣ, какъ Берне, такую пылкую и упорную ненависть, чтобы взволновать всю его жолчь, когда онъ только вспомнитъ ненавистное имя или взглянетъ на проклятыя строки, и наконецъ, чтобы каждый разъ заставляя своего разъяреннаго антагониста облекаться во все оружіе саркастическаго ума и страстей діалектики, для всего этого, говорю я, необходимо быть такимъ титаномъ умственнаго міра, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ тайный совѣтникъ и кавалеръ фонъ-Гете. Да и самъ Берне всегда признаетъ его титаномъ, и за то именно бѣсится на него, что этотъ титанъ съ такимъ удовольствіемъ зарывалъ свой талантъ въ землю. Съ этой стороны Берне, разумѣется, правъ: если-бы у Гете, кромѣ колоссальныхъ силъ, было еще стремленіе прилагать эти силы, какъ слѣдуетъ, то, безъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ бы въ своей жизни неизмѣримо больше прочнаго и существеннаго добра. Но дѣло теперь не въ томъ. Важно и любопытно для всего хода моей аргументаціи то обстоятельство, что Гете электризуетъ свою дѣятельностью даже такого человѣка, который, по своему чисто фанатическому складу ума, рѣшительно неспособенъ отнестись съ любовью къ тому, что дѣйствительно превосходно въ произведеніяхъ «великаго писателя.» Это и значитъ, что великое явленіе никогда не можетъ остаться безплоднымъ; оно освѣжаетъ и обновляетъ жизнь и тѣмъ, что въ немъ хорошо, и тѣмъ, что въ немъ дурно. Оно приноситъ людямъ пользу и

тою любовью, и тою ненавистью, которую оно въ нихъ возбуждаетъ. Скверно только безсиліе, губительна только апатія; а столкновение и борьба враждебныхъ силъ въ области мысли всегда приводятъ за собою со временемъ плодотворное примиреніе въ высшей сферѣ болѣе широкаго синтеза. Поэтому, давай намъ богъ побольше великихъ умовъ и пусть они куралеся въ области мысли, какъ душѣ ихъ будетъ угодно. Мы, простые люди, вслѣдствіе этого, во всякомъ случаѣ, останемся въ чистыхъ барышахъ. По геометріи выходитъ, конечно, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, Но многовѣковой опытъ дѣйствительной жизни доказываетъ неопровержимо, что люди въ исторической практикѣ не признаютъ этой математической истины и умѣютъ подвигаться впередъ не иначе, какъ зигзагами, то есть, кидаясь изъ одной крайности въ другую. *Праву* всего человѣчества препятствовать невозможно и поэтому приходится махнуть рукою на неизбѣжные зигзаги и только радоваться тому, когда крайности начинаютъ быстро и порывисто смѣняться одна другою. Значить, пульсъ хорошъ и человѣческая мысль не порастаетъ плѣсенью.

V.

А теперь потолкуемъ о Гейне. Мнѣ кажется, этого писателя каждый истинный сынъ XIX вѣка долженъ любить совсѣмъ особенно, нѣжною, исключительною, почти болѣзненною любовью. Мнѣ кажется, все умственное развитіе человѣка можно сразу измѣрить и обсудить, смотря по тому, какъ и на сколько онъ понимаетъ поэтическую дѣятельность Генриха Гейне. Этотъ писатель — самый новѣйшій изъ міровыхъ поэтовъ; онъ всѣхъ ближе къ намъ по времени и по всему складу своихъ чувствъ и понятій. Онъ цѣликомъ принадлежитъ нашему вѣку; онъ воплотилъ въ себѣ даже всѣ его слабости и смѣшныя стороны; даже разстроенные и разбитые нервы Гейне указываютъ ясно на его кровное родство съ тѣмъ великимъ и просвѣщеннымъ вѣкомъ, въ которомъ средневѣковые костры и плахи смѣнились пенсильванскими общепольными учрежденіями для производства умалишенныхъ, и въ которомъ феодальныя права уступили мѣсто мануфактурному пауперизму. Гейне — поэтъ капризнаго, раздражительнаго, нетерпѣливаго и непослѣдовательнаго вѣка. Онъ

самъ — весь состоитъ изъ противорѣчій и самъ себя дразнить этими противорѣчiями, и даже не пробуетъ помирить ихъ между собою, и самъ то плачетъ, то смѣется надъ своими ощущенiями, то вдругъ кидается въ борьбу жизни и, съ полною силою юпошеской горячности и мужественнаго убѣжденiя, объясняетъ людямъ различiе между остатками прошедшаго и живыми проблесками будущаго. И этою послѣднею, живительною стороною своей дѣятельности Гейне также цѣликомъ принадлежитъ къ нашему вѣку, который все-таки лучше всѣхъ прошедшихъ вѣковъ и въ которомъ все-таки, не смотря ни на какiя глупости и подлости, химiя и физиологiя подняли человѣческiй умъ на безпримѣрную и, для нашихъ предшественниковъ, непостижимую высоту самостоятельнаго знанiя.

Вотъ и соображайте, какого рода результатъ долженъ получиться, когда человѣку приходится жить при ежеминутномъ столкновении такихъ несовмѣстныхъ крайностей. Разумѣется, должно получиться нѣчто въ родѣ горячаго льда и сухой воды; и въ человѣческомъ характерѣ дѣйствительно встрѣчаются ежеминутно такiя вопiющiя внутреннiя противорѣчiя, которыя сильно смахиваютъ на сухую воду и горячiй ледъ. Намъ эти противорѣчiя, порожденныя всѣмъ складомъ европейской жизни, должны быть особенно дороги и интересны; намъ необходимо внимательно изучать эту патологию нашего ума и характера, потому что только внимательное изучение болѣзни даетъ намъ возможность отыскать лекарство. Вотъ тутъ то именно никто не можетъ замѣнить обществу великаго поэта. Никакое научное изслѣдованiе не опредѣлитъ вамъ душевную болѣзнь цѣлой эпохи съ такою ясностью, съ какою нарисуетъ ее великiй художникъ. Тутъ вполне оправдывается глубокая мысль Пьера Леру о томъ, что поэты изъ вѣка въ вѣкъ возвѣщаютъ человечеству его страданiя. Потомъ, когда поэтъ собралъ въ одинъ фокусъ, въ одну ярко освѣщенную картину всѣ разрѣшенные симптомы господствующей болѣзни вѣка, — тогда начинается работа мыслителей, которые анализируютъ вопросъ во всѣхъ его отдѣльныхъ подробностяхъ и выводятъ явленiя настоящей минуты изъ отдаленныхъ и глубоко за- таившихся историческихъ, бытовыхъ и экономическихъ причинъ. Лирика Гейне есть ничто иное, какъ неподражаемо полная и правдивая картина тѣхъ чувствъ и мыслей, тѣхъ тревогъ и огорченiй, тѣхъ чередующихся припадковъ энергiи и апатiи, среди которыхъ тратятъ свою жизнь лучшiе люди XIX вѣка. Гейне не захотѣлъ

или не могъ наблюдать и изображать своихъ современниковъ со стороны; съ естественною самонадѣянностью истиннаго генія онъ понималъ, что носить въ самомъ себѣ всѣ завѣтныя чувства и мысли своей эпохи; онъ принялъ самаго себя за чистѣйшій типъ современнаго человѣка и посвятилъ всю свою жизнь на то, чтобы высказаться со всѣхъ сторонъ, со всею искренностью и непосредственностью, какая только доступна человѣку XIX-го столѣтія. Поэтому всѣ двадцать томовъ сочиненій Гейне, составляютъ одно неразрывное цѣлое. И проза, и стихи, и любовь, и политика, и дурачества, и серьезные разсужденія — все это только въ общей связи получаетъ свой полный смыслъ и свое настоящее значеніе. Если вы развинтите Гейне на части и будете разсматривать каждый кусочекъ отдѣльно, то, разумѣется, вы получите много великолѣпныхъ алмазовъ и большую кучу негоднѣйшихъ черенковъ, перемѣшанныхъ съ глиною и съ грязью. Тогда вы скажете, что алмазы надо сохранить и оправить въ золото, а всю кучу примѣси спустить въ помойную яму. И такимъ приговоромъ вы докажете несомнѣнно, что, читая Гейне, вы смотрѣли въ книгу и видѣли фигу. Гейне именно тѣмъ и неопредѣлимъ, что онъ даетъ мыслителямъ нашего времени цѣлые рудники матеріаловъ для самыхъ глубокихъ психологическихъ наблюденій и изслѣдованій. Читая Гейне, вдумывайтесь именно въ то, какимъ образомъ грязь перемѣшана въ человѣкѣ съ алмазами, старайтесь понять, почему одинъ и тотъ же геніальный умъ волновался высшими сомнѣніями, порывами и страстями, доступными человѣческой личности, и въ то же время тратился на то, чтобы воспѣвать съ искреннимъ воодушевленіемъ голубые или черные глазенки вертявыхъ парижскихъ лоретокъ. Посмотрите, на примѣръ, письма Гейне съ Гельголанда, помѣщенные въ его книгѣ о Берне и написанныя послѣ июльскихъ событій 1830 года, и потомъ вдругъ прочтите въ его же книгѣ «Neue Gedichte» — стихотворенія подъ рубриками «Анжелика», «Серафина», «Катарина». На Гейне очень часто находятъ блажь; онъ вдругъ воображаетъ себѣ, что онъ можетъ забыть все, что мѣшаетъ мыслящему человѣку предаваться телячьимъ восторгамъ; начинается бѣганіе и прыганіе на одной ножкѣ; — ахъ, боже мой, какое благополучіе! воздухъ тепель, птички поютъ, роза цвѣтеть, барышня улыбается; давайте бѣгать, давайте любезничать, давайте дѣлать вѣнки и букеты изъ васильковъ и ландышей. — Да вдругъ ему самому сдѣлается ужъ черезъ чуръ смѣшно, глядя на собствен-

ную прыткость и веселость; а потомъ досадно; а потомъ опять смѣшно; а потомъ и смѣшно и досадно, въ одно и тоже время. Оплюетъ онъ вдругъ и барышню, и цвѣты, и природу. Все скверно, все никуда не годится. И желать нечего, и плакать не о чемъ, потому что все это пустяки и на что не слѣдуетъ обращать вниманія. Къ выдѣлыванію такихъ руладъ неизбѣжно долженъ придти геніальный умъ, не имѣющій возможности найти себѣ такое дѣло, которое соотвѣтствовало бы его силамъ. А что люди, одаренные силами Гейне, остаются внѣ практической дѣятельности, — это, конечно, составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ болячекъ нашего времени и одно изъ самыхъ капитальныхъ препятствій къ выздоровленію. Рисовать картину страданій — это, безъ сомнѣнія, тоже дѣятельность, и даже, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, дѣятельность очень полезная. Но, вѣроятно, самый заклятый эстетикъ согласится со мною, что было бы не въ примѣръ лучше, если бы такая дѣятельность была совершенно ненужна и даже невозможна. Если бы Гейне былъ вполне удовлетворенъ жизнью, если бы онъ чувствовалъ себя счастливымъ, то, по всей вѣроятности, онъ не сдѣлался бы поэтомъ, потому что его поэзія была бы странною аномаліею въ такой средѣ, въ которой люди, подобные ему, могли бы устраивать свою жизнь сообразно съ требованіями своего чувства и своего разсудка. Развѣ можетъ возникнуть и развиться патологія тамъ, гдѣ не бываетъ болѣзней? А вѣрнѣйшимъ симптомомъ такого отсутствія болѣзней было бы то обстоятельство, что умные люди, подобные Гейне, не состояли бы въ разрядѣ людей лишнихъ, непрактичныхъ, безпокойныхъ и вредныхъ. — Если такимъ образомъ мы примемъ всю литературную дѣятельность Гейне за цѣльное выраженіе того невольнаго и неизбѣжнаго разлада, полу-трагическаго, полу-комическаго, который существуетъ между нашими завѣтными желаніями и нашими всеневными, поступками, если мы взглянемъ на Генриха Гейне, какъ на геніальнаго человѣка, который въ теченіе всей своей жизни стучится головою въ толстую стѣну человѣческихъ глупостей и наконецъ, по временамъ, самъ глупѣетъ отъ этого невыносимаго занятія, — то, разумѣется, всѣ балагурства Гейне, всѣ его фривольности и тривіальности примутъ въ нашихъ глазахъ значеніе драгоцѣннѣйшихъ фактовъ изъ психологической исторіи современнаго человѣка. Да, подумаемъ мы, вотъ какъ круто приходится иногда умнымъ людямъ. Вотъ какими минутами пошлости и пустоты общая бессмысленность

исторической жизни награждает иногда первоклассныхъ гениевъ! Подобныя размышленія никакъ нельзя назвать бесплодными и мы должны будемъ сказать большое спасибо Генриху Гейне за то, что онъ не утаилъ отъ насъ тѣхъ печально-комическихъ минутъ своей жизни, когда онъ, отчаяваясь въ торжествѣ разума, пробовалъ сдѣлаться шаловливымъ ребенкомъ и начиналъ то изнывать у ногъ какой-нибудь Анжелики, то, съ простодушіемъ пансіонерки, умиляться надъ зеленою травою и надъ голубыми фіалками. Гейне вызвалъ цѣлыя легіоны подражателей и этотъ фактъ служить еще новымъ подтвержденіемъ той ужасно старой и печальной истины, что глупыхъ людей очень много. Гейне можно и должно изучать, но подражать ему нѣтъ, во-первыхъ, никакой надобности, а во-вторыхъ, никакой возможности. Когда очень замѣчательный человѣкъ рассказываетъ намъ откровенно о своихъ заблужденіяхъ, о глупостяхъ и проступкахъ своей жизни, о позорныхъ минутахъ унынія, праздности, апатіи и безпечности, тогда мы слушаемъ этотъ рассказъ съ жаднымъ вниманіемъ и съ глубокимъ уваженіемъ. Ошибки и страданія великаго ума всегда поучительны, потому что въ нихъ всегда чувствуется вліяніе общихъ причинъ, повертывающихъ въ ту или въ другую сторону жизнь цѣлой исторической эпохи. На этомъ основаніи мы читаемъ и признаемъ полезными книги и лирику Гейне, и «Confessions» Жанъ-Жака Руссо. Но когда какой-нибудь Лягушкинъ или Козьякинъ начинаетъ повѣствовать намъ стихами или прозою о томъ, какъ онъ кутилъ и опять желаетъ кутить, какъ онъ любилъ и какъ ему рога наставили, какъ онъ проигрался въ карты и желаетъ получить реваншикъ, а подлецъ Михрюткинъ забастовалъ не во время,—тогда мы говоримъ ему: уймись, любезный! помажь свои душевные нарывы деревяннымъ масломъ и прикрой ихъ тряпочкой! у насъ этого добра и безъ тебя достаточно. — Любопытно замѣтить, до какого полного извращенія естественныхъ понятій дошла эстетика, то есть, та критика, которая предпочитаетъ форму содержанію. Эстетикъ скажетъ вамъ, не задумываясь, что у такого-то поэта хватаетъ силъ на лирическое стихотвореніе, но что онъ непремѣнно опростоволосится, если примется писать романъ или драму. Вы, мой читатель, навѣрное такъ привыкли къ такимъ сужденіямъ, что въ недоумѣніи спросите у меня: «а что же въ этомъ мнѣніи эстетика есть такого уродливаго и бессмысленнаго? Это чистая правда. Вотъ, напримѣръ, г. Полонскій. Кропаетъ онъ лирическіе

стишки — и ничего: концы съ концами сводить. А попробовалъ написать романъ: «Свѣжее преданіе» — вышло убійственно. Сопулся соорудить драму: «Разладъ» — вышло еще того хуже, такъ что Несторъ Васильевичъ Кукольникъ можетъ сказать, потирая руки: «нашего полку прибыло!» — Справедливо изволите разсуждать, господинъ читатель. Но вы подумайте все-таки, что такое лирика? Вѣдь это просто публичная исповѣдь человѣка? Прекрасно. А на что же намъ нужна публичная исповѣдь такого человѣка, который рѣшительно ничѣмъ, кромѣ своего желанія исповѣдываться, не можетъ привлечь къ себѣ наше вниманіе? Чѣмъ его огорченія или радости интереснѣе моихъ или вашихъ? Тѣмъ, что онъ умѣетъ укладывать ихъ въ рифмованные ямбы и хорей? Кажется мнѣ, что эта причина неудовлетворительна. Лирика, по самой сущности своей, гораздо искреннѣе и непосредственнѣе эпической и драматической поэзіи. Драму или романъ надо долго обдумывать; при этомъ надо изучать жизнь; плоды этого изученія могутъ быть интересны и поучительны даже въ томъ случаѣ, если автору не удастся придать характерамъ ту яркость, которая создается только силою таланта. Лирическій поэтъ, напротивъ того, только ловить и фиксируетъ мимолетныя настроенія своей собственной особы и достоинство лирическаго произведенія заключается именно въ томъ, чтобы оно было какъ можно безъискусственнѣе, чтобы чувство или мысль поэта были схвачены и показаны читателю во всей своей собственности и неподкрашенности. Но вѣдь показываться въ такой первобытной наготѣ имѣетъ право только то, что замѣчательно само по себѣ и что, вслѣдствіе этого, пробудитъ въ другихъ людяхъ дѣятельность чувства и мысли. Поэтому ясно, что лирика есть самое высокое и самое трудное проявленіе искусства. Лириками имѣютъ право быть только первоклассные гении, потому что только колоссальная личность можетъ приносить обществу пользу, обращая его вниманіе на свою собственную частную и психическую жизнь. Отчего же у насъ лирики плодятся, какъ дождевые грибы? Да просто оттого, что журналисты привыкли наполнять стихами тѣ бѣлыя страницы или, выражаясь типографскимъ языкомъ, бѣлыя полосы, которыя случайно остаются между отдѣльными статьями. И до сихъ поръ не могутъ сообразить почтенные журналисты, что бѣлая полоса гораздо лучше лирическаго стихотворенія, во-первыхъ потому, что читатель не тратитъ на бѣлую полосу ни одной минуты времени, во-вторыхъ потому, что редація за бѣлую полосу не платитъ ни копей-

ки денегъ, въ-третьихъ потому, что существованіе бѣлыхъ полосъ не поощряетъ ни одной отрасли предосудительнаго тунеядства. Къ крайнему моему огорченію, даже «Русское Слово» не возвысилось еще до пониманія этихъ высокихъ и мудрыхъ истинъ.

VI.

Литературные противники нашего реализма простодушно убѣждены въ томъ, что мы затвердили нѣсколько филантропическихъ фразъ и во имя этихъ афоризмовъ отрицаемъ сплошь все то, изъ чего нельзя приготовить обѣда, сшить платье или выстроить жилище голоднымъ и прозябшимъ людямъ. Понимая насъ такимъ образомъ, они, конечно, должны были ожидать, что мои размышленія о наукѣ и искусствѣ будутъ заключать въ себѣ безконечные упреки Шекспиру, Гете, Гейне и другимъ подобнымъ негоднямъ за трату драгоценнаго времени на непроизводительныя занятія. Они ожидали вѣроятно, что я такъ и пойду косить безъ разбору: Шекспиръ не Шекспиръ, Гете не Гете, чортъ мнѣ не братъ, всѣ дураки и знать никого не хочу. Такому направленію моихъ умозрѣній они были бы несказанно рады, потому что, разумѣется, подобная премудрость не поколебала бы въ умахъ читателей ни одной буквы ихъ стараго эстетическаго кодекса. Теперь, когда они увидятъ, что я взялся за дѣло совсѣмъ не такимъ косолапымъ манеромъ, — имъ сдѣлается очень досадно и они начнутъ звонить въ своихъ журналахъ, что реалисты доврались до чортиковъ и теперь поневолѣ поварачиваютъ оглобли назадъ. И все это будетъ съ ихъ стороны голая выдумка. Всѣ мысли, высказанныя мною въ этой статьѣ, совершенно послѣдовательно вытекаютъ изъ того, что я говорилъ во всѣхъ моихъ предыдущихъ статьяхъ. Ни малѣйшаго поворота назадъ не случилось и мнѣ не приходится раскаиваться ни въ одномъ словѣ, сказанномъ мною прежде. Я совѣтовалъ г. Щедрина заняться компиляциями по естественнымъ наукамъ и говорилъ по этому поводу, что меня радуетъ увяданіе нашей беллетристики, какъ симптомъ возрастающей зрѣлости нашего ума. Я и теперь повторяю тоже самое и изъ этого сужденія о нашихъ домашнихъ дѣлахъ все-таки никакъ не вытекаетъ для меня обязанность ругать Шекспира, Гете, Гейне и другихъ подобныхъ негодяевъ. Эти негодяи были, прежде всего, чрез-

вычайно умные люди, а я, и теперь, и прежде, и всегда, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что мысль, и только мысль можетъ пере-дѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни. Все то безу-словно полезно, что заставляетъ насъ задумываться и что помо-гаетъ намъ мыслить. Конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка все-таки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раз-дѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать; но вопросъ этотъ и самъ по себѣ такъ громаденъ и такъ сложенъ, что на его раз-рѣшеніе требуется вся наличная сила и зрѣлость человѣческой мы-сли, все напряженіе человѣческой энергіи и любви и весь запасъ собранныхъ человѣческихъ знаній; излишку оказаться не можетъ, а напротивъ, оказывается до сихъ поръ громадный недочетъ, который поневолѣ будутъ пополнять рабочія силы слѣдующихъ столѣтій. Стало быть, мы вовсе нерасположены откидывать годный матеріалъ изъ любви къ процессу откидыванія. Это былъ бы съ нашей сторо-ны нелѣпѣйшій ригоризмъ и формализмъ, если бы мы вздумали брако-вать гениальную мысль на томъ основаніи, что она проведена въ поэмѣ или въ романѣ, а не въ теоретическомъ разсужденіи. Если бы мы разсуждали такимъ образомъ, то намъ пришлось бы поставить крити-ческія статьи г. Эдельсона выше романа: «Отцы и дѣти.» Но мы разсуждаемъ совершенно иначе. Мы твердо убѣждены въ томъ, что каждому человѣку, желающему сдѣлаться полезнымъ работникомъ мысли, необходимо широкое и всестороннее образованіе, въ кото-ромъ Гейне, Гете, Шекспиръ должны занять свое мѣсто, на ряду съ Либихомъ, Дарвиномъ и Ляйелемъ. — Ничто такъ сильно не рас-ширяетъ весь горизонтъ нашихъ понятій о природѣ и о человѣче-ской жизни, какъ близкое знакомство съ величайшими умами чело-вѣчества, къ какой бы отдѣльной области знанія или творчества ни относилась дѣятельность этихъ первокласныхъ представителей нашей породы. Но, во-первыхъ, знакомясь съ этими титанами, надо не-премѣнно сохранять въ отношеніи къ нимъ полную самостоятель-ность своей собственной мысли, а иначе придется принимать за чи-стое золото даже то, что составляетъ грязное пятно въ произведе-ніи титана. Во-вторыхъ, и это главное, надо знакомиться только съ настоящими титанами и преспокойно проходить, не кивая головою, мимо многихъ и препогихъ кумировъ, выставляемыхъ на поклоне-

ніе толпы усердными историками различных литературъ. Посовѣтуйтесь, напримѣръ, съ какимъ нибудь записнымъ гуманистомъ: онъ вамъ будетъ доказывать, что не прочесть Горация, Овидія, Виргилія, Цицерона значитъ остаться круглымъ невѣждою. Заговорите съ французомъ: онъ вамъ поклянется честью, что вамъ совершенно необходимо прочесть всѣ трагедіи Корнеля, всѣ трагедіи Расина, всѣ сатиры Буало, всѣ сладости Фенелона и всѣ проповѣди Боссюэта, котораго французы до сихъ поръ считаютъ великимъ гениемъ и даже глубокимъ, хотя и одностороннимъ историкомъ. Обратитесь къ г. Лонгинову и онъ вамъ, какъ русскому человѣку, поставитъ въ непремѣнную обязанность прочесть цѣликомъ Ломоносова, Державина, Карамзина и Жуковскаго. Счастливъ вашъ богъ, если онъ еще позволитъ вамъ не читать Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, Аблесимова, Хераскова, Озерова и князя Шаликова. Да нѣтъ. Врядъ ли онъ окажетъ вамъ эту великую милость. Нельзя, скажетъ. Эти писатели имѣютъ историческое значеніе. А что же вы, въ самомъ дѣлѣ, будете за человѣкъ, если не будете знать исторіи нашей великой и прекрасной литературы? — Если вы одарены отъ природы чувствомъ благоразумнаго самосохраненія, то вы, разумѣется, не слушаете ни г. Лонгинова, ни гуманиста, ни француза. Вы читаете Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера, Гейне, Мольера и очень немногихъ другихъ поэтовъ, замѣчательныхъ не тѣмъ, что они когда-то жили и что-то написали, а тѣмъ, что они дѣйствительно высказали людямъ нѣсколько дѣльныхъ и умныхъ мыслей. Изъ нашихъ же писателей вы возьмете Грибоѣдова, Крылова, Пушкина, Гоголя, отнесетесь къ нимъ съ самою строгою критикою и увидите тогда, что ваше чисто-литературное образованіе совершенно окончено. Я не говорю о новѣйшихъ писателяхъ, напримѣръ, о Жоржъ Зандѣ, Викторѣ Гюго, Диккенсѣ, Теккереѣ и о лучшихъ представителяхъ нашей собственной беллетристики. Этихъ писателей вы уже непремѣнно прочтете, даже не для литературнаго образованія, а просто для того, чтобы слѣдить за современнымъ развитіемъ европейской мысли. Тутъ, разумѣется, вамъ придется прочесть много пуштяговъ, напримѣръ: «Фанни» — Фейдо, «Саламбо» — Флобера и такіа повѣсти Тургенева, какъ «Первая любовь» и «Призраки.» Противъ этого не поможетъ ужъ никакой послѣдовательный реализмъ. Чтобы приносить людямъ пользу, надо знать, что ихъ интересуеетъ и о чемъ они въ данную минуту толкуютъ, а для этого приходится

очень часто просматривать ничтожнѣйшіе романы, пробѣгать пустѣйшіе номера журналовъ и газетъ и выслушивать отъ разныхъ добродушныхъ личностей еще болѣе пустыя разсужденія. Кто хочетъ заниматься психіатріею, тотъ поневолѣ долженъ выслушивать разсказы всякихъ Поприщійныхъ о шикѣ алжирскаго дея. Но и психіатру нѣтъ особенной надобности читать въ пыльныхъ архивахъ и библіотекахъ умозрѣнія всѣхъ тѣхъ Поприщійныхъ, которые жили раньше насъ и которыхъ бредни, на бѣду нашу, не затерялись.

Изъ всего, что я говорилъ съ самаго начала этой статьи, читатель видитъ ясно, что я отношусь съ глубокимъ и совершенно искреннимъ уваженіемъ къ первокласснымъ поэтамъ всѣхъ вѣговъ и народовъ. Задача реалистической критики въ отношеніи ко всей массѣ литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ намъ отжившими поколѣніями, состоитъ именно въ томъ, чтобы выбрать изъ этой массы то, что можетъ содѣйствовать нашему умственному развитію и объяснить, какимъ образомъ мы должны распоряжаться съ этимъ отборнымъ матеріаломъ. Такая обширная задача не по силамъ одному человѣку, но я, съ своей стороны, постараюсь все-таки, со временемъ, подвинуть это дѣло впередъ, представляя читателямъ нашего журнала рядъ критическихъ статей о тѣхъ писателяхъ, которыхъ чтеніе я считаю необходимымъ для общаго литературнаго образованія каждаго мыслящаго человѣка.

Въ этой статьѣ я, разумѣется, могу только указать на эту задачу и ограничиться неопредѣленнымъ обѣщаніемъ. — Но у реалистической критики есть и другая задача, можетъ быть, еще болѣе серьезная. Дѣлая строгую оцѣнку литературнымъ трудамъ прошедшаго, она должна еще внимательнѣе и строже слѣдить за развитіемъ литературы въ настоящемъ. Здѣсь на ней лежитъ обязанность быть несравненно болѣе разборчивою и требовательною. Когда мы говоримъ, на примѣръ, о Шекспирѣ, мы просто беремъ у него то, что находимъ въ наличности. Что есть—за то спасибо; чего нѣтъ—не взыщите; на нѣтъ и суда нѣтъ. Наряжать надъ Шекспиромъ слѣдствіе по тому вопросу, былъ ли онъ прогрессистомъ или ретроградомъ—смѣшно, недѣло и несправедливо, по той простой причинѣ, что люди XVI вѣка еще не имѣли понятія о такомъ прогрессѣ, который охватываетъ всѣ отправления общественной жизни и всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Но если бы въ наше время появился поэтъ съ громаднымъ талантомъ и если-бы онъ, подобно

Шекспиру, посвятивъ лучшія силы своего таланта на создаваніе историческихъ драмъ, то реалистическая критика имѣла бы полное право отнести очень сурово къ тому обстоятельству, что колоссальный талантъ отвертывается отъ интересовъ живой дѣйствительности и уходитъ въ область «безпечальнаго созерцанія», изобрѣтеннаго «Отечественными Записками» или «Петербургскими Вѣдомостями». Я твердо убѣжденъ въ томъ, что настоящій поэтъ, родившійся въ XIX вѣкѣ и получившій здоровое человѣческое образованіе, не можетъ быть ни ретроградомъ, ни индифферентистомъ. Стало быть, если въ произведеніяхъ даровитаго человѣка будутъ проглядывать допотопныя тенденціи или холодное равнодушіе къ живымъ потребностямъ современности,—реалистическая критика обязана внимательно разобрать причины такого ненормальнаго и вреднаго явленія. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла непременно окажется или полное невѣжество даннаго субъекта, или односторонность развитія, или слабоуміе, или молчаливость, или вообще чтонибудь способное испортить и сбить съ пути самыя лучшія задатки литературнаго дарованія. Эти результаты ближайшаго изслѣдованія реалистическая критика должна выставить на показъ въ самыхъ яркихъ краскахъ, для того, чтобы публика перестала обольщаться такимъ оракуломъ, который говоритъ ей вредную галиматью или, по крайней мѣрѣ, отвлекаетъ ея вниманіе отъ полезнаго дѣла. Въ наше время можно быть реалистомъ и, слѣдовательно, полезнымъ работникомъ, не будучи поэтомъ; но быть поэтомъ и, въ тоже время, не быть глубокимъ и сознательнымъ реалистомъ—это совершенно невозможно. Кто не реалистъ, тотъ не поэтъ, а просто даровитый неучъ, или ловкій шарлатанъ, или мелкая, но самолюбивая козявка. Отъ всей этой назойливой твари реалистическая критика должна тщательно оберегать умы и карманы читающей публики.

VII.

Если вы предложите мнѣ вопросъ: есть ли у насъ въ Россіи замѣчательные поэты?—то я вамъ отвѣчу безъ всякихъ обиняковъ, что у насъ ихъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть—и, по всей вѣроятности, очень долго еще не будетъ. У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно

назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго. Первые остались на всю жизнь въ положеніи зародышей, потому что имъ нечѣмъ было питаться и некуда было развиваться. Силы-то упихъ были, но не было ни впечатлѣній, ни простора. Поэтому ничего и не вышло, кромѣ одностороннихъ попытокъ и недуманныхъ зачатковъ разумнаго міросозерцанія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое «Мертвыя души»? Изображалъ человѣкъ «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни» и все шло хорошо и умно; а потомъ вдругъ, въ самомъ концѣ, пустилъ бессмысленнѣйшее воззваніе къ Россіи, которая, будто бы, куда-то мчится, какъ бѣшенная тройка, да такъ быстро мчится, что остальные народы только ротъ разѣваютъ и диву даются. И кто тянулъ изъ него эту дифирамбическую тираду? Рѣшительно никто. Такъ сама собою вылилась, отъ полноты невѣжества и отъ непривычки къ широкому обобщенію фактовъ. И вышла чепуха: съ одной стороны «бѣдность», а съ другой такая быстрота развитія, что любо-дорого. Ничего цѣльнаго и не оказалось. И уже въ этомъ лирическомъ порывѣ сидятъ зачатки второй части «Мертвыхъ душъ» и знаменитой «Переписки съ друзьями». — А что такое басни Крылова? Робкіе намеки на сильный умъ, который никогда не сможетъ и не осмѣлится развернуться во всю свою ширину. — Но эти зародыши все-таки заслуживаютъ наше уваженіе, заслуживаютъ именно тѣмъ, что не могли развернуться. Значитъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, изъ этихъ элементовъ могло выработаться что нибудь порядочное. Но о людяхъ второй категоріи, о пародіяхъ на поэта, намъ приходится высказать совершенно противоположное мнѣніе. Эти люди процвѣтали «яко кринъ», щебетали, какъ птицы пѣвчія, и совершили «въ предѣлѣхъ земномъ все земное», то есть, все, что они были способны совершить. Въ произведеніяхъ этихъ людей нѣтъ никакихъ признаковъ болѣзненности или изуродованности. Имъ было весело, легко и хорошо жить на свѣтѣ и это обстоятельство, конечно, останется вѣчнымъ пятномъ на ихъ прославленныхъ именахъ. Впрочемъ нѣтъ, — не *вѣчными*. Такъ какъ эти господа уже теперь ничѣмъ не связаны съ современнымъ развитіемъ нашей умственной жизни, то мы можемъ надѣяться, что ихъ прославленные имена скоро забудутся или, по крайней мѣрѣ, превратятся для русскихъ людей въ такіе же пустые звуки, въ какіе уже давно превратились

имена Ломоносова, Сумарокова, Державина и всяких других бардов прошлаго столѣтія. Съ именемъ Жуковскаго уже совершилось это превращеніе, но Пушкина мы все еще не рѣшаемся забыть или вѣрнѣе, мы боимся признаться самимъ себѣ, что мы его почти совсѣмъ забыли. О Пушкинѣ до сихъ поръ бродятъ въ обществѣ разныя нелѣпыя слухи, пущенныя въ ходъ эстетическими критиками; общество не сличаетъ этихъ слуховъ съ существующими фактами, но повторяетъ ихъ съ чужого голоса и, по старой привычкѣ къ этимъ слухамъ, считаетъ ихъ за непреложную истину, не требующую никакихъ доказательствъ. Говорятъ, напримѣръ, что Пушкинъ—великій поэтъ и всѣ этому вѣрятъ. А на повѣрку выходитъ, что Пушкинъ просто великій стилистъ — и больше ничего. Говорятъ далѣе, что Пушкинъ основалъ нашу новѣйшую литературу и этому тоже вѣрятъ. И это тоже вздоръ. Новѣйшую литературу основалъ не Пушкинъ, а Гоголь. Пушкину мы обязаны только нашими милыми лириками, а подъ вліяніемъ Гоголя сформировались Тургеневъ, Писемскій, Некрасовъ, Островскій, Достоевскій; да кромѣ того, произведенія Гоголя дали рѣшительный толчокъ нашей реальной критикѣ. — Многимъ читателямъ мои размышленія о Пушкинѣ покажутся возмутительно-дерзкими. Я самъ, съ своей стороны, признаю за читателемъ полное право требовать отъ меня серьезныхъ и подробныхъ фактическихъ доказательствъ, но теперь, въ этой статьѣ, я все-таки не буду распространяться о литературной дѣятельности великаго Пушкина. Объ этомъ мы поговоримъ въ будущемъ году. — Тогда я представлю читателямъ «Русскаго Слова» рядъ статей подъ заглавіемъ «Пушкинъ и Бѣлинскій». Въ этихъ будущихъ статьяхъ я разберу подробно всю дѣятельность прославленнаго поэта и постараюсь, съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма, перерѣшить тѣ вопросы, которые Бѣлинскій рѣшалъ на основаніи эстетическихъ догматовъ потерявшихъ для насъ всю свою обязательную силу.

Въ настоящее время у насъ также нѣтъ поэтовъ; наше общество все еще слишкомъ неподвижно, чтобы содѣйствовать развитію тѣхъ высшихъ силъ ума и чувства, которыми долженъ обладать геніальный поэтъ. Но между нашими литераторами есть нѣсколько умныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ, помѣщающихъ въ различныхъ журналахъ романы, повѣсти и драматическія произведенія. Дѣятельность этихъ людей никакъ нельзя назвать без-

плодною. Они заставляютъ своихъ читателей задумываться надъ различными вопросами вседневной жизни; они даютъ реальной критикѣ удобный случай разяснить эти вопросы. Публика прислушивается къ этимъ разясненіямъ и мысль понемногу начинаетъ шевелиться, медленно просачиваясь въ такіе темные углы, которые съ поконъ вѣку были совершенно незнакомы съ подобною роскошью. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на современныя литературы всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, вы тотчасъ замѣтите тотъ общій фактъ, что надъ всѣми отраслями поэтическаго творчества далеко преобладаетъ такъ называемый *гражданскій эпосъ* или, проще, романы, повѣсти и рассказы. Романъ втянулъ въ себя всю область поэзіи, а для лирики и для драмы остались только кое-какіе крошечные уголки. Если, напримѣръ, въ годъ будетъ напечатано *сто* листовъ драматическихъ произведеній и лирическихъ стиховъ, то можно сказать навѣрное, что въ тотъ же промежутокъ времени появится, по крайней мѣрѣ, *тысяча* листовъ романовъ, повѣстей и рассказовъ. А если бы мы могли сравнить цифры читателей, то перевѣсъ *гражданскаго эпоса*, безъ сомнѣнія, оказался бы еще поразительнѣе. Далѣе, не мѣшаетъ замѣтить, что романы въ стихахъ или эпическія поэмы въ наше время сдѣлались невозможными и что эту невозможность признали наконецъ сами эстетика. Это рѣшительное преобладаніе романа, и притомъ романа въ прозѣ, показываетъ очевидно, что въ отношеніяхъ читающаго общества къ поэзіи совершился глубокой и радикальный переворотъ. Въ бывшее время на первомъ планѣ стояла *форма*; читатели восхищались совершенствомъ внѣшней техники и; вслѣдствіе этого, безусловно предпочитали стихи прозѣ. Еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія, Вольтеръ, превознося Фенелонова «Телемака», говоритъ въ то же время, что все-таки «Телемака» невозможно сравнивать съ эпическими поэмами, потому что самая посредственная цѣзма, написанная стихами, стоитъ неизмѣримо выше превосходнѣйшаго романа въ прозѣ. Теперь, напротивъ того, вниманіе читателей безраздѣльно направляется на *содержаніе*, то есть, на мысль. Отъ *формы* требуютъ только, чтобы она не мѣшала содержанію, то есть, чтобы тяжелые и запутанные обороты рѣчи не затрудняли собою развитіе мысли. По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, красота языка заключается единственно въ его ясности и выразительности, то есть, исключительно въ тѣхъ качествахъ, которыя ускоряютъ и облегча-

ютъ переходъ мысли изъ головы писателя въ голову читателя. Достоянство телеграфа заключается въ томъ, чтобы онъ передавалъ извѣстiя быстро и вѣрно, а никакъ не въ томъ, чтобы телеграфная проволока изображала собою разныя извилины и арабески. Эту простую истину нашъ практическiй вѣкъ понемногу, самъ того не замѣчая, приложилъ къ области поэтическаго творчества. Языкъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, именно средствомъ для передачи мысли. Форма подчинилась содержанiю и съ этого времени укладыванiе мысли въ разбѣренныя и рифмованныя строчки стало казаться всѣмъ здравомыслящимъ людямъ ребяческою забавою и напрасною тратою времени. По привычкѣ къ старинѣ, мы еще не рѣшаемся громко сознаться въ томъ, что мы дѣйствительно такъ смотримъ на это дѣло, но живые факты сами говорятъ за себя. Общее число писателей и читателей увеличивается, и въ тоже время, число стихотворцевъ и стихолубителей уменьшается. Стихотворцы отходятъ на второй планъ. Кто, напримѣръ, стоитъ во главѣ современной англiйской литературы? Ужъ конечно не Теннисонъ, а Диккенсъ, Теккерей, Треллопъ, Эллиотъ, Бульверъ, то есть, все прозаики и всѣ романисты. Какiя сочиненiя Виктора Гюго извѣстны всей читающей Европѣ? Не лирика и не трагедiя, а «Notre-dame de Paris» и les Misérables» — два романа, написанные прозою. — Романъ на столько же удобнѣе всѣхъ остальныхъ видовъ поэческаго творчества, на сколько современный сюртукъ и прическа удобнѣе костюмовъ и париковъ, бывшихъ въ модѣ при Людовикѣ XIV. Романистъ распоряжается своимъ матеріаломъ, какъ ему угодно; описанiя, размышленiя, психологическiе анализы, историческiя, бытовыя и экономическiя подробности — все это съ величайшимъ удобствомъ входитъ въ романъ и все это почти совсѣмъ не можетъ войти въ драму. О лирикѣ ужъ и говорить нечего. Кромѣ того, романъ оказывается самою *полезною* формою поэческаго творчества. Когда писатель хочетъ предложить на обсужденiе общества какую нибудь психологическую задачу, тогда романъ оказывается необходимымъ и незамѣнимымъ средствомъ. Въ обществѣ и въ семействѣ ежеминутно случаются, между различными типами и характерами, болѣе или менѣе рѣзкiя и болѣзненныя столкновенiя. При подобныхъ столкновенiяхъ, обѣ стороны очень часто считаютъ себя правыми. Когда дѣло идетъ о денежномъ интересѣ, тогда начинается разорительный судебный процессъ. Когда же затронуть вопросъ, входящiй въ об-

ласть чувства или мысли, тогда сводъ законовъ, разумѣтся, молчать и дѣло можетъ быть рѣшено только приговоромъ или, вѣрнѣе, вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Но въ неразвитомъ обществѣ общественное мнѣніе чрезвычайно слабо; это мнѣніе слагается изъ толковъ сосѣдей и знакомыхъ, которые произносятъ свои сужденія ощупью, на авось, подѣ вліяніемъ своихъ мельчайшихъ симпатій и антипатій. При каждомъ огласившемся столкновеніи между отцомъ и сыномъ, братомъ и сестрою, мужемъ и женою, обѣ воюющія стороны непременно находятъ себѣ между сосѣдями и знакомыми усердныхъ утѣшителей и краснорѣчивыхъ защитниковъ. Эти господа своимъ участіемъ всегда растрavляютъ ссору и увеличиваютъ упорство враждующихъ личностей. Иной добродушный человѣкъ, обдумавши на досугѣ свой поступокъ, могъ бы почувствовать, что онъ въ самомъ дѣлѣ ошибся и обидѣлъ ни за грошъ своего ближняго, но когда этотъ человѣкъ встрѣчается въ своихъ знакомыхъ полное сочувствіе, когда посторонніе люди совершенно искренно доказываютъ ему, что онъ-то самъ и есть угнетенная невинность, тогда, очевидно, безпристрастное обсужденіе собственныхъ ошибокъ становится чрезвычайно затруднительнымъ и глупѣйшая ссора отравляетъ, вслѣдствіе этого, двѣ человѣческія жизни, которыя могли бы протекать рядомъ въ вождельномъ согласіи. Множество неприятностей и мелкихъ страданій, истощающихъ человѣческія силы и опошляющихъ человѣческую личность, происходитъ такимъ образомъ отъ слѣпоты или неразвитости общественнаго мнѣнія, отъ поголовнаго неумѣнія опредѣлять тѣ границы, внутри которыхъ отдѣльная личность можетъ развертывать свои силы, не посягая на свободу и на человѣческое достоинство другихъ личностей. Самымъ могущественнымъ средствомъ для правильнаго развитія общественнаго мнѣнія является, конечно, общественная жизнь. Когда общество заботится о собственныхъ интересахъ, тогда она быстро выучивается контролировать поступки и убѣжденія своихъ отдѣльныхъ членовъ. Но, такъ какъ развитіе общественной жизни зависитъ не отъ литературы, а отъ историческихъ обстоятельствъ, то мнѣ не зачѣмъ и распространяться объ этомъ щекотливомъ предметѣ. — Вторымъ средствомъ, гораздо менѣе могущественнымъ, но все-таки не совсѣмъ ничтожнымъ, является вліяніе литературы. Задавать обществу психологическія задачи, показывать ему столкновенія между различными страстями, характерами и положеніями, наводить его на размышленія о причинахъ этихъ

столкновений и о средствах устранить подобные неприятности, заставляя его сочувствовать въ книгѣ тому лицу или поступку, противъ котораго оно (общество) вооружилось бы въ дѣйствительной жизни, вслѣдствіе своихъ закоренѣлыхъ предубѣжденій, — все это значить — формировать общественное мнѣніе, значить — говорить обществу: взглядывайся, вдумывайся въ свою собственную жизнь, выметаи изъ нея, хоть понемногу, тотъ мусоръ ложныхъ понятій, на которомъ живые люди, твои же собственные члены, спотыкаются и ломаютъ себѣ ноги! — Въ рѣшеніи чисто-психологическихъ вопросовъ романъ незамѣнимъ; напротивъ того, въ рѣшеніи чисто-соціальныхъ вопросовъ романъ долженъ уступить первое мѣсто серьезному изслѣдованію. Но, такъ какъ чисто-соціальный интересъ почти всегда сдѣлается съ интересомъ чисто-психологическимъ, то романъ можетъ принести очень много пользы даже для разъясненія соціальнаго вопроса. Представьте себѣ, напримѣръ, что васъ поразили всендневныя явленія вопіющей человѣческой бѣдности. Если вы, съ своей стороны, хотите сдѣлать вашимъ умственнымъ трудомъ что нибудь для облегченія этого зла, то вы, разумѣется, должны изучить причины и видоизмѣненія бѣдности, собрать какъ можно больше сырыхъ фактовъ и достовѣрныхъ статистическихъ цифръ, привести всѣ эти матеріалы въ порядокъ и вывести ваши сильныя практическія заключенія. Трудъ вашъ окажется, такимъ образомъ, серьезнымъ изслѣдованіемъ и дѣловымъ проэктомъ. Его прочитаютъ и обдумаютъ тѣ люди, которые имѣютъ возможность и желаніе осуществлять въ дѣйствительной жизни общепользныя идеи кабинетныхъ мыслителей. Такъ, напримѣръ, въ 1860 году Эмиль Лоранъ издалъ очень дѣльную книгу о французскомъ пауперизмѣ и объ обществахъ взаимнаго вспомошествованія. Эту книгу читали, навѣрное, всѣ президенты подобныхъ обществъ, и нѣкоторыми изъ совѣтовъ Лорана воспользовались, быть можетъ тѣ префеты и меры, которыхъ мысли не сосредоточены исключительно на присканіи средствъ для полученія ордена Почетнаго Легіона. Для такихъ читателей, разумѣется, необходимы факты и цифры, а не картины трудовой жизни и душевной борьбы. — Но бѣдность порождаетъ развратъ и преступленіе, а общество обрушивается всюю тяжестью своего гнѣва и презрѣнія на тѣхъ людей, которые споткнулись на трудномъ пути и которые могли бы снова подняться на ноги, если бы ихъ не давило въ грязь все, что ихъ окружаетъ, и все, что,

благодаря болѣе благопріятнымъ случайностямъ, успѣло сохранить наружный видъ чистоты и безукоризненности. Если васъ поразила эта чисто-психологическая сторона бѣдности, то вы напишете романъ, и созданныя вами картины заставятъ многихъ изъ вашихъ читателей задуматься надъ тою кровавою несправедливостью, или проще, надъ тою поразительною тупостью, которую мы, люди добродѣтельные, обнаруживаемъ ежедневно въ нашихъ отношеніяхъ къ умственнымъ и нравственнымъ болѣзнямъ голоднаго и раздѣтаго человѣка. Романы Диккенса и Виктора Гюго направляются вовсе не къ тому, чтобы разжалобить толстыхъ филистеровъ и выпросить у нихъ копѣчку на пропитаніе вдовъ и сиротъ; эти романы доказываютъ намъ, съ разныхъ сторонъ, полную логическую несостоятельность всѣхъ нашихъ обиходныхъ понятій о пороѣ и преступленіи. Капля долбитъ камень *non vi, sed saepe cadendo* (не силою, но часто повторяющимся паденіемъ), и романы незамѣтно произведутъ въ нравахъ общества и въ убѣжденіяхъ каждаго отдѣльнаго лица такой радикальный переворотъ, какового не произвели бы безъ ихъ содѣйствія никакіе философскіе трактаты и никакія ученныя изслѣдованія. — Поэтому каждый послѣдовательный реалистъ видитъ въ Диккенсѣ, Теккереѣ, Треллопѣ, Жоржъ-Зандѣ, Гюго — замѣчательныхъ поэтовъ и чрезвычайно полезныхъ работниковъ нашего вѣка. Эти писатели составляютъ своими произведеніями живую связь между передовыми мыслителями и полуобразованною толпою всякаго пола, возраста и состоянія. Они — популяризаторы разумныхъ идей по части психологіи и фізіологіи общества, а въ настоящую минуту добросовѣстные и даровитые популяризаторы, по крайней мѣрѣ, такъ же необходимы, какъ оригинальные мыслители и самостоятельные изслѣдователи. — Мы вовсе не требуемъ отъ романистовъ, чтобы всѣ они непременно описывали страданія бѣдняковъ или показывали намъ человѣка въ преступникѣ. По нашему мнѣнію, каждый романистъ, разрѣшающій какую нибудь психологическую задачу, поставленную естественнымъ теченіемъ дѣйствительной жизни, — приноситъ обществу существенную пользу и, по мѣрѣ силъ своихъ, исполняетъ обязанность честнаго гражданина и развитого человѣка. Частная жизнь и семейный бытъ, наравнѣ съ экономическими и общественными условіями нашей жизни, должны обращать на себя постоянное вниманіе мыслящихъ людей и даровитыхъ писателей.

Отд. II.

3

бы упрочить за собою глубочайшее уваженіе реалистовъ, романистъ или поэтъ долженъ только постоянно, такъ или иначе, служить живому дѣлу дѣйствительной, современной жизни. Онъ не долженъ только превращать свою дѣятельность въ безцѣльную забаву праздно-й фантазіи. Я надѣюсь, что даже эстетики не станутъ заступаться за Дюма, за Феваля, за Поль-де-Кока. Но очень правдоподобно, что они уважаютъ Вальтеръ-Скотта и Купера. А мы ихъ нисколько не уважаемъ и вообще считаемъ историческій романъ за одно изъ самыхъ бесполезныхъ проявленій поэтическаго творчества. Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ — усыпители человѣчества. Что они были люди очень даровитые—противъ этого я не спорю. Но тѣмъ хуже. Тѣмъ-то они и вредны, что ихъ произведенія читаются съ удовольствіемъ и создаютъ цѣлыя школы подражателей. А что выносить читатель изъ этихъ романовъ? Ничего, ни одной новой идеи. Рядъ картинъ и арабесковъ. Тоже самое, что ребенокъ выносить изъ волшебной сказки. Въ наше время, когда надо смотрѣть въ оба глаза и работать обѣими руками, стыдно и предосудительно уходить мыслью въ мертвое прошедшее, съ которымъ всѣмъ порядочнымъ людямъ давно пора разорвать всякія связи.

VIII.

Съ самаго начала этой статьи, я все говорилъ только о поэзіи. Обо всѣхъ другихъ искусствахъ, пластическихъ, тоническихъ и мимическихъ, я выскажусь очень коротко и совершенно ясно. Я чувствую къ нимъ глубочайшее равнодушіе. Я рѣшительно не вѣрю тому, чтобы эти искусства какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали умственному или нравственному совершенствованію человѣчества. Вкусы человѣческіе безконечно разнообразны: одному желательно выпить передъ обѣдомъ рюмку очищенной водки; другому—выкурить послѣ обѣда трубку махорки; третьему — побаловаться вечеромъ на скрипкѣ или на флейтѣ; четвертому — придти въ восторгъ и въ ужасъ отъ взвизгиваній Ольриджа въ роли Отелло. Ну, и безподобно. Пускай утѣшаются. Все это я понимаю. Понимаю я также, что двумъ любителямъ очищенной водки, или Ольриджа, или виолончели приятно побесѣдовать между собою о совершен-

ствахъ любимаго предмета и о тѣхъ средствахъ, которыя слѣдуетъ употребить для того, чтобы придать любимому предмету еще болѣе высокія совершенства. Изъ такихъ спеціальныхъ бесѣдъ могутъ образоваться спеціальныя общества. Напримѣръ, «общество любителей водки», «общ. люб. псовой охоты», «общество театраловъ», «общ. люб. слоеныхъ пирожковъ», «общ. люб. музыки» и такъ далѣе, впродъ до безконечности. У такихъ обществъ могутъ быть свои уставы, свои выборы, свои парламентскіе дебаты, свои убѣжденія, свои журналы. — Такія общества могутъ раздавать патенты на гениальность. Вслѣдствіе этого, могутъ появиться на свѣтѣ великіе люди самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря. Мы можемъ только радоваться этому обилію человѣческой гениальности и осторожно проходить мимо всѣхъ этихъ «обществъ любителей», тщательно скрывая улыбку, которая невольно напрашивается на наши губы, и которая можетъ раздражить очень многихъ гусей. Впрочемъ, отрицать совершенно практическую пользу живописи мы, конечно, не рѣшимся. Черченіе плановъ необходимо для архитектуры. Почти во всѣхъ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ требуются рисунки. Въ настоящую минуту передо мною лежитъ великолѣпная книга Брема: *Illustrirte Thierleben* (жизнь животныхъ, съ картинами) и эта книга показываетъ мнѣ самымъ нагляднымъ образомъ, до какой степени даровитый и образованный художникъ можетъ своимъ карандашомъ помогать натуралисту въ распространеніи полезныхъ знаній. Но вѣдь ни Рембрандтъ, ни Тиціанъ не стали бы рисовать картинки для популярнаго сочиненія по зоологіи или по ботаникѣ. А ужъ какимъ образомъ Моцартъ и Фанни Эльслеръ, Тальма и Рубини ухитрились бы пристроить свои великія дарованія къ какому нибудь разумному дѣлу, этого я даже и представить себѣ не умѣю. Пусть помогутъ мнѣ въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ эстетики «Эпохи» и «Библиотеки для Чтенія». — Любители всяческихъ искусствъ не должны гнѣваться на меня за легкомысленный тонъ этой главы. Свобода и терпимость прежде всего! Имъ нравится дуть въ флейту, или изображать своею особою Гамлета, принца датскаго, или пестрить полотно масляными красками, а мнѣ нравится доказывать насмѣшливымъ тономъ, что они никому не приносятъ пользы и что ихъ не за что ставить

на пьедесталы. А забавамъ ихъ никто мѣшать не намѣренъ. За шиворотъ ихъ никто не тянетъ на полезную работу. Весело вамъ—
ву и веселитесь, милые дѣти!

IX.

Припомните вмѣстѣ со мною, мой читатель, какимъ образомъ васъ воспитывали и учили. Предположимъ на первый случай, что вы сынъ богатаго помѣщика и живете вмѣстѣ съ вашими родителями въ какой нибудь тамбовской или рязанской деревнѣ. Вамъ лѣтъ десять, вы безжалостно рвете и начкаете ваши рубашечки, курточки и панталоны; вы лазѣте по горамъ и по деревьямъ и сокрушаете каждый день вашу мамашу новыми снѣжками и царапинами, которыя она постоянно усматриваетъ на вашемъ лицѣ и на вашихъ рукахъ. Наконецъ мамаша говоритъ папашѣ, что мальчикъ шибко балуется и что давно пора выписать для него строгаго гувернера, который серьезно присадилъ бы его за умныя книжки. Папаша отвѣчаетъ: хорошо! Вотъ продамъ обозъ пшеницы, съѣзжу недѣли на три въ Москву и отыщу тамъ подходящаго нѣмца или француза. Какъ слазано, такъ и сдѣлано. Получаются деньги за пшеницу и часть этихъ денегъ употребляется на приобрѣтеніе того неизвѣстнаго господина, которымъ уже давно стращала васъ ваша мамаша. Незвѣстный господинъ объявляетъ папашѣ, что надо выписать такую-то ариметику, такую-то грамматику, такую-то географію и такъ далѣе.

Папаша отпираетъ ту шкатулку, въ которой у него ссыпана пшеница, превращенная въ кредитные билеты, и выдаетъ рублей 20 или 30 на покупку учебныхъ книгъ. Каждый годъ продаются обозы пшеницы и каждый годъ часть вырученныхъ денегъ вручается вашему ментору, а другая часть превращается въ книги, глобусы, ландкарты, аспидныя доски, писчую бумагу, стальные перья. Все это вы, какъ ненасытная пучина, поглощаете съ тою же быстротою, съ какою вы, въ былое время, истребляли штаны и куртки. Положимъ, что все это идетъ вамъ въ прокъ. Ваша любознательность пробуждается; вашъ умъ растетъ и укрѣпляется; вы всею душою привязываетесь къ вашему воспитателю; онъ рассказываетъ вамъ о своемъ студенчествѣ; и васъ самихъ начинаетъ тянуть въ университетъ, въ

обѣтованную землю труда и знанія. Родители ваши съ удовольствіемъ уступаютъ вашему желанію; не смотря на вашу юношескую робость, вы превосходно выдерживаете вступительный экзаменъ и съ замѣраніемъ сердца входите въ обѣтованную землю. Съ этой минуты часть пшеницы, превращенной въ деньги, поступаетъ въ ваше собственное распоряженіе; вы сами заботитесь о своемъ костюмѣ, сами покупаете себѣ книги, сами позволяете себѣ удовольствія. Допустимъ, что все это вы дѣлаете вполне благоразумно; въ одеждѣ нѣтъ роскоши, въ чтеніи вашемъ господствуетъ строгая послѣдовательность, удовольствія выбираются такія, которыя дѣйствительно освѣжаютъ ваши силы для новаго труда; все это превосходно; но вѣдь все это до сихъ норъ было только поглощеніемъ пшеницы, превращенной въ сукно, въ голландское полотно, въ дѣльные книги, въ театральные и концертные билеты, въ профессорскія лекціи, въ умныя мысли и въ высокія стремленія. Всякій человѣкъ, собирающійся работать, долженъ непременно поглотить сначала извѣстное количество продукта, уже выработаннаго другими людьми; онъ можетъ поглотить его глупо, то есть, разстроить себѣ желудокъ этимъ поглощеніемъ; можетъ поглотить умно, то есть, дѣйствительно подкрѣпить свои силы; но за то, что человѣкъ подкрѣпилъ свои силы, мы еще ничуть не обязаны говорить ему спасибо; надо посмотрѣть, что будетъ дальше. Дальше вы оказываетесь кандидатомъ и передъ вами раскрывается жизнь. У васъ есть все, что нужно человѣку для счастья: здоровая молодость, развитой умъ, приличная наружность, обезпеченное состояніе; вамъ хочется жить, любить, мыслить и дѣйствовать. Чѣмъ захочу, думаете вы, тѣмъ и займусь; куда захочу, туда и поѣду; что захочу, то и сдѣлаю. Я самъ себѣ баринъ и никому не намѣренъ отдавать отчетъ въ своемъ образѣ жизни. Мое образованіе изощрило во мнѣ способность наслаждаться всѣмъ, что затрогиваетъ мысль и ласкаетъ чувство; поэтому, я намѣренъ извлекать себѣ наслажденія изъ любви, изъ науки, изъ искусства, изъ живой природы; все мое, а самъ я не принадлежу рѣшительно никому. — Такой взрывъ юношеской самостоятельности составляетъ очень обыкновенное, быть можетъ, даже неизбежное явленіе въ жизни каждой мыслящей и развивающейся личности. Но первый трезвый взглядъ на экономическую прозу жизни кладетъ конецъ этому взрыву. Вы начинаете соображать, что вы поглотили цѣлыя сотли четвертой видоизмѣненной пшеницы и что каждая четверть соотвѣтствуетъ

извѣстному количеству рабочихъ дней, конныхъ и пѣшихъ, мужскихъ и женскихъ. А я-то, думаете вы, такъ радовался обилію моихъ знаній; а я-то такъ гордился силою моего ума и тонкостью моего эстетическаго вкуса! Вѣдь смѣшно даже подумать, къ чему приводится эта радость и эта гордость. Какой я, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ! Какую гору пшеницы я съѣлъ и переварилъ! А что же я теперь собираюсь дѣлать? Наслаждаться прелестями молодой жизни, то есть, опять ѣсть и опять переваривать? Вѣдь надо же и честь знать. А если не честь, то надо же знать, по крайней мѣрѣ, простыя правила ариметики. Если постоянно вычитать изъ общественнаго капитала, то наконецъ весь капиталъ уничтожится и общество придетъ къ банкротству. Я взялъ въ займы чужой трудъ; теперь надо же уплачивать этотъ долгъ. А чѣмъ его уплачивать? Деньгами, что-ли? Очевидная нелѣпость. Это значить занимать у Ивана, чтобы отдавать Петру. За трудъ можно платить только трудомъ. Сначала другіе люди работали для меня, а теперь я долженъ работать для другихъ людей. Я весь принадлежу тому обществу, которое меня сформировало; всѣ силы моего ума составляютъ результатъ чужого труда, и если я буду разбрасывать эти силы на разныя пріятныя глупости, то я окажусь несостоятельнымъ должникомъ и злостнымъ банкротомъ, хотя, можетъ быть, никто не назоветъ меня этимъ позорнымъ именемъ, и даже не замѣтитъ, что я поступаю безчестно, то есть, становлюсь врагомъ того самаго общества, которому я обязанъ рѣшительно всѣмъ. Когда вы придете къ такимъ серьезнымъ заключеніямъ, тогда безцѣльное наслажденіе жизнью, наукою, искусствомъ, окажется для васъ невозможнымъ. Останется только одно наслажденіе, то, которое выходитъ изъ яснаго сознанія, что вы приносите людямъ дѣйствительную пользу, что вы уплачиваете понемногу накопившуюся массу вашихъ долговъ и что вы, твердыми шагами, не сворачивая ни въ право, ни въ лѣво, идете впередъ, къ общей цѣли всей вашей жизни. Да, жизнь есть постоянный трудъ, и только тотъ понимаетъ ее вполне по человѣчески, кто смотритъ на нее съ этой точки зрѣнія. И любовь къ женщинамъ, и искусство, и наука — все это или вспомогательныя средства въ общемъ механизмѣ жизненнаго труда, или минуты отдыха въ антрактахъ между оконченною работою и началомъ новаго дѣла. О любви къ женщинамъ и объ искусствѣ я уже говорилъ выше. Теперь будемъ говорить о наукѣ. Но сначала надо сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

Для большей простоты анализа, я предположилъ въ первыхъ строкахъ этой главы, что вы, мой читатель, сынъ богатаго помѣщика и что вы воспитывались на деньги вашихъ родителей. При этомъ условіи, отношенія вашего воспитанія къ пшеницѣ и къ рабочимъ днямъ обрисовываются такъ ясно, что о нихъ больше не зачѣмъ и распространяться. Но если бы я предположилъ, что вы плебей и пролетарій, — и что вы сами, тяжелымъ трудомъ, завоевали себѣ каждую отдѣльную частицу вашего широкаго образованія, то, даже и въ этомъ случаѣ, настоящая сущность дѣла осталась бы неизмѣнною. Все-таки окажется при внимательномъ разсмотрѣніи, что вы всѣмъ обязаны обществу и что всѣ силы вашего развитаго и укрѣпленнаго ума должны быть употреблены на постоянное служеніе дѣйствительнымъ интересамъ этого общества. Природа дала вамъ живой умъ и сильную любознательность. Но самые превосходные дары природы остаются мертвымъ капиталомъ, если вы живете въ такомъ обществѣ, въ которомъ еще не зародилась умственная дѣятельность. Тѣ вопросы, которые на каждомъ шагѣ задаетъ себѣ вашъ пытливый умъ, остаются безъ отвѣта; энергія ваша истрачивается на множество мелкихъ и безплодныхъ попытокъ проникнуть въ затворенную область знанія; вы понемногу слабѣете, тупѣете, мельчаете и наконецъ миритесь съ вашимъ невѣжествомъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, которое наконецъ перестаетъ даже тяготить васъ. Въ нашемъ обширномъ отечествѣ было очень много гениальныхъ самородковъ, прожившихъ жизньъ безъ труда и безъ знанія по той простой причинѣ, что негдѣ, не у кого и некогда было выучиться уму-разуму. Вѣроятно, такіе печальные случаи повторяются довольно часто и въ наше время, потому что Россія велика, а свѣтильниковъ въ ней немного. Стало бытъ, если вы, пролетарій и если вамъ посчастливилось наткнуться или удалось отыскать такой свѣтильникъ, который уяснилъ вамъ смыслъ и цѣль человѣческаго существованія, то вы должны задать себѣ вопросъ: какими средствами зажженъ этотъ спасительный свѣтильникъ? и какими матеріалами поддерживается его горѣніе? — Каковъ бы ни былъ этотъ свѣтильникъ, университетъ, академія, образованный человѣкъ, хорошій журналъ, умная книга — все равно; во всякомъ случаѣ, онъ стоитъ денегъ, а мы уже знаемъ, что деньги — ничто иное, какъ пшеница, рожь, овесъ, ленъ, пенька или, еще проще, рабочіе дни, конные и пѣшіе, мужскіе и женскіе. Все богатство общества, безъ исключенія, заключается въ

его трудъ. Часть этого труда, тѣми или другими средствами, отдѣляется на то, чтобы создавать въ обществѣ умственный капиталъ. Ясное дѣло, что этотъ умственный капиталъ долженъ приносить обществу хорошіе проценты, иначе общество будетъ постоянно терпѣть убытки и постоянно приближаться къ окончательному разоренію. Примѣры такихъ разореній уже бывали въ исторіи. Такое разореніе называется паденіемъ цивилизаціи, и каждый ученикъ увѣднаго училища долженъ знать, что уже нѣсколько цивилизацій, повидимому сильныхъ и цвѣтущихъ, упало и уничтожилось безъ остатка.

Х.

Человѣческій трудъ весь цѣликомъ основанъ на наукѣ. Мужикъ знаетъ, когда надо сѣять хлѣбъ, когда жать или косить, на какой землѣ можетъ родиться хлѣбъ и какого снадобья надо подбавить въ землю, чтобы урожай былъ обильнѣе. Все это онъ знаетъ очень смутно, и въ самыхъ общихъ чертахъ, но, тѣмъ не менѣе, это — зародыши науки, первыя попытки человѣка уловить тайны живой природы. Въ свое время, эти простыя наблюденія человѣка надъ особенностями земли, воздуха и растений были великими и чрезвычайно важными открытіями; именно по своей важности, они сдѣлались общимъ достояніемъ трудящейся массы; они на всегда слились съ жизнью, и въ этомъ отношеніи, они оставили далеко за собою всѣ послѣдующія открытія, болѣе замысловатыя и до сихъ поръ еще не успѣвшія пробить себѣ дорогу въ трудовую жизнь простого и бѣднаго человѣка. Въ настоящее время физическій трудъ и наука, на всемъ пространствѣ земного шара, находятся между собою въ полномъ разрывѣ. Физическій трудъ пробавляется до сихъ поръ тѣми жалкими начатками науки, которые выработаны человѣческимъ умомъ въ до-историческія времена; а наука въ это время накопляетъ груды великихъ истинъ, которыя остаются почти безплодными, потому что масса не умѣетъ ни понимать ихъ, ни пользоваться ими. Читатель мой вѣроятно привыкъ читать и слышать, что девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ промышленныхъ чудесъ; вслѣдствіе этого, читателю покажутся странными мои слова о разрывѣ между физическимъ трудомъ и наукою. Да, точно. Люди понемногу начинаютъ

браться за умъ, но они берутся за него такъ вяло и такъ плохо, что мои слова о разрывѣ никакъ не могутъ считаться анахронизмомъ. Промышленными чудесами рѣшительно не слѣдуетъ обольщаться. Паровозъ, пароходъ, телеграфъ — все это штуки очень хорошия и очень полезныя, но существованіе этихъ штукъ доказываетъ только, что есть на свѣтѣ правительства и акціонерныя компаніи, которыя понимаютъ пользу и важное значеніе подобныхъ открытій. Русскій мужикъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ; купецъ телеграфируетъ другому купцу о какой-нибудь перемѣнѣ цѣны. Мужикъ размышляетъ, что славная эта штука чугушка; купецъ тоже философствуетъ, что очень хитро устроена эта проволока. Но скажите на милость: пробуждаютъ ли эти промышленныя чудеса самодѣятельность мысли въ головахъ мужика и купца? Проѣхавъ мужикъ по чугушкѣ, воротился въ свою курную избу и по прежнему ведетъ дружбу съ тараканами, по прежнему лечится нашептываніями знахарки и по прежнему обрабатываетъ допотопными орудіями свою землю, которая по прежнему остается раздѣленною на три клена, озимый, яровой и паръ. А купецъ, отправивъ телеграфическую депешу, по прежнему отбираетъ силою у своихъ дѣтей всякія книги и по прежнему твердо убѣжденъ въ томъ, что торговать безъ обмана значитъ быть съумасшедшимъ человѣкомъ и стремиться къ неизбѣжному разоренію. Паровозъ и телеграфъ пришиты снаружи къ жизни мужика и купца, но они нисколько не срослись съ ихъ полудикою жизнью. Когда простой человѣкъ, оставаясь простымъ и темнымъ человѣкомъ, входитъ въ близкія и ежедневныя сношенія съ промышленными чудесами, тогда его положеніе становится уже изъ рукъ вонъ плохо. Посмотрите, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою фабричная машина и фабричный работникъ. Чѣмъ сложнѣе и великолѣпнѣе машина, тѣмъ тупѣе и бѣднѣе работникъ. На фабрикѣ являются два совершенно различные вида человѣческой породы: одинъ видъ господствуетъ надъ природою и силою своего ума подчиняетъ себѣ стихіи; другой видъ находится въ услуженіи у машины, не умѣетъ понять ея сложное устройство и даже не задаетъ себѣ никакихъ вопросовъ о ея пользѣ, о ея цѣли, о ея вліяніи на экономическую жизнь общества. До вопросовъ ли тутъ, когда надо подглядывать уголь подъ котель или ежеминутно открывать и закрывать какой-нибудь клапанъ? И такимъ образомъ, машина, изобрѣтенная знающимъ че-

ловѣкомъ, подавляетъ незнающаго человѣка, подавляетъ потому, что между наукою, съ одной стороны, и трудящеюся массою, съ другой стороны, лежитъ широкая бездна, которую долго еще не ухитрятся завалить самые великіе и самые человѣколюбивые мыслители. Если работникъ такъ мало развитъ, что у него нѣтъ сознательнаго чувства самосохраненія, то машина загабалитъ этого работника въ самое безвыходное рабство, въ то рабство, которое основано на умственной и вещественной бѣдности порабощаемой личности. Машины должны составлять для человѣчества источникъ довольства и счастья, а на повѣрку выходитъ совсѣмъ другая исторія: машины родятъ науперизмъ, то есть, хроническую и неизлечимую бѣдность. А почему это происходитъ? Потому что машины, какъ снѣгъ на голову, сваливаются изъ высшихъ сферъ умственнаго труда въ такую темную и жалкую среду, которая рѣшительно ничѣмъ не приготовлена къ ихъ принятію. Простой работникъ слишкомъ необразованъ, чтобы сдѣлаться сознательнымъ повелителемъ машины; поэтому онъ немедленно становится ея рабомъ. Видите такимъ образомъ, что промышленныя чудеса превосходно уживаются съ тѣмъ печальнымъ и страшнымъ разрывомъ, который существуетъ между наукою и физическимъ трудомъ.—Вѣтъ машинъ требуетъ непременно добровольныхъ ассоціацій между работниками, а такія разумныя ассоціаціи возможны только тогда, когда работники находятся уже на довольно высокой степени умственнаго развитія. Если же работники, сталкиваясь съ машинами, продолжаютъ дѣйствовать въ разсыпную, то въ рабочемъ населеніи развивается немедленно, съ изумительною силою и быстрою, бѣдность, тупость и деморализація. Представьте себѣ, что въ какомъ нибудь округѣ пятьсотъ семействъ добываютъ себѣ насущный хлѣбъ производствомъ полотень. Заработки ихъ не очень богаты, но всѣ они, по крайней мѣрѣ, сыты, одѣты и даже откладываютъ кое-какіе гроши про черный день. Вдругъ какой нибудь механикъ придумываетъ превосходный ткацкій станокъ, который приводится въ движеніе силою пара и производитъ въ одинъ день столько полотна, сколько простой работникъ сдѣлаетъ въ мѣсяцъ. Дай Богъ здоровья механику за его превосходное изобрѣтеніе, но для нашихъ пяти-сотъ семействъ новый ткацкій станокъ равняется страшному неурожаю, громадному пожару, наводненію или вообще какому нибудь жестокому естественному бѣдствію. Новая машина такъ дорога, что ни одно семейство не въ силахъ купить ее на свои собственные сбереженныя деньги,

а работать по старому уже невозможно, потому что изобрѣтеніе механика произвело очень сильное пониженіе цѣнъ на полотно, и ручной трудъ уже не окупается. Если бы двадцать или тридцать семействъ сложили вмѣстѣ свои крошечные капиталы, то они могли бы купить машину, устроить небольшую фабрику и потомъ дѣлить между собою барыши соразмѣрно съ внесенными суммами. Но можно сказать навѣрное, что они этого не сдѣлаютъ; во-первыхъ, никому изъ нихъ эта простая мысль не придетъ въ голову; во-вторыхъ, если бы даже она пришла въ голову одному изъ этихъ работниковъ, то она не нашла бы себѣ сочувствія въ другихъ рабочихъ; сейчасъ явилось бы на сцену то тупое и безпричинное недовѣріе, которымъ обыкновенно страдаютъ люди, не привыкшіе думать, и которое такъ превосходно воплощено Гоголемъ въ личности помѣщицы Коробочки; въ-третьихъ, если бы даже компанія дѣйствительно составила, то она черезъ два-три мѣсяца распалась бы врозь, потому что акціонеры, непривычные къ коллективной дѣятельности, перессорились бы между собою, завели бы кляузы и процессы или погубили бы свое общее дѣло небрежностью. На основаніи всѣхъ этихъ и многихъ другихъ причинъ, компанія не составляется и ткачи, задавленные превосходствомъ новой машины, прекращаютъ свое производство, отправляются на сосѣднюю фабрику и поступаютъ туда въ поденщики. Такимъ образомъ, кладется краеугольный камень того прочнаго зданія, которое называется пауперизмомъ. Какъ вамъ это правится? Практическое приложеніе научнаго открытія увеличиваетъ массу человѣческихъ страданій! Итакія трагическія недоразумѣнія между наукою и жизнью будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не прекратится гибельный разрывъ между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ. Пока наука не перестанетъ быть барскою роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не пронянетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и простого мужика, до тѣхъ поръ бѣдность и безиравственность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, не смотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи социалистовъ. Есть въ человѣчествѣ только одно зло—невѣжество; противъ этого зла есть только одно лекарство—наука; но это лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми бочками. Слабый пріемъ этого лекарства увеличи-

ведетъ страданія больного организма. Сильный пріемъ ведетъ за собою радикальное исцѣленіе. Но трусость человѣческая такъ велика, что спасительное лекарство считается ядовитымъ.

XI.

Надо распространять знанія—это ясно и несомнѣнно. Но *какъ* распространять?—вотъ вопросъ, который, заключаая въ себѣ всю сущность дѣла, никакъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Взять въ руки азбуку и пойти учить грамотѣ мѣщанъ и мужиковъ—это, конечно, дѣло доброе; но не думаю я, чтобы эта филантропическая дѣятельность могла привести за собою то сліяніе науки съ жизнью, которое можетъ и должно спасти людей отъ бѣдности, отъ предрасудковъ и отъ пороковъ. Во-первыхъ, всѣ труды частныхъ лицъ по дѣлу народнаго образованія до сихъ поръ носятъ на себѣ или чисто-филантропическій, или нагло-спекулятивный характеръ. Во-вторыхъ, всякая школа, а народная тѣмъ болѣе, имѣетъ замѣчательную способность превращать самую живую науку въ самый мертвый учебникъ или въ самую приторную христоматию. Чистая филантропія проявлялась у насъ въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподаватели занимались своимъ дѣломъ бесплатно. Наглая спекуляція свирѣпствуетъ до сихъ поръ въ тѣхъ книжкахъ для народа, которыя продаются по пятачку и по три копѣйки. Объ этомъ послѣднемъ явленіи распространяться не стоитъ, потому что каждая изъ подобныхъ книжекъ собственно наружностью кричитъ достаточно громко о своей не позволительной гнусности. Но о филантропіи поговорить не мѣшаетъ, потому что филантропическая дѣятельность притягиваетъ къ себѣ силы очень хорошихъ людей, которые могли бы принести общему дѣлу гораздо больше пользы, если бы принимались за работу иначе. Нѣтъ того добраго дѣла, за которое, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, не ухватывалась бы филантропія; и нѣтъ того предпріятія, въ которомъ филантропія не потерпѣла бы самаго полного пораженія. Характеристическій признакъ филантропіи заключается въ томъ, что, встрѣчаясь съ какимъ нибудь видомъ страданія, она старается поскорѣй увротить боль, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ причины болѣзни. Мать слышитъ, на примѣръ, плачь своего ребенка, у котораго болитъ жи-

вотъ.—На, батюшка, на, говоритъ она ему, пососи конфетку.—
 Приятное ощущеніе во рту дѣйствительно перевѣшиваетъ на минуту
 боль въ желудкѣ, которая еще не успѣла развиться до слишкомъ
 большихъ размѣровъ. Ребенокъ затихаетъ, но болѣзнь, не остано-
 ленная во время, усиливается, и тогда уже не помогаетъ никакое
 сосаніе конфетокъ. Такая любящая, но недалъновидная мать пред-
 ставляетъ собою чистѣйшій типъ искренняго филантропа. Что фи-
 лантропія русскаго купечества плодитъ нищихъ, которыхъ содержа-
 ніе лежитъ тяжелымъ бременемъ на трудящейся массѣ, это всѣмъ
 извѣстно. А что бросить грошъ нищему гораздо легче, чѣмъ задумываться надъ причинами нищенства, это тоже не подлежитъ сомнѣ-
 нію. Люди, посвящавшіе свои силы и свое время преподаванію въ
 народныхъ школахъ, по чистотѣ стремленій и по высотѣ умствен-
 наго развитія стояли, конечно, неизмѣримо выше нищелюбивыхъ
 купцовъ. Но, надо сказать правду, они были такъ же недалъновид-
 ны, какъ и всѣ остальные филантропы. Они видѣли зло—невѣже-
 ство. Не вглядываясь въ глубокія причины этого зла, они сейчасъ,
 при первой возможности, схватились за лекарство. Народъ ничего
 не знаетъ; ну, значитъ, надо учить народъ. Разсужденіе, повиди-
 мому, такъ вѣрно и такъ просто, что оно должно придти въ голо-
 ву всякому ребенку и что съ нимъ долженъ согласиться всякій
 мыслитель. А между тѣмъ, разсужденіе это поверхностно и ошибоч-
 но. Почему народъ ничего не знаетъ? Во-первыхъ потому, что ему
 неудобно было учиться; мѣшало крѣпостное право. Допустимъ,
 что въ настоящее время обстоятельства измѣнились; явилась воз-
 можность учиться. Но одной возможности еще недостаточно.
 Ученіе есть все-таки трудъ, а человекъ никогда не принимается
 за трудъ безъ внѣшней или внутренней побудительной причины.
 Если нѣтъ побудительной причины, то и филантропическое пре-
 подаваніе останется бесплоднымъ; а если есть побудительная при-
 чина, то народъ самъ выучится всему, что ему дѣйствительно
 необходимо знать, то есть, всему, что можетъ доставить ему въ
 жизни какія нибудь осязательныя выгоды. Онъ выучится урыв-
 нами, самаучкою, помимо школы, и такое знаніе, взлелѣянное каж-
 дымъ отдѣльнымъ ученикомъ съ страстною и сознательною лю-
 бовью, будетъ, разумѣется, неизмѣримо прочнѣе, живучѣе и способ-
 нѣе къ дальнѣйшему развитію, чѣмъ то знаніе, которое методически
 и систематически вливается учителемъ въ пассивныя головы равно-

душныхъ школьниговъ. Какъ вы думаете: кто богаче, тотъ-ли человекъ, который самъ выработалъ тысячу рублей, или тотъ, которому вы подарили двѣ тысячи. Что касается до меня, то я, въ обиду всѣмъ правиламъ ариметики, скажу смѣло, что первый гораздо богаче второго. — Стало быть, чтобы дать простымъ людямъ тѣ выгоды, которыя доставляются образованіемъ, надо создать ту побудительную причину, о которой я говорилъ выше. То есть, надо сдѣлать такъ, чтобы во всей русской жизни усилился запросъ на умственную дѣятельность. Другими словами, надо увеличить число мыслящихъ людей въ тѣхъ классахъ общества, которые называются образованными. Въ этомъ вся задача. Въ этомъ альфа и омега общественного прогресса. Если вы хотите образовать народъ, возвышайте уровень образованія въ цивилизованномъ обществѣ. И такъ, повторяю вопросъ, поставленный въ началѣ этой главы: какимъ же образомъ надо распространять знанія? А вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: пусть каждый человекъ, способный мыслить и желающій служить обществу, дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ самомъ кружкѣ, въ которомъ онъ живетъ постоянно, и на тѣхъ самыхъ людей, съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Учитесь сами и увлекайте въ сферу вашихъ умственныхъ занятій вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей, всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ вы знаете лично и которые питаютъ къ вашей особѣ довѣріе, сочувствіе и уваженіе. Если умѣете писать — пишите о предметѣ вашихъ занятій; если не чувствуете расположенія къ литературной дѣятельности, говорите о немъ съ тѣми людьми, у которыхъ уже пробудилась любознательность и на которыхъ вы можете имѣть прочное вліяніе. Эта дѣятельность внутри собственного кружка многимъ нетерпѣливымъ людямъ покажется чрезвычайно скромною и даже мизерною; я согласенъ съ тѣмъ, что въ такой дѣятельности нѣтъ ничего эффектнаго и блестящаго. Но именно поэтому-то она и хороша. Всякій разсудительный читатель, вдумавшись въ настоящую сущность дѣла, придетъ къ тому заключенію, что только дѣятельность, лишенная всякаго блеска и эффекта, можетъ повести за собою прочные результаты. Такая дѣятельность, по своей наружной мизерности, не возбуждаетъ противъ себя филистерскихъ стenanій, а подъ конецъ и окажется, что младшіе братья и дѣти самыхъ зачатыхъ филистеровъ сдѣлались реалистами и прогрессистами. — Вѣсь

ходъ историческихъ событій всегда и вездѣ опредѣлялся до сихъ поръ количествомъ и качествомъ умственныхъ силъ, заключающихся въ тѣхъ классахъ общества, которые не задавлены нищетою и физическимъ трудомъ. Когда общественное мнѣніе пробудилось, тогда уже очень крупныя эксцентричности въ исторической жизни становятся крайне неудобными и даже невозможными, хотя бы общественное мнѣніе и не имѣло еще никакого опредѣленнаго органа для заявленія своихъ требованій. Общественное мнѣніе, если оно дѣйствительно сильно и разумно, просачивается даже въ тѣ закрытыя лабораторіи, въ которыхъ готовятся историческія событія. Искусные химики, работающіе въ этихъ лабораторіяхъ, сами живутъ все-таки въ обществѣ и, незамѣтно для самихъ себя, пропитываются тѣми идеями, которыя носятся въ воздухѣ. Нѣтъ той личности и той замкнутой корпораціи, которыя могли бы считать себя вполне застрахованными противъ незамѣтнаго и нечувствительнаго вліянія общественнаго мнѣнія. Иногда общественное мнѣніе дѣйствуетъ на исторію открыто, механическимъ путемъ. Но, кромѣ того, оно дѣйствуетъ еще химическимъ образомъ, давая незамѣтно то или другое направленіе мыслямъ самихъ руководителей. Такимъ образомъ, даже впечатлѣнія событій исторіи подчиняются до нѣкоторой степени общественному мнѣнію. А внутренняя сторона исторіи, то есть, экономическая дѣятельность, почти вся цѣликомъ находится въ рукахъ общества. Оживить народный трудъ, дать ему здоровое и разумное направленіе, внести въ него необходимое разнообразіе, увеличить его производительность примѣненіемъ дознанныхъ научныхъ истинъ, все это — дѣло образованныхъ и достаточныхъ классовъ общества, и никто, кромѣ этихъ классовъ, не можетъ, ни взяться за это дѣло, ни привести его въ исполненіе. Къ какой бы экономической или соціальной доктринѣ ни примыкалъ тотъ или другой писатель, во всякомъ случаѣ, осязательные историческіе и бытовые факты для всѣхъ писателей остаются неизмѣнными. И что же говорятъ намъ эти факты? То, что до сихъ поръ, всегда и вездѣ, въ той или другой формѣ, физическій трудъ былъ управляемъ капиталомъ. А накопленіе капитала всегда основано на физическомъ или умственномъ превосходствѣ того лица, которое накопляетъ. Кто сильнѣе или умнѣе другихъ, тотъ и богаче. Впослѣдствіи, разумѣется, капиталъ самъ получаетъ притягательную силу: деньга деньгу родить, какъ говоритъ русская

ноговорка. Но первое начало этой «денеги» заключается въ физическомъ или умственномъ неравенствѣ между людьми. А это неравенство, какъ явленіе живой природы, не подлежитъ, конечно, реформирующему вліянію человѣка. Переверотовъ въ исторіи было очень много; падали и политическія, и религіозныя формы; но господство капитала надъ трудомъ вышло изъ всѣхъ переверотовъ въ полнѣйшей неприкосновенности. Историческій опытъ и простая логика говорятъ намъ съ одинаковою убѣдительною, что умные и сильные люди всегда будутъ одерживать перевѣсъ надъ слабыми и тупыми или притупленными. Поэтому, возмущаться противъ того факта, что образованные и достаточные классы преобладаютъ надъ трудящеюся массою, значило бы стучаться головою въ несокрушимую и непоколебимую стѣну естественнаго закона. Одинъ классъ можетъ смѣняться другимъ классомъ, какъ, на примѣръ, во Франціи родовая аристократія смѣнилась богатою буржуазіею, но законъ остается ненарушимымъ. Значитъ, при встрѣчѣ съ такимъ неотразимымъ явленіемъ естественнаго закона, надо не возмущаться противъ него, а напротивъ того, дѣйствовать такъ, чтобы этотъ неизбежный фактъ обратился на пользу самаго народа. У капиталиста есть умъ и богатство. Эти два преимущества упрочиваютъ за нимъ господство надъ трудомъ. Но господство это, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть вредно или полезно для народа. Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полубразованіе, — онъ сдѣлается пивкомъ. А дайте ему полное, прочное, чисто-человѣческое образованіе — и тотъ же самый капиталистъ сдѣлается — не благодѣтельнымъ филантропомъ, а мыслящимъ и расчетливымъ руководителемъ народнаго труда, то есть, такимъ человѣкомъ, который во сто разъ полезнѣе всякаго филантропа. Откройте умному человѣку доступъ къ тѣмъ сильнѣйшимъ наслажденіямъ, которыя мы находимъ въ умственномъ трудѣ и въ полезной дѣятельности, и этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, миллионеръ или пролетарій, непременно пристрастится къ этимъ наслажденіямъ и непременно пойметъ, что быть превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ пріятнѣе, чѣмъ извлекать изъ своего капитала какіе бы то ни было жидовскіе проценты. Разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда, значитъ открыть трудящемуся большинству дорогу къ широкому и плодотворному умственному развитію. А чтобы выполнить эти двѣ задачи, отъ разрѣшенія ко-

торыхъ зависить вся будущность народа, надо дѣйствовать исключительно на образованные классы общества. Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ. Распространеніе грамотности, конечно, ничему не мѣшаетъ, но жаль, если на этотъ трудъ употребляются такія силы, которыя могли бы дѣйствовать въ высшихъ сферахъ мысли и въ болѣе обширномъ кругу. — У насъ такихъ силъ еще очень немного, и люди, одаренные ими, должны, изъ любви къ дѣлу своей жизни, расходовать ихъ съ величайшею осмотрительностью. Филантропическими вспышками увлекаться не слѣдуетъ. Надо дѣлать то, что цѣлесообразно, а не то, что красиво, трогательно и похвально съ точки зрѣнія сердечной мягкости. — Вотъ меня опять обвинять въ пристрастіи къ парадоксамъ за мое откровенное мнѣніе о распространеніи грамотности. Но я долго и упорно размышлялъ объ этомъ предметѣ и старался высказать свою мысль какъ можно проще, серьезнѣе и скромнѣе. Поэтому, я бы желалъ, чтобы мнѣ возражали на эту мысль основательными доводами, а не восклицаніями о моемъ неисправимомъ чуждачествѣ. Мнѣ кажется, оно и для дѣла было бы полезнѣе.

XII.

Въ наукѣ, и только въ ней одной, заключается та сила, которая, независимо отъ историческихъ событій, можетъ разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда. Если наука, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, примется за рѣшеніе этихъ двухъ задачъ и сосредоточить на нихъ всѣ свои силы, то губительный разрывъ между наукою и физическимъ трудомъ прекратится очень скоро, и наука, въ теченіе какихъ нибудь десяти или пятнадцати лѣтъ, подчинитъ всѣ отрасли физическаго труда своему прочному, разумному и благодѣтельному вліянію. Но я уже замѣтилъ въ предыдущей главѣ, что всякая школа обыкновенно превращаетъ живую науку въ мертвый учебникъ. Ученикъ является въ школѣ пассивнымъ лицомъ. Научныя истины лежатъ въ его головѣ безъ движенія, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ онѣ положены туда преподавателемъ или руководствомъ. Если въ головѣ ученика состоялось до начала ученія какое нибудь ошибочное понятіе, то это понятіе очень часто продолжаетъ жить са-

нынѣ дружелюбнымъ образомъ рядомъ съ такою научно истинною, которая находится съ нимъ въ очевидномъ и непримиримомъ противорѣчїи. Урокъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Можетъ быть, это происходитъ отъ молодости лѣтъ, а, можетъ быть, и отъ общепринятой манеры преподаванія. Последнее предположеніе кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ. У дѣтей нѣтъ недостатка въ живости и логичности мышленія, но у нихъ нѣтъ той умственной настойчивости, которая необходима для того, чтобы процессъ мышленія дошелъ до какого нибудь окончательнаго результата. Дѣти по поводу своихъ уроковъ часто предлагаютъ учителю очень мѣткіе и остроумные вопросы; иногда эти вопросы приводятъ учителя въ немалое смущеніе своимъ неожиданнымъ и непопулярнымъ радикализмомъ; но учитель — человѣкъ ловкій и политичный; онъ быстро производитъ искусную диверсію, принимаетъ на себя внушительную осанку или произноситъ съ важнымъ видомъ глубокомысленную чепуху и умственная самодѣятельность, только что зашевелившаяся въ живой головѣ ученика, опять усыпляется на долго, а можетъ быть и на всегда. — Былъ у меня въ университетѣ одинъ товарищъ, человѣкъ пеглупый, студентъ работающій и дѣльный. Онъ ухитрился дойти до третьяго курса безо всякаго серьезнаго міросозерцанія. Даже вопросовъ и сомнѣній никакихъ не являлось. Но однажды ему пришлось переводить по заказу какую-то астрономическую статью Бабине, или Араго, или какого то другого французскаго ученаго. Эта статья поставила въ его головѣ все вверхъ дномъ, и началась та умственная перестройка, которую непремѣнно приходится переживать каждому человѣку, прикоснувшемуся къ живому знанію. Въ этомъ простомъ случаѣ любопытно слѣдующее обстоятельство: статья французскаго астронома не заключала въ себѣ никакихъ полемическихъ тенденцій; она излагала яснымъ и живымъ языкомъ тѣ самыя старыя научныя истины, которыя мой товарищъ уже два раза усвоивалъ себѣ въ гимназіи, во-первыхъ, по введенію въ географію Ободовскаго, а во-вторыхъ, по математической географіи Талызина. Но таковы уже спеціальныя достоинства учебниковъ и школьнаго преподаванія. Книга, не тропутая школьнымъ педантизмомъ, вызываетъ живую дѣятельность мысли и прохватываетъ насквозь всѣ убѣжденія читателя тѣми самыми истинами, которыя, красуясь на страницахъ учебника, не возбуждаютъ въ мальчикѣ или въ юношѣ ничего, кромѣ истерической зѣвоты и лѣниваго отвращенія. Кто дорожитъ жизнью мысли, тотъ знаетъ

очень хорошо, что настоящее образованіе есть только самообразованіе и что оно начинается только съ той минуты, когда человѣкъ, распростившись навсегда со всѣми школами, дѣлается полнымъ хозяиномъ своего времени и своихъ занятій. Университетъ только въ томъ отношеніи и лучше другихъ школъ, что онъ предоставляетъ учащемуся гораздо больше самостоятельности. Но если вы, окончивши курсъ въ университетѣ, отложите всякое попеченіе о вашемъ дальнѣйшемъ образованіи; то вы по гробъ жизни останетесь очень необразованнымъ человѣкомъ. Кто разъ полюбилъ науку, тотъ любитъ ее на всю жизнь и никогда не расстаётся съ нею добровольно. А кто знаетъ науку такъ мало, что еще не успѣлъ привязаться къ ней всѣми силами своего существа, тотъ не имѣетъ ни малѣйшей причины считать себя образованнымъ человѣкомъ. Надо учиться въ школѣ, но еще гораздо больше надо учиться по выходѣ изъ школы, и это второе ученіе, по своимъ послѣдствіямъ, по своему вліянію на человѣка и на общество, неизмѣримо важнѣе перваго. Стало быть, кто хочетъ содѣйствовать успѣхамъ образованія, тотъ долженъ, прежде всего, обращать вниманіе на то ученіе, которое производится послѣ школы, внѣ школы и помимо школы. Что читаетъ общество и какъ оно относится къ своему чтенію, то есть, видитъ ли оно въ немъ препровожденіе времени или живое и серьезное дѣло—вотъ вопросы, которые, прежде всего, долженъ себѣ поставить человѣкъ, желающій внести науку въ жизнь. Господствующій вкусъ общества и его взглядъ на чтеніе зависятъ отчасти отъ общихъ историческихъ причинъ; но отчасти, и притомъ въ очень значительной степени, они зависятъ также отъ личныхъ свойствъ тѣхъ людей, которые пишутъ для общества. Слабые, дряхлые, безцвѣтные и бездарные писатели подчиняютъ свою дѣятельность прихотямъ общественнаго вкуса и капризамъ умственной моды. Но писатели, сильные талантомъ, знаніемъ и любовью къ идеѣ, идутъ своею дорогою, не обращая никакого вниманія на мимолетныя фантазіи общества. Умственная энергія такихъ писателей сама по себѣ дѣлается иногда такимъ событіемъ, которое обращаетъ на себя вниманіе общества и даже создаетъ новую моду. Ярость таланта и сила убѣжденія могутъ сдѣлать то, что въ обществѣ, всегда смотрѣвшемъ на книгу, какъ на нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса, зародится серьезный взглядъ на чтеніе и возникнетъ законная потребность прикидывать мѣрку чистой и свѣтлой

идеи къ сдѣлкамъ и продѣлкамъ дѣйствительной жизни. Общество начнетъ понемногу понимать, что умныя мысли вкладуются на бумагу не для того, чтобы оставаться въ хорошихъ книжкахъ.—Умиляешься, другъ любезный, надъ хорошею книжкою, такъ не слишкомъ пакости же и въ жизни! — Благодаря Гоголю, Бѣлинскому, Некрасову, Тургеневу, Достоевскому, Добролюбову и немногимъ другимъ, очень замѣчательнымъ и добросовѣстнымъ писателямъ, наше общество уже додумалось до этого умозаключенія. Стѣна между книжною мыслью и дѣйствительною жизнью пробита навсегда. Мысль писателя смотритъ на дѣйствительную жизнь, а жизнь понемногу всасываетъ въ себя питательные элементы теоретической мысли. То, что сдѣлано на этомъ пути нашими предшественниками, значительно облегчаетъ собою задачу современныхъ писателей. Дайте обществу, что хотите—научный трактатъ, газетный очеркъ какихъ нибудь новѣйшихъ событій, критическую статью по литературѣ, романъ, стихотвореніе — все равно: вамъ ужъ не будетъ надобности пробивать ледяную кору равнодушія, невниманія и непониманія; если есть въ вашемъ трудѣ что нибудь полезное, общество посмотритъ, и пойметъ, и подумаетъ; и мысль ваша западетъ въ ту глубину, въ которой вырабатываются и созрѣваютъ общественныя убѣжденія. При такихъ условіяхъ и жить стоитъ, и работать можно. Есть уже точка опоры, съ которой можно начать дѣло сближенія между теоретическимъ знаніемъ и вседневною жизнью. Общество уже не прочь отъ того, чтобы видѣть въ чтеніи путь къ самообразованію, а въ самообразованіи путь къ практическому благоразумію и совершенности. Давайте обществу матеріалы—оно ихъ возьметъ, и воспользуется ими, и скажетъ вамъ спасибо; но *давайте* непременно. Само собою, безъ содѣйствія литературныхъ посредниковъ, общество не въ силахъ пойти за матеріалами, разрыть ихъ громаду и выбрать, и усвоить себѣ именно то, что ему необходимо. Общество уже любитъ и уважаетъ науку; но эту науку все-таки, надобно *популярзировать*, и популярзировать съ очень большимъ умѣньемъ. Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что популярзированіе науки составляетъ самую важную, всемірную задачу нашего вѣка. Хорошій популярзаторъ, особенно у насъ въ Россіи, можетъ принести обществу гораздо больше пользы, чѣмъ даровитый изслѣдователь. Изслѣдованій и открытій въ европейской наукѣ набралось уже очень много. Въ высшихъ сферахъ умственной аристо-

кратіи лежитъ огромная масса идей; надо теперь всѣ эти идеи сдвинуть съ мѣста, надо размѣнять ихъ на мелкую монету и пустить ихъ въ общее обращеніе. Тогда только и можно будетъ оцѣнить въ полномъ объемѣ, съ одной стороны, глубину, красоту и практическую силу научныхъ идей, а съ другой стороны, гибкость и плодовитость человеческого ума, который тогда впервые отдастъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ подвигахъ. Это сближеніе мыслителей съ обществомъ непременно поведетъ за собою сближеніе общества съ народомъ, то сближеніе, которое, при всякомъ другомъ образѣ дѣйствій, конечно останется навсегда маниловскою фантазією «Эпохи» и «Дня.» Необходимость популяризовать науку до такой степени очевидна, что, кажется, и распространяться объ этомъ не слѣдуетъ. Не значить-ли это унижать великую истину риторическими декламациями? Нѣтъ, совсѣмъ не значить. У насъ и великія истины еще требуютъ доказательствъ.—У насъ одинъ писатель, и притомъ изъ молодыхъ, и притомъ бывшій студентъ естественнаго факультета, доказывалъ недавно очень горячо и даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ, что науку не зачѣмъ популяризовать и что такимъ дѣломъ могутъ заниматься только шарлатаны и верхогляды. Этого писателя зовутъ г. Аверкіевъ, а горячится онъ въ «Эпохѣ», во второй части своей статьи: «Университетскіе отцы и дѣти». Этотъ г. Аверкіевъ, пламенный поклонникъ и неудавшійся подражатель покойнаго Аполлона Григорьева, очень сердится за что-то на Карла Фохта, повидимому за то, что Фохтъ не похожъ на Григорьева. Разсердившись на Фохта собственно съ этой специальной стороны, г. Аверкіевъ утверждаетъ, что популярныя сочиненія этого ученаго по естественнымъ наукамъ нигуда не годятся; а вслѣдъ за тѣмъ, разгуливая все шире да шире, г. Аверкіевъ возвѣщаетъ намъ, что популяризовать науку даже очень глупо. А доказательства предлагаются вотъ какія: во-первыхъ, всякая научная истина сама по себѣ совершенно ясна, потому что она истина; во-вторыхъ, философскія сочиненія Канта гораздо удобопонятнѣе, чѣмъ популярныя статьи о философіи г. Лаврова. Въ-третьихъ, Льюисъ написалъ свою физиологію вседневной жизни безо всякихъ претензій на популярность и книга эта оказалась гораздо лучше популярныхъ физиологическихъ писемъ Карла Фохта.—Ахъ, какія неподобныя доказательства! Во-первыхъ, всякая научная истина ясна только тогда, когда она изложена ясно. Что ясно для ученаго, то можетъ быть совер-

шенно неясно для образованнаго человѣка въ общепринятомъ разговорномъ значеніи этого слова. И всякую научную истину можно изложить такъ, что у васъ отъ этой истины затрепещетъ голова и потемнѣетъ въ глазахъ. Сотруднику эстетическаго журнала не мѣшало бы, кажется, понимать, что внутреннее достоинство идеи и внѣшняя форма изложенія—двѣ вещи совершенно различныя. Во-вторыхъ, примѣръ о Кантѣ и о г. Лавровѣ замѣчательнъ по своей неудачности. Что Кантъ писалъ ясно, это—личное открытіе, или вѣрнѣе, изобрѣтеніе г. Аверкіева. Впрочемъ, по его мнѣнію, чего добраго, и г. Григорьевъ, которому онъ старается подражать, пишетъ ясно. Нѣмцы, народъ совершенно привычный къ варварской туманности изложенія, все-таки жалуются на Канта, что онъ писалъ самое капитальное изъ своихъ сочиненій: «Критику чистаго разума» самымъ тяжелымъ, деревяннымъ, непонятнымъ и даже схоластическимъ языкомъ. Лучшее доказательство Кантовской неясности заключается въ томъ, что нѣмцы раскусили «Критику чистаго разума» черезъ восемь лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. А своимъ обширнымъ господствомъ надъ умами всѣхъ образованныхъ людей тогдашней Германіи философія Канта обязана преимущественно философскимъ статьямъ Шиллера, сочиненіямъ Рейнгольда и усерднымъ трудамъ многихъ другихъ, болѣе мелкихъ популяризаторовъ. Если бы ясно было, такъ и не зачѣмъ было бы такъ много разъяснять. Что Кантъ яснѣе г. Лаврова, объ этомъ я не спорю. Но это доказываетъ только, что г. Лавровъ прекрасный математикъ и очень ученый человѣкъ, не очень плохой популяризаторъ. Плохихъ популяризаторовъ на свѣтѣ очень много, но выводить изъ этого простаго факта заключеніе противъ популяризованія вообще, способенъ только сотрудникъ «Эпохи». Въ-третьихъ, что Льюисъ писалъ свою «физиологію» безъ стремленія къ популярности, это опять произвольная выдумка г. Аверкіева. А что «Физиологія» Льюиса написана гораздо понятнѣе и занимательнѣе, чѣмъ «Физиологическія письма Фохта, это чистая правда. Но опять таки, что же изъ этого слѣдуетъ? То, что Льюисъ популяризируетъ лучше Фохта. Это несомнѣнно. И Бюхнеръ также, какъ популяризаторъ, стоитъ выше Фохта. Я подразумеваю здѣсь Физиологическія картины, которыя, по ясности и увлекательности изложенія, далеко оставляютъ за собою «Физиологическія письма». Я видѣлъ собственными глазами, что двадцатилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая никакого понятія о физиологіи, съ величайшимъ увлеченіемъ, почти

не отрываясь отъ книги, прочитала три большія статьи изъ «физиологическихъ картинъ» Бюхнера. Эти три статьи были: «Сердце и кровь», «Воздухъ и легкія» и «Жизнь и теплота». Кто читалъ книгу Бюхнера, тотъ знаетъ очень хорошо, что въ ней пѣтъ и намека на тѣ скандалезныя прианости, которыми заманиваютъ своихъ читателей французскіе негодаи, подобныя Дебе и Жуванселю. Стало быть, дѣвушка, незнакомая съ физиологіею, была завлечена исключительно интересомъ предмета и мастерствомъ изложенія. Мнѣ кажется, этотъ опытъ говорить громче всякихъ умозрѣній, и писатель, достигающій такихъ блестящихъ результатовъ, имѣетъ полное право считаться образцовымъ популяризаторомъ. Такимъ популяризаторомъ можетъ сдѣлаться далеко не всякій желающій. При всемъ своемъ умѣ, при своемъ блестящемъ литературномъ талантѣ, при своихъ обширныхъ знаніяхъ, Карль Фохтъ въ этомъ отношеніи все-таки стоитъ ниже Бюхнера, котораго онъ превосходитъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Оно и понятно. По своему образованію, Фохтъ дѣльный натуралистъ. Но, по всему складу своего ума и характера, онъ — политическій дѣятель. Его настоящее мѣсто не на профессорской кафедрѣ, а на парламентской трибунѣ. Но когда надо просто разсказывать, излагать факты, тогда Фохтъ ясенъ, спокоенъ, точенъ и часто сухъ. Нѣтъ у него той ровной пластичности изложенія, которая составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ первокласнаго популяризатора. Популяризаторъ непременно долженъ быть художникомъ слова, и высшая, прекраснѣйшая, самая человѣчная задача искусства состоитъ именно въ томъ, чтобы слиться съ наукою и, посредствомъ этого сліянія, дать наукѣ такое практическое могущество, котораго она не могла бы пріобрѣсти исключительно своими собственными средствами. Наука даетъ матеріалъ художественнаго произведенія, въ которомъ все — правда, и все — красота; —самая смѣлая фантазія не можетъ ничего придумать. Такія художественныя произведенія человѣкъ создаетъ еще впоследствии, когда онъ много поумнѣетъ и еще очень многому выучится; но робкія попытки, превосходныя для нашего времени, существуютъ въ этомъ родѣ и теперь. Я могу указать на огромную книгу Брема: «Жизнь животныхъ съ картинками», о которой мы, впрочемъ, будемъ говорить съ читателями нашего журнала довольно подробно въ теченіе будущаго года. Эта книга задумана въ громаднѣхъ размѣрахъ, написана самымъ простымъ и увлекательнымъ языкомъ, съ удивительнымъ знаніемъ дѣла, съ удивительнымъ пониманіемъ

характера и ума различныхъ животныхъ и съ самою здоровою, неподкрашеною любовью къ природѣ и къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Весь разсказъ проникнутъ ровнымъ, спокойно-веселымъ и постоянно-естественнымъ юморомъ. Читаешь и оторваться не хочется. Такъ читалъ я только въ дѣтствѣ романы Купера и «Трехъ Мушкетеровъ». И къ этому-то изложенію представьте себѣ, почти на каждой страницѣ, картинѣ, рисованныя съ натуры превосходными художниками, сдѣлавшими кругосвѣтное путешествіе, посѣтившими нѣсколько зоологическихъ садовъ въ Европѣ и пользовавшимися совѣтами первоклассныхъ натуралистовъ. Читаешь характеристику какого нибудь четвероногаго чудака, посмотришь на его портретъ и дѣйствительно видишь, и по рожѣ, и по глазамъ, и по всей его фигурѣ, что онъ способенъ на всѣ тѣ штуки, которыя приписываетъ ему Бремъ. Когда я приобрѣлъ себѣ эту книгу, которая, впрочемъ, далеко еще не доведена до конца, то я въ теченіе нѣсколькихъ дней ни о чемъ не могъ думать, кромѣ Брема. Просто ошалѣлъ отъ радости. И эту великую, именно великую, книгу переводятъ на русскій языкъ. И картины въ ней будутъ совершенно такія же, какъ въ нѣмецкомъ изданіи. Но — горе переводчикамъ, если они хоть сколько нибудь обезцвѣтятъ разсказъ Брема. Это будетъ одно изъ тѣхъ литературныхъ преступленій, которыхъ недолжно прощать общество. Если издатели догадаются, послѣ богатаго изданія съ картинами, выпустить другое, дешевое, на сѣрой бумагѣ, безъ картинъ, то Бремъ проникнетъ въ каждое грамотное семейство. Такая книга есть историческое событіе въ полномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова. Если Бремъ успѣетъ описать всѣ классы животнаго царства такъ, какъ онъ теперь описываетъ млекопитающихъ, то его книга останется на вѣчныя времена не только въ исторіи науки и литературы (это уже само собою разумѣется), но и въ исторіи общеевропейской народной жизни. Невозможно представить себѣ, какое море живой мысли и свѣжаго чувства хлынетъ вмѣстѣ съ этою книгою въ умы всего читающаго человѣчества.

Если неразвитость общества требуетъ, чтобы наука являлась передъ нимъ въ арлекинскомъ костюмѣ, съ погремушками и съ бубенчиками, — это не бѣда. Такой маскарадъ нисколько не унижаетъ науку. Дѣльная и вѣрная мысль все-таки остается дѣльною и вѣрною. А если этой мысли, чтобы проникнуть въ сознаніе общества, надо украситья прибаутками и подернуться щедринскою игривостью,

пуская украшается и подергивается. Главное дѣло—проникнуть, а черезъ какую дверь и какую походкою—это рѣшительно все равно. Арлекинствовать можно и должно, если только арлекинство ведетъ къ цѣли. Иные читатели скажутъ, что все это вздоръ, что русская публика можетъ читать серьезныя книги и статьи безъ малѣйшей приправы арлекинства. Но я отвѣчу на это: господа, говорите за себя! Есть люди, стоящіе ниже васъ по развитію, и эти люди читаютъ только то, что ихъ забавляетъ, и они составляютъ въ читающей массѣ большинство. Это видно, напримѣръ, потому, что публика выписываетъ журналы чисто ошунью. Лучшій журналъ, когда либо существовавшій въ Россіи, добролюбовскій «Современникъ» имѣлъ блестящій успѣхъ; прекрасно! Но вслѣдъ за тѣмъ, одинъ изъ самыхъ плоскихъ русскихъ журналовъ, «Время», имѣлъ также блестящій успѣхъ. Что за притча! Да и притчи никакой нѣтъ. Увидало дитя малое червонецъ: давай его сюда! цаца! — Увидало золоченый орѣхъ: и къ орѣху потянулось. Тоже цаца! — Ну вотъ и надо, чтобы научныя идеи всегда были размалеваны, какъ цацы. Пускай дитя малое играетъ этими цацами. Онѣ помогутъ ему расти; а выростетъ, такъ и увидитъ, что эта цаца — штука самая отъѣнная. Но, само собою разумѣется, что арлекинствовать надо съ большимъ, съ очень большимъ умѣнемъ. Играй и кувиркайся, какъ хочешь, въ своемъ изложеніи, но держи ухо востро, ни на одну секунду не теряй равновѣсія и ни подъ какимъ видомъ не допускай ни малѣйшаго посягательства на то, что составляетъ жизнь и смыслъ твоей идеи. Шутя, но такъ, чтобы каждая твоя шутка была строго рассчитана и чтобы совокупность твоихъ шутокъ выражала всю научную идею, которую ты хочешь провести въ сознаніе твоихъ читателей, всю, какъ есть, безъ искаженій и утаекъ. Если ты соблюдаешь постоянно это условіе, — ты честный и полезный популяризаторъ. Въ противномъ случаѣ, ты поступаешь въ категорію тѣхъ господъ, которые, пуская въ свѣтъ «Физиологію брака», «Тайныя явленія природы» и разныя другія гнусности, прикрываютъ себя тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что мы, дескать, просвѣщаемъ общество. При недостаткѣ осмотрительности, умѣнья и серьезности во взглядѣ на великую цѣль своей дѣятельности, популяризаторъ очень легко можетъ превратиться въ литературнаго промышленника и унижить науку до проституціи. Но эта проституція заключается не въ смѣхѣ, не въ игривости, не въ юморѣ, а въ безцѣльности,

въ безтактности и въ неразборчивости этого смѣха, этой игривости и этого юмора. Когда смѣхъ, игривость и юморъ служатъ средствомъ, тогда все обстоитъ благополучно. Когда они дѣлаются цѣлью—тогда начинается умственное распутство. Для художника, для ученаго, для публициста, для фельетониста, для кого угодно, для всѣхъ существуетъ одно великое и общее правило: *идея прежде всего!* Кто забываетъ это правило, тотъ немедленно теряетъ способность приносить людямъ пользу и превращается въ презрѣннаго паразита. Стоитъ только сравнить «Свистокъ» Добролюбова съ полемическими статьями теперешняго «Современника», чтобы тотчасъ понять на живомъ примѣрѣ, что значить *идея прежде всего* и что значить *все прежде идеи*. Конечно, шуточный тонъ въ популярно-научныхъ сочиненіяхъ составляетъ только временное явленіе. Когда все читающее общество сдѣлается серьезнѣе въ своемъ взглядѣ на чтеніе, тогда и тонъ измѣнится; но не слѣдуетъ измѣнять его слишкомъ рано. Если двѣ-три шутки на страницѣ могутъ дать вашей статьѣ двухъ-трехъ лишнихъ читателей, то было бы очень негуманно и неблагоразумно съ вашей стороны отталкивать отъ себя этихъ читателей серьезностью изложенія, ради того, чтобы соблюсти въ неприкосновенности какое-то отвлеченное и совершенно фантастическое понятіе о величій и достоинствѣ науки. Величіе и достоинство науки состоитъ исключительно въ той пользѣ, которую она приноситъ людямъ, увеличивая производительность ихъ труда и укрѣпляя природныя силы ихъ умовъ. Значеніе науки можетъ только возвыситься, если о ней получаютъ нѣкоторое понятіе даже тѣ неразвитые два-три читателя, которые будутъ привлечены къ вашей статьѣ содержащимися въ ней шутками. Но, кромѣ художественности, кромѣ шутливаго тона, популярное изложеніе должно отличаться еще и другими свойствами, которыя останутся необходимыми даже и тогда, когда смѣхъ, игривость и юморъ потеряютъ для общества свою теперешнюю обаятельность. Я укажу здѣсь на двѣ главныя особенности, которыми популярное изложеніе всегда должно отличаться отъ строгаго-научнаго. Во-первыхъ, популярное изложеніе не допускаетъ въ теченіи мыслей той быстроты, которая совершенно умѣстна въ чисто-научномъ трудѣ. Записные ученые, привыкшіе ко всѣмъ приемамъ строгаго мышленія, ко всевозможнымъ упражненіямъ умственныхъ силъ, могутъ слѣдить безъ малѣйшаго напряженія за мыслью изслѣдователя,

когда она, какъ бѣлка, прыгаетъ съ одного предмета на другой, бросая читателямъ только легкіе намеки на то, взчѣмъ и почему производятся эти быстрые переходы. Слѣдя за этими эволюціями, ученый видитъ и понимаетъ, что все это одна длинная цѣпь доказательствъ, связанная единствомъ общей идеи и общей цѣли; онъ видитъ, что одна мысль логично развивается изъ другой; но простой читатель этого не увидитъ и станетъ въ тупикъ. Писатель высказалъ одно положеніе, вывелъ изъ него другое, на этихъ двухъ построилъ третье и пошелъ шагать, а простой читатель только недоумѣваетъ: какимъ же образомъ второе вытекаетъ изъ перваго и почему возможенъ переходъ къ третьему? Второе дѣйствительно не вытекаетъ *непосредственно* изъ перваго; эти два положенія связываются между собою двумя или тремя промежуточными умозаключеніями; но ученый писатель, увѣренный въ сообразительности своихъ товарищей по наукѣ, выкидываетъ вонъ эти мостики мысли, которые дѣйствительно не прибавляютъ къ ученому труду ничего новаго и существеннаго. Но для читателя, не выучившагося прыгать, такое отсутствіе мостиковъ составляетъ непреодолимое препятствіе. На первой же страницѣ онъ спотыкается, а ужъ на какойнибудь пятой или шестой онъ рѣшительно не знаетъ, о чемъ это тутъ идетъ рѣчь и зачѣмъ это все написано. При такихъ условіяхъ, серьезное чтеніе ведетъ за собою только головную боль и одурѣніе. Популяризаторъ, разумѣется, обязанъ избавить мысль своего читателя отъ всякихъ подобныхъ прыжковъ. Въ популярномъ сочиненіи каждая отдѣльная мысль должна быть развита подробно, такъ, чтобы умъ читателя успѣлъ прочно утвердиться на ней, прежде, чѣмъ онъ пустится въ дальнѣйшій путь, къ логическимъ слѣдствіямъ, вытекающимъ изъ этой мысли. Если вы будете утомлять умъ вашего читателя слишкомъ быстрыми переходами, то получится тотъ же результатъ, который произвело бы отсутствіе мостиковъ: читатель ослѣбѣетъ и совершенно потеряетъ изъ виду общую связь вашихъ мыслей. *Во-вторыхъ*, популярное изложеніе должно тщательно избѣгать всякой отвлеченности. Каждое общее положеніе должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено частными примѣрами. Вотъ и я, повинаясь этому правилу, покажу на отдѣльномъ примѣрѣ, какимъ образомъ популярное изложеніе должно смягчать быстроту и отвлеченность строго-научнаго языка. Представьте себѣ, что въ научномъ сочиненіи находится слѣдующая фраза: «Такъ какъ

всѣ математическія сужденія отличаются совершенно аналитическимъ характеромъ, то *разумѣтся*, чистая математика, меньше всѣхъ остальныхъ наукъ, опирается на свидѣтельство опыта». И затѣмъ авторъ начинаетъ уже выводить дальнѣйшія заключенія изъ той мысли, что «математика, меньше всѣхъ остальныхъ наукъ, опирается на свидѣтельство опыта». Но простой читатель сталъ въ тупикъ. Чорта съ два тутъ «разумѣтся»! Почему же *аналитическій характеръ* позволяетъ чистой математикѣ *опираться на свидѣтельство опыта меньше всѣхъ остальныхъ наукъ*? Ясно дѣло, что въ нашей фразѣ заключается два положенія, связанные между собою союзами *такъ какъ* и *то*. Между этими двумя положеніями долженъ существовать мостикъ; но мостить этотъ, для большей быстроты движенія, выброшенъ вонъ, а вмѣсто него, поставлено проклятое слово «разумѣтся», обозначающее собою смѣлый и ловкій прыжокъ взмужадой мысли. Популяризаторъ долженъ здѣсь, прежде всего, напомнить читателю, что такое *анализъ* и въ чемъ состоитъ его существенное отличіе отъ *синтеза*. Потомъ, онъ долженъ взять два или три математическія сужденія — чѣмъ проще, тѣмъ лучше — и показать на этихъ примѣрахъ, въ чемъ состоитъ типическая особенность всякаго математическаго сужденія и чѣмъ эти сужденія отличаются, напримѣръ, отъ истинъ химіи или физиологіи. Такимъ образомъ выяснится *аналитическій характеръ* математическихъ сужденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится и отношеніе математики къ опыту. Читатель пойметъ, что при *анализѣ* только исходная точка берется изъ опыта, а при *синтезѣ*, напротивъ того, весь процессъ мысли постоянно опирается на опытъ. Ясно, стало быть, что чѣмъ исключительно преобладаетъ въ какой нибудь наукѣ элементъ анализа, тѣмъ незначительнѣе становится въ ней участіе опыта.

Популяризаторъ долженъ постоянно предвидѣть всѣ вопросы, сомнѣнія и возраженія своего читателя; онъ самъ долженъ ставить и разрѣшать ихъ; такая тактика имѣетъ двоякую выгоду: во-первыхъ, предметъ освѣщается со всѣхъ сторонъ; во-вторыхъ, вопросы и возраженія прерываютъ собою монотонное теченіе рѣчи, поддерживаютъ и напрягаютъ постоянно вниманіе читателя, который, въ противномъ случаѣ, легко можетъ вдаться въ полу-машинальное чтеніе, то есть, пропускать черезъ свою голову отдѣльныя мысли, не вдумываясь въ ихъ отношеніе къ цѣлому. Не только группировка мыслей и общій тонъ изложенія, но даже самый языкъ, выборъ словъ и оборотовъ

имѣютъ очень значительное вліяніе на успѣхъ или неуспѣхъ популярно-научнаго сочиненія. Удачное выраженіе, мѣткій эпитетъ, картинное сравненіе чрезвычайно много прибавляютъ къ тому удовольствію, которое доставляется читателю самымъ содержаніемъ книги или статьи. А такъ какъ просвѣщать читателя помимо его собственной воли нѣтъ ни малѣйшей возможности, то и не слѣдуетъ, ни подъ какимъ видомъ, пренебрегать тѣми техническими средствами языка, которыя могутъ увеличить удовольствіе читателя, не вредя основной идеѣ вашего труда. Бентамъ доказываетъ очень подробно и чрезвычайно убѣдительно, что законы должны быть написаны не только совершенно яснымъ и простымъ, но еще, кромѣ того, изящнымъ языкомъ. Съ этимъ мнѣніемъ трудно не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время нѣтъ на свѣтѣ ни одной страны, въ которой большинство грамотныхъ людей имѣло бы совершенно ясное понятіе о законахъ своего отечества. Отъ этихъ законовъ зависитъ жизнь, честь, собственность, гражданское положеніе и семейное спокойствіе, словомъ, все земное благополучіе каждой отдѣльной личности; а между тѣмъ, ихъ все-таки почти никто не знаетъ, кромѣ судей и адвокатовъ. Можно себѣ представить, сколько невольныхъ преступленій, сколько безтолковыхъ процессовъ, какая трата времени, силъ, денегъ—происходятъ отъ этого незнанія. А чѣмъ же объясняется самый фактъ этого удивительнаго незнанія? Да просто тѣмъ, что сводъ законовъ совершенно справедливо считается у всѣхъ народовъ земнаго шара, имѣющихъ какой нибудь сводъ, самую скучную книгою, какую только можно было выдумать и написать. А происходитъ ли эта невыносимая скучность свода законовъ отъ самаго содержанія этой книги? Составляетъ ли она необходимую принадлежность самаго предмета? Ничуть не бывало. Законъ опредѣляетъ отношенія между людьми, устанавливаетъ ихъ права и обязанности. Трудно даже придумать что нибудь интереснѣе этого предмета. Но этотъ предметъ превращенъ въ сухой скелетъ педантизмомъ средне-вѣковыхъ юристовъ и остался въ своемъ засушенномъ положеніи по милости современныхъ законовѣдовъ, робѣющихъ до сихъ поръ передъ призраками старыхъ авторитетовъ. Бентамъ доказалъ теоретически и, что еще гораздо важнѣе, показалъ на практикѣ, своимъ собственнымъ примѣромъ, что можно писать живо и увлекательно не только изслѣдованія по философіи права, но даже текстъ кодекса, статьи свода законовъ. По мнѣнію Бентама, самый текстъ закона

долженъ быть написанъ коротко и ясно; законъ приказываетъ или запрещаетъ, но не разсуждаетъ. Но, вслѣдъ за этою каноническою частью каждой отдѣльной статьи, долженъ слѣдовать комментарий, въ которомъ объясняется значеніе, необходимость, цѣлесообразность и причина даннаго закона. Совокупность этихъ комментариевъ составить, по мнѣнію Бентама, полный и чрезвычайно интересный кодексъ нравственной философіи. И книга, вмѣщающая въ себя такой кодексъ, сдѣлается настольною книгою въ каждомъ грамотномъ семействѣ; по этой книгѣ отецъ самъ будетъ объяснять своимъ дѣтямъ законы той страны, въ которой имъ суждено жить и дѣйствовать; благодаря такимъ комментаріямъ, законъ ляжетъ въ основаніе самаго обыкновеннаго воспитанія. Вслѣдствіе этого, большая часть непродуманныхъ юристовъ принуждена будетъ заняться полезнымъ трудомъ. Но все это возможно только въ томъ случаѣ, если законы будутъ изложены легкимъ, простымъ и изящнымъ языкомъ. Иначе никакая философская глубина комментариевъ не принудитъ общество читать и изучать сводъ законовъ. Въ общей массѣ, люди чрезвычайно легкомысленны; они всегда дѣлаютъ то, что имъ пріятно, и очень рѣдко дѣлаютъ то, что имъ полезно. Всѣ понимаютъ, какъ нельзя лучше, что знаніе законовъ необходимо; всѣ знаютъ, что незнаніемъ законовъ ничто отговариваться не можетъ; и однако, почти никому въ голову не приходитъ почитать въ часы досуга и отдохновенія сводъ законовъ. Послѣ этого есть ли хоть малѣйшая возможность ожидать, что люди примутся читать популярно-научныя сочиненія, если эти сочиненія не будутъ доставлять имъ пріятнаго препровожденія времени. Вѣдь какъ не велика польза научныхъ знаній, а все-таки эта польза далеко не такъ очевидна, какъ польза законовѣднія. Противъ науки вы услышите много голосовъ, даже въ печати, а ужъ противъ изученія законовъ не возразятъ ни слова ни купчиха Кабанова, ни Викторъ Ипатьевичъ, ни даже г. Катковъ. — Ясно, стало-быть, что внѣшняя форма популярнаго изложенія имѣетъ громадную важность.

XIII.

Послѣ всего, что я говорилъ о популяризованіи науки, у читателя, по всей вѣроятности, зародился въ умѣ естественный вопросъ: какія же именно науки необходимо популяризовать? Въ об-

щихъ чертахъ читатель, разумѣтся, уже знаетъ мой образъ мыслей; онъ знаетъ, что я не укажу ни на санскритскую грамматику, ни на египетскую археологію, ни на теорію музыки, ни на исторію живописи. Но если читатель полагаетъ, что я буду рекомендовать ему преимущественно технологию, практическую механику, геогнозію или медицину, то онъ ошибается. Наука, слившаяся уже съ ремесломъ, наука прикладная конечно приноситъ обществу громадную и неоспоримую пользу, но популяризовать ее нѣтъ ни надобности, ни возможности. Технологи, геогности, механики необходимы для общества, но люди, имѣющіе общее понятіе о технологіи, геогнозіи и механикѣ никому и ни на что не нужны. Словомъ, прикладныя науки должны изучать совершенно основательно каждый человѣкъ, желающій обратить ихъ въ свое хлѣбное ремесло. Кто изучаетъ науку основательно, тотъ, конечно, обращается къ самымъ источникамъ науки, а не къ популярнымъ сочиненіямъ. Стало бытъ, нуждаются въ популярной обработкѣ только тѣ отрасли знанія, которыя, не слившись съ специальнымъ ремесломъ, даютъ каждому человѣку вообще, безъ отношенія къ его частнымъ занятіямъ, вѣрный, разумный и широкій взглядъ на природу, на человѣка и на общество. Разумѣтся, вездѣ, какъ и вездѣ, на первомъ планѣ стоятъ тѣ науки, которыя занимаются изученіемъ всѣхъ видимыхъ явленій: астрономія, физика, химія, физиологія, ботаника, зоологія, географія и геологія. Превосходство естественныхъ наукъ надъ всѣми остальными накопленіями знаній, присвоивающими себѣ также титулъ науки, до такой степени очевидно, и мы уже такъ часто и съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ говорили о значеніи этихъ наукъ, что теперь мнѣ не зачѣмъ о нихъ распространяться. Замѣчу только, что подъ именемъ *географіи* я понимаю, разумѣтся, не перечисленіе государствъ, а общую картину земного шара и опредѣленіе той связи, которая существуетъ между землею и ея обитателями. — Но естественныя науки, при всемъ своемъ великомъ значеніи, не исчерпываютъ собою всего круга предметовъ, о которыхъ человѣку необходимо составить себѣ понятіе. Человѣкъ долженъ знать человѣка и общество. Физиологія показываетъ намъ различныя отправления человѣческаго организма; сравнительная анатомія показываетъ намъ различія между человѣческими расами; но объ эти науки не даютъ намъ никакого понятія о томъ, какъ человѣкъ устраиваетъ свою жизнь и какъ онъ постепенно подчиняетъ себѣ силы приро-

ды силою своего ума. Оба эти вопроса имѣютъ для насъ капитальную важность; но тѣ отрасли знанія, отъ которыхъ мы должны ожидать себѣ на нихъ отвѣта,—исторія и статистика,—до сихъ поръ еще не достигли научной твердости и опредѣленности. Исторія до сихъ поръ ничто иное, какъ огромный арсеналъ, изъ котораго каждая литературная партія выбираетъ себѣ годные аргументы для пораженія своихъ противниковъ. Превратится ли исторія когда нибудь въ настоящую науку,—это неизвѣстно и даже сомнительно. Научная исторія была бы возможна только въ томъ случаѣ, если бы сохранились всѣ матеріалы для составленія подробныхъ статистическихъ таблицъ за всѣ прошедшія столѣтія. Но о такомъ богатствѣ матеріаловъ нечего и думать. Поэтому, для изученія чловѣка въ обществѣ остается только внимательно вглядываться въ современную жизнь и обмѣниваться съ другими людьми запасомъ собранныхъ опытовъ и наблюденій. Статистика уже дала намъ множество драгоценныхъ фактовъ; она подрываетъ вѣру въ пригодность пенитенціарной системы; она цифрами доказываетъ связь между бѣдностью и преступленіемъ; но статистика только-что начинаетъ развиваться и мы имѣемъ полное основаніе ожидать отъ нея, въ ближайшемъ будущемъ, въ тысячу разъ больше самыхъ важныхъ практическихъ услугъ, чѣмъ сколько она оказала ихъ намъ до сихъ поръ.—Статья моя кончена. Читатель видитъ изъ нея, что всѣ стремленія нашихъ реалистовъ, всѣ ихъ радости и надежды, весь смыслъ и все содержаніе ихъ жизни пока исчерпываются тремя словами: «любовь, знаніе и трудъ». Послѣ всего, что я говорилъ выше, эти слова не нуждаются въ комментаріяхъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Записки о императрицѣ Екатеринѣ великой полковника, состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаремъ, Адриана Моисеевича Грибовскаго. Изд. второз, съ дополненіями. М. 1864.—Краткій учебникъ физиологіи Л. Германна. Перев. съ нѣмецкаго, просмотрѣнный и дополненный Н. Свѣновымъ. Изд. В. Ковалевскаго. Спб. 1864.—Начала міра — Жувансея. Перев. подъ редакціей Н. А. Брюллова и А. П. Матвѣева. Спб. 1864.—Практическій Словарь или легонскій курсъ философіи и морали для свѣтскихъ людей составилъ Не—свѣтскій. Спб. 1864.—Положеніе женщинъ въ Америкѣ, Адольфа Колачека. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1864.

Наивному хвастовству или, напротивъ, наивной искренности статсъ-секретаря Грибовскаго обязаны мы довольно странной характеристикой русскихъ вельможъ второй половины прошлаго вѣка, такой характеристикой, которая заставила насъ невольно растеряться, какъ растерялась жена городничаго и ея дочка, когда Хлестаковъ открылъ имъ, между прочимъ, что онъ—авторъ Юрія Милославскаго. При чтеніи записокъ Грибовскаго, намъ такъ и хотѣлось сказать: «Адрианъ Моисеевичъ, благодѣтель нашъ! такъ это вамъ однимъ обязана Россія своимъ величіемъ?.. Статсъ-секретарь Грибовскій, изображая портретъ графа Безбородко, говоритъ объ этой личности, что, «при острой памяти и нѣкоторомъ знаніи латинскаго и русскаго языковъ, ему не трудно было отличиться легкимъ сочиненіемъ указовъ *тамъ, гдѣ бывшіе при государыняхъ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали русскаго правописанія* (стр. 10); но тутъ же добавляетъ, что «конечно, не довольно было одного кievскаго, бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ». Въ прошломъ столѣтіи было у насъ не мало анналистовъ, начиная отъ Храповицкаго и кончая Грибовскимъ; но ни одинъ изъ нихъ, при всей скудости сообщаемыхъ ими свѣдѣній, не оставилъ намъ такихъ литературныхъ курьезовъ, какъ этотъ послѣдній. Курьезы Грибовскаго я отношу къ его дѣвственной, почти институтской наивности.

Институтская наивность Грибовскаго проявляется чуть ли не съ первыхъ строкъ его записокъ. Его искренность въ этомъ случаѣ уми-лительна. Собираясь писать характеристику двора Екатерины II, онъ самъ выдаетъ себя головой, давая намъ косвенный намекъ на то, въ какой степени мы должны давать вѣру его словамъ. Первое появленіе Грибовскаго при дворѣ относится къ 15 января 1792 года. Онъ привезъ Платону Александровичу Зубову рекомендательное письмо отъ графа Безбородко, который въ то время находился въ Яссахъ для заключенія мира съ Портою. Зубовъ принялъ его весьма любезно: «Платонъ Александровичъ сѣдѣлъ тогда въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что было почти всегдашнею его привычкою. Онъ, прочитавъ письмо, сѣдѣлъ мнѣ большое наклоненіе головой, что, кажется, означало и прѣвѣтствіе, и отпускъ; но я, увидѣвъ стоявшаго передъ нимъ Г. Р. Державина, съ которымъ я имѣлъ до того частую переписку, подошелъ къ нему и, поцѣловавшись съ нимъ, немедленно вышелъ». Этотъ поцѣлуй сенатора-поэта Державина, стоявшаго передъ двадцатичетырехлѣтнимъ Зубовымъ, какъ говорится, вывезъ Грибовскаго. На другой же день его назначили состоять при Зубовѣ. Это случилось довольно оригинально. Грибовскій, находясь еще въ Яссахъ, писалъ оттуда Державину о смерти Потемкина. Это письмо было показано Зубову, и «ему полюбилось». Узнавъ потомъ отъ Державина, что сочинителемъ этого письма былъ Грибовскій, Зубовъ сталъ благоволить къ нему и взялъ его къ себѣ. Въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія при дворѣ, Грибовскій успѣлъ замѣтить все и обо всемъ составить свое собственное мнѣніе. Тутъ-то и заключается вся прелесть его институтской наивности. «Въ теченіе сего времени (т. е. отъ января до марта) былъ я ежедневнымъ свидѣтелемъ происходящаго въ покояхъ П. А. Зубова и могъ бы пріобрѣсть нѣкоторыя въ придворной политикѣ свѣдѣнія, но признаюсь, что до самаго конца не имѣлъ въ семъ успѣха, отъ чего многое потеряно» (стр. 6). Очень жаль, что такой дипломатъ и литераторъ «не имѣлъ въ семъ успѣха», а иначе его приговоры о екатерининскихъ вельможахъ были бы еще оригинальнѣе. Впрочемъ, какъ философъ, онъ не унывалъ и утѣшался слѣдующимъ разсужденіемъ: «при всемъ томъ, въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ, я видѣлъ многихъ лицъ, бывшихъ тамъ при дѣлахъ или просто въ обществѣ государыни, и сѣдѣлъ о нихъ нѣкоторыя замѣчанія».

Эти-то замѣчанія и составляютъ существенную часть его записокъ.

Можетъ ли историкъ довѣрять отзывамъ подобнаго господина и на сколько можетъ? Этотъ вопросъ невольно задается самъ собой, когда читаемъ записки Грибовскаго. Я скорѣе готовъ допустить, что такая младенческая наивность не можетъ быть неискренняя. Обозвавъ всѣхъ вельможъ безграмотными, онъ не щадитъ и самого себя; а такое нравственное расмиание, согласитесь, едва-ли можно заподозрить въ пристрастии; онъ не сочиняетъ, не ломаетъ голову надъ изображеніемъ, напримѣръ, графа Безбородко, котораго «нерѣдко встрѣчали въ вольныхъ домахъ, у прелестницъ» (стр. 13), графа Маркова, который «имѣлъ свойство надменное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гибкое и лукавое» (стр. 16), Попова, Троцинскаго и самого Платона Зубова; напротивъ, онъ очертилъ ихъ такъ, какъ они сами очерчивались въ своемъ кругу и какими казались всѣмъ, кто ихъ зналъ. Искренность Грибовскаго не дозволила бы ему ни утаить какой-либо черты, подмѣченной имъ, ни прибавить лишняго. Какъ невинный ребенокъ нерѣдко говорить возвращающемуся отцу, что безъ него «мама пѣловалась съ чужимъ дядей», который далъ ребенку лакомствъ, такъ и статсъ-секретарь Грибовскій въ два мѣсяца придворной жизни успѣлъ замѣтить, что всѣ екатерининскіе вельможи «не знали русскаго правописанія».

Одною изъ наиболѣе крупныхъ услугъ исторической критики послѣдняго времени должно признать ту, что историки все болѣе и болѣе начинаютъ читать между строками. По нашему мнѣнію, другого чтенія и не должно бы существовать, потому что въ сущности только дураки и влюбленные не пишутъ между строками; слѣдовательно, и читать слѣдуетъ не по строкамъ, а выше или ниже. Только къ запискамъ Грибовскаго, я положительно не знаю, какую приложить критическую мѣрку: если смотрѣть на него, какъ на литератора и анналиста, «мудрствующаго лукаво,» тогда все понятно, и понятны его оригинальные отзывы о дѣятеляхъ екатерининскаго времени; если же онъ долженъ быть поставленъ въ категорію добросовѣстныхъ и наивныхъ рассказчиковъ, то мы уже не знаемъ, какъ и думать обо всемъ имъ сказанномъ. Однако, благодаря другимъ памятникамъ, которые оставилъ намъ прошлый вѣкъ въ достаточномъ изобиліи, мы начинаемъ понимать эту эпоху довольно хорошо, хотя въ обществѣ господствуетъ о ней самое ложное понятіе, и потому долгъ историка — освѣтить это время приличнымъ свѣтомъ.

Обыкновенно бывает такъ, что ближайшія къ намъ историческія эпохи остаются для большинства наименѣе извѣстными. Мы знаемъ иногда довольно порядочно исторію XVI или XVII вѣковъ, знаемъ главные историческіе моменты той или другой эпохи, знаемъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ совершавшагося историческаго факта, все прошлое является передъ нами достаточно яснымъ, достаточно осмысленнымъ; не смотря на ошибки историковъ, на ихъ недосмотръ, на ложное пониманіе тѣхъ или другихъ явленій, на ихъ пристрастные отзывы о тѣхъ или другихъ фактахъ, о тѣхъ или другихъ лицахъ, не смотря на всѣ крупныя промахи историческаго суда надъ лицами, ихъ дѣйствіями и мотивами, обуславливавшими тотъ или другой характеръ этихъ дѣйствій, логичность или нелогичность поступковъ, честность или подлость побужденій, — мы все же имѣемъ предъ собой приблизительно и условно вѣрную картину прошлаго. Но чѣмъ ближе подходимъ мы къ нашему времени, тѣмъ темнѣе становится эта картина. Когда мы переходимъ отъ XVIII вѣка въ нашъ XIX, то здѣсь уже окончательно теряемъ изъ виду даже самую картину: факты представляются въ какомъ-то разбродѣ, отъ событій остаются одни безсвязные клочки, безъ всякой послѣдовательности, дѣйствующія лица являются также какими-то отрѣшенными отъ исторической почвы тѣнями. Кто слѣдитъ за политикой, читаетъ газеты, тотъ еще знаетъ сколько нибудь время, въ которое живетъ, и главныхъ дѣятелей этого времени, и главные интересы, вокругъ которыхъ вертятся событія; но всѣ прочіе знаютъ XIX вѣкъ меньше, чѣмъ XVII. Это нѣсколько странно, однако справедливо. Я не могу понять, отчего такъ долго держалось, да и теперь держится нелѣпное мнѣніе, будто событія, въ которыхъ выражается вся сумма политической и гражданской жизни извѣстнаго государства, народа или всего человѣчества, не могутъ раньше становиться достояніемъ исторіи, какъ только по прошествіи довольно значительнаго времени, положимъ ста или болѣе лѣтъ, т. е. когда эти событія отодвинутся отъ насъ на такое разстояніе, что ихъ уже не будетъ видно, или когда они будутъ представляться въ туманѣ и когда, наконецъ, самые матеріалы успѣютъ растратиться, сгорѣть, нѣсколько подгнить или полуистребятъ крысами, когда, наконецъ, и самыя событія и лица, которыя успѣютъ перемереть и забыться, потеряютъ свой жизненный интересъ. Такое странное мнѣніе старались поддерживать давно истертыми фразами, потерявшими всякій смыслъ, будто на далекія событія, на умершихъ и сгившихъ дѣятелей эпохи,

на отжившіе интересы извѣстныхъ обществъ историкъ можетъ смотрѣть безпристрастнѣе, чѣмъ на событія близкія, задѣвающія за живое; будто улегшіяся, вмѣстѣ съ умершими и убитыми людьми, страсти не нарушаютъ покоя историка, не заставляютъ его писать въ духѣ партій, не дадутъ ему забыться и произнести ложный приговоръ о событіяхъ, лицахъ и ихъ поступкахъ. Все это въ сущности красивый вздоръ.

Безпристрастіе историка не выиграетъ отъ того, что онъ будетъ равнодушно смотрѣть на прошлыя страданія людей, которые изъ могилы уже не могутъ сказать ему ни о тѣхъ боляхъ, которыя они испытывали при жизни, ни объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались, ни о мученіяхъ голода, которыя они терпѣли на своемъ вѣку; точно также это безпристрастіе не увеличится отъ того, что историкъ будетъ меньше видѣть вдаль, чѣмъ онъ могъ бы видѣть вблизи. Если отъ чего и можетъ онъ сдѣлаться безпристрастнѣе, такъ развѣ отъ того, что событія, о которыхъ онъ станетъ писать, будутъ представляться ему въ туманѣ, будутъ менѣе извѣстны и дороги ему. Но такое безпристрастіе не находка.

Вслѣдствіе этого-то ученаго предразсудка, самыя близкія къ намъ историческія событія дѣлаются для насъ самыми далекими. Мы даже не стыдимся въ этомъ случаѣ своего невѣжества; студенту поставятъ на экзаменѣ единицу, если онъ не скажетъ какой глазъ, правый или лѣвый, выткнулъ себѣ Аннибалъ во время похода на Римъ или какой супъ ѣли спартанцы; а между тѣмъ, этотъ студентъ можетъ положительно не знать, кто въ настоящее время правитъ Италіей, Одоакръ или Теодорикъ, какія войны теперь ведутся людьми, гдѣ и изъ за чего, и важнѣе ли эти войны для человѣчества, чѣмъ кулачные бои мелкихъ греческихъ городишковъ, называвшіеся тоже войнами. Молодому человѣку, слѣдующему за политическими событіями данной минуты, поставятъ даже это въ вину. Поэтому исторія въ нашемъ образованіи имѣетъ почти такое же значеніе, какъ искусство производить фокусы по методу Юма; она толкуетъ намъ о томъ, что мы наименѣе должны знать и что намъ наименѣе пригодится въ жизни и въ общественной дѣятельности, а не говоритъ о томъ, что къ намъ близко, что органически связано съ нами, что ежедневно отзывается на нашихъ спинахъ, въ нашемъ скудномъ обѣдѣ, въ нашемъ не веселомъ житьѣ, и отчего все это вышло, и какъ бы избавиться отъ этого; исторія какъ будго забываетъ, что мы, знающіе Клеопатру и Немврода, будемъ жить не съ Клеопатрой и не съ Немвродомъ, а среди

лицъ и событій, о которыхъ она и говорить-то считаетъ ненужнымъ, неумѣстнымъ; отъ того и ученые историкомъ называется по преимуществу только тотъ, который забирается въ глушь древности, судить и рядить о такихъ предметахъ, отъ которыхъ намъ ни тепло, ни холодно.

Вотъ эта-то нелогичность человѣческой мысли и служитъ началомъ нашего крайняго невѣдѣнія относительно событій нашей собственной исторіи прошлаго вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что, при всей нашей целогичности, никто изъ насъ не рѣшится утверждать, что XIX вѣкъ непосредственно рожденъ отъ XVII, а не отъ XVIII, что событія данной эпохи вытекаютъ изъ подготовки, сдѣланной въ XVII вѣкѣ, а не въ XVIII, и что факты этого послѣдняго будутъ служить стимуломъ не для непосредственно слѣдующаго за нимъ, а уже для XX-го. Въ концѣ концовъ все-таки выходитъ, что ближайшія къ намъ времена имѣютъ съ нами болѣе органическую связь, чѣмъ отдаленнѣйшія; да кромѣ того, относительно болѣе близкихъ эпохъ самъ историкъ стоитъ въ болѣе выгодныхъ условіяхъ и не сдѣлаетъ такихъ ложныхъ заключеній, какъ о событіяхъ, для раскрытія истиннаго смысла которыхъ нѣтъ даже приблизительно вѣрныхъ источниковъ.

Что касается лично до насъ, то нельзя не сказать, что наша исторія прошлаго вѣка все еще носитъ на себѣ отпечатокъ легендарности, и истинный смыслъ, источники и результаты событій покрыты такимъ густымъ лакомъ поэзіи, что за этимъ лиризмомъ мы ничего до сихъ поръ не видѣли, кромѣ внѣшности.

Въ такомъ случаѣ для историка пригодится и Адрианъ Моисеевичъ Грибовскій съ его институтской наивностью. Изъ записокъ его можно выжать очень мало, потому что все, гдѣ Грибовскій впадаетъ въ сентиментальность или проникается лиризмомъ, становится уже совершенно негоднымъ матерьяломъ для историка, а если и пригодится, то единственно для того только, чтобы видѣть, какъ сентиментальничали современники по поводу такого-то историческаго факта и почему такой то фактъ вызвалъ эту сентиментальность и этотъ лиризмъ.

Записки Грибовскаго вообще отличаются какою-то странностью: не то это дневникъ, не то замѣтки, писанныя на память, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ со времени описываемыхъ событій. Начинаются они дневникомъ, какъ и у Храповицкаго. Дневникъ открывается 14 января 1792 года, именно тѣмъ, что, по приѣздѣ въ Петербургъ, Грибовскій остановился на нанятой квартирѣ. Тѣмъ и кончаются извѣстія этого дня. Слѣдующій день—визитъ къ В. С. Попову, очень сильно-

му тогда лицу, а потомъ представленіе Платону Zubову рекоменда- тельнаго письма. Форма дневника удерживается только до 20 числа, слѣдовательно, въ продолженіе шести дней. Подъ 20 же числомъ слѣ- дуетъ характеристика графовъ Н. И. Салтыкова, А. И. Остермана, Безбородко, Маркова, Алтесты, статсъ-секретаря Попова и Д. П. Тро- щинскаго. Тутъ же замѣтки о самой императрицѣ, преимущественно объ образѣ ея жизни. Затѣмъ слѣдуетъ особый заголовокъ: «изображе- ніе Екатерины II,» гдѣ изъ примѣчанія самаго автора можно видѣть, что «*sic* писано въ исходѣ 1796 года», уже послѣ смерти императ- рицы. Но какъ понимать это *sic*—мы не знаемъ: относится-ли это *sic* только къ «изображенію Екатерины II» или къ послѣдующимъ частямъ записокъ, изъ самой книги не видно. Это «изображеніе», какъ надо полагать, оканчивается на 47 страницѣ, а потомъ опять слѣ- дуетъ нѣсколько страницъ общихъ замѣтокъ. Далѣе идетъ новая руб- рика: «видъ императрицы въ юности и въ старости», и рубрика эта состоитъ въ слѣдующихъ лагонизмахъ: «красивость» (точка и больше ничего нѣтъ); «свѣжесть лица» (опять точка и больше ничего); «чело обширное» (точка). «Глаза голубые. Потъ умѣренный. Зубы сохране- ны, одного верхняго не доставало. Подбородокъ умѣренно продолгова- тый. Уши небольшія. Обликъ лица благородный (?). Грудь высока. Руки и пальцы круглые и вѣжные. Ростъ средственный. Походка важная, но твердая. Голосъ въ разговорахъ мужественный, всегда поч- ти улыбкой сопровождаемый» и т. д. Потомъ описывается также ко- ротко ея обыкновенная одежда, потомъ опять какая-то путаница и повтореніе прежняго. Можно было бы думать, что слѣдующія за этимъ рубрики («дѣла польскія», «персидскія дѣла», «о переклейменіи мѣд- ной монеты» и пр.) наполнены свѣдѣніями сколько нибудь интересны- ми, но, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе падаетъ и безъ того не высокій интересъ записокъ. Въ этихъ рубрикахъ историкъ едва-ли выищетъ хотя одинъ новый фактъ для русской исторіи конца прош- лаго вѣка. Всѣ рубрики оканчиваются только заманчивостью заголо- вковъ, а самое содержаніе рубрикъ не богаче даже указателя къ пол- ному собранію законовъ за эти годы. Наконецъ, въ заключеніе всего, слѣдуетъ новый отдѣлъ: «записки прежнихъ лѣтъ», объ интересѣ ко- торыхъ можно судить по слѣдующему примѣру: подъ 1783 годомъ на- писано только «присоединеніе Крыма» и больше ничего. Не болѣе- шей полнотой отличаются и нѣкоторые другіе годы.

Но возвратимся къ самой сущности записокъ Грибовскаго и посмот-

римъ, что можетъ извлечь изъ нихъ историкъ. Въ той ихъ части, которая имѣетъ форму дневника, нѣтъ ничего, кромѣ замѣтокъ о приѣмѣ, сдѣланномъ Грибовскому П. А. Зубовымъ, который былъ «въ шлафрокъ, обшитомъ собольими хвостами.» Слова, сказанныя Зубовымъ при приѣмѣ Грибовскаго на службу, были: «здравствуй! Если ты желаешь со мной служить, то мы съ тобой поладимъ.» Вотъ и все. Впрочемъ, Грибовскій прибавляетъ: «тогда было отъ роду ему (т. е. Зубову) 24, а мнѣ 26 лѣтъ.» (стр. 5). Впрочемъ, тутъ есть одна замѣтка, нѣсколько болѣе характеризующая это время и то положеніе, въ какомъ находились тогдашніе придворные, крупные и мелкіе. Грибовскому отведена была казенная квартира и назначено по 50 руб. въ день на столъ, «который (прибавляетъ Грибовскій) въ самомъ дѣлѣ и пяти рублей не стоилъ,—напитки же отпускались особо въ довольномъ количествѣ.» Но это еще ничего. А на этомъ вотъ извѣстїи историкъ можетъ остановиться съ любопытствомъ: сказавъ о своемъ столѣ, Грибовскій замѣчаетъ, что столъ графа П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 р. въ день, кромѣ напитковъ, которые, вмѣстѣ съ чаемъ, кофеемъ и шоколадомъ, стоили не менѣе половины этой суммы, т. е. всего около 600 р. въ сутки, что составитъ въ годъ 216,000 р., а по нынѣшней цѣнѣ болѣе 1,262,000 р. Не надо забывать, что это—на одинъ столъ. У Грибовскаго сказано глухо въ этомъ мѣстѣ, такъ что трудно понять, всѣмъ ли помянутымъ тремъ лицамъ (Зубову, Салтыкову и Браницкой) отпускалось по 600 р. въ день на столъ или по 600 каждому. По смыслу, надо думать последнее, и тогда всѣмъ имъ троицъ одинъ столъ обходился болѣе, чѣмъ въ 3,786,000 рублей. Но вотъ еще что надобно замѣтить: Зубовъ, Салтыковъ и Браницкая получали ежедневно по 600 р. на столъ, *всегда* обѣдали съ государыней, какъ объ этомъ говоритъ Грибовскій съ своей драгоценной наивностью. Вотъ и все, что историкъ можетъ извлечь изъ дневника Грибовскаго. Что же касается до характеристики лицъ, занимавшихъ тогда первостепенные посты, то въ этомъ случаѣ статсъ-секретарь Грибовскій является положительно даровитымъ литераторомъ...

Не касаясь лично Платона Зубова, Грибовскій очерчиваетъ другихъ приближенныхъ императрицы, начиная съ графа Н. И. Салтыкова. Онъ нерѣдко приходилъ къ Зубову отъ государыни въ первомъ часу по полудни и въ то время почти всѣ оставляли ихъ однихъ. Салтыковъ въ то время былъ уже 60-ти лѣтъ, почитался человѣкомъ умнымъ,

проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное; однакоже, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, всѣ почти государственныйя дѣла были сообщаемы на его уваженіе; но я не помню, чтобы хотя по одному онъ далъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же, собственно ему порученныхъ, онъ управляемъ былъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ—графиню неограничено, писалъ собственною рукою по старинному, затруднительно.

Свойства былъ не твердаго и не надежнаго: случайнымъ раболѣпствовалъ, а упавшихъ чуждался. Сей-то человекъ представлялъ въ сіе время почти первое лицо при дворѣ: былъ генералъ-аншефъ, имѣлъ всѣ русскіе ордена, предсѣдательствовалъ въ военной коллегіи, которая тогда была въ полномъ своемъ дѣйствіи, и былъ главнымъ при воспитаніи великихъ князей; жилъ во дворцѣ со всей фамиліей, на всемъ придворномъ содержаніи» и т. д. Въ короткое время, сбереженіемъ доходовъ, приобрѣлъ 10,000 душъ, да жалованныхъ имѣлъ 6,000 да 6,000 родовыхъ. «Впрочемъ, былъ крайне скупъ» заключаетъ Грибовскій (стр. 7).

За Салтыковымъ слѣдуетъ графъ И. А. Остерманъ, канцлеръ и управляющій иностранной коллегіей. Эготъ сановникъ «слыль простымъ, но былъ строгимъ исполнителемъ установленнаго этикета.»

Въ торжественные дни его столъ имѣлъ 300 кувертовъ съ серебряными блюдами и такими же крышками, въ два ряда. Родового имѣнія у него было 4,000 душъ, да жалованнаго 6,000. Это былъ вельможа стараго закала: въ торжественные дни выезжалъ ко двору, а на пасуху подъ качели въ одномѣстной, позолоченной каретѣ, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади кареты стояло два гайдука, а впереди лошадей шли два скорохода съ булавчатыми палками и въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь. Вообще же, говоритъ Грибовскій, «дѣло его болѣе состояло въ сохраненіи этикета русскаго двора въ разсужденіи иностранныхъ, чѣмъ въ управленіи политическими дѣлами, коими сама императрица и нѣкоторыя ближайшія къ ней особы занимались».

Графъ Безбородко въ это время, т. е. съ 1792 года, считался уже не такою силою, какою былъ прежде, потому что, фактически, всѣ дѣла, находившіяся въ его рукахъ, перешли въ руки Платона Зубова и отчасти къ генералу Про. Карьеръ малороссіянина Безбородко не мало помогла его грамотность, такъ какъ онъ воспитывался въ Малороссіи. Во время турецкой войны онъ находился въ канцеляріи тогдаш-

няго главнокомандующаго графа Румянцева. Екатерина II, замѣтивъ въ донесеніяхъ графа «болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ семилѣтней войны Бестужева и Апраксина, спросила его: — «нѣтъ ли у него двухъ способныхъ людей, которые бы могли занять при ней мѣсто». Румянцевъ указалъ на Завадовскаго и Безбородко, и послѣдній съ тѣхъ поръ пошелъ въ гору, собственно потому, что умѣлъ складно сочинять указы или собственно давать имъ только приличную форму, такъ какъ указы составлялись въ сенатѣ и въ департаментахъ обстоятельно, хотя порядкомъ тяжеловато, «такъ что редактору (т. е. графу Безбородко) стоило только сократить сіи записки и нѣсколько поглаже написать, часто надобно было одѣть только сіи записки въ указную форму» (стр. 10—11). Въ двадцать лѣтъ графъ Безбородко успѣлъ приобрести огромное состояніе и несмѣтныя сокровища въ вещахъ и деньгахъ, «не теряя тѣмъ своей репутаци»; въ званіи главнаго директора почтъ, онъ распоряжался всеми почтовыми суммами безотчетно, такъ что нажилъ себѣ болѣе 16,000 душъ крестьянъ, соляныя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ; кромѣ того, императоръ Павелъ пожаловалъ ему упраздненный городъ Дмитріевъ съ 12,000 крестьянъ. Почти все внутреннія дѣла, особенно тяжёбныя по имѣніямъ, доходившія до разрѣшенія государыни, представлялись этимъ вельможей и имъ же завершались; черезъ его руки, главнымъ образомъ, шли указы о винныхъ откупахъ и о другихъ важнѣйшихъ казенныхъ подрядахъ, поставкахъ и наградахъ; сверхъ всего этого, какъ второе лицо, послѣ Остермана, въ иностранной коллегіи, при всѣхъ трактатахъ, заключаемыхъ съ иностранными дворами, Безбородко получалъ подарки червонцами и брилліантами. «Однимъ словомъ, говоритъ Грибовскій, гетману нашему около 20 лѣтъ рѣкой лилось богатство; да оно, при склонности его къ лакомымъ столамъ и къ женщинамъ, нужно ему было; надобны были чрезвычайныя суммы, чтобы удовлетворить сіи прихоти, собрать горы серебра и осыпать себя брилліантами». Во время праздниковъ, данныхъ имъ по случаю мира съ Турціей и пріѣзда въ Петербургъ шведскаго короля, въ залахъ у него видны были горки, вышиною въ 6 и шириною въ 3 аршина, уставленныя старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины. Самъ онъ въ торжественныя дни являлся весь осыпанный брилліантами; но, при всемъ томъ, «ни мало не походилъ на барина»; высшаго общества не любилъ да и не годился для него по своей неловкости и потому, что больше привыкъ быть «съ простыми женщинами». — Когда находившіяся

у Безбородко дѣла перешли въ руки Платона Зубова, то ему уже не было пѣчи, никакого повода являться ко двору. Императрица собственно не имѣла на него неудовольствія, однако удаленію его отъ двора, безъ сомнѣнія, помогло и то обстоятельство, что «необычайные его расходы заставляли государыню сомнѣваться на счетъ его безкорыстія». Боясь публичныхъ толковъ и желая показать, что онъ по прежнему бываетъ при дворѣ, Безбородко продолжалъ ѣздить во дворецъ безъ всякаго дѣла или посылалъ пустую карету къ малому подъѣзду. Екатерина, замѣтивъ, что онъ сидитъ въ уборной, а къ ней не является, приказывала камердинерамъ всегда о немъ докладывать; но случилось, что онъ самъ останавливалъ дежурнаго, говоря, что у него нѣтъ никакого дѣла. Затѣмъ въ томъ же родѣ представляется характеристика графа Маркова, одной изъ креатуръ графа Безбородко.

Историкъ можетъ смѣло не читать записки Грибовскаго отъ 58 до 72-ой страницы и отъ этого, я увѣренъ, ничего не потеряетъ. Въ сущности, онъ можетъ не читать и предыдущія страницы этихъ записокъ, именно отъ 33 до 58-й, или можетъ пересмотрѣть ихъ только для курьеза. Наконецъ, мы крѣпко сомнѣваемся въ пользѣ отъ чтенія и всѣхъ остальныхъ страницъ записокъ, т. е. отъ 72-й до конца книги.

Самое изданіе записокъ въ высшей степени небрежно или невѣжественно. Я хочу этимъ сказать, что они, безъ всякаго сомнѣнія, издавались подъ редакціей человѣка, положительно ничего не смыслящаго въ русской исторіи; мало того—не понимающаго даже простыхъ русскихъ словъ. Въ запискахъ все перепутано: страницы, годы, событія. Видно, что все это печаталось съ какихъ-то клочковъ, нигдѣмъ не разобранныхъ и не приведенныхъ въ порядокъ. Сумбуръ страшный. Читатель, безъ сомнѣнія, будетъ не мало удивленъ, если узнаетъ, что это уже второе изданіе и до сихъ поръ никто не замѣтилъ издателю, что стыдно же, наконецъ, издавать такимъ образомъ историческіе матеріалы. Хоть бы Москва, строгая блюстительница русской чести, замѣтила всю неприличность такихъ изданій. Чего же она смотрять? Чего же смотрять ея ученые? Вѣдь это — второе изданіе и притомъ съ дополненіями. Сумбуренность этого изданія можно подтвердить многими примѣрами, но я приведу хоть одинъ, который ясно докажетъ, что издатель рѣшительно не понималъ, что печаталось у него подъ носомъ. Съ 72-й страницы книги начинаются, послѣ крупнаго заголовка, «записки прежнихъ лѣтъ», отъ 1783 до 1803

включительно. Подъ 1802 годомъ въ запискахъ значится: «пріѣхалъ въ Вишневецинъ (польское мое имѣніе) и продалъ его, а 1803 года, въ февралѣ, пріѣхалъ въ Москву. Указъ о бытіи у принятія прошеній. Представленіе для принесенія благодарности приватное. Я остался при дѣлахъ, врученныхъ князю Зубову; дѣла его производились подъ вѣдѣніемъ императрицы» и т. д. (стр. 94 до конца книги). Что это такое? Кому указъ о бытіи у принятія прошеній? Я знаю, что Грибовскій говоритъ объ указѣ 1795 года, когда ему велѣно быть у принятія прошеній, о чемъ онъ говорилъ еще на стр. 58-й. Но зачѣмъ этотъ указъ приплетенъ въ изданіи къ 1803 году? Зачѣмъ тутъ же Зубовъ съ его дѣлами въ 1803 году? Какъ, наконецъ, попали сюда всѣ послѣдующія страницы до конца книги? Обозывается, что это клочекъ, и очень большой клочекъ, изъ записокъ о 1795 годѣ, который въ подлинникѣ былъ, вѣроятно, или написанъ отдѣльно, или писанъ въ одной же тетради, только послѣ, а издатель все это пришилъ къ 1803 году и напечаталъ вмѣстѣ, не отдѣливъ даже черточкой, обыкновенно принятымъ въ подобныхъ случаяхъ знакомъ—тире. Такая же путаница и у самаго Грибовскаго. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній статсъ-секретарь прилагаетъ къ своимъ запискамъ (именно съ 72-й страницы) еще, такъ называемыя имъ, «Записки прежнихъ лѣтъ, начиналъ отъ 1783 года и кончая 1803-мъ.» Кажется, можно было бы ожидать, что въ запискахъ, обнимающихъ ровно 20 лѣтъ, найдется много любопытныхъ матеріаловъ для этой эпохи. Ни чуть не бывало. Каждый мѣсяцъ въ запискахъ, напр., Порошина или Храповицкаго богаче содержащемъ всѣхъ 20 лѣтъ Грибовскаго, хотя и у нихъ наговорено очень много разнаго вздора. Взглядъ ихъ на историческія событія такъ узокъ и мелокъ, что они умалчиваютъ о значительныхъ фактахъ и, въ то же время, записываютъ слѣдующія происшествія: «изволили чихнуть, а я имѣлъ счастье пожелать здравія», «изволили попрыгать» и т. п. Возьмемъ, наприимѣръ, хоть 1797 годъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ годовъ для всей Россіи и особенно интереснѣйшій лично для Грибовскаго. А вотъ что мы находимъ о немъ въ запискахъ Грибовскаго:

«Январь. Погребеніе императрицы.

«Отставка князя Зубова.

«Недоброжелательство ко мнѣ нѣкоторыхъ лицъ.

«Поданное отъ меня императору Павлу прошеніе.

«Января 14. Высылка изъ Петербурга.

«Алтесто высланъ на третій день послѣ смерти императрицы.

«Пріѣздъ мой въ подольскую деревню. Въ проѣздъ чрезъ Кіевъ былъ у графа Салтыкова. Его пріемъ.

«Лѣтомъ изъ деревни поѣхалъ въ Одессу, прожилъ тамъ недѣлю, ѣздилъ въ Бѣлгородъ и Должайку и возвратился въ Одессу.

«Отправился опять въ Подольскую губернію». (Стр. 92—93)

Вотъ и все.

Въ этомъ лоскутѣ, пришитомъ къ запискамъ Грибовскаго, читатель напрасно будетъ искать того, что вообще ожидаешь найти въ мемуарахъ, какъ бы они ни были плохи въ литературномъ отношеніи или скудны внутреннимъ содержаніемъ. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ лоскутокъ напоминаетъ мнѣ даже «записки сѣумасшедшаго», Гоголя. Нѣтъ сомнѣнія, что Грибовскій намѣревался писать подробныя записки о своемъ пребываніи при дворѣ, а быть можетъ и написалъ ихъ, но онѣ или утратились, или издатель настоящихъ записокъ не знаетъ о ихъ существованіи. Какъ бы то ни было, но изъ этого лоскутка (отъ стр. 94—100) видно, что это ничто иное, какъ планъ записокъ, развитіе котораго предполагалось впоследствии. Иначе я не могу понимать всего окончанія книги Грибовскаго. Эти замѣтки писаны для памяти, безъ всякой связи, одними намеками, которые, конечно, самъ авторъ понималъ. Ему нужно было только записать фактъ, записать намекъ на него, чтобы не забыть впоследствии. Конечно, это дѣло хорошее, но исторія-то отъ этого ничего не выигрываетъ. Напримѣръ, что можетъ извлечь читатель, безъ помощи другихъ свѣдѣній, изъ подобныхъ намековъ, изъ которыхъ состоитъ все окончаніе записокъ Грибовскаго? На полѣ написано: «о вятскомъ дѣлѣ». Въ текстѣ идутъ слѣдующіе намеки: «разговоръ о вятскихъ доносителяхъ. Объясненіе мое на счетъ директора экономій. Ея изумленіе и замѣчаніе. Донесеніе сенатора Маврина о невинности директора экономій. Она мнѣ объ этомъ объявляетъ (гдѣ и какъ). Ея замѣчанія о доносителяхъ. Удивленіе и любопытство при этомъ придворныхъ» (стр. 96). Удивленіе и любопытство должно выразиться на лицѣ читателя при этихъ намекахъ, но любопытство останется не удовлетвореннымъ, если онъ прежде не зналъ, что это за вятское дѣло. Точно также любопытство читателя не удовлетворяется при чтеніи слѣдующихъ намековъ: «предубѣжденіе Екатерины II противъ московскаго университета, отказъ И. И. Шувалову въ прибавкѣ университету жалованья, слова императрицы о содержащихся въ крѣпости университетскихъ студентахъ, ея предубѣженіе

противъ мартинистовъ, которыхъ она считала якобинцами, арестованіе Новикова и Багрянскаго, ихъ бумаги, соучастіе многихъ «знатныхъ лицъ» въ дѣлѣ Новикова и проч. (стр. 95). Грибовскій замѣчаетъ, что Новиковъ и Багрянскій были его товарищи.

Больше объ этихъ запискахъ сказать нечего. Заключение вытекаетъ само собой изъ вышесказаннаго: хотя въ прошломъ вѣкѣ не мало было людей, которые занимались литературой, однако статсъ-секретарь Грибовскій оказывается едва-ли не самымъ плохимъ литераторомъ, не смотря на то, что былъ товарищемъ Новикова.

Въ прошлой книгѣ нашего журнала было сказано нѣсколько словъ о переводѣ физиологіи Л. Германна и о необходимости такого учебника въ нашей литературѣ, вообще очень бѣдной хорошими учебниками по естественнымъ наукамъ; теперь мы отдадимъ болѣе подробный отчетъ объ этой книгѣ, заключающей въ себѣ послѣдніе выводы, къ которымъ пришли современные физиологи.

Рѣдко приходится видѣть, чтобы умственные силы переводчика стояли выше силъ автора переводимой книги, а такую рѣдкую аномалію мы встречаемъ въ настоящемъ случаѣ. Г. Германнъ далеко не перво-классная звѣзда; его ученая дѣятельность до сихъ поръ такъ слабо обрисовалась, что слѣдовъ ея трудно доискаться въ новѣйшей физиологіи; между тѣмъ переводчикъ его руководства, г. Съченовъ, показалъ своими трудами по части физиологіи питанія и нервной системы глубокое знаніе физики и неотразимую логику въ своихъ выводахъ, а только такіе физиологи и могутъ считаться достойными послѣдователями гениальныхъ представителей этой науки, какъ Гельмгольцъ, Бернаръ и др. Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, передѣлка учебника Германна должна была представиться въ самомъ лучшемъ видѣ. И дѣйствительно, учебникъ въ русскомъ переводѣ не только передѣланъ въ текстѣ, но и обогащенъ многочисленными примѣчаніями, такъ что, въ строгомъ смыслѣ, онъ составляетъ оригинальное произведеніе г. Съченова. Неизвѣстно, можно ли будетъ сказать тоже самое о послѣднемъ, еще не вышедшемъ, выпускѣ, но сказанное вполне справедливо относительно первой части, о которой мы теперь говоримъ.

Въ книгѣ излагаются два отдѣла физиологіи, между которыми прежде не замѣчали связи и взаимной зависимости. Первый отдѣлъ обнимаетъ всю такъ называемую растительную физиологію, которая, какъ извѣстно, разсматриваетъ переработку пищи, распаденіе ея и выдѣленіе изъ организма въ видѣ тѣла самаго простого состава. Во второмъ отдѣлѣ описывается животная теплота и движенія въ человѣкѣ, совершаемыя при помощи сокращенія мышцъ. Съ перваго взгляда кажется, что между этими двумя отдѣлами физиологіи нѣтъ никакой внутренней связи, которая бы оправдывала послѣдовательное ихъ сопоставленіе въ учебникѣ. Что можетъ быть общаго, скажетъ читатель, между химическими измѣненіями питательныхъ веществъ и механическими движеніями организма?—такъ думали и прежніе физиологи и разсматривали растительную физиологію независимо отъ механической дѣятельности человѣка. Въ разбираемомъ учебникѣ въ мы первый разъ встрѣчаемъ ясное изложеніе извѣстныхъ фактовъ, доказывающихъ неразрывную связь между этими двумя частями физиологіи. Это составляетъ не маловажную заслугу учебника—дать почувствовать читателю на первыхъ страницахъ, что онъ имѣетъ дѣло съ наукою, которая цѣликомъ стоитъ на строгой химико-физической почвѣ. Принимая во вниманіе, что развитіе всей физиологіи вообще зависить отъ самаго обширнаго примѣненія того же самаго принципа, который связываетъ оба отдѣла книги, мы представимъ читателю его сущность.

Всякое тѣло устроено такимъ образомъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ дать начало какимъ нибудь силамъ: углеродъ, соединяясь при горѣніи съ кислородомъ, раждаетъ свободную силу—теплоту; два разнородныя тѣла (металлы и жидкость) возбуждаютъ, при взаимномъ соприкосновеніи, электрическую силу и т. д. Свободныя силы возникаютъ изъ другой силы, обуславливающей существованіе даннаго тѣла. Углеродъ не могъ бы существовать какъ особое тѣло, если бы его частички не были связаны между собою притягательною силою; при горѣніи притягательная сила частичекъ углерода къ кислороду больше, чѣмъ частичекъ углерода между собою, и потому углеродъ соединяется съ кислородомъ; отъ перехода углерода въ угольную кислоту остается притягательная сила, которая и является въ видѣ теплоты. Вотъ эта-то сила, присущая всякому тѣлу, называется силою напряженія; перешедши же въ другую форму (напр. въ форму теплоты), именуется живою силою. Ясно, что при такомъ тѣсномъ соотношеніи двухъ силъ одна можетъ служить измѣреніемъ другой.—Живая сила

обнаруживается въ видѣ движенія: теплота есть невидимое движеніе частичекъ тѣла, которое, увеличиваясь до большихъ размѣровъ, можетъ преодолевать значительныя препятствія и передвигать массы тѣлъ съ мѣста на мѣсто, въ послѣднемъ случаѣ, говорятъ, что теплота перешла въ механическую силу, т. е. въ такую силу, которая можетъ производить работу. Сказанное о превращеніи однихъ силъ въ другія очень наглядно видно на паровыхъ машинахъ. Чтобы эта машина была въ состояніи производить механическую работу, ее нужно нагрѣвать, т. е. сжигать углеродъ въ атмосферѣ кислорода (освобождать силу напряженія); при горѣніи развивается такое громадное количество теплоты (живой силы), которое въ состояніи двигать всю машину; въ этомъ примѣрѣ два превращенія силъ: сила напряженія углерода переходитъ въ тепло, которое превращается въ механическое движеніе. Какъ живыя силы переходятъ одна въ другую, такъ и обратно онѣ могутъ переходить въ силу напряженія: водяной паръ, превращаясь въ воду, воспринимаетъ въ себя такое же количество теплоты, какое нужно было для превращенія воды въ паръ. Ясно, что въ этомъ случаѣ живая сила теплоты превращается въ силу напряженія воды, т. е. въ ту притягательную силу, безъ которой немислимо капельножидкое состояніе воды.

Развитіе живыхъ силъ изъ силъ напряженія мы встрѣчаемъ въ обширныхъ размѣрахъ въ животномъ организмѣ. Пища, вводимая въ организмъ, содержитъ огромный запасъ силъ напряженія, который превращается въ живыя силы такимъ же точно образомъ, какъ при всякомъ горѣніи. Кислородъ крови дѣйствуетъ на пищу и окисляетъ ее; при этомъ окисленіи развивается теплота, которая можетъ переходить въ мышечное движеніе и такимъ образомъ совершать механическую работу въ организмѣ. Частный примѣръ превращенія силъ представляетъ движущаяся кровь. Вы помните, читатель, закопъ Паскаля, извѣстный въ физикѣ подъ названіемъ закона равнаго давленія, по которому всякая частичка жидкости производитъ по всѣмъ направленіямъ одинаковое давленіе; такое же давленіе (сила напряженія) производитъ кровь на стѣнки сосудовъ, и высота его равняется почти тремъ метрамъ, т. е. изъ разрѣзанной шейной артеріи кровь подымается на высоту трехъ метровъ. Это давленіе съ удаленіемъ отъ сердца постепенно уменьшается и трага его идетъ на преодоленіе препятствія, которое состоитъ во взаимномъ треніи частичекъ крови (частички не трутся о стѣнки сосудовъ, потому что послѣднія смочены кровью); вслѣдствіе

трѣнія развивается, какъ извѣстно, теплота. Ясно, что сила напряженія крови превращается въ живую силу теплоту. Такое же тѣсное отношеніе существуетъ между давленіемъ жидкости и ея скоростью; при переходѣ жидкости въ трубку другого діаметра, высота ея давленія находится въ обратномъ отношеніи къ скорости: жидкость переходитъ въ трубку два раза шире, теряетъ свою скорость на половину, но зато на столько же повышаетъ свое давленіе; переходя же въ трубку два раза тоньше, высота давленія уменьшается, а увеличивается скорость; ясно, что въ первомъ случаѣ совершается прямой переходъ живой силы (скорости) въ силу напряженія, а въ послѣднемъ давленія въ скорость.—Теперь читателю должны быть понятны мотивы, которые побудили автора слить растительную физиологію съ физиологіею движенія, и преимущество подобнаго изложенія, позволяющее однимъ взглядомъ обнять всю физиологію.

Во главѣ перваго отдѣла поставлена кровь, какъ средоточіе всѣхъ растительныхъ актовъ въ животномъ тѣлѣ. Въ крови первое мѣсто занимаютъ: волокнина и кровяные шарики. Волокниною называютъ то бѣлковинное вещество, которое, какъ бы произвольно выдѣляется изъ стоячей крови въ видѣ рыхлаго, объемистаго сгустка. Только нѣсколько дѣтъ тому назадъ напали на слѣдъ, посредствомъ котораго удастся, кажется, найти настоящую причину выдѣленія волокнины или, что тоже самое, свертыванія крови. По изслѣдованіямъ Шмидта видно, что волокнина образуется изъ соединенія двухъ бѣлковинныхъ тѣлъ: одного, находящагося въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ (глобулинъ, фибринопластическое вещество) и другого (фибринородное вещество), раствореннаго въ кровяной жидкости. Во время соединенія этихъ тѣлъ освобождается щелочь, которая удерживаетъ въ растворѣ часть глобулина, и потомъ жидкость, изъ которой выдѣлилась волокнина, можетъ еще соединяться съ новымъ фибринороднымъ веществомъ, но въ гораздо меньшихъ пропорціяхъ, такъ что, если ее брать въ дѣло нѣсколько разъ, то она уже, по недостатку глобулина, не въ состояніи выдѣлять волокнины изъ растворовъ; это ясно показываетъ, что глобулинъ можетъ соединяться съ фибринороднымъ веществомъ въ различныхъ, но определенныхъ пропорціяхъ и что, поэтому, свертываніе крови есть актъ химическій, не имѣющій ничего общаго съ процессомъ броженія, въ которомъ малое количество фермента, напримѣръ, дрожжей, можетъ превратить огромное количество сахара въ спиртъ.—Авторъ книги не совсѣмъ вѣрно понялъ изслѣдованія Шмидта и потому смѣ-

нваетъ волокну съ фибриноиднымъ веществомъ (стр. 30); между тѣмъ, какъ свойства волокнины совершенно отличаются отъ свойствъ фибриноиднаго вещества; притомъ же авторъ думаетъ, что вопросъ: слѣдуетъ ли разсматривать дѣйствіе глобулина на фибриноидное вещество, какъ броженіе, не рѣшенъ окончательно, а читатель, между тѣмъ, видитъ, что онъ рѣшенъ Шмидтомъ въ смыслѣ отрицательномъ.

Кровяные шарики въ безчисленномъ множествѣ (въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ находится у человѣка около пяти милліоновъ) плаваютъ въ кровяной жидкости; на нихъ еще недавно смотрѣли, какъ на овальныя ячейки (большой діаметръ $\frac{1}{120}$ милліметра, малый $\frac{1}{400}$), состоящія изъ оболочкн и жидкаго, однороднаго, красноватаго содержимаго; теперь же оказывается, что они представляютъ микроскопическіе органы, съ очень сложнымъ строеніемъ; кровяные шарики лягушки состоятъ, напримѣръ, изъ ядра (твердаго тѣла), находящагося въ центрѣ; ядро окружено зернистымъ содержимымъ, отъ котораго идутъ къ окружности шарика тонкія нити; затѣмъ слѣдуетъ красная прозрачная жидкость; наконецъ окружность шарика покрыта еще узенькимъ слоемъ содержимаго; слѣдовательно, между двумя концентрическими слоями содержимаго, соединеннаго между собою нитями, находится ядро и красная жидкость; такое же сложное строеніе имѣютъ, кажется, кровяные шарики млекопитающихъ, потому что они сокращаются, подобно мышцамъ, а сокращеніе, какъ читатель знаетъ, представляетъ уже окончательный результатъ процессовъ окисленія и освобожденія живыхъ силъ, которые могутъ только развиваться въ мѣстахъ болѣе или менѣе сложно организованныхъ.—Въ разбираемой нами книгѣ не упомянуто о молекулярномъ строеніи кровяныхъ шариковъ; пропускомъ, значить, удобный случай обратить вниманіе читателя на молекулярную организацію элементарныхъ организмовъ, составляющую, безспорно, новую эру для физиологій. Правда, говорится дальше (стр. 197), что въ новѣйшее время сократительность считается даже существенною принадлежностью содержимаго животнаго клѣтокъ, но это сказано (какъ-будто мимоходомъ, безъ тѣхъ яркихъ красокъ, которыя положены на эволюціи превращеній силъ въ животномъ организмѣ.

Главное, до сихъ поръ известное, назначеніе кровяныхъ шариковъ то, что они воспринимаютъ кислородъ воздуха и разносятъ его по цѣлому организму; неизвѣстно, какъ долго одинъ и тотъ же шарикъ исполняетъ такую службу въ тѣлѣ; судя потому, что они гибнутъ милліонами, подобно полагать, что жизнь ихъ очень кратковременна. Глав-

нымъ мѣстомъ ихъ погибели считается селезенка; въ этомъ органѣ находится множество микроскопическихъ полостей, сообщающихся съ венами, въ нихъ-то и происходитъ полное разрушеніе красныхъ кровяныхъ шариковъ и образованіе изъ этихъ развалинъ многочисленныхъ продуктовъ окисленія бѣлковинныхъ веществъ. Печень представляетъ другое мѣсто, гдѣ кровяные шарики распадаются и идутъ на образованіе желчныхъ красокъ. На основаніи этого факта, а также и того, что въ селезенкѣ изъ кровяныхъ шариковъ образуется въ числѣ другихъ продуктовъ и черная краска, полагаютъ, что кровяные шарики разрушаются вездѣ, гдѣ находятся красящія начала, напримѣръ, въ почкахъ, глазу, мышцахъ и другихъ органахъ. При такомъ повсемѣстномъ разрушеніи кровяные шарики исчезли бы быстро изъ крови, если бы не заступали ихъ мѣста новыя поколѣнія, извѣстныя въ юномъ своемъ возрастѣ подъ именемъ бѣлыхъ (лимфатическихъ) шариковъ. Бѣлые шарики рождаются въ такомъ же громадномъ количествѣ, въ какомъ красные умираютъ, и мѣста ихъ развитія такъ же многочисленны, какъ и мѣста погибели ихъ преемниковъ; бѣлые шарики рождаются вездѣ, гдѣ находится соединительная ткань и такъ какъ эта ткань распространена повсемѣстно, то и развитіе ихъ совершается повсюду. Главное, однакожь, гнѣздо ихъ образованія представляютъ лимфатическія железы—тѣ самыя желваки, которые въ увеличенномъ видѣ такъ искажаютъ шею золотушныхъ. Существенное условіе образованія бѣлыхъ шариковъ состоитъ въ томъ, чтобы лимфа могла нѣкоторое время замедлить свое движеніе; это замедленіе совершается въ большихъ полостяхъ лимфатическихъ железъ и въ меньшихъ соединительной ткани, а такъ какъ въ селезенкѣ находятся такія же полости, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ ней рождается громадное количество бѣлыхъ шариковъ. Бѣлые шарики, по мѣрѣ того, какъ подвергаются дѣйствию кислорода, окрашиваются въ красный цвѣтъ и затѣмъ уже дѣлаются способными исполнять роль красныхъ шариковъ, т. е. соединяться химически съ кислородомъ, сообщать ему сильно окисляющее дѣйствіе (т. е. превращать его въ озонъ) и уступать его такъимъ тканямъ, которыя имѣютъ къ нему больше сродства, чѣмъ красные шарики.

Другія составныя части крови: минеральныя соли, жиры, сахаръ, бѣлковинныя вещества и нѣкоторые продукты ихъ окисленія не представляютъ особеннаго интереса, потому о нихъ умалчиваемъ и переходимъ къ движенію крови.

Кровь движется въ двухъ упругихъ, многообразно вѣтвящихся трубкахъ (аорта и легочная артерія), въ началѣ которыхъ (въ грудной полости) находится главный ихъ двигатель въ формѣ двухъ сократительныхъ мѣшковъ — лѣвый (лѣвое сердце) сообщается съ аортою и правый (правое сердце), изъ котораго выходитъ легочная артерія; оба мѣшка соединены въ одно неразрывное цѣлое. Аорта, приходя къ различнымъ органамъ, развѣтвляется на очень тонкія вѣтви, которыя, вмѣстѣ взятая, составляютъ такъ называемую волосную систему; отъ этой системы начинаются новые закрытые каналы (вены), которые ведутъ кровь въ правое сердце. Легочная артерія развѣтвляется исключительно въ легкихъ, откуда опять выходитъ и оканчивается въ лѣвомъ сердцѣ. Кровь движется въ этихъ трубкахъ по слѣдующему направленію: кровь алая (богатая кислородомъ) идетъ изъ лѣваго сердца къ органамъ, отдавши имъ часть кислорода, чернѣетъ и въ такомъ видѣ по венамъ поступаетъ въ правое сердце; изъ праваго сердца идетъ къ легкимъ, здѣсь воспринимаетъ въ себя (собственно красные шарики) новое количество атмосфернаго кислорода и алою возвращается въ лѣвое сердце. Изъ этого описанія видно, что движущаяся кровь описываетъ кривую, сомкнутую линію, идущую отъ лѣваго сердца черезъ тѣло, правое сердце, легкія и возвращающуюся обратно въ лѣвое сердце. Моменты, обуславливающіе движеніе крови, между которыми самую главную роль играетъ сократительная дѣятельность сердца, изложены въ учебникѣ очень ясно и съ превосходнымъ знаніемъ законовъ гидравлики. Мы не будемъ ихъ приводить, потому что цѣль нашего обозрѣнія главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобъ выяснитъ читателю общую характеристику физиологій, существенныя условія ея дальнѣйшаго развитія и такимъ образомъ подготовить его къ толковому чтенію тѣхъ подробностей, которыя находятся въ учебникѣ.

Кровь, передавая кислородъ тканямъ, исполняетъ при этомъ и другую обязанность: она воспринимаетъ оттуда газообразные продукты окисленія (угольную кислоту и азотъ) и выдѣляетъ ихъ черезъ легкія и кожу. Этотъ газовый обмѣнъ (выдача кислорода и приѣмъ угольной кислоты и азота) составляетъ сущность дыханія; главный спеціальнй органъ для дыханія — легкія — помѣщается въ подвижной, закрытой со всѣхъ сторонъ грудной клѣткѣ и представляетъ два упругихъ мѣшка, которые начинаются вѣтвистою хрящеватою трубкою и оканчиваются упругими, покрытыми снаружн мѣшками, величиною въ маковое зерно; эти пузырьки, сообщаясь между собою, образуютъ лабиринтную полость

легкихъ, которая, вмѣстѣ съ грудною кѣткою, попеременно то расширяется, то суживается; во время расширенія (вдыханіе) входитъ кислородъ воздуха и растворяется въ крови, а во время суженія (выдыханіе) выходитъ угольная кислота и азотъ. Замѣчательно, что при нормальныхъ условіяхъ входитъ столько кислорода, сколько его выходитъ въ видѣ угольной кислоты.

Дальнѣйшая задача крови заключается въ томъ, чтобы уподобленную пищу доставить всѣмъ органамъ для ихъ питанія. Спрашивается, что такое уподобленная пища и какъ она попадаетъ въ кровь? Всякая пища, поступивши въ пищеварительный каналъ, распространяющійся отъ рта до отверстія прямой кишки, подвергается дѣйствию отдѣльных жидкостей, какъ то: слюны, желудочнаго, панкреатическаго и кишечнаго соковъ; вслѣдствіе этого дѣйствія, изъ пищи образуются такія тѣла, которыя очень легко всасываются сосудами пищеварительнаго канала и поступаютъ въ кровь,—такія-то тѣла называются уподобленною пищею. Слюна превращаетъ крахмалистыя вещества въ сахаръ, желудочный сокъ, бѣлковинныя тѣла, въ растворимыя видоизмѣненія; кишечный и панкреатическій соки обладаютъ обонми свойствами: перерабатываютъ крахмалъ въ сахаръ и нерастворимыя бѣлки въ растворимыя. Жиры, подъ влияніемъ жолчи, панкреатическаго и кишечнаго соковъ, обращаются въ мельчайшія капельки или въ мыло и въ такомъ видѣ всасываются. Всѣ эти переработанные типы пищи (сахаръ, бѣлокъ и жиры), вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ солями (особенно хлористыя и фосфорныя щелочи), поступаютъ въ кровь посредствомъ процессовъ фильтраціи или гидродиффузіи; если всасываемыя вещества находятся подъ большимъ давленіемъ, чѣмъ кровь, то всасываніе происходитъ путемъ фильтраціи; если же онѣ отличаются по составу отъ жидкостей, въ которыя поступаютъ, то всасываніемъ будетъ руководить диффузія,—это значитъ, что всасываемыя вещества будутъ поступать въ кровь и изъ крови будутъ выдѣляться въ кишечный каналъ другія тѣла, и этотъ процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока количество всасываемыхъ и выдѣлившихся веществъ не будетъ одинаковое, какъ въ кишечномъ каналѣ, такъ и въ крови.

Уподобленная пища, поступивши въ кровь, подвергается, какъ сказано, окисляющему дѣйствию кислорода. Что это окисленіе имѣетъ дѣйствительно мѣсто, доказывается тѣмъ, что животное тѣло вдыхаетъ огромное количество кислорода и выдыхаетъ вмѣсто него угольную кислоту и воду, т. е. такіе продукты, которые обыкновенно развиваются при окисленіи орга-

нических соединений; дальше, артериальная кровь теряет в волосных сосудах значительную часть своего кислорода; эта потеря может быть только объяснена окислением, происходящим во всем тѣлѣ. Наконецъ мышцы, отдѣленные отъ организма и освобожденные отъ крови, всасываютъ кислородъ и отдаютъ углекислоту, что ясно показывается, что въ нихъ совершается процессъ окисления. И такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ животномъ тѣлѣ совершаются обширные окисления, но, къ сожалѣнію, физиологія находится на такой низкой степени развитія, что она не въ состояніи указать всѣхъ фазисовъ этого окисления и слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ разрушеніемъ питательныхъ веществъ подъ вліяніемъ кислорода. До сихъ поръ намъ больше извѣстны окончательные продукты этого окисления, которые выдѣляются изъ организма; между ними первое мѣсто занимаютъ газы (углекислота, азотъ), вода и мочевины; но и относительно этихъ тѣлъ трудно сказать, гдѣ онѣ образуются; углекислота и азотъ составляютъ бесспорно продукты окисления мышцъ, но они развиваются и въ другихъ органахъ; съ большою достовѣрностью можно сказать, что мочевины составляетъ главный продуктъ окисления почекъ; потому что послѣ вырѣзыванія почекъ содержаніе ея въ крови не увеличивается, что непременно должно бы имѣть мѣсто, если бы она рождалась въ другихъ органахъ. Какъ бы то ни было, сумма окончательныхъ продуктовъ, выдѣлившихся изъ организма, бываетъ равна суммѣ составныхъ частей принятой пищи, такъ что изъ организма выходитъ ежедневно столько углерода, азота, кислорода и водорода, сколько заключалось этихъ элементовъ въ пищѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ возможно сохранить постоянный составъ и весь цѣлаго организма и отдѣльныхъ его частей, потому что взрослый человѣкъ все то, что принимаетъ изъ окружающей его среды, то и отдаетъ обратно, въ другомъ только сочетаніи химическихъ элементовъ.

Вотъ вся сущность такъ называемой растительной физиологіи. Читатель видитъ, что главные ея черты обозначаются дѣйствіемъ кислорода на питательныя вещества и выдѣленіемъ изъ организма продуктовъ окисления; какъ первый, такъ и послѣдніе акты совершаются на основаніи физико-химическихъ законовъ. Перейдемъ ко второму отдѣлу.

Во второмъ отдѣлѣ доказывается сперва, что въ животномъ тѣлѣ теплота развивается, вслѣдствіе окисления питательныхъ веществъ, точно такимъ же образомъ, какъ при всякомъ горѣніи. Каждому извѣстно, что температура тѣла у теплокровныхъ животныхъ остается

при нормальныхъ условіяхъ, всегда постоянно; понятно, что такое явление можетъ обуславливаться лишь тѣмъ, что животное тѣло въ данное время развиваетъ столько теплоты, сколько ее теряетъ. Если измѣрить посредствомъ калориметра всѣ тепловые потери тѣла въ известное время и, по выдѣлившимся продуктамъ, опредѣлить, сколько питательнаго матеріала окислилось, то, зная изъ физики количество теплоты, развиваемой питательными веществами при сгораніи внѣ организма, можно убѣдиться, что потеря организмомъ теплоты приблизительно равняется теплотѣ, развивающейся изъ силы напряженія питательныхъ веществъ, а это несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что животная теплота обязана своимъ происхожденіемъ процессу окисленія въ тѣлѣ. По вычисленію Гельмгольца, въ человѣкѣ развивается въ теченіе двадцати четырехъ часовъ два съ половиною милліона тепловыхъ единицъ и столько же теряется на согрѣваніе пищи, питья, выдыхаемаго и окружающаго насъ воздуха.

Затѣмъ приводятся доказательства въ пользу того интереснаго факта, что теплота переходитъ въ организмѣ въ механическую, силу, т. е. въ мышечное движеніе. Изъ этихъ доказательствъ я приведу легко понятное наблюденіе Бекляра. Этотъ ученый привязывалъ къ плечу термометръ, и руку вмѣстѣ съ известною тяжестью постепенно поднималъ вверхъ, или же держалъ ее неподвижно на одной и той же высотѣ. Оказалось, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ температура мышцъ плеча, сравнительно съ температурою покоящихся членовъ, повышалась, но при послѣднемъ условіи больше, чѣмъ при первомъ. Такъ какъ между дѣятельностью руки въ эти два момента вся разница заключается въ томъ, что одинъ разъ рукапроизводила движеніе, другой разъ вѣтъ, то понятно, что меньшая температура въ первомъ случаѣ зависитъ отъ потери теплоты на мышечное сокращеніе.

Во всемъ до сихъ поръ сказанномъ читатель не можетъ не замѣтить господство одного и того же физическаго превращенія силъ: организму дается извнѣ опредѣленное количество запасной силы въ видѣ пищи и кислорода, онъ это превращаетъ въ соответственное количество цѣлыхъ силъ, и этотъ переходъ совершается тѣмъ быстрее, чѣмъ больше онъ усиливаетъ свою дѣятельность. Читатель, вѣроятно, уже на столько заинтересовался чисто-механическимъ взглядомъ на человѣческую жизнь, что онъ бы хотѣлъ имѣть еще болѣе доказательствъ прочности и положительности такого воззрѣнія. Мы удовлетворили его любезнатель-

ность и приведемъ вкратцѣ еще одинъ примѣръ воплощенія въ организмѣ закона превращенія силъ; мы думаемъ о мышечной ткани, точное изслѣдованіе дѣятельности которой было первою исходною точкою постепеннаго водворенія въ физиологій механическихъ законовъ. Мышечная ткань представляетъ параллельные ряды микроскопическихъ трубокъ, наполненныхъ жидкими бѣлковинными веществами, изъ которыхъ каждое свертывается при другихъ условіяхъ. Въ этихъ же трубкахъ находится кислородъ, но неизвѣстно въ соединеніи съ какимъ тѣломъ; достоверно только то, что это соединеніе прочтѣ существующаго въ кровяныхъ шарикахъ. Бѣлковинныя вещества, окисляясь подѣ вліаніемъ кислорода, распадаются на двѣ группы тѣлъ: безазотныя и азотныя; къ первымъ принадлежатъ: сахаръ, угольная и молочная кислоты; къ послѣднимъ креатинъ, креатининъ, азотъ и нѣкоторыя другія. Вслѣдствіе этого окисленія должны развиваться живыя силы, и дѣйствительно, въ мышцахъ развиваются теплота и электричество. Что въ покоящихся мышцахъ существуютъ электрическіе токи, въ этомъ легко убѣдиться на всякомъ чувствительномъ мультипликаторѣ; что въ нихъ рождается теплота, это видно изъ того, что она образуется повсюду въ организмѣ, слѣдовательно и въ мѣстахъ (до сихъ поръ еще неопредѣлено: теплѣ ли кровь вытекающая изъ мышцъ, чѣмъ притекающая). Когда мышца изъ покоя переходитъ въ дѣятельное состояніе, т. е. начинаегъ сокращаться, въ ней увеличивается количество окисленныхъ продуктовъ и, соотвѣтственно этому, количество теплоты и электричества; часть этихъ силъ переходитъ въ мышечное сокращеніе (механическую силу, т. е. силу, могущую производить работу), которое въ свою очередь переходитъ въ теплоту. Послѣ усиленной дѣятельности мышца начинаетъ уставать, — способность сокращаться на нѣкоторое время въ ней понижается. Эта усталость происходитъ, вѣроятно все-го, отъ того, что часть содержаемаго мышечныхъ трубокъ, называемая миозиномъ, ствароживается, вслѣдствіе чего окисленіе происходитъ труднѣе, живыхъ силъ развивается менѣе и переходъ ихъ въ мышечное движеніе совершается слабѣе. Когда все бѣлковинныя вещества мышечной трубки или только все количество миозина ствароживается, тогда прекращается нормальное окисленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе животныхъ силъ; мышца становится непрозрачнѣе, короче и толще или, какъ выражаются физиологи, окоченѣваетъ; однакожъ, такую мышцу возможно еще воскресить и возвратитъ ей способность сокращаться, дѣйствуя на нее реагентами, растворяющими ствароженныя

бѣлковинныя вещества, между которыми первое мѣсто занимаютъ поваренная соль и кровь.

Читатель, сличая нашъ разсказъ о дѣятельности мышечной ткани съ изложеннымъ гораздо обширнѣе въ разбираемомъ нами учебникѣ, найдетъ между ними нѣкоторое различіе, которое объясняется тѣмъ, что Г. Съченовъ не придавалъ надлежащаго значенія работѣ Мейснера объ увеличеніи электричества въ дѣятельной мышцѣ, придерживаясь противоположнаго мнѣнія дю-Буа-Реймона; не принявъ въ уваженіе изслѣдованія Шумовскаго о мышечныхъ газахъ и не зная еще работы Прейера о возобновленіи дѣятельности окоченѣвшихъ мышцъ.

Прочитавши наши замѣтки, читатель долженъ усвоить себѣ то твердое убѣжденіе, что въ дѣятельности животнаго организма, въ его жизни совершается непрерывный взаимный обмѣнъ силъ, которыя встрѣчаются въ природѣ, и такъ какъ всякая сила проявляется всегда движеніемъ, значить, движенія, извѣстнымъ образомъ комбинированныя, обуславливаютъ жизнь животнаго. Физиологи недавно только выработали всѣ факты, доказывающіе справедливость этого убѣжденія, и потому не удивительно, что они не успѣли примѣнить его ко всѣмъ отдѣльнымъ органамъ; современная физиологія, занимается именно разработкою отправленія органовъ на основаніи закона превращенія силъ; доказавши, сколько каждый органъ истрчиваетъ питательныхъ веществъ и кислорода въ одну единицу времени, сколько образуется въ немъ продуктовъ окисленія и живыхъ силъ и сколько переходныхъ формъ, въ которыхъ проявляются живыя силы, она окончательна сольется съ химією и физикою. Трудно сказать, когда кончится этотъ исполинскій трудъ, за то можно ручаться, что физиологи не совратятся съ назначеннаго пути.

Оканчивая разборъ, еще разъ повторяемъ, что учебникъ Г. Съченова очень хорошъ; для полноты его не достаетъ описанія химическихъ методовъ изслѣдованія всѣхъ продуктовъ окисленія, въ такомъ же краткомъ видѣ, въ какомъ изложенъ физическій способъ опредѣленія дѣятельности органовъ; желательно было бы также видѣть рефераты нѣкоторыхъ физиологическихъ работъ, сдѣланныхъ въ Россіи, изъ которыхъ однѣ пополняютъ кое-какіе пробѣлы въ учебникѣ (напр. на стр. 83 сказано, что въ отдѣльныхъ органахъ окончаніе нервовъ неизвѣстно и не упомянуто о работѣ Михіювскаго, занимавшагося изученіемъ этихъ окончаній), другія находятся въ противорѣчій съ изложенными въ немъ мнѣніями (напр. статья Березина о пульсомѣрѣ Марей), а третія

объясняютъ полнѣе дѣятельность нѣкоторыхъ органовъ. Наконецъ не мѣшало бы исправить въ учебникѣ нѣкоторыя неточности, между которыми особенно бросается въ глаза одна (стр. 65), что будто бы въ продолговатомъ мозгу находится ограниченное мѣсто, съ разрушеніемъ котораго мгновенно, уничтожается дыхательное движеніе и происходитъ смерть. Редакторъ, дѣлая многочисленныя опыты съ продолговатымъ мозгомъ, вѣроятно самъ замѣтилъ, что въ немъ нѣтъ такого ограниченаго мѣста, отъ котораго бы зависѣла мгновенная смерть; притомъ же и опыты Броунъ—лекаря показываютъ, что послѣ осторожнаго удаленія жизненнаго узла Флурана, животное можетъ жить нѣсколько дней.

Книга Жуванселя принадлежитъ къ разряду тѣхъ шарлатанскихъ издѣлій, которыя прямо рассчитываютъ на глупость и неосторожность большинства неопытной публики. вмѣсто заглавія: «Начала міра» эту книгу совершенно безобидно можно было бы назвать: «нѣтъ болѣе геморроя!» или «нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ!» Такой литературный проходимецъ, какъ Дебъ, написавшій «Физиологію брака,» переведенную нашей издательской толкучкой на русскій языкъ, гораздо добросовѣстнѣе Жуванселя. Первый не прикрываетъ своего шарлатанства ученымъ винегретомъ, а выставляетъ его прямо безъ всякихъ прикрасъ и приманокъ. «Я-де, почтенная публика, одинъ изъ тѣхъ фокусниковъ, которые выѣзжаютъ на площадь въ дурацкомъ колпакѣ, съ раскрашенной физиономіей, и предлагаютъ толпѣ ротозѣевъ разныя художества, въ родѣ составленія элексира для рошенія волосъ на плѣшивой головѣ или истребленія морщинъ на лицѣ старыхъ дѣвъ.—Такъ меня и знайте за такого господина!» Но Жувансель поступаетъ иначе; онъ не показываетъ ни дурацкаго колпака, ни раскрашенной физиономіи, а прикидывается очень серьезнымъ мужемъ науки и ловить рыбку въ мутной водѣ наисолиднѣйшимъ манеромъ. Поэтому и критика, и читающая публика должны вести себя гораздо осмотрительнѣе въ отношеніи такихъ писакъ, какъ Жувансель. Повидимому, онъ самъ боялся этой осмотрительности со стороны своихъ читателей, и потому предназначилъ свое сочиненіе преимущественно для женщинъ и для людей, совершенно незнакомыхъ съ предметомъ, о которомъ онъ взялся трактовать. Оговорившись по пословицѣ: «на Сенькѣ шапка горитъ,» Жувансель уже не стѣсняется ничѣмъ и вмѣсто «Начала міра» пишетъ такую нелѣпость, съ какою не сравнится ни одна Шехерезада въ мірѣ. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, авторъ возымѣлъ намѣреніе пофилософствовать,

и философствуетъ онъ куда какъ чище нашего Косицы. Главнѣе всего Жувансель рекомендуетъ больше вѣровать въ научныя истины, чѣмъ заниматься ихъ анализомъ и изслѣдованіемъ. Только посредствомъ слѣпото вѣрованія, по мнѣнію автора, «человѣчество можетъ двигаться впередъ». И тутъ же и тотъ же самый Жувансель общается познать насъ съ послѣдними выводами науки и сообщить «вполнѣ точныя понятія». А чтобы видѣть, какъ онъ распоряжается съ послѣдними выводами науки и съ точными понятіями, достаточно прочесть его размышленія о «безконечномъ, матеріи, силѣ.» Все, что выработала метафизика самого безтолковаго, туманнаго, все это собрано здѣсь въ одинъ букетъ, въ нѣчто такое трансцендентальное и объективное, чѣмъ не побрезговалъ бы и самъ г. Аскоченскій.

Нельзя не поблагодарить гг. переводчиковъ «Началъ міра» Жуванселя. Они, съ своей стороны, сдѣлали все, что можно сдѣлать для того, чтобы еще больше обезобразить и безъ того безобразное сочиненіе; такъ что иногда не догадываешься, кто кого искажаетъ—авторъ переводчиковъ или переводчики автора. Такъ, на стр. 259 они изобрѣли какую-то «химическую воду,» а на стр. 190 французское выраженіе: *il a une odeur d'ail* переведено такъ: *имѣть несносный запахъ!* Однимъ словомъ, я очень радъ, что Жувансель и Деба нашли по себѣ русскихъ переводчиковъ, а переводчики отыскиали для себя соответственныхъ авторовъ. Это значитъ вполнѣ угодить другъ другу.

Но если Жувансель—писатель по преимуществу *женскій*, то авторъ Практическаго словаря безусловно писатель *сальтскій*. Его «Леговскій курсъ философіи и морали» исключительно посвящается свѣтскимъ людямъ (я даже думаю — великосвѣтскимъ), потому что, судя по нелѣпѣйшему правописанію и полнѣйшему незнанію русской грамматики, авторъ имѣлъ въ виду польстить, что называется, «сливкамъ общества.» И что это за интересная личность — самъ авторъ! Изъ предисловія мы узнаемъ, что онъ «окончилъ курсъ наукъ и съ жаждою сталъ посѣщать свѣтъ.» Но каковъ былъ его ужасъ и каково разочарованіе, когда онъ «не пашель ни одного пракческаго подтвержденія всему тому, чему его учили теоретически.» И вотъ, не отыскавъ, чего искалъ, началъ онъ кручиниться о суетѣ свѣта, и такъ закручинился, что наконецъ рѣшился бѣжать людей; но по дорогѣ въ Бѣловѣжскую пустынь, гдѣ онъ нахренъ былъ раздѣлять свою кручину съ послѣдними зубрами, къ счастью попалась ему книжка одного французскаго отшельника, также разочарованнаго свѣтомъ, и

нашъ Манфредъ принялся за составленіе «легонькаго курса философіи и морали.» У французскаго отшельника онъ взялъ идею, планъ и философскую мудрость, но остроуміе, я предполагаю, все цѣликомъ принадлежитъ нашему соотечественнику; — говорю «предполагаю» потому, что не оговорено и не видно, что именно прибавлено и дополнено самимъ авторомъ «легонькаго курса» и что измышленно французскимъ отшельникомъ. Есть однако нѣкоторая мѣрка, по которой можно прямо сказать, что вотъ это и это съостроумилъ самъ г. «Не — свѣтскій (это псевдонимъ автора, хотѣвшаго дать тягу отъ свѣта въ Бѣловѣжскую пустынь). Такъ, на примѣръ, подъ буквою Б. читаемъ: «Барышня. Существо женскаго пола — незамужняя. Этотъ остроумный афоризмъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ не французскому отшельнику, а нашему собственному. А отгадайте, читатель, какъ можно съострить на слово: Горничная? Вотъ и не знаете! Но стоитъ вамъ только заплатить одинъ рубль г. Не — свѣтскому за его легонькй курсъ философіи и морали и вы надорветесь со смѣху надъ слѣдующей остротой: «Горничная.» — «Предмѣтъ первыхъ ощущеній мужественности.» «Зять.» «Человѣкъ, про котораго принято предполагать: что онъ любить зять.» «Самоваръ.» «Человѣкъ легко разгорячивающійся» (правописанія и грамматики держусь авторскихъ). «Прусаки.» «Уважаемая нація въ Европѣ, и ненавистное насѣкомое въ Россіи.» И много другихъ подобныхъ остротъ, принадлежащихъ нашему самородному генію. А все-таки жаль, что разочарованный г. Не — свѣтскій не удалился въ Бѣловѣжскую пустынь; тамъ онъ, навѣрное, не написалъ бы такой ерунды, какую теперь подносить великосвѣтскому міру.

Въ то время, когда старая Европа только мечтаетъ объ эманципаціи женщины, рѣшая этотъ вопросъ теоретически, Америка давно поставила его на практическую точку и въ самой жизни осуществила то, о чемъ мы, люди другаго полушарія, едва смѣемъ думать. Недавно въ Бостонѣ происходило великолѣпное зрѣлище: семь тысячъ Американокъ, со всѣхъ концовъ и отъ всѣхъ сословій, собрались въ одну залу, составили митингъ и предложили на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: «можетъ ли женщина, на равныхъ правахъ съ мужчиной, пользоваться участіемъ въ политическихъ дѣлахъ республики и быть представительницею народной воли?» Почти единодушнымъ мнѣніемъ отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно. Мистриссъ Говардъ, одна изъ замѣчатель-

ныхъ натуралистовъ Америки, произнесла рѣчь, въ которой, между прочимъ, была выражена такая мысль: «наши предки такъ много принесли съ собой разныхъ предразсудковъ изъ аристократической Европы и такъ долго жили подъ вліяніемъ этихъ предразсудковъ, что на самыя простыя и естественныя человѣческія отношенія мы еще до сихъ поръ смотримъ съ непонятною робостію, и сомнѣваемся въ томъ, что совершенно ясно для ума, неопутаннаго предубѣжденіями. Независимость американки и свободная дѣятельность ея вытекаютъ изъ основныхъ учреждений республики, и никто не станетъ спорить, что каждая изъ насъ можетъ располагать собой вполне самостоятельно. Вы, конечно, помните еще трагическую исторію той бѣдной миссъ, которую корыстолюбивый отецъ хотѣлъ насильно выдать замужъ за богатаго плантатора и которая предпочла убѣжать съ работъ того же плантатора въ Канаду. Она поступила совершенно законно, и судъ и общественное мнѣніе обвинили не ее, а стараго деспота, отца ея. Подобныя исторіи повторяются часто, и каждый разъ чувство свободного народа сильно оскорбляется всякимъ покушеніемъ родителей на независимость ихъ дѣтей. Но если женщина завоевала себѣ самостоятельное положеніе въ семействѣ, то значить она пріобрѣла полное и безусловное право располагать собою свободно во всѣхъ другихъ случаяхъ общественной жизни. Такъ это было всегда и вездѣ. А потому было бы довольно странно думать, что американка не имѣетъ права участвовать въ политической жизни своей страны и представлять собою народную волю. Если это право плохо принимается на дѣлѣ, то мѣшаетъ этому вовсе не общественное положеніе женщины, а тѣ пошлыя предразсудки, которые связываютъ насъ на каждомъ шагѣ нашей дѣятельности. Еще недавно, какихъ нибудь лѣтъ двадцать, молодая лѣди не могла показаться въ публикѣ съ хирургическими инструментами, чтобы не заговорили вокругъ нея: *shocking, o! very shocking!* Но въ какомъ же темномъ захолустѣ Америки теперь нашлись бы такіе чудаки, которые стали бы удивляться женщинѣ-медику или профессору анатоміи? Напротивъ, теперь была бы смѣшна та американская миссъ, которая, получивъ порядочное воспитаніе, не знала бы естественныхъ наукъ и не умѣла бы разсказать элементарныхъ началъ человѣческаго организма... Нѣтъ сомнѣнія, что мы разчищаемъ себѣ дорогу въ будущемъ съ удивительной энергіей, едва понятной для старой Европы, но будемъ справедливы къ себѣ и сознаемся, что полная эманципація женщины еще далека отъ насъ, и далека именно по-

тому, что въ нашихъ понятіяхъ о семействѣ есть много такихъ негѣпостей, которыя могла бы позавидовать сама Англія или Турція и которыя тѣмъ вредяте, что ихъ покрываетъ своей силой свободное мнѣніе дѣлаго народа. Поэтому я убѣждена, что пока мы не сокрушимъ нашихъ семейныхъ предрасудковъ, участіе наше въ политическихъ дѣлахъ Америки будетъ только похвальной мечтой, а мечтать такому народу, какъ Американцамъ, болѣе чѣмъ глупо.»

Мы надѣялись, что г. Колачекъ, заговаривъ о положеніи женщины въ Америкѣ, укажетъ именно на тѣ стороны своего предмета, которыя особенно интересуютъ всякаго образованнаго читателя; мы думали, что онъ, какъ защитникъ женской эманципаціи, не ограничится, подобно русскимъ либераламъ и филлстерамъ, одними пѣжными вздохами надъ судьбою женщины, одними праздными пожеланіями ей гражданской равноправности, а скажетъ что нибудь новое и дѣльное. Но увы! г. Колачекъ изъ числа тѣхъ, на одинъ манеръ отшлифованныхъ либераловъ, которые во что бы то ни стало должны хвалить все, что, по ихъ мнѣнію, очень либерально. И какъ обыкновенно бываетъ съ этими господами, они не разбираютъ, что можно похвалить и чего нельзя, что дѣйствительно хорошо и что дѣйствительно дурно. Хвалидо смерти! предписываетъ имъ либеральный ихъ культъ, и они дѣйствительно готовы захвалить до смерти. Г. Колачекъ такъ и поступилъ съ американками. Онъ возвелъ ихъ на такую высоту совершенства, что пѣтъ той человѣческой негѣпости, которая не казалась бы ему квинтъ-эссенціей позвѣи. Такъ, напримѣръ, сами американцы жалуются на натянутость и пуританское лицемеріе отношеній мужчины къ женщинѣ, въ самыхъ обновенныхъ случаяхъ жизни, а г. Колачекъ находитъ, что это превосходно. Онъ находитъ достойнымъ похвалы и то, что у американскихъ джентльменовъ выработана особенная, условная интонація голоса для дамскаго общества, такъ что настоящій джентльмень никакъ не долженъ говорить въ присутствіи дамъ своимъ натуральнымъ голосомъ. Г. Колачекъ находитъ достойнымъ одобренія и слѣдующее привилію, существовавшее въ штатѣ Калькутта: «никто, подъ опасеніемъ штрафа въ пять фунтовъ, не имѣетъ права говорить о своей любви дѣвухкѣ, не сказавъ объ этомъ сперва ея родителямъ.» Такъ и это хорошо, по вашему, г. Колачекъ? Но вашему, можетъ быть, хорошо и то, что одинъ джентльмень, получивъ презрительный взглядъ леди, которая наказала его этимъ взглядомъ за то, что онъ не бросился съ берега спасать ее утопающую, — самъ кинулся въ рѣку и

утопулъ отъ стыда и позора? Такаго рыцарскихъ дурачествъ даже не случалось съ настоящими рыцарями, жившими во времена Донъ-Кихота. Или можетъ быть, вы, какъ туристъ, иногда заговариваетесь до такихъ штукъ, что, если поверить имъ, то умъ за разумъ зайдетъ. А умъ какъ занимательно разсуждаетъ г. Колаченъ о граціи американокъ, такъ это и уму непостижимо. А между тѣмъ книжка г. Колачена выходитъ въ общемъ тогѣ очень либеральная, и еслибъ авторъ ея умѣлъ отличить салыный отарокъ отъ куска мармеладу, то онъ написалъ бы очень хорошую вещь.

Но въ томъ-то и состоитъ настоящее филистерство, что оно боится всего, что выходитъ за границы либеральнаго культа, что нарушаетъ привычки однихъ разъ и навсегда зазубреннаго мнѣнія. Если вы отступите отъ этого мнѣнія, хоть въ вопросѣ о цвѣтныхъ племенахъ, то даже «Искра» съ своимъ грошовымъ обличіемъ, похожимъ на выдохшіеся кислымъ щи, не преминетъ замѣтить, что это не либерально. Оно и дѣйствительно не либерально въ смыслѣ всѣхъ либеральныхъ городничихъ, но есть много такихъ горькихъ истинъ, къ которымъ надо относиться прямо, и чѣмъ прямѣе онѣ высказываются, тѣмъ ближе становится человѣкъ не только къ пониманію оскружающаго его зла, но и къ уничтоженію его источника.

ОТШЕЛЬНИЦА.

(La Religieuse, par l'abbé X. Paris. 1864).

«Католицизмъ можно спасти только уничтоженіемъ его», сказалъ Ламне, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и сильныхъ защитниковъ клерикальной партіи, какимъ онъ былъ въ началѣ своей политической карьеры. Къ этому убѣжденію теперь пришли не только враги, но и друзья католическаго культа. Авторъ «Отшельницы» принадлежитъ къ числу друзей, вѣрующахъ въ возможность перерожденія католической церкви посредствомъ реформъ, идеалъ которыхъ онъ начерталъ въ своемъ первомъ произведеніи: «Проглятый» (Le Maudit)*).

*) Съ характеромъ и содержаніемъ этого сочиненія мы познакомили нашихъ читателей въ январской книжкѣ «Русскаго Слова».

Но мы убѣждены, что самъ авторъ считаетъ свой идеаль несбыточнымъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно читать между строками его книги. Онъ чувствуетъ, что предлагаемая имъ операція для излеченія больного такъ опасна, что больной можетъ умереть подъ ножомъ, и слѣдовательно никогда не выздоровѣть. Точно такое же впечатлѣніе производитъ на читателя и новое сочиненіе аббата X: «La Religieuse», которое служитъ естественнымъ продолженіемъ романа: «Le Maudit». Одно описывало учрежденіе папской власти въ ея мужскомъ составѣ, а другое представляетъ намъ ея женскій персоналъ. Оба они взаимно дополняютъ одно другое и даютъ намъ удовлетворительное понятіе о католицизмѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ исповѣдуются во Франціи. Картина, представляемая въ нихъ, вѣрна; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Это не произведеніе какого нибудь профана, не посвященнаго въ таинства вѣрической партіи, а произведеніе лица духовнаго, проникшаго въ самыя тайники католицизма и даже оставшагося ему вѣрнымъ; это произведеніе друга, который, съ прискорбіемъ сознавая зло, выставляетъ его только съ одной внѣшней стороны и даже набрасываетъ покрывало на злоупотребленія черезъ-чуръ вопіющія. Авторъ могъ бы раскрыть передъ нами преступленія, подобныя тѣмъ, какими оглашаются наши трибуналы; онъ могъ бы разоблачить тайные скандалы, которые передаются изъ устъ въ уста шопотомъ; но онъ этого не сдѣлалъ; онъ строго рѣшился быть воздержнымъ въ своемъ разсказѣ, потому что хотѣлъ лечить, а не наказывать; преобразовывать, а не карать. Едва только онъ снимаетъ грязныя тряпки, которыми покрывается вонючая рана, какъ уже спѣшитъ покрыть ее вновь свѣжимъ корпиемъ и обвязать чистыми биндами.

И такъ, новый романъ аббата даетъ намъ возможность быть безпристрастными судьями въ дѣлѣ, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь. Авторъ его не старается озадачить насъ изображеніемъ чрезвычайныхъ и неожиданныхъ явленій; онъ описываетъ не случайныя и исключительныя событія, а обыкновенныя. Его сочиненіе проникнуто духомъ примиренія; оно ходатайствуетъ въ пользу возрожденія католицизма; и если, въ глазахъ нашей совѣсти, ходатайство этого защитника превращается въ обвинительный актъ генеральнаго прокурора, то въ этомъ, конечно, виноватъ не *адвокатъ*, а самое дѣло, защищаемое имъ.

Новый разсказъ начинается съ того самаго мѣста, гдѣ оканчива-

лась исторія *Проклятого*, передъ охладѣвшимъ трупомъ Джуліо, который выставленъ, какъ предвозвѣстникъ новой религіи, какъ герой и мученикъ новѣйшаго католицизма: Одинъ ученикъ *Проклятого*, Луберъ, аббатъ, которому запрещено отправленіе богослуженія, озабоченный лучомъ вѣры, клянется продолжать трудную роль Іоанна Гусса XIX столѣтія; но чтобы наказать себя за нагбреніе, какой оный возымѣлъ однажды, застрѣлится въ кабинетѣ тулузскаго архіепископа, оный осуждаетъ себя на отлученіе отъ церкви и остается затѣтымъ священникомъ.

Первымъ его дѣйствіемъ было похоронить трупъ Джуліо на вершинѣ Мериса. Такъ какъ церковь отказала въ христіанскомъ погребеніи тому, кого она провала «Проклятымъ», то дружба и личная признательность воздвигли этому человѣку памятникъ белѣ твердый на одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ Пиренеевъ. И Джуліо былъ похороненъ, какъ мірянинъ.

Сестра Тереза была любовницею Лубера; подобно ему, она испытывала угрызенія совѣсти и отчаяніе, и была спасена только добродушными словами Джуліо. Она надала кля за гробомъ. Поднявшись на Мерисъ она не считала страшнымъ, а отсутствіемъ съ него ей казалось шуткой. Но она осталась на вершѣ слишкомъ долго, подобно Луберу; и оный и она на возвратномъ пути застигнуты были туманомъ, который, поднявшись съ долинъ, покрылъ собою сѣвѣнныя покатоствы горъ. Это довольно обыкновенное явленіе на Пиренеехъ; притомъ здѣсь оно оказалось нужнымъ для приданія интереса роману. Необходимо было, чтобы Луберъ спасъ Терезу съ опасностью собственной жизни; чтобы повелъ свою спутницу по скользкимъ покатоствамъ горъ, мимо пропастей; и чтобы послѣ безчисленныхъ трудовъ оный достигъ съ нею уединенной, заброшенной хижины, гдѣ она, тотчасъ же по прибытіи, безъ чувствъ упала на солому. Луберъ ухаживалъ за нею, какъ нѣжная мать, и ему удалось снова возвратити ей жизнь...

«Сонъ смежилъ вѣки отнѣльницы. Въ эту минуту хижина представляла странное зрѣлище: молодая женщина лежала спящею на грубой, достатой кровати, покрытой соломою; близъ очага, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ блѣдный мужчина, смотрѣвшій съ любовью на эту женщину, которая составляла исключительный предметъ его мыслей. Конечно, ничто не могло быть чище той нѣжной заботливости, какую оный выказывалъ въ отношеніи къ Терезѣ, ли-

щенной всякаго чувства жизни. Отецъ не могъ бы цѣловать свою дочь съ любовью, болѣе почтительною, чѣмъ та, съ какою молодой аббатъ прикоснулся къ устамъ своей подруги, желая нѣкотораго рода магнетизаціею вдохнуть въ ея охладѣвшее тѣло свою собственную теплоту. Но этотъ аббатъ былъ мужчина, а для каждаго мужчины въ прикосновеніи къ женщинѣ заключается могущественная сила любви. Луберъ не думалъ о страшныхъ послѣдствіяхъ, какия должны были произойти отъ средства, къ которому онъ прибѣгъ. Рана, плохо зажившая въ его сердцѣ, внезапно раскрылась снова. Религія, обѣты, торжественныя обязательства, энергическія рѣшенія воли—есть на свѣтѣ вещи, которыя могущественнѣе васъ: это—природа, взаимное влеченіе двухъ душъ, взаимная симпатія двухъ сердецъ!..

«Опасныя воспоминанія того прошедшаго, которыя были только сновидѣніемъ въ жизни этого человѣка, представились ему снова со всею своею силою. Онъ вспомнилъ равнину Лиса и единственныя радости, которыя онъ имѣлъ на этомъ свѣтѣ, гдѣ существованіе его было бурно и печально.—Онъ противустоялъ всякаго рода соблазнамъ, какіе только можетъ представить Парижъ. Его постоянно поддерживала одна мысль. Онъ сохранилъ сердечную вѣрность къ этой дѣвушкѣ, родившейся среди горъ, и которая дала ему почувствовать счастье любви.

«Мысли бушевали въ душѣ Лубера; здѣсь было обожаемое имъ существо... Онъ думалъ, что Тереза,—отшельница скорѣе изъ самопожертвованія, чѣмъ по свободному выбору,—скажетъ ему: я твоя на всегда!—Все говорило ему это: сердце, уединеніе, раздраженіе отъ долгихъ, безсонныхъ ночей, увеличивающее вдвое силу привязанностей въ ущербъ ясному пониманію вещей, вѣчный законъ, начертанный слова: они оба соединятся въ одно существо.

«Луберъ поднялся съ полу у очага и бросился къ обожаемой Терезѣ.

«Хоть въ послѣдній разъ насладиться счастьемъ! сказалъ онъ себѣ въ ту минуту, когда уже не могъ владѣть собой.

«Тереза простирала руки къ своему другу.

«Нѣтъ, сказалъ онъ, это счастье стоило бы слишкомъ много угрызений совѣсти! И это внутреннее движеніе остановило Лубера въ самую рѣшительную минуту его увлеченія...

Луберъ возвратился въ Парижъ. Онъ обдумалъ свое положеніе. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, бросилось ему въ глазу существованіе одной,

очень могущественной секты, нѣчто въ родѣ отдѣльнаго маленькаго міра, который однако кажется громаднымъ міромъ, потому что кричатъ громко и кричатъ постоянно, провозглашая съ подмостковъ теократическія бредни Юсіа де-Местра. Эта секта хотѣла-бы забрать въ руки всю папскую власть и уже совершила три четверти своего дѣла; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она хотѣла бы, чтобъ папская власть поглотила всѣ нравственныя и матеріальныя силы человечества. Это лягушка, раздувающаяся въ быка. Говорятъ, что предводитель этой секты, герой современнаго католицизма, — журналистъ Фало (Falot), котораго не должно смѣшивать съ журналистомъ Велье.

Секта дрожитъ предъ этимъ человѣкомъ, главные епископы дрожатъ предъ Фало, все епископство дрожитъ предъ своими главными начальниками, а низшее духовенство дрожитъ предъ епископами. Но главнѣйшіе двигатели этой партіи состоятъ изъ стаи янычарей, этихъ мелкихъ монаховъ, неразвитыхъ до отупѣнія и слѣпо преданныхъ предписаніямъ высшей католической іерархіи. Съ такими людьми не трудно вести стадо, куда только заблагоразсудится господину Фало.

«Отнимите у насъ нѣсколькихъ аббатовъ, у которыхъ сохранилось еще чувство уваженія къ своему посту,—и останутся только непріязненныя личности или бездѣятельная масса. Эта бездѣятельная масса — народъ, идущій въ Notre-Dame, какъ въ Ази онъ идетъ въ минареты, какъ онъ пошелъ бы въ храмъ идоловъ, если-бы какой-нибудь громадный поворотъ цивилизаціи возвратилъ его ко времени древняго язычества или фетишизма.

«Въ наше время есть только одна сила — пресса, т. е. журналистика. Она производитъ на свѣтѣ такое же дѣйствіе, какъ артеріальная кровь въ тѣлѣ, поддерживающая безпрерывно нашу жизнь. Католическая партія поняла это и при помощи журнализма и подкупленныхъ газетныхъ листовъ, сдѣлалась владычицей надъ всѣмъ, надъ папою и епископами. Здѣсь произошла перемѣна ролей. Вотъ, напримеръ, человѣкъ — Фало, Рапиль или кто другой, все равно, самъ по себѣ никѣмъ незнаемый, вдохновленный единственно логикой идей, признанныхъ сектою, имѣетъ входъ во всѣ дворцы епископовъ, даже въ самый Ватиканъ; размазывая эти идейки въ нѣсколькихъ журнальныхъ столбцахъ, болѣе или менѣе скверно написанныхъ, только силою своего принципа или при помощи постояннаго восхваленія го, онъ возлагаетъ на насъ обязанность примѣнять къ дѣлу свои

невозможныя теоріи и слѣдовать по тому пути, который ведетъ къ радикальному уничтоженію католицизма.

Вотъ въ этой-то сѣтѣ применилъ и Луберъ. Въ то время, какъ онъ устранился въ Парижъ, сестра Тереза предпринимала путешествія по женскимъ монастырямъ. Послѣ своего бѣгства изъ Ліера, она подвергалась постояннымъ преслѣдованіямъ настоятельницы, раздраженной несчастнымъ исходомъ своей любви. Последняя скоро выгнала бы изъ монастыря молодую монахиню, если бы не затруднялась возвратить ей ту сумму денегъ, которую она внесла при поступленіи своемъ въ общество отшельницъ. Это изгнаніе не замедлило, однако, совершиться въ тотъ самый день, когда Тереза, обольщенная обѣщаніями настоятельницы Монъ-Кармеля, предоставила все свое приданое въ пользу монастыря св. Агаты.

«Участь моя была скоро рѣшена. Оставшіяся у меня деньги составляли довольно хорошее приданое для кармелитки *... Мать Аглая оставила у себя ту часть денегъ, которую я внесла при поступленіи моемъ въ монастырь, и всѣми силами старалась отъ меня отдѣлаться. Все шло какъ нельзя лучше. Однакожъ эта ханжа сѣумѣла притвориться необычайно растроганною, когда я съ ней прощалась. Она увѣряла меня въ своей непоколебимой привязанности. Сестра Мадлена, эта маленькая змѣя, даже обняла меня. Она торжествовала.

«Какъ мы счастливы, что пристроили тебя въ Кармель! сказала она, не будучи въ состояніи скрыть своей радости при мысли о томъ, что меня выгнали изъ ихъ общины.

«... Когда я сняла рясу отшельницы, когда сдѣланы были всѣ распоряженія касательно моего отъѣзда, я сошла внизъ, въ приемную, гдѣ ждала меня мать Пюденція. Она была одна; неодолимый страхъ овладѣлъ мною, когда приблизилось ко мнѣ это длинное привидѣніе, одѣтое въ черные покровы. Она подняла вуаль и, взявъ меня за руку, благословила меня. Я съ изумленіемъ глядѣла на ея строго-официальную одежду. Женщина вездѣ остается женщиной, и до такой степени сильна была во мнѣ подвижность ощущеній, что послѣ чувства ужаса, внушеннаго мнѣ этою монахиней, въ моей головѣ блеснула мысль, что, при моемъ высокомъ ростѣ, я была бы очень недурна въ одѣяніи св. Терезы...

* Une dot называется, въ этомъ случаѣ, извѣстная сумма денегъ, безъ которыхъ ни одна желающая не можетъ вступить въ какой нибудь порядочный монастырь.

«... Если вы хотите достигнуть истиннаго благочестія и высокаго вашего призванія, наставляла меня мать Пюденція, повинуйтесь приказаніямъ вашихъ начальниковъ, не имѣйте собственной воли, будьте духомъ мертвы. Смерть—это жизнь въ Монъ-Кармелъ.

«Мы доѣхали до Оша (Auch), гдѣ остановились на нѣкоторое время и видѣли настоятельницу кармелитокъ этого города, которая, во все время нашего посѣщенія, только тѣмъ и занималась, что говорила о чудесахъ салеттской воды. О, Салетта! восклицала она, это новый источникъ для жаждущихъ грѣшниковъ.

«Скоро достигли мы наружныхъ воротъ Кармеля. Насъ верѣтилъ настоятель, удостоилъ своимъ благословеніемъ и далъ поцѣловать руку. Помощница настоятельницы открыла дверь ограды...

«Мать Пюденція взяла меня за руку, какъ бы желая показать мнѣ новыя владѣнія; и я услышала звонъ колоколовъ, призывавшихъ общину къ мессѣ. Скоро окружили насъ монахини, черныя, какъ тѣни. Добрыя сестры испускали радостные крики при встрѣчѣ съ своей настоятельницею; впрочемъ, эти крики и возгласы, казалось, заключали въ себѣ болѣе лицемѣрія и принужденія, чѣмъ радости и любви. — Все казалось мнѣ ложнымъ, и онѣ говорили: добрая мать наша! такимъ же тономъ, какимъ невольники говорятъ своимъ господамъ.»

«Насъ привели въ часовню. Хоры были совершенно закрыты толстыми занавѣсками, и я не знала, гдѣ находилась; казалось, что я опустилась въ склепъ.

«Но вскорѣ мнѣ было невозможно молиться, до такой степени отвратительныя насѣкомыя завладѣли моими одеждами.

«Затѣмъ, мы отправились въ лазаретъ и тамъ я увидѣла всѣхъ сестеръ. Меня въ особенности поразили блѣдныя лица ихъ и невыносимая вонь. Я должна была употребить въ дѣло всю свою храбрость и присутствіе духа, чтобы не залиться слезами. А эти крики, такъ непріятно поразившіе мой слухъ! Мать—настоятельница дала всѣмъ свое благословеніе, сказала мнѣ, чтобы я шла отдохнуть и поручила меня наставленіямъ одной сестры, называемой «ангеломъ». Я съ нетерпѣніемъ ждала минуты остаться одна; мой ангелъ провелъ меня въ мою келью и затворилъ за мною тяжелую дверь.

«Кровать моя состояла изъ широкой доски на двухъ деревянныхъ скамейкахъ. Противъ нея, въ стѣнѣ былъ вырѣзанъ большой черный крестъ. Я бросилась на жесткую постель; мой взоръ устре-

мился на этотъ крестъ. На немъ не было жертвы искупленія: мнѣ показалось, что онъ ожидалъ другую жертву.»

Кое-какъ Тереза пріучилась къ монастырскимъ привычкамъ и къ невыносимо-тяжелому воздуху, точно такъ, какъ въ комнатахъ умирающихъ привыкають къ больничному запаху.

«Къ несчастью, сдѣлавъ всевозможное, чтобъ быть истинной кармелиткой, я не была на столько искусна, чтобъ подражать моимъ подругамъ въ умѣньи выказывать притворную нѣжность къ настоятельница, приходившей каждый день навѣщать общину. Я не бросалась цѣловать ея ноги, подобно другимъ послушницамъ. Во мнѣ не замерло достоинство женщины... Духовникъ монастыря былъ нѣчто въ родѣ фетиша, къ которому я не чувствовала особенной симпатіи. Это и было причиною великихъ бѣдствій. Святой отецъ замѣтилъ мою сдержанность; онъ подумалъ, что я не любила его; а съ тѣхъ поръ я погибла...»

«Стали говорить о постриженіи моемъ въ монахини. Однажды, во время исповѣди, настоятель сказалъ мнѣ: — дочь моя, я долженъ узнать тебя вполнѣ. Завтра ты должна исповѣдаться, приготовить-ся къ исповѣди. —

«Роковая минута наступила. Послѣ формальныхъ вопросовъ, необходимо было приступить къ шестой заповѣди. Я слѣшила отвѣтить кратко, но ясно. Единственный проступокъ былъ искупленъ дорогою цѣною великихъ бѣдствій. Я обвиняла себя и въ другихъ заблужденіяхъ воображенія, чувствъ, желаній, даже взглядовъ.

— «Дитя мое! дьяволъ соблазнилъ тебя, такъ не исповѣдуются. Твой отецъ духовный долженъ прозрѣть въ сокровѣннѣйшія изгибы души твоей.

«Тогда ни въ чемъ мнѣ не было пощады. Онъ объяснилъ мнѣ всѣ дурныя мысли, всѣ дурныя желанія, всѣ преступныя дѣйствія, которыя вели къ распутству; спрашивалъ нѣсколько разъ, совершила ли я эти дѣйствія, сколько разъ, — одна или съ другими. Я должна была выпить чашу до дна...

«... Какъ будто и теперь вижу я этого толстаго кармелита, съ глазами пронзительными какъ иглы, съ полными, красноватыми щеками, съ низкимъ лбомъ, мясистыми губами. Сгорая отъ стыда, смотрѣла я на распятіе, нарисованное на простой бумагѣ, пожелтѣвшей отъ времени и приклеенной на одномъ изъ столбовъ исповѣдальни. Я прикрылась вуалью, какъ щитомъ, отъ черезъ-чуръ игривыхъ словъ

безжалостнаго теолога. Но это было ему противно и онъ не скрывалъ своей досады.

— «Вы знаете, что я немножко тугъ на ухо и не могу хорошо разслышать вашихъ отвѣтовъ. Потрудитесь, пожалуйста, повернуться лицомъ прямо къ рѣшеткѣ.

«Надо было повиноваться.

«Жаркое дыханіе его толстыхъ губъ достигало до меня сквозь рѣшетку исповѣдальни, когда, краснѣя, я отвѣчала ему «да» или «нѣтъ» на предложенные вопросы. Онъ задыхался въ своей жирной оболочкѣ. И, казалось, сверкающіе глаза его искали моихъ глазъ, чтобъ околдовать ихъ, какъ змѣи неотразимо притягиваютъ къ себѣ маленькихъ птичекъ въ кустарникъ...

«Я была ошеломлена. Большедвухъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я стала на колѣни на жесткую дубовую скамейку. Всѣ усилія употребляла я, чтобъ дождаться конца, и все думала, когда же наконецъ смилуется этотъ жестокий человѣкъ?

«Онъ окончилъ слѣдующими словами:

«Если не любятъ своихъ старшихъ болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, значить, не имѣютъ къ нимъ довѣрія. Поэтому вы не можете сдѣлаться кармелиткой...»

Послѣ этой сцены съ духовникомъ, Тереза вдругъ упала въ мнѣніи своей настоятельницы, которая не замедлила выпроводить ее изъ монастыря, какъ недостойную находиться въ обществѣ посвященныхъ.

Тереза еще дешево раздѣлалась съ Кармелемъ. Къ счастью, она обладала огромнымъ богатствомъ, около двухъ милліоновъ; кромѣ того, умомъ пратическимъ и большою твердостью воли. Она была не изъ тѣхъ, которыя легко дѣлаются жертвами; она только искала, просила, домогалась, но не отдавала себя другимъ связанною по рукамъ и ногамъ; ее не могли выдать за стумасшедшую и засадить въ какойнибудь ужасный казематъ, in pace, — конецъ концовъ монастырской дисциплины. А до какихъ размѣровъ жестокости доходить эта дисциплина, можно видѣть изъ слѣдующей сцены, происходившей предъ глазами Терезы.

«Я никогда не забуду этого случая. Я видѣла одну монахиню, за которою двѣ послушницы, вооруженныя двумя огромными бичами, гнались по маленькому двору, до тѣхъ поръ мною незамѣченному; дворикъ былъ узкій, темный, окруженный со всѣхъ сторонъ высокою стѣной прямо противъ моего окна находилась низкая, полуот-

воренная калитка, и я видѣла хорошо, что въ нее-то и старались послушницы вогнать несчастную. Съ разорваннымъ платьемъ, съ открытою головою, съ налившимися кровью глазами, руками, судорожно выпрямленными въ минуту неописаннаго отчаянія, она старалась защитить свое лицо отъ наносимыхъ ударовъ, которыми хотѣли заставить ее войти въ омерзительную яму, служившую темницею.

— «Пойдешь ли ты, негодная тварь! кричали обѣ сестры.

«И несчастная, бросившись въ дверь, выходящую въ корридоръ, старалась убѣжать; но обѣ сестры заперли выходъ и, при помощи своихъ внучковъ, прогнали ее, какъ дикаго звѣря въ его клетку.

Въ итальянскихъ монастыряхъ, гдѣ уединенная жизнь и строгая дисциплина распалюють страсти до бѣшенства и мономаніи, часто происходятъ драки на ножахъ и тайныя убійства, совершаемыя въ темныхъ склепахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ неаполитанскихъ монастырей, двадцатилѣтняя дѣвушка, одержимая мономаніей ревности къ любимому духовнику, нанесла тремъ своимъ подругамъ, во время сна, смертельные удары кинжаломъ и сама бросилась въ глубокой ровъ. Подобныя сцены повторяются нерѣдко, но ихъ покрываютъ мракомъ неизвѣстности или оставляютъ in pace.

И такъ, сестра Тереза оставила Кармель. Казалось, достаточно было ея испытаній для того, чтобъ возненавидѣть то общество, въ которое ее бросила судьба. Но этого было для нея мало.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она опять поступила въ кармелитскій монастырь въ Риберакъ. Здѣсь она нашла добраго старика, управлявшаго общиною. Простой и почти безграмотный настоятель, постоянно рассказывавшій о чудесахъ своего древняго Кармеля, внушилъ Терезѣ полное довѣріе къ себѣ. Она думала остаться здѣсь на всегда, но строгость правилъ и тяжелый образъ жизни начинали исподоволь подтачивать ея здоровье и она послѣшила возвратиться на родину, въ Пиринеи, куда и прибыла во-время, чтобъ закрыть глаза своему отцу, оставившему ей два милліона наслѣдства. Эти деньги она предоставила въ полное распоряженіе реформатору Луберу.

Распорядившись такимъ образомъ своимъ состояніемъ, она снова стала искать убѣжища, которое удовлетворило бы ея желаніямъ. Наконецъ выборъ ея упалъ на монастырь св. Трелоди, которому приписывали строгость первобытной христіанской общины. И дѣйствительно, внѣшняя сторона келейной жизни отличалась самымъ

точнымъ исполненіемъ кармелитскаго устава; но когда Тереза познакомилась поближе съ закулисною жизнью своихъ подругъ и настоятельницы, то увидѣла, что формальная строгость далеко не соответствовала внутренней распущенности монахинь. Всѣ желкія и сдавленныя страсти, которыя она уже изучила въ другихъ мѣстахъ, здѣсь разыгрывались въ полномъ ихъ развитіи. Лицемеріе доведено было до явнаго обмана и ревность до безумія.

Настоятельница, деспотка, ревнивая, капризная, пристрастная, поощряющая вокругъ себя лесть и шпіонство, ходила съ опущенными внизъ рѣсницами и каждый день читала самыя назидательныя поученія въ общемъ присутствіи монахинь. Молилась она не иначе, какъ со слезами на глазахъ и громкими вздохами, но приходя съ молитвы, предавалась самымъ дикимъ гоступкамъ, находя какъ-то особенное наслажденіе мучить подчиненныя ей жертвы.

«Въ этихъ мрачныхъ монастыряхъ существуютъ престранныя правила. Въ теченіе долгихъ часовъ предписывается присутствовать и пѣть псалмы на латинскомъ языкѣ. Какимъ образомъ, спрашивается, можетъ дѣйствовать на сердца этихъ женщинъ языкъ, котораго онѣ не понимаютъ, молитвы, въ которыхъ не видятъ никакого смысла? Это упражненіе, уже само по себѣ тягостное при такихъ условіяхъ, сдѣлалось, однако, еще невыносимѣе, и вотъ при помощи какого ухищренія: въ гармоническихъ звукахъ женскаго голоса заключается какая-то обаятельная прелесть, и эта-то прелесть подверглась запрещенію. Монахинямъ велѣно было пѣть гнусливымъ тономъ, въ ность, и этотъ тонъ долженъ быть однообразенъ, иначе монахиня могла бы находить слишкомъ много удовольствія въ пѣніи или въ слушаніи пѣнія своихъ подругъ, а это, по мнѣнію отцовъ кармелитовъ, возбуждаетъ воображеніе и чувства».

Тереза почувствовала наконецъ отвращеніе къ такой жизни. Такъ какъ она еще не постриглась окончательно въ монахини, имѣла характеръ энергической и всегда надѣялась на поддержку со стороны Лубера, человѣка съ сильною волею, такъ какъ она владѣла, кромѣ того, золотымъ ключомъ, могущимъ отворить ей всѣ двери, когда жизнь въ монастырѣ Сенъ-Трелоди показалась ей слишкомъ тягостною,—она рѣшилась заплатить за себя выкупъ, дала двадцать тысячъ франковъ, простилась съ духовникомъ, съ настоятельницею и отправилась въ Парижъ къ своему другу, Луберу.

Между тѣмъ Луберъ встрѣтился въ Парижѣ съ однимъ добрякомъ — епископомъ, обожавшимъ Джулію. Луберъ, подобно Терезѣ,

не удовлетворяемый нравственнымъ характеромъ тѣхъ монашескихъ кружковъ, съ которыми онъ соединился, втайнѣ сталъ ненавидѣть окружающій его черный мѣръ. Іезуиты, замѣтивъ недостатокъ симпатіи къ себѣ этого человѣка, дали ему ничтожное мѣстечко при церкви Сень-Дени и не упустили его изъ виду, какъ отмѣченную жертву своего безопаднаго гоненія... Такимъ путемъ пришелъ Луберъ къ полному разрыву съ партіей ультромонтановъ и іезуитовъ, и предпринялъ полную и народную реформу католицизма.

Разбираемая нами книга должна бы тѣмъ и окончиться, но авторъ счелъ обязанностію придать ей форму романа, и поэтому онъ продолжаетъ разсказъ о томъ, какимъ образомъ прекрасная и богатая Тереза была преслѣдуема интригами отвратительнаго и злого Леша, присвоившаго себѣ, безъ всякаго права, титулъ графа Сень-Герменгольда. Онъ былъ авторъ уморительныхъ стихотвореній въ прозѣ и прозы въ стихотвореніяхъ, носившихъ названіе: *мой мѣвъ, чума прогресса и Фалотада*, которой Ахилломъ и Аяксомъ были нашъ другъ Фало и его братъ, наивный Евгенийъ.

Разумѣется, Тереза прямо и рѣзко отказалась отъ предложенія Леша. Онъ былъ злой и лицемѣрный фанатикъ. Отказъ привелъ его въ бѣшенство и, весь преданный утонченной жестокости и злѣрству, онъ отомстилъ Терезѣ тѣмъ, что убилъ не ее, а бѣднаго Лубера кинжаломъ, лежавшимъ на алтарѣ Мадонны. Несчастная Тереза пожелала, чтобъ окровавленный трупъ ея друга былъ похороненъ на вершинѣ Ліериса, подлѣ могилы Джуліо, — этого героя возрожденнаго католицизма.

Въ литературномъ отношеніи *La Religieuse* заключаетъ въ себѣ достоинствъ никакъ не болѣе, чѣмъ *Le Maudit*. Тѣмъ не менѣе, послѣдній романъ аббата X. имѣлъ огромный успѣхъ, и десять изданій его были раскуплены очень быстро. Разсказъ этого романа вялъ, неровенъ, завязка отличается чрезвычайною бѣдностью, самая идея вообще слаба, лишена широты взгляда, и необыкновенный успѣхъ нисколько не соотвѣтствуетъ достоинствамъ книги; но если романъ самъ по себѣ не выходитъ изъ ряда посредственныхъ сочиненій, то надо отдать ему справедливость въ томъ отношеніи, что онъ въ популярной формѣ коснулся самаго жизненнаго вопроса католической Европы. Онъ выразилъ собою громадную демонстрацію идей XIX вѣка противъ умирающаго преданія среднихъ вѣковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦІЯ. — Процессъ Тринадцати. — Явное желаніе правительства уничтожить избирательные комитеты и тѣмъ окончательно сломить оппозицію. — Мнѣніе императорскаго прокурора о правѣ собираться. — Какими правами пользуется правительственный кандидатъ и какому безправію подвергается оппонентъ? — Неудавшаяся рѣчь министра Дюрюи въ аудиторіи медицинскихъ студентовъ. — Лекція объ императорской ассоціаціи профессора Батби. — Циркуляръ преемста графа Мишеля, запрещающій учить латинскому языку. — АНГЛІЯ. — Вышняя политика ея въ отношеніи слабыхъ и сильныхъ. — Казнь Франца Миллера. — ГЕРМАНІЯ. — Насколько возвеличилась она послѣ датской войны? — Образчики нѣмецкаго патріотизма. — ИСПАНІЯ. — Испанскіе либералы и послѣдніе выборы въ Мадридъ и Барселонѣ. — Ссылка принца Донъ-Энрика на Канарскіе острова. — АМЕРИКА. — Избраніе Авраама Линкольна на новое четырехлѣтіе и послѣднія событія съ театра сѣверо-американской войны.

Процессъ тринадцати считается парижской публикой не столько знаменитымъ, сколько скандальнымъ. Замѣчательно въ этомъ процессѣ то, что эти *тринадцать* подсудимыхъ, во главѣ которыхъ находились представители Парижа въ законодательномъ собраніи, гг. Карно и Гарнье Пажесъ, обвинялись исключительно и единственно за то, что ихъ было больше *двадцати*. Конечно, это осталось непопятнымъ для всѣхъ, но тѣмъ не менѣе это такъ, и, не смотря на незыблемые законы ариметики, эти господа осуждены парижскими судьями только на этомъ основаніи.

«Конечно, говорили правительственные судьи, и вашъ комитетъ состоялъ не болѣе какъ изъ 20 членовъ (выше этой цифры за-

конъ требуетъ предварительнаго разрѣшенія правительства при составленіи какого бы то ни было общества), но вы писали письма, принимали посѣтителей, слѣдовательно вы находились въ связи съ другими кружками; вы были центромъ избирательнаго движенія, враждебнаго интересамъ правительства. Мы выбрали васъ 13 изъ цѣлой массы неблагонамѣренныхъ людей только потому, что мы не хотѣли взять 13,000 или 1,300,000. Если вамъ непремѣнно хочется, чтобы число обвиненныхъ доходило до опредѣленной закономъ цифры 20, то мы объявляемъ, что представитель Парижа, г. Пельтанъ, что бывшіе члены временнаго правительства 1848 года, гг. адвокаты Сенаръ и Кремье, да еще такіе-то и такіе-то изъ вашихъ друзей, сообщниковъ или корреспондентовъ въ сущности были такими же членами вашего комитета, какъ и вы сами.» Имъ отвѣчали: «если въ самомъ дѣлѣ такія-то лица также виновны, какъ и мы, то ихъ слѣдовало преслѣдовать не менѣ насъ, потому что или она также виноваты, какъ и мы, или мы также невиновны, какъ они; слѣдовательно, вы не имѣете никакого права наказывать однихъ и щадить другихъ, и тѣ и другіе одинаково виноваты: законъ долженъ быть прежде всего одинаковъ для всѣхъ.»

«Но эти 8 лицъ, которыя вы причисляете къ нашему, будто бы незаконному, обществу подъ именемъ сообщниковъ, участниковъ или приверженцевъ, не были даже призваны къ предварительному слѣдствію, на основаніи котораго вы произнесли вашъ приговоръ. Вы не имѣли никакого права объявить ихъ виноватыми, такъ какъ передъ закономъ даже подсудимый считается невиновнымъ, а тѣмъ болѣе человѣкъ, который не находится подъ судомъ. Вы припутали ихъ имена къ вашему приговору съ явнымъ нарушеніемъ справедливости, и только за тѣмъ, чтобы добиться опредѣленнаго закономъ числа 20. Конечно, вы имѣете право преслѣдовать кого вамъ угодно и когда угодно; но ужь, по крайней мѣрѣ, вамъ слѣдовало соблюсти приличіе той казуистики, которой не пренебрегали даже ваши предки XVII вѣка.»

«И какой же это обвиняемый вами комитетъ? Совѣщательный комитетъ, занимавшійся единственно юридическими затрудненіями, которыми префекты, подъ-префекты и мэры стѣсняли избирателей. Вы знаете очень хорошо, что нашъ комитетъ игралъ роль только совѣтника и эксперта, — въ этомъ, кажется, вы могли достаточно

убѣдиться двумя тысячами документовъ и дѣловыхъ бумагъ, которыя вы нашли въ нашихъ квартирахъ, которыя вы захватили въ ящикахъ нашихъ письменныхъ столовъ, вытащили изъ нашей семейной корреспонденціи и сообщали другъ другу за тѣмъ, чтобы воспользоваться всѣмъ, что въ нихъ было найдено двуемысленнаго, и предать всѣ эти тайны самой обширной гласности.»

Допрашиваемый г. Гарнье-Пажесъ отвѣчалъ: «мы просто на просто объявили, что готовы давать совѣты всѣмъ, кому будетъ угодно обращаться къ намъ. Изъ Шелештадта (а вѣдь это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, на которые вы напираете главнымъ образомъ) спрашивали нашего совѣта относительно легальности устройства избирательнаго комитета; но прежде, чѣмъ отвѣтить, мы дождались начала самыхъ выборовъ и это въ глазахъ министерства составляетъ преступленіе, т. е. обвиняютъ насъ въ томъ, что мы указывали другимъ способъ соблюденія закона! Въ департаментѣ Вожъ дѣло выходитъ еще страннѣе: обвиняютъ насъ въ сообщничествѣ съ однимъ тамошнимъ комитетомъ, который былъ самымъ сильнымъ противникомъ нашимъ!»

«Ужъ лучше скажите прямо, что хотите уничтожить всякіе комитеты, которые вамъ не нравятся, хотя бы они и были вполне законны; скажите, что хотите сдѣлать ихъ невозможными, — это, конечно, не будетъ справедливѣе, но за то будетъ откровеннѣе.»

«Но вы говорите, что мы составляли центръ многихъ кружковъ, потому что у насъ была касса! Вотъ, напр. выборъ г. Пельтана объявленъ не дѣйствительнымъ г. префектомъ сенсгаго департамента, находившимъ, что способъ подачи голосовъ, признанный законнымъ при выборѣ императорскаго кандидата въ 1857 г. теперь объявленъ незаконнымъ въ 1863 г., когда дѣло идетъ о кандидатѣ этой позиціи. Что же можетъ быть проще, какъ то, что мы общими средствами собрали сумму, нужную г. Пельтану, который, какъ извѣстно, человѣкъ небогатый, — для покрытія издержекъ по вторичнымъ выборамъ, сдѣланнымъ необходимымъ вслѣдствіе рѣшенія г. префекта. Что же касается до другихъ цѣлей, въ виду которыхъ была составлена эта касса, то вопросъ состоитъ въ томъ: можетъ ли существовать какойнибудь избирательный комитетъ вообще или нѣтъ? Если можетъ, то понятно, что нужны деньги, а слѣдовательно складчины, для покрытія необходимыхъ расходовъ на почтовые марки, бумагу, перья, печатаніе объявленій впроч. и проч.»

«Вѣдь запрещать складчины и въ то же время разрѣшать составленіе комитетовъ, это тоже самое, что связать человѣка по рукамъ и ногамъ и потомъ сказать ему: «иди впередъ!» Запрещать людямъ одинаковыхъ убѣжденій составлять избирательныя кассы, — это значитъ положить конецъ кандидатурамъ всѣхъ людей небогатыхъ и сдѣлать изъ всеобщей подачи голосовъ ложь и обманъ.»

«Не забудьте, что мы начали съ того, что образовали комитетъ лишь совѣщательный. Мы дѣйствовали только во время выборовъ, а послѣ ихъ окончанія заявили публично, что нашъ комитетъ пересталъ существовать. И даже, когда къ намъ обращались за совѣтомъ, мы были на столько осторожны, что не дѣлали ни одного шага, пока не начались выборы. Но вы сочли всѣ эти легальныя предосторожности недостаточными и обвиняете даже въ томъ, что насъ самихъ выбрали представителями. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы, уступая просьбамъ императора и министровъ, вышли изъ пассивнаго молчанія и вновь приняли участіе въ общественныхъ дѣлахъ, т. е. вы обвиняете насъ въ присягѣ на вѣрность, которую мы дали императору!»

Адвокатъ правительства отвѣчалъ: «кромѣ вашей совѣщательной конторы, вы составили еще комитетъ изъ пятнадцати членовъ; цѣлью этого комитета было поддержаніе оппозиціонныхъ кандидатовъ, распространеніе ихъ циркуляровъ, подстреканіе народонаселенія вотивовать въ пользу именно этихъ кандидатовъ и проч...»

«Разумѣется!» отвѣчали на это гг. Карно, и Гарнье-Пажесъ съ товарищами. «Прежде всего, избирательныя комитеты существуютъ и всегда существовали во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ въ ней существуютъ и самые выборы. Когда происходили пренія по поводу именно этого знаменитаго закона, объявляющаго противозаконнымъ всякое общество, числомъ членовъ больше 20, противники этой мѣры ставили на видъ, что, опираясь на подобный законъ, полиція могла бы безпокоить всякое избирательное собраніе. Но тогда и министры, и правительственные ораторы горячо протестовали противъ такого толкованія предлагаемаго закона. При Людовикѣ XVIII, при Карлѣ X, при Людовикѣ Филиппѣ избирательныя комитеты имѣли право собираться, хотя число членовъ каждаго и превышало 20. Во время республики, когда сила была въ нашихъ рукахъ, намъ никогда и въ голову не приходило стѣснять въ чемъ нибудь бонапартистскіе

комитеты. Даже во время послѣднихъ выборовъ существовало что-то въ родѣ свободы въ этомъ отношеніи, такъ что даже г. Бильо и правительственные ораторы, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, говорили намъ такъ: «вѣдь вы располагаете совершенной и полной свободой, первымъ и самымъ существеннымъ правомъ свободныхъ гражданъ, правомъ голоса!» — Франція — страна всеобщей подачи голосовъ; ея государь гордится тѣмъ, что онъ выборный 8 милліоновъ своихъ согражданъ; альфой и омегой нашей внутренней конституціи и нашей внѣшней политики, говорятъ намъ, служить всеобщая подача голосовъ, составляющая право и обязанность каждаго гражданина. Вы намъ говорили и повторяли безконечное число разъ, что императоръ сдѣлалъ *сюр д'État* только за тѣмъ, чтобъ возвратить право голоса тремъ милліонамъ избирателей, лишеннымъ этого права 31 мая 1849 г. рѣшеніемъ реакціонернаго народнаго собранія. Положимъ, что это правда. Но вотъ подходит время выборовъ. Такъ какъ соперничающіе кандидаты не могутъ являться лично къ каждому отдѣльному избирателю, чтобы просить его о голосѣ и изложить ему свою политическую программу, то ясно, что должны же быть дозволены какія нибудь болѣе удобныя сношенія между различными избирательными группами и различными кандидатами, причемъ представителями послѣднихъ могутъ сдѣлаться комитеты, или официальные, какъ это было въ 1848 г., или просто неофициальные, каковъ былъ нашъ. Безъ избирательныхъ комитетовъ всеобщая подача голосовъ становится просто посмѣшищемъ, потому что, при совершенномъ незнаніи обстоятельствъ, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ выбора. Пожалуй, можно издать и такой декретъ, чтобы избиратель впредь входилъ въ залу выборовъ съ завязанными глазами, подъ руки съ полицейскимъ, который и указалъ бы ему на ту изъ двадцати урнъ, въ которую ему слѣдуетъ положить свой бѣлый шаръ.»

«Но все это общество болѣе чѣмъ изъ 20 лицъ, (которое, впрочемъ, никогда не существовало), раздѣленіе этихъ двадцати лицъ на тринадцать виновныхъ и по намѣренію, и по факту, и на восемь виноватыхъ только по намѣренію, это неблагоприятное смѣшеніе совѣщательнаго комитета съ комитетомъ избирательнымъ — все это только предлоги, чтобы осудить фактъ совершенно законный, хотя, разумѣется, и непріятный для правительства, а именно, составленіе довольно вліятельнаго кружка, съ цѣлью противодействовать официальному кандидату.»

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность этого пресловутаго процесса. Правительство не хотѣло поднимать этого вопроса въ его настоящемъ свѣтѣ; оно боялось уличить себя въ явномъ противорѣчїи и потому предпочло совершить вопіющую несправедливость и выслушать отъ своихъ противниковъ горькіе упреки во яжи. Оно рѣшилось обвинить 13 человекъ въ томъ, что ихъ больше 20, только бы не сознался, что не имѣетъ права считать преступниками людей, и еще какихъ людей!—присягнувшихъ на вѣрность императору. Бѣдный и гениальный Мадіавелли! до чего унизила твою политику жалкая французская казуистика.

Но подъ этой казуистикой нельзя не разсмотрѣть болѣе серьезнаго явленія, именно, постоянно возрастающаго противорѣчїя наполеоновской системы. Читатели «Русскаго Слова,» вѣроятно, помнятъ еще этотъ выводъ со времени избирательной компанїи герцога де-Нерсиньи. Эта компанія отчасти напомнила Парижу ту знаменитую ночь, когда въ елисейскомъ дворцѣ только три человека предприняли свой подземный походъ противъ дѣлой Франціи и въ нѣсколько часовъ опрокинули ея права и учрежденія. Съ тѣхъ поръ мы стали управляться фразами. На словахъ выходитъ одно, на дѣлѣ—другое. Правительство въ одно и тоже время постоянно ссылается на власть народа и желаетъ безусловно управлять страной; оно желаетъ быть пресубликанскимъ, и конституціоннымъ и въ тоже время диктаторскимъ. Не это же не видятъ противорѣчїя и бессмыслицы этихъ стремленій? Кто не понимаетъ, что императоръ не довольствуется своими представителями изъ министровъ, генераловъ, префектовъ, — желаетъ, чтобъ его представителями были еще и представители народа. Но чѣмъ же, при такомъ положенїи дѣлъ, является членъ законодательнаго собранія? Его контролировать не возможно, такъ какъ, въ качествѣ народнаго выборнаго, онъ самъ долженъ контролировать правительство; но, съ другой стороны, онъ контролировать правительства не можетъ, такъ какъ онъ орудіе въ рукахъ того же правительства, — простой агентъ, состоящій при г. министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Но замѣчанія эти относятся къ политической метафизикѣ, которую французскій народъ нисколько не интересуется. Все же онъ хорошо понимаетъ, что правительство всячески старается уничтожить легальную подачу голосовъ. Сперва былъ сдѣланъ *сюр д'État*, какъ

говорилось, для восстановления свободнаго представительства, въ первоначальной своей чистотѣ; затѣмъ это возобновленное орудіе было употреблено для избранія Наполеона III, и когда императоръ наконецъ достигъ своей цѣли,—возникаетъ вопросъ:—къ чему теперь всеобщая подача голосовъ?

Такимъ образомъ и на этотъ разъ нашъ Жакъ послужилъ тѣмъ простоватымъ осломъ, котораго путешественникъ подрядился кормить только въ то время, когда онъ везетъ... Господинъ де-Персинья и компанія очень хорошо поняли, что морить осла невыгодно, и потому обѣщаютъ дать ему клокъ сѣна, только по окончанія путешествія... «Народъ, говорятъ они, воплотился въ Наполеонъ III, коронованъ въ его лицѣ и съ того времени пересталъ существовать, по крайней мѣрѣ, какъ лицо совершеннолѣтнее и располагающее своими дѣйствіями, но, конечно, по прежнему долженъ платить подати и разные налоги, около двухъ миллиардовъ.»

Послѣдній процессъ составляетъ рѣшительный шагъ, сдѣланный правительствомъ въ этомъ направленіи. Сначала эта теорія заявлялась довольно скромно въ рѣчахъ префектовъ, затѣмъ она перешла въ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, а наконецъ она была провозглашена въ императорской судебной палатѣ и удостоилась, такъ сказать, судейскаго одобренія посредствомъ вторичнаго осужденія *тринадцати*. Теперь во Франціи нѣтъ уже парламента, потому что нѣтъ болѣе оппозиція въ законодательномъ собраніи; нѣтъ болѣе оппозиціонныхъ кандидатовъ, потому что ихъ нельзя болѣе избирать; ихъ нельзя будетъ болѣе избирать потому, что у нихъ отняты средства заявлять о себѣ народу; у нихъ отняты средства заявлять о себѣ народу, потому что избирательные комитеты уничтожены.

Процессъ *тринадцати* доказываетъ совершенно убѣдительно, что собранія, даже не состояція болѣе чѣмъ изъ двадцати членовъ, противозаконны, если только правительству угодно объявить ихъ такими, и г. императорскій прокуроръ не постыдился сказать, что еслибы даже два или три лица составили общество съ неблагонамѣренною цѣлью, то и тогда правительство можетъ объявить его внѣ закона, предоставивъ себѣ полное право толковать по своему усмотрѣнію слово: неблагонамѣренный.—«Если не ошибаемся, въ Японіи существуетъ подобный законъ относительно палочной расправы съ преступниками, которымъ опредѣляется число ударовъ по усмотрѣ-

нію того, кто бьетъ ихъ.— Вотъ до чего дошло право составлять собраніе въ демократической Франціи и при такъ называемомъ господствѣ всеобщей подачи голосовъ.

Не слѣдуетъ забывать, что, между тѣмъ, какъ оппоненты императорскаго кандидата не имѣютъ, по рѣшенію судебной палаты, никакого права собираться или даже переписываться между собою, кандидату, официально назначенному правительствомъ, помогаетъ цѣлая армія чиновниковъ, начиная отъ министра внутреннихъ дѣлъ и кончая сельскимъ сторожемъ, во всѣхъ кругахъ, во всѣхъ вѣдомствахъ, отъ народнаго просвѣщенія до акциза съ табаку, и вообще всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ департаментовъ отдѣльныхъ управленій. Кандидатъ находится въ самомъ завидномъ положеніи: префекты пишутъ его адреса къ избирателямъ, совѣтники префектуры сочиняютъ ему рѣчи, казна не взимаетъ пошлины съ его циркуляровъ, почтамтъ ради него задерживаетъ отправленіе почтъ, къ его услугамъ готовы полиція, барабанщики національной гвардіи и наконецъ бюджетъ секретнаго фонда. Между тѣмъ несчастный оппонентъ не можетъ даже обратиться за совѣтомъ къ избирательному комитету, составить общество и основывать фондъ; типографщики одинъ за другимъ отказываются печатать его циркуляры; когда же они напечатаны, надо заплатить пошлину; когда пошлина оплачена, циркуляры, по распоряженію императорскаго прокурора, подвергаются полицейскому одобренію; затѣмъ, по приговору суда, они часто запрещаются; нужно написать другіе, напечатать и платить за нихъ новую пошлину; лица, на которыхъ лежитъ обязанность приклеивать афишки, отказываютъ въ своихъ услугахъ. Бывали случаи, что кандидаты, одѣтые по послѣдней модѣ, въ лакированныхъ сапогахъ, съ ленточкой почетнаго легіона въ петлицѣ, должны были разѣзжать въ своихъ коляскахъ съ горшкомъ клею, съ кистью въ рукахъ и приклеивать сами свои циркуляры на перекресткахъ, къ великой радости уличныхъ мальчишекъ, бѣгающихъ вслѣдъ за ними. Избиратели боятся положить правительственному кандидату черный шаръ, потому что правительству это очень не угодно. Наконецъ, если даже какимъ нибудь чудомъ оппозиціонный кандидатъ одержалъ верхъ надъ правительственнымъ, то у администраціи остается еще средство — сочинять фальшивые бюллетени, прибавлять цѣлыми массами голоса лицъ отсутствующихъ, даже умершихъ, что дѣйствительно случалось уже не разъ.

Но со времени послѣдняго приговора парижской судебной палаты, императорское правительство потеряло свой юридическій базисъ, и теперь трудно рѣшить: будетъ ли существовать впредь всеобщая подача голосовъ или придется уступить этому праву передъ какимъ нибудь неожиданнымъ ударомъ? Люди, стоящіе на верху администраціи, повидимому, сами не знаютъ, чего хотятъ. Кто въ лѣсъ, кто по дрова. Г. Друэнъ-де-Люисъ подписываетъ конвенцію 15 сентября, приводящую всю Италію въ смятеніе, подъ видомъ будто сдѣланной ей уступки, и вслѣдъ за тѣмъ тотъ же министръ печатаетъ ноту, которая доказываетъ, что въ сущности не сдѣлано никакой уступки. Г. де-Морни по прежнему играетъ комедію орлеанистскаго парламентаризма, а г. де-Персиньи сильно напираетъ на введеніе чистой диктатуры; г. Делапгль кокетничаетъ съ аббатами, а г. Будэ *подметаетъ ихъ*, по выраженію Пельтана; г. Дюрюи запрещаетъ газеты и журналы и въ то же время очищаетъ кости этого ветхаго скелета — французскаго университета. Наполеонъ III сегодня ѣдетъ въ оперу и говоритъ одно, а завтра отправляется въ Компьень на охоту и говоритъ другое: Парижъ полонъ самыхъ разнообразныхъ слуховъ: то ожидаютъ мѣръ крайней строгости, уничтоженія знаменитыхъ ноябрьскихъ декретовъ, то политики мира и свободы, и обезоруженія войска въ значительныхъ размѣрахъ. Однимъ словомъ, бонапартистская политика начинаетъ надоедать сама себѣ; отъ нея не ждутъ ничего новаго и никто искренно не вѣритъ ей.

Но ее сильно поддерживаютъ буржуа, окружающія державы и торжествующая реакціонерная партія, состоящая изъ легіоновъ столь же глупыхъ, какъ и самовольныхъ буржуа, хещиныхъ банкировъ, биржевыхъ игроковъ, разбогатѣвшихъ адвокатовъ и людей всѣхъ сословій, измѣряющихъ благоденствіе своего отечества толстотой своего кармана.

Теперь я намѣренъ сообщить своимъ читателямъ нѣсколько частныхъ фактовъ, дополняющихъ общую картину современнаго состоянія Франціи.

Министръ народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи, самый либеральный изъ министровъ Наполеона III, потерпѣлъ недавно очень чувствительную непріятность. Прогуливаясь въ коляскѣ мимо медицинскаго факультета, онъ возымѣлъ намѣреніе осчастливить его нечаяннымъ своимъ посѣщеніемъ, и произнести въ главной аудиторіи рѣчь (въ-

роятно, заранѣе сочиненную). Эта рѣчь, напудренная самымъ изящнымъ краснорѣчіемъ и комплиментами молодымъ людямъ, рѣчь, похожая на корзинку съ рождественскими подарками, была обращена къ 200 студентамъ. Оправившись отъ изумленія, нѣкоторые изъ молодыхъ людей — вѣроятно, родомъ изъ лѣсистаго Нуату или съ горныхъ вершинъ департаментовъ Крезъ и Аррѣжъ — начали ворчать сквозь зубы; ропотъ сталъ возрастать; желавшіе остановить недовольныхъ товарищей прибавили новаго шума. — «Молодые друзья мои,» произнесъ г. министръ съ самой тонкой улыбочкой, «позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что я не привыкъ къ тому, чтобы меня прерывали.» — «Привыкнешь, добрый толстякъ,» завричалъ грубый голосъ и вызвалъ страшный хохотъ, свистки, шиканье — однимъ словомъ, шумъ сдѣлался невообразимый. Его превосходительство былъ вынужденъ надѣть свою шляпу, натянуть перчатки и сѣсть вновь въ свою коляску. Кто бы могъ подумать, что самый либеральный человекъ во Франціи потерпитъ такое фiasco?

Черезъ нѣсколько дней Батби былъ назначенъ профессоромъ политической экономіи въ юридическомъ факультетѣ. Батби — человекъ даровитый, изучившій ассоціаціи въ Англіи и Германіи и специально *Vorschuss-Banken*, систему Шульце-Делича. Когда въ Парижѣ образовалось общество *кредита для рабочихъ*, вліятельныя лица захотѣли подарить мелкой буржуазіи подобное учрежденіе и предложили г. Батби быть президентомъ общества, которое намѣревались основать.

Г. Дюрюи, какъ человекъ смѣтливый, нашель, что этимъ обстоятельствомъ можно воспользоваться, и предложилъ императору открыть при юридическомъ факультетѣ кафедру политической экономіи, съ которой г. Батби могъ бы официально направлять ассоціацію, потому что, какъ краснорѣчиво выразился г. Дюрюи въ своемъ докладѣ, императорская ассоціація убьетъ социализмъ. Какъ видите, г. Дюрюи, — человекъ не безъ высшихъ соображеній. И такъ, г. Батби занялъ свою кафедру и притготовился читать свой курсъ на процвѣтаніе ассоціаціи и на гибель социализма. Это было 2 декабря, какъ разъ въ день *сoup d'État*. Общирная зала наполнилась студентами, распѣвающими *Parisienne* и съ аккомпаняментами довольно усерднаго шиканья. Наконецъ, г. Батби удалось возстановить нѣкоторую тишину; онъ счелъ себя обязаннымъ начать изъясненіемъ своей благодарности «великодушному и либеральному министру,» по тутъ снова

прервали его крики и пѣніе гимна королевы Гортензіи и Марсельезы. Пять или шесть тысячъ студентовъ, которые не нашли мѣста въ университетѣ, стояли у дверей и подтягивали своимъ товарищамъ. Батби замолчалъ, и едва сошелъ съ кафедры, какъ цѣлая рота полицейскихъ вторглась въ ряды студентовъ и взяла подъ арестъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отгѣсненные, студенты сгруппировались на площади передъ Пантеономъ или расположились по ступенькамъ церкви. Полицейскіе опять вмѣшались; толпа молодежи отошла къ Люксембургскому саду; часть ея была отброшена въ улицу св. Іакова, оставляя тамъ и сямъ своихъ товарищей въ рукахъ сыщиковъ.

При выходѣ изъ университета опять шумъ, опять аресты. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, толпа въ послѣдній разъ отступила въ Севастопольскій бульваръ и въ сосѣднія улицы. — Эти происшествія вызваны либеральной мѣрой самаго либеральнаго изъ министровъ, назначающаго лучшаго изъ профессоровъ съ цѣлью содѣйствовать прогрессивному дѣлу.

Рядомъ съ рошфорскимъ мѣромъ, запрещающимъ своимъ согражданамъ продавать грибы, рядомъ съ гренобльскимъ мѣромъ, возставившимъ, ради личной выгоды, монополію чистки трубъ въ главномъ городѣ департамента, рядомъ съ этими господами можно отвести почетное мѣсто графу Мишелю за слѣдующее постановленіе:

«Мы, префектъ департамента Шарантъ, кавалеръ императорскаго ордена почетнаго легіона.

Имѣя въ виду нашъ декретъ отъ 24 февраля 1864 года, по которому г. Гроссвалю, сельскому учителю въ Коньякѣ, былъ сдѣланъ выговоръ, за то, что онъ возымѣлъ дерзость преподавать ученикамъ ввѣренной ему школы латинскій языкъ;

Принимая во вниманіе, что этотъ учитель, не взирая на наше постановленіе и данныя ему предостереженія, вступилъ, вскорѣ послѣ этого, въ сношенія съ учителемъ школы второй степени, которому онъ предложилъ мѣсто помощника въ своемъ заведеніи для преподаванія латинскаго языка;

Принимая во вниманіе, что этотъ проектъ, будучи прямо противоположенъ инструкціямъ, даннымъ г. Гроссвалю, былъ составленъ не на законномъ основаніи и что, такимъ образомъ, этотъ учитель серьезно нарушилъ правила субординаціи и дисциплины;

Имѣя въ виду предложенія г. инспектора академіи, изложенныя въ его докладѣ отъ 18 ноября;

Имѣя въ виду ст. 33 закона 15 марта 1850 г.

Постановляемъ:

Ст. I. Г. Гроссваль, сельскій учитель въ Коньятѣ, подвергается вторичному выговору.

Ст. II. Г. инспектору академіи поручается исполнить нынѣшнее постановленіе, которое должно быть предано гласности».

Ангулемъ, 24 ноября 1864.]

Префектъ департамента Шарантъ

графъ Мишель.

Мы исполняемъ желаніе г. префекта, помогая, съ своей стороны, распространенію этого замѣчательнаго документа. Что, если бы г. Гроссваль себѣ позволилъ выучить своихъ учениковъ не первымъ двумъ склоненіямъ латинскаго языка, а математикѣ? Какому бы наказанію онъ долженъ былъ подвергнуться? Еще вопросъ: если г. Гроссваль виноватъ въ томъ, что выучилъ своихъ учениковъ чему нибудь *больше*, чѣмъ отъ него требовалось, то какой пунктъ субординаціи нарушался имъ и какого выговора онъ заслуживалъ отъ г. префекта департамента Шарантъ? А если бы г. Гроссваль могъ доказать, что ни одинъ ребенокъ, оставляя его школу, не умѣлъ ни читать, ни писать, то призналъ ли бы его графъ Мишель достойнымъ ордена Почетнаго Легіона, Военнаго Креста и голубой ленты ордена св. Духа?

Но если префекты не умѣютъ наказывать, то школьные учителя, почти также награждаютъ. Извѣстно, что французскіе преподаватели имѣютъ дурное обыкновеніе давать тѣмъ воспитанникамъ, которые не ковыряютъ пальцемъ въ носу и безошибочно отвѣчаютъ свои уроки изъ географіи и катихизиса, красную ленту, совершенно похожую на орденскую Почетнаго Легіона, носимую храбрыми, заслуженными воинами. Господинъ вице-ректоръ парижской академіи недавнимъ декретомъ запретилъ это злоупотребленіе, но только относительно французскихъ орденовъ. За то учителямъ каллиграфіи не возбраняется украшать своихъ учениковъ орденскими знаками Золотого Руна или Башни, шпаги Маврикія и св. Лазаря португальскаго. Что же касается до подобнаго употребленія ордена Почетнаго Легіона, то

оно должно прекратиться въ силу мудраго указа, изданнаго господиномъ вице-ректоромъ парижской академіи. Дѣйствительно, не будь этого указа, весьма легко было бы принять шестилѣтняго мальчика, украшеннаго орденою лентою, за героя Аустерлица, Ватерлоо или Ваграма!

Не забудемъ, однакожъ, упомянуть о приговорѣ, состоявшемся надъ господами Сень-Шерономъ и Клербуа. Оба они были корреспондентами провинціальныхъ газетъ. Ихъ присудили къ заключенію въ тюрьму на мѣсяць и къ денежному штрафу во сто франковъ. Въ чемъ же заключается ихъ вина? Прошу быть внимательными: исторія эта мудреная.

Эти господа отправили въ провинціальные журналы двойную или тройную копію одной и той же корреспонденціи. Это дѣлалось съ вѣдома и съ согласія самихъ издателей журналовъ. Поэтому осужденные не были приговорены за то, что заставляли себя платить нѣсколько разъ за одинъ и тотъ же товаръ; они не были также приговорены въ качествѣ сочинителей поджигательныхъ статей; ихъ замѣтки, адресованныя въ провинціальные журналы, были или напечатаны цѣлкомъ, или съ измѣненіями, или просто отложены въ сторону. Господа Сень-Шеронъ и Клербуа также не были распространителями ложныхъ извѣстій. Министерство нисколько не оспариваетъ справедливости мнѣній и фактовъ, какіе они передали.

— Въ чемъ же могло состоять ихъ преступленіе? Ужъ не были ли они корреспондентами оппозиціонныхъ журналовъ?

Помилуйте! Развѣ французское правительство не признаетъ подобное подозрѣніе унижительнымъ для себя? Развѣ не извѣстно, что ему во время процесса тринадцати напомнили, что оно дѣлаетъ приговоры, а не услуги?.. Что же? Клербуа и Сень-Шерона осудили за изданіе журнала. Оказывается, что, по теоріи министерства, журналъ отлпчается отъ частной корреспонденціи тѣмъ, что онъ воспроизводитъ одну и ту же копію въ нѣсколькихъ экземплярахъ. — Два читателя, изволите ли видѣть, составляютъ уже публику. Этого осужденные никакъ не хотѣли понять. Они упорно увѣряли, что ихъ корреспонденціи, запечатанныя въ конвертахъ ихъ собственными печатами, не были публичны. Они подали аппеляцію въ кассационный судъ, гдѣ состоится окончательное рѣшеніе ихъ дѣла, также какъ и рѣшеніе процесса тринадцати.

Во время ваканцій парламента, главные политическіе дѣятели имѣютъ обыкновеніе обращаться къ своимъ избирателямъ и друзьямъ съ рѣчами, которыя служатъ настоящими лекціями о предметахъ, интересующихъ въ данную минуту общественное мнѣніе. Такъ, въ новѣйшія времена сэръ Робертъ Пилъ говорилъ объ Ирландіи, г. Лейаръ о внѣшней политикѣ Великобританіи, г. Брюсъ о народномъ образованіи, лордъ Грей—о своемъ проэктѣ Reform bill-я, который, по его мнѣнію, долженъ примирить различные интересы, находящіеся между собою въ борьбѣ. Разсуждая о томъ, что обѣ стороны, и виги и тори, самымъ жалкимъ образомъ претерпѣли пораженіе въ проэктѣ реформы, который каждая изъ нихъ предлагала въ свою исключительную пользу и ко вреду своихъ противниковъ, лордъ Грей пришелъ не къ тому заключенію, что должно это дѣло передать рѣшенію третьей стороны, парламента, а къ тому, что нужно соединить интересы землевладѣльческой аристократіи съ интересами аристократіи промышленной и финансовой. Онъ предлагаетъ ввести подачу голосовъ во второй степени для одной части палаты и подачу голосовъ въ третьей степени для известнаго числа членовъ, которые должны быть назначаемы общинами, подобно тому, какъ нѣры назначаются короной. Лордъ Грей сталъ на сторону партизановъ права меньшинства, съ чѣмъ мы его и поздравляемъ. Онъ принялъ способъ выборовъ, придуманный, кажется, Геромъ. Этотъ способъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибъ не существовало другого, еще болѣе простаго, о которомъ мы, быть можетъ, поговоримъ при случаѣ, такъ какъ вопросъ о всеобщей подачѣ голосовъ намъ представляется болѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о правѣ меньшинства, служащій простымъ дополненіемъ перваго. Мы видимъ въ планѣ лорда Грея идею предоставить право выборовъ университетамъ и другимъ ученымъ обществамъ, а также гильдіямъ, синдикатамъ и корпораціямъ портныхъ, сапожниковъ, мясниковъ и рыбаковъ. Эта идея, предлагаемая въ 1864 году; намъ кажется забавною; она какъ будто заимствована изъ среднихъ вѣковъ или изъ временъ еще болѣе отдаленныхъ, изъ Египта или изъ Индіи, этой классической страны настъ.

Этотъ проэктъ до того сложенъ, что не можетъ быть допущенъ ни одною партіею. Дѣйствительно, хотя всѣ ему отдаютъ похвалу за отдѣльныя подробности, но за то его вообще осуждаютъ въ цѣломъ. Saturday Review, органъ высшей аристократіи, рава-

раетъ этотъ провѣтъ тономъ умѣреннымъ и разумнымъ. Само собою разумѣется, что онъ возстаетъ противъ намѣренія предоставить власть представителямъ сапожниковъ: «мы не можемъ, говоритъ онъ, достаточно предохранить себя отъ опасности, которая намъ угрожаетъ въ случаѣ, если бѣдные классы приобретутъ болѣе политической власти, чѣмъ богатые.» На этотъ счетъ, торійскій журналъ можетъ быть спокоенъ: подобная опасность еще долго не будетъ предстоять. Но вотъ замѣчаніе, которое, по нашему мнѣнію, уничтожаетъ провѣтъ Reform bill-я, составленный лордомъ Греемъ, и всѣ подобныя ему провѣты:

«Каждая изъ двухъ партій, и виги и тори, видѣла неудачу своего провѣта реформы. Черезъ соединеніе обоихъ провѣтовъ, эти партіи не приобрѣли бы большого шанса на успѣхъ. Было бы слишкомъ смѣло предполагать, что въ этомъ случаѣ, изъ двухъ, взаимно другъ друга уничтожающихъ, плановъ, образовался бы третій, одинаково удобный для той и другой стороны. Такая комбинація есть чистая химера. Каждая изъ двухъ партій опровергала бы самое себя, признавая, что правительственная теорія, за которую она до той поры еражалась, была не болѣе, какъ жалкимъ заблужденіемъ, и что послѣдствія ихъ взаимнаго антагонизма до того пагубны, что ничѣмъ не вознаградимы. Обѣ партіи могутъ между собою помириться по какому нибудь другому предмету, находящемуся за предѣлами этого спора. Онѣ даже могутъ вступить во взаимный союзъ по вопросамъ, которые касаются ихъ второстепеннымъ образомъ. Но Reform bill составляетъ для насъ вопросъ жизни или смерти. Отъ него должна зависѣть наша будущая судьба, наша слава или наша слабость; имъ опредѣляются условія нашего существованія, смотря потому, дѣйствуетъ ли онъ въ смыслѣ консервативномъ или либеральномъ. Консерваторы или либералы пользуются тѣмъ, чего домогаются ихъ соперники: властію, должностями, правительствомъ, вліяніемъ, управленіемъ политическими дѣлами, торжествомъ своихъ собственныхъ принциповъ. Если только борьба партій не есть пустое зрѣлище, выставка, производимая для забавы толпы, то обѣ враждующія между собою стороны никогда не вступятъ во взаимное соглашеніе относительно мѣры, которая должна превратить ихъ въ побѣдителей или побѣжденныхъ, въ госнодъ или слугъ!»

— Это сказано откровенно, это выражено категорически. Это рѣ-

шительный ударъ, нанесенный книгѣ, которую лордъ Грей недавно издалъ объ этомъ важномъ предметѣ; это громкая пощечина, данная оратору среди его блестящей рѣчи.

Болѣе всѣхъ другихъ ораторовъ во время этого похода удостоился вниманія публики Ричардъ Кобденъ, и болѣе всѣхъ другихъ политическихъ вопросовъ занималъ Англiю вопросъ о положенiи ея въ виду Европы и Соединенныхъ Штатовъ и въ частности вопросъ о теорiи невмѣшательства. Знаменитый президентъ лиги, составлявшейся нѣкогда для реформы хлѣбныхъ законовъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Брайтомъ, знаменитымъ мэромъ знаменитаго города Рошде-ля, сдѣлался самымъ энергическимъ партизаномъ открытой миролюбивой политики и возставалъ противъ большинства журналовъ, которые въ Англии и за ея предѣлами, въ выраженiяхъ негодующей реторики, оспариваютъ такъ пазываемую теорiю мира во что бы то ни стало. Конечно, мы не думаемъ, что граждане должны быть до того равнодушными къ своимъ ближнимъ, чтобы спокойно, сидя у окна съ сигарой во рту, слышать крики угнетенныхъ и быть хладнокровными зрителями убiйства.

Злодѣи могутъ грабить и убивать націю, какъ грабятъ и убиваютъ запоздалыхъ путешественниковъ на дорогѣ. Здѣсь вопросъ заключается только въ численности. Вмѣшательство во имя правды и справедливости и признанiе международныхъ правъ и обязанностей, и всеобщей взаимной солидарности народовъ всегда находили въ насъ искреннихъ партизановъ. Но намъ непрiятно, подобно тому, какъ непрiятно Ричарду Кобдену и его друзьямъ видѣть, что Англiя угнетаетъ слабыхъ и сгибаетъ выю передъ сильными, что она выказываетъ храбрость противъ индiйцевъ, ново-зеландцевъ, японцевъ и несчастныхъ китайцевъ, а является робкою, когда дѣло идетъ о Пруссiи и Австрiи, нападающихъ на Данию. Не лучше ли было бы для Англiи жить въ мирѣ со всѣми, и съ добрыми и съ злыми, и съ малыми и великими, чѣмъ съ одними только великими? Чтобы желать этого, не надо быть партизаномъ мира во что бы то ни стало, подобно господину Кобдену или подобно нашимъ любезнымъ друзьямъ, Илайю Берриту и Эдмунду Фрайю, милымъ редакторамъ журнала: Olive Branch; для этого достаточно знать, сколько миллиардовъ въ послѣднiе сорокъ лѣтъ ежегодно поглощаются бюджетомъ войны или вооруженнаго мира, миллиардовъ, на которые можно было бы кор-

нить и образовать въ университетахъ всѣхъ сыновей нашихъ крестьянъ, нашихъ мастеровыхъ и нашихъ нищихъ и построить желѣзныя дороги для соединенія одного съ другимъ всѣхъ селъ Европы.

— Фактъ, о которомъ мало говорятъ, это—возрастающая бѣдность Ланкашира и вообще всѣхъ тѣхъ округовъ Англіи, которые занимаются хлопчатобумажною промышленностію. Надо замѣтить, что до послѣдней минуты Таймсъ и почти всѣ консервативные журналы міра образовали между собою священную лигу противъ Сѣверныхъ Штатовъ, предвѣщая имъ несомнѣнное пораженіе и близкій разоръ вслѣдствіе нескончаемости войны. Эти увѣренія, которыхъ значеніе мы теперь постигаемъ, переводились на коммерческія данныя чрезвычайной важности. Цѣны на хлопокъ въ послѣдніе три года утроились и даже увеличились въ пятеро противъ того, чѣмъ онѣ были до начала войны. Вслѣдствіе одной какой нибудь лживой телеграммы Таймса, Монитѣра и агентствъ Рейтера лажь на золото, курсъ билетовъ конфедеративнаго займа и цѣны на хлопокъ и хлопчатобумажныя издѣлія подвергались такимъ измѣненіямъ, которыя въ сложности составляли миллионы. Такъ какъ долго еще не надѣялись получить хлопокъ изъ Америки, то по возможности уменьшено было его употребленіе; правда, значительное количество этого продукта доставлялось изъ Индіи и Египта, но, при высокихъ цѣнахъ на сырыя произведенія, фабриканты мало дѣлали запасовъ хлопка. Такимъ образомъ оскуднѣніе магазиновъ, торгующихъ этимъ произведеніемъ оптомъ и по мелочамъ, и незначительность запасовъ хлопка на рынкахъ Мюльгауза, Руана, Ливерпуля и Манчестера давали поводъ спекуляторамъ рассчитывать на скорое возвышеніе цѣнъ. Вдругъ неожиданныя извѣстія объ успѣхахъ Гранта и Шермана какъ громомъ поразили владѣльцевъ сырыхъ произведеній. Эти извѣстія совпадали съ симптомами финансоваго кризиса, который не пересталъ еще опустошать торговлю и промышленность Франціи и Англіи. За этотъ хлопокъ, который обрабатывался еще на многихъ фабрикахъ и доставлялъ хлѣбъ многимъ тысячамъ семействъ, приходилось платить чистыми деньгами землевладѣльцамъ Индіи и вице-королю Египта; надо было отсчитать отъ пяти до шести сотъ миллионновъ, которые во всякое время трудно найти. При своей обыкновенной расчетливости, банки Парижа и Лондона немедленно подумали о томъ, чтобы обезпечить свою кассу, или то, что они называютъ этимъ именемъ. Безъ сомнѣнія, съ цѣлью удовлетворить нуждамъ лицъ, обращающихся къ

нимъ по своимъ дѣламъ, и которые, подъ опасеніемъ быть разоренными и увлечь за собою въ погибель страну, должны были добыть, во что бы то ни стало, полмилліарда денегъ, правители нашихъ банковъ производили дисконтъ по навѣроятнымъ цѣнамъ: въ восемь, девять и десять процентовъ. Хлопокъ былъ купленъ очень дорого, а безжалостныя требованія двухъ, трехъ могущественныхъ монополистовъ еще удвоили его цѣну.

Такимъ образомъ данный моментъ былъ весьма невыгоденъ для пониженія цѣнъ на хлопокъ, которое, вслѣдствіе извѣстій, пришедшихъ съ театра войны, и въ особенности вслѣдствіе извѣстій о взятіи Атланты, вскорѣ приняло разорительные размѣры. Ливерпуль, вооружившій противъ торговаго флота Соединенныхъ Штатовъ своимъ корсарскія суда (причинившія американцамъ захватомъ и сожженіемъ ихъ кораблей прямой убытокъ, по крайней мѣрѣ, на сто двадцать милліоновъ, не говоря уже объ убыткахъ косвенныхъ, которые трудно опредѣлить), Ливерпуль подалъ первый сигналъ паническаго банкротства. Увлекаемые къ гибели пониженіемъ цѣнъ, противъ котораго они не имѣли время остеречься, многіе негоціанты, уже разоренные или близкіе къ разоренію, отказывались принять хлопокъ, выписанный ими изъ центровъ его производства. Они произвели чрезвычайное повышеніе цѣнъ на этотъ сырой продуктъ и вдругъ были поражены ихъ пониженіемъ, принявшимъ громадныя размѣры. Такимъ образомъ спекуляція, извлекающая проценты изъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, на этотъ разъ попала въ западню. Одинъ альзасскій мануфактуристъ, Клодъ, рассказываетъ, что въ одно прекрасное утро, когда считены были потери, понесенныя торговлею хлопкомъ въ Англию, оказалось, что эти потери простираются до громадной суммы трехсотъ милліоновъ франковъ, какъ на хлопокъ, назначенный для отпращиванія изъ мѣстъ производства, такъ и на хлопокъ, находившійся уже на морѣ или сложенный на докахъ Лондона и Ливерпуля.

Такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ были поражены не только негоціанты, торгующіе сырымъ матеріаломъ, но и потребители его, фабриканты. Начать съ того, что разореніе ихъ поставщиковъ не могло не отразиться губительно и на нихъ самихъ. Сверхъ того, въ качествѣ производителей, они на спекулятивное возвышеніе цѣнъ на хлопокъ отвѣтили спекулятивнымъ же возвышеніемъ цѣнъ на хлопчатобумажныя издѣлія вообще, которыхъ они имѣли и до сихъ поръ еще имѣютъ значительные запасы на фабрикахъ.

И они тоже говорятъ, что упадокъ цѣнъ на хлопокъ не могъ произойти въ болѣе неблагопріятное время. Англійскіе мануфактуристы должны были замѣнить свои снаряды, введенные для американскаго хлопка, новыми, болѣе приспособленными для хлопка египетскаго и индійскаго. Съ другой стороны, мануфактуристы французскіе, чтобы стать въ уровень съ своими англійскими конкурентами, для которыхъ торговый трактатъ отчасти открылъ французскіе рынки, должны были употребить на разныя машины значительную часть своихъ оборотныхъ капиталовъ, обратившихся, вслѣдствіе этого, на долго еще въ мертвые.

Никогда мы не слыхали, чтобы мануфактуристы не жаловались на свое положеніе; въ особенности въ то время, когда протекціонная система должна была обезпечить за ними неизвѣстно сколько милліоновъ барышей, они признавали себя наиболѣе несчастными и близкими къ разоренію вслѣдствіе конкуренціи. Но теперь, повидимому, ихъ страданія дѣйствительно велики. Это доказывается цифрами, представленными въ Board of Trade. Въ два мѣсяца число англійскихъ работниковъ, оставшихся безъ работы, возрасло отъ 101,000 до 172,000. Въ теченіе августа хлопчатобумажныя фабрики давали еще хлѣба 299,229 работникамъ, занятымъ цѣлый день. Въ сентябрѣ, когда разразился промышленный кризисъ, это число быстро упало до 212,500, а въ октябрѣ до 155,170. Еще неизвѣстны статистическія данныя за ноябрь, но журналы всѣ единогласно говорятъ, что бѣдность, происшедшая вслѣдствіе недостатка работъ, увеличивается со дня на день. И вотъ почему работники хлопчатобумажныхъ фабрикъ, имѣющіе еще при себѣ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, эмигрируютъ толпами въ Соединенные Штаты или переправляются въ Канаду, откуда нѣкоторые изъ нихъ думаютъ также перебраться въ Америку.

Конечно, ни одна страна по благоденствію своему не можетъ сравниться съ Англіею и ни одинъ министръ финансовъ не имѣетъ болѣе права быть счастливымъ и гордиться созданнымъ имъ бюджетомъ, чѣмъ Гладстонъ, но справедливость требуетъ, чтобы среди этихъ пѣсней торжества различали вопли отчаянія, испускаемые двумястами тысячами работниковъ и ихъ семействами.

И тагъ, Францъ Мюллеръ, нѣмецъ, казнень въ Лондонѣ, утромъ 14 ноября.

Это процессъ знаменитый; англичане принялись за него страстно, чтобы забыть неприятности, которыя надѣлала имъ Германія. Многие шовены на берегахъ Шпре, Эльбы и Одера даже думали, что Англія хотѣла отомстить бѣдному и невинному нѣмецкому портному за поражение, нанесенное ей политикой Рехберга и Бисмарка.

Исторія эта вамъ извѣстна. Вѣроятно, очень вѣроятно, почти достоверно, что маленькій, нѣсколько тщедушный, кроткій молодой человекъ пріятной наружности убилъ въ вагонѣ толстаго англичанина для того, чтобы пощеголять его шляпой и его золотой цѣпочкой. Исторія эта ужасна, она даже неправдоподобна, но въ дѣлѣ психологіи все возможно. Въ этомъ случаѣ и отрицаніе, и утверженіе почти одинаково сопряжены съ рискомъ. Проданный своимъ другомъ, братомъ своей любовницы, убійца, дѣйствительный или мнимый, выказалъ покорность судьбѣ, скромность и спокойствіе духа, дѣйствительно изумительныя. Если онъ былъ виновень, то онъ сыгралъ роль невиннаго съ такимъ глубокимъ притворствомъ, которое изумило бы самага Талейрана. При этомъ онъ былъ ласковъ, обходителенъ, серьезень и призывалъ въ свидѣтели своей невинности Бога; однаковъ, онъ не впадалъ въ малодушное ханженство, имѣлъ хорошій аппетитъ, хорошій сонъ и былъ кротокъ въ виду смерти. Самое то обстоятельство, что онъ для произнесенія приговора, долженствовавшаго рѣшить его участь, избралъ англійскихъ присяжныхъ, болѣе или менѣе противъ него предубѣжденныхъ, вмѣсто нѣмецкихъ, которые, по всей вѣроятности, его бы оправдали, самое это обстоятельство достаточно показываетъ, что онъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ преступниковъ. Послѣ этого не удивительно, что англичане, подъ предводительствомъ Таймса, стали съ яростью его осуждать, тогда какъ нѣмцы страстно принялись его защищать, а англичанки вообще склонялись въ его пользу. — Словомъ, онъ отличался самыми рѣдкими и самыми милыми качествами; онъ, этотъ маленькій портной, выказалъ душу болѣе твердую, чѣмъ многие мученики; онъ какъ нельзя болѣе велъ себя джентльменомъ, хотя былъ — въ этомъ мы теперь не смѣемъ сомнѣваться — злодѣемъ, имѣющимъ на своей совѣсти страшное убійство.

Вотъ рассказъ, помѣщенный въ Daily Telegraph, о послѣднихъ минутахъ этого несчастнаго:

Францъ Мюллеръ на эшафотѣ. На его шею накидывается веревка. Окружающая его безчисленная грязная толпа, привлекаемая въ podobныхъ случаяхъ запахомъ крови, испускаетъ крики ярости. Человѣкъ, который во имя общества обязанъ молиться за тѣхъ, кого другой человѣкъ казнить во имя того же общества, этотъ человѣкъ обращается къ осужденному съ словами: «Мюллеръ, вы теперь предстанете предъ Богомъ. Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ: совершили вы это преступленіе?» — Мюллеръ отвѣчаетъ тихимъ, но твердымъ голосомъ: «я невиненъ.» — Священникъ повторяетъ: «невинны ли вы?» — Мюллеръ: «Богу извѣстно, что я сдѣлалъ.» — Священникъ: «извѣстно-ли Богу, что вы совершили это преступленіе?» — Мюллеръ хранить молчаніе... — Священникъ: «черезъ нѣсколько минутъ вы будете предъ Богомъ. Я спрашиваю васъ торжественно и въ послѣдній разъ: совершили вы это преступленіе?» — Мюллеръ: «Ja, ich habe es getthn! (Да, я его совершилъ!)» Почти въ то же мгновеніе, и пока слово было еще въ гортани обвиненнаго, доска опустилась и, послѣ секундной борьбы съ смертію, осужденный пересталъ жить.»

Этотъ разсказъ весьма категориченъ, но нѣкоторые другіе менѣе утвердительно. Если судить по нимъ, то священникъ только предполагалъ, что онъ слышалъ это послѣднее признаніе среди страшнаго шума и въ то время, когда у осужденнаго уже стянута была шея веревкой и онъ находился въ предсмертномъ страхѣ. Такимъ образомъ споръ о виновности или невинности Мюллера все еще продолжается, но вообще охотнѣе думаютъ, что онъ былъ виновенъ; въ противномъ случаѣ, казнь, совершенная надъ нимъ, была бы преступленіемъ черезъ-чуръ вопіющимъ. — Что всего болѣе насъ поразило въ этой трагической исторіи, такъ это то обстоятельство, что англійскій судья, резюмируя пренія по этому дѣлу и обращаясь къ присяжнымъ, которымъ предстояло рѣшить вопросъ о жизни или смерти подсудимаго, сказалъ: «произнести приговоръ трудно, но вы судите по вѣроятіямъ. Рѣшайте такъ, какъ вы бы рѣшили, еслибы дѣло шло объ огромной суммѣ денегъ.» Вотъ выходка характеристическая, чисто англійская!

Со времени заключенія мирнаго трактата между Пруссіей и Австріей, съ одной стороны, и Даніей съ другой, нельзя сказать, что бы

взаимное отношеніе этихъ государствъ совершенно выяснилось. Данія разрѣзана на двѣ части; теперь она должна заботиться о томъ, чтобы пережить эту болѣзненную ампутацію, если есть на то шансы. Но положеніе дѣлъ въ Германіи представляетъ уже совершенный хаосъ. Все еще продолжается прежняя взаимная оппозиція Австріи и Пруссіи и оппозиція этихъ двухъ державъ противъ остальной Германіи; сверхъ того, не прекращаются разные другіе политическіе раздоры. Въ этой путаницѣ трудно чтонибудь понять, и потому она почти никого не интересуетъ. Весь хаосъ происходитъ отъ рѣшительнаго недостатка государственной логики, что намъ кажется удивительнымъ въ отношеніи къ Германіи, этой странѣ по преимуществу философской. Шабашная пляска на горѣ Броккенъ, въ ночь наканунѣ дня святой Вальпургии — вотъ зрѣлище, какое мы видимъ вопреки нашему желанію. Пляска эта печальна, но дѣйствующія въ ней лица комичны, а фигуры ея весьма странны. Это зрѣлище въ одно и тоже время такъ забавно, что нельзя плакать, и такъ грустно, что нельзя смѣяться. Объ одномъ можно пожалѣть, что такой великій сатирикъ, какъ Гейне, слишкомъ рано умеръ для Германіи.

Теперь стало ясно, что господинъ Бисмаркъ объявилъ войну Даніи, — безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы поддержать ея цѣлость, мы это знаемъ, — но также и съ тѣмъ, чтобы уничтожить въ этой странѣ демократическія учрежденія, какъ онъ это самъ откровенно объявилъ. Вы помните, что первую мѣрою короля Христиана, когда онъ увидѣлъ себя принужденнымъ уступить Пруссіи, было замѣнить свое либеральное министерство реакціонернымъ. Такимъ образомъ главнымъ предметомъ торжества Бисмарка былъ не успѣхъ, одержанный надъ несчастными датчанами, а поражение, нанесенное дерзкимъ либераламъ палаты, которые бравировали его въ Берлинѣ. Это была въ нѣкоторомъ родѣ римская экспедиція, совершенная Бисмаркомъ на его манеръ и его собственными средствами. Чтобы уничтожить французскую республику, президентъ ея, Людовигъ Наполеонъ Бонапартъ, воспользовался саблею Удино и велѣлъ взять Римъ приступомъ, подъ предлогомъ охраненія этого города отъ австрійцевъ, и подавить римскую республику. Послѣ того онъ спокойно расположился въ цитадели святого Ангела, оставаясь въ ней въ продолженіе пятнадцати лѣтъ и общается еще остаться на два года. Подобно тому господинъ Бисмаркъ, чтобы уничтожить берлинскихъ либераловъ, пометѣлъ на помощь

Даніи, угрожаемой германскимъ сеймомъ; онъ отрядилъ туда гвардію, которая заставила говорить свои пушки передъ Миссунде, и съ тѣхъ поръ берлинскіе либералы не смѣютъ и пикнуть. Всего любопытнѣе то, что эти либералы, проникнутые пруссократіей до мозга костей, удивляются человѣку, который съ такою нецеремонностью и даже такъ грубо овладѣваетъ странною, датскою или нѣмецкою, все равно, съ тѣмъ, чтобы присоединить ее къ Пруссіи. — Что за бѣда, что господинъ Бисмаркъ поступилъ несправедливо, если онъ такъ поступилъ ради Пруссіи! Что за бѣда, что господинъ Бисмаркъ оттягалъ чужую землю, если онъ оттягалъ ее для Пруссіи! Что за бѣда, что господинъ Бисмаркъ трекличный человѣкъ, если онъ въ тоже время хорошій Пруссакъ!

Что всего болѣе содѣйствовало путаницѣ идей, такъ это то обстоятельство, что съ самаго начала National-Verein и феодалы старались другъ друга перецементировать въ притворствѣ. Феодалы, если имъ вѣрить, требовали Шлезвига и Голштиніи только во имя не подлежащаго давности и всегда новаго права расы и національностей. National-Verein, если вѣрить ему, проникнутъ былъ священнымъ энтузіазмомъ въ пользу неприкосновеннаго права господъ Аугустенбурговъ. Онъ изъявлялъ готовность пролить свою кровь до послѣдней капли ради красной печати, приложенной къ какому-то неизвѣстному латинскому документу, и умереть геройскою смертію, потому что герцогъ Фридрихъ приходится кузеномъ брата какого-то гоенодина. — Господинъ Бейстъ, великій министръ маленькой Саксоніи, кричалъ во все горло, что нужно, прежде всего, позаботиться объ общахъ интересахъ Германіи, а не о частныхъ. Баденъ, Баварія, Вюртембергъ и всѣ эти маленькія земли, называемыя альманахомъ де-Гога государствами, которыя страшно опасаются осуществленія германскаго единства, говорили весьма краснорѣчиво въ пользу этого единства и противъ сепаратистскихъ тенденцій Пруссіи и Австріи. Эти двѣ послѣднія державы, готовыя отравить или убить другъ друга какими бы то ни было образомъ, играли и до сихъ поръ играютъ роль вѣрныхъ союзниковъ и неразлучныхъ друзей. Господа Бисмаркъ и Рехбергъ вмѣстѣ прохаживались рука объ руку на гуляньяхъ Пратера, въ виду любопытныхъ зрителей, какъ будто хотѣли сказать: вотъ полюбуйтесь нашей дружбой, она олицетвореніе искренняго согласія, существующаго между дворами вѣнскимъ и берлинскимъ, искони ненавидящими другъ друга.

На этомъ оригинальномъ турнирѣ всѣ являются въ маскахъ и каждый, стараясь быть неузнаннымъ, переодевается въ костюмъ своего врага. Это напоминаетъ намъ маскарадъ, представляемый въ настоящее время въ Компьенѣ, гдѣ очень весело проводить время четвертая серія приглашенныхъ. Въ антрактахъ между комедіями г. Морни и живыми картинами, изображаемыми прелестными дамами и прекрасными кавалерами двора, забавляются также переодеваньемъ. Это выходитъ очень мило. Общество появляется въ костюмахъ, болѣе или менѣе намекающихъ на историческія происшествія, но безъ масокъ. Послѣ того расходятся и затѣмъ опять возвращаются, но уже въ полумаскахъ и взаимно помѣнявшись костюмами. Г. префектъ Сены переряжается въ Руэ, министра общественныхъ работъ, своего ближайшаго врага; г. Морни принимаетъ на себя образъ г. Персиньи, а г. Персиньи переодевается въ г. Бароша; графъ Ньюверкеръ является принцессой Матильдой, а принцесса Матильда — графомъ Ньюверкеромъ; императрица Евгенія — въ образѣ княгини Меттернихъ, съ которой она чрезвычайно дружна. Все это выходитъ очень занятно. Костюмы г-жи Порталесъ, принцессы Анны Мюратъ и дѣвицы Валентины Гаусманнъ, по обыкновенію, отличаются рѣдкой изысканностью, но они принадлежатъ по праву красоты молодому и блестящему банкиру Агуадо или очаровательному маркизу Галифе. Тутъ же, въ числѣ приглашенныхъ, и баронъ Геккернъ, убійца поэта Пушкина.

Но если компьенскій турниръ беретъ блестящими костюмами, то нѣмецкій — самымъ серьезнымъ буфонствомъ. Здѣсь каждый нарываетъ перехитрить другого и каждый остается надуваемымъ всѣми другими. На одного лгуна десять ротозѣевъ, и тотъ, кто болѣе всѣхъ оставленъ въ дуракахъ, съ своей стороны, кого нибудь да обманываетъ. Въ этомъ столкновеніи разнообразныхъ интересовъ и запутанныхъ интригъ, въ которыхъ замѣшана вся Германія, самая умная вещь, какую только можно придумать, — это повернуться спиной къ этому вавилонскому смѣшенію и оставить Аугустенбурга, Бейста, Бисмарка, Менслорфа Пульи раздѣлываться между собою, какъ сами знаютъ.

Въ настоящее время трудно серьезно относиться къ Германіи; разумеется, мы говоримъ здѣсь не о ста милліонахъ гектаровъ и не о шестидесяти милліонахъ жителей, цифрахъ, несомнѣнно, весьма почетныхъ, но о томъ, къ чему невозможно относиться серьезно, имен-

но, къ ея племенному единству, къ ея энтузіазму, къ политикѣ и характеру... Какъ, они былидесять противъ одного и готовы торжествовать побѣду, какъ вѣдьмы на горѣ Брокенъ? На жалкаго бѣдняка, вооруженнаго старымъ ружьемъ, они подняли тяжелый молотъ Тора! Изъ-за пустого дѣла о наслѣдствѣ, они наводнили весь міръ разглагольствованіями на сѣрой бумагѣ въ пользу этой мало занимательной личности, которую величаютъ герцогомъ Аугустенбургскимъ. Они, собирали патриотическія пожертванія вездѣ, гдѣ только жалуютъ качанную капусту, вездѣ, гдѣ только знакомы съ цѣнностію пфенинга и зильберъ-гропа. Они собирали пожертванія въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Италиі, Швейцаріи, даже въ Бразилии и на мысѣ Доброй-Надежды, — и все это за тѣмъ, чтобы послать еще нѣсколько пушекъ противъ несчастной страны, наводненной тремя нѣмецкими арміями! Между тѣмъ теперь они дозволяютъ Пруссіи присвоить себѣ эту землю, — а отчего? Оттого, что Пруссія, которой переданы права Даніи, въ настоящее время предъявляетъ эти права противъ Германіи. Войска саксонскія и ганноверскія, которыя горѣли нетерпѣніемъ угостить картечью угнетателей ихъ соотечественниковъ, становятся мягки, какъ воскъ, и покорны, какъ овцы, лишь только г. Бисмаркъ вглядывается въ нихъ и говоритъ имъ сухо и просто: «въ настоящее время я распорядитель Даніи. Потому не угодно ли вамъ признавать мои права вполне уважительными».

Болѣе всѣхъ другихъ остались въ убыткѣ Шлезвигъ-Голштинцы, которые, по всей вѣроятности, будутъ вынуждены сдѣлаться пруссаками или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько опруссачиться. Отнынѣ они будутъ размѣщены въ большомъ центральномъ зданіи, на дверяхъ котораго г. Бисмаркъ, этотъ великій *Ober-hof-Prügel*, приказалъ изобразить золотыми буквами: *Macht ist Recht* (сила есть право). Гейне, изгнанный изъ Пруссіи, вовсе о томъ не сожалѣлъ и называлъ себя, смѣясь, «пруссакомъ, освобожденнымъ изъ вѣрнопостного состоянія». Какъ бы онъ соболѣзновалъ теперь этой толпѣ бѣдняковъ, огорченныхъ въ оное время отдѣленіемъ отъ великаго германскаго очества, которые теперь насильно вошли въ составъ прусской конституціи. Когда-то они находили, что Данія обременяетъ ихъ податями; что же они говорятъ теперь о гражданскихъ комиссарахъ?

Нелѣпное столкновеніе всѣхъ ослабило. Во-первыхъ, прогрессивной партіи, именно органу ея *National-Verein*, въ настоящее время угрожаетъ распаденіе. Общее собраніе ассоціаціи, бывшее нѣсколько

дней тому назадъ въ Эйзенахъ, было чрезвычайно малоллюдно; собрались только члены, жившіе по сосѣдству. Въ немъ участвовали только представители сѣвера, а оппозиція юга явилась лишь въ числѣ двухъ или трехъ личностей. Все дѣло было испорчено поведеніемъ прусскихъ прогрессиветовъ. Ихъ обвиняли въ соглашеніи съ приверженцами *Kreutz Zeitung*; Вирхова, Шульце-Делича, Лёве, Кальбе упрекали въ томъ, что они молчали въ то время, когда г. Бисмаркъ оскорблялъ Германію. Недовольные хотѣли составить новую партію противъ National Verein'a, зараженнаго пруссоманією и украсили ее уже громкимъ названіемъ партіи народа: *Volks-Partei*. Но до свѣдѣнія массы не дошла честь, которую ей оказали, и она преспокойно продолжаетъ пить пиво кружками и набивать свои желудки огромнымъ количествомъ муки и картофеля. Почтенная нѣмецкая нація!

Великій человекъ г. Бейстъ тоже значительно сократился въ размѣрахъ, такъ что въ настоящее время силъ вовсе не выше Саксоніи. И такъ мы думаемъ, что Германія вовсе не воспользовалась тѣмъ, что потеряла Данію.

Австрія также не выросла ни на одинъ вершокъ выше. Г. Рехбергъ, любимый министръ императора, удалился наканунѣ открытія Reichsrath'a, желая избѣгнуть подробныхъ объясненій относительно роли, которую его заставилъ играть г. Бисмаркъ. Что же касается г. Менсдорфа-Пульи, который былъ вынужденъ идти по слѣдамъ своего предшественника, то онъ сдѣлался предметомъ непріязненныхъ отношеній палаты, которая не можетъ прѣстить ему продолженія осаднаго положенія въ Галиціи и униженія Австріи предъ Пруссіей, которую она такъ презирала, а теперь поставлена въ необходимость уступать ея бевперемоннымъ притязаніямъ. Словомъ, палата такъ непріязненно настроена, что въ Вѣнѣ поговариваютъ даже о министерскомъ кризисѣ.

Хотя только въ нравственномъ отношеніи, но все же, не менѣе невыгодно отразились эти событія даже въ Пруссіи. Въ настоящее время она несравненно менѣе уважаема и гораздо менѣе любима, чѣмъ прежде; въ Карльсруэ, Штутгардѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ составлялись многочисленныя собранія, въ которыхъ Пруссія была оскорбляема и гдѣ торжественно было заявлено негодованіе противъ ея политики. Притомъ Пруссія не приобрѣла еще окончательно Шлезвигъ-Гольштейна; такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ его quasi

агонный герцогъ, именно герцогъ Аугустенбургъ; хотя онъ не имѣетъ солдатъ, но тѣмъ не менѣе заказываетъ себѣ аммуницію. Онъ поступаетъ точно также, какъ тотъ мальчуганъ, который требовалъ за столомъ ложку, чтобы ѣсть ею те варенье, котораго ему еще не предложили. Портнымъ заказано шить нѣсколько тысячъ мундировъ, которые будутъ замѣчательны тѣмъ, что на нихъ будутъ красоваться всѣ три національные цвѣта. Три цвѣта въ плюмажѣ, три цвѣта на кокардѣ, три цвѣта на шинели, три цвѣта на штанахъ, — словомъ, это будетъ ходячая радуга. Всѣ дѣти, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ, пожелають видѣть эти полки полишинелей, такого же роста, какъ вооруженные люди! — полишинели съ настоящими ружьями, изъ которыхъ можно стрѣлять и убивать.

Между тѣмъ, какъ всѣ кругомъ замѣтно умалились, одинъ только г. Бисмаркъ значительно выросъ. Онъ сдѣлался Шварценбергомъ Пруссіи. Онъ торжествуетъ повсюду и можетъ быть названъ героемъ въ своемъ родѣ. Онъ выросъ въ силѣ, высокомѣріи и тщеславіи. Ничто не можетъ сравниться съ гордостью маленькаго среди самыхъ маленькихъ!

Перелистывая газеты и журналы, вотъ нѣсколько анекдотовъ, которыми мы подѣлимся съ нашими читателями. Одинъ офицеръ гессенъ-кассельской арміи находился въ отпуску. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, онъ отправился въ Гамбургъ и оттуда на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ прибылъ въ Альсенъ въ тотъ самый день, когда островъ былъ взятъ прусскими войсками, и даже присутствовалъ во время сраженія. Это дошло до свѣдѣнія самаго курфюрста, который приказалъ предать этого офицера военному суду, какъ виновнаго въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ государства, съ которымъ они состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Поручикъ прусской арміи, разставленной въ герцогствѣ, былъ на вечерѣ у одного изъ туземныхъ землевладѣльцевъ. Во время разговора, нѣкто г. Matzen, богатый собственникъ въ Иллерѣ, высна-

заль въ присутствіи поручика свою симпатію къ герцогу Фридриху и не совсѣмъ скрытую антипатію къ Пруссіи вообще и къ г. Бисмарку въ особенности. Поручикъ протислся съ хозяиномъ самымъ дружелюбнымъ образомъ; но когда пришелъ домой и легъ спать, въ немъ проснулась патріотическая гордость и онъ началъ обдумывать бывшій разговоръ. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что слишкомъ дружно сошелся съ непріателемъ и главное дозволилъ въ своемъ присутствіи говорить безъ достаточнаго уваженія о своемъ отечествѣ и министрѣ. Онъ рѣшился наказать дерзкаго. Вслѣдствіе этихъ размышлений, на другой день, рано утромъ, двѣнадцать гарнизонныхъ солдатъ явились къ г. Matzen'у и расположились на его усадьбѣ. Въ тоже время капраль, сопровождаемый четырьмя солдатами, явился въ комнату самого г. Matzen'a, разбудилъ его и безъ всякихъ объясненій отвелъ въ военную тюрьму, находившуюся въ разстояніи мили отъ усадьбы, гдѣ, по распоряженію поручика, г. Matzen пробылъ три дня на хлѣбѣ и водѣ.

По словамъ газеты *National-Verein*, 200,000 мастеровыхъ и поденщиковъ, живущихъ въ Меклембургѣ, въ этомъ эдемѣ феодализма, желая вступить въ бракъ, принуждены испрашивать согласіе владѣльца того округа, къ которому они принадлежатъ; дозволеніе это вполне зависитъ отъ каприза владѣльца. Послѣдній можетъ отказать, если вздумается, и принудить къ браку, если заблагоразсудится.

Право владѣльца каждый день примѣняется въ благословенномъ Меклембургѣ. И не только право владѣльца, но даже право управляющихъ, которые обыкновенно бываютъ почище своихъ патроновъ! Тамъ, гдѣ господинъ грубъ, управляющій жестокъ; тамъ, гдѣ первый грязень, второй отвратителенъ.

Просятъ историковъ, моралистовъ и экономистовъ даровать міру въ 1865 году монографію Мекленбурга.

Въ Испаніи происходятъ выборы. Демократы и прогрессисты точно также, какъ и въ прошедшемъ году, не принимаютъ участія въ подачѣ голосовъ. Воздержаніе было такъ значительно, что число не

участвовавшихъ въ вотированіи можетъ быть опредѣлено въ три пятыхъ всего числа избирателей. Въ особенности въ большихъ городахъ строго была выполнена условная мѣра. Такимъ образомъ изъ 14,000 избирателей въ Сарагоссѣ, только 72 принимали участіе въ вотированіи при выборѣ двухъ депутатовъ, предложенныхъ министерствомъ; послѣдніе однакожъ не осмѣлились вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Въ Барцелоу, едва-ли не самомъ просвѣщенномъ городѣ Испаніи, одинъ депутатъ былъ выбрауъ 26 голосами въ округѣ, состоящемъ изъ тысячи избирателей. Въ Мадридѣ изъ 6,800 избирателей было 1,900 подававшихъ голоса. Такимъ образомъ новый парламентъ будетъ находиться въ такихъ же условіяхъ, какъ и предшествовавшій ему; онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить истиннымъ представительствомъ страны и избирательнаго сословія; онъ не можетъ имѣть никакого политическаго значенія, и если будетъ существовать, то только подобно своему предшественнику, то есть, жизнью паразита и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, да и то едва-ли. Настоящее министерство, подобно тому, какъ и всѣ другія министерства, которыя съ нѣкотораго времени одно за другимъ падали въ Испаніи, находится въ состояніи такого рѣзкаго дуализма, который кончить тѣмъ, что разрушить его окончательно. Гонзалесъ, Браво и Лоренте, наименѣ реакціонерные изъ всего министерства, по прежнему грозятъ подать въ отставку и ихъ удаленіе было бы губительно для кабинета. Прогрессивная партія (прогрессивной въ Испаніи называется партія буржуазная, которая въ одинаковой степени расходится съ демократами и консерваторами), не желавшая принять участіе въ выборѣ, направляетъ свою дѣятельность въ другую сторону и составляетъ заговоръ. Если вѣрить обличеніямъ министерскихъ газетъ, она замышляетъ не только противъ министерства Нарваеца, но даже противъ королевской династіи. Притомъ прогрессисты, повидимому, окончательно пустились на удалю. Нѣсколько дней тому назадъ, органъ ихъ, называемый *l'Iberia*, напечаталъ списокъ всѣхъ развѣтвленій семейства Бурбоновъ, которыя вслѣдствіе различныхъ революцій, удалились въ изгнаніе. Наконецъ, упомянувъ, что вѣтвь испанская одна только сохранила еще престолъ, *l'Iberia* прервала свой рассказъ слѣдующей фразой: «продолженіе впредь!»

Газеты извѣстили насъ, что инфантъ донъ-Энрикъ, двоюродный братъ королевы и родной братъ короля, по распоряженію правительства отправленъ на Канарскіе острова. — Затѣмъ? съ какою цѣлью? тотчасъ же отсюда поднялись вопросы. Наконецъ дѣло разъяснилось такъ: донъ-Энрикъ обратился къ всемогущему Нарваецу съ просьбой повысить его изъ чина дивизионнаго генерала въ званіе маршала. Въ просьбѣ этой не было ничего особеннаго; всякій инфантъ испанскій на то и рождается, чтобы быть маршалою. Между тѣмъ Нарваецъ отказалъ просьбѣ инфанта. Вслѣдствіе этого онъ, Энрикъ, написалъ ему дерзкое письмо, за что жена его брата, королева Изабелла, отправила его прогуляться на Канарскіе острова. — Но отчего же инфантъ такъ настоятельно требовалъ и на какомъ основаніи Нарваецъ отказалъ ему въ такомъ ничтожномъ подаркѣ, какъ званіе и жалованье маршала Испаніи?

— А! въ томъ-то и сила; мы тутъ касаемся самой сущности дѣла; дѣло въ томъ, что донъ-Энрикъ, очарованный фотографическимъ портретомъ принцессы Мюратъ, которой присяиваютъ мужа, задумалъ представиться ей въ блестящемъ мундирѣ. Но семейство его не желало, чтобы молодой человѣкъ вступилъ въ бракъ, умаляющій его высокое происхожденіе... Но тутъ еще не все, и не въ этомъ заключалось самое главное. Семейство видѣло въ этомъ бракѣ значительное усиленіе положенія донъ-Энрика, котораго бонапартисты и прогрессисты могли бы сдѣлать кандидатомъ на испанскій престолъ, вмѣсто королевы Изабеллы.

Словомъ, эти несчастные прогрессисты поступаютъ точно также, какъ лягушки, просяція царя. Враги ихъ утверждали, будто въ самомъ дѣлѣ они нашли въ лицѣ донъ-Энрика короля, приходившагося имъ по сердцу.

Самое важное событіе настоящаго года и, можетъ быть, самое замѣчательное въ нашемъ вѣгѣ — это восторжествовавшее вторичное избраніе президента Линкольна. Хотя избиратели, назначенные въ народныхъ комисіяхъ, еще не послали свои выборныя рѣшенія въ запечатанныхъ конвертахъ сенату Соединенныхъ Штатовъ, но ихъ

требованія рѣшительны и, въ силу воли народной, десять одинадцатыхъ изъ ихъ числа должны были вотировать въ пользу нынѣшняго президента, вотировать за сохраненіе единства во что бы то ни стало и протестовать противъ рабства. Изъ двухъ сотъ тринадцати избирателей, назначенныхъ республиканцами, только двадцать одинъ стали на сторонѣ рабовладѣльцевъ и ихъ интересовъ. Такое громадное большинство въ пользу избраннаго кандидата ясно свидѣтельствуетъ о настроеніи страны. Кандидатура Манъ-Клеелана, какъ представителя рабовладѣльческой демократіи, потерпѣла вездѣ полное пораженіе. Только одинъ штатъ Кентуки съ своимъ населеніемъ, состоящимъ изъ плантаторовъ и полу-освобожденныхъ рабовъ, поддерживалъ гегерала противъ единодушно заявленной воли всей націи. Впрочемъ, даже въ Кентуки замѣтенъ значительный прогрессъ: въ этой странѣ, лѣтъ пять тому назадъ, всѣ, кого только подозрѣвали въ аболиціонизмъ, рисковали быть повѣшенными; между тѣмъ теперь треть голосовъ подана въ пользу сторонниковъ освобожденія негровъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что значеніе только-что одержанной побѣды необыкновенно важно; дѣло, которое восторжествовало въ Соединенныхъ Штатахъ, есть дѣло дорогое сердцу всѣхъ въ мірѣ, кто только высоко ставитъ свободу человѣка; наконецъ, этотъ громадный успѣхъ необходимо вызоветъ вслѣдъ за собой многіе другіе аналогическіе факты. Четыре года тому назадъ, народъ Соединенныхъ Штатовъ, въ лицѣ своихъ комицій, высказался въ пользу Линкольна, противъ Белля и Дугласа. Правда, что большинство, бывшее на сторонѣ республиканскаго кандидата, было только относительное: изъ 4,600,000 голосовъ, за него было 1,800,000; но тѣмъ не менѣе оны былъ избранъ и приговоръ націи получилъ свою силу. Что же сдѣлали Джеферсонъ-Дэвисъ и его сторонники? Они объявили, что не слышали этого голоса народа, на который сами такъ часто ссылались, и возмутились противъ этого большинства. Надѣясь побѣдить, они начали междоусобную войну, разорительную и гибельную; желая распространить свои «святыя учрежденія», то есть, деспотическую власть, они сами нанесли себѣ смертельный ударъ. Пораженія и неудачи слѣдовали однѣ за другими и наконецъ скоро наступитъ время стыда и униженія.

Въ настоящую минуту, послѣ трехъ съ половиной годовъ ожесточенной борьбы, на короткое время смолъ громъ пушекъ, съ цѣлью

дать возможность народу высказать свою волю посредствомъ выбора, и Линкольнъ, то есть, человекъ, котораго избраніе служило предлогомъ къ прекращенію военныхъ дѣйствій, избранъ на новый срокъ не относительнымъ, а безусловнымъ большинствомъ голосовъ, такъ что, если бы южные штаты принимали участіе въ выборѣ, то на сторонѣ Линкольна было бы, по крайней мѣрѣ, двѣ трети всѣхъ голосовъ. Важность всеобщаго избранія восстановлена. Имя, вызвавшее возмущеніе на югѣ, становится для всей республики залогомъ окончательнаго и прочнаго благоденствія въ близкомъ будущемъ.

Въ первый разъ случилось, что президентъ, родомъ изъ свободныхъ штатовъ, былъ избранъ вторично; въ первый разъ западные штаты, которые еще такъ недавно были пустынями, заявили свое будущее преобладаніе, представивъ самое значительное число голосовъ. Но не въ этомъ заключается главное торжество. Оно въ томъ, что въ первый разъ былъ поднятъ вопросъ объ уваженіи къ труду и къ работнику. Съ одной стороны, мы видимъ прежняго плотника и прежняго портного, двухъ людей, которые силою воли и терпѣнія пробили себѣ дорогу; съ другой стороны, предлагаетъ себя кандидатомъ личность, рожденная среди роскошной обстановки, отъ знатной шотландской фамиліи; господинъ этотъ, безукоризненно затянутый въ перчатки и многосвѣдущій въ искусствѣ расшаркиваться, — генералъ и съ давняго времени прозванъ многообъщающимъ именемъ: «молодой Наполеонъ». Говоря о приближающихся выборахъ, *Таймсъ* восклицалъ: «мы были бы изумлены, еслибъ американцы обезчестили себя на столько, чтобы предпочесть плебея *джентельмену*». Но избиратели Соединенныхъ Штатовъ положились болѣе на работника, чѣмъ на джентельмена. Что же касается ирландцевъ, католиковъ, которые ненавидятъ негровъ изъ-за соперничества по ремеслу, то они всѣ, безъ исключенія, подавали голоса въ пользу Магъ-Клеллана. Заговоры и беспорядки, которыми угрожалъ Вальдинггамъ во время выборовъ, оказались вздоромъ, и на всемъ протяженіи республики подача голосовъ происходила вполнѣ мирно и съ невозмутимымъ достоинствомъ.

Наконецъ необходимо еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что президентъ Линкольнъ въ этомъ второмъ избраніи является представителемъ гораздо болѣе широкаго принципа, чѣмъ въ первое избраніе. Въ 1860 году онъ былъ кандидатомъ партіи республиканцевъ, то есть, тѣхъ, которые не желали распространенія

рабства; въ 1864 году онъ избранникъ партіи аболіціонистовъ, то есть, тѣхъ, которые стремятся къ безусловному и немедленному уничтоженію рабства. Въ 1860 году республиканцы приобрѣли только относительное большинство голосовъ; но четыре года спустя, аболіціонисты одерживаютъ полную и блестящую побѣду. Такимъ образомъ возмущаніе южанъ благопріятно отразилось на сѣверѣ, упростивъ вопросы и уяснивъ пониманіе и чувства. Этотъ результатъ былъ ускоренъ вслѣдствіе безумнаго поведенія рабовладѣльцевъ; исходъ дѣла былъ губителенъ для нихъ и чрезвычайно благопріятенъ всему человѣчеству.

Изъ 4-хъ милліоновъ рабовъ, которые находились въ Соединенныхъ Штатахъ, полтора милліона сдѣлались уже свободными гражданами, и совершившіеся выборы въ Сѣверныхъ Штатахъ заявляютъ, что скоро будетъ свободно все населеніе негровъ. О томъ, какъ будетъ относиться Линкольнъ къ этому вопросу, мы можемъ судить по примѣру, подающему ему вновь избраннымъ вице-президентомъ Джонсономъ. За нѣсколько дней предъ своимъ избраніемъ, Джонсонъ созвалъ все цвѣтное населеніе на большую площадь капитолія въ Нашвилѣ. Это было ночью, при свѣтѣ факеловъ: «Цвѣтные люди, воскликнулъ онъ, вотъ уже два года, какъ президентскій декретъ объ освобожденіи возвѣстилъ міру, что рабы отдѣлившихся штатовъ объявляются свободными отнынѣ и на всегда. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, которыя показались президенту основательными, рабы штата Тенесси не были включены въ число освобожденныхъ. Многіе изъ васъ по прежнему оставались въ рабствѣ. Бичъ надсмотрщика еще не повѣшенъ на гвоздь и цѣпи еще гремятъ на ногахъ вашихъ братьевъ. Конечно, эти унизительныя явленія исчезаютъ мало по малу, но нынѣ наступилъ часъ, когда должны исчезнуть послѣдніе слѣды этой чудовищной несправедливости. На этомъ основаніи я, Андреасъ Джонсонъ, не сносясь съ президентомъ или какой-либо другой особой, считаю долгомъ объявить вамъ эту прокламацію и, на ступеняхъ капитолія, возвѣстить свободу полную и безусловную для всѣхъ безъ исключенія жителей Тенесси».

Эта прокламація составляетъ важное событіе; но все же это фактъ частный и мѣстный, и только будущій конгрессъ имѣетъ право сдѣлать это торжество полнымъ и окончательнымъ. Конгрессъ собирается въ май будущаго года. Такимъ образомъ нужно ждать четырехъ мѣсяца, пока этотъ билль снова будетъ предложенъ; но заранѣе

можно поручиться, что предложеніе будетъ принято большинствомъ двухъ третей голосовъ и получить единодушную санкцію народа, какъ высшей и верховной власти. Тогда рабство будетъ окончательно уничтожено и осуждено, какъ отвратительная и унижительная вещь, и не будетъ болѣе осквернять великой американской конституціи.

Послѣ послѣднихъ выборовъ правительство Линкольна еще сильнѣе можетъ дѣйствовать противъ рабства и противъ возмущенія южныхъ штатовъ. Опираясь на единодушное избраніе, оно смѣло можетъ продолжать требовать отъ американскаго народа: людей, милліоны денегъ и время. Нація, которая въ продолженіе самаго тяжелаго кризиса могла увеличить свое богатство, силу и значеніе, можетъ быть терпѣливой, потому что она не сомнѣвается въ своихъ силахъ.

Доказательствомъ того, какъ подъ вліяніемъ великихъ идей одушевляются отдѣльныя личности и до какихъ удивительныхъ размѣровъ вырастаетъ ихъ мужество, мы передадимъ одинъ изъ эпизодовъ американской войны:

Лейтенантъ Люшингъ недавно завоевалъ, при помощи двѣнадцати товарищей, обширныя внутреннія заливы Альбемарля и Роанокъ, а также города, расположенные по берегу залива. Какъ извѣстно, блиндированный корабль *Альбемарль* охранялъ эти внутреннія заливы и держалъ въ почтительномъ отдаленіи цѣлый флотъ канонерскихъ лодокъ, которыя нѣсколько разъ на него нападали безъ всякаго успѣха. Лейтенантъ Люшингъ постоянно мечталъ о средствахъ взорвать чудовище и открыть такимъ образомъ входъ въ заливъ кораблямъ Союза, но различные проекты, представленные имъ военному секретарю, были отвергнуты, какъ неудобноисполнимыя; всѣ они требовали громаднаго пожертвованія жизнью. Наконецъ Люшингъ изобрѣлъ что въ родѣ адской машины, которую можно было прикрѣплять къ нижней части непріятельскихъ судовъ посредствомъ двухъ желѣзныхъ рукавовъ въ пятнадцать футовъ длиною; онъ предложилъ правительству лично отправиться произвести оныя надъ своимъ военнымъ снарядомъ. Его великодушное предложеніе было принято и чрезъ нѣсколько дней, въ сопровожденіи двѣнадцати товарищей, изъ которыхъ почти всѣ были офицерами, онъ отправился привести въ исполненіе свой планъ.

Дѣло это было ночью, притомъ очень темной; гребцы безмолвно подвигались впередъ, придерживаясь берега. Такимъ образомъ они приблизились на нѣсколько сотъ метровъ къ чернѣющей массѣ *Альбемарля*, какъ вдругъ внезапный крикъ далъ имъ понять, что ихъ успѣли уже замѣтить. Тотчасъ же по берегу засвѣтились огни и пушки корабля, ружья часовыхъ и береговыхъ стражей направились противъ приближающейся лодки. Однако въ первыя минуты тревоги цѣлять плохо, такъ что ядра и пули непріятеля падаютъ вокругъ лодки, не причиняя ей ни малѣйшаго вреда. Люшингъ и его товарищи продолжаютъ грести дальше и приближаются къ кораблю на разстояніе двадцати метровъ; но тогда они замѣчаютъ, что корабль окруженъ пловучей оградой, составленной изъ скрѣпленныхъ между собою бревенъ. То появляясь, то исчезая въ густыхъ облакахъ порохового дыма, они кружатся около судна, стараясь найти проходъ, чрезъ который могли бы проинвнуть и припѣяться къ бортамъ желѣзнаго чудовища. Но, къ несчастію, сквозь ограду невозможно было проникнуть. Между тѣмъ все это время ихъ осыпаютъ цѣлымъ градомъ пуль. Наконецъ лейтенантъ Люшингъ приказываетъ своимъ товарищамъ грести назадъ и послѣ того со всей силы и быстро броситься къ кораблю. Лодка отчаливаетъ, потомъ стремится стрѣлою къ судну и, повредивъ свою переднюю часть, просканиваетъ сверхъ бревенъ; послѣ того большіе желѣзные захваты вытягиваются и опускаются, прикрѣпляя адскую машину къ подводной части *Альбемарля*. Люшингъ стрѣляетъ одной рукой изъ пистолета, другой сбрасываетъ съ машины капсулю. Но ему осталось неизвѣстнымъ, на сколько взрывъ пороха повредилъ судну. Въ тотъ самый моментъ, когда разорвало машину, ядро *Альбемарля* уничтожило лодку, убило большую часть людей, а остальныхъ побросало въ море. Люшингъ, раненный въ руку, плыветъ среди обломковъ и достигаетъ берега, гдѣ прячется въ кустахъ. Только спустя два дня, его нашелъ негръ, блѣднымъ, истомленнымъ и умирающимъ съ голоду, и объявилъ объ успѣхѣ его предпріятія. Корветъ, опрокинутый на бокъ, отовсюду наполнялся водой и пушки попадали въ воду. Спустя нѣсколько дней, союзный флотъ появился предъ Плимутомъ, который сдался почти безъ выстрѣла; другіе ближайшіе порты были тоже немедленно очищены.

Все это было чрезвычайно важно, потому что дозволило Гранту занять значительную часть сѣверной Каролины и такимъ образомъ

угрожать главнымъ сообщеніямъ, по которымъ провозилось продовольствіе въ Ричмонду. Но самыя замѣчательныя событія войны безспорно тѣ, которыя происходятъ въ настоящее время въ Георгіи. Уже извѣстно, какимъ образомъ городъ Атланта попался во власть федеральныхъ войскъ. Шерману удалось овладѣть этой крѣпостью только вслѣдствіе оплошности его противника, который ослабилъ себя, отправивъ часть своей арміи для того, чтобы угрожать тылу войскъ сѣверянъ и ихъ сообщеніямъ. Точно такую же ошибку сдѣлалъ Гудъ и другъ его Борегаръ, котораго ему прислали въ наперстники. Соблазненные легкой добычей, которую, какъ имъ казалось, представляли всѣ уединенные порты и всѣ блокаузы желѣзной дороги, на разстояніи 500 километровъ, соединившей армію Шермана съ городомъ Нашвилемъ, они направились къ сѣверу долинаю Тенесси. Побѣждая здѣсь, но побѣжденные тамъ отдѣльными отрядами, которые шли имъ на встрѣчу, они полагали, что заставятъ своего противника очистить всѣ завоеванныя позиціи; между тѣмъ забыли о томъ, что, направляясь къ сѣверу, тѣмъ самымъ открывали непріятелю прекрасныя равнины Георгіи, идущія по направлению къ Атлантическому океану. Ради успѣха, сомнительнаго и далеко неполнаго, они подвергали себя невознаградимому поражению. Шерманъ терпѣливо дѣлалъ приготовленія. Онъ началъ съ того, что заготовилъ въ Атлантѣ всѣ необходимыя продовольствія; послѣ того, надежно организовавъ армію генерала Томаса, который долженъ былъ остаться у него въ тылу и противодѣйствовать войскамъ Гуда, онъ сжегъ крѣпости и разрушилъ желѣзныя дороги, соединившія его съ сѣверными штатами, и смѣло бросился въ непріятельскую землю, чтобы достигъ береговъ Атлантическаго океана, отстоящаго болѣе чѣмъ на 500 километровъ, и такимъ образомъ выдвигать въ театръ войны штаты Виргініи и обѣихъ Каролинъ. Это предпріятіе отличается громаднѣйшею смѣлостью. Военно, страна, которую нужно пройти, наполнена непріятелями, прорѣзана рѣками, чрезъ которыя весьма затруднительны переправы, и со стороны моря въ ней очень много болотъ. Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что гверильдасы могутъ тревожить фланги арміи, опустошая мѣстность, по которой ей предстоитъ слѣдовать, задерживать ея при переходахъ въ ущельяхъ и переправахъ чрезъ рѣки и послѣ того могутъ отступить въ укрѣпленные города, находящіеся вдоль береговъ. Но Шерману нечего опасаться нападенія регулярной арміи, такъ какъ

Гудъ, увязшій въ тинистой долинѣ Тенесси, не осмѣлится пройти горами Алабамы и Георгіи, опасаясь преслѣдованія Томаса. Кроме того, сѣверянамъ всегда содѣйствуютъ негры, служа имъ проводниками, предупреждая о засадахъ, указываютъ склады продовольствія и сами вооружаются, увеличивая такимъ образомъ ихъ армію. Для время года - самое благоприятное для дѣйствія въ лѣсахъ песчаной почвы Георгіи, и флотъ Соединенныхъ Штатовъ, который находится предъ Чарльстоуномъ, также въ фортѣ Пюласки и въ архипелагѣ Бофоръ, не замедлитъ высадить войска въ окрестностяхъ Саванны; отряды эти могутъ содѣйствовать арміи Шермана, наступающей изъ долины Миссисипи. Какъ рады будутъ эти добрые солдаты запада, когда издали примѣтятъ голубья воды Атлантическаго океана!

Если Шерману удастся его предпріятіе, тогда штаты Миссисипи, Алабама и Георгіи будутъ отрѣзаны отъ горной конфедераціи; желѣзныя дороги разрушены, укрѣпленныя мѣста оставлены, и генералъ Гудъ будетъ вынужденъ дѣйствовать въ Алабамѣ, какъ простой предводитель гверильсовъ. Со времени взятія Вискбурга, это самый тяжелый ударъ, который былъ нанесенъ возстанію, и ироническое предвѣщаніе, сдѣланное одной газетой Ричмонда, сравнившей всю конфедерацію съ жертвой, которую Грантъ держитъ за рога, въ то время, когда Шерманъ вонзаетъ ей шпагу въ сердце, — быть можетъ, легко осуществится въ дѣйствительности.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Шерманъ оставилъ за собой укрѣпленный городъ Маконъ, занялъ Миледжвилъ, главный городъ штата, разрушилъ центральную станцію Гордонъ, гдѣ соединялись желѣзныя дороги Мобила, Атланты и Саванны. Это была послѣдняя желѣзная дорога, соединявшая Ричмондъ съ юго-западными штатами возмущившейся конфедераціи. Слухи носятъ даже, что Шерманъ приблизился на разстояніе 6 миль отъ Миллена, въ которомъ находится нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Въ такомъ случаѣ оказывается, что Шерманъ торжественно прошелъ двѣ трети пространства, отдѣляющаго Атланту отъ Саванны; ему остается еще переправиться черезъ рѣку Огико и тогда онъ можетъ направиться куда вздумаетъ: къ устьямъ Саванны или къ устьямъ Огею.

Многіе думали объяснить успѣхи Шермана уступчивостью вице-президента Стефенса и Броуна, губернатора Георгіи. Мы не думаемъ, чтобы эти личности дѣйствительно виновны были въ измѣнѣ своему дѣлу. Но, если бы это было и правда, то служило бы доказатель-

ствомъ, что успѣхъ возстанія кажется имъ невозможнымъ; повидимому, они бы сдались добровольно, чтобы въ послѣднія минуты не быть къ тому принужденными силою. Какъ бы то ни было, но очень вѣроятно, что приближается минута, когда президентъ Линкольнъ можетъ сдѣлать торжественный призывъ къ примиренію. Тѣ, которые согласны присоединиться къ союзу, войдутъ въ составъ его, сохранивъ всѣ свои политическія права, но отказавшись отъ рабовъ; если же кто намѣренъ сопротивляться до конца, конечно будетъ подавленъ, но въ такомъ случаѣ они сами будутъ виною своихъ заслуженныхъ бѣдствій.— Пусть лучше погибнутъ тысячи свободныхъ людей, чѣмъ останется хоть одинъ рабъ на американской землѣ, — такъ думаетъ лучшая часть американскаго общества.

Жакъ Ласарень.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

къ № 11.

- Въ Пензу въ Библиотеку для Чтенія Виноградову.** Жалоба Ваша на неполученіе другого экземпляра №№ 6 и 7 была сообщена въ Газ. Экспедицію, которая отвѣтила, что означенные №№ были посланы Вамъ въ двухъ экз. 29 сентября. №№ 6 и 7 посланы Вамъ *вторично*.
- Въ ст. Новоиколаевскую г. Самсонову.** Жалоба Ваша на неполученіе № 8 была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что означенный № былъ посланъ Вамъ 8 октября, при описи на Харьковъ, за № 41-мъ. № 8 посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Нерчинскъ г. Череломову.** Жалоба Ваша на неполученіе №№ 5 и 9-го за 1863 годъ была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 5 былъ посланъ 24 іюня, а № 9-й 28 октября 1863 года. Означенные №№ посланы Вамъ *вторично*.
- Въ Малоярхангельскъ г-жѣ Масоніусъ.** Жалоба Ваша на неполученіе № 4-го была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 4-й былъ посланъ 1-го іюня, при описи на Орель, за № 71-мъ. Означенный № посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Каменскій заводъ г. Иванову.** Жалоба Ваша на неполученіе № 8 была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 8 былъ посланъ Вамъ 12 октября, при описи на Екатеринбургъ, за № 75. Означенный № посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Юрьевъ-Польскій г. Сиверсу.** Жалоба Ваша на неполученіе №№ 8 и 9 была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 8 посланъ Вамъ 8 октября, за № 27, а № 9 ноября 12-го, за № 28. Означенные №№ посланы Вамъ *вторично*.
- Въ Москву г. Капринскому.** № 9-й былъ посланъ Вамъ по старому адресу—въ Фатежъ. Онъ посланъ Вамъ редакціею *вторично* въ Москву.
- Въ Ливны г. Кривцову.** Жалоба Ваша на неполученіе №№ 8, 9 и 10 была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 8 посланъ Вамъ октября 12, за № 82-мъ; № 9 ноября 12, за № 80-мъ; № 10 декабря 14, за № 80-мъ. №№ 8 и 9 посланы вамъ *вторично*.
- Въ Бѣлополье г. Филиппенко.** Жалоба ваша была сообщена Газ. Эксп. которая отвѣтила, что № 3 былъ посланъ Вамъ 23 апрѣля, при описи на Курскъ, за № 49. № 3 посланъ Вамъ *вторично*.

- Въ Курганъ г. Балакишину.** Жалоба Ваша была сообщена въ Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 8 посланъ 12 октября, при описи на Тюмень, за № 73. № 8 посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Хелмъ г. Хомякову.** Жалоба Ваша была сообщена въ Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 9 посланъ Вамъ 12 ноября, при описи на Варшаву, за № 1-мъ. № 9 посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Славянскъ г-жѣ Бантышъ.** Жалоба Ваша на неполученіе № 9-го была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 9 посланъ Вамъ 12 ноября, за № 42. Если Вы по настоящее время не получили его, то уведомяте редакцію,—она вышлетъ Вамъ его *вторично*.
- Въ Лохвицы г. Сокольскому.** Ваша жалоба сообщена Газ. Эксп. № 6 посланъ Вамъ *вторично*.
- Въ Новую Прагу г. Торчинскому.** №№ 10, 11 и 12 за 1863 годъ посланы вамъ *вторично*.
- Въ Нерчинскъ г. Заблоцкому.** № 2-й посланъ Вамъ *вторично*.
-

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

А. ЧЕРНИНА и К^о

на Рождественскѣ, въ д. Торлецкаго, въ Москвѣ.

Библиотека для иногородныхъ заключаетъ въ себѣ русскія книги по части: Богословія, Философіи, Педагогикѣ, Политической экономіи, Исторіи, Путешествій, Промышленности, Сельскаго и Городскаго хозяйства, Медицины, Естествовѣдѣнія, Словесности: романовъ, повѣстей и драматическихъ сочиненій; главные русскіе журналы, а именно: Библиотеку для чтенія, Отечественныя записки, Русское слово, Русскій Вѣстникъ, Современникъ и Время, которые также вошли въ составъ библиотеки для иногородныхъ, но не въ томъ видѣ, какъ они выходятъ, а раздѣлены по статьямъ и отдѣламъ для удобства въ пересылкѣ по почтѣ.

Вновь выходящія книги по всѣмъ вышеозначеннымъ отдѣламъ, а также и журналы поступаютъ въ Библиотеку для иногородныхъ черезъ шесть мѣсяцевъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. За текущей и слѣдующей года Библиотека получаетъ и будетъ получать, кромѣ вышеозначенныхъ журналовъ: Русскую Сцену, Заграничный Вѣстникъ и Эпоху.

Впослѣдствіи будетъ составленъ полный печатный каталогъ всѣмъ книгамъ и статьямъ журналовъ, заключающихся въ Библиотеку для иногородныхъ; до того же времени, для гг. иногородныхъ подписчиковъ можетъ служить каталогъ нашей главной Московской Библиотеки, за исключеніемъ небольшой части книгъ, которыя не вошли въ библиотеку для иногородныхъ. Цѣна этому каталогу 25 к. съ перес. 40 к.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

1) За чтеніе книгъ съ пересылкою по почтѣ *одинъ разъ въ мѣсяцъ*: за годъ 9 руб., за полгода 5 р., за три мѣс. 3 р.

2) За чтеніе книгъ съ пересылкою по почтѣ *два раза въ мѣсяцъ*: за годъ 12 руб., за полгода 7 р., за три мѣс. 4 р.

Залогъ *пять* или *десять* руб.

Книгъ отпускается на сумму залога, которыя обмѣниваются на другія книги по 1-му абонементу *одинъ разъ въ мѣсяцъ*, а по 2-му—

два раза въ мѣсяцъ. Обратная пересылка книгъ въ Библіотеку дѣлается на счетъ подписчика.

Книги высылаются для чтенія во всѣ мѣста кругомъ Москвы не далѣе 800 верстъ разстоянія.

Начало подписки считается со дня полученія денегъ, слѣдующихъ за чтеніе, и залога; но разсчитывая время, какое необходимо должно уйти въ дорогѣ на пересылку книгъ изъ Библіотеки и обратно, дается мѣсяцъ граціи, т. е. мѣсяцъ сверхъ срока абонимента, за который плата за чтеніе не полагается.

Подписка на *одинъ* и *два* мѣсяца не принимается.

При подпискѣ и высылкѣ денегъ въ Библіотеку слѣдуетъ высылать списокъ требуемыхъ книгъ для чтенія и полный адресъ подписчика, т. е. званіе, имя и фамилію и мѣсто жительства подписчика, куда слѣдуетъ высылать книги.

Въ списокѣ требуемыхъ книгъ назначается послѣднихъ по каталогу библіотеки какъ можно болѣе, и не менѣе *двадцати* званій на тотъ случай, если въ библіотекѣ нѣтъ въ этотъ разъ первыхъ №№ книгъ по списку, то можно бы было замѣнить ихъ вторыми и т. д. Этотъ списокъ требуемыхъ книгъ дополняется подписчикомъ ежемѣсячно въ особыхъ запискахъ; которыя могутъ бытъ высылаемы при возвращеніи книгъ.

Книги, отпускаемыя изъ библіотеки и принимаемыя обратно, будутъ тщательно разсматриваемы конторой библіотеки. Книги попорченныя и съ не полными листами отпускаться не будутъ, въ такомъ же видѣ онѣ должны возвращаться въ библіотеку; въ противномъ случаѣ, если библіотечныя книги будутъ въ чемъ нибудь испорчены подписчикомъ и присланы въ библіотеку, то онѣ ему опять возвращаются обратно съ вычетомъ за нихъ денегъ изъ залога.

Во время абонимента, чтобы не терять времени безъ книгъ, подписчикъ имѣетъ право не всѣ возвращать библіотечныя книги, а часть изъ нихъ оставлять у себя въ запасѣ до полученія новой посылки книгъ изъ библіотеки.

Книги въ библіотеку могутъ быть возвращаемы для обмѣна на другія во всякія числа мѣсяца, по усмотрѣнію подписчика, но не чаще *одного* раза въ мѣсяцъ при первомъ абониментѣ и двухъ разъ при второмъ. Изъ Библіотеки будутъ высылаются книги безъ задержки съ первою отходящею почтою.

По окончаніи подписки въ библіотекѣ и при возвращеніи въ нее

всѣхъ ея книгъ, залогъ возвращается подписчику по востребованію его съ первою отходящею почтою на счетъ библіотеки.

О дополненіи библіотеки, какъ Московской, такъ и для иногородныхъ и о всемъ, что ихъ касается, будетъ сообщаться въ библіографическомъ листкѣ подъ названіемъ «Книжникъ». Этотъ листокъ предлагается издавать съ 1865 года ежемѣсячно и будетъ посвящаться исключительно библіографіи и вообще книжному дѣлу. Полная программа этого изданія будетъ объявлена особо.

Всѣ требованія слѣдуетъ адресовать:

въ Москву, въ Библіотеку *Анатолія Федоровича Черенина* и К^а.

—
ОБЪ ИЗДАНИИ НА 1865 ГОДЪ

СОБРАНИЕ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

будетъ издаваться и въ 1865 году по прежней программѣ. Десятилѣтнее существованіе журнала достаточно показываетъ, что изданіе это удовлетворяетъ требованіямъ читателей. Главная причина успѣха заключается въ томъ, что, при бѣдности отечественной беллетристики и при относительномъ богатствѣ иностранной, особенно англійской литературы, «Собраніе» представляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ другіе журналы, матеріаловъ для легкаго чтенія.

О новости и разнообразіи журнала можно судить по списку произведеній, помѣщенныхъ въ десяти книжкахъ «Собранія» за нынѣшній годъ

РОМАНЫ.

съ англійскаго:

Блудный Сынъ. *Деттона Кука*.—Королева Мэбъ. *Джуди Кэвана*.—Эшлидэйятскій призракъ. *Мистриссъ Генри Удъ*.—Бѣлая рука и черный палець.—*Генри Денбэръ*. *Мистриссъ Бреддонъ*.—Капризы и любовь. *Джорджіаны Крэкъ*.

съ французскаго:

Молодость Генриха IV, заключающая въ себѣ пять романовъ:—Прекрасная ювелирша.—Герцогъ Гизъ.—Прекрасная Коризандра.—Клятва четырехъ валетовъ.—Варфоломеевская ночь.—Механикъ *Ксаве де-Монтенена*.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

съ англійскаго:

Женщина, которую я любилъ, и женщина, которая любила меня.—Заживо похороненные.—Бриллиантовый браслетъ.—Неожиданное приглашеніе.—Живая покойница.—Три картины. Местъ мистриссъ Бошанъ.—Привидѣнія новѣйшихъ временъ.—Казнь маіора Стрэнджуэйза.—Подарокъ на Рождество.—Бѣшенныя собаки.—Романическія выписки изъ исторіи Англии.—Недостатки моего воспитанія.—Деггенъ и его шайка.—Касиръ моего дяди.—Ночной сторожъ.—Кошачій жиръ.—Перемѣна головъ.—Душеприкащикъ.—Историческія выписки.—Свидѣтельница.—Мятель.—Возвращеніе съ преддверія того свѣта.—Канунъ Иванова дня. Доктора-Ирландца.—Домашній воръ. *Уильки-Коллинза*.

съ французскаго:

Пятнадцать лѣтъ спустя. *Поля Геіза*.—Исторія мадмоазель де-Сомбрейль.—Справедливое наказаніе. *Поля Бокуга*.—Опекунъ.—Тюремное заключеніе за долги и по любви. *Оскар Коммэтана*.

съ нѣмецкаго:

Капуцинъ.—Восковыя свѣчи. *Георга Гилтла*.

съ венгерскаго:

Мнимая болѣзнь.

съ шведскаго:

На скользкомъ пути. *Монса Монсона*.

съ датскаго:

Тайный свидѣтель.

«Собраніе» будетъ выходить въ первыя числа каждого мѣсяца, книжками не мѣнѣе двадцати-пяти печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, 8 р. 50 к., а съ доставкою на домъ или съ пересылкою по почтѣ—10 р. с.

Подписка принимается исключительно въ Конторѣ «Собранія Романовъ», въ С. Петербургѣ, на Михайловской Площади, въ домѣ Жербина, и въ Газетной Экспедиціи С.Петербургскаго Почтамта.

ВЪ 1865 ГОДУ БУДЕТЪ ПРОДОЛЖАТЬСЯ ИЗДАНИЕ

ЖУРНАЛА

ДѢЛО И ОТДЫХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ И ДѢВОЧЕКЪ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ
ОТЪ МЛАДШАГО ДО СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Убѣдившись въ бѣдности нашей литературы относительно дѣтскаго чтенія и имѣя въ виду богатый запасъ статей, по этому предмету, въ литературахъ образованныхъ западныхъ европейскихъ народовъ (особливо въ англійской), мы рѣшились съ перваго января 1864 года издавать журналъ «Дѣло и Отдыхъ». Цѣлью его было доставленіе дѣтямъ легкаго, полезнаго и занимательнаго чтенія, которое бы постепенно развивало ихъ умъ и обогащало его разнообразными свѣдѣніями, безъ всякаго принужденія и усилій, не въ формѣ уроковъ, а въ видѣ развлеченія и забавы. Англійскіе и нѣмецкіе педагоги давно признали пользу дѣтскихъ журналовъ, которые должны служить дополненіемъ къ школьному образованію и, развивая незамѣтно дѣтскій умъ, сообщать ему множество полезныхъ фактовъ и свѣдѣній, усвоивающихся безъ всякаго труда, благодаря занимательности формы, ясности и интереса своего содержанія. Съ этой цѣлью мы обезпечили для «Дѣла и Отдыха» постоянное сотрудничество нѣсколькихъ извѣстныхъ писателей и ученыхъ, какъ для составленія статей оригинальныхъ, такъ и для выбора изъ иностранныхъ литературъ всего лучшаго и достойнѣйшаго вниманія нашихъ юныхъ читателей. При этомъ редація считаетъ долгомъ заявить, что, хотя нашъ журналъ назначенъ собственно для дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, но въ немъ пайдется много полезнаго и любопытнаго даже для старшаго возраста. Какъ часто случается встрѣчать не только юношей, но и взрослыхъ образованныхъ людей, имѣющихъ довольно не удовлетворительныя понятія о многихъ предметахъ вседневной жизни и явленіяхъ окружающей насъ природы. Еще недалеко отъ насъ то время, когда объясненія такихъ явленій и предметовъ считались доступными только для получившихъ уже довольно обширное научное образованіе, но въ наше время опытъ показалъ, что большая часть естественныхъ фактовъ и законовъ природы доступна дѣтскому пониманію и притомъ сильно способствуетъ развитію ума и подготовленію его къ самымъ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Вся тайна заклю-

чается въ ясности и занимательности изложенія. Имѣя въ виду эти условія, редакція приняла за правило постоянно говорить простымъ, легкимъ, правильнымъ разговорнымъ языкомъ, принаравляясь къ дѣтскимъ понятіямъ, но не поддѣлываясь подъ дѣтскія выраженія, вредящія ясности и занимательности разсказа. Мы надѣемся, что общедоступность и интересъ содержанія нашихъ статей увлечетъ и удовлетворитъ нашихъ читателей, принося вмѣстѣ и удовольствіе, и пользу.

Не теряя изъ виду, что журналъ нашъ долженъ служить пріятнымъ спутникомъ и дополненіемъ къ класному (не всегда привлекательному) ученію, а потому назначается для весьма многочисленныхъ читателей, мы назначили ему весьма умѣренную цѣну, такъ чтобъ и недостаточные родители могли замѣнить имъ покунку очень дорогихъ у насъ дѣтскихъ книгъ и не рисковали ошибиться въ выборѣ чтенія для дѣтей, что составляетъ не послѣднее условіе при малоразитости нашей дѣтской литературы. Редакція, при помощи своихъ сотрудниковъ, не будетъ щадить трудовъ для того, чтобы выборъ и изложеніе статей были безукоризненны. Само дѣло покажетъ, въ какой степени мы достигнемъ этой цѣли; во всякомъ случаѣ, мы будемъ трудиться усердно и добросовѣстно.

Если число подписчиковъ на «Дѣло и Отдыхъ» дастъ малѣйшую возможность, то, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаться полнотипажные и литографическіе рисунки, наглядно поясняющіе разказанное въ текстѣ, что особенно полезно въ статьяхъ о явленіяхъ природы или о предметахъ естествознанія. Въ одиннадцати вышедшихъ книжкахъ «Дѣла и Отдыха» помѣщены слѣдующія статьи:

ОРИГИНАЛЬНЫЯ:

Гетманъ Степанъ Остряница. Историческій разказъ 1638 г.—

Разина.

Четыре дня разореннаго года. Историческій разказъ 1812 г.

Разина.

Стихотвореніе *Майкова*.—Письмо двухъ институтокъ. — *К. Мкина*.—Порубежники. Историческій разказъ *П. Кушша*.—Семейное преданіе. Н. К.—Крестьянская бесѣда по естествознанію, съ примѣненіемъ къ хозяйству.

ПЕРЕВОДНЫЯ:

Записки пажа Чернаго Принца.—Исаакъ Ньютонъ.—Любимецъ турецкаго паши.—Игры.—Каучукъ и гуттаперча.—Полетъ ласточекъ.—Бѣлыя мыши.—Приключенія Рюбина Дэвиджера.—Южно-африканскій слонъ.—Лукавство грачей.—Ка-

тапье на конькахъ.—Ночь въ обсерваторіи.—Первый долгъ.—Ужасный случай.—Корзина ветошника.—Собаки.—Мое первое и самое ужасное приключеніе.—Еще ночь на обсерваторіи.—Безполезные труды.—Отворенная дверь.—Невѣрно положенный кирпичъ.—Недовольная пчела.—Королекъ.—Мальчикъ и птичье гнѣздо.—Два правила.—Мальчикъ и паукъ.—Счастливецъ тотъ, кто даетъ, чѣмъ тотъ, кто получаетъ.—Чудеса земли, воды и неба.—Каждою минутою слѣдуетъ дорожить.—Птичьи гнѣзда.—Умная собака.—Дѣйствіе примѣра.—Новый годъ въ Китаѣ.—Замѣчательный примѣръ памяти въ реполовѣ.—Несчастный случай при охотѣ на бѣлаго медвѣдя.—Воспомнаніе о школьной жпзни.—Ужение рыбы.—Дядя Бодзь.—Добрый принципъ.—Игры.—О разведеніи насекомыхъ.—Искусство плаванія.—Добро за зло.—Память матери.—Умная лошадь.—Не удался одинъ урокъ, такъ попробуй дать другой.—Мощъ деревенскіе питомцы.—Черная пантера.—Бѣлая женщина.—Переселеніе угрей.—Паукъ.—Моллива на берегу моря.—Дубы, сажаемые бѣлками.—Драгоценное маленькое растеніе.—Изъ письма Франклина.—Сила воли—первое условіе успѣха.—Полезная дѣятельность миссіонеровъ.—Бѣлка.—Голубь.—Горячіе уголья.—Охота за бабочками.—Пикникъ.—Между куду и буйволомъ.—Похожденія во время путешествія по Индіи.—Дневникъ доктора Перегрина.—Пробки.—Неумѣстная отважность.—Ночная тревога.—Соя.—Другъ заключеннаго.—Добрый сынъ.—Вращеніе земли, доказанное берегами рѣкъ.

съ французскаго:

Кошка вонъ, мышка въ домъ.—Откуда произошла басня Лафонтена: Муха и дорожные.

съ нѣмецкаго:

Стихотвореніе: Мужъ и жена (изъ Гете), переводъ Ф. Берга. Островъ Хуан-Фернандесъ.—По поводу топки печей.

съ шведскаго:

Великодушіе короля Оскара.—Стѣна св. Мартына въ Тиролю.—Три указателя на одной стѣнѣ.—Комета 1680.—Ловля кречетовъ.

«Дѣло и Отдыхъ» выходитъ въ первыхъ числахъ каждыя мѣсяца, книжкамп отъ восьми до десяти печатныхъ листовъ Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 кнвгъ, 5 р. 50 к., а съ доставкою на домъ и пересылкою по почтѣ—6 руб. с.

Подписка принимается исключительно въ Конторѣ «Собрація Романовъ», въ С. Петербургѣ, на Михайловской Площади, въ домѣ Жербина, и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

ВЪ 1865 ГОДУ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1865 ГОДУ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА, КАСАЮЩІЯСЯ ДО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.— II. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СО ВСѢМИ ОТРАСЛЯМИ. III. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.— IV. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ МЕХАНИКА: Теорическія статьи и описанія всѣхъ новыхъ сельско - хозяйственныхъ машинъ, орудій и снарядовъ. — V. СЕЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА, ГИГИЕНА И ВЕТЕРИНАРІЯ. — VI. БИБЛЮГРАФІЯ ВЫХОДЯЩИХЪ ПО ЧАСТИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА КНИГЪ. VII. Біографіи хозяевъ и агрономовъ русскихъ и иностранныхъ хозяйственная лѣтопись: VIII. Обзорѣнія экономическихъ и хозяйственныхъ событій въ Россіи и за границей.— IX. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ ПОГОДЫ— О ВИДАХЪ НА УРОЖАЙ, О СБОРѢ ХЛѢБОВЪ, СѢНА, ОГОРОДНЫХЪ И САДОВЫХЪ ПЛОДОВЪ, СВЕКЛОВИЦЫ, ТАБАКУ, ШЕЛКА, ШЕРСТИ И ПРОЧ. ВЪ РОССІИ И ВЪ ДРУГИХЪ СТРАНАХЪ.— X. ТОРГОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.— XI. ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.— XII. ОБЪЯВЛЕНІЯ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ.

рисунокъ будутъ помѣщаемы въ каждомъ номерѣ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА выходитъ *ежедневно* въ 4-ю долю листа большого формата, въ 2 столбца, въ 16 страницъ.

По примѣру 1863 и 1864 года Редакція ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ издастъ въ началѣ 1865 года

ВСПОМОГАТЕЛЬНУЮ КНИЖКУ ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ НА 1865 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ ТРИ руб. съ пересылкою и доставкою, а вмѣстѣ съ Вспомогательной книжкою для сельскихъ хозяевъ въ каленкоровомъ переплетѣ ЧЕТЫРЕ руб., также съ пересылкою и доставкою.

Подписка на ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ принимается въ С. Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина и И. Ф. Келчевскаго, на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви.

Иногородные могутъ адресовать: *Въ Редакцію* ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.— *Въ С.-Петербургъ.*

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ОРУЖЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ“

въ 1865 году.

Вступая въ пятый годъ своего существованія, Оружейный Сборникъ будетъ неуклонно идти къ предполагаемой намъ при началѣ цѣли — распространять полезныя свѣденія о ручномъ оружіи, разрабатывать вопросы, касающіеся этого оружія, служить органомъ для обмена мыслей по дѣлу оружія и его употребленія.

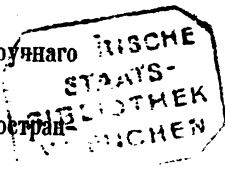
Конечно, для достиженія этой цѣли необходимо сочувствіе и содѣйствіе нашего воинскаго общества, которое своими замѣчаниями, основанными на практическомъ знакомствѣ со многими вопросами, относящимися до оружія, можетъ уяснять нѣкоторыя стороны этихъ вопросовъ, неразрѣшаемыхъ теоретическимъ путемъ.

Поэтому всякое полезное заявленіе, согласное съ программой журнала, найдетъ мѣсто на страницахъ его.

Редакція, со своей стороны, употребитъ все усиліе къ исполненію принятаго на себя обязательства и надѣется, при содѣйствіи лицъ, интересующихся оружіемъ и слѣдящихъ за его развитіемъ, постепенно улучшать журналъ на основаніи данныхъ, указанныхъ опытомъ.

Съ 1865 года, между прочимъ, будетъ обращено особое вниманіе на библиографическій отдѣлъ и съ этою цѣлію будетъ постоянно помѣщаться списокъ вновь появляющихся на разныхъ языкахъ сочиненій, по ручному оружію, по возможности, съ отзывами о нихъ и съ подробными разборами наиболее замѣчательныхъ. Составъ журнала будетъ по прежнему слѣдующій:

- 1) Постановленія и распоряженія правительства, касающіяся ручнаго оружія и перечень занятій Оружейной Коммисіи.
- 2) Свѣденія о вооруженіи войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ, и описаніе новыхъ наиболее замѣчательныхъ системъ.

3) Вопросы по вооруженію и обученію войск и по употребленію оружія. Военное обозрѣніе русское и иностранное.

4) Свѣденія о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по части военного и охотничьяго оружія; оружейная техника, устройство различныхъ оружейныхъ заводовъ; починка оружія въ полкахъ; содержаніе оружія на службѣ и другіе вопросы, касающіеся оружія и бібліографія.

5) Смѣсь, гдѣ будутъ помѣщаемы различныя мелкія статьи и извѣстія о военномъ и охотничьемъ оружіи.

Оружейный Сборникъ выходитъ четыре раза въ годъ: въ мартѣ, юнѣ, сентябрѣ и декабрѣ, книжками около 15 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе остается безъ перемѣны: въ С. Петербургѣ, безъ доставки 6 р. сер., съ доставкою и пересылкою 6 р. 50 к. сер.

Гг. служащіе могутъ выписывать журналъ чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою платежа по третямъ.

Отдѣльныя книжки журнала не продаются.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова, и въ столичныхъ почтамтахъ.

Оставшіеся экземпляры Оружейнаго Сборника съ 1861 года можно получать у всѣхъ книгопродавцевъ, а равно и въ конторѣ журнала, по цѣнѣ: за 1861 годъ безъ доставки 2 р. 50 к. съ пересылкою 3 р., а за остальные года безъ доставки 6 р., съ пересылкою 6 р. 50 к., съ разсрочкою, для служащихъ, по третямъ.

Желающіе помѣщать свои статьи благоволятъ доставлять ихъ въ контору журнала чисто и четко переписанными; чертежи и планы къ статьямъ должны быть сдѣланы, по возможности, въ форматъ изданія. Редакціи должно быть извѣстно имя и мѣсто жительства автора, безъ чего статьи не могутъ быть помѣщаемы. Статьи, почему либо не помѣщенные въ журналъ, возвращаются авторамъ, по ихъ востребованію, безъ всякихъ объясненій о причинѣ непомященія. Плата за статьи: оригинальныя — 40 р. сер., а за переводныя 16 р. сер. за печатный листъ.⁵⁵

Редакторы: **В. Вестужевъ-Рюминъ.**
В. Чебышевъ.

Вышелъ первый томъ сочиненій

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО,

а второй томъ будетъ выпущенъ черезъ недѣлю. Цѣна обоимъ томамъ, въ 12-ю д. около 40 листовъ, съ біографіею и портретомъ автора 2 р. 50 к.

Для подписчиковъ „РУССКАГО СЛОВА“ дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны. На пересылку прилагается особо отъ 25—50 к.

Такъ какъ романъ Антонія Троллопа: «Винвата-ли она?» перейдетъ на слѣдующій годъ, то первыя главы этого романа будутъ выданы новымъ подписчикамъ въ видѣ особаго приложенія.

Въ прошлой книжкѣ вкрались слѣдующія корректурныя ошибки: въ статьѣ — *Славянофилы побѣдили* на стр. 59 напечатано «нельзя выбрать ни у одного этихъ изъ журналѣ публицистовъ ни единого слова» — надо читать: «нельзя выбрать ни у одного изъ этихъ публицистовъ ни единого слова». На стр. 70 напечатано: «spolia optima» — надо читать: «spolia optima».

При этой книжкѣ прилагаются слѣдующія объявленія: 1) Объявленіе «Русскаго Слова» въ 1865 году. 2) Библіотека для иногороднихъ. А. Черенина и К°. 3) Объявленіе въ 1865 году «Собранія иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ.» 4) Объявленіе журнала: «Дѣло и Отдыхъ. 5) «Земледѣльческой газеты». 6) Оружейнаго Сборника; 7) Книжника; 8) Журнала Мин. Юстиціи; 9) Военнаго Сборника; 10) Русскаго ремесленника 11) Учителя; 12) Объявленіе отъ книжнаго магазина Крашенникова; 13) Объявленіе отъ художественной мастерской.

РУССКОЕ СЛОВО

въ 1865 году

будетъ выходить каждый мѣсяць, книжками отъ 25 до 30 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ пересылки . . . . . 12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой . . . . . 14 . . . . .

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ *С.-Петербургѣ*, въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Дмитровскомъ переулкѣ д. № 16 кв. № 7; въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, и въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова. Въ *Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ А. О. Черенина (на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго).

При главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА» продаются слѣдующія изданія графа Г. А. Куселева-Безбородко:

- Сочиненія А. Островскаго, Спб. 1859 г. въ 2 т. 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.
- Сочиненія А. Майкова, Спб. 1858 г. въ 2 т. 2 р. съ пересылкою 2 р. 50 к.
- Сочиненія Л. Мея, Спб. 1862 г. 3 т. цѣна всѣмъ тремъ томамъ 3 р.; съ пересылкой 4 р.
- Сочиненія И. Панаева, Спб. 1863 г. 4 т. 3 р.; съ пересылкой 4 р.
- Новѣсти и рассказы М. Л. Михайлова: Въ провинціи. Спб. 1862 г. въ 2 т. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 25 к.

Памятники старинной русской литературы, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 2 р. а съ пересылкой 3 р.

Рисунки Боклевскаго, представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, въ 6 выпускахъ.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому — 1 р. безъ пересылки, съ перес. 1 р. 25 к., за всѣ 6 выпусковъ 5 р. безъ перес., и 6 р. съ пересылкой.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на поминутныя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20% съ продажной цѣны.

ИЗДАТЕЛЬ

Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

РЕДАКТОРЪ

Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ.